

АНТОЛОГИЯ МЫСЛИ

ЛЕВ
ГУМИЛЕВ

Этногенез
и биосфера Земли

Annotation

Знаменитый трактат «Этногенез и биосфера Земли» — основополагающий труд выдающегося отечественного историка, географа и философа Льва Николаевича Гумилева, посвященный проблеме возникновения и взаимоотношений этносов на Земле. Исследуя динамику движения народов, в поисках своей исторической идентичности вступающих в конфликты с окружающей средой, Гумилев собрал и обработал огромное количество научных и культурологических данных. В этой переведенной на многие языки уникальной книге, которую автор считал своим главным произведением, сформулированы и подробно развиты основные положения разработанной Л. Н. Гумилевым теории этногенеза и учение о пассионарности.

- [Лев Гумилев](#)
 - [Введение](#)
 -
 - [Боязнь разочарования](#)
 - [Этносы как форма существования вида homo sapiens](#)
 - [Предмет исследования](#)
 - [Экскурс в философию](#)
 - [Человечество как вид homo sapiens](#)
 - [Определения понятия «этнос»](#)
 - [Часть первая](#)
 -
 - [I. О полезности этнографии](#)
 - [Несходство этносов](#)
 - [Запутанность применяющейся терминологии](#)
 - [Обобщения и скрупулюсы](#)
 - [Рамки](#)
 - [У историка без географии встречается «претыкание»](#)
 - [II. Природа и история](#)
 - [Сочетание природоведения и истории](#)
 - [Формации и этносы](#)
 - [Можно ли верить историческим источникам?](#)
 - [Можно ли верить памятникам?](#)
 - [III. А есть ли этнос?](#)

- [Признака для определения этноса нет](#)
- [Этнос — не общество](#)
- [Язык](#)
- [Идеология и культура](#)
- [Происхождение от одного предка](#)
- [Этнос как иллюзия](#)
- [Между западом и востоком](#)
- [Страна и народ без имени](#)
- [«Этнос» — сочинение С. М. Широкогорова](#)
- [«Состояния» и «процессы»](#)
- [Часть вторая](#)
 -
 - [IV. Этнос и этноним](#)
 - [Имена обманчивы](#)
 - [Примеры камуфляжа](#)
 - [Бессилие филологии в истории](#)
 - [V. Мозаичность как свойство этноса](#)
 - [Обойтись без родового строя можно](#)
 - [Чем заменяют родовой строй](#)
 - [Образование субэтнических групп](#)
 - [Варианты этнических контактов](#)
 - [Роль экзогамии](#)
 - [Опыт интерпретации](#)
 - [VI. Этнический стереотип поведения](#)
 - [Несхожесть как принцип](#)
 - [Изменчивость стереотипов поведения](#)
 - [Этнос и четыре ощущения времени](#)
 - [VII. Этнос как система](#)
 - [«Система» в популярном объяснении](#)
 - [«Система» в этнологии](#)
 - [Уровни и типы этнических систем](#)
 - [VIII. Субэтноты](#)
 - [Структура этноса](#)
 - [Саморегуляция этноса](#)
 - [Консорции и конвексии](#)
 - [IX. Суперэтноты](#)
 - [Реальность суперэтноса — «франки»](#)
 - [Зарождение суперэтноса — Византия](#)
 - [Надлом суперэтноса — арабы VII–X вв.](#)

- [X. Алгоритм этногенеза](#)
 - [Этнические реликты](#)
 - [Статика и динамика](#)
 - [Инкорпорация](#)
 - [Разница между равновесием и развитием](#)
 - [Этногенез и естественный отбор](#)
 - [Альтруизм, точнее — антиэгоизм](#)
 - [Истребление реликтовых этносов](#)
- [XI. Этнические контакты](#)
 - [Иерархия этнической таксономии](#)
 - [Контакты на разных уровнях](#)
 - [Соотношение этнических целостностей разных порядков](#)
 - [Контакт «пяти племен» и жителей «срединной равнины»](#)
 - [Контакты варваров и римлян](#)
 - [Этносы всегда возникают из контактов](#)
 - [«Фактор икс»](#)
- [Часть третья](#)
 -
 - [XII. Мысли о Всемирной истории](#)
 - [Два аспекта всемирной истории](#)
 - [Почему я не согласен с А. Тойнби](#)
 - [Почему я не согласен с Н. И. Конрадом](#)
 - [Об эллинизме](#)
 - [О Византии](#)
 - [О Китае](#)
 - [XIII. Мысли об этнической истории](#)
 - [Принцип неопределенности в этнологии](#)
 - [Две системы отсчета](#)
 - [История культуры и этногенез](#)
 - [Урания и Клио](#)
- [Часть четвертая](#)
 -
 - [XIV. Перевернутая задача](#)
 - [Этнос — явление природы](#)
 - [Человек в биоценозе](#)
 - [Географическая среда на смену формаций не влияет](#)
 - [Война человека с природой](#)
 - [Социум, политийя и этнос](#)
 - [У народов есть родина!](#)

- [Месторазвитие](#)
- [XV. Роль сочетания ландшафтов](#)
 - [Монотонность и разнородность ландшафтов](#)
 - [На берегах морей и закраинах ледников](#)
 - [Влияние характера ландшафта на этногенез](#)
- [XVI. Становление антропогенных ландшафтов](#)
 - [Развитие общества и изменение ландшафта](#)
 - [Индейцы, народы Сибири и их ландшафты](#)
 - [Древние цивилизации «благодатного полумесяца»](#)
 - [В древнем Китае](#)
 - [Возникновения и упадки](#)
 - [Периодизация по фазам](#)
- [XVII. Взрывы этногенеза](#)
 - [Взрыв этногенеза в I в. н. э](#)
 - [Гунны в III–V вв. н. э](#)
 - [Взрыв этногенеза в VI в. н. э](#)
 - [Взрыв этногенеза в XI в. н. э](#)
- [Часть пятая](#)
 -
 - [XVIII. Этнос и популяция](#)
 - [Этнос — не популяция](#)
 - [Мономорфизм](#)
 - [Фон и фактор](#)
 - [Комплиментарность](#)
 - [Биологические линии исследования](#)
 - [XIX. Филогенез или отногенез?](#)
 - [Прогресс и эволюция человека](#)
 - [Региональные мутации](#)
 - [Конверсии биоценоза и сукцессии](#)
 - [Антропосукцессии](#)
 - [XX. Когда бессмертие ужасней гибели](#)
 - [Филогенез преображается в этногенез](#)
 - [Эволюция и этногенез](#)
 - [Творчество или жизнь?](#)
 - [Мысли С. И. Коржинского](#)
 - [Экссесс и инерция в этногенезе](#)
 - [XXI. Сумма противоречий](#)
 - [Пока ответ не найден](#)
 - [Этногенез и энергия](#)

- [Дискретность этнической истории](#)
 - [Где же «фактор икс»?](#)
 - [Клио против Сатурна](#)
- [Часть шестая](#)
 -
 - [XXII. Этногенный признак, или «фактор икс»](#)
 - [Вот он, «фактор икс»!](#)
 - [Ф. Энгельс о роли страстей человеческих](#)
 - [XXIII. Образы пассионариев](#)
 - [Наполеон](#)
 - [Александр Македонский](#)
 - [Люций Корнелий Сулла](#)
 - [Ян Гус, Жанна д'Арк и Протопоп Аввакум](#)
 - [Накопление или растрата?](#)
 - [XXIV. Пассионарное напряжение](#)
 - [Биохимический аспект пассионарности](#)
 - [Многовекторность этнической системы в схеме](#)
 - [Пассионарная индукция](#)
 - [Способы утраты пассионарности](#)
 - [XXV. Субпассионарии](#)
 - [Особь гармоничные](#)
 - [«Бродяги», «бродяги-солдаты» и «вырожденцы»](#)
 - [Градации пассионарности](#)
 - [Ганнибал и Карфаген](#)
 - [XXVI. Затухание пассионарности](#)
 - [Вспышка и пепел](#)
 - [Пассионарность слабая, но действенная](#)
 - [Бастарды](#)
 - [Что цементирует этносы?](#)
- [Часть седьмая](#)
 -
 - [XXVII. Поле в системе](#)
 - [Этногенез](#)
 - [Этническое поле](#)
 - [Ритмы этнических полей](#)
 - [Этническое поле и этногенез](#)
 - [Природа суперэтноса](#)
 - [Химеры](#)
 - [XXVIII. Природа пассионарности](#)

- [Учение В. И. Вернадского о биосфере](#)
- [Мутации — пассионарные толчки](#)
- [«Стыки» ландшафтов](#)
- [Мысли по поводу ноосферы](#)
- [XXIX. Пассионарность и сфера сознания](#)
 - [Система отсчета](#)
 - [Соотношения разрядов импульсов](#)
 - [Применим концепцию к этногенезу](#)
 - [Место пассионарности в историческом синтезе](#)
 - [Обобщение](#)
 - [Кривая этногенеза](#)
 - [Легенда к карте пассионарных толчков](#)
 - [История и этиология](#)
- [Часть восьмая](#)
- [XXX. Способ научного поиска](#)
 - [Время и история](#)
 - [От исторической географии к этнической психологии](#)
 - [Вопреки](#)
 - [Подъемы и упадки](#)
 - [Принцип отсчета](#)
- [XXXI. Фазы пассионарного подъема и перегрева](#)
 - [Рождение этноса](#)
 - [Подъем пассионарности](#)
 - [Второй Рим или Антирим?](#)
 - [Гниение и возрождение](#)
 - [Пассионарный «перегрев»](#)
 - [Поэзия понятий](#)
- [XXXII. Смещения](#)
 - [И тут есть закономерность](#)
 - [Пассионарное оскудение](#)
 - [Взаимность](#)
 - [Аномалия](#)
 - [Ущербность юности](#)
 - [Возвращенная молодость](#)
- [XXXIII. Фаза надлома](#)
 - [Пассионарный надлом](#)
 - [Череда расцветов](#)
 - [А в Китае...](#)
 - [Жертвы расцвета](#)

- [Раскол этнического поля](#)
 - [Надлом и его значение](#)
- [XXXIV. Фаза инерции](#)
 - [«Золотая осень» цивилизации](#)
 - [От мира «христианского» к миру «цивилизованному»](#)
 - [Цивилизация и природа](#)
 - [Кто разрушил Вавилон?](#)
 - [Что такое «упадок культуры»?](#)
- [XXXV. Фаза обскурации](#)
 - [«Сумерки» этноса](#)
 - [От расцвета к упадку](#)
 - [Кровавый мрак](#)
 - [Подмена](#)
 - [И всюду так](#)
- [XXXVI. После конца](#)
 - [Мемориальная фаза](#)
 - [Переход в никуда](#)
- [Часть девятая](#)
 - [XXXVII. Отрицательные значения в этногенезе](#)
 - [Кристаллизованная пассионарность](#)
 - [Последовательность](#)
 - [Нет!](#)
 - [«Бездна» \(вакуум\)](#)
 - [Деяния и явления](#)
 - [В «полосе свободы»](#)
 - [Прозрение В. И. Вернадского](#)
 - [XXXVIII. Биполярность этносферы](#)
 - [Ложь как принцип](#)
 - [Третий параметр](#)
 - [Губительный фантом](#)
 - [Древний дуализм](#)
 - [Конкордат с сатаной](#)
 - [Выход из безысходности](#)
- [Послесловие](#)
 - [Опыт построения схемы](#)
 - [Иерархия](#)
 - [О том, чего в книге нет](#)
- [Словарь понятий и терминов](#)
- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)

- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)

- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)

- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)

- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)

- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)

- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)

- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)

- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)

- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)

- [430](#)
 - [431](#)
 - [432](#)
 - [433](#)
 - [434](#)
 - [435](#)
 - [436](#)
 - [437](#)
 - [438](#)
 - [439](#)
 - [440](#)
 - [441](#)
 - [442](#)
 - [443](#)
 - [444](#)
 - [445](#)
-

Лев Гумилев

Этногенез и биосфера Земли

Моей жене Наталии Викторовне посвящается

Введение

О чем пойдет речь и почему сие важно,

*В котором обосновывается необходимость этнологии и излагается
взгляд автора на этногенез, без аргументации, коей посвящена
остальная часть трактата, где автор поведет читателя через
лабиринт противоречий*

Боязнь разочарования

Когда читатель нашего времени покупает и открывает новую книгу по истории или этнографии, он не уверен, что прочтет ее даже до середины. Книга может показаться ему скучной, бессмысленной или просто не отвечающей его вкусу. Но читателю-то еще хорошо: он просто потерял два-три рубля, а каково автору? Сборы сведений. Постановка задачи. Десятилетия поисков решения. Годы за письменном столом. Объяснения с рецензентами. Борьба с редактором. И вдруг все впустую — книга неинтересна! Она лежит в библиотеках... и ее никто не берет. Значит, жизнь прошла даром.

Это так страшно, что необходимо принять все меры для избежания такого результата. Но какие? За время обучения в университете и в аспирантуре будущему автору нередко внушается мысль, что его задача — выписать как можно больше цитат из источников, сложить их в каком-либо порядке и сделать вывод: в древности были рабовладельцы и рабы. Рабовладельцы были плохие, но им было хорошо; рабы были хорошие, но им было плохо. А крестьянам жилось хуже.

Все это, конечно, правильно, но вот беда — читать про это никто не хочет, даже сам автор. Во-первых, потому, что это и так известно, а во-вторых, потому, что это не объясняет, например, почему одни армии одерживали победы, а другие терпели поражения, и отчего одни страны усиливались, а другие слабели. И, наконец, почему возникали могучие этносы и куда они пропадали, хотя полного вымирания их членов заведомо не было.

Все перечисленные вопросы целиком относятся к избранной нами теме — внезапному усилению того или иного народа и последующему его исчезновению. Яркий пример тому — монголы XII–XVII вв., но и другие народы подчинялись той же закономерности. Покойный академик Б. Я. Владимирцов четко сформулировал проблему: «Я хочу понять, как и почему все это произошло?», но ответа не дал, как и другие исследователи. Но мы снова и снова возвращаемся к этому сюжету, твердо веруя, что читатель не закроет книгу на второй странице.

Совершенно ясно, что для решения поставленной задачи мы должны прежде всего исследовать саму методику исследования. В противном случае эта задача была бы уже давно решена, потому что количество фактов столь многочисленно, что речь идет не об их пополнении, а об

отборе тех, которые имеют отношение к делу. Даже современники-летописцы тонули в море информации, что не приближало их к пониманию проблемы. За последние века много сведений добыли археологи, летописи собраны, изданы и сопровождаются комментариями, а востоковеды еще увеличили запас знаний, кодифицируя различные источники: китайские, персидские, латинские, греческие, армянские и арабские. Количество сведений росло, но в новое качество не переходило. По-прежнему оставалось неясным, каким образом маленькое племя иногда оказывалось гегемоном полумира, затем увеличивалось в числе, а потом исчезало.

Автор данной книги поставил вопрос о степени нашего знания, а точнее — незнания предмета, которому исследование посвящено. То, что на первый взгляд просто и легко, при попытке овладеть сюжетами, интересующими читателя, превращается в загадку. Поэтому обстоятельную книгу писать надо. К сожалению, мы не можем сразу предложить точные дефиниции (которые, вообще говоря, весьма облегчают исследование), но по крайней мере мы имеем возможность сделать первичные обобщения. Пусть даже они не исчерпают всей сложности проблемы, но в первом приближении позволяют получить результаты, вполне пригодные для интерпретации этнической истории, которую еще предстоит написать. Ну а если найдется привередливый рецензент, который потребует дать в начале книги четкое определение понятия «этнос», то можно сказать так: этнос — феномен биосферы, или системная целостность дискретного типа, работающая на геобиохимической энергии живого вещества, в согласии с принципом второго начала термодинамики, что подтверждается диахронической последовательностью исторических событий. Если этого достаточно для понимания, то книгу дальше можно не читать.

Этносы как форма существования вида *homo sapiens*

Больше ста лет ведутся дискуссии: изменяется ли биологический вид *Homo sapiens* или социальные закономерности полностью вытеснили механизм действия видообразующих факторов? Общей для человека и всех других живых существ является необходимость обмениваться со средой веществом и энергией, но отличается он от них тем, что почти все необходимые для него средства существования вынужден добывать трудом, взаимодействуя с природой не только как биологическое, но прежде всего как социальное существо. Условия и средства, производительные силы и соответствующие им производственные отношения непрерывно развиваются. Закономерности этого развития исследуются марксистской политической экономией и социологией.

Однако социальные закономерности развития человечества не «отменяют» действия закономерностей биологических, в частности мутаций,^[1] и исследовать их необходимо, дабы избежать теоретической односторонности и практического вреда, который мы наносим сами себе, игнорируя или сознательно отрицая нашу подчиненность не только социальным, но и более общим закономерностям развития.

Методологически начать такое исследование можно исходя из преднамеренного отвлечения от конкретных способов производства. Такая абстракция представляется оправданной, в частности, потому, что характер этногенеза существенно отличается от ритмов развития социальной истории человечества. При таком способе рассмотрения, как мы надеемся, яснее станут контуры механизма взаимодействия человечества с природой.

Как бы ни была развита техника, все необходимое для поддержания жизни люди получают из природы. Значит, они входят в трофическую цепь как верхнее, завершающее звено биоценоза населяемого ими региона. А коль скоро так, то они являются элементами структурно-системных целостностей, включающих в себя, наряду с людьми, domestikаты (домашние животные и культурные растения), ландшафты, как преобразованные человеком, так и девственные, богатства недр, взаимоотношения с соседями — либо дружеские, либо враждебные, ту или иную динамику социального развития, а также то или иное сочетание языков (от одного до нескольких) и элементов материальной и духовной культуры. Эту динамическую систему можно назвать этноценозом. Она

возникает и рассыпается в историческом времени, оставляя после себя памятники человеческой деятельности, лишенные саморазвития и способные только разрушаться, и этнические реликты, достигшие фазы гомеостаза. Но каждый процесс этногенеза оставляет на теле земной поверхности неизгладимые следы, благодаря которым возможно установление общего характера закономерностей этнической истории. И теперь, когда спасение природы от разрушительных антропогенных воздействий стало главной проблемой науки, необходимо уяснить, какие стороны деятельности человека были губительны для ландшафтов, вмещающих этносы. Ведь разрушение природы с гибельными последствиями для людей — беда не только нашего времени, и оно не всегда сопряжено с развитием культуры, а также с ростом населения.

Ставя вопрос о взаимодействии двух форм закономерного развития, необходимо условиться об аспекте. Речь может идти либо о развитии биосферы в связи с деятельностью человека, либо о развитии человечества в связи со становлением природной среды: биосферы и костного вещества, составляющего другие оболочки Земли: литосферу и тропосферу. Взаимодействие человечества с природой постоянно, но крайне вариабельно и в пространстве, и во времени. Однако за видимым разнообразием кроется единый принцип, характерный для всех наблюдаемых феноменов. Поэтому поставим вопрос именно так!

Природа Земли весьма разнообразна; человечество в отличие от прочих видов млекопитающих тоже разнообразно, ибо человек не имеет природного ареала, а распространен, начиная с верхнего палеолита, по всей суше планеты. Адаптивные способности человека на порядок больше, чем у прочих животных. Значит, в разных географических регионах и в разные эпохи люди и природные комплексы (ландшафты и геобиоценозы) взаимодействуют по-разному. Сам по себе этот вывод бесперспективен, так как калейдоскоп не поддается исследованию, но попробуем внести в проблему классификацию... и все будет по-иному. Между закономерностями природы и социальной формой движения материи существует постоянная корреляция. Но каков ее механизм и где точка соприкосновения природы и общества? А эта точка есть, иначе не возникло бы вопроса об охране природы от человека.

С. В. Калесник предложил разделить географию на: 1) экономическую, исследующую творения людей, и 2) физическую, изучающую природные оболочки Земли, в том числе биосферу.^[2] Очень разумное деление. Природа творит то, чего мы творить не можем: горы и реки, леса и степи, новые виды животных и растений. А люди строят дома, сооружают

машины, ваяют статуи и пишут трактаты. Природа этого делать не может.

Есть ли между творениями природы и человека принципиальная разница? Да! Элементы природы переходят в друг друга... «Этот камень рычал когда-то, этот плющ парил в облаках». Природа живет вечно, набухая той энергией, которую получает от Солнца и звезд нашей Галактики и радиораспада в глубинах нашей планеты. Биосфера планеты Земля побеждает мировую энтропию путем биогенной миграции атомов, стремящихся к расширению.^[3] И наоборот, предметы, созданные человеком, могут или сохраняться, или разрушаться. Пирамиды стоят долго, Эйфелева башня так долго не простоит. Но не вечны ни те, ни другая. В этом принципиальная разница между биосферой и техносферой, какие бы грандиозные размеры последняя ни приобрела.

Предмет исследования

Обозрение современного состояния науки об этносе должно повергнуть читателя в недоумение. Все пишущие на эту тему авторы, в том числе этнографы, по существу подменяют подлинные этнологические характеристики профессиональными, сословными и т. д., что, собственно, равнозначно отрицанию этноса как реальности. О существовании этноса говорит только то, что он непосредственно ощущается людьми как явление (феномен), но ведь это не доказательство. Поэт сказал: «И день, и ночь пред нами солнце ходит, однако прав упрямый Галилей». И действительно, у этнолога есть некоторые основания для пессимизма, кажущиеся на первый взгляд непреодолимыми.

Этнология — это рождающаяся наука. Потребность в ней возникла лишь во второй половине XX в., когда выяснилось, что простое накопление этнографических собраний и наблюдений грозит тем, что наука, не ставящая проблем, превратится в бессмысленное коллекционерство. И вот возникли на наших глазах обществоведение и этнология — две дисциплины, интересующиеся одним, на первый взгляд, предметом — человечеством, но в совершенно разных аспектах. И это закономерно. Каждый человек одновременно — член социума и член этноса, а это далеко не одно и то же. Равным образом этнология как наука требует определения. Скажем пока так, что этнология — это наука об импульсах поведения этнических коллективов, подобная этологии, науке о поведении животных. Импульсы могут быть сознательными и эмоциональными, диктоваться личной волей индивида, традицией, принудительным воздействием коллектива, влиянием внешней обстановки, географической среды и даже спонтанным развитием, поступательным ходом истории. Для того чтобы разобраться в столь сложном вопросе, нужна соответствующая методика. Методика может быть либо традиционной методикой гуманитарных наук, либо естественнонаучной. Какую же следует выбрать для успешного преодоления трудностей, возникающих перед ученым, взявшимся за совершенно новую область науки?

Прежде всего уточним понятие «гуманитарные науки». В Средние века в Христианском мире единственным абсолютно авторитетным источником научной информации были две книги: Библия и сочинения Аристотеля. Наука сводилась к комментированию цитат, которые нужно было приводить точно, потому что безграмотные ересиархи часто выдумывали

якобы цитируемые изречения пророков, Христа и Аристотеля. Отсюда возникла система ссылок на текст, удержавшаяся до настоящего времени. Эта ступень науки называлась схоластикой, и к XV в. она перестала удовлетворять ученых. Тогда был расширен круг источников — привлекались сочинения других древних авторов, тексты которых нуждались в проверке. Так возникла гуманитарная (т. е. человеческая, а не божественная) наука — филология, отличающаяся от схоластики критическим подходом к текстам. Но источник был все тот же — чужие слова. После эпохи Возрождения крупные натуралисты противопоставили гуманитарным способам получения информации естествоиспытание, основанное на наблюдении природы и эксперименте. Сменилась постановка вопроса: вместо «что сказали древние авторы?» пытались выяснить «что есть на самом деле?». Как видим, изменился не предмет изучения, а подход и, соответственно, методика.

Новая методика завоевывала признание медленно и неравномерно. Еще в 1633 г. Галилею пришлось отречься от того, что Земля вертится вокруг Солнца, причем его противники апеллировали к тому, что таких сведений в известной им литературе нет. В XVIII в. Лавуазье на заседании Французской Академии наук объявил «антинаучным» сообщение о падении метеорита: «Камни с неба падать не могут, потому что на небе *нет* камней!». География только в XIX в. избавилась от легенд об амазонках, волосатых людях, гигантских спрутах, топящих корабли, и прочей беллетристики, которую читатели, находившиеся на обывательском уровне, воспринимали буквально. Труднее всего было историкам, которые не могли ни поставить эксперимент, ни повторить наблюдение. Но тут пришел на выручку монистический подход, который позволил провести критику источника, как компаративную, так и внутреннюю. Благодаря многим кропотливым исследованиям были составлены кодексы бесспорных фактов с хронологическими привязками, а часть сомнительных сведений отвергнута. Это огромное богатство знаний может принести пользу лишь тогда, когда оно будет приложено к определенному объекту, будь то социальные общности — классы, или политические целостности — государства, или этносы, которые нас интересуют. В последнем случае факты истории превращаются в «информационный архив» и служат целям этнологии наряду с другими сведениями: географическими, биологическими, биофизическими и биохимическими, что при наличии творческого синтеза дает возможность трактовать этнологию как естественную науку, построенную на достаточном количестве достоверных наблюдений, зафиксированных во время накопления первичного материала.

А теперь вернемся к кардинальному тезису: можно ли считать, что этнография, как описательная, так и теоретическая, вышла из поля зрения географии и всецело принадлежит сфере исторических наук? Нет, и еще раз нет! Такая позиция, на наш взгляд, беспочвенна и деструктивна. Она ведет науку к оскудению, т. е. упрощению за счет сокращения эрудиции научного сотрудника. Ему-то, конечно, легче, но его работа теряет перспективность и перестает представлять интерес для читателя. Боюсь, что упорное несогласие с поставленным здесь тезисом приведет к компрометации не только исторической методики, применяемой не для того, для чего она была разработана, но и самой науки — этнографии. Ибо для нее есть только один путь развития — превращение в этнологию, где наряду с собиранием и описанием материала идет интерпретация его под тем углом зрения, который продиктован постановкой проблемы.

Экскурс в философию

Здесь должно быть предельно кратким. Поскольку мы исходим из того, что этнос в своем становлении — феномен природный, то основой его изучения может быть только философия естествознания, т. е. диалектический материализм. Исторический материализм ставит своей целью раскрытие законов общественного развития, т. е. относится, по выражению К. Маркса, к истории людей, а не истории природы, находящейся в телах людей. И хотя обе эти «истории» тесно переплетены и взаимосвязаны, научный анализ требует уточнения угла зрения, т. е. аспекта. Привлекаемый нами исторический материал — наш информационный архив, не более. Для целей анализа это необходимо и достаточно. По данному поводу К. Маркс выразился четко: «Сама история является действительной частью истории природы, становления природы человеком. Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука».^[4] Ныне мы стоим на пороге создания такой науки.

Когда же речь пойдет о синтезе, то соответственно изменится подход к проблеме. Но, как известно, анализ предшествует синтезу, и нет нужды забегать вперед. Скажем только, что и тогда основы научного материалистического естествознания останутся незыблемыми. Условившись о значении терминов и характере методики, перейдем к постановке проблемы.

Человечество как вид *homo sapiens*

Принято говорить: «Человек и Земля» или «Человек и Природа», хотя еще в средней школе объясняют, что это элементарный, примитивный антропоцентризм, унаследованный от Средневековья. Да, конечно, человек создал технику, чего не создал ни динозавр мезозойской эры, ни махайродус эры кайнозойской. Однако при всех достижениях XX в. каждый из нас несет внутри себя природу, которая составляет содержание жизни, как индивидуальной, так и видовой. И никто из людей, при прочих равных условиях, не откажется от того, чтобы дышать и есть, избегать гибели и охранять свое потомство. Человек остался в пределах вида, в пределах биосферы — одной из оболочек планеты Земля. Человек совмещает присущие ему законы жизни со специфическими явлениями техники и культуры, которые, обогатив его, не лишили сопричастности стихии, его породившей.

Человечество как биологическая форма — это единый вид с огромным количеством вариаций, распространившийся в послеледниковую эпоху по всей поверхности земного шара. Густота распространения вида различна, но за исключением полярных льдов вся Земля — обиталище человека. И не следует думать, что где-нибудь есть «девственные» земли, куда не ступала нога человека. Нынешние пустыни и дебри наполнены следами палеолитических стоянок; леса Амазонки растут на переотложенных почвах, некогда разрушенных земледелием древних обитателей; даже на утесах Анд и Гималаев найдены следы непонятных нам сооружений. Иными словами, за период своего существования вид *Homo sapiens* неоднократно и постоянно модифицировал свое распространение на поверхности Земли. Он, подобно любому другому виду, стремился освоить возможно большее пространство с возможно большей плотностью населения.^[5] Однако что-то ему мешало и ограничивало его возможности. Что же?

В отличие от большинства млекопитающих, *Homo sapiens* нельзя назвать ни стадным, ни индивидуальным животным. Человек существует в коллективе, который, в зависимости от угла зрения, рассматривается то как социум, то как этнос. Вернее сказать, каждый человек является одновременно и членом общества, и представителем народности, но оба эти понятия несоизмеримы и лежат в разных плоскостях, как, например, длина и вес, или степень нагрева и электрический заряд.

Социальное развитие человечества хорошо изучено, и его закономерности сформулированы историческим материализмом. Спонтанное развитие социальных форм через общественно-экономические формации присуще только человеку, находящемуся в коллективе, и никак не связано с его биологической структурой. Этот вопрос настолько ясен, что нет смысла на нем останавливаться. Зато вопрос о народностях, которые мы будем именовать во избежание терминологической путаницы этносами, полон нелепостей и крайне запутан. Несомненно одно — вне этноса нет ни одного человека на Земле. Каждый человек на вопрос: «Кто ты?» — ответит: «русский», «француз», «перс», «масаи» и т. д., не задумавшись ни на минуту. Следовательно, этническая принадлежность в сознании — явление всеобщее. Но это еще не все.

Определения понятия «этнос»

Какое значение или, главное, какой смысл вкладывает каждый человек из числа перечисленных в свой ответ? Что он называет своим народом, нацией, племенем и в чем он видит свое отличие от соседей — вот нерешенная до сих пор проблема этнической диагностики. На бытовом уровне она не существует, подобно тому, как не требует определения различие светом и тьмой, теплом и холодом, горьким и сладким. Иными словами, в качестве критерия выступает ощущение. Для обыденной жизни этого достаточно, но для понимания мало. Возникает потребность в определении. Но тут начинается разнобой. «Этнос — явление, определяемое общностью происхождения»; «этнос — порождение культуры на базе общего языка»; «этнос — группа людей, похожих друг на друга»; «этнос — скопище людей, объединенное общим самосознанием»; «этнос — условная классификация, обобщающая людей в зависимости от той или иной формации» (это означает, что категория этноса нереальна); «этнос — порождение природы»; «этнос — социальная категория».

Обобщая разнообразные в деталях взгляды советских ученых на соотношение природы и общественного человека, можно выделить три точки зрения: 1. «Единая» география сводит всю деятельность человека к природным закономерностям.^[6] 2. Некоторые историки и этнографы считают все феномены, связанные с человечеством, социальными, делая исключение лишь для анатомии и отчасти физиологии.^[7] 3. В антропогенных процессах различаются проявления общественной и комплекса природных (механическая, физическая, химическая и биологическая) форм движения материи. Последняя концепция представляется автору единственно правильной.

Особое место занимает точка зрения М. И. Артамонова, известного археолога и историка хазар. По его мысли, родившейся вследствие долгих занятий археологическими, т. е. мертвыми культурами и памятниками, лишенными саморазвития, но разрушающимися от течения времени (об этом см. выше), «этнос, как и класс, не социальная организация, а состояние, при этом зависимость человека от природы тем меньше, чем выше его культурный уровень; это прописная истина».^[8] Согласиться трудно.

Начнем с последнего тезиса. Организм человека входит в биосферу Земли и участвует в конверсии биоценоза. Никто не может доказать, что

профессор дышит иначе, чем бушмен, или размножается неполовым путем, или нечувствителен к воздействию на кожу серной кислоты, что он может не есть, или, наоборот, съесть обед на 40 человек, или что на него иначе действует земное тяготение. А ведь это все зависимость от природы того самого организма, который действует и мыслит, приспосабливается к изменяющейся среде и изменяет среду, приспосабливая ее к своим потребностям, объединяется в коллективы и в их составе создает государства. Мыслящая индивидуальность составляет единое целое с организмом и, значит, не выходит за пределы живой природы, которая является одной из оболочек планеты Земля. Но вместе с тем человек отличается от прочих животных тем, что изготавливает орудия, создавая качественно иную прослойку — техносферу. Произведения рук человека как из косного, так и из живого вещества (орудия, произведения искусства, домашние животные, культурные растения) выпадают из цикла конверсии биоценоза. Они могут лишь либо сохраняться, либо, ежели не законсервированы, разрушаться. В последнем случае они возвращаются в лоно природы. Брошенный в поле меч, перержавев, превращается в окись железа. Разрушенный замок становится холмиком. Одичавшая собака делается диким зверем динго, а лошадь — мустангом. Это смерть вещей (техносферы) и обратный захват природой похищенного у нее материала. История древних цивилизаций показывает, что природа хотя и терпит урон от техники, но в конечном счете берет свое, разумеется, за исключением тех предметов, которые преобразены настолько, что стали необратимы. Таковы кремневые орудия времен палеолита, отшлифованные плиты в Баальбеке, бетонированные площадки и пластмассовые изделия. Это трупы, даже мумии, которые биосфера не в силах вернуть в свое лоно, но процессы косного вещества — химические и термические — могут вернуть их в первозданное состояние в том случае, если нашу планету постигнет космическая катастрофа. А до тех пор они будут называться памятниками цивилизации, ибо и наша техника когда-нибудь станет памятником.

Приняв предложенную С. В. Калесником классификацию за основу, мы должны найти в ней место для феномена этноса. Забегая вперед, скажем, что этносы — явление, лежащее на границе биосферы и социосферы и имеющее весьма специальное назначение в строении биосферы Земли. Пусть это выглядит как декларация, но теперь читатель знает, ради чего написана эта книга, автор которой не просто стремился дать формулировку, а показать весь путь, которым она была достигнута, и основания, убеждающие в том, что она на сегодняшнем уровне науки отвечает всем требованиям, предъявляемым к научным гипотезам. После

этого мы можем перейти к системе доказательств.

Часть первая

О видимом и невидимом,

*где доказывается, что поверхностные наблюдения уводят
исследователя на ложный путь, и предлагаются способы
самоконтроля и самопроверки*

I. О полезности этнографии

Несходство этносов

Когда какой-либо народ^[9] долго и спокойно живет на своей родине, то его представителям кажется, что их способ жизни, манеры, поведение, вкусы, воззрения и социальные взаимоотношения, т. е. все то, что ныне именуется «стереотипом поведения», единственно возможны и правильны. А если и бывают где-нибудь какие-либо отклонения, то это — от «необразованности», под которой понимается просто непохожесть на себя. Помню, когда я был ребенком и увлекался Майн Ридом, одна весьма культурная дама сказала мне: «Негры — такие же мужики, как наши, только черные». Ей не могло прийти в голову, что меланезийская колдунья с берегов Малаиты могла бы сказать с тем же основанием: «Англичане — такие же охотники за головами, как мы, только белого цвета». Обывательские суждения иногда кажутся внутренне логичными, хотя и основываются на игнорировании действительности. Но они немедленно разбиваются при соприкосновении с ней.

Для средневековой науки Западной Европы этнография была не актуальна. Общение европейцев с иными культурами ограничивалось бассейном Средиземного моря, на берегах которого жили потомки подданных Римской империи, частично обращенные в ислам. Это, конечно, разделяло их с «франками» и «латинами», т. е. французами и итальянцами, но наличие общих корней культуры делало разницу не настолько большой, чтобы исключить взаимопонимание. Но в эпоху великих географических открытий положение изменилось коренным образом. Если даже можно было назвать негров, папуасов и североамериканских индейцев «дикарями», то этого нельзя было сказать ни про китайцев, ни про индусов, ни про ацтеков и инков. Надо было искать другие объяснения.

В XVI в. европейские путешественники, открыв для себя далекие страны, невольно стали искать в них аналогии с привычными им формами жизни. Испанские конкистадоры стали давать крещеным касикам титул «дон», считая их индейскими дворянами. Главы негритянских племен получили название «королей». Тунгусских шаманов считали священниками, хотя те были просто врачами, видевшими причину болезни во влиянии злых «духов», которые, впрочем, считались столь же материальными, как звери или иноплеменники. Взаимное непонимание

усугублялось уверенностью, что и понимать-то нечего, и тогда возникали коллизии, приводившие к убийствам европейцев, оскорблявших чувства аборигенов, в ответ на что англичане и французы организовывали жестокие карательные экспедиции. Цивилизованный австралийский абориген Вайпулданья, или Филипп Робертс, передает рассказы о трагедиях тем более страшных, что они возникают без видимых причин. Так, аборигены убили белого, закулившего сигарету, сочтя его духом, имеющим в теле огонь. Другого пронзили копьем за то, что он вынул из кармана часы и взглянул на солнце. Аборигены решили, что он носит в кармане солнце. А за подобными недоразумениями следовали карательные экспедиции, приводившие к истреблению целых племен. И не только с белыми, но и с малайцами у австралийских аборигенов и папуасов Новой Гвинеи часто возникали трагические коллизии, особенно осложненные переносом инфекции.^[10]

30 октября 1968 г. на берегу реки Манаус, притока Амазонки, индейцы атроари убили миссионера Кальяри и восемь его спутников исключительно за бестактность, с их точки зрения. Так, прибыв на территорию атроари, падре известил о себе выстрелами, что; по их обычаям, неприлично; входил в хижину-малоку, несмотря на протест хозяев; выдрал за ухо ребенка; запретил брать кастрюлю со своим супом. Из всего отряда уцелел только лесник, знавший обычаи индейцев и покинувший падре Кальяри, не внимавшего его советам и забывшего, что люди на берегах По совсем не похожи на тех, кто живет на берегах Амазонки.^[11]

Прошло немало времени, прежде чем был поставлен вопрос: а не лучше ли примениться к аборигенам, чем истреблять их? Но для этого оказалось необходимым признать, что народы других культур отличаются от европейских, да и друг от друга, не только языками и верованиями, но и всем «стереотипом поведения», который целесообразно изучить, чтобы избегать лишних ссор. Так возникла этнография, наука о различиях между народами.

Уходит под ударами национально-освободительного движения колониализм, но остаются и расширяются межэтнические контакты. Следовательно, проблема установления взаимопонимания становится все более насущной как в глобальных масштабах мировой политики, так и в микроскопических, личных, при встречах с людьми симпатичными, но не похожими на нас. И тогда встает новый вопрос, теоретический, несмотря на практическую его значимость: а почему мы, люди, столь не похожи друг на друга, что должны «применяться» друг к другу, изучать чужие манеры и

обычаи, искать приемлемые пути общения вместо тех, которые представляются нам естественными и которые вполне достаточны для внутриэтнического общения и удовлетворительны для контактов с нашими соседями? В некоторых случаях этническое несходство можно объяснить разнообразием географических условий, но ведь оно наблюдается и там, где климат и ландшафты близки между собою. Очевидно, без истории не обойтись.

В самом деле, разные народы возникали в разные эпохи и имели разные исторические судьбы, которые оставляли следы столь же неизгладимые, как личные биографии, которые формируют характер отдельных людей. Конечно, на этносы влияет географическая среда через повседневное общение человека с кормящей его природой, но это не все. Традиции, унаследованные от предков, играют свою роль, привычная вражда или дружба с соседями (этническим окружением) — свою, культурные воздействия, религия — имеют свое значение, но, кроме всего этого, есть закон развития, относящийся к этносам, как к любым явлениям природы. Проявление его в многообразных процессах возникновения и исчезновения народов мы называем этногенезом. Без учета особенностей этой формы движения материи мы не сможем найти ключ к разгадке этнопсихологии ни в практическом, ни в теоретическом плане. Нам нужно и то и другое, но на избранном нами пути возникают неожиданные трудности.

Запутанность применяющейся терминологии

Избыток первичной информации и слабая разработанность принципов систематизации особенно болезненно отражаются на истории и этнографии. Ведь одна только библиография занимает тома, разобраться в которых иногда не проще, нежели в самих научных проблемах. У читателя есть потребность в том, чтобы увидеть одновременно всю совокупность событий (принцип актуализма) или все способы их становления (принцип эволюционизма), а не многотомный список названий статей, по большей части устаревших. В трудах основоположников марксизма содержится программа системного подхода к пониманию исторических процессов, но к этногенезу она еще не применялась.

Правда, в старинной и отчасти забытой историографии известно несколько попыток ввести в эту область системный метод, но в отличие от представителей естественных наук их авторы не встретили ни понимания,

ни сочувствия. Концепцию Полибия ныне рассматривают как изящный раритет; Ибн Халдуна (XIV в.) — как курьез; Джамбаттиста Вико упоминается только в истории науки, а грандиозные, хотя, пожалуй, неудачные, конструкции Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби стали поводом для того, чтобы вообще отказаться от построения исторических моделей. Результат этого процесса однозначен. Поскольку всю совокупность исторических событий запомнить невозможно и поскольку при отсутствии системы нет и не может быть терминологии, то даже общение между историками год от года затрудняется.

Придавая терминам разные оттенки и вкладывая в них различное содержание, историки превращают их в многозначные слова. На первых стадиях этого процесса еще можно понять собеседника исходя из контекста, интонации, ситуации, при которой происходит диспут, но на последующих фразах и эта (неудовлетворительная) степень понимания исчезает. Так, слово «род» обычно применяется к понятию «родовой строй», но «род бояр Шуйских» сюда явно не относится. Еще хуже при переводе: если род — кельтский клан, то так нельзя называть какую-либо казахскую отрасль Среднего и Младшего Жуса (ру) или алтайскую «кость» (сеок), потому что они различны по функциям и генезису. А все эти отнюдь не схожие явления именуются одинаково и, более того, на этом основании приравниваются друг к другу. Волей-неволей историк изучает не предмет, а слова, уже потерявшие смысл, в то время как реальные явления от него ускользают. А теперь допустим, что о проблеме дискутируют три историка, причем один вкладывает в понятие «род» — клан, второй — сеок, третий — боярскую фамилию. Очевидно, что они просто не поймут не только друг друга, но и того, о чем идет речь.

Конечно, нам могут возразить, что можно условиться о терминах, но количество понятий растет прямо пропорционально накоплению информации, появляются все новые термины, которые при отсутствии системы становятся многозначными (полисемантичными) и, следовательно, негодными для целей анализа и синтеза. Но и здесь можно найти выход.

До сих пор мы говорили о кондициях исследования, скажем же о перспективах его. Изучение любого предмета имеет практическое значение лишь тогда, когда есть возможность обозреть предмет целиком. Так, например, электротехник должен представлять себе, пусть не в одинаковой степени, действие ионизации и тепловой отдачи, электромагнитного поля и т. п.; физико-географ, говоря об оболочках Земли, помнит о тропосфере, гидросфере, литосфере и даже биосфере. Так же и историк лишь тогда

может сделать более весомые и интересные для читателя выводы, когда он охватывает в едином рассуждении широкий комплекс взаимосвязанных событий, одновременно усложняясь терминологией. Это трудно, но не невозможно. Важно лишь, чтобы вывод соответствовал всем учтенным фактам. Если кто-либо предложит для объяснения перечисленных в этой книге фактов концепцию более изящную и более убедительную, то я с почтением склоню перед ним голову. И наоборот, если бы кто-нибудь объявил мои выводы окончательными, не подлежащими пересмотру и дальнейшей разработке, то я не согласился бы с ним. Многие книги, увы, живут не дольше, чем люди, а развитие науки — имманентный закон становления человечества. И поэтому я вижу свою задачу в том, чтобы принести посильную пользу Прекрасной Даме Истории и ее Мудрой Сестре — Географии, которая роднит людей с их праматерью — Биосферой планеты Земля. [\[12\]](#)

Обобщения и скрупулюсы

Вид *Homo sapiens*, распространившийся по всей суше и значительной части морской поверхности планеты, внес в ее конфигурацию столь значительные изменения, что их можно приравнять к геологическим переворотам малого масштаба...^[13] Но из этого вытекает, что нами выделяется особая категория закономерностей — историко-географическая, требующая для рассмотрения и изучения особой методики, совмещающей исторические и географические приемы исследования. Это само по себе не ново, но подход к проблеме до сих пор был эклектическим. Например, применение анализа по C^{14} для датировок археологических памятников, электроразведка (дело слишком трудоемкое для практического применения), приемы кибернетики при изучении «каменных баб» (что дало те же результаты, что и визуальный подсчет) и т. п. А самое главное упускалось из виду! Это «главное», по нашему мнению, — умение извлекать информацию из молчания источников. Путь индукции ограничивает возможности историка простым или критическим пересказом чужих слов, причем лимитом исследования является недоверие к данным источника. Но этот результат негативный и потому не окончательный. Позитивным будет только установление некоторого количества бесспорных фактов, которые, будучи отслоены от источника, могут быть сведены в хронологическую таблицу или размещены по исторической карте. Для того чтобы их интерпретировать, нужна

философема, постулат, а это нарушает принятый принцип индуктивного исследования. Тупик!

Так! Но географ, геолог, зоолог, почвовед никогда не имеют больше данных, а их науки развиваются. Это происходит потому, что вместо философского постулата естественники применяют «эмпирическое обобщение», имеющее, согласно В. И. Вернадскому, достоверность, равную наблюденному факту.^[14] Иными словами, естественные науки преодолели молчание историков и даже извлекли из этого пользу для науки, поскольку избавились от лжи, всегда содержащейся в источнике или привносимой нами самими путем неадекватного восприятия. Так почему от этого отказываться историкам? Привлекая природу как источник, мы обязаны привлечь и соответствующую методику изучения, а это дает нам великолепные перспективы, которые позволяют приподнять покрывало Изиды.

Одна из задач науки — это получение наибольшей информации из наименьшего количества фактов, дабы сделать возможным выделение точных закономерностей, позволяющих с единой точки зрения понять самые разные явления, а в дальнейшем научиться ориентироваться в них. Эти закономерности невидимы, но и не придуманы: они открыты путем обобщения. Приведу пример, заимствованный из биологии: «По небу движутся звезды и планеты. Воздушный шар поднимается, а камень, сорвавшись с обрыва, падает в пропасть. Реки текут в море, а в океанах выпадают осадки, образуя слои осадочных пород. У мыши очень тонкие лапки, а у слона — огромные конечности. Наземные животные не достигают размеров китов и гигантских кальмаров. Что общего между этими фактами? Все они основаны на закономерности всемирного тяготения, которая переплетается с другими закономерностями, столь же реальными, невидимыми, но умопостигаемыми».^[15]

Земная гравитация существовала всегда, но, чтобы люди узнали о ее существовании, понадобилось озарение Ньютона, наблюдавшего падение яблока с ветки. И сколько еще могучих сил природы, окружающих нас и управляющих нашей судьбой, лежит за пределами нашего разумения. Мы живем в недооткрытом мире и часто двигаемся на ощупь, что иной раз ведет к трагическим последствиям. Вот почему волшебные очки науки, под которыми я подразумеваю прозрение гениальных ученых, нужны для того, чтобы, поняв окружающий нас мир и наше место в нем, научиться провидеть хотя бы ближайшие последствия своих поступков.

Исследования, посвященные установлению функциональной связи

явлений физической географии и палеоэтнологии на материале истории Центральной Азии и археологии низовий Волги, позволили сделать три вывода: 1. Историческая судьба этноса, являющаяся результатом его деятельности, непосредственно связана с динамическим состоянием вмещающего ландшафта. 2. Археологическая культура данного этноса, представляющая собою кристаллизованный след его исторической судьбы, отражает палеогеографическое состояние ландшафта в эпоху, поддающуюся абсолютной датировке. 3. Сочетание исторических и археологических материалов позволяет судить о характере данного вмещающего ландшафта в ту или иную эпоху, следовательно, о характере его изменений.^[16]

Разумеется, здесь точность относительна, но допуск плюс — минус 50 лет при размытых границах не влияет на выводы и, следовательно, безвреден. Гораздо опаснее стремление к скрупулезности в прямом смысле слова. *Scrupulus* (лат.) — камешек, попадавший в сандалии и коловший ступни древних римлян. Изучать расположение этих камешков в сандалиях они считали делом бессмысленным, полагая, что надо просто разуться и вытрясти обувь. Поэтому слово «скрупулезность» означало ненужный учет мелочей. Ныне это слово употребляется в смысле «сверхточный».

К сожалению, требование «скрупулезности» не всегда безобидно, в частности, при сопоставлении природных явлений с историческими событиями, ибо законный допуск достигает 50–60 лет и не может быть уменьшен, так как искомая связь опосредствована системой хозяйства древних стран.^[17] Система хозяйства, земледельческого, скотоводческого и даже охотничьего, имеет свою инерцию. Если, допустим, ее расшатает засуха, то ослабление основанного на ней государства произойдет лишь тогда, когда иссякнут запасы и постоянное недоедание (а не кратковременный голод) подорвет силы нарождающегося поколения. Вскрыть этот процесс можно только путем широкой интеграции рядов исторических событий, а никак не скрупулезного коррелирования природных и исторических явлений. Следует напомнить в связи с этим замечательные слова естествоиспытателя: «Вы никогда не узнаете, на что похожа мышь, если будете тщательно изучать ее отдельные клетки под микроскопом, так же как не поймете прелести готического собора, подвергая каждый его камень химическому анализу».^[18] Разумеется, рассматривая один или даже два факта в отрыве от прочих, мы остаемся в плену у древних авторов, умеющих с умом и талантом навязывать свои оценки читателю. Но если мы отслоим от источников прямую информацию

и возьмем вместо двух фактов — две тысячи, то получим несколько причинно-следственных цепочек, коррелирующих не только между собой, но и с предложенной нами моделью. Это не простая функциональная зависимость, каковую искали в XVIII в. поборники географического детерминизма, например Ш. Монтескье. Здесь мы находим связь системную, ставшую основой науки о взаимоотношении человечества с природой.

Универсальность и специфичность отмеченного нами взаимодействия позволяют выделить его изучение в самостоятельную, пограничную область науки и как сочетание истории с географией назвать — этнология. Но здесь встает новый больной вопрос: можно ли найти осязаемое определение этноса?

Рамки

Что нам точно известно об этносах? Очень много и очень мало. Мы не имеем оснований утверждать, что этнос как явление имел место в нижнем палеолите. За высокими надбровными дугами, внутри огромной черепной коробки неандертальца, видимо, гнездились мысли и чувства. Но о том, каковы они были, мы пока не имеем права даже догадываться, если хотим остаться на платформе научной достоверности. О людях эпохи верхнего палеолита мы знаем больше. Они великолепно умели охотиться, делали копья и дротики, одевались в одежду из звериных шкур и рисовали не хуже парижских импрессионистов. По-видимому, форма их коллективного бытия походила на те, которые известны нам, но это только предположение, на котором даже нельзя строить научную гипотезу. Не исключено, что в древние эпохи были какие-нибудь особенности, до нашего времени не сохранившиеся.

Зато народы позднего неолита и бронзы (III–II тыс. лет до н. э.) мы можем считать с большей долей вероятности подобными историческим. К сожалению, наши знания об этнических различиях в это время отрывочны и скудны настолько, что, базируясь на них, мы рискуем не отличить закономерности, которая нас в данный момент интересует, от локальных особенностей и, приняв частное за общее, впасть в ошибку.

Достоверный материал для анализа дает нам так называемая историческая эпоха, когда письменные источники освещают историю этносов и их взаимоотношений. Мы вправе, изучив этот раздел темы, применить полученные наблюдения к более ранним эпохам и, путем

экстраполяции, восполнить пробелы наших знаний, возникающие на первой стадии изучения. Таким образом, мы избежим aberrации дальности, одной из наиболее частых ошибок исторической критики.

За верхнюю дату целесообразно принять начало XIX в., потому что для установления закономерности нам нужны только законченные процессы. Говорить о незаконченных процессах можно лишь в порядке прогнозирования, а для последнего нужно иметь в руках формулу закономерности, ту самую, которую мы ищем. Кроме того, при исследовании явлений XX в. возможна aberrация близости, при которой явления теряют масштабность, как при aberrации дальности. Поэтому мы ограничимся для постановки проблемы эпохой в 3 тыс. лет, с XII в. до н. э. по XIX в. н. э., или, для наглядности, от падения Трои до низложения Наполеона.

Для начала мы исследуем наш обильный материал путем синхронистической методики, основываясь на сопоставлении сведений, достоверность которых не вызывает сомнений. Новое, что мы собираемся внести, будет сочетание фактов в предлагаемом нами аспекте. Это необходимо, потому что калейдоскоп дат в различных хронологических таблицах не дает читателю никакого представления о том, что происходило с народами на протяжении их исторической жизни. Предлагаемая методика характерна не столько для гуманитарных, сколько для естественных наук, где установление связей между фактами на основании статистической вероятности и внутренней логики явлений считается единственным путем для построения эмпирического обобщения, которое столь же достоверно, как и наблюдаемый факт.^[19] Эмпирическое обобщение не является ни гипотезой, ни популяризацией, хотя оно строится не на первичном материале (опыте, наблюдении, чтении первоисточника), а на уже собранных и проверенных фактах. Сведение материала в систему и построение концепции есть средняя стадия осмысления проблемы, предшествующая философскому обобщению. Для наших целей нужна именно эта, средняя ступень.

Кажется, что чем подробнее и многочисленнее сведения, касающиеся того или иного предмета, тем легче составить о нем исчерпывающее представление. Но так ли это на самом деле? Скорее всего, нет. Излишние, слишком мелкие сведения, не меняющие картины в целом, создают то, что в кибернетике и системологии именуется «шумами», или «помехами». Однако для других целей бывают нужны именно нюансы настроений. Короче говоря, для уяснения природы явлений следует охватывать всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, а не

сведения, имеющиеся в арсенале науки.

Но что считать «относящимся к вопросу»? Видимо, ответ в разных случаях будет различным. История человечества и биография замечательного человека — явления не равновеликие, и закономерности развития в обоих случаях будут разными, а между ними есть сколько угодно градаций. Дело осложняется тем, что любое историческое явление — войну, издание закона, сооружение памятника архитектуры, создание княжества или республики и т. д. — следует рассматривать в нескольких степенях приближения, причем сопоставление этих степеней дает, на первый взгляд, противоречивые результаты. Приведем пример из общеизвестной истории Европы. После Реформации возникла борьба между протестантской Унией и католической Лигой (приближение *a*). Следовательно, все протестанты Западной Европы должны были бы воевать против всех католиков. Однако католическая Франция была членом протестантской Унии, а протестантская Дания в 1643 г. ударила в тыл протестантской Швеции, т. е. политические интересы были поставлены выше идеологических (приближение *b*). Значит ли это, что первое утверждение было неверным? Отнюдь нет. Оно было только более обобщенным. Кроме того, в войсках обеих сторон сражались наемники, в подавляющем большинстве индифферентные к религии, но падкие на грабеж; значит, в следующем приближении (*c*) можно было бы охарактеризовать Тридцатилетнюю войну как разгул бандитизма, и это было бы в какой-то мере тоже правильно. Наконец, за религиозными лозунгами и золотыми диадемами королей скрывались реальные классовые интересы, не учитывать которые было бы неправильно (приближение *d*). К этому можно прибавить сепаратистские тенденции отдельных областей (приближение *e*), обнаруживаемые путем палеоэтнографии, и т. д.

Как видно из приведенного примера, система последовательных приближений — дело сложное даже при разборе одного локализованного эпизода. Тем не менее терять надежду на успех не надо, ибо нам остается путь научной дедукции. Подобно тому, как движение Земли является сложносоставным из многих закономерных движений (вращение вокруг оси, вращение вокруг Солнца, смещение полюса, перемещение со всей планетной системой по галактике и многие другие), так и человечество, антропосфера, развиваясь, испытывает не одно, а ряд воздействий, изучаемых отдельными науками. Спонтанное движение, отраженное в общественном развитии, изучается историческим материализмом; физиология человека — область биологии; соотношение человека с ландшафтом — историческая география — находится в сфере

географических наук; изучение войн, законов и учреждений — история политическая, а мнений и мыслей — история культуры; изучение языков — лингвистика, а творчества литературного — философия и т. д. Где же помещается наша проблема?

Начнем с того, что этнос (тот или иной), как, например, язык, явление не социальное, потому что он может существовать в нескольких формациях. Влияние спонтанного общественного развития на становление этносов экзогенно. Общественное развитие может оказать воздействие на формирование или разложение этносов только при условии своего воплощения в истории, как политической, так и культурной. Поэтому можно сказать, что проблема этногенеза лежит на грани исторической науки, там, где ее социальные аспекты плавно переходят в естественные.

Поскольку все явления этногенеза происходят на поверхности Земли в тех или иных географических условиях, то неизбежно возникает вопрос о роли ландшафта как фактора, представляющего экономические возможности естественно сложившимся человеческим коллективам — этносам.^[20] Но сочетания истории с географией для нашей проблемы недостаточно, потому что речь идет о живых организмах, которые, как известно, всегда находятся в состоянии либо эволюции, либо инволюции, либо мономорфизма (устойчивости внутри вида) и взаимодействуют с другими живыми организмами, образуя сообщества — геобиоценозы.

Таким образом, следует поместить нашу проблему на стыке трех наук: истории, географии (ландшафтоведения) и биологии (экологии и генетики). А коль скоро так, то можно дать второе приближение определения термина «этнос»: этнос — специфическая форма существования вида *Homo sapiens*, а этногенез — локальный вариант внутривидового формообразования, определяющийся сочетанием исторического и геоэкономического (ландшафтного) факторов.

Может показаться экстравагантным аспект, в котором одной из движущих сил развития человечества являются страсти и побуждения, но начало этому типу исследований положили Ч. Дарвин и Ф. Энгельс.^[21] Следуя научной традиции, мы обращаем внимание на ту сторону человеческой деятельности, которая выпала из поля зрения большинства наших предшественников.

У историка без географии встречается «претыкание»

Зависимость человека от окружающей его природы, точнее — от

географической среды, не оспаривалась никогда, хотя степень этой зависимости расценивалась различными учеными различно. Но в любом случае хозяйственная жизнь народов, населяющих и населявших Землю, тесно связана с ландшафтами и климатом населенных территорий. Подъем и упадок экономики древних эпох проследить довольно трудно, опять-таки из-за неполноценности информации, получаемой из первоисточников. Но есть индикатор — военная мощь. Что касается нового времени, то это ни у кого не вызывает сомнений, однако уже две тысячи лет дело обстояло точно так же, и не только у оседлых народов, но и у кочевников. Для похода надо иметь не только сытых, сильных и неутомленных людей, способных натягивать тугой лук «до уха» (что позволяло метать стрелы на 700 м, тогда как при натягивании «до глаза» дальность полета стрелы — 350–400 м) и фехтовать тяжелым мечом или, что еще труднее, кривой саблей. Нужно было еще иметь коней, примерно по 4–5 на человека, учитывая обоз или выюки. Требовался запас стрел, а изготовление их — дело трудоемкое. Нужны были запасы провианта, например, для кочевников — отара овец, а следовательно, при ней пастухи. Нужна резервная стража для охраны женщин и детей... Короче говоря, война и тогда стоила денег, к тому же больших. Вести войну за счет врага можно только после первой, и немалой, победы, а для того чтобы ее одержать, требуется крепкий тыл, цветущее хозяйство, а соответственно, оптимальные природные условия.

О значении географических условий, например рельефа для военной истории, говорилось давно, даже, можно сказать, — всегда. Достаточно напомнить несколько примеров из Древней истории: битву при Тразименском озере Ганнибал выиграл, используя несколько глубоких долин, расположенных к берегу озера и дороге, по которой шли римские войска под углом в 90°. Благодаря этой диспозиции он атаковал римское войско сразу в трех местах и выиграл битву. При Киноскефалах македонская фаланга на пересеченной местности рассыпалась, и римляне легко перебили тяжеловооруженных врагов, потерявших строй. Эти и подобные примеры всегда находились в поле зрения историков и дали повод И. Болтину сделать знаменитое замечание: «У историка, не имеющего в руках географии, встречается претыкание».^[22] Однако останавливаться на такой ясной проблеме в XX в. нецелесообразно, потому что и история ныне ставит куда более глубокие задачи, чем раньше, да и география отошла от простого описания диковинок нашей планеты и обрела возможности, которые нашим предкам были недоступны.

Поэтому мы поставим вопрос иначе: не только как *влияет географическая среда на людей, но и в какой степени сами люди являются*

составной частью той оболочки Земли, которая сейчас именуется биосферой?^[23] На какие именно закономерности жизни человечества влияет географическая среда и на какие не влияет? Эта постановка вопроса требует анализа, т. е. искусственного расчленения проблемы для удобства исследования. Следовательно, она для понимания истории имеет лишь вспомогательное значение, так как цель нашей работы — синтез. Но, увы, как нельзя построить дом без фундамента, так невозможно дать обобщение без предварительного расчленения. Ограничимся минимумом. Говоря об истории человечества, мы обычно имеем в виду общественную форму движения истории, т. е. прогрессивное развитие человечества как целого по спирали. Это движение спонтанное и уже по одному этому не может быть функцией каких бы то ни было внешних причин. На эту сторону истории ни географические, ни биологические воздействия влиять не могут. Так на что же они влияют? На организмы, в том числе и людские. Этот вывод уже сделан в 1922 г. Л. С. Бергом для всех организмов, в том числе и людей: «Географический ландшафт воздействует на организм принудительно, заставляя все особи варьировать в определенном направлении, насколько это допускает организация вида. Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, жизнь на островах и т. д. — все это накладывает особый отпечаток на организмы. Те виды, которые в состоянии приспособиться, должны переселиться в другой географический ландшафт или вымереть».^[24] А под «ландшафтом» понимается «участок земной поверхности, качественно отличный от других участков, окаймленный естественными границами и представляющий особую целостную и взаимно обусловленную закономерную совокупность предметов и явлений, которая типически выражена на значительном пространстве и неразрывно связана во всех отношениях с ландшафтной оболочкой».^[25] В сочетании это можно назвать «месторазвитием».^[26] Сформулированный здесь тезис Л. С. Берг назвал хоронимическим (от греч. «хорос» — место) принципом эволюции, связав таким образом географию с биологией. В принятом нами аспекте к двум названным наукам прибавлена история, и тем не менее принцип остается неколебимым. Более того, он получил новое неожиданное подтверждение, и это обязывает нас продолжать рассмотрение закономерностей развития этноса, но уже с учетом динамического момента, появления новых этносов, т. е. этногенеза на базе характеристики фаз этногенеза. Однако это тема другой главы.

II. Природа и история

Сочетание природоведения и истории

В древности, когда мир представлялся человеку целостным, несмотря на видимое разнообразие, и взаимосвязанным вопреки кажущейся разобщенности, проблема сопряжения естествознания и истории не могла даже возникнуть. В анналы вносили все события, считавшиеся достойными увековечивания. Войны и потопа, перевороты и эпидемии, рождение гения и полет кометы — все это считалось явлениями равноценными по значимости и интересу для потомков. Тогда в научной мысли господствовал принцип магии: «сходное порождает сходное», позволявший путем широких ассоциаций улавливать связи между явлениями природы и судьбами народов или отдельных людей. Этот принцип получил развитие в астрологии и мантике (науке о гадании), но с развитием отдельных наук, по мере накопления знаний, он был отброшен как несостоятельный и не оправдывающий себя при практическом применении.

В XVIII–XIX вв. благодаря дифференциации наук было накоплено огромное количество сведений, к началу XX в. ставшее необозримым. Образно говоря, могучая река Науки была пущена в ирригационные арыки. Животворная влага оросила широкую территорию, но озеро, ранее ею питаемое, т. е. целостное мирозерцание, высохло. И вот осенний ветер вздымает донные отложения и засеивает соленой пылью разрыхленную землю полей. Скоро на месте степи, пусть сухой, но кормившей стада, возникнут солончаки, и биосфера уступит место косному веществу, конечно, не навсегда, но надолго. Ведь когда люди покинут обреченную землю, арыки заилются, а река снова проложит русло и заполнит естественную впадину. Ветер заметет солончаки тонким слоем пресной пыли; на ней пробьется травка и упадет, не съеденная копытными. Через несколько веков на равнине образуется гумусный слой, а в озере — планктон; значит, придут травоядные, а водоплавающие птицы на лапках принесут в озеро рыбу икру... И жизнь опять восторжествует в своем многообразии.

Так и в науке: узкая специализация полезна лишь как средство накопления знаний: дифференциация дисциплин была этапом, необходимым и неизбежным, который станет губительным, если затянется надолго. Накопление сведений без систематизации их на предмет широкого

обобщения — занятие довольно бессмысленное. И так ли уж ложны были принципы древней науки? Может быть, несостоятельность ее заключалась не в постулатах, а в неумелом их применении? Ведь есть же взаимодействие «истории природы и истории людей», которое можно уловить, используя сумму накопленных знаний и методику исследования, развивающуюся на наших глазах. Попытаемся же пойти по этому пути и сформулируем задачу так: может ли изучение истории принести пользу при интерпретации явлений природы?

Очевидно, что социальные и природные явления не идентичны, но имеют где-то точку соприкосновения. Ее-то и надо найти, потому что это не может быть антропосфера в целом. Даже если понимать антропосферу как биомассу, то необходимо отметить две стороны явления: а) *мозаичность*, ибо разные коллективы людей по-разному взаимодействуют с окружающей средой; если же учесть хорошо известную историю последних пяти тысяч лет, то это разнообразие и выяснение его причин окажутся ключом к поставленной проблеме; б) *многогранность* изучаемого предмета — человечества. Это надо понимать в том смысле, что каждый человек (или человечество в целом) является и физическим телом, и организмом, и верхним звеном какого-либо биоценоза, и членом общества, и представителем народности, и т. п. В каждом из перечисленных примеров предмет (в данном случае человек) изучается соответствующей научной дисциплиной, что не отрицает других аспектов исследования. Для нашей проблемы важна именно этническая сторона человечества как целого.

Сделаем небольшой экскурс в гносеологию. Спросим себя: что доступно непосредственному наблюдению? Оказывается, это не предмет, а границы предметов. Мы видим воду моря, небо над землей, ибо они граничат с берегами, воздухом, горами. Но пелагические рыбы могли бы догадаться о существовании воды только будучи выловлены и вытянуты на воздух. Так, мы знаем, что как категория время есть, но, не видя его границ, не имеем возможности дать времени общепринятое определение. И чем сильнее контраст, тем яснее для нас предметы, которых мы не видим, а додумываем, т. е. воображаем.

Историю, как цепочки событий, мы наблюдаем постоянно. Следовательно, история — это граница... к счастью, мы знаем чего — социальной формы движения материи и четырех природных. А раз так, то наряду с социосферой и порожденной ею техносферой есть некая живая сущность, находящаяся не только вокруг людей, но и в них самих. И эти стихии столь контрастны, что улавливаются человеческим сознанием без малейшего труда. Именно поэтому оказались ненужными, вернее,

недостаточными, гуманитарные концепции — они ставили вопрос о влиянии на исторический процесс или процессы географических, биологических, социальных или (в идеалистических системах) духовных факторов, а не о сопряжении тех и других, благодаря чему становятся доступны эмпирическому обобщению и сам процесс, и его составляющие. Предлагаемый здесь подход — не что иное, как анализ, т. е. «расчленение», необходимое для того, чтобы «распутать» неясные места в истории и потом перейти к синтезу, когда учитываются результаты разных методик исследования.

В историографии XIX в. взаимодействие социального с природным учитывалось не всегда.^[27] Но теперь динамика природных процессов изучена настолько, что сопоставимость их с историческими событиями очевидна. Биоценология показала, что человек входит в биоценоз ландшафта как верхнее завершающее звено, ибо он — крупный хищник и как таковой подвластен эволюции природы, что отнюдь не исключает наличия дополнительного момента — развития производительных сил, создающих техносферу, лишенную саморазвития и способную только разрушаться.

Формации и этносы

Впрочем, если мы просмотрим всю мировую историю, то заметим, что совпадения смены формаций и появления новых народов — всего лишь редкие исключения, тогда как в пределах одной формации постоянно возникают и развиваются этносы, очень не похожие друг на друга.

Возьмем для примера XII век, когда феодализм процветал от Атлантики до Тихого океана. Разве похожи были французские бароны на свободных крестьян Скандинавии, на рабов-воинов — мамлюков Египта, на буйное население русских вечевых городов, на нищих завоевателей полумира — монгольских нухуров или на китайских землевладельцев империи Сун? Единым у всех них был феодальный способ производства, но в остальном между ними было мало общего. Отношение к природе не совпадает у земледельца и кочевника; восприимчивость к чужому или способность к культурным заимствованиям в Европе была выше, чем в Китае, равно как стремление к территориальным захватам, стимулировавшее крестовые походы; русское подсечное земледелие было проще и примитивнее виноградарства Сирии и Пелопоннеса, но при меньших затратах труда приносило баснословные урожаи; языки, религия,

искусство, образование — все было непохоже, но в этом разнообразии не было беспорядка: каждый уклад жизни был достоянием определенного народа. Особенно это заметно по отношению к ландшафтам, в которых создавались и обитали этносы.

Но не нужно думать, что только природой определяется степень этнической оригинальности. Проходили века, и соотношения этносов менялись: одни из них исчезали, другие появлялись; и этот процесс в советской науке принято называть этногенезом. В единой мировой истории ритмы этногенеза сопряжены с пульсом социального развития, но сопряжение не означает совпадения, а тем более единства. Факторы процесса истории различны, и наша задача — анализ — заключается в том, чтобы выделить в нем феномены, непосредственно присущие этногенезу, и тем уяснить себе, что такое этнос и какова его роль в жизни человечества.

Для начала необходимо условиться о назначении терминов и границах исследования. Греческое слово «этнос» имеет в словаре много значений, из которых мы выбрали одно: «вид, порода», подразумевается — людей. Для нашей постановки темы не имеет смысла выделять такие понятия, как «племя» или «нация», потому что нас интересует тот член, который можно вынести за скобки, иными словами, то общее, что имеется и у англичан, и у масаев, и у древних греков, и у современных цыган. Это свойство вида *Homo sapiens* группироваться так, чтобы можно было противопоставить себя и «своих» (иногда близких, а часто довольно далеких) всему остальному миру. Противопоставление «мы — они» (*conditio sine qua non est!*) характерно для всех эпох и стран: эллины и варвары, иудеи и необрезанные, китайцы (люди Срединного государства) и ху (варварская периферия, в том числе и русские), арабы-мусульмане во время первых халифов и «неверные»; европейцы-католики в Средние века (единство, называющееся «Христианским миром») и нечестивые, в том числе греки и русские; «православные» (в ту же эпоху) и «нехристи», включая католиков; туареги и нетуареги, цыгане и все остальные и т. д. Явление такого противопоставления универсально, что указывает на глубокую его подоснову, но само по себе это лишь пена на многоводной реке, и сущность его нам предстоит вскрыть. Однако уже сделанного наблюдения достаточно, чтобы констатировать сложность эффекта, который можно назвать этническим (в смысле «породным») и который может стать аспектом для построения этнической истории человечества, подобно тому как построены социальная, культурная, политическая, религиозная и многие другие. Поэтому наша задача состоит прежде всего в том, чтобы уловить *принцип* процесса.

Связь этнической культуры с географией несомненна, но ею нельзя исчерпывать всю сложность взаимоотношений многообразных явлений природы с зигзагами истории этносов. И более того, тезис, согласно которому любой признак, положенный в основу классификации этносов, является адаптационным к конкретной среде, отражает только одну сторону процесса этногенеза. Еще Гегель писал, что «недопустимо указывать на климат Ионии как на причину творений Гомера».^[28] Однако, сложившись в определенном регионе, где приспособление к ландшафту было максимальным, этнос при миграции сохраняет многие первоначальные черты, которые отличают его от этносов-аборигенов. Так, испанцы, переселившиеся в Мексику, не стали индейцами ацтеками или майя. Они создали для себя искусственный микроландшафт — города и укрепленные асьенды, сохранили свою культуру, как материальную, так и духовную, несмотря на то что влажные тропики Юкатана и полупустыни Анауака весьма отличались от Андалусии и Кастилии. И ведь отделение Мексики (Новой Испании, как она тогда называлась) от Испании в XIX в. было в значительной мере делом рук потомков индейских племен, принявших испанский язык и католичество, но поддержанных свободными племенами команчей, бродивших к северу от Рио-Гранде.

Теперь сделаем первый вывод, который будет в дальнейшем изложении исходным. Мозаичная антропосфера, постоянно меняющаяся в историческом времени и взаимодействующая с ландшафтами планеты Земля, — не что иное, как *этносфера*. Поскольку человечество распространено по поверхности суши повсеместно, но неравномерно и взаимодействует с природной средой Земли всегда, но по-разному, целесообразно рассматривать его как одну из оболочек Земли, но с обязательной поправкой на этнические различия. Таким образом, мы вводим термин «этносфера». Этносфера, как и прочие географические явления, должна иметь свои закономерности развития, отличные от биологических и социальных. Этнические закономерности просматриваются в пространстве (этнография) и во времени (этногенез и палеогеография антропогенных ландшафтов).

Можно ли верить историческим источникам?

В. К. Яцунский, автор прекрасных обзоров географической мысли XV–XVIII вв., справедливо отмечает: «Историческая география изучает не географические представления людей прошлого, а конкретную географию

прошлых веков».^[29] Исходные данные для этого поиска, очевидно, следует искать в исторических сочинениях эпох минувших. Но как? К сожалению, нет никаких указаний на возможную методику исследования. И вот почему.

Исторические материалы, как источник для восстановления древних климатических условий, применялись и применяются очень широко. В этом плане развивалась знаменитая полемика между Л. С. Бергом.^[30] и Г. Е. Грумм-Гржимайло^[31] по вопросу об усыхании Центральной Азии в исторический период. Связанную с этим вопросом проблему колебания уровня Каспийского моря в I тыс. н. э. также пытались решить путем подбора цитат из сочинений древних авторов.^[32] Делались специальные подборки сведений из русских летописей для того, чтобы составить заключение об изменении климата Восточной Европы.^[33] Но итоги многочисленных и трудоемких исследований не оправдали ожиданий. Иногда сведения источников подтверждались, а иногда проверка другим путем их опровергала. Очевидно, что совпадение полученных данных с истиной было делом случая, а это говорит о несовершенстве методики. В самом деле, путь простых ссылок на свидетельства древнего или средневекового автора приведет к ложному или, в лучшем случае, неточному выводу. Так и должно быть. Летописцы упоминали о явлениях природы либо между прочим, либо исходя из представлений науки их времени, трактовали грозы, наводнения и засухи как предзнаменования или наказание за грехи. В обоих случаях явления природы описывались выборочно, когда они оказывались в поле зрения автора, а сколько их было опущено, мы даже догадаться не можем. Один автор обращал внимание на природу, а другой, в следующем веке — нет, и может оказаться, что в сухое время дожди упомянуты чаще, чем во влажное. Историческая критика тут помочь не в состоянии, потому что по отношению к пропускам событий, не связанных причинно-следственной зависимостью, она бессильна.

Древние авторы всегда писали свои сочинения ради определенных целей и, как правило, преувеличивали значение интересовавших их событий. Степень же преувеличения или преуменьшения определить очень трудно и не всегда возможно.^[34] Так, Л. С. Берг на основании исторических сочинений сделал вывод, что превращение культурных земель в пустыни является следствием войн.^[35] Ныне эта концепция принимается без критики, и в качестве примера чаще всего приводится находка П. К. Козлова — мертвый тангутский город Идзин-ай, известный под названием Хара-Хото.^[36] Этот момент является настолько показательным, что мы сосредоточим наше внимание на одной проблеме —

географическом местоположении этого города и условиях его гибели.

Тангутское царство располагалось в Ордосе и Алашане, в тех местах, где ныне находятся песчаные пустыни. Казалось бы, это государство должно быть бедным и малолюдным, а на самом деле оно содержало армию в 150 тыс. всадников, имело университет, академию, школы, судопроизводство и даже дефицитную торговлю, ибо оно больше ввозило, чем вывозило. Дефицит покрывался отчасти золотым песком из тибетских владений, а главное, выводом живого скота, который составлял богатство Тангутского царства.^[37]

Город, обнаруженный П. К. Козловым, расположен в низовьях Эцзин-гола, в местности, ныне безводной. Две старицы, окружающие его с востока и с запада, показывают, что вода там была, но река сместила русло к западу и ныне впадает двумя рукавами в озера: соленое — Гашун-нор и пресное — Сого-нор. П. К. Козлов описывает долину Сого-нор как прелестный оазис среди окружающей его пустыни, но вместе с тем отмечает, что большое население прокормиться тут не в состоянии. А ведь только цитадель города Идзин-ай представляет собой квадрат, сторона которого равна 400 м. Кругом же прослеживаются следы менее капитальных строений и фрагменты керамики, показывающие наличие слобод. Разрушение города часто приписывают монголам. Действительно, в 1227 г. Чингисхан взял тангутскую столицу, и монголы жестоко расправились с ее населением. Но город, открытый П. К. Козловым, продолжал жить еще в XIV в., о чем свидетельствуют даты многочисленных документов, найденных работниками возглавлявшейся им экспедиции. Кроме того, гибель города связана с изменением течения реки, которая, по народным преданиям торгоутов, была отведена осаждающими посредством плотины из мешков с землей. Плотина эта сохранилась до сих пор в виде вала. Так оно, видимо, и было, но монголы тут ни при чем. В описаниях взятия города Урахая (монг.), или Хэчуйчена (кит.), нет таких сведений. Да это было бы просто невозможно, так как у монгольской конницы не было на вооружении необходимого шанцевого инструмента. Гибель города приписана монголам по дурной традиции, начавшейся еще в Средние века, приписывать им все плохое. На самом деле тангутский город погиб в 1372 г. Он был взят китайскими войсками минской династии, ведшей в то время войну с последними Чингисидами, и разорен как опорная точка монголов, угрожавших Китаю с запада.^[38]

Но почему же тогда он не воскрес? Изменение течения реки не причина, так как город мог бы перекочевать на другой проток Эцзин-гола.

И на этот вопрос можно найти ответ в книге П. К. Козлова. Со свойственной ему наблюдательностью он отмечает, что количество воды в Эцзин-голе сокращается, озеро Сого-нор мелеет и зарастает камышом. Некоторую роль здесь играет перемещение русла реки на запад, но одно это не может объяснить, почему страна в XIII в. кормила огромное население, а к началу XX в. превратилась в песчаную пустыню?

Итак, вина за запустение культурных земель Азии лежит не на монголах, а на изменении климата, явлении, описанном нами в специальных работах.^[39]

Можно ли верить памятникам?

Но почему именно Чингису и его детям приписывалось опустошение Азии, в то время как другие события, гораздо большего масштаба, например разгром уйгуров кыргызами в 841–846 гг. или поголовное истребление калмыков маньчжурским императором Цянь Луном в 1756–1758 гг.,^[40] остались вне поля зрения историков?

Ответ на этот вопрос нужно искать не в истории народов, а в историографии. Талантливые книги по истории пишутся нечасто, не по всякому поводу, и, кроме того, они не все дошли до нас. Эпоха XIV–XV вв. была на Ближнем Востоке эпохой расцвета литературы, а борьба с монгольским игом и в Персии и в России в этот период являлась самой актуальной проблемой, и поэтому ей посвящено множество сочинений, которые уцелели до нашего времени. Среди них были и талантливые, яркие труды, иные из которых мы знаем. Они вызывали подражание и повторения, что увеличивало общее количество работ по данному вопросу. Истребление же ойратов не нашло себе историка или он погиб в резне. Таким образом, оказалось, что события освещены неравномерно и значение их искажено, поскольку они представлены как бы в разных масштабах. Отсюда и возникла гипотеза, приписывающая воинам Чингисхана почти тотальное уничтожение населения завоеванных им стран и полное изменение их ландшафта, что отнюдь не соответствует истине. Следует отметить, что наибольшему усыханию подверглись не разрушенные войной страны, а Уйгурия, где войны вообще не было, и Джунгария, где уничтожать травянистые степи никто не собирался. Следовательно, историко-географические сведения источников ненадежны.

И, наконец, есть соблазн считать миграциями грандиозные исторические события, например походы монголов XIII в. Ему поддались

видные ученые Э. Хантингтон и Э. Брукс, но монгольские походы не были связаны с миграциями. Победы одерживали не скопища кочевников, а небольшие, прекрасно организованные мобильные отряды, после кампаний возвращающиеся в родные степи. Число выселявшихся было ничтожно даже для XIII в. Так, ханы ветви Джучидов: Батый, Орда и Шейбан получили по завещанию Чингиса всего 4 тыс. всадников, т. е. около 20 тыс. человек, которые расселились на территории от Карпат до Алтая. И наоборот, подлинная миграция калмыков XVII в. осталась не замеченной большинством историков вследствие того, что она не получила большого резонанса в трудах по Всемирной истории. Следовательно, для решения поставленной проблемы требуется более солидное знание истории, нежели то, которое легко почерпнуть из сводных работ, и знание географии более детальное, чем то, которым обычно ограничиваются историки или экономисты-сельскохозяйственники. И самое главное — необходимо отслоить достоверную информацию от субъективных восприятия, свойственных многим авторам письменных источников от Геродота до наших дней.

Достоверной информацией мы называем сведения источников, прошедшие через горнило исторической критики и получившие интерпретацию, не вызывающую сомнений. Их очень много, но подавляющая часть относится к политической истории. Мы хорошо знаем даты и подробности сражений, мирных договоров, дворцовых переворотов, великих открытий, но как употребить эти данные для объяснения явлений природы? Методика сопоставления фактов истории с изменениями природы начала разрабатываться только в XX в.

Историк климата Э. Леруа Ладюри отметил, что стремление свести подъемы и упадки хозяйства в разных странах Европы к периодам повышенного или пониженного увлажнения, похолодания или потепления основано на игнорировании экономики и социальных кризисов, роль которых не подлежит сомнению. Так, увеличение ввоза прибалтийского (т. е. русского) зерна в Средиземноморье и уменьшение поголовья овец в Испании в XVI и особенно XVII вв. легче сопоставить с разрушениями, нанесенным европейскими странами Реформацией и Контрреформацией, нежели с незначительными изменениями годовых температур.^[41] Он прав! Достаточно отметить, что не только Германия, на территории которой происходила опустошительная Тридцатилетняя война (1618–1648 гг.), но и страна, не подвергавшаяся опустошениям, — Испания в эти века имела отрицательный прирост населения: в 1600 г. — 8.0 млн., а в 1700 г. — 7.3 млн. Это объясняется просто тем, что большая часть молодых мужчин

были мобилизованы в Америку либо в Нидерланды, вследствие чего в стране не хватало рабочих рук для поддержания хозяйства и семьи.

«Что подумали бы об историке, который экономическое развитие Европы начиная с 1850 г. стал бы объяснять отступлением ледников, безусловно, установленным для Альп...», — пишет Э. Леруа Ладюри, и не согласиться с ним невозможно. Следовательно, по мнению нашего автора, необходимо просто накапливать факты, тщательно и точно датированные и освобожденные от произвольных толкований. Иными словами, мы должны быть уверены, что объяснение интересующего нас фактора за счет экономических, социальных, этнографических факторов и просто случайностей исключено.^[42] В географии нет точной методики определения абсолютных датировок. Ошибка в тысячу лет считается там вполне допустимой. Легко установить, например, что в таком-то районе наносы ила перекрыли слой суглинка, и, следовательно, отметить наличие обводнения, но невозможно сказать, когда оно произошло — 500 или 5 тыс. лет тому назад. Анализ пыльцы показывает наличие, например, сухолюбивых растений на том месте, где ныне растут влаголюбивые, но нет никакой гарантии, что заболачивание долины не произошло от смещения русла ближней реки, а вовсе не от перемен климата. В степях Монголии и Казахстана обнаружены остатки рощ, в отношении которых нельзя сказать, погибли ли они от усыхания или были вырублены людьми, а если даже будет доказано последнее, то все равно остается неизвестной эпоха расправы человека над ландшафтом.

Может быть, поможет археология? Памятники материальной культуры четко отмечают периоды расцвета и упадка народов и поддаются довольно четкой датировке. Вещи, находимые в земле, или старинные могилы не стремятся ввести исследователя в заблуждение или исказить факты. Но ведь вещи молчат, предоставляя полный простор воображению археолога. А наши современники тоже не прочь пофантазировать, и хотя их образ мысли весьма отличен от средневекового, нет никакой уверенности, что он намного ближе к действительности. В XX в. мы иногда встречаемся со слепой верой в могущество археологических раскопок, основанной на действительно удачных находках в Египте, Вавилонии, Индии и даже в Горном Алтае, благодаря которым удалось открыть и исследовать позабытые страницы нашей истории. Но ведь это исключение, а по большей части археолог должен довольствоваться черепками, поднятыми из сухой пыли раскаленных степей, обломками костей в разграбленных могилах и остатками стен, высотой в один отпечаток кирпича. А при этом еще надо помнить, что найденное — ничтожная часть пропавшего. В

большинстве районов Земли не сохраняются почти все нестойкие материалы: дерево, меха, ткани, бумага (или заменявшая ее береста) и т. п. Никогда не известно, что именно пропало, а считать пропавшее несуществовавшим и не вводить на это поправки — ошибка, приводящая заведомо к неправильным выводам. Короче говоря, археология без истории может ввести исследователя в заблуждение. Попробуем подойти к решению проблемы иначе.

III. А есть ли этнос?

Признака для определения этноса нет

По предложенному нами определению формой существования вида *Homo sapiens* является коллектив особей, противопоставляющий себя всем другим коллективам. Он более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени, что и составляет проблему этногенеза. Все такие коллективы более или менее разнятся между собой, иногда по языку, иногда по обычаям, иногда по системе идеологии, иногда по происхождению, но всегда по исторической судьбе. Следовательно, с одной стороны, этнос является производным от исторического процесса, а с другой — через производственную деятельность — хозяйство, связан с биоценозом того ландшафта, в котором он образовался. Впоследствии народность может изменить это соотношение, но при этом оно видоизменяется до неузнаваемости, и преемственность прослеживается лишь при помощи исторической методики и самой строгой критики источников, ибо слова обманчивы.

Прежде чем двигаться дальше, следует хотя бы условиться о понятии «этнос», которое еще не дефинировано. У нас нет ни одного реального признака для определения любого этноса как такового, хотя в мире не было и нет человеческой особи, которая была бы внеэтнична. Все перечисленные признаки определяют этнос «иногда», а совокупность их вообще ничего не определяет. Проверим этот тезис негативным методом.

В теории исторического материализма основой общества признается способ производства, реализующийся в общественно-экономических формациях. Именно потому, что здесь решающую роль играет саморазвитие, влияние экзогенных факторов, в том числе природных, не может быть основным в генезисе социального прогресса. Понятие «общество» означает совокупность людей, объединенных общими для них конкретно-историческими условиями материальной жизни. Главной силой в этой системе условий служит способ производства материальных благ. Люди объединяются в процессе производства, и результат этого объединения — общественные отношения, которые оформляются в одну из известных пяти формаций: первобытно-общинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую.

«Объединиться в этнос» нельзя, так как принадлежность к тому или

другому этносу воспринимается самим субъектом непосредственно, а окружающими констатируется как факт, не подлежащий сомнению. Следовательно, в основе этнической диагностики лежит ощущение. Человек принадлежит к своему этносу с младенчества. Иногда возможна инкорпорация иноплеменников, но, применяемая в больших размерах, она разлагает этнос. Конкретно-исторические условия меняются на протяжении жизни этноса не раз, и наоборот, дивергенция этносов часто наблюдается при господстве одного способа производства. Исходя из мысли К. Маркса об историческом процессе как взаимодействии истории природы и истории людей,^[43] можно предложить первое, наиболее общее деление — на стимулы социальные, возникающие в техносфере, и стимулы природные, постоянно поступающие из географической среды.^[44] Каждый человек не только член того или иного общества, находящегося в возрасте, определяемом воздействием гормонов. То же самое можно сказать про долгоживущие коллективы, которые в социальном аспекте образуют разнохарактерные классовые государства или племенные союзы (социальные организмы), а в природном — этносы (народности, нации). Несовпадение тех и других очевидно.

Этнос — не общество

Но существует и иная точка зрения, согласно которой «этнос... — социально-историческая категория, причем его генезис и развитие определяются не биологическими законами природы, а специфическими законами развития общества».^[45] Как это понять? Согласно теории исторического материализма, спонтанное развитие производительных сил вызывает изменение производственных отношений, что порождает диалектический процесс классовообразования, сменяющийся процессами классовоуничтожения. Это глобальное явление, свойственное общественной форме развития материи. Но при чем тут этногенез? Разве появление столь известных этносов, как французы или англичане, хронологически или территориально совпадает со становлением феодальной формации? Или эти этносы исчезли с ее крахом и переходом к капитализму? И ведь в той же Франции «социально-историческая» категория — Французское королевство охватывало уже в XIV в. кроме французов кельтов-бретонцев, басков, провансальцев и бургундов. Так разве они не были этносами? Не говорит ли этот факт, один из очень многих, о том, что дефиниция В. И. Козлова отличается односторонностью? А коль скоро так, то это

повод для научного диспута.

Диалектический материализм разграничивает разные формы движения материи: механическую, физическую, химическую и биологическую, относя их к разделу природных. Общественная форма движения материи стоит особо в силу присущей ей специфики — она свойственна лишь человечеству со всеми его проявлениями. Каждый человек и коллектив людей с техникой и domestикатами (ручные животные и культурные растения) подвержен воздействию как общественной, так и природных форм движения материи, непрестанно коррелирующих во времени (история) и пространстве (география). При обобщении материала в единый доступный наблюдению и изучению комплекс (историческая география) мы обязаны рассматривать его в двух ракурсах — со стороны социальной и со стороны природной. В первом ракурсе мы увидим общественные организации: племенные союзы, государства, теократии, политические партии, философские школы и т. п.; во втором — этносы, т. е. коллективы людей, возникающие и рассыпающиеся за относительно короткое время, но имеющие в каждом случае оригинальную структуру, неповторимый стереотип поведения и своеобразный ритм, имеющий в пределе гомеостаз.

Как известно, классы — это социально-исторические категории. В доклассовом обществе их аналогом являются племенные или родовые союзы, например кланы у кельтов. В широком смысле понятие «социальная категория» может быть распространено на устойчивые институты, например государство, церковную организацию, полис (в Элладe) или фeод. Но каждому знающему историю известно, что подобные категории совпадают с границами этносов лишь в редчайших случаях, т. е. прямой связи тут нет. В самом деле, правомерно ли сказать, что в Москве живут рабочие, служащие и татары? С нашей точки зрения, это абсурд, но по логике В. И. Козлова получается только так. Значит, ошибка кроется в постулате. Но мало этого, экономика, всецело относящаяся к общественной форме движения материи, ломает национальные рамки. Казалось бы, при наличии общеевропейского рынка, однородной техники, схожести образования в разных странах и легкого изучения соседних языков, в Европе XX в. этнические различия должны стираться. А на самом деле? Ирландцы уже отпали от Великобритании, не пожалев сил на изучение своего древнего и почти забытого языка. Претендуют на автономию Шотландия и Каталония, хотя за последние 300 лет они не считали себя угнетенными. В Бельгии фламандцы и валлоны, до сих пор жившие в согласии, начали бешеную борьбу, доходящую до уличных драк между студентами обоих этносов.^[46] И поскольку в древности тоже наблюдается

лишь случайное совпадение общественно-политических и этнических пиков (или спадов), то очевидно, что мы наблюдаем интерференцию двух линий развития или, говоря языком математики, двух независимых переменных. Не заметить этого можно только при очень сильном желании.

Язык

Попробуем раскрыть природу зримого проявления наличия этносов — противопоставления себя всем остальным: «мы» и «не-мы». Что рождает и питает это противопоставление? Не единство языка, ибо есть много двуязычных и триязычных этносов и, наоборот, разных этносов, говорящих на одном языке. Так, французы говорят на четырех языках: французском, кельтском, баскском и провансальском, причем это не мешает их нынешнему этническому единству, несмотря на то что история объединения, точнее — покорения Франции от Рейна до Пиренеев парижскими королями — была долгой и кровавой. Вместе с тем мексиканцы, перуанцы, аргентинцы говорят по-испански, но они не испанцы. Недаром же пролились в начале XIX в. потоки крови лишь для того, чтобы разоренная войной Латинская Америка попала в руки торговых компаний Англии и США. Англичане Нортумберленда говорят на языке, близком норвежскому, потому что они потомки викингов, осевших в Англии, а ирландцы до последнего времени знали только английский, но англичанами не стали. На арабском языке говорит несколько разных народов, а для многих узбеков родной язык — таджикский, и т. д. Кроме того, есть сословные языки, например французский — в Англии XII–XIII вв., греческий — в Парфии II–I вв. до н. э., арабский — в Персии с VII–XI в. и т. д. Поскольку целостность народности не нарушалась, надо сделать вывод, что дело не в языке.

Более того, часто языковое разнообразие находит практическое применение, причем эта практика сближает разноразличные народы. Например, во время американо-японской войны на Тихом океане японцы так научились расшифровывать американские радиопередачи, что американцы потеряли возможность передавать секретные сведения по радио. Но они нашли остроумный и неожиданный выход, обучив морзянке мобилизованных на военную службу индейцев. Апач передавал информацию навахо на атабасском языке, ассинибойн — сиусу — на дакотском, а тот, кто принимал, переводил текст на английский. Японцы раскрывали шифры, но перед открытыми текстами отступили в бессилии.

Поскольку военная служба часто сближает людей, индейцы вернулись домой, обретя «бледнолицых» боевых товарищей. Но ведь и ассимиляции индейцев при этом не произошло, ибо командование ценило именно их этнические особенности, в том числе двуязычие. Итак, хотя в отдельных случаях язык может служить индикатором этнической общности, но не он ее причина.

Заметим, что вепсы, удмурты, карелы, чуваша до сих пор говорят дома на своих языках, а в школах учатся на русском и в дальнейшем, когда покинут свои деревни, практически от русских неотличимы. Знание родного языка им отнюдь не мешает.

Наконец, турки-османы! В XIII в. туркменский вождь Эртогрул, спасаясь от монголов, привел в Малую Азию около 500 всадников с семьями. Иконийский султан поселил прибывших на границе с Никоей, в Бруссе, для пограничной войны с «неверными» греками. При первых султанах в Бруссу стекались добровольцы — «газии» со всего Ближнего Востока ради добычи и земли для поселения. Они составили конницу — «спаги». Завоевание Болгарии и Македонии в XIV в. позволило турецким султанам организовать пехоту из христианских мальчиков, которых отрывали от семей, обучали исламу и военному делу и ставили на положение гвардии — «нового войска», янычар. В XV в. был создан флот, укомплектованный авантюристами всех берегов Средиземного моря. В XVI в. добавилась легкая конница — «акинджи» из завоеванных Диарбекра, Ирака и Курдистана. Дипломатами становились французские ренегаты, а финансистами и экономистами — греки, армяне и евреи. А жен эти люди покупали на невольничьих базарах. Там были польки, украинки, немки, итальянки, грузинки, гречанки, берберки, негритянки и т. д. Эти женщины в XVII–XVIII вв. оказывались матерями и бабушками турецких воинов. Турки были этносом, но молодой солдат слушал команду по-турецки, беседовал с матерью по-польски, а с бабушкой по-итальянски, на базаре торговался по-гречески, стихи читал персидские, а молитвы — арабские. Но он был османом, ибо вел себя, как подобало осману, храброму и набожному воину ислама.

Эту этническую целостность развалили в XIX в. многочисленные европейские ренегаты и обучавшиеся в Париже младотурки. В XX в. Османская империя пала, а этнос рассыпался: люди вошли в состав других этносов. Новую Турцию подняли потомки сельджуков из глубин Малой Азии, а остатки османов доживали свой век в переулках Стамбула. Значит, 600 лет этнос османов объединяла не языковая, а религиозная общность.

Идеология и культура

Идеология и культура тоже иногда являются признаком, но не обязательным. Например, византийцем мог быть только православный христианин, и все православные считались подданными константинопольского императора и «своими». Однако это нарушилось, как только крещеные болгары затеяли войну с греками, а принявшая православие Русь и не думала подчиняться Царьграду. Такой же принцип единомыслия был провозглашен халифами, преемниками Мухаммеда, и не выдержал соперничества с живой жизнью: внутри единства ислама опять возникли этносы. Как мы уже поминали, иногда проповедь объединяет группу людей, которая становится этносом: например турки-османы или сикхи в Северо-Западной Индии. Кстати говоря, в империи османов были мусульмане-сунниты, подвластные султану, но турками себя не считавшие, — арабы и крымские татары. Для последних не сыграла роли даже языковая близость к османам. Значит, и вероисповедание — не общий признак этнической диагностики.

Третий пример конфессионального самоутверждения этноса — сикхи, сектанты индийского происхождения. Установленная в Индии система каст считалась обязательной для всех индусов. Это была особая структура этноса. Быть индусом — значило быть членом касты, пусть даже самой низшей, из разряда неприкасаемых, а все прочие ставились ниже животных, в том числе захваченные в плен англичане. Политического единства не было, но стереотип поведения выдерживался твердо, даже слишком жестоко. Каждая каста имела право на определенный род занятий, и тех, кому разрешалась военная служба, было мало. Это дало возможность мусульманам-афганцам овладеть Индией и измываться над беззащитным населением, причем больше всего пострадали жители Пенджаба. В XVI в. там появилось учение, провозгласившее сначала непротивление злу, а потом поставившее целью войну с мусульманами. Система каст была аннулирована, чем сикхи (название адептов новой веры) отделили себя от индусов. Они обособились от индийской целостности путем эндогамии, выработали свой стереотип поведения и установили структуру своей общины. По принятому нами принципу, сикхов надо рассматривать как возникший этнос, противопоставивший себя индусам. Так воспринимают себя они сами. Религиозная концепция стала для них символом, а для нас индикатором этнической дивергенции.

Считать учение сикхов только доктриной нельзя, ибо если бы в

Москве некто полностью воспринял эту религию, он не стал бы сикхом, и сикхи его не сочли бы «своим». Сикхи стали этносом на основе религии, монголы — на основе родства, швейцарцы — вследствие удачной войны с австрийскими феодалами, спаявшей население страны, где говорят на четырех языках. Этносы образуются разными способами, и наша задача в том, чтобы уловить общую закономерность.

Большинство крупных народов имеет несколько этнографических типов, составляющих гармоничную систему, но весьма разнящихся между собой как во времени, так и в социальной структуре. Сравним хотя бы Москву XVII в. с ее боярскими шапками и бородами, когда женщины пряли за слюдяными окнами, с Москвой XVIII в., когда вельможи в париках и камзолах вывозили своих жен на балы, с Москвой XIX в., когда бородатые студенты-нигилисты просвещали барышень из всех сословий, уже начавших смешиваться между собою, добавим сюда декадентов XX в. Сравнив их всех с нашей эпохой и зная, что это один и тот же этнос, мы увидим, что без знания истории этнография ввела бы исследователя в заблуждение. И не менее показателен срез пространственный по одному, допустим, 1869 году. Поморы, питерские рабочие, староверы в Заволжье, сибирские золотоискатели, крестьяне лесных и крестьяне степных губерний, казаки донские и казаки уральские были внешне совсем не похожи друг на друга, но народного единства это не разрушало, а близость по быту, скажем, гребенских казаков с чеченцами их не объединяла.

Как ни странно, но предложенная точка зрения встретила активное сопротивление именно там, где должна была бы обрести понимание. Некоторые этнографы противопоставили автору свою точку зрения и на взаимоотношение этнографии с географией, и на историю вопроса, т. е. историографию.^[47] Не стремясь вступать в полемику, я тем не менее не могу игнорировать концепцию, претендующую (без достаточных оснований) на каноничность. Это было бы академически некорректно.

Становление этнографии как науки В. И. Козлову и В. В. Покшишевскому представляется так. До середины XIX в. география и этнография развивались слитно, а затем этнография разделилась на общественно-историческое и географическое направления. К первому причислены Л. Г. Морган, И. Я. Бахофен, Э. Тэйлор, Дж. Фрезер, Л. Я. Штеренберг, ко второму — Ф. Ратцель, Л. Д. Сеницкий и А. А. Кубер, а также французская школа «географии человека». В предлагаемой классификации есть существенный дефект, практически сводящий ее на нет. Представители «направлений» интересовались разными сюжетами и уделяли свое внимание разным темам. А коль скоро так, то и

противопоставление их неоправданно. Ведь когда Ф. Ратцель пытался обосновать географичность этнографического районирования, он отнюдь не оспаривал концепции анимизма, симпатической магии или ритуального убийства жреца, т. е. предметов, которым посвятил Дж. Фрезер свою знаменитую «Золотую ветвь». Однако именно наличию многообразных интересов разносторонних ученых авторы приписывают отделение этнографии от географии и рождение ее заново как общественной науки. Тут налицо некоторая путаница, чреватая печальными последствиями. Любая наука развивается путем расширения диапазона исследований, а не простой сменой тематики. Следовательно, если к достижениям географической этнографии добавлены исторические аспекты — это прогресс науки, а если одни сюжеты заменены другими — то это топтание на месте, всегда крайне ущербное.

Это, очевидно, ясно самим ученым, посвятившим очередной пассаж географии населения, находящейся на стыке обеих наук, но не включающей в себя этническую географию. Разница, по их мнению, в том, что «для эконом-географов человек... — важнейший субъект производства и потребления, для этнографов же — ...носитель определенных этнических особенностей (культурных, языковых и др.)» (С. 7). Здесь согласиться с авторами упомянутой статьи никак нельзя. Ну, можно ли изучать эскимосов, не замечая их охоты на морского зверя, а ограничиваясь грамматическими формами глагола или представлениями о злобных духах моря и тундры? Или описывать индусов, не упоминая об их труде на рисовых полях, но подробно излагая теорию кармы и перевоплощения душ? Нет, характер трудовых процессов, потребление, войны, создание государства или падение его — такие же объекты этнографического исследования, как и свадебные обряды или ритуальные церемонии. А изучение народов в фазах их развития и в противопоставлении себя соседям немыслимо без учета географической среды.

Равным образом не следует подменять этнографию учением о «хозяйственно-культурных типах, характерных для народов, находящихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития и живущих в сходных естественно-географических условиях (например, типы «арктических охотников на морского зверя», «скотоводов сухих степей» и т. п.)».^[48] Это направление плодотворно для эконом-географии, но никакого отношения к этнографии не имеет и иметь не может. Например, чукчи оленные (т. е. пастухи) и чукчи — охотники на морского зверя (чем они занимаются, когда у них пропадают олени), по предложенной классификации, должны быть разнесены в разные разделы,

хотя они — единый этнос. А разве русские крестьяне Подмосковья, поморы и сибирские охотники на соболя — не один этнос? Да ведь примерам несть числа. Предложение В. И. Козлова сводится к упразднению этнографии и замене ее демографией с учетом занятий населения. Однако эта тема интереса у нас не будит.

Столь же неверно приравнивать этнос к биологическим таксономическим единицам: расе и популяции. Расы отличаются друг от друга физическими признаками, не имеющими существенного значения для жизнедеятельности человека.^[49] Популяция — это совокупность особей, населяющая определенную территорию, где они осуществляют свободное скрещивание, будучи отделены от соседних популяций той или иной степенью изоляции.^[50] Этнос, по предложенному нами пониманию, — коллектив особей, имеющий неповторимую внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения, причем обе составляющие динамичны. Следовательно, этнос — это элементарное явление, не сводимое ни к социологическому, ни к биологическому, ни к географическому явлениям.

Сведение этногенеза к «языково-культурным процессам» искажает действительность, умаляя степень сложности этнической истории, на что указал Ю. В. Бромлей, предложивший для прояснения вопроса ввести дополнительные термины: этникос и эсо (этносоциальная организация).^[51] Допускаю, что можно не удовлетвориться его решением, но полностью игнорировать его некорректно. В заключение проверим тезис В. И. Козлова путем последовательного его применения к явлениям общеизвестным. По логике его постулата, люди, способные к изучению языков, должны принадлежать одновременно к нескольким этносам. Это нонсенс! Хотя есть много двуязычных и даже трехязычных этносов, на базе лингвистической квалификации они не сливаются. Ведь не стали же А. С. Пушкин и его друзья французами! И наоборот, мексиканцы и перуанцы говорят по-испански, исповедуют католичество, читают Сервантеса, но испанцами себя не считают. Больше того, они погубили миллион человеческих жизней в войне, которую называли «освободительной». А в это же время индейцы Верхнего Перу и пустыни Чако сражались за Испанию, с которой у них не было ничего общего ни в культуре, ни в экономике, ни в языке. Но это вполне понятно, если учесть, что врагами индейцев были не далекие испанцы, а местные жители — метисы, отчасти обыспанившиеся, но противопоставившие себя бывшим соплеменникам, так как они к началу XIX в. оформились в самостоятельные этносы. С позиций В. И. Козлова,

столь поздний этногенез необъясним.

Происхождение от одного предка

В древние времена это считалось обязательным для этноса. Часто в роли предка за отсутствием реальной фигуры выступал зверь, не всегда являвшийся тотемом. Для тюрков и римлян это была волчица-кормилица, для уйгуров — волк, оплодотворивший царевну, для тибетцев — обезьяна и самка ракшаса (лесного демона). Но чаще это был человек, облик которого легенда искажала до неузнаваемости. Авраам — праотец евреев, его сын Исмаил — предок арабов, Кадм — основатель Фив и зачинатель беотийцев и т. д.

Как ни странно, эти архаические воззрения не умерли, только на место персоны в наше время пытаются поставить какое-либо древнее племя — как предка ныне существующего этноса. Но это столь же неверно. Как нет человека, у которого были бы только отец или только мать, так нет этноса, который бы не произошел от разных предков. И не следует смешивать этносы с расами, что делается часто, но безосновательно. Основой для соблазна является предвзятое мнение, согласно которому процессы расогенеза, вероятно, развивались в определенных районах мира и были обусловлены спецификой природной среды этих районов,^[52] т. е. климатом, флорой и фауной географических зон. Тут налицо недопустимая подмена объекта, т. е. первичная раса произвольно приравнена к этносу. Разберемся.

В эпоху верхнего палеолита, когда в Европе господствовали субарктические условия, при высокой аридности климата долину Роны заселяли негроиды расы Гримальди, а в тропических лесах Африки обитала койсанская раса, совмещающая монголоидные и негроидные черты. Эта раса древняя, генезис ее неясен, но оснований считать ее гибридной нет. Негроиды-банту вытеснили койсанийцев на южную окраину Африки в эпоху вполне историческую — около I в. н. э., а позднее процесс продолжался вплоть до XIX в., когда бечуаны загнали бушменов в пустыню Калахари. Вместе с тем в Экваториальной Америке не возникло негроидности, хотя природные условия ее близки к африканским.

Аридную зону Евразии населяли европеоиды кроманьонского типа и монголоиды, но к схожести расовых признаков это не повело. В Тибете монголоидные боты соседнили с европеоидными дарами и памирцами, а в Гималаях — гурки с патанами. Но сходность природной среды на расовый облик не повлияла. Короче говоря, следует признать, что функциональная

связь антропологических особенностей между различными популяциями и географическими условиями населенных ими регионов не ясна. Более того, нет уверенности, что она вообще наличествует в природе, тем более что это мнение идет вразрез с достижениями современной палеоантропологии, строящей расовую классификацию не по широтным зонам, а по меридиональным регионам: атлантическому, к которому причислены европеоиды и африканские негроиды, и тихоокеанскому, к которому отнесены монголоиды Восточной Азии и Америки.^[53] Эта точка зрения исключает воздействие природных условий на расогенез, ибо обе группы формировались в разных климатических зонах.

Этносы, наоборот, всегда связаны с природным окружением благодаря активной хозяйственной деятельности. Последняя проявляется в двух направлениях: приспособлении себя к ландшафту и ландшафта к себе. Однако в обоих случаях мы сталкиваемся с этносом как с реально существующим явлением, хотя причина возникновения его ясна.

Да и не надо сводить все многообразие изучаемой темы к чему-либо одному. Лучше просто установить роль тех или иных факторов. Например, ландшафт определяет возможности этнического коллектива при его возникновении, а новорожденный этнос изменяет ландшафт применительно к своим требованиям. Такое взаимное приспособление возможно лишь тогда, когда возникающий этнос полон сил и ищет для них применения. А затем наступает привычка к создавшейся остановке, которая для потомков становится близкой и дорогой. Отрицание этого неизбежно ведет к выводу, что у народов нет родины, понимаемой здесь как любимое всем сердцем сочетание ландшафтных элементов. Вряд ли кто-либо с этим согласится.

Уже одно это показывает, что этногенез — процесс не социальный, ибо спонтанное развитие социосферы лишь взаимодействует с природными явлениями, а не является их продуктом.

Но именно тот факт, что этногенез — процесс, а непосредственно наблюдаемый этнос — фаза этногенеза, и, следовательно, нестабильная система, исключает любые сопоставления этносов с антропологическими расами, а тем самым с любыми расовыми теориями. В самом деле, принцип антропологической классификации — сходство. А люди, составляющие этнос, разнообразны. В процессе этногенеза всегда участвуют два и более компонентов. Скрещивание разных этносов иногда дает новую устойчивую форму, а иногда ведет к вырождению. Так, из смеси славян, угров, алан и тюрок развилась великорусская народность, а образования, включавшие монголо-китайских и маньчжуро-китайских

метисов, часто возникавшие вдоль линии Великой Китайской стены в последние две тысячи лет, оказались нестойкими и исчезли как самостоятельные этнические единицы.

В Средней Азии в VII в. жили согдийцы, а термин «таджик» еще в VIII в. значил «араб», т. е. воин халифа. Наср ибн Сейяр в 733 г., подавляя восстание согдийцев, был вынужден пополнять свои редевшие войска хорасанскими персами, уже принявшими ислам. Набрал он их много, и потому персидский язык стал господствовать в его арабской армии. После победы, когда мужчины-согдийцы были убиты, дети проданы в рабство, а красивые женщины и цветущие сады поделены между победителями, в Согдиане и Бухаре появилось персоязычное население, похожее на хорасанцев.^[54] Но в 1510 г. судьбы Ирана и Средней Азии разошлись. Ираном овладел тюрк Измаил Сефев, ревностный шиит, и обратил персов в шиизм. А Средняя Азия досталась узбекам-суннитам, и жившее там персоязычное население сохранило старое наименование «таджик», чему до падения бухарской династии Мангытов в 1918 г. никакого значения не придавалось. Когда же в бывшем Туркестанском крае были образованы Узбекская и Таджикская республики, то потомки хорасанских персов, завоевателей VIII в., жившие в Бухаре и Самарканде, при переписи записались узбеками, а потомки тюрков, завоевателей XI и XVI вв., жившие в Душанбе и Шахрисябзе, — таджиками. Оба языка они знали с детства, были мусульманами, и им было безразлично, как их запишут. За последние 40 лет положение изменилось: таджики и узбеки оформились в социалистические нации, но как рассматривать их до 20-х годов, когда религиозная принадлежность определяла этническую (мусульмане и кафиры), а родов у таджиков не было? И ведь оба этнических субстрата: тюрки и иранцы — были в Средней Азии «импортными» этносами тысячу лет назад — срок, достаточный для адаптации. Видимо, здесь действует определенная закономерность, которую надлежит вскрыть и описать. Но ясно, что общность происхождения не может быть индикатором для определения этноса, потому что это — миф, унаследованный нашим сознанием от примитивной науки первобытных времен.

Этнос как иллюзия

Но, может быть, «этнос» просто социальная категория, образующаяся при сложении того или иного общества?^[55] Тогда «этнос» — величина мнимая, а этнография — бессмысленное времяпрепровождение, так как

проще изучать социальные условия. Данная точка зрения ошибочна, что становится очевидным, если спекуляции подменить наблюдениями натуральных процессов, доступными вдумчивому человеку. Поясним это на реальных примерах. Во Франции живут кельты-бретонцы и иберы-гасконцы. В лесах Вандеи и на склонах Пиренеев они одеваются в свои костюмы, говорят на своем языке и на своей родине четко отличают себя от французов. Но можно ли сказать про маршалов Франции Мюрата или Ланна, что они — баски, а не французы? Или про д'Артаньяна, исторического персонажа и героя романа Дюма? Можно ли не считать французами бретонского дворянина Шатобриана и Жюль де Ретца, соратника Жанны д'Арк? Разве ирландец Оскар Уайльд — не английский писатель? Знаменитый ориенталист Чокан Валиханов сам говорил о себе, что он считает себя в равной мере русским и казахом. Таким примерам несть числа, но все они указывают, что этническая принадлежность, обнаруживаемая в сознании людей, не есть продукт самого сознания. Очевидно, она отражает какую-то сторону природы человека, гораздо более глубокую, внешнюю по отношению к сознанию и психологии, под которой мы понимаем форму высшей нервной деятельности. Ведь в других случаях этносы почему-то проявляют огромную сопротивляемость воздействиям окружения и не ассимилируются.

Цыгане вот уже тысячу лет как оторвались от своего общества и Индии, потеряли связь с родной землей и тем не менее не слились ни с испанцами, ни с французами, ни с чехами или монголами. Они не приняли феодальных институтов обществ Европы, оставшись иноплеменной группой во всех странах, куда бы они ни попадали. Ирокезы до сих пор живут маленькой этнической группой (их всего 20 тыс. человек), окруженные гипертрофированным капитализмом, но не принимают в «американском образе жизни» участия. В Монгольской Народной Республике живут тюркские этносы: сойоты (уранхайцы), казахи и другие, но, несмотря на сходство «материального и духовного развития общества», они не сливаются с монголами, составляя самостоятельные этносы. А ведь «уровень развития общества, состояние его производительных сил» одни и те же. И наоборот, французы выселились в Канаду в XVIII в. и до сих пор сохранили свое этническое лицо, хотя развитие их лесных поселков и промышленных городов Франции весьма различно. Евреи в Салониках живут эндогамной группой свыше 400 лет после своего изгнания из Испании, но, по данным 1918 г., они скорее похожи на арабов, чем на своих соседей — греков. Точно так же немцы из Венгрии внешним обликом походят на своих соплеменников в Германии, а цыгане — на индусов.

Отбор изменяет соотношение признаков медленно, а мутации, как известно, редки. Поэтому любой этнос, живущий в привычном для него ландшафте, находится почти в состоянии равновесия.

Не следует думать, что изменение условий существования не влияет на этносы никогда. Иной раз оно влияет настолько сильно, что образуются новые признаки и создаются новые этнические варианты, более или менее устойчивые. Нам надлежит разобраться в том, как проходят эти процессы и почему они дают разные результаты.

Известным советским исследователем С. А. Токаревым была выдвинута социологическая концепция, где вместо определения понятия этнической общности речь шла о «четырех исторических типах народности в четырех формациях: племя — в общинно-родовой — охватывает всю группу людей на данной территории, объединяя их кровно-родственными связями; демос — при рабовладельческой — только свободное население, не включая рабов; народность — при феодализме — все трудящееся население страны, не включая господствующий класс; нация — в капиталистической и социалистической — все слои населения, расколотого на антагонистические классы».^[56] Приведенная выдержка показывает, что в понятие «этническая общность» вкладывалось совсем иное значение, которое, может быть, в чем-то и помогает, но лежит вне поля зрения исторической географии и вообще естественных наук. Поэтому спор с этой концепцией был бы неплодотворен, так как он свелся бы к тому, что называть этносом. А что толку спорить о словах?

Между западом и востоком

Пока мы знакомились с культурами Средиземноморья, мы находились в среде привычных понятий и оценок. Религия означала веру в Бога, государство — территорию с определенным порядком и властью, страны и озера находились на определенных местах.

Вот только привычные названия «Запад» и «Восток» вели себя не совсем географично: Марокко считалось «Востоком», а Венгрия и Польша — «Западом». Но к этой условности все успели примениться, и путаницы понятий не возникало. Этому весьма способствовали изученность предмета, знакомого даже неспециалистам, благодаря чтению художественной литературы и наличию живой традиции.

Но как только мы пересечем горные перевалы, разделяющие Среднюю и Восточную Азию, мы попадем в мир иной системы отсчета. Здесь мы

встретим религии, отрицающие существование не только божества, но и мира, окружающего нас. Порядки и социальные устройства будут противоречить принципам государства и власти. В безымянных странах мы найдем этносы без общности языка и экономики и даже иной раз территории, а реки и озера будут кочевать, как пастухи-скотоводы. Те племена, которые мы привыкли считать кочевыми, окажутся оседлыми, а сила войск не будет зависеть от их численности. Неизменными останутся только закономерности этногенеза.

Иной материал требует иного к себе подхода, а следовательно, иного масштаба исследования. В противном случае он останется непонятным, а книга станет ненужной для читателя. Читатель привык к европейским терминам. Он знает, что такое «король» или «граф», «канцлер» или «буржуазная коммуна». Но на востоке Ойкумены не было эквивалентных терминов. «Хаган» — не король или император, а выбранный пожизненно военный вождь, по совместительству выполняющий обряды почитания предков. Ну разве можно представить себе Ричарда Львиное Сердце, служащего заупокойную мессу по Генриху II, которого он довел до инфаркта? Да еще чтобы при этой мессе присутствовали представители гасконской и английской знати? Ведь это бред! А на востоке Великой степи он был бы обязан это сделать, иначе его бы тут же убили.

Такие наименования, как «китайцы» или «индусы», эквивалентны не «французам» или «немцам», а западноевропейцам в целом, ибо являются системами этносов, но объединенными на других принципах культуры: индусов связывала система каст, а китайцев — иероглифическая письменность и гуманитарная образованность. Как только уроженец Индостана переходил в мусульманство, он переставал быть индусом, ибо для своих соотечественников он становился отщепенцем и попадал в разряд неприкасаемых. Согласно Конфуцию, китаец, живущий среди варваров, рассматривался как варвар. Зато иноземец, соблюдающий китайский этикет, котирировался как китаец.

Для сравнения этносов Востока и Запада нам необходимо найти правильные соответствия, с равной ценой деления. Ради этого исследуем свойства этноса как природного явления, присущего всем странам и векам.

Для достижения поставленной цели необходимо очень внимательно относиться к древним традиционным сведениям о мире, не отвергая их заранее только потому, что они не соответствуют нашим современным представлениям. Мы постоянно забываем, что люди, жившие несколько тысяч лет назад, обладали таким же сознанием, способностями и стремлением к истине и знанию, как и наши современники. Об этом

свидетельствуют трактаты, дошедшие до нас от разных народов разных времен. Вот почему этнология является практически необходимой дисциплиной, ведь без ее методики значительная часть культурного наследия древности остается для нас недоступной.

Для понимания истории и культуры Восточной Азии обычный подход не годится. При изучении истории Европы мы можем выделить разделы: история Франции, Германии, Англии и т. д. или история древняя, средняя, новая. Затем, изучая историю, допустим, Рима, мы касаемся соседних народов лишь постольку, поскольку Рим с ними сталкивался. Для западных стран такой подход оправдывается полученными результатами, но при изучении Срединной Азии этим способом мы удовлетворительных результатов не получим. Причина этого глубока: она в том, что азиатские понятия термина «народ» и европейское его понимание различны. В самой Азии этническое единство воспринимается по-разному, и если даже мы отбросим Левант и Индию с Индокитаем, как не имеющие прямого отношения к нашей теме, то все же останутся три различных понимания: китайское, иранское и кочевническое. При этом последнее варьируется особенно сильно в зависимости от эпохи. В хуннское время оно не такое, как в уйгурское или монгольское.

В Европе этноним — понятие устойчивое, в Срединной Азии — более или менее текучее, в Китае — поглощающее, в Иране — исключаящее. Иными словами, в Китае, для того чтобы считаться китайцем, человек должен был воспринять основы китайской нравственности, образования и правил поведения; происхождение в расчет не принималось, язык тоже, так как и в древности китайцы говорили на разных языках. Поэтому ясно, что Китай неминуемо расширялся, поглощая мелкие народы и племена. В Иране, наоборот, персом нужно было родиться, но, сверх того, обязательно следовало почитать Агурамазду и ненавидеть Аримана. Без этого нельзя было стать «арийцем». Средневековые (сасанидские) персы не мыслили даже возможности кого-либо включить в свои ряды, так как они называли себя «благородные» (номдорон), а прочих к их числу не относили. В результате численность народа падала неуклонно. О парфянском понимании судить трудно, но, по-видимому, оно не отличалось принципиально от персидского, только было несколько шире.

Чтобы считаться хунном, надо было стать членом рода либо с помощью брака, либо повелением шаньюя, тогда человек становился своим. Наследники хуннов, тюркюты, стали инкорпорировать целые племена. На базе восприятия возникли смешанные племенные союзы, например казахи, якуты и т. п. У монголов, вообще весьма близких к

тюркам и хуннам, получила преобладание орда, т. е. группа людей, объединенных дисциплиной и руководством. Тут не требовалось ни происхождения, ни языка, ни вероисповедания, а только храбрость и готовность подчиняться. Ясно, что названия орд — не этнонимы, но при наличии орд этнонимы вообще пропадают, так как в них нет нужды — понятие «народ» совпадает с понятием «государство».

В связи с этим мы должны твердо запомнить, что понятие «государство» во всех перечисленных случаях различно и в переводе незаменимо. Китайское «го» изображается иероглифом: ограда и человек с копьем. Это отнюдь не соответствует английскому «state», или французскому «etat», или даже латинскому «imperium» и «respublicae». Так же далеки по содержанию иранский «шахр» или вышеприведенный термин «орда». Нюансы различия оказываются подчас значительно больше элементов сходства, а это определяет поведение участников истории: что кажется чудовищным европейцу, естественно для монгола, и наоборот. Причина не в разной этике, а в том, что предмет, в данном случае государство, не идентичен. Поэтому мы будем фиксировать не только сходство, но и разницу, чтобы не вгонять исследуемые нами народы в прокрустово ложе схемы.

Конечно, нас не может не огорчать весьма распространенное мнение, будто все государственные формы, общественные институты, этнические нормы и даже манеры изложения, не похожие на европейские, — просто отсталые, несовершенные и неполноценные. Банальный европоцентризм достаточен для обывательского восприятия, но не годен для научного осмысления разнообразия наблюдаемых явлений. Ведь, с точки зрения китайца или араба, неполноценными кажутся западные европейцы. И это столь же неверно, а для науки бесперспективно. Очевидно, нам следует найти такую систему отсчета, при которой все наблюдения будут делаться с равной степенью точности. Только такой подход дает возможность сравнивать непохожие явления и тем самым делать достоверные выводы. Все перечисленные здесь условия исследования обязательны не только для истории, но и для географии, поскольку она связана с человеком и географическими названиями. На Западе страны различают по именам, а на Востоке?

Страна и народ без имени

Между восточной границей мусульманского мира и северо-западной

окраиной Срединной империи, которую мы называем Китаем, лежит страна, которая не имеет определенного названия. Это тем более странно, что географические границы этой страны весьма четко обозначены, физико-климатические условия ее оригинальны и неповторимы, население же многочисленно и издавна причастно к культуре. Эта страна была прекрасно известна и китайским, и греческим, и арабским географам; ее посещали русские и западноевропейские путешественники; в ней неоднократно велись археологические раскопки... и все называли ее как-нибудь описательно, а самоназвания она не завела. Поэтому просто укажем, где страна находится.

От Памира на восток тянутся два горных хребта: Куньлунь, южнее которого расположен Тибет, и Тянь-Шань. Между этих хребтов лежит песчаная пустыня — Такла-Макан, прорезанная многоводной рекой Тарим. Эта река не имеет ни истока, ни устья. Началом ее считается «Арал» — т. е. «остров» между рукавами трех рек: Яркенддарьи, Аксударьи и Хотандарьи. Конец ее иногда теряется в песках, иногда доходит до озера Карабуранкель, а иногда наполняет Лоб-нор — озеро, постоянно меняющее место.^[57] В этой странной стране реки и озера кочуют, а люди ютятся у горных подножий. С гор стекают пресные ручьи, но тут же исчезают под горами осыпей и выходят на поверхность на изрядном расстоянии от хребтов. Там располагаются оазисы, а потом реки снова теряются, на этот раз в песках. В этой экстрааридной стране расположена самая глубокая впадина, дно которой лежит на 154 м ниже уровня океана. В этой впадине находится древний культурный центр — Турфанский оазис. Как занимались науками и искусствами при летней жаре, достигающей до +48 °С, и зимних морозах до -37 °С, невероятной сухости осеннего воздуха и сильных весенних ветрах?! Но ведь занимались, и с немалыми успехами.

Древнее население этой страны не имело самоназвания. Ныне принято называть этих людей тохарами, но это не этноним, а тибетское прозвище *tha gar*, что значит «белая голова» (блондины). Жители разных оазисов говорили на различных языках индоевропейской группы, в числе которых был даже западноарийский, не похожий на известные в Европе. На юго-западе страны, у подножия Куньлуна, кочевали тибетские племена, находившиеся в тесном контакте с обитателями Хотана и Яркенда, но не смешивавшиеся с ними.^[58]

В первые века н. э. в эту страну проникли с запада саки, поселившиеся южнее Кашгара до Хотана, китайские эмигранты, бежавшие от ужасов гражданских войн у себя дома. Китайцы устроили себе колонию в

Турфанском оазисе — Гаочан. Она продержалась до IX в. и исчезла без следа.

Как видно, подобрать название для страны по этнониму невозможно, а ведь это было культурное население, наладившее хозяйство, которое следует считать лучшим в Древнем мире.

Природа оазисов Центральной Азии издавна была приведена в гармонию с потребностями человека. Турфанцы освоили иранскую систему подземного водоснабжения — кяризы, благодаря чему орошенная площадь кормила большое население. Урожай собирали два раза в год. Турфанский виноград по праву может считаться лучшим в мире: дыни, арбузы, абрикосы — с весны до поздней осени; посевы длинноволокнистого хлопчатника защищены от ветров пирамидальными тополями и шелковичными деревьями. А кругом каменная пустыня из обломков растрескавшихся скал, щебня и валунов, через которые не пробьется ни дерево, ни куст.^[59] Это надежная защита оазиса от больших армий. Перебросить пешее войско через пустыню очень трудно, потому что надо везти с собой не только пищу, но и воду, что чрезмерно увеличивает обоз. А набег легкой конницы кочевников не страшны крепостным стенам. Второй крупный центр этой страны — Карашар лежит в горах около пресного озера Баграш-куль. Этот город «имеет земли тучные... изобилует рыбой... Хорошо укреплен самой природой и легко защищаться в нем».^[60] Из Баграш-куля вытекает Кончедарья, питающая Лоб-нор. Вдоль ее берега можно, не страдая от жажды, добраться до многоводного Тарима, окаймленного зарослями тополей, тамариска, облепихи и высокого тростника, скрывающими стада благородных оленей и диких кабанов.^[61]

Древней идеологией оседлых жителей этой страны был буддизм в форме хинаяны («малой переправы» или «малой колесницы», т. е. наиболее ортодоксальное учение Будды без примесей), которую назвать религией нельзя. Бога хинаянисты отрицают, ставя на его место нравственный закон кармы (причинной последовательности). Будда — человек, достигший совершенства и являющийся примером для любого другого человека, желающего освободиться от страданий и перерождения путем достижения нирваны — состояния абсолютного покоя. Достичь нирваны может лишь целеустремленный человек — архат (святой), не зависящий ни от божественного милосердия, ни от посторонней помощи. «Будь светильником самому себе», — говорят хинаянисты.

Само собой разумеется, что «становление на путь совершенствования» — дело немногих. А что же делать прочим? Они просто занимались

повседневными делами, уважали архатов, слушали в свободное время поучения и надеялись, что в будущих перерождениях сами смогут стать святыми подвижниками. Но ведь мы уже видели на других примерах, как мало влияет догматика на этнический стереотип поведения. Архаты, купцы, воины и земледельцы Турфана, Карашара и Кучи составляли единую систему, для которой буддизм был только окраской.

Однако окраска предмета играет свою роль, подчас существенную. Хинаяническая община дожила до XV в., а махаяна — учение расплывчатое, разнохарактерное и сложное — в Яркенде и Хотане, очевидно, не случайно уступила место исламу уже в XI в.

Пришедшие в Турфан кочевые уйгуры исповедовали манихейство,^[62] но, видимо, так же формально, как турфанцы — буддизм. Как самостоятельное исповедание манихейство исчезло еще до XII в., но манихейские идеи вошли в некоторые буддийские философские направления и в несторианство, которое в XI в. совершило по всей Центральной Азии победный марш. В эти века жители Турфана, Карашара и Кучи стали называть себя уйгурами.

Несториане в Уйгурии ужились с буддистами, несмотря на присущую им нетерпимость. Очевидно, христианство было желанным для людей религиозного склада, далеких от атеистических абстракций хинаяны. Христианами становились также купцы, ибо буддийское учение запрещает «ставшим на путь» прикосновение к золоту, серебру и женщине. Поэтому люди религиозные, но принимавшие активное участие в экономической жизни, были вынуждены искать такое вероучение, которое бы не препятствовало жить и работать. Следовательно, можно сделать вывод, что для обеих идеологических систем нашлись подходящие экологические ниши.

Богатство этой страны базировалось главным образом на выгодном географическом расположении: через нее шли два караванных пути: один севернее, а другой — южнее Тянь-Шаня. По этим путям китайский шелк тек в Прованс, а предметы роскоши Франции и Византии — в Китай. В оазисах караванщики отдыхали от тяжелых переходов через пустыни и откармливали своих верблюдов и лошадей. В связи с этим у местных женщин весьма развилась «первая древнейшая профессия», а мужья разрешали женам эти заработки, часть из которых шла в их карманы. И уйгурки так к этому делу привыкли, что даже когда благодаря союзу с монголами Уйгурия сказочно разбогатела, то жители ее просили монгольского хана Угэдэя не запрещать их женам развлекать

путешественников.^[63]

Этот обычай, правильнее сказать — элемент этнического стереотипа поведения, оказался более стойким, нежели язык, религия, политическое устройство и самоназвание. Стереотип поведения складывается как адаптивный признак, т. е. как способ приспособления этноса к географической среде. Имена же здесь менялись чаще, чем носившие их этносы, причем смена этнонимов объяснялась политической конъюнктурой.

Богатое и многочисленное население этих плодородных оазисов могло без труда прокормить воинственных кочевников, тем более что сначала уйгуры, а потом монголы приняли на себя защиту своих подданных от внешних врагов. За триста лет уйгуры растворились среди аборигенов, но заставили их сменить тохарский язык на тюркский. Впрочем, это не стоило им усилий, потому что в XI в. на наречиях тюркского языка разговаривали все народы — от лазоревых волн Мраморного моря и лесистых склонов Карпат до джунглей Бенгалии и Великой Китайской стены. Столь широкое распространение тюркоязычия делало этот язык удобным для оазисов торговых операций, а жители обеих половин Срединной Азии одинаково любили торговать. Поэтому смена родного, но малоупотребительного языка на общепонятный прошла без затруднений не только в северо-восточной части бассейна Тарима, но и в юго-западной, где роль уйгуров приняли на себя тюркские племена: ягма и карлуки. Однако разница между ними и уйгурами была огромна. Уйгуры не затронули ни быта, ни религии, ни культуры своих подданных, а карлуки, принявшие в 960 г. ислам, превратили оазисы Кашгар, Яркенд и Хотан в подобие Самарканда и Бухары.

Таким образом, географически монолитная область оказалась разделенной на два этнокультурных региона, отнюдь не дружелюбных по отношению друг к другу. Но силы были равны, а расстояния между оазисами — огромны и труднопроходимы. Поэтому положение стабилизировалось надолго.

Эта ситуация объясняет, почему страна осталась без единого наименования. В древности китайцы называли ее Сиюй, т. е. «Западный край», и концом ее считали «Луковые горы» — Памир и Алай. Эллины нарекли эту страну «Серика», а драгоценный товар, получаемый из нее, — «серикум» (шелк). Этимологию этого слова я не берусь объяснить.

В Новое время употреблялись также условные названия: Кашгария, Восточный Туркестан, или Синьцзян, т. е. буквально «новая граница», установленная маньчжурами в XVIII в. Все эти названия для нашей эпохи

не годятся. То, что для древних китайцев было «Западом», в XII–XIII вв. стало серединой. Называть «Туркестаном» страну, населенную индоевропейцами, научившимися понимать тюркскую речь, — нелепо. Кашгар еще не стал столицей, а «новая граница» не мерещилась даже на горизонте. Лучше уж оставим географическое условное наименование — бассейн Тарима. Река — надежный ориентир, во всяком случае нейтральный и долговечный. Кроме того, термин «Синьцзян» включает в себя Джунгарию (тоже условное и позднее название), расположенную севернее Тянь-Шаня и имевшую совсем другие исторические судьбы.

Восточную границу Уйгурии определить трудно. За истекшие века она менялась значительно, и многие из перемен не датированы. Можно думать, что уйгурам принадлежал оазис Хами и, может быть, пещерный город Дуньхуан — сокровищница буддийского искусства. Но более восточные земли — оазисы предгорий Наньшаня у уйгуров отобрали тангуты. Это народ, которого, как и уйгуров, ныне нет, хотя есть люди, называющие себя так. Но и это мираж. Называющие себя уйгурами — ферганские тюрки, выселившиеся на восток в XV–VIII вв. А те, кого приняли за тангутов, — кочевые тибетцы, реликтовый этнос, некогда злейшие враги тангутов.

Итак, историческая критика показала, что в Азии смысл названий и звучание их не всегда совпадают. Чтобы избежать досадных и, увы, частых ошибок, необходимо разработать такую систему отсчета, которая была бы действительна и для Европы, и для Азии, и для Америки, Океании, Африки и Австралии. Но в этой системе смысл предпочитается фонетике, т. е. в основе ее лежит не языкознание, а история.

«Этнос» — сочинение С. М. Широкогорова

Первая общая концепция этноса как явления самостоятельного, а не вторичного принадлежит С. М. Широкогороду.^[64] Он считал этнос «формой, в которой происходит процесс созидания, развития и смерти элементов, дающих возможность человечеству как виду существовать».^[65] При этом этнос определен «как группа людей, объединенных единством происхождения, обычаев, языка и уклада жизни».^[66] Оба эти тезиса знаменуют состояние науки начала XX в. В аспекте географии признается «среда, к которой этнос приспосабливается и которой подчиняется, становясь частью этой среды, ее производной». Эта концепция была воскрешена В. Анучиным под названием «единой географии», но признания она не получила. Социальная структура рассматривается как биологическая

категория — новая форма приспособления, развитие которой идет за счет этнического окружения: «Этнос получает импульсы изменений от своих соседей, поднимающих, так сказать, удельный вес его и сообщающих ему свойства сопротивляемости».^[67] Здесь концепция С. М. Широкогорова перекликается со взглядом А. Тойнби о «вызове и ответе», где творческий акт трактуется как реакция на «вызов» среды.^[68]

Меньшее сопротивление вызывают «общие выводы» С. М. Широкогорова: «1. Развитие этноса происходит... по пути приспособления всего комплекса... причем наряду с усложнением некоторых явлений возможно упрощение других. 2. Этносы сами приспособляются к среде и приспособляют ее к себе. 3. Движение этносов протекает по линии наименьшего сопротивления».^[69] Это теперь не ново. И в том, что взгляды Широкогорова за полвека устарели, нет ничего удивительного. Хуже другое — механическое перенесение зоологических закономерностей на историю, являющуюся для этнологии исходным материалом. Поэтому применение принципов Широкогорова сразу встречает непреодолимые затруднения. Например, тезис «для этноса любая форма существования приемлема, если она обеспечивает ему существование — цель его жизни, как вида»,^[70] просто неверен. Индейцы Северной Америки и кочевники Джунгарии могли бы выжить под властью США или Китая ценой отказа от самобытности, но и те и другие предпочли неравную борьбу без надежды на успех. Не всякий этнос согласен на подчинение врагу — лишь бы выжить. Это ясно и без дополнительных аргументов. То, что «стремление к захвату территории, развитию культуры и количества населения есть основа движения каждого этноса»^[71] — неверно, ибо реликтовые этносы отнюдь не агрессивны. Заявление, что «выживают менее культурные этносы»^[72] правильно только отчасти, так как в ряде случаев наблюдается их гибель перед лицом более культурного соседа, и уж совсем неприемлемо положение: «Чем сложнее организация и выше форма специального приспособления, тем короче бытие вида» (т. е. этноса).^[73] Наоборот, исчезновение этносов связано с упрощением структуры, о чем пойдет речь ниже. И все-таки книга Широкогорова для своего времени была шагом вперед, ибо расширяла перспективу развития этнографии в этнологию. И то, что пишу я, вероятно, будет через полвека переосмыслено, но это и есть развитие науки.

В отличие от С. М. Широкогорова мы располагаем системным подходом, концепцией экосистем, учением о биосфере и энергии живого вещества (биохимической), а также материалом о возникновении

антропогенных ландшафтов в глобальных масштабах. Все это дает возможность предложить более совершенное решение проблемы, нежели это было возможно полвека назад.

«Состояния» и «процессы»

Совокупность приведенных фактов показывает, что система категорий, положенных в основу концепции формаций, принципиально не применима к этногенезу. Эта система фиксирует «состояния» общества, определяемые способом производства, который, в свою очередь, зависит от уровня производительных сил, иначе говоря — от техносферы. Эта система отсчета весьма удобна при изучении истории материальной культуры, государственных институтов, стилей в искусстве, философских школ, короче — всего, что было создано руками людей. За последнее столетие она стала настолько привычной, что ее стали механически переносить на анализ этногенеза, декларируя, например, такие тезисы: 1) «этнос — социальная общность людей»;^[74] 2) «этнос, как и класс, — не социальная организация, а аморфное состояние, принимающее любую социальную форму — племени, союза племен, государства, церкви, партии и т. д., и не одну, а одновременно нескольких».

Кроме того, рекомендуется «не смешивать этнос с биологическими категориями, какими являются расы, и с различными видами социальной организации...».^[75] Если первое определение сразу же разбивается о приведенные выше примеры, то второе заслуживает тщательного разбора, так как на базе этого, пусть неосознанного мнения, строились и распадалась империи, что, разумеется, отражалось на судьбах подчиненных им народов.

Понятие «состояние» имеет место и в природе, и в обществе. В природе — состояний четыре: твердое, жидкое, газообразное и плазменное. Переход молекулы косного вещества из одного состояния в другое требует дополнительной затраты энергии, равной скрытой теплоте плавления или парообразования. Этот переход происходит небольшим рывком, причем процесс обратим. В живом веществе биосферы такой переход связан с гибелью организма и необратим. Это могло бы значить, что для организма есть только два состояния: жизнь и смерть, но поскольку смерть есть уничтожение организма как целостности, то называть этот момент перехода «состоянием» — нелепо. Что касается жизни организма, то это тоже не «состояние», а процесс: от рождения через зрелость и старость до смерти.

Аналогом процесса жизни в косном веществе является кристаллизация минералов и последующая их метаморфизация в аморфные массы.

Исследуя «состояния» и «процессы», мы всегда применяем разную методику. Для «состояния» — классификацию, по любому произвольно принятому принципу, удобному для обозрения явления в целом. Для «процессов», особенно связанных с эволюцией или формообразованием, необходима систематика, основанная на иерархическом принципе — соподчинении сходных, хотя и не идентичных групп разного ранга. Такова систематика Линнея, усовершенствованная Ч. Дарвином. Иерархический характер системы органического мира обусловлен ходом и характером эволюционных процессов, неотделимых от жизни и обязательных для нее. Но как только жизнь замирает, возникает «состояние», более или менее быстро разъедаемое воздействием среды, хотя бы последняя состояла из других мертвых «состояний», также подверженных необратимой деформации. Значит, для организма, в том числе человеческого, есть только один способ попасть в «состояние» — стать мумией, а для этноса — археологической культурой.

Иное дело — техносфера и связанные с ней производственные отношения. Здесь «состояния» есть. Из трактора легко сделать утиль, а из утиля — трактор. Надо только затратить некоторую (увы, немалую) энергию. Есть «состояния» и в социальной жизни. Ныне они именуются гражданскими состоянием и регистрируются загсом. Раньше их называли сословиями (*etat*). В переносном смысле можно назвать «состоянием» классовую принадлежность, но надо помнить, что она — продукт производственных отношений и производительных сил, т. е. тоже техносферы. Это состояние крайне неустойчиво. Воин, попавший в плен, становился рабом, а сбежав, мог превратиться в феодала. Для иерархического принципа в судьбе такого человека нет ни места, ни надобности; здесь достаточно простой фиксации. Итак, смены социальных состояний подобны (хотя и не идентичны) сменам природных состояний: они обратимы и требуют для перехода из одного в другое вложения дополнительной энергии. Но таков ли этнос? Можно ли, сделав усилие, сменить свою этническую принадлежность? Видимо, нет! Но уже одно это показывает, что этнос не «состояние» (тем более гражданское), а процесс.

Аберрация, питающая концепцию «состояния», связана с отсутствием у наблюдателя исторической перспективы. Полное затухание процесса этногенеза без посторонних нарушений укладывается в 1200–1500 лет, тогда как научный сотрудник посвящает плановой теме года два, от силы — три. Поэтому минувшее представляется ему калейдоскопом, без системы и

закономерности, и он, зафиксировав несколько изменений в ограниченном регионе и одной эпохе, видит только скопище «состояний», не связанных друг с другом, а лишь совпадающих по месту и времени. Так, до появления геоморфологии люди не связывали наличие террас с эрозионной деятельностью текущих где-то внизу рек, а горы считали вечными, чуть ли не изначальными формами рельефа. Увы, все доказательства в науке действительны лишь при определенной степени эрудированности оппонента. Даже гелиоцентрическая система Коперника — Кеплера убедила лишь тех, кто в XVII в. достаточно знал астрономию, а открытие Г. Менделя было повторено Де Фризом.

Вторым аргументом против концепции «состояния» является размытость границ между этносами в зонах этнических контактов. Если гражданское (т. е. социальное) состояние может быть изменено сразу, например, пожалованием дворянства, разжалованием в солдаты, продажей в рабство, освобождением из неволи и т. п., то этнические контакты в долине Хуанхэ, Константинополе или Северной Америке — всегда процесс мучительный, долгий и весьма переменчивый в том смысле, что результаты метисации часто оказываются неожиданными и уж всегда неуправляемыми. Последнее объясняется главным образом отсутствием разработанной этнологической теории, которая позволила бы действовать не вслепую, а с учетом последствий этнических процессов.

Часть вторая

Свойства этноса,

содержащая перечень особенностей этнического феномена как такового, составленный ради того, чтобы иметь возможность дать общее объяснение этногенезу, процессу — в коем возникают и исчезают этносы

IV. Этнос и этноним

Имена обманчивы

При изучении общих закономерностей этнологии прежде всего надлежит усвоить, что реальный этнос, с одной стороны, и этническое наименование (этноним), принятое его членами — с другой, не адекватны друг другу.^[76] Часто мы встречаем несколько разных этносов, носящих одно и то же имя, или, наоборот, один этнос может называться по-разному. Так, слово «римляне» (*romani*) первоначально означало граждан полиса Рима, но отнюдь не их соседей — италиков, и даже не латинов, обитавших в других городах Лациума. В эпоху Римской империи I–II вв. количество римлян возросло за счет включения в их число всех италиков: этрусков, самнитов, лигуров, цизальпинских галлов и многих жителей провинций, отнюдь не латинского происхождения. После эдикта Каракаллы 212 г. «римлянами» были названы все свободные жители муниципий на территории Римской империи, в том числе греки, каппадокийцы, евреи, берберы, галлы, иллирийцы, германцы и др. Понятие «римлянин» как бы потеряло этническое значение, но этого на самом деле не было: оно просто его изменило. Общим моментом вместо единства происхождения и языка стало единство даже не культуры, а исторической судьбы. В таком виде этнос просуществовал три века — срок изрядный — и не распался. Напротив, он трансформировался в IV–V вв. вследствие принятия христианства как государственной религии, которая стала после первых трех Соборов определяющим признаком. Те, кто признавал оные Соборы, санкционированные государственной властью, был своим, римлянином, а кто не признавал — становился врагом. На этом принципе сформировался новый этнос, который мы условно называем «византийским». Однако надо помнить, что те, кого мы называем византийцами, сами себя называли «ромеями», т. е. «римлянами», хотя говорили по-гречески. Постепенно в число ромеев влилось множество славян, армян, сирийцев, но название «римлян» они удержали до 1453 г., т. е. до падения Константинополя. Ромеи считали «римлянами» именно себя, а не население Италии, где феодалами стали лангобарды, горожанами — сирийские семиты, заселявшие в I–III вв. пустевшую Италию, а крестьянами — бывшие колонны из военнопленных всех народов, когда-либо побежденных римлянами Империи. Зато флорентийцы, генуэзцы, венецианцы и другие

жители Италии считали «римлянами» себя, а не греков и на этом основании утверждали приоритет Рима, в котором от античного города оставались только руины.

Третья ветвь этнонима «римляне» возникла на Дунае, где после римского завоевания Дакии было место ссылки. Здесь отбывали наказание за восстания против римского господства: фригийцы, каппадокийцы, фракийцы, галаты, сирийцы, греки, иллирийцы, короче говоря, все восточные подданные Римской империи. Чтобы понимать друг друга, они объяснялись на общеизвестном латинском языке. Когда римские легионы ушли из Дакии, потомки ссыльнопоселенцев остались и образовали этнос, который в XIX в. принял название «румыны», т. е. «римляне».

Если между «римлянами» эпохи Республики и «римскими гражданами» эпохи поздней Империи еще можно усматривать преемственность, хотя бы как постепенное расширение понятия, функционально связанного с распространением культуры, то у византийцев и римлян нет даже такой связи. Отсюда вытекает, что слово меняет смысл и содержание и не может служить опознавательным признаком этноса. Очевидно, надо учитывать еще и контекст, в котором это слово несет смысловую нагрузку, а тем самым эпоху, потому что с течением времени значение слов меняется. Это еще более показательно при разборе этнонимов «тюрк», «татар» и «монгол» — пример, мимо которого нельзя пройти.

Примеры камуфляжа

В VI в. тюрками называли небольшой народ, обитавший на восточных склонах Алтая и Хангая. Путем нескольких удачных войн тюркам удалось подчинить себе все степи от Хингана до Азовского моря. Подданные Великого каганата, сохранив для внутреннего употребления собственные этнонимы, стали называться также тюрками, поскольку они подчинялись тюркскому хану. Когда арабы покорили Согдиану и столкнулись с кочевниками, то они их всех стали называть тюрками, в том числе угров-мадьяр. Европейские ученые в XVIII в. называли всех кочевников «les Tartars», а в XIX в., когда вошли в моду лингвистические классификации, присвоили название «тюрк» определенной группе языков. Таким образом, в разряд «тюрк» попали многие народы, которые в древности в их состав не входили, например якуты, чуваша и турки-османы.

Последние образовались на глазах историков путем смешения орды

туркмен, пришедших в Малую Азию с Эртогрулом, газиев — добровольных борцов за ислам, в числе которых были курды, сельджуки, татары и черкесы, славянских юношей, забираемых в янычары, греков, итальянцев, арабов, киприотов и т. п., поступавших на флот, ренегатов-французов и немцев, искавших карьеру и fortuna, и огромного количества грузинок, украинок и полек, продаваемых татарами на невольничьих базарах. Тюркским был только язык, потому что он был принят в армии. И эта мешанина в течение XV–XVI вв. слилась в монолитный народ, присвоивший себе название «турк» в память тех степных богатырей, которые 1000 лет назад стяжали себе славу на равнинах Центральной Азии и погибли, не оставив потомства.^[77] Опять этноним отражает не истинное положение дел, а традиции и претензии.

Модификация же этнонима «татар» является примером прямого камуфляжа. До XII в. это было этническое название группы из тридцати крупных родов, обитавших на берегах Керулена. В XII в. эта народность усилилась, и китайские географы стали употреблять это название применительно ко всем центральноазиатским кочевникам: тюркоязычным, тунгусоязычным и монголоязычным, в том числе монголам. Когда же Чингис в 1206 г. принял название «монгол» как официальное для своих подданных, то соседи по привычке некоторое время продолжали называть монголов татарами. В таком виде слово «татар», как синоним слова «монгол», попало в Восточную Европу и привилось в Поволжье, где местное население в знак лояльности к хану Золотой Орды стало называть себя татарами. Зато первоначальные носители этого имени — кераиты, найманы, ойраты и татары стали именовать себя монголами.^[78] Таким образом, названия поменялись местами. В это время и возникла научная терминология, когда татарский антропологический тип стали называть «монголоидным», а язык поволжских тюрок-кыпчаков — татарским языком. Иными словами, мы даже в науке употребляем заведомо закамouflированную терминологию.^[79]

Но дальше идет не просто путаница, но этнонимическая фантазмагория. Не все кочевые подданные Золотой Орды были лояльны по отношению к ее правительству. Мятежники, обитавшие в степях западнее Урала, стали именоваться ногаями,^[80] а те, кто жил на восточной окраине улуса Джучиева, в Тарбагатае и на берегах Иртыша, и благодаря отдаленности от столицы были практически независимы, стали предками казахов. Все эти три этноса возникли в XIV–XV вв. вследствие бурного смешивания разных этнических компонентов. Предками ногаев были

уцелевшие от Батыева разгрома половцы, степные аланы, среднеазиатские тюрки, пришедшие в составе монгольской армии, и жители южной окраины Руси, перешедшие в ислам, ставший в то время символом этнической консолидации. В состав татар вошли камские булгары, хазары и буртасы, а также часть половцев и угры — мишари. Такой же смесью было население Белой Орды, из которого в XV в. сложились три казахских джуса. Но это еще не все.

В конце XV в. русские отряды с верховьев Волги начали нападать на средневожские татарские города, чем вынудили часть населения покинуть родину и уйти под предводительством Шейбани-хана (1500–1510) в Среднюю Азию. Там их встретили как злейших врагов, ибо местные тюрки, носившие в то время название «чагатаи» (от имени второго сына Чингиса — Чагатай, главы среднеазиатского улуса), управлялись потомками Тимура, врага степных и поволжских татар, разорившего Поволжье в 1395–1396 гг.

Ордынцы, покинувшие родину, приняли для себя новое имя — «узбеки» в честь хана Узбека (1312–1341), установившего в Золотой Орде ислам как государственную религию. В XVI в. «узбеки» разгромили последнего тимурида — Бабура, который увел остатки своих сторонников в Индию и завоевал там себе новое царство. Так вот, оставшиеся в Самарканде и в Фергане тюрки носят имя своих завоевателей — узбеков. Те же тюрки, но ушедшие в Индию, стали называться «монголами», в память того, что триста лет назад они подчинились монгольскому царевичу. А подлинные монголы, осевшие в XIII в. в Восточном Иране, даже сохранившие свой язык, называются хэзарейцами, от персидского слова «хэзар» — тысяча (подразумевается боевая единица, дивизия).

А где же монголы, по имени которых названо «иго», тяготевшее над Русью 240 лет? Как этноса их не было, ибо всем детям Джучи на три орды по завещанию Чингиса досталось 4 тыс. воинов, из коих только часть пришла с Дальнего Востока. Этих последних называли не «татары» а «хины», от китайского названия чжурчжэньской империи Кин (совр. Цзинь).^[81] Это редкое название последний раз упомянуто в «Задонщине», где «хиновином» назван Мамай.^[82] Следовательно, «иго» было отнюдь не монгольским, а осуществлялось предками кочевых узбеков, коих не нужно путать с оседлыми узбеками, хотя в XIX в. они смешались, а ныне составляют единый этнос, равно чтущий Тимуридов и Шейбанидов, бывших в XVI в. злейшими врагами, потому что эта вражда потеряла смысл и значение уже в XVII в.

Бессилие филологии в истории

Приведенных примеров достаточно, чтобы констатировать, что этническое название или даже самоназвание и феномен этноса как устойчивого коллектива особей вида *Homo sapiens* отнюдь не перекрывают друг друга. Поэтому филологическая методика, исследующая слова, в этнологии неприменима, а нам надлежит обратиться к истории, дабы проверить, насколько эта дисциплина может помочь при постановке нашей проблемы. Но и тут мы наталкиваемся на неожиданные трудности. Единицей исследования, которой пользуется историческая наука, является общественный институт, коим может быть государство, племенной союз, религиозная секта, торговая компания (например, Ост-Индская), политическая партия и т. д., словом, любое учреждение в любых веках и у любых народов. Иногда институт государства и этнос совпадают, и тогда мы наблюдаем в ряде случаев нации современного типа. Но это случай, характерный для XIX–XX вв., а в древности такие совпадения были редки. Случается, что религиозная секта объединяет единомышленников, которые, как, например, сикхи в Индии, сливаются в этнос, и тогда происхождение особей, инкорпорированных общиной, не принимается во внимание. Но часто такие общины неустойчивы и распадаются на этносы, как это было с мусульманской общиной, основанной Мухаммедом в VII в. Если при первых четырех халифах в странах ислама шел процесс слияния арабских племен, сирийцев и частично персов в единый этнос, то уже при Омейядах (661–750) этот процесс остановился, а при Аббасидах потомки завоевателей и покоренных стали слагаться в новые этносы с единой межэтнической культурой, условно именуемой «мусульманской», с арабским языком, осознанием своего единства при сопоставлении с христианами и язычниками, но с различными историческими судьбами и разными стереотипами поведения, что выразилось в создании разнообразных сект и идеологических концепций.

Казалось бы, эмираты и султанаты, возникавшие вследствие обособления этносов, должны были бы соответствовать этническим границам, но этого не было. Удачливые полководцы подчиняли себе на короткое время территории с разноязычным населением, а затем становились жертвой соседей, т. е. политические образования имели иные судьбы, нежели этнические целостности. Конечно, общность исторической судьбы способствует образованию и сохранению этноса, но и историческая судьба^[83] может быть одной у двух-трех народностей и разной — в

пределах одной народности. Например, англосаксы и уэльские кельты государственно объединены в XIII в., однако они не слились в единый этнос, что, впрочем, не мешает им жить в мире, а у армян восточных, подчиненных еще в III в. Ирану, и западных, связанных с этого же времени с Византией, судьбы были различны, но этническое единство не нарушалось. В XVI–XVII вв. французские гугеноты и католики весьма различались по своим историческим судьбам, да и по характеру культуры как до издания Нантского эдикта, так и после отмены его. Однако этническая целостность Франции оставалась неизменной, несмотря на кровопролитные войны и драгонады. Следовательно, становление этносов — этногенез, лежит глубже, чем видимые исторические процессы, фиксируемые источниками. История может помочь этнологии, но не заменяет ее.

V. Мозаичность как свойство этноса

Обойтись без родового строя можно

Многие этносы делятся на племена и роды. Можно ли считать это деление обязательной принадлежностью этноса или хотя бы первичной стадией его образования или, наконец, формой коллектива, предшествовавшей появлению самого этноса?^[84] Имеющийся в нашем распоряжении достоверный материал позволяет ответить — нет!

Прежде всего далеко не все современные народы имеют или имели когда-либо за время своего существования родовое или племенное деление. Такового не было и нет у испанцев, французов, итальянцев, румын, англичан, турок-османов, великорусов, украинцев, сикхов, греков (не эллинов) и многих других. Зато клановая, или родовая, система существует у кельтов, казахов, монголов, тунгусов, арабов, курдов и ряда других народов.

Считать клановую систему более ранней стадией трудно, так как византийцы или сасанидские персы — народы, образовавшиеся на 1000 лет раньше, чем монголы, и на 1200 лет раньше, чем казахи, великолепно обходились без родов и фратрий. Конечно, можно предположить, что в древности система родов была повсеместной, но даже если это так, то к историческому периоду, когда народы (этносы) возникали на глазах историка, такое допущение неприменимо. Правильнее всего признать, что схема «род — племя — народ — нация» относится к общественному развитию, т. е. лежит в другой плоскости. То, что господствующими во всем человечестве формами общежития за время существования *Homo sapiens* были разные формы семьи, не имеет непосредственного отношения к проблеме, так как этническая целостность не совпадает ни с семейной ячейкой, ни с уровнем производства и культуры. Поэтому в нашем исследовании мы должны искать другие критерии и другие опознавательные признаки.

Вместе с тем необходимо отметить, что у народов с родоплеменным устройством деление на кланы (у кельтов), фратрии, кости («сеок» у алтайцев) и племенные объединения («джус» у казахов) и т. п. конструктивно. Эти внутриэтнические единицы необходимы для поддержания самого этнического единства. Путем разделения на группы регулируются отношения как отдельных особей к этносу в целом, так и

родовых или семейных коллективов между собою. Только благодаря такому разделению сохраняется экзогамия, предотвращающая кровосмесительные браки. Представители родов выражают волю своих соплеменников на народных собраниях и создают устойчивые союзы для ведения внешних войн, как оборонительных, так и наступательных. В Шотландии, например, клановая система выдержала набеги викингов X в., нападения феодалов в XII–XV вв., войну с английской буржуазией в XVII–XVIII вв., и только капиталистические отношения смогли ее разрушить. А там, где клановая система была менее выражена, например у полабских славян, немецкие и датские рыцари расправились с нею за два века (XI–XII вв.), несмотря на бесспорную воинственность и завидное мужество бодричей, лютичей и жителей острова Руги. Деление этноса на племена несет функцию скелета, на который можно наращивать мышцы и тем самым набирать силу для борьбы с окружающей средой.

Попробуем предложить иную систему отсчета, годную не для части, а для всей совокупности наблюдаемых коллизий.

Чем заменяют родовой строй

Чем компенсируется отсутствие родоплеменных групп у народов вполне развитых, находящихся на стадии классового общества? Наличие классовой структуры и классовая борьба в рабовладельческом, феодальном и капиталистическом обществе — факты, установленные и не подлежащие пересмотру. Следовательно, деление на классы функционально не может быть аналогичным делению на племена. И действительно, параллельно делению общества на классы мы обнаруживаем деление этносов на группы, отнюдь не совпадающие с классовыми. Условно их можно назвать «корпорациями», но это слово соответствует понятию лишь в первом приближении и будет впоследствии заменено.

Например, в феодальной Европе внутри одного этноса, скажем французского, господствующий класс состоял из разных корпораций: 1) феодалов в прямом смысле слова, т. е. держателей ленов, связанных с короной вассальной присягой; 2) рыцарей, объединенных в ордена; 3) нотаблей, составляющих аппарат королевской власти (*Noblesse des robes*); 4) высшего духовенства; 5) ученых, например профессоров Сорбонны; 6) городского патрициата, который сам делится по территориальному признаку, и т. д. Можно, в зависимости от принятой степени приближения, выделить больше или меньше групп, но при этом надо обязательно

учитывать еще принадлежность к партиям, например арманьякской и бургундской в начале XV в.

Иногда у читателей возникает соблазн отождествить указанные группы с сословиями, понимая под последними социальные группы. Но надо быть точным: социальные подразделения — это классы, а сословия — подразделения административные, так как они в средние века «не приобретали... особого значения в политическом мире, а обозначали самих себя».^[85]

Те же группы, которые описаны здесь, даже не сословия в полном смысле слова, а общины, являющиеся «предпосылками производства».^[86] Как варианты профессиональных общин могут фигурировать и родовые общины — разросшиеся семьи.^[87] Поэтому К. Маркс называл историю Средневековья зоологической, отмечая, что «корпорации» этого типа пополнялись бастардами, не имевшими никаких прав по закону, но добивавшимися их энергией и семейными связями.^[88] Особенно крупную роль играли бастарды после Столетней войны. Так, бастард Дюнуа считался первым рыцарем Франции и был графом.

По отношению же к народным массам такое разделение применимо в еще большей степени, так как каждая феодальная провинция носила тогда ярко выраженный индивидуальный характер. Например, руанцы в XII в. проявили вражду к Филиппу II Августу, освободившему их от англичан, а марсельцы, узнав о пленении Людовика IX в Египте, пели «Te Deum», надеясь избавиться от «сиров».^[89] В буржуазном обществе мы наблюдаем уже не те корпорации, но принцип остается неизменным. Внутри этносов и помимо классов есть для каждой особи люди «своего» и «не своего» круга. Но по отношению к иноземным экспансиям все эти группы выступали как единое целое — французы.

То, что «корпорации», как мы их назвали условно, неизмеримо менее стойки и длительны, чем родоплеменные группировки, бесспорно, но ведь и последние не вечны. Значит, разница между теми и другими не принципиальна. Сходство же в том, что они несут одинаковую нагрузку, поддерживая единство этноса путем внутреннего разделения функций.

И самое важное и любопытное — это то, что при своем возникновении «корпорации» отличаются друг от друга лишь нюансами психологии, но со временем различия углубляются и кристаллизуются, переходя в обычаи и обряды, т. е. в явления, изучаемые этнографами. Например, старославянский поцелуйный обряд трансформировался в России и Польше в целование руки замужним дамам и сохранился у помещного

дворянства, но исчез из быта других сословий.

А. М. Горький, наблюдавший в крупных городах Поволжья быт мещан и интеллигентов-разночинцев, констатирует такие глубокие различия, что предлагает рассматривать эти недавно сложившиеся группы населения, как «разные племена».^[90] В том смысле, в котором он употребляет это понятие (имея в виду различия в быте, нравах, представлениях), он прав, и наблюдение его плодотворно. В наше время эти различия почти стерлись. Они были характерны для короткого периода — около 80 лет, но мы уже говорили, что продолжительность явления не влияет на принципиальную сторону дела.

Образование субэтнических групп

Понятие «корпорация» в предложенном понимании наглядно, но для нашего анализа недостаточно, так как предполагает, что данная единица не только слагается из этнографических особенностей, но и отграничена социальными перегородками от других «корпораций». Часто субэтнические подразделения не совпадают с общественными. Это показывает, что приведенный пример — частный случай искомого общего правила.

Продолжим наш пример этногенеза французов. В XVI в. Реформация коснулась этого народа и перетасовала все бывшие там «корпорации» до неузнаваемости. Феодальная аристократия, мелкое дворянство, буржуазия и крестьянство оказались расколоты на «папистов» и «гугенотов». Социальные основы обеих групп не различались, но этнотерриториальные подразделения просматриваются отчетливо. Кальвинизм имел успех среди кельтов низовий Луары, и торговая Ла-Рошель стала опорой реформатов. Гасконские сеньоры и короли Наварры приняли кальвинизм. Потомки бургундов, крестьяне Севенн и наследники альбигойцев — буржуа Лангедока примкнули к движению. Но Париж, Лотарингия и центральная Франция остались верны римской церкви. Все бывшие «корпорации» исчезли, так как принадлежность к «общине» или «церкви» на два века стала индикатором принадлежности к той или иной субэтнической целостности.

И нельзя сказать, что решающую роль играла здесь теология. Большая часть французов были «политиками», т. е. отказывались интересоваться спорами Сорбонны и Женевы. Безграмотные гасконские бароны, полудикие севеннские горцы, удалые корсары Ла-Рошели или ремесленники предместий Парижа и Анжера отнюдь не разбирались в тонкостях

трактовки Предопределения или Пресуществления. Если же они отдавали жизнь за мессу или Библию, значит, то и другое оказалось символом их самоутверждения и противопоставления друг другу, а тем самым — индикатором глубинных противоречий. Эти противоречия не были классовыми, так как на обеих сторонах сражались дворяне, крестьяне и буржуазия. Но католики и гугеноты действительно разнились по стереотипу поведения, а это, как мы условились вначале, — основной принцип этнической обособленности, для которой было достаточно оснований.

Ну а если бы гугеноты отстояли для себя кусок территории и создали там самостоятельное государство, как, скажем, швейцарцы или североамериканцы? Вероятно, их следовало бы рассматривать как особый этнос, возникший вследствие зигзага исторической судьбы, потому что у них были бы особый быт, культура, психический склад и, может быть, язык, ибо вряд ли они стали бы объясняться на парижском диалекте, а скорее выбрали бы один из местных диалектов. Это был бы процесс, аналогичный отделению американцев от англичан.

Шотландцы — безусловно, этнос, однако они состоят из гайлендеров (горцев) — кельтов, и лоулендеров (жителей долины реки Твид). Происхождение у них разное. Древнее население — каледоняне, украшавшееся татуировкой (пикты), отразило натиск римлян в I–II вв. В III в. к ним присоединились переселившиеся из Ирландии скотты. Оба племени совершали губительные набеги на романизованную Британию, а потом на северные окраины Англии и сражались с норвежскими викингами, закрепившимися на востоке острова. В 954 г. шотландцам повезло: они завоевали Лотиан — равнину на берегах реки Твид, населенную потомками саксов и норвежских викингов. Шотландские короли получили много богатых подданных, привязали их к себе и с их помощью сократили самостоятельность вождей кельтских кланов. Но им пришлось перенять многие обычаи своих подданных, в частности феодальные институты и нравы. Богатые и энергичные жители Лотиана заставили своих кельтских владык превратить Шотландию в маленькое королевство, потому что они приняли на себя охрану границы с Англией.

[\[91\]](#) В XIV в. в Шотландию хлынули французские авантюристы, сподвижники королей Жана Балиоля и Робера Брюса для войны с Англией. Французы умножили число пограничных феодалов. Реформация больше охватила кельтов, а в долинах наряду с кальвинистами удержались католики. Короче говоря, при генезисе этого народа смешались расы и культуры, родовой строй и феодализм, но сложность состава не нарушала

этнической монолитности, что проявилось в столкновениях с англичанами, а позднее с ирландцами.

Еще характернее пример иного порядка — старообрядцы. Как известно, это небольшая часть великороссов, не принявших в XVII в. некоторых реформ церковного обряда. В те времена церковная служба несла функцию не только религии, но и синтетического искусства, т. е. заполняла эстетический вакуум. Поэтому требования к выполнению обряда были крайне высоки; ведь как в наше время никто не получает удовольствия от чтения плохих стихов или созерцания безобразных картин, так в XVII в. замена сугубой аллилуйи — трегубой и потемневших образов — новенькими розово-голубыми иконами шокировала определенную часть молящихся. Они просто не могли сосредоточиться в обстановке, которая их раздражала.

По сути дела, это был такой же раскол этноса, как в Западной Европе во время Реформации, но меньший по масштабам. При этом не все православные христиане высказались за старый обряд. Те же, кто на это решился, держались твердо, не страшась казней и мучений. При удобном случае они переходили в контрнаступление и расправлялись с никонианами так же круто, как те с ними. Это проявилось во время стрелецких восстаний при регентстве царевны Софьи. Накал страстей был одинаков у тех и других. В XVII в. спор шел только о церковном обряде, а в прочем — в быту, системе образования, в привычках — старообрядцы не выделялись из общей массы русских. Во втором поколении, при Петре I, они составляли определенную изолированную группу населения. К концу XVIII в. у них появились, а отчасти сохранились обычаи, обряды, одежды, резко отличные от тех, которые стали общепринятыми. Екатерина II прекратила гонения на старообрядцев, но это не привело к их слиянию с основной массой этноса. В новообразовавшуюся внутриэтническую целостность входили и купцы-миллионеры, и казаки, и полунищие крестьяне из Заволжья. Эта единица, сначала объединенная общностью судьбы, т. е. привязанностью к принципам, для них столь дорогим, что они ради этих принципов шли на смерть, стала группой, объединенной общностью быта, возглавленной духовными руководителями (наставниками) разных толков и направлений. В XX в. она постепенно начала рассасываться, так как повод для ее возникновения давно перестал существовать, оставалась только инерция.

Примеры, приведенные нами, яркие, но редки. Чаше функции внутриэтнических группировок принимают на себя естественно образующиеся территориальные объединения — землячества. Наличие

таких делений, так же как и фратрий при родовом строе, не подрывает этнического единства.

Теперь мы можем сделать вывод: социальные формы, в которые облакаются внутриэтнические целостности, причудливы и не всегда совпадают с подразделениями этноса; внутриэтническое же дробление есть условие, поддерживающее целостность этноса и придающее ему устойчивость: оно характерно для любых эпох и стадий развития общества.

Варианты этнических контактов

До сих пор мы рассматривали дробные группы внутри больших этносов, но этим проблема отнюдь не исчерпана. В реальном историческом процессе не наблюдается строго изолированного существования этносов, а имеют место разные варианты этнических контактов, возникающих на территориях, заселенных разными этносами, политически объединенными в полиэтнические государства. При изучении их взаимоотношений можно различить четыре варианта: *a)* сосуществование, при котором этносы не смешиваются и не подражают друг другу, заимствуя только технические нововведения; *b)* ассимиляция, т. е. поглощение одного этноса другим с полным забвением происхождения и былых традиций; *c)* метисация, при которой сохраняются и сочетаются традиции предшествующих этносов и память о предках; эти вариации обычно бывают нестойкими и существуют за счет пополнения новыми метисами; *d)* слияние, при котором забываются традиции обоих первичных компонентов и рядом с двумя предшествовавшими (или вместо них) возникает новый, третий этнос. Это по существу главный вариант этногенеза. Почему-то он наблюдается реже всех прочих.

Проиллюстрируем эту четырехчленную систему наглядными примерами. Вариант *a* наиболее распространен. Представим себе, что в трамвай входят русский, немец, татарин и грузин, все принадлежащие к европеоидной расе, одинаково одетые, пообедавшие в одной столовой и с одной и той же газетой под мышкой. Для всех очевидно, что они не идентичны, даже за вычетом индивидуальных особенностей.^[92] «Ну и что же? — возразил мне однажды один из моих оппонентов. — Если в этом трамвае не произойдет острого национального инцидента, все четверо спокойно поедут дальше, являя собой пример людей, оторвавшихся от своих этносов». Нет, по нашему мнению, любое изменение ситуации вызовет у этих людей разную реакцию, даже если они будут действовать

заодно. Допустим, в трамвае появляется молодой человек, который начинает некорректно вести себя по отношению к даме. Как будут действовать наши персонажи? Грузин, скорее всего, схватит обидчика за грудки и попытается выбросить его из трамвая. Немец брезгливо сморщится и начнет звать милицию. Русский скажет несколько сакраментальных слов, а татарин предпочтет уклониться от участия в конфликте. Изменение ситуации, которое требует и изменения поведения, делает разницу стереотипов поведения у представителей разных этносов (суперэтносов) особенно заметной.

И это вполне объяснимо. Все вещи и явления познаются в сочетаниях. Насыпанные рядом сода и лимонная кислота дадут реакцию нейтрализации с бурным шипением только в том случае, если полить их водой. В истории, как в водном растворе, все время идут реакции, и нет надежды на то, что это кончится. Даже простое сосуществование разных этносов при сближении их не является нейтральным. Иногда оно просто необходимо. Так, в верховьях Конго банту и пигмеи живут в симбиозе. Без помощи пигмеев негры не могут ходить по лесу, кроме как по тропкам, а последние без прочистки быстро зарастают. Негр банту может заблудиться в лесу, как европеец, и погибнуть в двадцати метрах от собственного дома. А пигмеям нужны ножи, посуда и прочие предметы обихода. Для этих двух этносов несхожесть — залог благополучия, на чем и зиждится их дружба.

Вариант длительного сосуществования при постоянной вражде прекрасно описан Л. Н. Толстым, наблюдавшим стычки гребенских казаков с чеченцами. Но он верно отметил взаимное уважение двух соседних этносов и настороженность казаков к солдатам, которые на Тереке были пионерами ассимиляции казаков великороссами. Последняя завершилась в начале XX в.

Вариант *b* (ассимиляция) чаще всего осуществляется методами не столь кровавыми, сколь обидными. Объекту ассимиляции предоставлена альтернатива: потерять либо совесть, либо жизнь. Спасти от гибели путем отказа от всего дорогого и привычного ради того, чтобы превратиться в человека второго сорта среди победителей. Последние тоже мало выигрывают, ибо приобретают соплеменников лицемерных и, как правило, неполноценных, так как контролировать можно только внешние проявления поведения покоренного этноса, а не его настроения. Англичан в этом убедили в XIX в. ирландцы, испанцев — партизаны Симона Боливара, китайцев — дунгане. Примеров слишком много, но дело ясно.

Вариант *c* (метисация) наблюдается очень часто, но потомство от экзогамных браков либо гибнет в третьем-четвертом поколении, либо

распадается на отцовскую и материнскую линии. Например, турки в XVI в. считали, что достаточно произнести формулу исповедания ислама и подчиниться султану, чтобы стать истинным турком. Иными словами, они рассматривали этническую принадлежность как «состояние», которое можно менять произвольно. Поэтому турки принимали на службу любых авантюристов, если те были специалистами в каком-либо ремесле или в военном искусстве. Последствия дали о себе знать через сто лет.

Упадок Высокой Порты в XVII в. привлек внимание турецких писателей-современников. По их мнению, причиной упадка были «аджемогланы», т. е. дети ренегатов,^[93] причем искренность неофитов не подвергалась сомнению. Некоторые ренегаты были энергичными и полезными людьми, например француз Кеприлю и грек Хайраддин Барбаросса, но большинство из них искали теплого местечка и добывали синекуры через гаремы визирей, наполненные польками, хорватками, итальянками, гречанками и т. п. Эти проходимцы, не имея *pi foi ni loi*, разрушали османский этнос, и настоящие османы уже в XVIII в. были сведены на положение этноса, угнетенного в своей собственной стране. Прилив инородцев калечил стереотип поведения, что сказалось на продажности визирей, подкупности судей, падении боеспособности войска и развале экономики. К началу XIX в. Турция стала «больным человеком». Анализируя причины столь странного превращения сильного народа в слабый и говоря о роли ренегатов, известный русский востоковед В. Д. Смирнов в своей диссертации писал: «Неужели же кто-нибудь хоть в шутку станет утверждать, что гг. Чайковский, Лангевич и т. п. личности из славян, греков, мадьяр, итальянцев и др. приняли ислам по убеждению? Без сомнения, никто. А между тем на долю подобных-то перевертней и выпал жребий воспользоваться плодами доблестных подвигов османского племени. Не имея никакой религии, они чужды были всяких нравственных убеждений; не чувствуя никаких симпатий к народу, над которым они властвовали, они жили одной животной жизнью. Гаремные интриги заменяли им настоящую, интересующую всякого истинного гражданина, политику. Семейные связи не вызывались у них изуродованным состоянием организма или восполнялись гнусным пороком... Понятие о благе не шло у них дальше благополучия собственного кармана. Чувство долга ограничивалось приисканием законных предлогов, которыми бы можно было прикрыть свои беззакония, не рискуя сделаться жертвою происков других подобных им общественных деятелей. Словом, будучи османами по имени, они не были ими в действительности».^[94] Где же

решающий фактор: в природе или в гражданском состоянии?

Роль экзогамии

Итак, внедрение в Турцию иноплеменников обострило и без того нараставший кризис классовых противоречий, для которых превращение этнической целостности в химерную играло роль катализатора, ибо каждому понятно, что искренние лояльные чиновники ценнее, нежели лицемерные и беспринципные. И наоборот, развитие классовых противоречий для этногенеза османов играло роль вектора. Сочетание же этнических и социальных процессов в одном регионе оказалось фактором антропогенной ломки ландшафтов некогда богатейших стран мира, в древности именовавшихся странами «благодатного Полумесяца». Завоевания Селима I в XVI в. отдали в руки османских султанов Сирию, Палестину, Египет и Месопотамию, где интенсивное земледелие еще в III тысячелетии до н. э. преобразило первозданный ландшафт.

Шумеры в низовьях Тигра и Евфрата «отделили воду от суши», а созданную ими страну современники называли «Эдем». Аккадийцы построили Вавилон — «Врата Бога», первый в мире город с миллионным населением, для которого хватало пищи без привоза из дальних стран. Антиохия, а потом Дамаск были большими, веселыми и культурными городами, процветавшими за счет местных ресурсов. Малая Азия кормила огромный Константинополь.

Однако культурный ландшафт нуждался в том, чтобы его постоянно поддерживать. Это понимали арабские халифы, покупавшие в Занзибаре рабов для сохранения ирригации в Месопотамии, византийские автократы, специальными эдиктами укреплявшие мелкое крестьянское хозяйство как наиболее интенсивное в тех природных условиях, и даже монгольский ильхан Газан, организовавший строительство канала в засушливой части Северного Двуречья. Развал культурных ландшафтов Передней Азии наступил поздно: в XVII–XIX вв., во время глубокого мира и упадка Османской империи, так как замученные поборами сирийские, иракские и киликийские крестьяне бросали свои участки и искали лучшей доли в прибрежных пиратских городах, где можно было либо легко разбогатеть, либо сложить голову. А те, кто оставался дома из-за лени или трусости, запускали ирригацию и превращали страну, некогда богатую и обильную, в пустошь.

Начало этого страшного и губительного процесса отмечали уже

современники. Французский авантюрист и врач в гвардии Ауренгзеба, Франсуа Бернье, наблюдавший аналогичные порядки в Индии, подвластной «Великим Моголам», в письме Кольберу предрек неминуемое ослабление трех больших мусульманских царств: Индии, Турции и Персии, причем относительно последней он считал, что упадок будет медленным, так как персидская аристократия — местного происхождения.^[95] И ведь он не сговаривался с Кучибеем Гомюрджинским. Совпадение произошло потому, что два умных человека наблюдали один и тот же процесс, умея делать выводы и прогнозы. И нам приходится согласиться с тем, что при стабильном социальном устройстве, в условиях одной и той же формации, но при меняющемся соотношении этнических компонентов в политической системе — государстве, состоянии ландшафта, как чуткий барометр, показывает возникновение или наличие подъемов и упадков, а также периодов стабилизации.

Но если так, то у нас нет оснований отрицать причину, указанную упомянутыми авторами: появление в системе новых этнических групп, не связанных с ландшафтами региона и свободных от ограничений экзогамных браков, ибо эти ограничения, поддерживая этническую пестроту региона, ведут к сохранению ландшафтов, вмещающих мелкие этнические группы. Но коль скоро так, то природу и культуру губят свободное общение и свободная любовь!

Вывод неожиданный и пугающий, но это — перефразированный второй закон Ньютона: что выигрывается в общественной свободе, то теряется при контакте с природой, точнее — с географической средой и собственной физиологией, ибо природа находится и внутри наших тел.

Поскольку же аналогичные явления имели место и в Риме, и в Древнем Иране, и во многих других странах, то легко заметить общую закономерность: при наличии эндогамии как этнического барьера процессы шли медленнее и менее мучительно, а ведь для этноса не все равно: просуществует он триста лет или тысячу. И поэтому замечание Ю. В. Бромлея о стабилизирующей роли эндогамии — барьера против инкорпорации — является бесспорным.^[96]

Опыт интерпретации

Попробуем интерпретировать описанное явление. Если этносы — процессы, то при столкновении двух несхожих процессов возникает интерференция, нарушающая каждую из исходных частот.

Складывающиеся объединения химерны, а значит, нестойки перед посторонними воздействиями и недолговечны. Гибель химерной системы влечет аннигиляцию ее компонентов и вымирание людей, в эту систему вовлеченных. Таков общий механизм нарушения заданной закономерности, но он имеет исключения. Именно неустойчивость исходных ритмов является условием возникновения нового ритма, т. е. нового этногенетического инерционного процесса. С чем это связано, мы пока говорить не будем, потому что это слишком серьезный вопрос, чтобы решать его между делом. Но ясно, что для сохранения этнических традиций необходима эндогамия, потому что эндогамная семья передает ребенку отработанный стереотип поведения, а экзогамная семья передает ему два стереотипа, взаимно погашающих друг друга. Итак, экзогамия, отнюдь не относящаяся к «социальным состояниям» и лежащая в иной плоскости, оказывается в числе факторов этногенеза, т. е. реальным деструктивным фактором при контакте на суперэтническом уровне. И даже в тех редких случаях, когда в зоне конфликта появляется новый этнос, он поглощает, т. е. уничтожает, оба прежних. В заключение скажем, что в указанном примере, а также в подавляющем большинстве случаев расовый принцип не играет никакой роли. Речь идет не о соматических различиях, а о поведенческих, ибо степняки, тибетские горцы и китайцы принадлежали к единой монголоидной расе I порядка, а при уточнении до II порядка видно, что северные китайцы по расовым признакам ближе к сяньбийцам и тибетцам, нежели к южным китайцам. Однако внешнее сходство черепных показателей, цвета глаз и волос, эпикантуса и прочего для этногенетических процессов значения не имело.

Из приведенного примера очевидна и связь этноса с ландшафтом, иногда подвергаемая сомнению. Хунны, заняв долину Хуанхэ, пасли там скот, китайцы засевали пашни и строили каналы, а их помеси, не имея навыков ни к скотоводству, ни к земледелию, хищнически обирали соседей и подданных, что повело к образованию залежных земель и восстановлению естественного биоценоза, хотя и обедненного за счет вырубки лесов и истребления копытных во время царских охот. Все сходится.

Таким образом, не только теоретические соображения, но и необходимость интерпретации фактических данных заставляет отвергнуть концепцию этноса как состояния. Но если этнос — долгоидущий процесс, то он является частью биосферы Земли, а поскольку с этносом связано изменение ландшафтов путем использования техники, то этнологию следует причислить к географическим наукам, хотя первичный материал

она черпает из истории в узком смысле слова, т. е. изучения событий в их связи и последовательности.

VI. Этнический стереотип поведения

Несхожесть как принцип

Каждый этнос имеет свою собственную внутреннюю структуру и свой неповторимый стереотип поведения. Иногда структура и стереотип поведения этноса меняются от поколения к поколению. Это указывает на то, что этнос развивается, а этногенез не затухает. Иногда структура этноса стабильна, потому что новое поколение воспроизводит жизненный цикл предшествовавшего. Такие этносы можно назвать персистентами, т. е. пережившими себя, но об этой стороне дела речь пойдет ниже, а пока уточним смысл понятия «структура» применительно к стереотипу поведения вне зависимости от степени ее устойчивости и характера изменчивости.

Структура этнического стереотипа поведения — это строго определенная норма отношений: а) между коллективом и индивидом; б) индивидов между собой; в) внутриэтнических групп между собой; г) между этносом и внутриэтническими группами. Эти нормы, в каждом случае своеобразные, изменяясь то быстро, то очень медленно, негласно существуют во всех областях жизни и быта, воспринимаясь в каждом этносе и в каждую отдельную эпоху как единственно возможный способ общежития, поэтому для членов этноса они отнюдь не тягостны. Соприкасаясь же с другой нормой поведения в другом этносе, каждый член данного этноса удивляется, теряется и пытается рассказать своим соплеменникам о чудачестве другого народа. Собственно говоря, такие рассказы и составляют этнографию, науку столь же древнюю, как и межэтнические связи. Разница между ее первичным состоянием и научным обобщением лишь в широте охвата и систематизации сведений, да еще в том, что этнографы не шокируют обычаи и обряды иного этноса.

Поясним на примерах. Древний афинянин, побывав в Ольвии, с негодованием рассказывал, что скифы не имеют домов, а во время своих праздников напиваются до бесчувствия. Скифы же, наблюдая вакханалии греков, чувствовали такое омерзение, что, однажды увидев своего царя, гостившего в Ольвии, в венке и с тирсом в руках в составе процессии ликующих эллинов, убили его. Иудеи ненавидели римлян за то, что те ели свинину, а римляне считали противоестественным обычай обрезания. Рыцари, захватившие Палестину, возмущались арабским обычаем

многоженства, а арабы считали бесстыдством незакрытые лица французских дам, и т. д. Примерам несть числа.

Этнографическая наука подобную непосредственность преодолела и внесла в наблюдения принцип системы — как действующей нормы взаимоотношений индивидов. Эта норма определяет взаимоотношения как индивидов между собой, так и их с коллективом в целом. Для примера возьмем простейший случай брачно-сексуальных отношений. Грубо говоря, формы таких отношений очень разнообразны: от моногамной семьи до полной свободы половых отношений. Например, у одних народов для девушки при бракосочетании обязательна наивность, а у других — предварительное обучение приемам любви. Иногда развод легок, иногда затруднен, иногда — невозможен вообще. У одних народов сожителство жен с посторонними мужчинами карается как супружеская неверность, у других — поощряется (например, уйгуры в оазисе Хами, как мы уже упоминали, так привыкли уступать своих жен проезжим купцам, что, даже разбогатевав под покровительством Чингисидов, не хотели отказаться от обычая, казавшегося их соседям постыдным).

Точно так же мы можем проанализировать вариации восприятия чувства долга. В феодальной Англии или Франции вассал был обязан служить сюзерену только в случае получения бенефиция («зарплаты»): лишаясь такового, он имел право перейти к другому сюзерену (например, к испанскому королю). Изменой считался только переход к иноверцам, например мусульманам, но это практиковалось настолько часто, что возник специальный термин — ренегат. Наоборот, в Риме или Греции несение общественных обязанностей не сопровождалось оплатой, а было долгом гражданина полиса. Впрочем, эти граждане так наживались на общественной работе, что вознаграждали себя сверх меры.

Сила этнического стереотипа поведения огромна потому, что члены этноса воспринимают его как единственно достойный, а все прочие — как «дикость». Именно поэтому европейские колонизаторы называли индейцев, африканцев, монголов и даже русских дикарями, хотя те с таким же правом могли сказать это об англичанах. Китайское же высокомерие было еще более безапелляционным. Вот, например, что указывалось в географической справке Минской эпохи о Франции: «Лежит в юго-западном море... В 1518 г. король отправил посланника с земскими произведениями и просил признать его королем».^[97]

Изменчивость стереотипов поведения

Стереотип поведения этноса столь же динамичен, как и сам этнос. Обряды, обычаи и нормы взаимоотношений меняются то медленно и постепенно, то очень быстро. Взглянем, например, на Англию. Разве можно узнать потомка свирепого сакса, убивавшего кельтских ребятишек, в веселом браконьере Робин Гуде или стрелке из «Белого отряда», а его прямого потомка — в матросе-корсаре Фрэнсиса Дрейка или в «железнобоком» солдате Кромвеля? А их наследник — клерк лондонского Сити, то аккуратный и чопорный в викторианскую эпоху, то длинноволосый декадент и наркоман XX века? А ведь Англия всегда была страной консервативной. Что же говорить о других этносах, на облик которых влияет не только внутреннее развитие, но и посторонние воздействия — культурные заимствования, завоевания, влекущие за собой принудительные изменения обычаев, и, наконец, экономические нажимы, меняющие род занятий и насильственно регулирующие потребности этноса?^[98]

Говоря о стереотипе поведения этноса, мы обязаны всегда указать эпоху, о которой идет речь. И не следует думать, что так называемые «дикие» или «примитивные» племена более «консервативны», нежели цивилизованные нации. Это мнение возникло исключительно вследствие малой изученности индейцев, африканцев и сибирских народов. Достаточно было организовать в Канаде продажу водки, а на Таити — консервов, и сразу же менялся стереотип поведения дакотов и полинезийцев, причем редко к лучшему. Однако во всех случаях изменения шли своим путем, на базе уже сложившихся навыков и представлений. В этом — неповторимость любого этногенетического процесса, а также причина того, что процессы этногенеза никогда не копируют друг друга. Правда, закономерность есть и тут, надо только уметь ее найти.

Примеров можно привести любое количество, в том числе и в отношении стандартов поведения, касающихся юридических, экономических, социальных, бытовых, религиозных и прочих взаимоотношений, сколь бы сложны они ни были, что и является основным принципом поддержания внутриэтнической структуры. В аспекте гуманитарных наук описанное явление известно как традиция и модификация социальных взаимоотношений, а в плане наук естественных оно, столь же закономерно, трактуется как стереотип поведения, варьирующий в локальных зонах и видовых популяциях. Второй аспект хотя и непривычен, но, как мы увидим позже, плодотворен.

Итак, этнос — коллектив особей, выделяющий себя из всех прочих коллективов. Этнос более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в

историческом времени. Нет ни одного реального признака для определения этноса, применимого ко всем известным нам случаям. Язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда — нет. Вынести за скобки мы можем только одно — признание каждой особью: «Мы такие-то, а все прочие другие». Поскольку это явление универсально, можно предположить, что оно отражает некую физическую или биологическую реальность, которая и является для нас искомой величиной. Интерпретировать эту «величину» можно только путем анализа возникновения и исчезновения этносов и установления принципиальных различий этносов между собою. Чтобы выявить их различия, необходимо последовательное описание стереотипа поведения тех или иных этносов. Однако надо помнить, что поведение этноса меняется в зависимости от его возраста, который удобно отсчитывать от момента выхода этноса на историческую арену. Поэтому необходимо ввести в анализ способ фиксации этнодинамики, дабы перейти к определению понятия «этнос» во втором приближении. Таковым будет психологический момент, с одной стороны, свойственный всем людям без исключения, а с другой — достаточно вариабельный, чтобы служить индикатором этнической динамики: отношение этноса как целостности к категории времени.

Этнос и четыре ощущения времени

Что такое «время» — не знает никто. Однако измерять его люди научились. Даже самые примитивные народы, не имеющие потребности в линейном отсчете времени от какой-либо условной даты («Основания Рима», «Сотворения мира», «Рождества Христова», «Хиджры» — бегства Мухаммеда из Мекки в Медину и т. п.), различают день и ночь, времена года, «живую хронологию» по датам собственной жизни и, наконец, цикличности — неделю, месяц, двенадцать лет, где каждый год носит имя зверя (тюркско-монгольский календарь). По данным сравнительной этнографии, линейный отсчет времени появляется тогда, когда этнос начинает ощущать свою историю не как исключительное явление, а в связи с историей сопредельных стран. А по мере накопления знаний возникает квантование времени в сознании людей, т. е. деление его на эпохи, весьма неравные по продолжительности, но эквивалентные по наполнению событиями. Здесь категория «времени» соприкасается с категорией «силы» — причины, вызывающей ускорение, в частном случае — исторического

процесса.^[99]

Такое разнообразие систем отсчета показывает, что оно отвечает серьезным переменам этнопсихологии, что, в свою очередь, определяется сменой возрастов этноса. Для наших целей важна не та или иная система отсчета, а различие в понятиях прошедшего, настоящего и будущего.

Когда этническая общность вступает в первый творческий период своего становления, ведущая часть ее населения, толкающая всю систему по пути этнического развития, накапливает материальные и идейные ценности. Это накопление в области этики становится «императивом» и в отношении времени трансформируется в ощущение, которое можно назвать «пассеизм». Смысл его в том, что каждый активный строитель этнической целостности чувствует себя продолжателем линии предков, к которой он что-то прибавляет: еще одна победа, еще одно здание, еще одна рукопись, еще один выкованный меч. Это «еще» говорит о том, что прошлое не ушло, оно в человеке, и поэтому к нему стоит прибавлять нечто новое, ибо тем самым прошлое, накапливаясь, продвигается вперед. Каждая прожитая минута воспринимается как приращение к существующему прошлому (*Passe existence*).

Результатом такого восприятия времени являются подвиги героев, добровольно отдававших жизнь за отечество: спартанского василевса Леонида в Фермопилах, консула Аттилия Регула в Карфагене, Роланда в Ронсевальском ущелье, причем это равно касается исторического бретонского маркиза и литературного героя «Песни о Роланде». Такими же были богатыри-монахи Пересвет и Ослябя, послушники Сергия Радонежского, погибшие на Куликовом поле, и кераитский богатырь Хадах-Баатур, отвлекший на себя воинов Чингиса, чтобы дать скрыться «своему природному хану».^[100] Европейцы этого склада воздвигли готические соборы, не увековечив своих имен, индусы вырезали дивные статуи в пещерных храмах, египтяне построили усыпальницы, полинезийцы открыли для своих соотечественников Америку и привезли на острова кумару (сладкий картофель). Для них характерно отсутствие личной заинтересованности. Они как будто любили свое дело больше себя. Но это не альтруизм: предмет их любви был в них самих, хотя и не только в них. Они чувствовали себя наследниками не только великих традиций, а частицами оных и, отдавая ради этих традиций милую жизнь, быстро, как воины, или медленно, как зодчие, они поступали согласно своему нервно-психофизическому складу, определявшему вектор и характер их деятельности. Люди этого склада встречаются во все эпохи, но в начальных

стадиях этногенеза их несколько больше. Как только процентное содержание их уменьшается, наступает время, которое мы привыкли называть «расцветом», но правильнее было бы сказать «разбазаривание».

На место пассаизма приходит актуализм. Люди этого склада забывают прошлое и не хотят знать будущего. Они хотят жить сейчас и для себя. Они мужественны, энергичны, талантливы, но то, что они делают, они делают ради себя. Они тоже совершают подвиги, но ради собственной алчности, ищут высокого положения, чтобы насладиться своей властью, ибо для них реально только настоящее, под которым неизбежно понимается свое, личное. Таковы в Риме — Гай Марий и Люций Корнелий Сулла, в Афинах — Алкивиад, во Франции — принц «Великий Конде», Людовик XIV и Наполеон, в России — Иван Грозный, в Китае — Суйский император Ян Ди (605–618). А писателей, художников, профессоров и т. п., совершавших подчас нечто грандиозное только для того, чтобы прославить свое имя, невозможно даже перечислить! Таковы и веселые кутилы, бонвиваны, прожигатели жизни, они тоже живут сегодняшним днем, хотя бы продолжительностью в целую, но свою жизнь. Когда процент людей этого склада в составе этноса увеличивается, то наследство, скопленное их жертвенными предками, быстро растрачивается, и это производит обманчивое впечатление изобилия, почему и считается «расцветом».

У читателей может сложиться мнение, что автор осуждает людей этого склада. Нет! Их восприятие времени — такое же явление, как и то, которое было описано выше, и зависит не от их желания, а от особенностей высшей нервной деятельности. Они не могли бы быть иными, если бы даже этого хотели. Знаменитые сентенции «Хоть день, да мой» и «После нас — хоть потоп» — не цинизм, а искренность, и наличие в этносе людей этого склада ведет не к его исчезновению, а только к остановке роста, что иногда бывает даже целесообразно, так как, не принося в жертву себя, эти люди не ставят целью принесение в жертву своих соседей, а стремление к беспредельному расширению этнического ареала заменяется установлением естественных границ.

Третий возможный и реально существующий вариант относится ко времени и миру — это игнорирование не только прошлого, но и настоящего ради будущего. Прошлое отвергается как исчезнувшее, настоящее — как неприемлемое, реальной признается только мечта. Наиболее яркими примерами этого мировосприятия являются идеализм Платона в Элладе, иудейский хилиазм в Римской империи, сектантские движения манихейского (альбигойство) и маркионитского (богумильство) толка. Не избежал футуристического (так его правильнее всего назвать) воздействия

и Арабский халифат, где начиная с IX в. бедуины Бахрейна приняли идеологическую систему карматства и распространились по Сирии, Египту и Ирану. В Египте карматы установили свою династию — Фатимидов, в Иране овладели горными крепостями: Аламутом, Гирдекухом и Люмбасаром, откуда диктовали мусульманским султанам и эмирам свою волю. Персы называли их исмаилитами, крестоносцы — асасинами.

Идеология карматов была откровенно идеалистической, но не религиозной. По их учению, мир состоял из двух половин, зеркально отражающих друг друга. В посюстороннем мире им, карматам, было плохо: их угнетали, обижали, грабили. В антимире все должно быть наоборот: они, карматы, будут угнетать, обижать, грабить мусульман и христиан. Перебраться же в антимир можно только с помощью «живого бога» и назначенных им старцев-учителей, которым надо безусловно подчиняться и платить деньги. Ничего религиозного в этой системе нет. Представление о деятельности карматов как о борьбе угнетенных с феодалами отражает только одну, и не самую важную, сторону дела. Фатимиды в Каире и Хасан Саббах в Аламуте были точно такими же угнетателями крестьян, как и их противники, хотя иногда использовали социальные противоречия в интересах своей политики. Да и может ли банда или секта выражать интересы широких масс?

Однако в Древнем Китае футуристическое восприятие времени, проявившееся в III в., привело народ к крестьянскому восстанию «желтых повязок». Наряду с действительными классовыми противоречиями во время правления династии Младшей Хань (25-220) даосские ученые оказались вытесненными со всех постов государственной службы конфуцианцами и принуждены были добывать себе пропитание лечением болезней и предсказанием погоды. Это нищенское существование их не устраивало, и в их среде создалась теория, согласно которой «синее небо насилия» будет заменено «желтым небом справедливости». На самом деле небо стало багровым от отблесков пролитой крови: за период смут, последовавших за восстанием, население Китая сократилось с 50 млн. до 7.5 млн. Было бы легкомысленно обвинять во всех бедах только даосскую пропаганду, так как подавляющее большинство участников событий были чужды любым философским концепциям. В нашем аспекте важно лишь отметить наличие футуристического мировосприятия и активизацию его при одновременном упадке пессимистического, как бы вытесненного из жизни народа. И не случайно III век считается эпохой, разделяющей древний и средневековый Китай. Новое накопление ценностей, как идеологических, так и материальных, началось в VI в. при династии Суй и

оформилось в пессимистическое течение в VII в. при династии Тан. Н. И. Конрад назвал это явление китайским ренессансом, когда под лозунгом «возвращения к древнему» творилась новая оригинальная культура, противостоящая моральному распаду и грубости солдатских и кочевнических царств эпохи, называемой «Пять варваров».^[101]

Можно было бы сделать заключение, что футуристическое восприятие времени встречается столь редко, что оно является аномалией. Это неверно, оно закономерно, как и два остальных, но действует на этническое сообщество столь губительно, что любой этнос гибнет целиком, либо гибнут «мечтатели», либо «мечтатели» объявляют свою мечту осуществленной и становятся актуалистами, т. е. начинают жить как все. Футуристическое мировосприятие опасно для окружающих только в чистых формах и высоких «концентрациях». Когда оно смешано с другими мировосприятиями, оно способно даже вызывать симпатию. Например, Иоанн Лейденский сумел добиться в Мюнстере высокого накала страстей и неизбежно связанного с ним кровопролития, но современные баптисты — обыватели, и как таковые они в принятой нами классификации стоят ближе к обывателям — католикам, протестантам, атеистам, нежели к своим идейным и духовным предкам. Иными словами, исповедание идеи не отражает отношения ко времени и не связано с ним. Инвариантность футуристического восприятия времени заключается в том, что его торжество вызывает процесс этнической дезинтеграции. Поскольку такие процессы наблюдаются во все исследуемые нами периоды, то, очевидно, исчезновение этносов — не случайность, как, впрочем, и появление новых. И то и другое — составляющие одного и того же диалектического процесса — этногенеза, и если, будучи людьми, мы можем симпатизировать любому умунастроению или складу, то как ученые мы должны просто определить соотношение и векторы составляющих величин в общем направлении изучаемого движения.

Пессимизм, актуализм и футуризм отражают три стадии этнической динамики, но, кроме того, должна быть, и действительно существует, система оценки категории времени, соответствующая статическому состоянию этноса. Она заключается в игнорировании времени как такового. Время не интересует людей этого склада, потому что они не извлекают из отсчета времени никакой пользы для той деятельности, которая их кормит. Эти люди (выше мы назвали их обывателями) живут во всех стадиях, но при наличии иных категорий они мало заметны. Когда же с торжеством «футуризма» все их соперники исчезают, из щелей вылезают неистребимые посредственности, и историческое время останавливается, а

земля лежит под паром.

Итак, мы сомкнули все линии нашего анализа и получили подтверждение гипотезы о четырехчленной конструкции этнического становления. Это не случайное совпадение и не произвольное построение, а отражение сути процесса этнического распада. Но если бы наш анализ исчерпывал тему, то не только этнологии, но и самих этносов давно бы уже не было, потому что все они за истекшее историческое время распались бы. Очевидно, наряду с разрушительными процессами внутриэтнической эволюции существуют созидательные, благодаря которым возникают новые этнические сообщества. Поэтому этническая история человечества не прекращается и, пока на Земле есть люди, не прекратится. Ибо этнос не арифметическая сумма человекоединиц, а «система» — понятие, которое следует раскрыть подробно.

VII. Этнос как система

«Система» в популярном объяснении

Общеизвестный пример социальной системы — это семья, живущая в одном доме. Элементы системы: члены семьи и предметы их обихода, в том числе муж, жена, теща, сын, дочь, дом, колодец, кошка. Они составляют семью до тех пор, пока супруги не разведутся, дети не отколются, начав зарабатывать сами, теща не разругается с зятем, колодец не зацветет и кошка не заведет котят на чердаке. Если после этого они останутся в доме, хотя бы туда даже провели водопровод, это будет не семья, а заселенный участок, т. е. все элементы живой и косной природы останутся на месте, но система семьи исчезнет. И наоборот, если умрет теща, будет перестроен дом, сбежит кошка, уедет любящий сын, семья сохранится, несмотря на перемены в числе элементов. Это значит, что реально существующим и действующим фактором системы являются не предметы, а связи, хотя они не имеют ни массы, ни заряда, ни температуры.

Эта внутренняя связь между отдельными людьми при взаимной несхожести и является реальным проявлением системной связи, и не может быть определена ни через какие другие показатели.

Связи в системе могут быть как положительными, так и отрицательными, причем некоторые связи подсистемы на протяжении жизни особи могут сменить знак. Продолжим наш пример. Связь новорожденного со старшими имеет определенную направленность и «вес». ^[102] О нем заботятся, его воспитывают и учат. Когда он становится взрослым и отцом семейства, знак связи меняется на противоположный: он заботится о родителях и учит детей. И, наконец, став стариком, он опять требует заботы и ухода. Эта закономерность показывает, что любая система не статична, а находится либо в динамическом равновесии (гомеостаз), либо в движении от какого-то толчка, импульс которого находится вне данной системы. Конечно, не исключено, что этот импульс ограничен для системы высшего ранга, но механизм воздействия от этого не меняется.

Семья — это наглядный пример системы. Однако более сложные системы, как, например, этнос, социальный организм, вид, биогеоценоз, подчиняются той же закономерности, даже с учетом того, что они построены по принципу иерархии: подсистемы образуют системную целостность — суперсистему; суперсистемы — гиперсистему и т. д. Таким

образом, наличие всеобщих связей, создающих динамические стереотипы, более или менее устойчиво, но никогда не вечно.

Итак, мера устойчивости этноса как системы определяется не его массой, т. е. численностью населения и точностью копирования предков, а среднестатистическим набором связей. Резкий выход за определенные пределы влечет либо гибель, либо бурное развитие. Этим и создается эластичность этноса, позволяющая ему амортизировать внешние воздействия и даже иногда регенерировать, ибо «многосвязная» система восполняет ущерб перестройки связей.

После этого популярного пояснения перейдем к научным определениям, т. е. к кибернетике и системологии в том объеме, в котором они будут нам нужны.

«Система» в этнологии

Н. Винер определил кибернетику как науку об управлении и связи в животном и машине.^[103] «Достоинство кибернетики состоит в методе исследования сложных систем, ибо при изучении простых систем кибернетика не имеет преимуществ».^[104] Предмет изучения кибернетики — способы поведения объекта: «она спрашивает не «что это такое?», а «что оно делает?»».^[105] «Поэтому свойства объекта являются названиями его поведения».^[106] «Кибернетика занимается всеми формами поведения, поскольку они являются регулярными, или детерминированными, или воспроизводимыми. Материальность не имеет для нее значения, равно как соблюдение или несоблюдение обычных законов физики».^[107]

Приведенные тезисы показывают, что этнологу, интересующемуся сущностью феномена этноса и вынужденному согласовывать собственные наблюдения с известными ему законами природы, абсолютное доверие к методам кибернетики Винера противопоказано. Применение кибернетических методов исследования может служить коррективом для экстраполяции эмпирических обобщений, но не больше. Поэтому в основу методики системного изучения этноса целесообразно положить не мысли Н. Винера, а идеи Л. Бераланфи, совместившего с кибернетикой физическую химию и термодинамику.

Согласно системному подходу Л. Бераланфи,^[108] «система есть комплекс элементов, находящихся во взаимодействии»,^[109] т. е. привычными элементами информации являются не отдельные факты, а связи между фактами. По А. А. Малиновскому, «система строится из

единиц, группировки которых имеют самостоятельное значение, звенья, подсистемы, каждая из которых является единицей низшего порядка, что обеспечивает иерархический принцип, позволяющий вести исследование на заданном уровне». [\[110\]](#)

Исходя из этого принципа, мы имеем право рассматривать этнос как систему социальных и природных единиц с присущими им элементами. Этнос — не просто скопище людей, теми или иными чертами похожих друг на друга, а система различных по вкусам и способностям личностей, продуктов их деятельности, традиций, вмещающей географической среды, этнического окружения, а также определенных тенденций, господствующих в развитии системы. Последнее, являющееся направлением развития, особенно важно, ибо «общим для всех случаев множеств является свойство элементов обладать всеми видами активности, приводящими к образованию статических или динамических структур». [\[111\]](#) Применение этого подхода к процессам этногенеза связано и с решением проблемы историзма, так как все наблюдаемые факты укладываются в динамическую систему исторического развития, и нам только остается анализировать ту часть Всемирной истории, которая непосредственно связана с нашей темой.

Таким образом, реальную этническую целостность мы можем определить как динамическую систему, включающую в себя не только людей, но и элементы ландшафта, культурную традицию и взаимосвязи с соседями. [\[112\]](#) В такой системе первоначальный заряд энергии постепенно расходуется, а энтропия непрерывно увеличивается. Поэтому система должна постоянно удалять накапливающуюся энтропию, обмениваясь с окружающей средой энергией и энтропией. Этот обмен регулируется управляющими системами, использующими запасы информации, которые передаются по наследству. [\[113\]](#) В нашем случае роль управляющих систем играет традиция, которая равно взаимодействует с общественной и природной формой движения материи. Передача опыта потомству наблюдается у большинства теплокровных животных. Однако наличие орудий, речи и письменности выделяет человека из числа прочих млекопитающих, а этнос — форма коллективного бытия, присущая лишь человеку.

Уровни и типы этнических систем

Принятый нами подход позволяет заменить этническую

классификацию этнической систематикой. Классификация может быть проведена по любому произвольно взятому признаку: по языку, расе, религии, роду занятий, принадлежности к тому или иному государству. В любом случае это будет весьма условное деление. Систематика же отражает именно то, что заложено в природе вещей, позволяет исследовать человечество с техникой и domestикатами (ручными животными и культурными растениями). Крупнейшей единицей после человечества в целом (как аморфной антропосферы — одной из оболочек Земли) является суперэтнос, т. е. группа этносов, возникшая одновременно в одном регионе и проявляющая себя в истории как мозаичная целостность, состоящая из этносов. Именно они являются этническими таксонами, наблюдаемыми непосредственно. Этносы, в свою очередь, делятся на субэтносы, т. е. подразделения, существующие лишь благодаря тому, что они входят в единство этноса. Без этноса они рассыпаются и гибнут.

Принадлежность к тому или иному разделу таксономии определяется не абсолютной идентичностью особей, чего в природе никогда не бывает, а степенью сходства в определенном аспекте на заданном уровне. На уровне суперэтноса (для примера возьмем Средневековье) мусульмане — араб, перс, туркмен, бербер были ближе друг к другу, чем к членам западнохристианского этноса — «франкам», как называли всех католиков Западной Европы. А француз, кастилец, шотландец, входившие в общий суперэтнос, были ближе между собой, чем к членам других суперэтносов — мусульманского, православного и т. д. На уровне этноса французы были между собой ближе, чем по отношению к англичанам. Это не мешало бургундцам поддерживать Генриха V и брать в плен Жанну д'Арк, хотя они понимали, что идут против своих. Но ни в коем случае не следует сводить все многообразие видимой истории к осознанию этнического единства, которое лишь иногда является главным фактором, определяющим поведение человека. Зато ощущение этнической близости присутствует всегда и может быть отнесено к природе человека как инвариант. Иными словами, как бы ни был этнос мозаичен и как бы разнообразна ни была его структура, на заданном уровне он — целостность.

И самое интересное, что историки практически уже нащупали возможность такого подхода. Невольно они группируют этносы в конструкции, которые называют либо «культурами», либо «цивилизациями», либо «мирами». Например, для XII–XIII вв. мы находим смысл в таких понятиях, которые в то время обозначали реально существующие целостности. Так, Западная Европа, находившаяся под идеологическим главенством римского папы и формальным, никогда не

осуществлявшимся на деле, суверенитетом германского императора, называла себя «Христианский мир». При этом западноевропейцы противопоставляли себя не только мусульманам, с которыми они воевали в Испании и Палестине, но и православным грекам и русским, а также, что удивительно, ирландским и уэльским кельтам. Совершенно очевидно, что они подразумевали не религиозную общность, а системную целостность, которая получила название по произвольно взятому индикатору.

Равным образом «Мир ислама» противопоставлял себя и грекам, и французам, и языческим тюркам, но с точки зрения религии не был единым. Учения шиитов (теистов), карматов (атеистов) и суфиев (пантеистов) весьма мало походили друг на друга и на ортодоксальную доктрину ислама — суннизм. Но ведь и христиане-европейцы отнюдь не дружили между собою. Однако, сталкиваясь с мусульманами или язычниками, они сразу находили общий язык и пути для компромисса. Это означало, что, например, венецианец мог драться с генуэзцем, но лишь до тех пор, пока не появлялись арабы или берберы-мусульмане. Тогда бывшие враги бросались на общего противника.

Из истории известно, что часто жестокие войны ведутся между близкими родственниками. Вместе с тем они имеют коренное различие с войнами на уровне больших систем. В последнем случае противник рассматривается как нечто инородное, мешающее и подлежащее устранению. Но личные эмоции — гнев, ненависть, зависть и т. п. не становятся мотивом проявляемой жесткости. Чем дальше отстоят системы друг от друга, тем хладнокровнее ведется взаимоистребление, превращаясь в подобие опасной охоты. А разве можно гневаться на тигра или крокодила? И наоборот, борьба внутри системы имеет целью не истребление противника, а победу над ним. Поскольку противник также составляет часть системы, то без него система не может существовать. Так, вождь флорентийских гибеллинов Фарината дельи Уберти помог врагам своей родины одержать победу, но не допустил уничтожения Флоренции. Он заявил: «Я сражался с этим городом для того, чтобы жить в нем». И он жил там до смерти, после того как Арбия побагровела от крови его противников — флорентийских гвельфов.

Но это было бы еще ничего! Куда круче обошлись венецианцы с братом знаменитого гибеллина Эццелино да Романа, Альберриго. Когда в 1260 г. он сдал им свой замок около Тревизо, шесть его сыновей были умерщвлены на его глазах, затем он сам был обезглавлен, а его жена и две дочери сожжены заживо на площади Тревизо. Ради чего творили такие бессмысленные жестокости?

Для понимания этой ситуации следует усвоить, что «гвельфы и гибеллины — алгебраические знаки, за которыми может скрываться любой смысл».^[114] Считается, что гибеллины были феодалами, а гвельфы — бюргерами, но пополаны ряда городов бывали на стороне гибеллинов, некоторые гвельфы становились гибеллинами, и наоборот, а бывало, что обе партии действовали совместно против арабов или греков. Такие крупные городские республики, как Генуя или Венеция, неоднократно переходили из одного лагеря в другой, руководствуясь только политическими расчетами.^[115] Так из-за чего же лилась кровь?

Способ поддержания целостности системы зависит от эпохи, точнее — от фазы этногенеза. В молодых системах элементы контактируют весьма напряженно, можно сказать, страстно, что и вызывает столкновения. Часто кровавые распри не несут ни идейного, ни классового смысла, происходя в пределах одного социального слоя, например война Алой и Белой розы в Англии, арманьяков и бургундцев во Франции. Но эти усобицы поддерживают целостность этнической системы и государства лучше, нежели при апатии населения — хотя тогда жить легко, этносы распадаются и исчезают как целостности.

Часто этнические системы, как мы уже упоминали, не эквивалентны государственным образованиям: один этнос может жить в разных государствах или несколько — в одном. Так в каком же смысле мы можем трактовать их как системы?

Принято деление на два идеальных типа систем: жесткие и корпускулярные, или дискретные. В жестких системах все части (элементы) подогнаны друг к другу так, что для нормального функционирования необходимо их одновременное существование. В корпускулярных системах элементы взаимодействуют свободно, легко заменяются на аналогичные, причем система не перестает действовать, и возможна даже утрата части элементов с последующим восстановлением. Если же таковое не последует, то идет упрощение системы, имеющее в лимите ее уничтожение.

Возможно и другое деление систем: на открытые, получающие энергию постоянно и обменивающиеся со средой положительной и отрицательной энтропией, и замкнутые, только тратящие первоначальный заряд до уравнивания своего потенциала с потенциалом среды. При сопоставлении обеих характеристик возможны четыре варианта систем: 1) жесткая открытая; 2) жесткая замкнутая; 3) корпускулярная открытая; 4) корпускулярная замкнутая. Деление это условно, так как любая

действующая система совмещает черты обоих типов, но, поскольку она находится ближе к тому или другому полюсу, такое деление практически оправдано, ибо позволяет классифицировать системы по степени соподчиненности элементов.

При изучении истории, как государственной, так и этнической, мы встречаем любые градации систем описанных типов, за исключением крайних, т. е. только жестких или только дискретных, ибо те и другие нежизнеспособны. Жесткие системы не могут при поломках самовосстанавливаться, а дискретные лишены способности к сопротивлению ударам извне. Поэтому на практике мы встречаем системы с разной степенью жесткости, причем она тем больше, чем больше в нее привнесено трудом человека, и тем меньше, чем создание системы инициировано процессами природы, постоянно преобразующей составляющие ее элементы. В пределе это — противопоставление техносферы и биосферы.

Но где граница биосферы и техносферы, если сам человеческий организм — часть природы? Очевидно, рубеж социо(техно) сферы и биосферы проходит не только за пределами человеческих тел, но и внутри их. Однако от этого различие не пропадает. Наоборот, мы здесь нащупали реальный момент взаимодействия социального с биологическим. Это самостоятельное явление природы, всем хорошо известное — этнос.

В идеале этнос — система корпускулярная, но для того чтобы не быть уничтоженными соседями, люди, его составляющие, устанавливают выработанные или заимствованные институты, являющиеся по отношению к этносу вспомогательными жесткими системами. Таковы, например, власть старших в роде, предводительство на охоте или на войне, обязательства по отношению к семье и, наконец, образование государства. Таким образом, жесткие системы — это социально-политические образования: государства, племенные союзы, кланы, дружины и т. п. Совпадение систем обоих типов, т. е. этноса и государства или племенного союза, необязательно, хотя и кажется естественным. Вспомним великие империи древности, объединявшие разнообразные этносы или средневековую феодальную раздробленность этносов. Видимо, причудливость сочетания столь же естественна, как и совпадения. Системы обоих типов динамичны, т. е. возникают и пропадают в историческом времени. Кажущееся исключение представляют гомеостатические этнические системы, изменение которых связано только с внешними воздействиями. Но нельзя забывать, что гомеостаз возникает лишь после напряженного развития, когда силы, создавшие и двигавшие систему,

иссякли. Поэтому статистику следует воспринимать как замедленное инерционное движение, имеющее в лимите, практически недостижимом, нуль.

VIII. Субэтноты

Структура этноса

Структура этноса всегда более или менее сложна, но именно сложность обеспечивает этносу устойчивость, благодаря чему он имеет возможность пережить века смятений, смут и мирного увядания. Принцип этнической структуры можно назвать иерархической соподчиненностью субэтнических групп, понимая под последними таксономические единицы, находящиеся внутри этноса как зримого целого и не нарушающие его единства. На первый взгляд, сформулированный тезис противоречит нашему положению о существовании этноса как элементарной целостности, но вспомним, что даже молекула вещества состоит из атомов, а атом — из элементарных частиц, что не снимает утверждения о целостности на том или ином уровне: молекулярном, или атомном, или даже субатомном. Все дело в характере структурных связей. Поясним это на примере.

Карел из Тверской губернии в своей деревне называл себя карелом, а приехав учиться в Москву, — русским, потому что в деревне противопоставление карелов русским имело значение, а в городе не имело, так как различия в быту и культуре столь ничтожны, что скрадываются. Но если это был не карел, а татарин, то он продолжал называть себя татарин, ибо религиозное значение усугубляло этнографическое несходство с русскими и было не столь мало, чтобы искренне объявить себя русским. Татарин, попавший в Западную Европу или Китай, считался бы там русским и сам был бы с этим согласен, а в Новой Гвинее он воспринимался бы как европеец, только не из «племени» англичан или голландцев. Этот пример очень важен для этнической диагностики и тем самым для демографической статистики и этнографических карт. Ведь при составлении последних обязательно нужно условиться о порядке и степени приближения, иначе будет невозможно отличить субэтноты, существующие как элементы структуры этноса, от действующих этносов.

Теперь остановимся на соподчиненности этносов. Например, французы — яркий пример монолитного этноса — включают в себя, как уже говорилось, бретонских кельтов, гасконцев баскского происхождения, лотарингцев — потомков алеманнов и провансальцев — самостоятельный народ романской группы. В середине IX в., когда впервые было

документально зафиксировано этническое название «французы», все перечисленные народы, а также другие — бургунды, норманны, аквитанцы, савояры еще не составляли единого этноса и только после тысячелетнего процесса этногенеза образовали этнос, который мы называем французами. Процесс слияния не вызвал, однако, нивелировки локальных обычаев, обрядов и т. п. Они сохранялись как местные провинциальные особенности, не нарушающие этнической целостности французов.

Во Франции мы особенно отчетливо наблюдаем результаты этнической интеграции, ибо ход событий эпохи Реформации привел к тому, что французы-гугеноты вынуждены были в XVII в. покинуть родину. Спасая жизнь, они потеряли прежнюю этническую принадлежность и стали немецкими дворянами, голландскими бюргерами и в большом числе бурами, колонизовавшими Южную Африку. Французский этнос избавился от них как от лишнего элемента структуры, и без того разнообразной. Однако как социально-политическая целостность Франция не ослабела, а, наоборот, усилилась. Покинутые ревностными гугенотами поля и сады перешли к индифферентным людям, восстановившим в XVIII в. хозяйство, более не страдавшее от внутренних войн. Возникшая этническая монолитность позволила Наполеону провести мобилизацию населения и создать самую многочисленную и послушную армию, после поражения которой Франция не распалась, несмотря на все пережитки провинциального сепаратизма.

Саморегуляция этноса

Может показаться странным то, что мы приписываем этносу способность к саморегуляции. Однако этнос в историческом развитии динамичен и, следовательно, как любой долгоидущий процесс, реализуется с наименьшими затратами энергии, чтобы поддержать свое существование. Прочие отсекаются отбором и затухают. Все живые системы сопротивляются уничтожению, т. е. они антиэнтропийны и приспособляются к внешним условиям, насколько это возможно. А коль скоро некоторая сложность структуры повышает сопротивляемость этноса внешним ударам, то неудивительно, что там, где этнос при рождении не был достаточно мозаичен, как, например, в Великороссии XIV–XV вв., он стал сам выделять субэтнические образования, иногда оформлявшиеся в виде сословий.^[116] На южной окраине выделились казаки, на северной — поморы. Впоследствии к ним прибавились землепроходцы (на первый

взгляд, просто представители определенного рода занятий) и следовавшие за ними крестьяне, которые перемешались с аборигенами Сибири и образовали субэтнос сибиряков, или «челдонов». Раскол церкви повлек за собой появление еще одной субэтнической группы — старообрядцев, этнографически отличавшихся от основной массы русских. В ходе истории эти субэтнические группы растворились в основной массе этноса, но в то же время выделились новые.

Например, во второй половине XVIII в. часть богатого дворянства начала нанимать гувернеров-французов для своих детей. После 1789 г. приток французов в Россию увеличился, и вместе с языком, манерами, вкусами распространились французские воззрения, что создало новый стереотип поведения на субэтническом уровне. Эмигранты поддерживали русских во время войны с Наполеоном. А в дальнейшем традиция обучения европейской культуре создалась как инерция, ибо основная струя жизни, т. е. этногенеза, вернулась в прежнее русло. Потомки европеизированных Онегиных кончили дни в чеховских «вишневых садах», уступив место в жизни другим субэтносам.

Различать субэтносы очень легко, так как этнография конца XIX в. работала именно на этом уровне. Этнографы изучали бытовой обряд, т. е. фиксированный стереотип поведения у тех групп населения, которые резко отличались от столичных, например быт олонецких крестьян, но игнорировали жизнь профессоров Петербурга. А зря, потому что для нашего времени такое описание было бы очень полезно и интересно, а теперь приходится читать А. П. Чехова, да еще с поправкой на его субъективизм.

Короче говоря, субэтносы наблюдаемы непосредственно, ибо, с одной стороны, они находятся внутри этноса, а с другой — носители субэтнических стереотипов поведения отличаются от всех прочих манерами, обхождением, способом выражать чувства и т. п. Возникают субэтносы вследствие разных исторических обстоятельств, иногда совпадают с сословиями, но никогда с классами, и сравнительно безболезненно рассасываются, заменяясь другими, внешне непохожими, но с теми же функциями и судьбами. Назначение этих субэтнических образований — поддерживать этническое единство путем внутреннего неантагонистического соперничества. Очевидно, эта сложность — органическая деталь механизма этнической системы и как таковая возникает в самом процессе этногенеза. При упрощении этнической системы число субэтносов сокращается до одного, это знаменует персистентное (пережиточное) состояние этноса. Но каков механизм

возникновения субэтносов? Чтобы ответить, необходимо опуститься на порядок ниже, где находятся таксономические единицы, разделенные на два разряда: консорции и конвиксии. В эти разряды помещаются мелкие племена, кланы, уже упоминавшиеся корпорации, локальные группы и прочие объединения людей всех эпох.

Консорции и конвиксии

Условимся о терминах. Консорциями мы называем группы людей, объединенных одной исторической судьбой. В этот разряд входят «кружки», артели, секты, банды и тому подобные нестойкие объединения. Чаще всего они распадаются, но иногда сохраняются на срок в несколько поколений. Тогда они становятся конвиксиями, т. е. группами людей с однохарактерным бытом и семейными связями. Конвиксии малорезистентны. Их разъедает экзогамия и перетасовывает сукцессия, т. е. резкое изменение исторического окружения. Уцелевшие конвиксии вырастают в субэтносы. Таковы упомянутые выше землепроходцы — консорции отчаянных путешественников, породивших поколение стойких сибиряков, и старообрядцы. Первые колонии в Америке создавали консорции англичан, превратившиеся в конвиксии. Новую Англию основали пуритане, Массачусетс — баптисты, Пенсильванию — квакеры, Мэриленд — католики, Виргинию — роялисты, Джорджию — сторонники Ганноверского дома. Из Англии уезжала консорция, не мирившаяся либо с Кромвелем, либо со Стюартами, а на новой почве, где былые споры были неактуальны, они стали конвиксиями, противопоставлявшими себя новым соседям — индейцам и французам.

Землепроходцы и старообрядцы остались в составе своего этноса, но потомки испанских конкистадоров и английских пуритан образовали в Америке особые этносы, так что именно этот уровень можно считать лимитом этнической дивергенции. И следует отметить, что самые древние племена некогда, очевидно, образовались тем же способом. Первоначальная консорция энергичных людей в условиях изоляции превращается в этнос, который для ранних эпох мы именуем «племя».

На таксономическом уровне консорции заканчивается этнология, но принцип иерархической соподчиненности в случае нужды может действовать и дальше. На порядок ниже мы обнаружим одного человека, связанного с окружением. Это может быть полезно для биографии великих людей. Спустившись еще на порядок, мы встретимся не с полной

биографией человека, а с одним эпизодом его жизни, например с совершенным преступлением, которое должно быть раскрыто. А еще ниже — случайная эмоция, не влекущая за собой крупных последствий. Но мы должны помнить, что это бесконечное дробление, лежащее в природе вещей, не снимает необходимости находить целостности на заданном уровне, существенном для решения поставленной задачи.

IX. Суперэтносы

Реальность суперэтноса — «франки»

Суперэтносом мы называем группу этносов, одновременно возникших в определенном регионе, взаимосвязанных экономическим, идеологическим и политическим общением, что отнюдь не исключает военных столкновений между ними. Однако в отличие от столкновений на суперэтническом уровне, когда войны приводят к истреблению или порабощению (например, контакт европейцев с аборигенами Америки в XVI–XIX вв.), войны внутри суперэтноса ведут лишь к достижению временного преобладания (например, гвельфы и гибеллины в средневековой Европе или усобицы древнерусских князей) при стремлении к компромиссу. Подобно этносу, суперэтнос в лице своих представителей противопоставляет себя всем прочим суперэтносам, но в отличие от этноса суперэтнос не способен к дивергенции. Суперэтнос определяется не размером, не мощностью, а *исключительно* степенью межэтнической близости. Я прошу временно принять этот тезис без доказательств, обещая таковое в конце книги.

На первый взгляд, это кажется странным, ибо непонятно, откуда же появляются суперэтносы? Очевидно, характер их возникновения иной, нежели у этносов и тем более субэтнических целостностей. Но если так, то необходимо предположить, что загадка происхождения этносов потому и не была решена, что ее решение лежит на порядок выше и, следовательно, зримый и ощущаемый нами феномен этноса, того или другого, — всего лишь вариант суперэтноса, в который он входит как элемент мозаичной системной целостности, подобно тому, как колонна или кариатида входила целостность дворца, хотя кариатиду можно рассмотреть, стоя с нею, а дворец целиком обозрим только с большого расстояния. Однако без одной кариатиды дворец продолжает функционировать, а статуя при этом превращается в лучшем случае в музейный экспонат, а в худшем — в строительный мусор. Поясним это на примерах из истории.

Суперэтническое единство реально не менее субэтнического. Французский этнос уже в начале Средневековья входит в целостность, называвшуюся Chretiente и включавшую в себя католические страны Европы, часть населения которых была арианской (бургунды) или языческой (фризы). Но такие детали в то время никого не волновали.

Объединенную Каролингами территорию населяли две большие этнические группы: германоязычные тевтоны (teutskes) и латиноязычные волохи (welskes). При внуках Карла Великого эти этносы заставили своих государей разорвать железный обруч империи и в битве при Фонтане в 841 г. достигли своей цели: Карл Лысый и Людвиг Немецкий в 842 г. в Страсбурге поклялись отстаивать разделение империи по нациям.

Но это было дробление в первом приближении. От королевства западных франков отделились Бретань, Аквитания и Прованс, а крошечная Франция располагалась между Маасом и Луарой. Эта «территориальная революция»^[117] закончилась тем, что законная тевтонская династия Каролингов была свергнута в самом Париже, где в 895 г. воцарился граф Эд, сын Роберта Анжуйского. Сто лет боролись Каролинги против распада своей страны, но этносы, возникшие на базе широкого спектра смещений, упорно отказывали им в покорности. Вследствие «феодальной революции», закончившейся в X в., Западная Европа распалась политически, но продолжала выступать как суперэтническая целостность, противопоставлявшая себя мусульманам — арабам, православным — грекам и ирландцам, а также язычникам — славянам и норманнам. Впоследствии она расширилась, поглотив путем обращения в католичество англосаксов, потом западных славян, скандинавов и венгров. Этническая мозаичность не препятствовала развитию суперэтнуса.

Зарождение суперэтнуса — Византия

Второй пример. В Средиземноморье в древности существовала единая эллинистическая культура, в процессе развития включившая в себя Лациум и финикийские города. В этническом аспекте она напоминает западноевропейскую, потому что основное эллинское ядро не исчерпывает всех вариантов разносторонней эллинистической культуры. Конечно, Рим, Карфаген, Пелла имели свои локальные особенности и представляли собой самостоятельные этносы, но в суперэтническом смысле входили в широкий круг эллинистической культуры. Впрочем, это не ново, но для нас важно как отправная точка. Римское господство способствовало этнической нивелировке, а уравнивание в правах греческого языка с латинским привело к тому, что почти все население Средиземноморья слилось в один этнос.

Но в I в. н. э. в Римской империи появились новые, не похожие ни на кого из соседей люди, образовавшие в последующие два века новую

целостность. Уже в начале своего появления они противопоставили себя «языцам», т. е. всем остальным, и действительно выделились из их числа, конечно, не по анатомическим или физиологическим признакам, но по характеру поведения. Они иначе относились друг к другу, иначе мыслили и ставили себе в жизни цели, казавшиеся их современникам бессмысленными: они стремились к загробному блаженству. Эллинистическому миру был чужд аскетизм, новые люди создали Фиваиду; греки и сирийцы проводили вечера в театрах и любовались «пляской осы» (древний стриптиз), а эти собирались для бесед и тихо расходились по домам; своих богов эллины и римляне уже несколько веков считали литературными образами, сохранив их культ как государственную традицию, а в быту руководствовались многочисленными приметами; новые проповедники и неопиты с полной уверенностью считали реальностью инобытие и готовились к потусторонней жизни. Относясь лояльно к римскому правительству, они отказывались признавать его божественную природу и не поклонялись статуям императоров, хотя это часто стоило им жизни. Нюансы их поведения не ломали структуру общества, но из этнической целостности новые люди вызвали жгучую ненависть городских низов, требовавших их уничтожения, исходя из принципа отрицания права на несходство.

Считать, что причиной возникшей неприязни была разница в убеждениях — неправильно, ибо у необразованных язычников в это время никаких стойких и четких убеждений не было, а у людей нового склада они были многообразны. Но почему-то с Митрой, Исидой, Кибелой, Гелиосом эллины и римляне не ссорились, делая исключение только для Христа. Очевидно, вынести за скобки следует не идеологический или политический признак, а этнологический, т. е. поведенческий, который для эллинистической культуры был действительно новым и непривычным.

Как известно, новая целостность победила, несмотря на огромные потери. Исчезли гностики, рассеялись по миру манихеи, замкнулись в узкую общину маркиониты (впоследствии — павликиане). Только христианская церковь оказалась жизнеспособной и породила целостность, не имевшую самоназвания. Условно мы будем называть ее византийской или ортодоксально христианской. На базе раннехристианской общины, разросшейся в V в. до пределов всей Римской империи и ряда соседних стран, возник этнос, называвший себя старым словом «ромей». С V по X в. в православие были обращены болгары, сербы, венгры, чехи, русские и аланы, и тогда создавалась суперэтническая культурная целостность православного мира, сломленная в XIII в. «франками»,^[118] «турками» и

монголами. В XIV в. православная традиция воскресла в связи с возникновением великорусского народа.

Но считать Московскую Русь культурной периферией Византии нельзя, ибо местные традиции сделали из Руси самостоятельную целостность. И ведь вот что важно: течения, отколовшиеся от Вселенской Церкви в V в., — несториане и монофизиты, несмотря на то что их проклинали на Вселенских Соборах, продолжали ощущать свою обобщенность с православными, а простой церковный раскол 1054 г., когда спорящие стороны объявили противников еретиками, оформил уже происшедший разлом единой суперэтнической целостности: католичество стало новой структурой системы «Христианского мира». Ареал «католической» Европы отличался от «византийского» характером поведения населявших его людей. В Западной Европе возникли средневековые *Nationes* из коих выросли современные нации, рыцарство, городские коммуны и все то, что отличает европейский от прочих суперэтносов мира.

Но и после раскола 1054 г. догмат христианства остался прежним, значит, дело не в нем, и история религии лишь отражает, как чуткий индикатор, глубинные процессы как социальной, так и этнической истории.

Надлом суперэтнуса — арабы VII–X вв.

Арабы — народ настолько древний, что к началу нашей эры былое ощущение этнического единства утратилось. Наиболее образованные арабы жили либо в византийской Сирии, либо в иранском Ираке, участвуя в политической и культурной жизни этих империй.

О происхождении древних арабов свидетельствуют только легенды в книге Бытия, а исторически зафиксировано, что в течение почти тысячелетия в Аравии жили разрозненные племена бедуинов и садоводов, попутно занимавшиеся торговлей и не имевшие даже общего самоназвания. Их быт и родоплеменной строй преимущественно определялись натуральным хозяйством и, следовательно, ландшафтом населяемой ими страны. Никаких тенденций к объединению не возникало, боеспособность арабов была на самом низком уровне, и поэтому до VII в. Аравия была полем соперничества трех соседних стран: Римской империи, парфяно-сасанидского Ирана и Абиссинии (Аксум). В самой Аравии наиболее активными были иудейские общины Хиджаса и Йемена.

В VI в. н. э. во всей Аравии наблюдается внезапный подъем поэзии,

что следует рассматривать как модус активизации. Надо ли доказывать, что без порыва страсти сочинить хорошие стихи невозможно? В VII в. выступил Мухаммед с проповедью строгого единобожия и, образовав вокруг себя небольшую группу фанатичных, волевых, безумно храбрых последователей, первым делом уничтожила поэтов как своих конкурентов. Члены мусульманской общины порывали былые родовые связи, образуя новый, особый коллектив, который, так же как и византийский, имел конфессиональную доминанту и этногенетическую природу, ибо Мухаммед объявил, что мусульманин не может быть рабом, и принял в свою общину тех рабов, которые произнесли формулу ислама. Пропаганде новой веры также предшествовал инкубационный период накопления этнической энергии.

Создавшаяся консорция превратилась в субэтнос еще при жизни Мухаммеда и Абу-Бекра. Разросшись от нескольких десятков человек до нескольких десятков тысяч, мусульманский субэтнос завоевал всю Аравию и навязал арабам догму единобожия. Индифферентные мекканские купцы и бедуины пустынь предпочли, смерти или рабству лицемерное обращение в ислам. Так создался новый этнос с измененным стереотипом поведения, но с самоназванием — «арабы».

Используя силы покоренных и внешне обращенных в ислам, второй халиф, Омар, покорил Сирию, Египет и Персию, но уже при третьем халифе, Османе, псевдообращенные проникли на высшие должности в новом государстве и использовали религиозный порыв первоначального коллектива в целях личного обогащения. Ревнителю веры убили Османа, но это вызвало взрыв негодования среди тех, кто не был фанатиком, и возникла междоусобная борьба между другом пророка — Али и сыном его врага — Моавией, в которой «псевдомусульмане» одержали победу. Однако они не изменили политики и официальной идеологии и продолжили завоевания под лозунгами ислама. Держава потомков Моавии, Омейядов, вобрала в себя не только арабские, но и сирийские, иранские, согдийские, испанские, африканские, кавказские и многие другие элементы, распространившись от Атлантического океана до Инда.

Арабы навязали разноэтническому населению Халифата свой язык и свою духовную культуру (ислам). Большинство покоренных народов стало арабоязычным, а там, где удержался свой язык, например в Персии, больше половины слов литературного языка — арабские.

Но уже в X в. Халифат распался на отдельные области, совпадавшие с племенными ареалами. Идрисидов (789–926), Рустамидов (777–909) и Зиридов (972–1152) поддержали берберы. Бундов (932–1062) — гилянские и

дейлемские горцы, Саманидов (819–999) — таджики и т. д. Даже сами арабы разделились. Испанские арабы подняли зеленое знамя Аббасидов, египетские — белое знамя Фатимидов, а бахрейнские племена бедуинов создали сначала общину, а потом государство карматов, и все они фактически обособились в отдельные этносы, враждебные друг к другу.

Короче, с Халифатом в IX–X вв. произошло то же, что случилось с империей Карла Великого: живые силы этносов разорвали железный обруч империи как христианской, так и мусульманской, подобно тому, как трава взламывает асфальт. Но политическое разделение ни там, ни тут не нарушило суперэтнического единства, отразившегося в известном сходстве некоторых элементов культуры и литературного языка — арабского и латинского. Мусульманский суперэтнос оказался гораздо жизнеспособнее, нежели породивший его арабский этнос. Уже в XI–XII вв. идею Халифата отстаивали туркмены-сельджуки, а в XIII в. — купленные на невольничьих базарах и зачисленные в армию куманы (половцы) и суданские негры. Инерция системы, созданной сподвижниками Мухаммеда, оказалась грандиозной.

Теперь поставим вопрос: можно ли считать религиозную концепцию доминантой описанного процесса? Как внешнее проявление — несомненно. Но внутренне, по содержанию дело обстоит сложнее. Карматство по своим философским концепциям отличается от ислама гораздо больше, чем христианство или даже иудаизм,^[119] и тем не менее оно лежит в рамках не только суперэтнической конструкции — мусульманской культуры, но даже внутри собственно арабского этноса. Турецкие наемники и марокканские головорезы меньше всего думали о религии, и все же только они в XI в. своими саблями поддерживали суннитское правоверие. Вспомним, что Мухаммеду предшествовала плеяда арабских поэтов — язычников, христиан, иудеев, так что расцвет поэзии явился начальным звеном описанного процесса, равно как и развитие посреднической торговли, охота за неграми для продажи их в рабство и кондотьерство племенных вождей.

Однако доминантой всего процесса образования арабского этноса (а в суперэтническом смысле — всей мусульманской культуры) явился все-таки зачатый Мухаммедом ислам, для которого предшествовавшая эпоха расцвета арабской поэзии оказалась подходящей почвой. Ислам как символ стал объектом фанатического самоутверждения и способом введения единообразия. Обычное при бурном наступлении новой религиозной системы появление (в качестве своего рода неизбежных антитез) различных ересей и модификаций религиозно-идеологического содержания

лишь стимулировало бурность протекания основного процесса. Далее, как в пределах собственно арабского этноса, так и суперэтнической культуры развилась многообразная интеллектуальная жизнь, приведшая к расцвету науки, искусства, своеобразных форм быта. Описанный процесс служит примером формирования суперэтноса, внешне характеризующегося религиозно-идеологической доминантой. Такие целостности давно известны науке: иногда их называют «культурными типами», иногда «цивилизациями».

К X в. энергия арабо-мусульманского этноса иссякла, несмотря на то что экономика расцвела, социальные отношения нормализовались, а философия, литература, география, медицина именно в эту эпоху дали максимальное количество шедевров. Арабы из воинов превратились в поэтов, ученых и дипломатов. Они создали блестящий стиль в архитектуре, построили города с базарами и школами, наладили ирригацию и вырастили прекрасные сады, обеспечивавшие пищей растущее население. Но защитить себя от врагов арабы разучились. Вместо эпохи завоеваний настала пора потерь.

Французские нормандцы отняли у мусульман Сицилию. Астурийские горцы захватили центральную Испанию и превратили ее в «страну замков» — Кастилию. Византийцы вернули Сирию (кроме Дамаска). Грузины освободили Тифлис от арабского гарнизона. За спасением пришлось обращаться к туркменам, берберам и туарегам. Эти выручили. В XI в. Альморавиды отогнали испанцев на север, а сельджуки подчинили Армению и Малую Азию. Однако пришельцы защищали не этнос арабов, [\[120\]](#) которых они в грош не ставили, а суперэтнос — «мир Ислама», ибо сей последний стал для них этнокультурной доминантой. Среднеазиатские тюрки, суданские негры и дикие курды, входя в структуру распадающегося Халифата, усваивали принятые там нравы, обычаи, воззрения и т. п., становясь продолжателями дела общины, созданной Мухаммедом. Именно эти народы остановили натиск крестоносцев. При всем этом оставалась культура — произведения рук человеческих, не имеющие саморазвития и способные разрушаться. Но разрушение шло медленно, а очарование этой культуры охватывало все новые области в Африке, Индии, на Малайском архипелаге и в Китае. Там эта культура, на тысячу лет пережившая подъем этноса, ее породившего, существует и поныне.

Эта культура, восприняв в X–XII вв. столь большое количество чуждых ей элементов, привнесенных и инкорпорированными этносами, изменила свой облик и породила новые формы, причудливые до чудовищности. Мусульмане, этнически чуждые арабам, становились

шиитами, исмаилитами, суфиями или исповедниками учений, внешне правоверных, а по сути оригинальных и далеких от первоначального мироощущения сподвижников Мухаммеда и первых халифов. А так как в эту эпоху этнические разногласия облекались в конфессиональные формы, то, идя обратным ходом — от культуры к этногенезу, можно вскрыть и охарактеризовать этнические контакты любого суперэтнуса, например Срединной Азии и Дальнего Востока. Этой сложной проблеме будет посвящен особый экскурс, когда автор с читателем овладеют еще несколькими приемами этнологической методики.

Все приведенные выше примеры показывают, что суперэтнوسы — не условные конструкции историков, а целостности не менее реальные, чем этносы, хотя и имеющие некоторые особенности, которым мы уделим внимание ниже. Итак, мы можем констатировать, что суперэтнос, подобно этносу, — системная целостность, стоящая на порядок выше этноса. Возможно существование еще более высокой формы целостности — гиперэтнической, т. е. образованной несколькими суперэтносами, противопоставившими себя другой группе. Однако это обычно эфемеры, и исследование этого уровня для наших целей не нужно.

Х. Алгоритм этногенеза

Этнические реликты

Этническая история может насчитать свыше двадцати суперэтносов, исчезнувших в историческое время и заменившихся ныне существующими. Пока задача состоит в том, чтобы описать механизм исчезновения суперэтносов, а об их возникновении и распространении мы поговорим особо. Отметим как важную деталь, что часто на месте грандиозного суперэтноса, размытого историческими процессами, остаются островки, пережившие эпоху своего расцвета и упадка. Примерами подобных малых этносов могут служить баски, албанцы, ряд кавказских этносов и любопытный, очень устойчивый этнос ирокезов в Северной Америке. В отличие от большинства вымерших или ассимилировавшихся племен Северной и Центральной Америки ирокезы сохранили свою численность (20 тыс. человек), свой язык и свое противопоставление всем неирокезам. Правда, они изменили бытовой уклад и из воинов превратились в «музейные экспонаты».

Реликтовых этносов довольно много, причем часть из них вымирает, часть ассимилируется другими этносами, а часть, подобно ирокезам, сохраняет свое самосознание, более или менее стабильную численность и занимаемую ими территорию. Эти этносы мы называем персистентными, т. е. пережившими самих себя и находящимися в фазе гомеостаза. Этнография знает очень много этносов-изолятов, благодаря географическому положению не втянутых в общение с другими этносами или вовлеченных в него только за последние 100 лет. Таковыми были многие племена Канады до появления там меховых компаний; индейцы внутренней Бразилии до начала каучуковой лихорадки; австралийцы, пока там не появились европейцы; некоторые горцы Кавказа (даже после захвата Гуниба русскими войсками). Есть много других народов и племен с большей или меньшей степенью изолированности в Индии, Африке и даже в Европе. Но, что самое важное, изоляты возникают на глазах историка. Таковы исландцы, потомки викингов, заселявшие остров в IX в. и за триста лет утеревшие воинский дух своих предков. Потомки норвежских, датских и шведских викингов и рабынь, захваченных в Ирландии, уже в IX в. составили небольшой, но самостоятельный этнос, хранящий некоторые традиции старины и брачующийся в пределах своего острова.^[121]

Отсутствие частого общения с иноплеменниками неизбежно ведет к стабилизации отношений внутри этноса. Возникает структура, которую мы называем «застойной», а в этносе происходит «упрощение системы». Поясню на наглядном примере.

В Древнем Египте объединенные хамитские племена сложились в могучий этнос и создали разветвленную социальную систему. Там были фараон и советники, князья номов и воины, жрецы и писцы, торговцы, земледельцы и нищие батраки. Система усложнялась по мере возникновения столкновений с иноземцами. Завоевания в Нубии и Сирии производили профессиональные воины, договоры с Вавилоном заключали опытные дипломаты, а каналы и дворцы строили специалисты — инженеры, обучавшиеся с детства. Разветвленная система пережила вторжение гиксосов и возродилась, как бы налитая обновленной мощью. Но с XI в. до н. э. пошел процесс упрощения, и сопротивляемость системы упала. С 950 г. до н. э. власть над Египтом попала в руки ливийцев. В 715 г. до н. э. господство перешло к эфиопам, которые проиграли войну с Ассирией, и азиаты оккупировали Египет, который сам уже перестал защищаться. Саисская династия освободила страну, но держалась на копьях ливийцев и эллинов. В 550 г. до н. э. пала и она, после чего в Египте последовательно господствовали персы, македоняне, римляне, арабы, берберы, мамлюки и турки. Из всех социальных групп уцелели к I в. н. э. только земледельцы-феллахи и небольшая кучка эллинизированных горожан-коптов, феллахи стали изолятом. Хотя вокруг них кипела активная историческая жизнь, им до нее не было дела. Они жили в обществе, этнически им чуждом, но оставались две тысячи лет сами собою. Это мы можем назвать этнической статистикой или покоем. Это означает, что развитие замедлилось настолько, что оно может при описании не приниматься во внимание.

Статика и динамика

Условимся о терминах. «Статическими» или «персистентными» мы условно называем те народы, у которых жизненный цикл повторяется в каждом поколении без изменений. Это, конечно, не значит, что такие народы не испытывают внешних воздействий. Часто они даже гибнут при изменении окружающей среды, как, например, были уничтожены тасманийцы или выбиты арауканы в Патагонии. Иногда стабильные этнические группы, племена или народы уклоняются от заимствований у

своих цивилизованных соседей, но чаще они легко перенимают то, что им подходит, не меняя при этом привычного ритма жизни. Например, алгонкинские племена еще в XVII в. приняли на вооружение мушкеты и научились стрелять не хуже французских и английских колонистов; патагонцы за одно поколение в XIX в. превратились из пеших охотников в конных; тунгусы освоили спички и железные печки, весьма удобные в чумах. Но этнический облик этих народов до XX в. оставался прежним. Французами и испанцами не стали ни алгонкины, ни арауканы.

У «динамических» народов всегда возникает проблема «отцов и детей». Молодое поколение не похоже на прежнее. Меняются идеалы, вкусы, обычаи, появляется категория «моды». Наряду с появлением нового идет забвение старого, и эти-то перемены именуются развитием культуры.

Динамические народы тоже не вечны. Они либо исчезают без следа, либо, по прошествии определенного цикла развития, превращаются в статические, которые, в свою очередь, после различных трансформаций становятся динамическими, но уже другими. Исчезновение бывает иногда связано с гибелью людей, составляющих этнос, а чаще — с раздроблением этнической общности, причем уцелевшие ассимилируются соседними этническими общностями, люди остаются, но этнос как системная целостность исчезает. Если же часть этноса сохраняется как реликт, то это и будет изолят.

Это примеры яркие, но ведь есть сколько угодно градаций традиционности, и если расположить все известные нам этносы по степени убывающей консервативности, то окажется, что «нулевого уровня», т. е. отсутствия традиции, не достиг ни один этнос, ибо тогда бы он просто перестал существовать, растворившись среди соседей. Это последнее, хотя и наблюдается время от времени, никогда не бывает плодом целенаправленных усилий самого этнического коллектива. И тем не менее этносы гибнут, значит, существуют деструктивные факторы, благодаря которым это происходит. И поскольку нет этносов полностью изолированных от внешних воздействий, то следует полагать, что все этносы смертны. И самое любопытное — этносы иногда предпочитают гибель не приемлемому для них существованию. Почему?

Пожалуй, именно это право на смерть отличает этнос, находящийся в фазе гомеостатического равновесия со средой, от популяции того или иного вида животных. Смерть этноса — это распад системной целостности, а не поголовное истребление всех особей, в нее входящих. Хотя история сохранила позорные страницы истребления отдельных индейских племен американцами и небольших этносов хуннов — китайцами, но гораздо чаще

члены погибшего этноса входят в состав новых, соседних этносов. Поэтому этническая экстерминация — явление скорее социальное, чем биологическое.

Согласно диалектическому материализму, смерть — необходимый момент и закономерный результат жизнедеятельности организма. «... *Отрицание* жизни, — писал Ф. Энгельс, — по существу содержится в самой жизни, так что жизнь всегда мыслится в соотношении со своим необходимым результатом, заключающимся в ней постоянно в зародыше, — смертью».^[122] Этот универсальный закон диалектики действует и в процессах этногенеза.

Как человек может быть убит в любом возрасте, так и этногенетический процесс может быть оборван в любой фазе. Однако легче оборвать начинающийся этногенез, пока этнос не набрал силу, и завершающийся, когда эта сила уже растрочена. При этом уровень техники и культуры большого значения не имеет, равно как и численность населения. Ирокезы в XV в. создали оригинальную, развивающуюся форму общежития — союз пяти племен, своего рода республику. Нахуа дали начало ацтекам, а государство Монтесумы вряд ли можно считать не развивавшимся с XIV по XVI в. (точнее — с 1325 г., когда был основан Теночтитлан, по 1521 г., когда он был взят Кортесом). Приведенные примеры — примеры процессов этногенеза, оборванных ударами извне в начале своего развития.

Еще нагляднее пример древних евреев. В XV в. до н. э. бродячие племена хабиру вторглись в Палестину и захватили участок территории у Иордана. По уровню техники, методам ведения хозяйства, военным приемам они не отличались от прочих семитских племен Сирии и Аравии и уступали народам Египта и Вавилонии. Но это был народ, интенсивно развивавшийся в этническом плане, и он пережил всех соседей, пока не погиб как этническая общность^[123] под короткими мечами римской пехоты. Однако эта гибель совпала, и, очевидно, не случайно, с этнической дивергенцией самого еврейского народа, когда фарисеи, саддукеи и ессеи перестали ощущать свою общность и начали видеть друг в друге либо отступников и изменников (отношение фарисеев и ессеев к саддукеям), либо дикарей (отношение саддукеев к ессеям, народным массам), либо оторвавшуюся от народа жреческую касту (отношение саддукеев и ессеев к фарисеям). А ведь в отношении уровня культуры евреи в I в. не уступали ни римлянам, ни грекам.

На основании приведенных примеров можно было бы подумать, что

именно варварство таит в себе силы, которые при развитии культуры иссякают. Но и эта точка зрения не находит подтверждений в истории. Европейские народы завоевали Африку и Юго-Восточную Азию в XIX в. и создали систему колониальных империй, охватившую в начале XX в. почти всю поверхность суши. В некоторых случаях это можно объяснить превосходством в военной технике, но не всегда. Например, в Индии сипаи были вооружены английским оружием и тем не менее были разбиты англичанами, уступавшими им в численности. Турецкая армия в XVII–XVIII вв. не уступала по качеству оружия русской и австрийской, однако Евгений Савойский и Суворов оказались победителями, несмотря на малочисленность армий и удаленность от баз снабжения. Французы покорили Алжир и Аннам не столько за счет лучших пушек, сколько за счет прославленной храбрости зуавов, применившихся к малой (антипартизанской) войне. И наоборот, итальянцы, располагавшие самым совершенным оружием, проиграли в 1896 г. войну с негусом Менеликом, воины которого были вооружены копьями и кремневыми ружьями, а по древности своей культуры не уступали уроженцам Италии. Вот оно как!

Все перечисленные завоевания были неотделимы от этногенетического процесса Западной Европы, вследствие которого оказалось возможным создание наций и колониальных империй, начавшееся еще при феодализме. Но расширение ареалов европейских этносов закончилось в XX в. и стало ясно, что в истории не только всего мира, но даже самой Западной Европы оно было эпизодом важным, кровавым, героическим и противоречивым, но только эпизодом, а не вершиной эволюции. Крушение колониальных империй, свидетелями которого мы являемся, показывает, что процесс этногенеза прошел фазу расцвета и история приняла прежнее направление — Европа опять вошла в свои географические границы. Следовательно, дело не в уровне техники или культуры, и модель этнического развития следует строить на иных принципах. «Ни один народ, ни одна раса не остаются неизменными. Они непрерывно смешиваются с другими народами и расами и постоянно изменяются. Они могут казаться почти умирающими, а затем вновь воскреснуть как новый народ или как разновидность старого».^[124]

Однако остается неясным, почему этносы-изоляты теряют способность к сопротивлению враждебному окружению. Согласно концепции А. Тойнби об «ответе» на «вызов», они должны были бы на вызов врага давать мощный ответ, а они либо сдаются, либо разбегаются. Видимо, переход к гомеостазу, позволяющему этносу существовать в изоляции, связан с утратой некоего признака, стимулировавшего

резистентность этноса на ранних фазах. Тверды они только в одном — чужих в свою среду не допускают.

Инкорпорация

Замеченная и описанная особенность этнического феномена объясняет затруднения, постоянно возникающие при инкорпорации иноплеменников. Для того чтобы войти в чужой этнос, недостаточно собственного желания и даже простого согласия принимающего коллектива. Можно прекрасно устроиться в чужой среде и все-таки не стать своим. Если, допустим, шотландец получит гражданство Перу, то перуанцем он не станет, хотя перуанцы — сложносоставной этнос, появившийся относительно недавно — в начале XIX в. Но зато студенты-маори легко натурализуются в английских университетах. Объяснение — в отмеченном нами стереотипе поведения. Шотландец не проходил обряда инициации, как потомки инков, не ходил еженедельно к обедне, как потомки конкистадоров; его понятия о хорошем и плохом, благородном и низком, красивом и безобразном не те, что у перуанцев, и если доброй воли пришельца достаточно, чтобы стать гражданином другой страны, то этой воли мало для того, чтобы сменить этнос. А маори уже 100 лет живут рядом с англичанами и с детства знают, как надо поступать по-английски. Школа, совместные игры, деловые отношения влияют даже больше, чем смешанные браки. В Новой Зеландии еще имеет смысл противопоставление маори англичанам, но в Кембридже существенное значение приобретает противопоставление жителей Новой Зеландии обитателям «доброй, старой Англии».

Куда более затруднено вхождение в этносы малые и живущие натуральным хозяйством, хотя и тут бывают исключения: например, этнограф Морган был признан своим ирокезами, французский путешественник и скупщик мехов Этьен Брюле — гурунами. Примеров много, но справедливость требует отметить, что Морган оставался еще и американским ученым, а Брюле, деятельность которого протекала в 1609–1633 гг., был убит вождями племени за то, что настраивал молодежь против старых обычаев. Больше того, В. Г. Богораз описывает «русского чукчу» — мальчика-сиротку, воспитанного чукчами и не знавшего русского языка. Чукчи упорно считали его русским, и того же мнения держался он сам.

Итак, инкорпорация, в практических целях применявшаяся с времен незапамятных, всегда наталкивалась на сопротивление фактора, лежащего за пределами сознания и самосознания, в области ощущений, которые, как

известно, отражают явления природы, не всегда правильно интерпретируемые аппаратом сознания. Как бы ни сложна была проблема, теперь можно сделать заключение: этнический феномен материален, он существует вне и помимо нашего сознания, хотя и локализуется в деятельности нашей сомы и высшей нервной деятельности. Он проявляется в оттенках характера, деятельности людей и относится к этнопсихологии. Последнюю не следует смешивать с социальной психологией, стремящейся «объяснить то, что делают люди, путем исследования... пяти функциональных единиц: действие, значение, роль личности и группа». ^[125] Социальная группа — это группа, которая «состоит из людей, действующих совместно как единое целое», т. е. люди «рассматриваются как участники какого-то рода действия». ^[126] Таковы, например... участники футбольного матча или «суда Линча». Пусть так, но ведь это не этнос! И там же отмечено, что «европейские интеллигенты, переселившиеся в Америку... часто лучше, чем американцы, знали ее историю, законы и обычаи. Однако эти люди обладали «знаниями» американской жизни, но не «знакомством» с ней. Они были не способны понять много такого, что любой ребенок, выросший в США, чувствует интуитивно». ^[127] Вместе с тем (и это характерно) одни люди могли прижиться в Америке, а другие рвались назад, несмотря на то что хорошо зарабатывали. Это прекрасно описал В. Г. Короленко в повести «Без языка».

Видимо, существуют разные степени этнической совместимости. При одних инкорпорация легка, при других — трудна, при третьих — невозможна. В чем причина столь странного феномена?

Этносы существовали всегда, после того, как на Земле появился неоантроп. И способ их существования, как показывает история человечества, один и тот же: зарождение, расширение, сокращение степени активности и либо распад, либо переход к равновесию со средой. Это типичный инерционный процесс системы, обменивающейся со средой информацией и энтропией всегда особым, неповторимым образом, можно сказать — в оригинальном ритме. Именно это обстоятельство ограничивает инкорпорацию. Чтобы стать подлинно «своим», надо включиться в процесс, т. е. унаследовать традицию и при условии, что инкорпорируемый не воспитывался своими истинными родителями. Во всех иных случаях инкорпорация превращается в этнический контакт.

Разница между равновесием и развитием

Теперь поставим вопрос: в чем разница между этносами-изолятами и этносами, развивающимися бурно? В системах реликтовых этносов нет борьбы между членами этноса, а если и случается соперничество, то оно не влечет гибель проигравшего. Преследуются только нововведения, которых, как правило, не хочет никто. Но если так, то естественный отбор, один из факторов эволюции, затухает. Остается этноландшафтное равновесие, на фоне которого возможен только социальный прогресс или регресс. Но в сложных и трудных условиях реадaptации и смены стереотипа поведения естественный отбор возникает снова, и сформированная им популяция либо погибает, либо становится новым этносом.

Таким образом, первичной классификацией этносов (в плане их становления) является деление на два разряда, резко отличающихся друг от друга по ряду признаков (см. табл. 1).

Предлагаемое деление основано на принципе, отличном от применявшихся до сих пор: антропологического, лингвистического, социального и историко-культурного. Отмеченные в таблице 12 признаков различия,^[128] инвариантны для всех эпох и территорий. Как в классовом обществе могут существовать персистентные этносы, так и при родовом строе происходят перегруппировки особей, благодаря чему возникают новые племенные союзы или военно-демократические объединения. Примерами первого варианта могут служить застарелые рабовладельческие отношения в Аравии среди бедуинских племен, в Западной Африке: в Бенине, Дагомее и т. п., у тлинкитов Северо-Западной Америки и у горцев Кавказа, до XIX в. имевших грузинских рабынь и рабов. Застывшие феодальные отношения наблюдались в XIX в. в Тибете, западном и северо-восточном; горном Дагестане, у якутов и у малайцев. И наоборот, ирокезский союз, возникший в XV в., — яркий пример создания нового этноса в условиях доклассового общества. Тот же процесс имел место в родовой державе Хунну — III в. до н. э., и военно-демократическом тюркском «Вечном Эле» — VI–VIII вв. н. э. Кельты I тыс. до н. э. бесспорно составляли этническую целостность, имея клановую систему общественных взаимоотношений.

Количество примеров можно увеличить, но достаточно и приведенных. Всякое деление материала при классификации условно, но именно поэтому оно конструировано, поскольку определяется задачей, поставленной исследователем. Наша цель — установить место этнического становления в многообразии наблюдаемых явлений. И что же? Оказывается, возникновение этноса — редкий случай на фоне общего этноландшафтного равновесия, которое не может рассматриваться как

«отсталость» или «застой», проистекающие якобы из неполноценности тех или иных народов. Все современные «застойные» этносы некогда развивались, а те, которые развиваются теперь, если не исчезнут, то станут «стабильными» когда-нибудь потом.

Таблица 1. Признаки различия персистентного и динамического состояния этноса

Признаки	Состояние:	
	персистентное	динамическое
Отношения между поколениями	Новое поколение стремится повторить стереотипы предшествовавшего	Новое поколение стремится быть не похожим на предшествовавшее (проблема отцов и детей)
Отношение к времени	Циклическое исчисление времени	Линейное исчисление времени
Отношение к природе	Хозяйство приспособлено к ландшафту	Приспособление ландшафта к требованиям хозяйства
Отношение к соседям	Оборона границ, гостеприимство	Стремление к расширению территории, завоевательные войны
Отношение к потомкам	Стремление ограничить прирост, детоубийство	Стремление к неограниченному размножению
Отношение к религии	Генотеизм, недопущение иноземцев к своим культам	Прозелитизм и религиозная нетерпимость
Отношение к общественным институтам	Авторитет старших	Институт власти
Отношение к общественной жизни	Консервация уже сложившихся социальных групп населения	Образование новых социальных групп
Отношение к чужим культурам	Игнорирование чужих идей и заимствование техники	Активное усвоение чужих идей; их использование или отторжение
Продолжительность жизненного цикла	Ограничена только внешним воздействием стихийного или антропогенного происхождения	Не более 1200 (1500) лет, считая от момента толчка до выхода из динамического состояния (до полного исчезновения или превращения в реликт)

Этногенез и естественный отбор

Из приведенных выше описаний феномена этноса как следствие вытекает, что социальные процессы различны по своей природе. Совпадения между общественными и этническими ритмами случайны, хотя именно они бросаются в глаза при поверхностном наблюдении, так как интерференция при совпадении по фазе усиливает эффект. Возникшую проблему следует сформулировать так: откуда берутся силы, создающие этносы? Такие силы должны быть, ибо если их не было, то энтропия, определяемая естественным отбором, давным-давно, еще в эпоху палеолита, сгладила бы все этнические различия и превратила многообразие человечества в единую безликую антропосферу.

Принято считать, что естественный отбор всегда должен вести к выживанию особей, более приспособленных к борьбе за существование. Однако Дж. Б. С. Холден отмечает, что это правильно для редкого и разбросанного вида, вынужденного защищать себя от других видов и неорганической природы. Но как только население становится плотным, отдельные представители вида вступают в соперничество друг с другом. Если даже отдельные особи оказываются победителями, сама борьба биологически вредна для вида. Например, развитие громадных рогов и игл у самцов помогает им одерживать личные победы, но часто бывает началом исчезновения вида. [\[129\]](#)

Это соображение относится и к человеку, который является господствующим видом, верхним, завершающим звеном биоценоза. Отмеченная Дж. Холденом борьба особей внутри вида не имеет ничего общего с внутривидовой борьбой за пищу, и ее закономерности неправомерно переносить на человеческое общество. Здесь констатируется совсем другое: обострение борьбы за преобладание в стае или в стаде, причем, как это ни неожиданно, именно победители не оставляют потомства. Следовательно, мы встречаем не дарвиновский закон выживания наиболее приспособленных особей, а своего рода эксцессы, не отражающиеся на эволюции коллектива в целом. Отбор, происходящий при столкновении взрослых самцов или изгнании из стада подрастающих детенышей, не ведет к образованию новых популяций. Наоборот, он является мощным фактором, консервирующим признаки большинства особей, включая стереотип поведения. И это вполне понятно: каждый вид, населяющий определенный регион, входит в его биоценоз и приспособлен

к нему наилучшим образом. Положение это нарушается лишь при изменении либо физико-географических условий, например при устойчивой засухе или мощном наводнении, когда почвенный слой перекрывается отложениями, либо при миграциях в регион других животных, что изменяет равновесие в биоценозе.

Но влияние любых экзогенных факторов не объясняет, почему даже при отсутствии катастроф одни этносы сменяются другими, оставляя в наследство потомкам только руины архитектурных сооружений, обломки скульптуры, отрывки литературы, битую посуду да сбивчивые воспоминания о славе предков. Очевидно, для человека отбор имеет иное значение, чему Дж. Холден уделяет большое внимание. «Биологический отбор направлен на такие признаки, от которых зависит, чтобы каждый член этноса имел больше детей, чем другой. Таковы: сопротивляемость болезням и физическая сила, но не те качества, которые служат умножению этноса (или вида) как целого и потому особо ценятся людьми». По Холдену, гены мучеников идеи и науки, храбрых воинов, поэтов и артистов в последующих поколениях встречаются все реже и реже. Для нашего же анализа важно иное — что является итогом этого процесса в дальнейшей судьбе этноса, разумеется, не в плане общественном, а в интересующем нас в данный момент — популяционно-генетическом? Дж. Холден формулирует это положение так: «Естественный, отбор действует на изменения, имеющие приспособительный характер, а эти изменения не идут в любом направлении. Большая часть их ведет к потере сложности строения или к редукции органов — к дегенерации».^[130]

Этот тезис, доказанный Холденом, на первый взгляд, противоречит школьным представлениям об эволюции как прогрессивном развитии. Но только мы применим диалектический метод — противоречие исчезнет, как дым. Виды либо вырождаются, либо стабилизируются и превращаются в персистенты (реликты, пережившие собственное развитие), но возникают новые виды, более совершенные, нежели предшествовавшие. Однако и они уступят место под солнцем тем, кто придет вслед за ними, а пока вызревают для грядущего. Рептилии заменили гигантских амфибий, млекопитающие — динозавров, а современный человек — неандертальца. И каждому взлету предшествовало глубокое падение.

Переведем это на язык этнологии и применим к нашему материалу в качестве модели простейший образец — локализованный (территориально), замкнутый (генетически), самооформившийся (социально) этнический коллектив.

Альтруизм, точнее — антиэгоизм

Новорожденный этнос, как только заявляет о своем существовании, автоматически включается в мировой исторический процесс. Это значит, что он начинает взаимодействовать с соседями, которые ему всегда враждебны. Да иначе и быть не может, ведь появление нового, активного, непривычного ломает уже установившийся и полюбившийся уклад жизни. Богатства региона, в котором произошло рождение этноса, всегда ограничены. Прежде всего это относится к запасам пищи. Вполне понятно, что те, кто спокойно существовал при устоявшемся порядке, отнюдь не хотят стеснять себя или уступить свое место другим, чужим, непонятым и неприятным для них людям. Сопротивление новому возникает как естественная реакция самозащиты и всегда принимает острые формы, чаще всего истребительной войны. Для того чтобы победить или, как минимум, отстоять себя, необходимо, чтобы внутри этноса возникла альтруистическая^[131] этика, при которой интересы коллектива становятся выше личных. Такая этика наблюдается и среди стадных животных, но только у человека принимает значение единственного видоохранительного фактора. Она всегда соседствует с эгоистической этикой, при которой личное плюс семейное становится выше общественного, но, поскольку интересы личности и коллектива часто совпадают, острые коллизии возникают редко. С точки зрения сохранения человеческого аналога видового таксона, т. е. этноса, сочетание обеих этических концепций создает оптимальную ситуацию. Функции разделены. «Альтруисты» обороняют этнос как целое, «эгоисты» воспроизводят его в потомстве. Но естественный отбор ведет к сокращению числа «альтруистов», что делает этнический коллектив беззащитным, и по прошествии времени этнос, лишившись своих защитников, поглощается соседями. А потомство «эгоистов» продолжает жить, но уже в составе других этносов, вспоминая «альтруистов» не как своих защитников-героев, а как людей строптивых и неуживчивых, с дурным характером.

Проверить эту формулу на историческом материале можно только одним способом, о котором следует сказать подробно. Этика рассматривает отношение сущего к должному, а должное, как и сущее, в каждую эпоху меняется. Эти изменения весьма чутко фиксируются авторами источников, которые в других отношениях, не стесняясь, искажают факты. Здесь же они искренни, потому что описывают не действительность, а идеал, который им самим каждый раз представляется несомненным. Поэтому для фиксации

смены поведенческого императива мы можем использовать историографию и даже художественную литературу прошлых эпох, приняв их не за источник информации, а за факт, подлежащий критическому исследованию, и при его помощи установить, как протекает этот процесс в натуре. Возьмем для примера какой-нибудь законченный отрезок истории народности (не государства, не политических институтов, не социально-экономических отношений, а именно этноса), достаточно хорошо известный читателю, и бегло просмотрим его фазы. Подходящий пример — город-государство Древний Рим. Если отбросить его легендарный период царей, от первой сецессии (ухода плебеев на Священную гору, вслед за чем последовал их компромисс с патрициями), определивший характер общественной системы, до эдикта Каракаллы (признания провинциалов, подданных Рима — римлянами), т. е. с 949 г. до н. э. по 212 г. н. э., можно легко проследить эволюцию соотношения «альтруистов» и «эгоистов». Впрочем, это сделали уже в древности римские историки, именуя этот процесс «падением нравов».

В первый период, до конца Пунических войн, как сообщают авторы источников, не было недостатка в героях, желавших погибнуть за отечество. Муций Сцевола, Аттилий Регул, Цинцинат, Эмилий Павел и множество им подобных, вероятно, в значительной мере были созданы патриотической легендой, но важно, что именно подобные личности служили идеалом поведения. В эпоху гражданских войн положение резко изменилось. Героями стали вожди партий: Марий или Сулла, Помпей, Красс или Цезарь и Серторий, Юний Брут или Октавиан. Они уже не отдавали жизнь за отечество, а рисковали ею в интересах своей партии и с неременной выгодой для себя. В эпоху Принципата тоже было немало храбрых и энергичных деятелей, но все они действовали неприкрыто в личных интересах, и это воспринималось общественным мнением как должное и даже как единственно возможное поведение. Императоров и полководцев теперь хвалят за добросовестное исполнение своих обязанностей, т. е. за отсутствие нечестности и бессмысленной жестокости, но ведь это значит, что их воспринимают как «разумных эгоистов», ибо это и им самим выгодно. Уходят в прошлое партии оптиматов и популяров, и выступают группы тех или иных легионов, например сирийская, галльская, паннонская и т. п., которые сражаются между собой исключительно ради власти и денег. При династии Северов торжествует идеал и выгоды, и не случайно, что в это же время римский этнос, называвшийся *Populus Romanus*, растворяется среди народов, им же завоеванных.

Аналогичную картину мы видим в Средние века в Западной Европе,

когда самым актуальным занятием была война с мусульманами. Образы первых эпических поэм: Роланд и Сид — паладины христианства. На самом деле, первый был маркграфом Бретонской марки и был убит не маврами, а басками; второй же — просто беспринципный авантюрист. Нужды нет: идеалы альтруистичны и героичны. Позже, во второй период, герой не забывает себя. Таковы Кортес и Писарро, Васко да Гама и Албукерки, Фрэнсис Дрейк и Хуан Австрийский, победитель при Лепанто. То, что они будучи храбрецами откровенно корыстны, никто не ставит им в вину; даже наоборот, это вызывает восхищение и одобрение. Проходит время, и героем становится наемный солдат, которому важна только собственная шкура, хотя ему нельзя отказать в уме, выдержке и самообладании.

Как мы видим, варьирующий в определенном направлении идеал является индикатором настроений коллектива, ибо отношение автора к герою эмоционально, и, следовательно, сознательная лож исключена. А эти настроения отражают более глубокую сущность — изменение стереотипа поведения, который и является реальной основой этнической природы человеческого коллективного бытия.

Но при этом нельзя отказываться от учета сферы сознания, так как только оно дает возможность находить оптимальные решения в положении, которое не может не быть острым. До тех пор пока новая этническая система не сложилась и не набрала инерцию, процесс может быть оборван посторонним вмешательством, и, следовательно, для жесткой детерминированности (фатализма) нет места.

Истребление реликтовых этносов

При такой постановке вопроса можно ответить, почему этносы вымирают, и настолько часто, что из тех, которые были зафиксированы при начале письменной истории в III тыс. до н. э., не осталось ни одного, а из тех, которые жили и действовали в начале н. э., — редкие единицы. Это тем более необходимо, что не прямые потомки древних римлян, эллинов, ассирийцев, видоизменившись до неузнаваемости, живут по сей час, но уже не являются ни римлянами, ни эллинами, ни ассирийцами, ибо заимствовали от предков только генофонд. Обратимся за аналогами к палеонтологии, которая наряду с другими проблемами занимается также проблемой вымирания популяций. Здесь несущественно, какова величина изучаемого объекта, поскольку можно предположить, что процессы

вымирания должны иметь одну закономерность.

Уцелевшими оказались, как ни странно, виды, наименее развитые и, следовательно, наименее приспособленные к природной обстановке минувших эр. Зато бывшие цари жизни — динозавры, мастодонты, махайроды, пещерные медведи и пещерные львы исчезли начисто, хотя не имели достойных соперников. Вымирание видов сопровождается постепенным сокращением ареала и конкуренцией соседних видов, вытесняющих из биохора обреченный вид. Но остается неясным, в чем заключается эта «обреченность»? Не стремясь к решению палеобиологических задач, мы можем указать, что в этнологии она кроется в структуре этноса. При прочих равных условиях (численности, технике и т. п.) усложнение структуры повышает сопротивляемость враждебному окружению, упрощение — снижает ее. Вот почему полноценные в физическом и интеллектуальном аспектах народы, например индейцы или полинезийцы, оказались бессильными по сравнению с колонизаторами, отнюдь не лучшими представителями своих народов. Таким образом, наибольшую опасность как для этносов, так и для природы представляют соседи, не потерявшие в процессе развития способности к адаптации и потому расширяющие свой ареал. Без появления такого врага реликтовый этнос может существовать неограниченно долго.^[132] Но не исключена гибель, вплоть до поголовного уничтожения, этносов развивающихся, если они наталкиваются на необратимое сопротивление более хищных соседей. Ограничимся одним наглядным примером — тюрками VI–VIII вв. (тюркютами).

С 550 по 581 г. небольшой алтайский этнос — тюркюты установили господство во всей Великой степи от Китая до Дона и от Сибири до Ирана. Система, которая называлась «Вечный Эль», была гибкой и разветвленной. В ней находили свое место племена степные и горные, жители оазисов Согдианы и обширных в то время низовий Волги, купцы и пастухи, буддисты и огнепоклонники наряду с самими тюрками-воинами, почитавшими «синее небо и черную землю». Но Китай, объединенный династией Суй (589–618) и победоносной табгачской империей Тан (619–907), был сильнее и агрессивнее. Сломить сопротивление тюрков военной силой китайцы не смогли, но путем дипломатии они добились разделения единого каганата на Западный и Восточный, затем изолировали степняков от оазисов бассейна Тарима, которые они оккупировали, и Согдианы, таким образом принесенной в жертву арабам. Потом китайцы восстановили против тюрков уйгуров, карлуков и басмалов и добились разгрома тюркской орды в 747 г., причем победители пленных не брали. Однако сами китайцы

приняли тюркских беглецов и зачислили их в пограничные войска. Эти «счастливыцы» погибли в 756–763 гг., приняв участие в восстании Ань Лушаня против произвола китайской бюрократии. Против повстанцев выступили, кроме китайцев, степняки-уйгуры и горцы-тибетцы, так что бежать было некуда. Изолированная, а тем самым упрощенная система погибла. И везде, где наблюдается аналогичная коллизия, механизм процесса остается неизменным.

XI. Этнические контакты

Иерархия этнической таксономии

Этническая систематика отличается от социальной классификации. Лишь изредка они совпадают. Употребление той или другой зависит от аспекта исследования, т. е. от угла зрения, под которым рассматриваются цепи исторических событий. Последний же определяется задачей, поставленной перед исследователем, выбирающим также степень приближения, отвечающую его целям. То обстоятельство, что эта задача до сих пор неоднократно ставилась и не получила удовлетворительного решения (Д. Вико, О. Шпенглер, А. Тойнби),^[133] не должно отвращать исследователя от продолжения попыток эмпирического обобщения, сколь бы трудны они ни были. В отличие от ряда авторов, выясняющих, как идет процесс, мы имеем возможность ответить на вопрос, *что именно* подвергается изменению, хотя и получим при этом принципиально одностороннюю модель, характеризующую определенные аспекты явлений. Но ведь создание концепций лежит в основе любой исторической интерпретации, что и отличает историю («поиск истины») от хроник или простого перечисления событий. Мы исходим из накопленного исторической наукой разнообразного материала, поэтому объектом исследования становится не шпенглеровская «душа культуры» и не «умопостигаемое поле исследования» Арнольда Тойнби, а система фаз этногенеза на том или ином уровне и в ту или иную определенную эпоху. Для следующей эпохи, протекающей в историческом времени, расстановка составляющих будет уже другой.

Теперь мы можем построить этническую иерархию в общем виде, а заодно уточнить значения терминов.

Антропосфера — биомасса всех человеческих организмов.^[134]

Этносфера — мозаичная антропосфера,^[135] т. е. сочетание системных этноландшафтных целостностей, всегда динамических.

Суперэтнос — группа этносов, возникающих одновременно в одном регионе, и проявляющая себя в истории как мозаичная целостность.

Этнос — устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющих себя всем прочим аналогичным коллективам и отличающийся своеобразным стереотипом поведения, который

закономерно меняется в историческом времени.

Субэтнос — элемент структуры этноса, взаимодействующий с прочими. При упрощении этносистемы в финальной фазе число субэтносов сокращается до одного, который становится реликтом.

Таксономические единицы одного порядка

Консорция — группа людей, объединенных одной исторической судьбой; либо распадается, либо переходит в конвиксию.

Конвиксия — группа людей, объединенных однохарактерным бытом и семейными связями. Иногда переходит в субэтнос. Фиксируется не историей, а этнографией.

Условившись понимать под этногенезом не только его пусковой момент — появление этноса на арене истории, но весь процесс развития до превращения этноса в реликт и исчезновения, о котором будет рассказано ниже, можно дать следующую дефиницию: любой, непосредственно наблюдаемый этнос — та или иная фаза этногенеза, а этногенез — глубинный процесс в биосфере, обнаруживаемый лишь при его взаимодействии с общественной формой движения материи. Значит, внешние проявления этногенеза, доступные изучению, носят социальный облик.

И тут встает основной вопрос: почему возникают процессы этногенеза, порождающие изучаемые этнографами этносы? Согласно распространенной точке зрения, новые этносы возникают при тесном сожительстве вследствие взаимной ассимиляции первичных этнических субстратов.^[136] Взаимная ассимиляция при образовании этноса нужна, но этого недостаточно. На берегах Рейна французы и немцы живут в соседстве свыше тысячи лет, исповедуют одну религию, используют одинаковые предметы быта, выучивают языки друг друга, но не сливаются, так же как австрийцы — с венграми и чехами, испанцы — с каталонцами и басками, русские — с удмуртами, вепсами и чувашами.

Иногда, очень редко, происходит слияние этносов в одном регионе, но тогда слившиеся этносы исчезают, а взамен появляется новый, не похожий ни на один из прежних. Первое время члены нового этноса еще не могут свыкнуться со своей самобытностью, но во втором или третьем поколении констатируют свое отличие от предков. Считать эти явления результатом взаимной ассимиляции нельзя, так как они возникают не всегда и протекают очень быстро; имеет место как бы взрыв. Следовательно, для их возникновения требуется какой-то дополнительный фактор, который предстоит открыть.

Кроме описанного есть еще один способ возникновения этносов, не похожий на первый. Часто вследствие исторических перипетий от этноса отпочковывается группа людей и меняет место жительства. С течением времени эти люди вырабатывают новый стереотип поведения и теряют связь с метрополией. Иногда эти группы гибнут, но нередко, смешиваясь с аборигенами или другими переселенцами, они образуют самостоятельные этносы.

Примерами второго варианта могут служить американцы англосаксонского происхождения, порвавшие связи с англичанами в конце XVIII в.; потомки испанских конкистадоров — креолы; внуки и правнуки голландских, французских и северонемецких крестьян — буры; сикхи, выделившиеся из прочих индусов в XVI в. и упразднившие систему каст; буряты — те монголы, которые на курултае 1688 г. предпочли союз с русскими подчинению маньчжурам, и им подобные, отколотые от основного этноса превратностью исторической судьбы.

Легко и весьма необходимо заметить, что генезис обоих вариантов различен и характер изменчивости в обоих вариантах не имеет ничего общего. Во втором варианте вновь появившиеся этносы остаются в орбите своей культуры, приобретая лишь локальные особенности. В первом же случае имеет место совершенно новое явление, сохраняющее институты народов, его породивших, лишь как пережитки или заимствования. Очевидно, первый вариант и есть подлинный этногенез — рождение новых суперэтносов, тогда как второй вариант — только увеличение суперэтнического многообразия. Так, США отнюдь не суперэтнос, а просто заокеанское продолжение романо-германской Европы и отчасти Африки — за счет работорговли. Осколками американских суперэтносов являются атабаски, сиу, алгонкины и другие племена. Поэтому в дальнейшем мы будем говорить только о первом варианте, и поскольку история — наука о событиях, а события происходят при столкновениях во время контактов, то именно контактам следует уделить преимущественное внимание. Эта тема была затронута, но недостаточно.

Контакты на разных уровнях

Возвращаясь к проблеме этнических контактов, необходимо прежде всего ставить вопрос об уровне, на котором контакт осуществляется (см. табл. 2). Сочетание двух и более консорций и конвиксий нестойко. Оно ведет или к распаду, или к образованию стойкой формы субэтноса. На

субэтническом уровне смешение трактуется как «неравный брак» с особой «не нашего круга», причем ступень социальной лестницы часто не имеет значения. Так, еще в XIX в. казаки рассматривали брак с крестьянами и даже дворянами как «неравный», хотя последние были куда богаче и знатнее казаков. Мне удалось услышать сентенцию, ведущую начало, видимо, со Смутного времени: «В Писании сказано: не водитесь жиды с самарянами, а казаки с дворянами». Конечно, этого ни в каком «писании» нет, но как на это похоже отношение курдов к персам и армянам! Нищий пастух-курд не решается представить родным жену-персиянку, если не будет известно, что у нее пышная генеалогия. Так же сохраняли себя албанцы в Османской империи, баски — в Испании, шотландцы-гайлендеры — в Великобритании, патаны — в Гиндукуше. Они образовали с другими субэтнотами стойкие этнические целостности на основе симбиоза, укрепленного эндогамией. В центральной части Евразийского континента формы симбиоза этносов проявлялись очень ярко еще в глубокой древности.

Этносы занимали разные ландшафтные регионы, соответствовавшие их культурно-хозяйственным навыкам, и не мешали, а помогали друг другу. Так, якуты поселились в широкой пойме Лены, а эвенки — в водораздельных массивах тайги. Великороссы селились по долинам рек, оставляя степные просторы казакам и калмыкам, а лесные чащи — угорским народам. Чем сложнее и разветвленное была такая этническая целостность, тем она была крепче и резистентнее.

Таблица 2. Этническая иерархия

Таксономическая единица	Гибрид	Направление развития	Предел формирования
Консорция	Нестойкие сочетания	Субэтническое самоутверждение	Субэтнос
Конвиксия	Деформированные сочетания	Создание территориальной общины	Субэтнос

Субэтнос	Симбиозы*	Этническое самоутверждение	Этнос
Этнос	Ксении**	Создание социального института	Ведущая роль в суперэтнотропе и консервация структуры
Суперэтнос	Химера***	Аннигиляция****	Реликт*****
Человечество	Гипотетическое смешение с палеоантропом в мезолите на горе Кармел	Этногенез	?
Гоминиды	?	Эволюция как филогенез	Исчезновение вида

*Симбиоз — форма взаимопользовного сосуществования этносов, при котором симбионты сохраняют свое своеобразие.

**Ксения (от греч. — гостя, гостеприимство) — форма нейтрального сосуществования этносов при сохранении ими своеобразия.

***Химера (мифическое животное с головой льва, телом козы и хвостом дракона); здесь — форма контакта несовместимых этносов разных суперэтнических систем, при которой исчезает их своеобразие.

****Аннигиляция (физ. — превращение в ничто) — явление взаимоуничтожения элементарных частиц разных знаков с излучением света (фотонов) и потерей массы.

Иное дело — сочетание двух и более этносов в едином социальном организме. Характер того или иного социального организма накладывает свой отпечаток на взаимодействие смежных этносов, которые в ряде случаев вынуждены жить в одном регионе, мириться с фактом сосуществования, но не могут не тяготиться друг другом. Их можно назвать «ксении». Такова Бельгия, куда валлоны и фламандцы оказались «задвинуты», как жильцы в коммунальную квартиру. Такова Канада, где англичане, французы, франко-индийские метисы, а теперь еще и славяне сосуществуют, но не сливаются и не делят функций, что свойственно симбиозам.

Но еще болезненнее контакт двух и более суперэтносов. Тогда часто происходит не только этническая аннигиляция, но и демографический спад, попросту сказать — вымирание от невыносимых условий или физическое истребление слабой стороны. Такие ситуации возникали в XVIII–XIX вв. в США — отстрел индейцев с платой за скальп, в Бразилии — во время

каучуковой лихорадки, в Австралии — при захвате ее англичанами, и в долине Желтой реки, где цивилизация Древнего Китая сталкивалась с культурой древних племен жунов (тангуров). Последних не осталось.

Но вместе с тем в истории наблюдаются целые эпохи сосуществования суперэтносов, не всегда мирного, но и не взаимоистребительного. А иногда субэтноты в одной целостности ведут губительные войны друг с другом, находя, а иногда и не находя повода для ненависти. Выберем наиболее яркие примеры и посмотрим, как это происходит. И может ли история государств дать исчерпывающее объяснение ходу событий?

Соотношение этнических целостностей разных порядков

Предложенное деление этносов весьма полезно не только для современной, но и для исторической этнографии. Это мы постараемся показать, взяв для примера эпоху, хорошо изученную и давно законченную, — XII век на Евразийском континенте,^[137] а как частный пример — Древнюю Русь, о которой шло столько споров, так как ее причисляли по банальному и потому весьма распространенному делению то к «Западу», то к «Востоку». Это вполне нерациональное деление родилось в суперэтнической целостности романо-германского мира, идеологически объединенного Римской Церковью и противопоставившего себя всем прочим. Короче, это обывательский европоцентризм, имевший смысл в Средние века, но бытующий поныне в Западной Европе и ее заокеанском продолжении — Америке.

Если принять западный «Христианский мир» — за суперэтнический эталон (1), то равноценными ему будут: 2) Левант, или «мир Ислама», целостность отнюдь не религиозная, а этнокультурная, распространившаяся от Испании до Кашгара; 3) Индия, за исключением той ее части, где господствовали мусульмане;^[138] 4) Китай, считавший себя «Срединной империей» с варварской периферией; 5) Византия, восточнохристианская целостность, политические границы которой всегда были уже суперэтнических; 6) кельтский мир, отстаивавший свои оригинальные традиции от английских феодалов до XIV в.;^[139] 7) балтийская славяно-литовская языческая целостность, в XII в. превратившаяся в реликт; 8) восточноевропейская суперэтническая целостность — Русская земля. На ней мы и сосредоточим внимание, но будем рассматривать ее этническую судьбу на фоне переплетения конфликтов всех прочих вышеперечисленных суперэтносов, ибо изоляция

на Евразийском континенте была возможна лишь для десятого суперэтнуса — циркумполярных народов Сибири, да и то она часто нарушалась то эвенками, то якутами.

Как известно, при своем появлении в Восточной Европе славяне делились на племена, которые уже в начале XII в. сохранились только в памяти авторов «Начальной летописи». Это естественно. Этническая интеграция шла интенсивно вокруг больших городов, где в новых условиях прежние племенные различия теряли значение. А. Н. Насонов описывает Русь XI–XII вв. как систему «полугосударств»;^[140] стоящих на порядок ниже, нежели «Русская земля»: 1) Новгородская республика с пригородами; 2) Полоцкое княжество; 3) Смоленское княжество; 4) Ростово-Суздальская земля; 5) Рязанское княжество; 6) Турово-Пинская земля; 7) Русская земля, включавшая три княжества: Киевское, Черниговское и Переяславское; 8) Волынь; 9) Червонная Русь, или Галицкое княжество. К этому списку надо добавить завоеванную Владимиром Мономахом половецкую степь между Доном и Карпатами. При этом Великий Булгар, задонские кочевья половцев, аланские земли на Северном Кавказе и Волжская Хазария с городом Саксином лежали по ту сторону русской границы XII–XIII вв.

Булгары и хазары в это время относились к левантийскому, или мусульманскому, суперэтносу. По способу адаптации к ландшафту они не отличались от своих соседей. Однако торговые и культурные системные связи города Булгара с Ираном были действеннее, нежели влияние географической среды. Они-то и сделали Волжскую Болгарию форпостом «мусульманского» суперэтнуса и противником владимирских князей.

Следуя принятому принципу, можно отнести аланов и крымских готов к византийскому суперэтносу, а литовцев, латышей и ятвягов — к балтийскому. Поляки и венгры еще в X в. вошли в западноевропейский суперэтнос, а победа немецких крестоносцев над полабскими славянами превратила католическую Западную Европу в монолитную культурно, хотя и мозаичную этнически целостность, которая в XII в. неустанно, пусть и не всегда удачно, расширяла свой ареал, что в XIII в. привело к кризису — поражению в крестовых походах.

Спускаясь еще на порядок ниже, т. е. взяв один из русских субэтносов, допустим Киев, мы обнаружим там три активные консорции: западническую (сторонники князя Святополка II, в том числе Киево-Печерская лавра), грекофильскую (сторонники Владимира Мономаха и митрополии, помещавшейся в Св. Софии) и национальную, сильно пострадавшую за симпатии к Всеславу после его изгнания из Киева.^[141]

Легко заметить, что консорции не совпадают с классовыми, сословными, религиозными и племенными делениями, являясь феноменами самостоятельной системы отсчета. Эта система может считаться весьма полезной, потому что благодаря именно ей удалось, например, уловить мотивы сторонников перечисленных выше политических направлений. При анализе классовых противоречий этого сделать нельзя, ведь все участники событий принадлежали к одному классу, а силу черпали у своих единомышленников в гуще народа. Но борьба тем не менее была активной и жестокой. Из-за чего? И ради чего?

Контакт «пяти племен» и жителей «срединной равнины»

С III в. до н. э. до конца III в. н. э. земледельческий Китай и Великая степь, населенная скотоводами — хуннами, существовали рядом. Каждый этнос жил в своем ландшафте, но в совокупности с соседями входил в суперэтнические конструкции кочевой культуры и дальневосточной цивилизации. И та и другая были полиэтничны. В кочевой мир входили, кроме хуннов, сяньбийцы (древние монголы), цяны (кочевые тибетцы), малые юечжи, усунь, кыпчаки и другие племена. В Китае, кроме китайцев, жили аборигены: жуны, ди, мань и юе, принадлежавшие по языку к тибето-бирманской, тайской и малайской группам.

Продолжительность существования этих суперэтносов, связанных общей культурой, давала повод современникам рассматривать историческую действительность как «состояние», но на самом деле это были медленно текущие процессы. Создание единого китайского государства и обострение классовых противоречий, ставших антагонистическими в III в. до н. э., унесло свыше 60 % жителей, а распадение этой империи в III в. н. э. — свыше 80 %. В конце III в. обезлюдившая и обнищавшая страна была объединена династией Цзинь. В III в. население Китая исчислялось в 7.5 млн. человек вместо бывших 50 млн. Потом, к IV в., оно возросло до 16 млн.

И все-таки при самых жестоких социальных потрясениях для гибели китайского этноса не было достаточных внутренних оснований. Свободных земель было много, и, следовательно, численность населения могла увеличиться. Государственная система функционировала, гонения на культуру прекратились. Древнекитайский этнос мог бы продолжать существование, если бы не слишком тесный контакт с кочевниками и странная потеря сопротивляемости, что было неожиданностью для самого

правительства династии Цзинь.

В степи господствовал родовой строй, и разложение его шло столь медленно, что не причиняло большого ущерба кочевникам. Зато их угнетало усыхание степи, начавшееся в I в. и к III в. достигшее максимума. Сокращение пастбищных угодий заставило хуннов и сяньбийцев жаться к рекам Хуанхэ и Ляохэ и входить в контакт с китайцами. Поскольку земли лежали в запустении, правительство Цзинь допустило поселение на границе 400 тыс. кочевников и около 500 тыс. тибетцев разных племен. Китайские политики III в. считали, что этническая принадлежность — социальное состояние и численно ничтожное вкрапление нетрудно ассимилировать: князей обучить культуре, а родовичей превратить в податное сословие. Расчет был дерзкий и плохой. Родовичи терпели произвол чиновников и эксплуатацию землевладельцев, но не превращались в китайцев; князья выучили иероглифику и классическую поэзию, но при удобном случае, наступившем в 304 г., вернулись к соплеменникам и возглавили восстание, ставившее целью «оружием возвратить утраченные права». Ложная теория, примененная к действительности, вызвала катастрофу.

К 316 г. 40 тыс. хуннов захватили весь северный Китай, в том числе две столицы, двух императоров и все накопленные богатства. Китайцы были загнаны на берега Янцзы, в то время окраину Китая, и были вынуждены в тропических джунглях смешиваться с племенами мань, что весьма преобразило их облик и психический склад. Там начался особый процесс этногенеза, приведший впоследствии к созданию южнокитайского этноса. А оставшиеся на родине китайцы смешались с хуннами... и тем погубили их. Уже дети победителей-хуннов и китайцев забыли о нравах степного кочевья. Воспитанные в дворцовых павильонах, они сохранили энергию и мужество, но утратили ощущение «своего», чувство локтя и императив верности. Распри подорвали их силы, а ведь до этого их отцы умели жить в согласии. Внуки превратились в избалованных куртизанов, забавлявшихся людоедством и предательством близких. Не было и речи о наступательных войнах, даже при обороне хунны стали терпеть поражения. Наконец, в 350 г. приемный сын императора, китаец, убил своих братьев, наследников престола, и, взяв власть в свои руки, приказал перебить всех хуннов в государстве. Это было исполнено с таким рвением, что погибло много бородатых и горбоносых китайцев, похожих на хуннов.

Геноцид не спас узурпатора. Сяньбийцы-муюны разбили его китайское войско и казнили его самого. Китайцам не помогло численное превосходство, они также вместе с культурой потеряли традиции доблести.

Муянов постигла судьба хуннов. Они окитаились и были побеждены степными табгачами. Те сначала консолидировали вокруг себя кочевников (смешение на уровне этнической метисации), но потом на свою беду завоевали Хэнань, где жило монолитное китайское население. К концу V в. они смешались с китайцами так, что их хан, приняв титул императора, запретил родной язык, табгачскую одежду и прическу, а также имена. Масса подданных, лишенная свойственного ей стереотипа поведения, стала жертвой авантюристов-кондотьеров, низвергших династию и обескровивших несчастную страну,^[142] которую вдобавок опустошил голод, унесший около 80 % людей.^[143] Так повлияло на народы смешение двух суперэтносов, но оставшиеся в живых в VI в. внезапно объединились в новый этнос, называвшийся тогда табгач (сяньбийское название), употреблявший китайский язык (отличавшийся от древнего) и принявший иноземную идеологию — буддизм. Это была великая эпоха Тан, положившая начало средневековому китайскому этносу, потерявшему самостоятельность только в XVII в., когда Китай завоевали маньчжуры. Но это новый цикл этногенеза, относящийся к Древнему Китаю, как Византия — к Древнему Риму.^[144]

Из приведенного примера очевидна связь этноса с ландшафтом. Хунны, заняв долину Хуанхэ, пасли скот, китайцы засевали пашни и строили каналы, а хунно-китайские метисы, не имея навыков ни к скотоводству, ни к земледелию, хищнически обирали соседей и подданных, что привело к образованию залежных земель и восстановлению естественного биоценоза, хотя и обедненного за счет вырубки лесов и истребления копытных во время царских охот. Но уже в VII в. китайцы вернули себе утраченные земли и снова деформировали ландшафт путем интенсивного хищнического земледелия. Но об этом потом.

Контакты варваров и римлян

Сходную картину беспорядочного смешения этносов мы можем увидеть в ту же эпоху на западной окраине континента, где развалилась Римская империя. По этому поводу было высказано очень много суждений, но почти все они перекрываются знаменитым тезисом Э. Гиббона: «Эллинское общество, воплощенное в Римской империи, которая была в зените в эпоху Антонинов, низвергнуто одновременным падением двух врагов, напавших на нее на двух фронтах: североевропейскими варварами, вышедшими из пустынь за Дунаем и Рейном, и христианской церковью,

возникшей в покоренных, но не ассимилированных восточных провинциях». ^[145] Посмотрим, прав ли он?

Четырехсотлетняя война Римской империи с германцами, длившаяся с I по IV в., закончилась победой Рима. Ни рейнская, ни дунайская границы не были прорваны. Несколько поражений, нанесенных римлянам готами, и опустошение побережий Эгейского моря готским флотом были искуплены победами Феодосия. Рим потерял только зарейнские области Германии и добровольно очистил Дакию, но в этих странах италики селиться не хотели, а провинциалы попадали туда как ссыльные, интересы коих сенат и римский народ не волновали. Положение резко изменилось в V в., когда сопротивление иноземным вторжениям резко снизилось, но тогда Стилихон и Аэций одерживали победы над германцами и гуннами, пока их не убили сами римляне — интриганы и дегенераты в пурпуре и диадемах. Беда Рима была в нем самом, а не вне его. ^[146]

Да и сами варвары не стремились к уничтожению культуры Рима. Король визиготов Атаульф, согласно его собственному признанию, «начал жизнь с жадной охотой всего римского домена в империю готов... со временем, однако, опыт убедил его, что... было бы преступлением изгонять управление закона из жизни государства, так как государство прекращает быть самим собой, если в нем прекращает править закон. Когда Атаульф осознал эту истину, он решил, что он добился бы славы... употребив жизненную силу готов для восстановления римского имени во всем, и, быть может, более чем во всем — его древнем величии». ^[147] Но если так, то почему же римская культура исчезла, а вместе с ней исчезли с этнической карты мира влюбленные в эту культуру мужественные и сильные готы?

То, что успехи германцев по времени совпали с торжеством христианства на всей территории Римской империи, как будто подтверждает пагубность этой доктрины для народа и государства. Эту концепцию выдвинули еще в 393 г. защитники язычества Евгений и Арбогаст, попытавшиеся восстановить в Капитолии алтарь Победы. Однако, как и в 312 г., христианские легионы оказались более стойкими. Вожди языческой армии героически погибли в бою, но тем самым показали, что перспектива развития не в том или ином исповедании веры, а в делах куда более земных. И самое интересное, что то же самое утверждают отцы церкви.

Блаженный Августин, или любой другой христианский мыслитель V в. мог бы сказать: «Не мы посоветовали императору Аврелиану покинуть

Дакию и пренебречь той политикой, которая возводила на границах сильные военные посты. Не мы посоветовали Каракалле возводить в звание римских граждан всякого рода людей или заставлять население переходить с места на место в усиленной погоне за военными и гражданскими должностями... Что же касается до чувства патриотизма, то разве оно не было разрушено вашими собственными императорами? Обращая в римских граждан галлов и египтян, африканцев и гуннов, испанцев и сирийцев, как могли они ожидать, что такая разноплеменная толпа будет верна интересам Рима, который завоевал их? Патриотизм зависит от сосредоточения, но не выносит разъединения». Блаженный Августин был бы прав, но немедленно возникает вопрос: а почему в христианских общинах, столь же разноплеменных, возникли жертвенность, чувство локтя, спайка и возможности развития?

Ответ прост: различия расовые не имеют решающего, да и вообще, как правило, большого значения, а различия этнические лежат в сфере поведения. Поведенческий стереотип христианских общин был строго регламентирован. Неофит был обязан его соблюдать или покинуть общину. Следовательно, уже во втором поколении на базе христианских консорций выковался субэтнос, гетерозиготный, но монолитный, тогда как в языческой, вернее — безрелигиозной, империи психологическая переплавка подданных не осуществлялась. Члены разных этносов сосуществовали в рамках единого общества, которое развалилось от собственной тяжести, ибо даже римское право было бессильно перед законами природы.

И не менее губительны были упомянутые Августином миграции населения внутри империи. Соотношение человека с природным окружением — ландшафтом — есть в каждом случае величина постоянная, определяемая адаптацией. Ландшафты Сирии и Британии, Галлии и Фракии весьма различны. Следовательно, мигранты предпочитали жизнь в городах, где стены отделяли их от чуждой, непривычной и нелюбимой природы. Значит, отношение к природе у них было чисто потребительским, а проще сказать — хищническим. В результате были сведены 2/3 лесов Галлии, буковые рощи Апеннин, выпажаны и обеспложены долины в горах Атласа, отданы в жертву козам холмы Эллады и Фригии. И самые губительные опустошения производили не сами военные трибуны, а их колонны, т. е. военнопленные, поселенные вдали от родины, чтобы затруднить, им побег из неволи.

Иными словами, при неприкосновенности жестких социальных связей политической системы Римской империи этнические связи были

разрушены полностью уже в IV в., а вторжение германцев в V в. усугубило этот процесс, ибо активная метисация, разъедаая этносы готов, бургундов и вандалов, вовлекла их в общий процесс распада. Там же, где в те же века сложился новый этнос, а это произошло на восточной окраине империи, видимо, действовал дополнительный «фактор икс», значение коего нам надлежит раскрыть.

Этносы всегда возникают из контактов

Чем же различаются суперэтноты и что мешает им сливаться друг с другом или наследовать богатства предшественников? Ведь этноты, находящиеся внутри суперэтнота, сливаются часто и беспрепятственно. Эту повышенную стойкость суперэтнота можно объяснить наличием этнических доминант, словесных выражений тех или иных идеалов, которые в каждом суперэтноте имеют единообразные значения и сходную смысловую динамику для всех этносов, входящих в данную систему. Сменить идеал можно только лицемерно, но тогда и слияние суперэтнотов будет мнимым: каждый представитель разных суперэтнотов в глубине души останется с тем, что представляется естественным и единственно правильным. Ведь идеал кажется его последователю не столько индикатором, сколько символом его жизнеутверждения. Итак, доминантой мы называем то явление или комплекс явлений (религиозный, идеологический, военный, бытовой и т. п.), который определяет переход исходного для процесса этногенеза этнокультурного многообразия в целеустремленное единообразие.

Напомним, что феномен этноса — это и есть поведение особей, его составляющих. Иными словами, он не в телах людей, а в их поступках и взаимоотношениях. Следовательно, нет человека вне этноса, кроме новорожденного младенца. Каждый человек должен вести себя каким-то образом, и именно характер поведения определяет его этническую принадлежность. А раз так, то возникновение нового этноса есть создание нового стереотипа поведения, отличного от предшествовавшего. Вполне очевидно, что новый стереотип создают люди, но тут сразу возникают недоумения. Во-первых, сознательно или бессознательно действуют эти новаторы? Во-вторых, всегда ли новое бывает лучше старого? В-третьих, как им удалось сломить инерцию традиции, даже не в соплеменниках, а в самих себе, ибо они плоть от плоти прежнего этноса? Теоретически эти сомнения неразрешимы, но на выручку приходит материал из

палеоэтнографических наблюдений, который позволяет сформулировать эмпирическое обобщение: каждый этнос появился из сочетания двух и более этнических субстратов, т. е. этносов, существовавших до него.

Так, современные испанцы сложились в этнос, носящий это название, относительно поздно — в Средние века, из сочетания древних иберов, кельтов, римских колонистов, германских племен: свевов и вестготов, к которым примешались баски — прямые потомки иберов, аланы — потомки сарматов и ближайшие родственники осетин, арабы-семиты, мавры и туареги-хамиты, норманны и каталонцы, частично сохранившие свое этническое своеобразие.

Англичане — сложный этнос из англов, саксов, кельтских женщин, мужья которых были убиты в боях датчан, норвежцев и западных французов из Анжу и Пуату.

Великороссы включают в свой состав: восточных славян из Киевской Руси, западных славян — вятичей, финнов — меря, мурома, весь, заволоцкая чудь, угров, смешавшихся сперва с перечисленными финскими племенами, балтов — голядь, тюрок — крещеных половцев и татар и в небольшом числе монголов.

Древние китайцы — это смесь многих племен долины Хуанхэ, принадлежавших к различным антропологическим типам монголоидов и даже европеоидов — ди. Аналогичная картина — в Японии, где в глубокой древности спаялись в монолитный этнос высокорослые монголоиды, похожие на полинезийцев, приземистые монголоиды из Кореи, бородатые айны и выходцы из Китая.

Даже малочисленные и изолированные этносы, история коих тонет во мгле веков, сохраняют бывшие различия этнических субстратов в реликтовых антропологических и лингвистических чертах. Таковы эскимосы и жители острова Пасхи, мордва и марийцы, эвенки и патаны склонов Гиндукуша. Это показывает, что в древности они были сложносоставными этническими коллективами, а наблюдаемое ныне единообразие — плод длительных этногенетических процессов, сгладивших шероховатости разных традиций.

Но ведь это противоречит только что сделанным описаниям губительности смешений этносов, далеких друг от друга. А как первое наблюдение, так и второе — бесспорны! Может ли быть верным вывод, содержащий внутреннее противоречие? Только в одном случае: если мы недоучли какую-то очень важную деталь, какой-то «фактор икс», без раскрытия которого невозможно решить задачу. Поэтому двинемся дальше методом проб и ошибок, чтобы найти непротиворечивую версию,

объясняющую все известные факты.

«Фактор икс»

Проверим еще одно предположение. Может быть, не длинный процесс, а мгновенный скачок является причиной образования нового этноса? Проверить это можно только на примерах новой истории, события которой описаны достаточно подробно. Обратимся к истории Латинской Америки. Испанские конкистадоры были жестоки в боях, но уже после буллы Павла III 1537 г. видели в индейцах не «низшую расу», а достойных противников. Уцелевших индейских вождей крестили и принимали в свою среду, а простых индейцев делали пеонами в асьендах. Так сложилось за двести лет население Мексики и Перу, но в горах и тропических лесах сохранились чистые индейские племена. Работоторговля привела к появлению в Америке негров, а отсутствие предрассудков — к тому, что появились мулаты и самбо (потомство негров и индейцев). Когда же в начале XIX в. началась борьба за освобождение от метрополии — Испании, захваченной французами, то большинство руководителей повстанческого движения были не испанцы, а метисы и мулаты. Сам Боливар в 1819 г. высказался по этому поводу так: «Следует вспомнить, что наш народ не является ни европейским, ни североамериканским, он скорее являет собой смешение африканцев и американцев, нежели потомство европейцев, ибо даже сама Испания перестает относиться к Европе по своей африканской крови, по своим учреждениям и своему характеру. Невозможно с точностью указать, к какой семье человеческой мы принадлежим. Большая часть индейского населения уничтожена, европейцы смешались с американцами, а последние — с индейцами и европейцами. Рожденные в лоне одной матери, но разные по крови и происхождению, наши отцы — иностранцы, люди с разным цветом кожи. Это различие чревато важными последствиями».^[148]

Этот народ, возникший на глазах историков, оказался весьма стойким и не похожим на другие, соседние народы. По всем внешним признакам — языку, культуре, религии и т. п. жители Венесуэлы и Колумбии были близки испанцам. В экономическом отношении они только проиграли, сменив в результате освободительной войны испанский протекционизм на зависимость от английских и североамериканских торговых компаний. Война за независимость была такой ожесточенной, что унесла миллион жизней с малонаселенной территории — столько же, сколько все

наполеоновские войны в густонаселенной Европе. Но в глазах повстанцев все жертвы были оправданы тем, что они — не испанцы и, следовательно, должны жить отдельно. Любопытно, что в то же время индейцы поддерживали испанское правительство. Итак, смешанность происхождения не помеха для создания монолитных этносов.

Однако так ли это? Ведь известно, что у животных метисные формы часто нестойки и обычно лишены приобретенных способностей обоих родителей, восполняя это в первом поколении повышенным жизнелюбием, часто пропадающим в последующих поколениях. Потомки от смешанных браков либо возвращаются к одному из первоначальных типов (отцовскому или материнскому), либо вымирают, потому что адаптация к той или иной среде вырабатывается несколькими поколениями, она является традицией, смесь же двух традиций создает неустойчивость адаптации.

Да, так бывает в большинстве случаев, и, возможно, иногда — у человека, но если бы это было всегда, то ни одного нового этноса не возникло бы, и человечество, издавна практиковавшее смешанные браки, выродилось бы еще в период раннего неолита. На самом же деле вырождаются и исчезают с этнографической карты очень немногие этнические группы, а человечество как вид развивается столь интенсивно, что прирост населения сейчас называют демографическим взрывом. Очевидно, существует фактор, уравнивающий деструктивное влияние естественного отбора и стабилизирующую роль сигнальной наследственности или традиции. Это — «фактор икс», и он должен проявляться в изменениях поведения и восприниматься самими людьми как особенность психической структуры. Следовательно, это признак, возбуждающий и стимулирующий процессы этногенеза. Найдя «фактор икс» и раскрыв содержание искомого признака, мы уясним себе механизм развития процесса для каждого отдельного случая этногенеза и всех в совокупности.

Для достижения поставленной цели нам необходим обильный, проверенный и строго датированный материал всеобщей истории человечества. Если мы обработаем его при помощи приемов, принятых в естественных науках, то сможем получить данные для решения поставленной проблемы, а пока ограничимся ответами на недоумения, сформулированные выше: 1. Выдумать новый стереотип поведения нельзя, потому что если бы какой-нибудь чужак и поставил перед собой такую цель, то сам бы все-таки вел себя по-старому, по-привычному — как наиболее приспособленному к существующим условиям бытования этнического коллектива. Выйти из этноса — это то же, что вытащить себя

из болота за собственные волосы; как известно, это проделал только барон Мюнхгаузен. 2. Поскольку новый стереотип поведения возникает в результате безотчетной деятельности людей, то бессмысленно ставить вопрос о том, лучше он или хуже. Шкалы для сравнения нет. Он просто иной. 3. Но если ломать бытующую традицию, выражающуюся в стереотипах поведения, невозможно, незачем, да и никто этого сознательно не хочет, то, видимо, это происходит в силу особого стечения обстоятельств. Каких? Вот на этот вопрос и надо найти ответ.

Часть третья

Этнос в истории,

в которой изложены общепринятые способы изучения этнических явлений и показано, что искомый результат получен быть не может

XII. Мысли о Всемирной истории

Два аспекта всемирной истории

История — наука о событиях в их связи и последовательности. Но событий очень много, и связи их у разных народов различны. Задача любой науки состоит в том, чтобы обозреть изучаемый предмет целиком, и история — не исключение. Следовательно, нужно найти удобную точку для обозрения, и тут возникает необходимость теории, предваряющей практику, т. е. выбор аспекта. Аспект изучения не вытекает из того или иного философского построения, он диктуется исключительно практическими соображениями, и мы относим его к области теории науки лишь потому, что выбор его определяется не накоплением материала, а целью, поставленной в начале исследования. Наша цель — понять Всемирную историю как становление одной из оболочек Земли — этносферы.

В теории исторической мысли издавна сложились две концепции, бытующие и в наше время: всемирно-историческая и культурно-историческая. Первая трактует историю народов как единый процесс прогрессивного развития, более или менее захвативший все области, населенные людьми. Впервые она была сформулирована в Средние века как концепция «четырех империй» прошлого: ассирийской, персидской, македонской, римской и пятой — «Священной Римской империи германской нации», возглавившей вместе с папским престолом католическое единство, возникшее в Западной Европе на рубеже VIII–IX вв. (Chretiente).

«Прогрессом» при такой системе интерпретации событий считалось последовательное расширение территорий, подчинявшихся имперской власти. Когда же в XIV–XVI вв. Реформация разрушила идеологическое единство Западной Европы и подорвала политическую гегемонию императоров Габсбургской династии, всемирно-историческая концепция устояла и была просто несколько иначе сформулирована. Теперь прогрессивной была признана «цивилизация», под которой понималась культура опять-таки Западной, романо-германской Европы, причем бывшие «язычники» и «схизматики» были просто переименованы в «дикие» и «отсталые» народы. И тех и других даже пытались называть «неисторическими». Эта система, правильно именуемая «европоцентризмом», в XIX в. воспринималась, часто неосознанно, как

сама собою подразумевающаяся и не требующая доказательств.

Культурно-историческая концепция была впервые декларирована Геродотом, который противопоставил Европу Азии. Под Европой он понимал систему эллинских полисов, а под Азией — персидскую монархию. Впоследствии сюда пришлось добавить Скифию и Эфиопию, которые равно не были похожи ни на Элладу, ни на Иран, и дальше список культурных регионов расширялся, пока вся Ойкумена не оказалась расписанной на культурно-исторические области. Таковыми в Старом Свете в первом приближении считаются, кроме Западной Европы: Ближний Восток, или Левант, Индия, Китай, островная культурная область Тихого океана, Евразийская степная область, Африка южнее Сахары и циркумполярная область с рудиментарными этносами.

Основное отличие культурно-исторической школы от всемирно-исторической составляет постулат: каждая культурная область имеет свой путь развития, и, следовательно, нельзя говорить об «отставании» или «застойности» неевропейских народов, а можно только отметить их своеобразие. Крупнейшими представителями культурно-исторической школы в XIX в. были Ф. Ратцель, Н. Данилевский и К. Н. Леонтьев, а в XX в. — О. Шпенглер и А. Тойнби.

Почему я не согласен с А. Тойнби

Мы не будем углубляться в историю вопроса, так как это увело бы нас слишком далеко в сторону. Но одного автора все-таки не следует исключать из рассмотрения. А. Тойнби предложил концепцию возникновения «цивилизаций», основанную на использовании географического источника. Вкратце она сводится к следующему.

Единицей истории считается «общество». «Общества» делятся на два разряда: «примитивные», не развивающиеся, и «цивилизации», которых двадцать одна в 16 регионах. Следовательно, допускается, что на одной территории возникали последовательно 2–3 цивилизации, которые в таком случае именуются «дочерними». Таковы шумерская и вавилонская цивилизации в Месопотамии, минойская, эллинская и ортодоксальная христианская на Балканском полуострове, индийская (древняя) и индусская (средневековая) в Индостане. Кроме того, в особые разделы выделены «абортивные» цивилизации — ирландцы, скандинавы, центральноазиатские несториане, и «задержанные» — эскимосы, османы, кочевники Евразии, спартанцы и полинезийцы.

Согласно А. Тойнби, развитие обществ осуществляется через мимесис, т. е. подражание. В примитивных обществах подражают старикам и предкам, что делает эти общества статичными, а в «цивилизациях» — творческим личностям, что создает динамику развития. Поэтому главной проблемой истории является отыскание фактора динамизма, причем А. Тойнби отвергает расизм. Остается влияние географической среды, и тут Тойнби предлагает весьма оригинальное решение: «Человек достигает цивилизации не вследствие биологического дарования (наследственности) или легких условий географического окружения, а в ответ на вызов в ситуации особой трудности, воодушевляющей его на беспрецедентное до сих пор усилие». [\[149\]](#)

Итак, талантливость и творческие способности рассматриваются как реактивное состояние организма на внешний возбудитель, в связи с чем одна из глав (VI) носит название «Достоинства несчастья». «Вызовы» делятся на три сорта:

1. Неблагоприятные природные условия, например болота в дельте Нила, — вызов для древних египтян; тропический лес Юкатана — вызов для майя; волны Эгейского моря — вызов для эллинов; леса и морозы — вызов для русских. По этой концепции английская культура должна быть порождением дождя и тумана, но этого Тойнби не утверждает.

2. Нападение иноземцев, что тоже можно рассматривать как момент географический (частичные миграции). Так, по А. Тойнби, Австрия потому переиграла в развитии Баварию и Баден, что на нее напали турки. Однако турки напали сначала на Болгарию, Сербию и Венгрию, и те ответили на вызов капитуляцией, а Австрию отстояли гусары Яна Собесского. Пример говорит не в пользу концепции, а против нее.

3. Гниение предшествовавших цивилизаций — вызов, с которым надо бороться. Так, развал эллино-римской цивилизации будто бы «вызвал» византийскую и западноевропейскую цивилизации как реакцию на безобразия древних греков. Это тоже можно отнести к географическим условиям, взятым с учетом координаты времени (смены биоценоза), но, увы, разврат в Византии не уступал римскому, а между падением Западной Римской империи и созданием жизнеспособных феодальных королевств лежало свыше 300 лет. Реакция несколько запоздала.

Но самое важное — соотношение человека с ландшафтом — концепцией А. Тойнби не решено, а запутано. Тезис, согласно которому суровая природа стимулирует человека к повышенной активности, с одной стороны, — вариант географического детерминизма, а с другой — просто неверен. Климат около Киева, где сложилось древнерусское государство,

отнюдь не тяжел. Заявление, что «господство над степью требует от кочевников так много энергии, что сверх этого ничего не остается», показывает неосведомленность автора. Алтай и Ононский бор, где сложились тюрки и монголы, — курортные места. Если море, омывающее Грецию и Скандинавию, — «вызов», то почему греки «давали на него ответ» только в VIII–VI вв. до н. э., а скандинавы — в IX–XII вв. н. э.? А в прочие эпохи не было ни победоносных эллинов, ни отчаянных хищных финикийцев, ни грозных викингов, а были ловцы губок или селедки? Шумеры сделали из Двуречья Эдем, «отделяя воду от суши», а турки все так запустили, что там опять образовалось болото, хотя, по А. Тойнби, они должны были ответить на «вызов» Тигра и Евфрата. Все неверно.

Не менее произвольной выглядит и географическая классификация цивилизации по регионам. У Тойнби в одну цивилизацию зачислены Византийская и Турецкая империи только потому, что они располагались на одной территории, причем не греки и албанцы, а османы почему-то объявлены «задержанными» (?!). В «сирийскую цивилизацию» попали Иудейское царство, Ахеменидская империя и Арабский халифат, а Шумер и Вавилон разделены на материнскую и дочернюю. Очевидно, критерием классификации был произвол автора.

Я так подробно остановился на этом сюжете потому, что считал нужным показать, как легко скомпрометировать плодотворную научную идею слабой аргументацией и неудачным применением непродуманного принципа. Я сознательно не касаюсь социологических построений А. Тойнби, хотя они в не меньшей мере противоречат хронологии и реальному ходу событий. Но это ясно большинству читателей, тогда как географическую концепцию «вызова и ответа» еще многие принимают всерьез. И самое досадное, что после таких опытов всегда появляется тенденция вообще отказаться от учета и рассмотрения данных географии, молчаливо считая природу стабильной величиной, не влияющей на исторические процессы. Развитие произвольно взятого постулата путем спекулятивных построений заводит науку в тупик.

Итак, оба подхода имеют некоторые достоинства и крупные недостатки. Последние особенно ощутимы при разработке нашей темы. Так, с точки зрения всемирно-исторической школы тюрко-монгольские народы и их специфическую кочевую культуру нельзя ни отнести к восточным цивилизациям, ни зачислить в разряд «дикарей». Следовательно, они выпадают из поля зрения историка-теоретика. Но так как тюрки и монголы весьма весомо заявили о своем значении в истории человечества, то неоднократно делались попытки рассматривать их как

«варварскую периферию» Китая, Ирана и Византии, что давало уже при самой постановке проблемы картину столь искаженную, что для научного восприятия она просто не годится. Тупик!

Вместе с тем культурно-историческая школа, которая находит место для роли тюрков в истории человечества, не в состоянии дать объяснение внутренним закономерностям их исторического развития, потому что эти закономерности не только локальны, но и являются вариантом общечеловеческих. А без учета общего непонятны и частности, потому что при таком подходе они несопоставимы и несоизмеримы. В понимании истории человечества возникают неоправданные разрывы. Тоже тупик!

Почему я не согласен с Н. И. Конрадом

Но, может быть, окажется правильным третий путь: взять из каждой концепции рациональное зерно и объединить их, чтобы получить максимальное приближение к цели. Например, предложено выделить переходные эпохи, выводящие из одной формации и подводящие к другой: 1) время перехода от древнего общества к средневековому — эллинизм; 2) время перехода от Средневековья к Новому времени — Ренессанс; 3) время перехода от Нового времени к Новейшему — середина XIX в. В качестве индикатора привлекается история литературы: «...каждая (из трех эпох) открывается гениальным литературным произведением, возвестившим ее наступление. О первой возвестил трактат «О граде Божиим» (Августин), о второй — «Божественная комедия», о третьей — «Коммунистический манифест».^[150]

Автор новой концепции весьма последователен. Он ищет аналогичные эпохи в развитии культуры внеевропейских стран, которые отнюдь не считает ни неполноценными, ни зависимыми в культурном отношении от Западной Европы. Он пишет: «Переход от древности к Средневековью у китайцев и иранцев также сопровождался революцией умов... тем, что в Китае суммарно называют даосизмом, в Иране — манихейством. Сюда присоединяется и внешний фактор: система идеологии, пришедшая извне. В Китае это был буддизм, в Иране — ислам».^[151] Так же прослеживается эпоха «Возрождения» или «Обновления». В Китае это VIII в., в Средней Азии, Азии, Иране и северо-западной Индии — IX в., наконец, в Италии — XIII в.^[152] Третья переходная эпоха не освещена, что правильно, ибо она не закончена.

Мы выбрали это место из большой книги Н. И. Конрада лишь потому,

что здесь идея автора выражена наиболее выпукло и четко. В других очерках Конрад прослеживает не только переходные периоды, но и устойчивые формы социального бытования, которые он называет устоявшимися терминами: Древность, Средневековье, Новое время.^[153] Основное направление исторического процесса он видит в укрупнении народов и расширении ареала культуры, одновременно признавая полицентричность генезиса мировой цивилизации и наличие локальных черт в развитии народов.^[154] Казалось бы, выход из тупика найден, но присмотримся к принципиальной стороне тезиса, изложенного выше.

В концепции Н. И. Конрада бросается в глаза хронологическая несоразмерность переходных эпох. Эпоха эллинизма началась в IV в. до н. э. и действительно совпала с кризисом античного мировоззрения. Н. И. Конрад доводит этот «переходный период» до Августина, т. е. до V в. н. э. Итого — около 900 лет.

Эпоха Возрождения в Италии укладывается в 150–200 лет, третья переходная эпоха — в полвека. Невольно напрашивается мысль, что автору довлела абберрация близости, т. е. явления близкие казались ему более значительными, чем явления далекие. Достаточно сравнить эллинизм с Возрождением, чтобы показать, что эти явления несоизмеримы, и даже больше — что это величины разного порядка. Попробуем пересмотреть проблему заново, не привлекая новых сведений (что будет сделано на своем месте), а ограничиваясь сопоставлением старых, бесспорных данных с новой, оригинальной идеей. Если последняя верна — совпадение неизбежно.

Об эллинизме

С 336 г. до н. э., т. е. с момента, когда Александр Македонский сокрушил гегемонию Фив, свободу Афин, величие Персии, независимость Индии и древнюю культуру Египта (воздвигнув Александрию), до сочинения «Божественной комедии» произошло следующее.

В Иран после недолгой македонской оккупации из приаральских степей пришли парфяне, сначала очарованные блеском эллинской культуры, а потом увлеченные глубинами зороастризма (250 г. до н. э. — 224 г. н. э.). Затем наступила иранская реакция, которую в наше время называли бы национальной. Арташир Папаган сломил гегемонию аристократии и оперся на союз мелкого дворянства (дехкан) и духовенства (мобедов), используя пощаженных парфянских аристократов как конное

войско.

В начале VI в. вельможа Маздак захватил власть, и началось истребление знати и духовенства, причем и те и другие представляли наиболее интеллектуальную часть населения. Переворот Хосрова Ануширвана в 530 г. положил конец реформе и связанным с ней экзекуциям, но привел к власти солдатчину, да-да, в полном смысле этого слова, ибо воины-профессионалы получали поденную плату. Солдатский вождь Бахрам Чубин в 590 г. овладел престолом, но против него поднялась вся земщина, и он был разбит.

Последний период (591–651 гг.) — неуклонное разложение культуры и государственной системы вплоть до арабского завоевания, повлекшего за собой эмиграцию и гибель всех грамотных и образованных персов, после чего начал складываться новый народ, с новой культурой и даже новым языком.

За описанный период в сфере культуры произошло пять изменений, каждое из которых по значительности внутри данной системы (в нашем случае иранской культуры) равно итальянскому Возрождению, хотя не похоже на него ни по генезису, ни по характеру и последствиям: 1. Эллинизация парфянских степняков, т. е. восприятие чуждой цивилизации. 2. Иранизация парфянской знати — попытка сближения с собственным народом. 3. Зороастрийская победа 224–226 гг. над парфянской аристократией — союз трона и алтаря. 4. Маздакизм. 5. Реакция митраизма, ибо армяне называли Бахрама Чубина «поклоняющийся Михру, мятежник». И на этом фоне — чуть заметное дуновение христианских и гностических идей, затронувших ничтожную часть рафинированной и неустойчивой интеллигенции.

Нет! Никак не могу поверить, что этот тысячелетний период напряженной творческой жизни был всего лишь переходным между македонской и арабской оккупациями. Для Ирана этот парфяно-сасанидский период с реминисценциями вроде восстания Сумбада Мага, Бабека, заговора Афшина и прочих проявлений антиарабской борьбы представляется равновеликим не итальянскому Возрождению, а всей романо-германской культуре Западной Европы, от Каролингов до Бонапартов. Тысяча лет равна тысяче лет, хотя сравниваемые культуры совсем не похожи друг на друга. Но именно «непохожесть», как и сходство, является одним из постулатов концепции Н. И. Конрада.

В Риме эллинизм можно отсчитывать от одной из двух дат: 1) от эпохи Двенадцати таблиц, когда группа изгнанников, обосновавшихся на семи холмах, организовалась по образцу греческого полиса. Но если так, то сюда

попадает почти весь республиканский Рим, и, очевидно, для начала переходного периода эта дата не подходит; 2) культурная эллинизация Рима обычно приписывается деятельности кружка Сципионов во II в. до н. э. Так-то оно так, но Н. И. Конрад относит Римскую республику не к переходному периоду, а к утверждению рабовладельческой формации. Следовательно, для «переходного периода» остается только эпоха империи, охарактеризованная Н. И. Конрадом как «время зенита и вместе с тем распада».^[155] Пусть так.

Но если так, то и тут мы можем и должны выделить несколько культурных и вместе с тем общественно-политических периодов, каждый из которых равновелик итальянскому Возрождению. Повторяю, равновеликость утверждается только по значимости для современников, а отнюдь не по сходству характера явлений.

Сами древние римляне отнюдь не рассматривали республику II–I вв. до н. э. как сложившуюся политическую форму. С убийства Тиберия Гракха в 133 г. до н. э. до гибели Антония в 30 г. до н. э. Рим не знал покоя. Гражданские войны так обескровили римский сенат и народ, что уцелевшие были рады любой твердой власти.

«Золотая посредственность», провозглашенная Октавианом Августом, явилась лозунгом политической стабилизации, укрепления военной мощи и обращения к прошлому за поучительными примерами. Продержалась эта система мировоззрения до смерти Марка Аврелия, т. е. около 200 лет. Если рассматривать деятельность Хань Юя и других конфуцианцев как «Возрождение» в Китае, то Плиния, Тита Ливия и Светония правильно и последовательно охарактеризовать как «Возрождение древности» в самом Риме. Ведь мы так условились о термине.

Второй период — бурное завоевание Рима азиатскими культурами. Начиная с III в. здесь правили умами закрытая покрывалом Изида, Триждывеличайший Гермес, Матерь богов — Кибела, очаровательница Астарта, и, наконец, всех победил солдатский бог Митра — непобедимое Солнце. От Аврелиана до Юлиана Апостата митраизм был государственной религией и официальным мировоззрением Римской империи. Этот переворот в культуре был куда значительнее гуманизма и даже Реформации. Ведь итальянцы и немцы в XVI в. остались добрыми христианами, изменив только эстетические и политические представления, да и то не радикально.

Но еще более грандиозным был третий сдвиг, охвативший все Средиземноморье в I–IV вв. н. э. Обычно его принято связывать с распространением христианства, но при этом упускается из виду, что

христианство было лишь одной струей потока новых идей, захлестнувших Римскую империю. Одновременно с христианами проповедовали гностики египетские — Валентин и Василид, проклявшие Материю, сирийские — Сатурнин и Мани, уравнившие стихии Добра и Зла, офиты, почитавшие подателя мудрости Змея — противника злого демиурга Яхве, маркиониты, отрицавшие святость Ветхого завета, оригенисты, настаивавшие на его символическом толковании, и, наконец, гностики, провозгласившие высший монизм — полноту всего сущего — Божественную Плерому. Ближе всех прочих к христианской теодицее Василия Великого и Григория Богослова и дальше всего от античного платонизма оказались неоплатоники, несмотря на то что они присвоили имя Платона для названия своего оригинального учения. Н. И. Конрад тонко отмечает, что «революция умов началась и развернулась на римском Востоке, но она захватила и греко-латинскую часть «римского круга земель», в котором шел свой кризис старого сложившегося мировоззрения».^[156]

Это справедливо, но тогда эта стихия для истории культуры Европы не может рассматриваться как переходный период. В самом деле, какое отношение имело христианство или манихейство к рационалистическим рассуждениям Сенеки, кровавым мистериям Аврелиана в митреумах или оргиастическим развлечениям Гелиогабала? Новая творческая струя мировоззрения равно отвергла и то, и другое. Она смела обветшавшую античную мысль, а не продолжила ее. Иными словами, тут не «переходный период», а обрыв старой традиции и создание новой.

Христианская и манихейская церкви проявили неуживчивость, удивившую современников, но логически вытекавшую из ощущения полного разрыва с античным прошлым. Даже когда император Константин решил сдать все позиции язычества, перед христианской общиной встала только одна дилемма: допустить ли владыку мира к себе в чине диакона, чтобы он имел право голоса в церковных делах, или оставить его мирянином, чего требовал карфагенянин Донат, говоря: «Какое дело императору до церкви?» И на этом фоне уже в V в., когда империю рвали на куски варвары, жил, творил и действовал Блаженный Августин, сначала манихей, потом христианин, талантливый писатель и великий спорщик. Необходимо заметить, что главные идеи Августина явились предвозвестием не католической, а еретической мысли. Тезис о предопределении, фактически аннулировавший католическую догму о свободной воле человека, перекладывал всю ответственность за безобразия, происходящие в мире, на Создателя. Этот тезис Августина был использован и развит Жаном Кальвином тысячу лет спустя, но в Средние

века не котиrowался.

В отличие от Данте, который не оспаривал бытовавших в его время идей, но был весьма недоволен своими современниками, Августин всю силу своего таланта истратил на полемику и с воззрениями бывших единомышленников — манихеев, и с гуманной концепцией британского монаха Пелагия. Пелагий проповедовал, что греховность человека есть результат его дурных поступков и, следовательно, добрый язычник лучше злого христианина. Августин выдвинул тезис о первородном грехе, а тем самым объявил неполноценными всех язычников и обосновал теоретически религиозную нетерпимость. В ближайшие пять веков эта идея не получала распространения, тогда как стихи Данте были признаны непревзойденными еще при жизни поэта и принесли ему заслуженную славу. Нет, ни по исторической роли, ни по резонансу, ни по личным качествам Августин и Данте Алигьери несхожи, а еще более несхожи периоды, в которые они жили и творили. И уж если кто похож на Данте, это великий поэт и обличитель безобразий Иоанн Златоуст. Но если принять эту поправку, то и дальнейшие рассуждения будут иными. Этот новый путь представляется более плодотворным, хотя, впрочем, будет восприниматься несколько неожиданно.

О Византии

Вспомним, что описанное нами направление, которое можно назвать раннехристианским, или — условно — византийским (отнюдь не в политическом, а только в «культурном» смысле слова), в светской истории зафиксировано лишь в середине II в., т. е. на 150 лет позже, чем в истории церкви. Именно тогда состоялся знаменитый диспут между римскими философами и христианским апологетом Юстином, который, выиграв спор, заплатил за победу мученической смертью. Если начать отсчет от этой даты, удобной потому, что она не вызывает сомнений и споров, то окажется, что новое направление мысли к концу IV в. (после отступничества Юлиана) распространилось не только по всей территории Римской империи, но и за ее пределами. Оно дало отростки: западный — в Ирландии, южный — в Эфиопии, восточный — в Средней Азии, северный — в России, вернее, у готов Приднепровья.

Не связанные политически с главным стволом культуры — Византийской империей в собственном смысле слова, периферийные христианские культуры сами ощущали себя как целостность, ну, так же, как

уже описанный Иран, как греко-римский мир и впоследствии западноевропейский Chretiente, несмотря на то что в заевфратской Азии господствовало несторианство, а в Сирии, Армении и Африке — монофизитство.

Византийская культура имела свой период «Возрождения» эллинской древности, когда греческий язык вытеснил латинский из государственного управления (при императоре Маврикии), и свою Реформацию — иконоборчество, и свою эпоху Просвещения — при Македонской династии. И агония очагов этой культуры наступила почти одновременно: в XIII в. пала Ирландия, были разгромлены центральноазиатские несториане, Константинополь стал на время добычей хищных крестоносцев, а Абиссиния превратилась в горную крепость, окруженную галласами и сомалийцами, обратившимися в ислам. Судорожная попытка Никейской империи отстоять свои позиции продлила агонию на сто лет, но уже в середине XIV в. Палеологи вынуждены были принять унию, что означало полное подчинение Западу, т. е. той вновь образовавшейся культурной целостности, которая возникла на основе завоеваний Карла Великого. Именно эту целостность было принято в европейской историографии рассматривать как продолжение античной культуры, что отразилось даже на составлении школьных учебников, но думается, что тысячелетний период, отделяющий «Античность» от ее «Возрождения», правильнее рассматривать как самостоятельный раздел истории культуры, нежели как переходный период, тем более что католические рыцари и прелаты не унаследовали достояние византийской культуры в ее греческом и ирландском вариантах, а просто испепелили его.

Но если так, то Возрождение в Европе следует отнести к той же линии закономерности и последовательности событий, что и крестовые походы, предшествовавшие ему, и колониальные захваты, последовавшие за ним. Да, именно так!

Западноевропейская культура с момента своего возникновения стремилась к расширению. Потомки баронов Карла Великого покорили западных славян, англосаксов, кельтов, вытеснили с Пиренейского полуострова арабов и перенесли войну против мусульман в бассейн Индийского океана. Потомки средневековых бюргеров захватили Америку, Австралию и Южную Африку. Те и другие завоевали Индию, Тропическую Африку, Южную Америку, Полинезию и т. д. Это было расширение в пространстве. А гуманисты?.. Они были движимы тем же стимулом приобретательства. Но их экспансия развивалась во времени. Они задались целью оккупировать прошлое, причем не свое, а чужое. И цели этой они

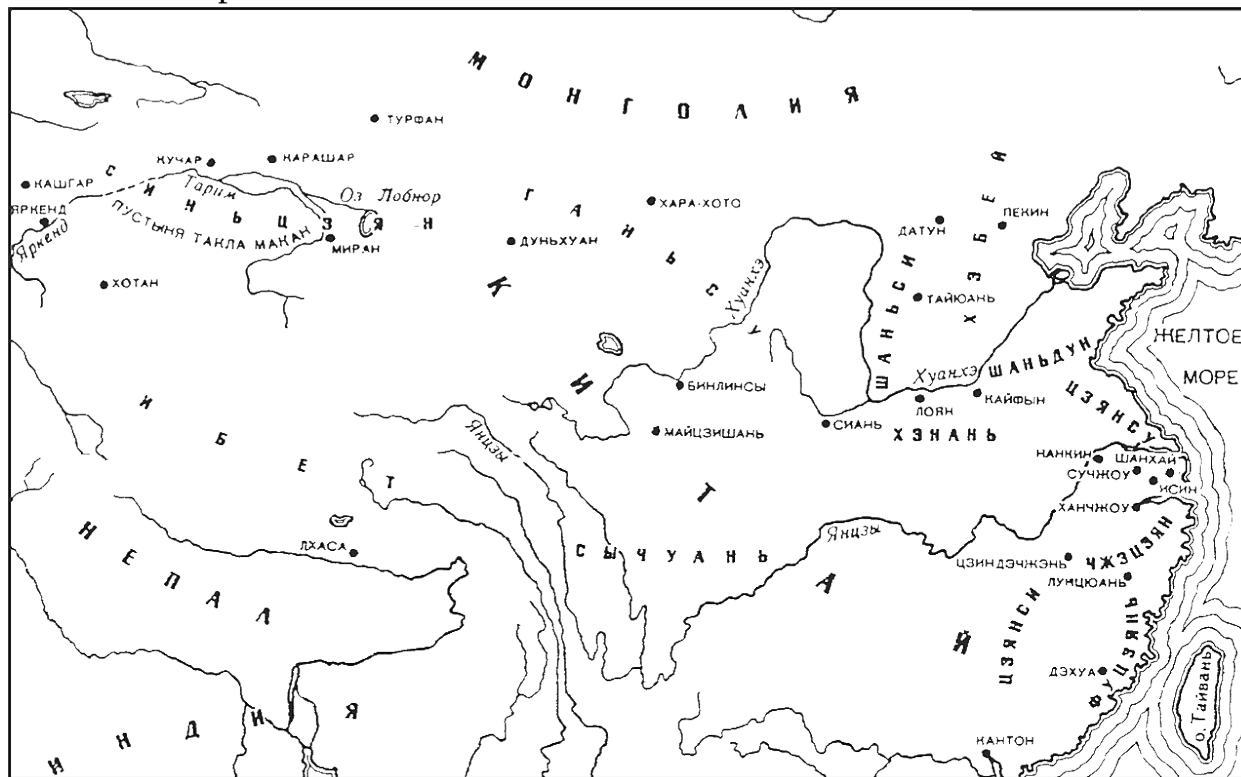
достигли. Плодом их усилий стала Всемирная история на филологической базе — явление, не имеющее аналогов в других культурах, ибо везде, как правило, история — это описание своих собственных предков, т. е. абсолютизированная генеалогия. Но если так, то «китайское Возрождение» должно иметь принципиальные отличия от европейского, а черты сходства следует считать случайным совпадением. Н. И. Конрад держится обратной точки зрения, и для решения этой кардинальной проблемы придется обратиться к истории Восточной Азии.

О Китае

Для начала отметим, что в Восточной Азии расположены две этноландшафтные области: земледельческая — Китай и кочевая — Центральная Азия с Тибетским нагорьем. Несмотря на густую населенность Китая и малочисленность степняков — тюрок и монголов, эти культурные регионы взаимодействовали на равных основаниях на протяжении всего исторического периода. Без учета этой непрерывавшейся борьбы история Азии всегда будет неверно истолкована.

В прошлом веке бытовало, как само собой разумеющееся, мнение о том, что китайская культура стабильна или застойна, а развитие с падениями и взлетами — достояние Западной Европы. Эта концепция — пример аберрации дальности, при которой, например, солнце может показаться меньше пятака. При достаточно подробном изучении китайской истории эта аберрация исчезает, как дым, и становится очевидно, что разрывы традиции и эпохи обскурации на Востоке и Западе проходили единообразно. Дискретность исторического развития отметили два великих историка древности Полибий и Сыма Цянь, и оба предложили объяснения наблюдаемых явлений исходя из уровня развития науки их времени.^[157] Сыма Цянь писал свои «Исторические записки» в I в. до н. э., но уже отметил период, который был для него «античностью», т. е. прошлым с оборванной традицией. Античность для Сыма Цяня — это эпоха трех первых династий: Ся, Инь и Чжоу, за падением Чжоу следовал политический и культурный распад. «Путь трех царств оказался подобным круговороту: он кончился и снова начался».^[158] Это, конечно, не значит, что династия Хань буквально повторила древность. Нет, она оказалась явлением вполне самостоятельным, со своими локальными чертами. Единообразна, по мнению Сыма Цяня, была не реальная действительность,

а внутренняя закономерность явлений, которую он считал естественным законом истории.

Открытая историком закономерность не только объясняла прошлое, но и позволяла делать прогнозы. Если архаический Китай развалился вследствие неизбежных внутренних ритмов, то и современный Сыма Цяню, а для нас — Древний Китай, т. е. империя Хань, не мог избежать той же судьбы. Конечно, Сыма Цянь не мог предсказать деталей гибели своей страны, но результат должен был быть однозначным. Так оно и получилось. В III в. гражданская война обескровила Китай, а в 312 г. столица Поднебесной империи была взята приступом немногочисленными ополчениями хуннов, вслед за тем подчинившими себе все исконные ханьские земли в бассейне Хуанхэ. Наиболее упорные китайские патриоты бежали на иномордческую окраину — в бассейн Янцзы, а агония древнекитайской культуры длилась там еще около 250 лет, т. е. почти вдвое дольше, чем аналогичная агония Рима. А на родине китайского народа все это время свирепствовали кочевники и горцы, хунны, табгачи и кяны (тибетцы).

Новый подъем Китая начался в VI в. Вождь китайских ультрапатриотов полководец Ян Цзянь расправился с потомками выродившихся кочевых принцев и основал династию Суй. Это была «утренняя заря» средневекового Китая, «вечерняя» же наступила в XVII в.,

когда маньчжуры победили и войска династии Мин, и крестьянские ополчения повстанца Ли Цзычэна. И тогда начался период упадка, который непроницательные европейские ученые сочли постоянным состоянием Китая и окрестили «застоем». Прогноз концепции Сыма Цяня подтвердился.

Однако на Востоке, по сравнению с Западом, была одна особенность, обеспечивавшая относительно большую преемственность культур: иероглифическая письменность. Несмотря на ее недостатки сравнительно с алфавитной, она имеет то преимущество, что семантеры продолжают быть понятны и при смене фонетики развивающегося языка, и при изменении идеологических представлений. Небольшое число китайцев, овладевших грамотой, читали Конфуция и Лао-цзы и чувствовали на себе обаяние их мыслей гораздо больше, чем средневековые монахи, штудировавшие Библию, ибо слова меняют смысл в зависимости: а) от перевода; б) интонации; в) эрудиции читателя и г) от его системы ассоциаций. Иероглифы же однозначны, как математические символы. Поэтому разрывы между культурами внутри Китая были несколько меньше, чем между античной (греко-римской) и средневековой (романо-германской) культурами или между среднеперсидской и арабской, т. е. мусульманской, и т. д.

Это обстоятельство отразилось на истории Китая, как политической, так и идеологической. Особенно важно, что именно эта внешняя черта сходства ввела в заблуждение тех историков, которые постулировали застойность Китая, принимая за нее консервативность иероглифической письменности. На самом деле история Китая развивалась не менее интенсивно, чем история стран Средиземноморского бассейна. Но, чтобы увидеть эту страстную напряженность жизни этносов, возникших и пропадавших на территории Китая, надо оторваться от любования предметами искусства и зигзагами абстрактной мысли и последовательно проследить перипетии тысячелетней войны на рубеже Великой стены с кочевниками Великой степи. Этой теме целиком посвящена наша «Степная трилогия».

XIII. Мысли об этнической истории

Принцип неопределенности в этнологии

Казалось бы, все приведенные выше примеры доказывают правильность культурно-исторической школы, однако в них самих имеется одна деталь, указывающая на правильность и обратной точки зрения. Ведь все разобранные нами «культуры», несмотря на локальные особенности, развивались и гибли настолько единообразно, что здесь нельзя не усмотреть общего диалектического процесса.

Но коль скоро так, то мы не только не решили поставленную задачу, но даже усложнили ее. Неужели опять тупик? Нет, путь вперед есть, и он откроется нам, как только мы обратимся за аналогиями к другим наукам. Начиная с XVII в. в физике дебатировался вопрос — состоит ли свет из частиц (корпускул) или представляет собой волны в эфире? Обе концепции имели столь серьезные «недостатки, что ни одна из них не могла возобладать. Спор был разрешен лишь в середине 20-х годов XX в. с появлением квантовой механики. Современные физики считают, что свет — не волна, не частица, а то и другое одновременно и может проявлять обе группы свойств. На этой основе был сформулирован широко известный принцип неопределенности, согласно которому при наличии двух сопряженных физических переменных (например, импульса и координаты или энергии и времени) может быть установлено значение той или другой, а не обеих вместе.

В этнических феноменах тоже налицо две формы движения — социальная и биологическая. Следовательно, тем или иным способом в том или ином аспекте исследования может быть описана либо та, либо другая сторона сложного явления. При этом точность описания и его многосторонность взаимно исключают друг друга. Отметив это, применим принцип неопределенности к нашему материалу.

Прежде всего сменим аспект: вместо объединения методов обеих школ разграничим сферы их применения. Ясно, что наблюдаемые непосредственно исторические явления группируются по культурно-историческому принципу, а всемирно-историческая схема для фактов — прокрустово ложе. Но также ясно, что сущность явлений, не доступная визуальному наблюдению, при отсеивании локальных черт подлежит компетенции всемирно-исторической концепции, а отмечаемая и

доказанная культурно-исторической школой дискретность (прерывность) развития — просто одно из свойств единого, но очень сложного процесса.

Затем изменим подход. В прошлом веке история изучалась двояко: в гимназиях совместно с географией, в университетах — с филологией. В наше время второй способ восприятия предмета возобладавал, и во главу угла стало ставиться источниковедение. Однако тут есть большая опасность: историк рискует оказаться в плену у автора источника и может попросту начать пересказывать прочитанное, стараясь передать его содержание как можно ближе к тексту. Но ведь древний автор руководствовался идеями, для нас неприемлемыми, и его читатели, имея иную, чем мы, систему ассоциаций, воспринимали написанное им не так, как читатель нашего времени. Это значит, что если бы Геродот или Рашид ад-Дин писали для нас, то они те же мысли подали бы иначе. А при буквальной передаче текста мы не улавливаем того смысла, ради которого текст был написан. И, наконец, автор древнего источника, естественно, опускал истины банальные, общеизвестные в его время. Но нам-то именно они неизвестны и особенно интересно. Поэтому каждый источник для потомков — криптограмма, и восстановление его истинного смысла — дело трудное и не всегда выполнимое. Достаточно вспомнить споры вокруг «Слова о полку Игореве». И нет никакой гарантии, что к существующим ныне гипотетическим интерпретациям не прибавятся еще несколько, столь же обоснованных и убедительных. Короче, для нашей постановки проблемы источниковедение — это лучший способ отвлечься настолько, чтобы никогда не вернуться к поставленной задаче — осмыслению исторического процесса.

Другое дело — гимназическая методика. Возьмем из источников то, что там бесспорно — голые, немые факты, и наложим их на канву времени и пространства. Так поступают все естественники, добывающие материалы из непосредственных наблюдений природы. И тогда окажется, что факты, отслоенные от текстов, имеют свою внутреннюю логику, подчиняются статистическим закономерностям, группируются по степени сходства и различия, благодаря чему становится возможным их изучение путем сравнительного метода.

Этот подход целесообразен потому, что позволит осмыслить уже нащупанный эталон исторического бытия — историческую целостность, но чего?.. Теперь можно ответить: цепи событий и явлений, где связь между звеньями осуществляется через каузальность. Прямое наблюдение показывает, что эти цепочки имеют начала и концы, т. е. здесь имеет место вспышка с инерцией, затухающей от сопротивления среды. Вот механизм,

объясняющий все бесспорные наблюдения и обобщения культурно-исторической школы.

Однако откуда берутся вспышки и почему инерционные процессы так удивительно похожи друг на друга? На этот вопрос должна ответить всемирно-историческая концепция, но, увы, те средства, которые имеются у исторической науки, дают возможность только описать его. Для гуманитарной науки описание — предел, а истолкование путем спекулятивной философии в наше время не удовлетворит никого. Остается перейти полностью на базу естественных наук и поставить вопрос о наполнении понятия «культура» (та или иная), о той материальной субстанции, которая претерпевает описанные изменения.

Две системы отсчета

Первое, что приходит в голову, самое простое и доступное объяснение наблюденного факта — это попытка сопоставить его с той или иной формацией, основанной на том или ином способе производства. По этому пути пошел Н. И. Конрад, дефинировавший следующие положения: «Рабовладельческая формация характеризуется не рабством как таковым, а общественным строем, в котором рабский труд играет роль способа производства, определяющего экономическую основу общественного бытия на данном этапе истории народа».^[159] Этот этап он последовательно сопоставляет с «античностью» или древней историей всего мира.

С такой же легкостью дефинируется понятие «Средние века» — как «период становления, утверждения и расцвета феодализма», и опять-таки для всей Ойкумены. Новым тут является только попытка распространить социально-экономические категории на сферу закономерностей или причинно-следственных связей цепочек событий, а это неверно, и вот почему. Теория исторического материализма была создана специально для того, чтобы отразить прогрессивное развитие общества по спирали, а вовсе не для того, чтобы истолковывать смены династий, военные успехи, распространение эпидемических заболеваний или нюансы религиозных концепций.

В общественном развитии есть своя логика, в последовательности событий — своя. Между обеими системами есть взаимосвязь и даже обратная связь, но именно ее наличие показывает, что тут не одна система отсчета, а по меньшей мере две. Поэтому часто наблюдается, что одна «культура» лежит и в двух или трех формациях, а иногда в одной, как мы

показали выше, при анализе так называемых «переходных периодов». Затем, «культур» гораздо больше, чем формаций, что тоже говорит о несовпадении этих понятий. И, самое главное, обе системы отсчета не противоречат друг другу, а дополняют одна другую.

Поясняю. Черты рабовладельческой формации, отмеченные в Египте, Вавилоне, Элладе, Индии и Китае, дают основание зачислить эти общества в одну таксономическую группу, но ни в коем случае не позволяют утверждать их генетическую преемственность или реально бытовавшую взаимосвязь. Зато как «культура» каждое из перечисленных государств взаимодействует с соседями, стоявшими на совсем иных ступенях общественного развития. Например, такие рабовладельческие центры, как Афины и Коринф, составляли одно целое с земледельческими Фивами, скотоводческой Этолией и Фессалией и даже с Эпиром и Македонией, где наличествовал разлагающийся родовой строй. Но все вместе — это Эллада, которую сами древние греки считали целостностью. Но чего?

То же самое в Древнем Китае! Еще в эпоху «войны царств» окраинные государства Цинь и Чу подчинили себе разрозненные племена лесовиков в Сычуани и юго-восточном Китае, в том числе протомалайский этнос Юе. Социальный строй у них и китайцев был разным, а историческая судьба общей. Поэтому их следует зачислять в разные формации, но в одну целостность — ханьскую. Зато хунны, сумевшие отстоять свою землю от китайской агрессии, и в том и другом аспекте — в народ, отличный от китайцев. Правильнее всего отнести их к кочевой целостности Евразии вместе с усунями, полукочевыми ди, полуоседлыми сарматами и земледельцами-динлинами, несмотря на то что и в расовом, и в лингвистическом отношении эти народы отличались друг от друга. Так почему они — целостность?

Оставим этот вопрос открытым, с тем чтобы ответить на него в конце нашего исследования. Ведь ради таких ответов оно и предпринято. А пока ограничимся тем, что заметим различие в системах отсчета, социальной и этнической, и обратимся к проблеме культурных процессов, ибо неоднократно возникала тенденция найти решение проблем этногенеза в истории материальной и духовной культуры.

История культуры и этногенез

Можно подумать, что поскольку деятельность этноса воплощается в произведениях его рук и ума, т. е. в культуре, то, изучая историю локальных

культур, мы заодно постигаем историю создавших их этносов, а тем самым и этногенез.

Если бы это было верно, то задача исследователя весьма упростилась бы, но, увы, хотя такая связь между этногенезом, историей этносов и историей культур есть, но она осложнена сопутствующими явлениями, во всех трех случаях различными. Начнем с истории культуры — как видимой без применения специальных приемов исторического синтеза.

Совпадают ли понятия культуры и этноса или даже суперэтноса? Как правило, нет, за исключением частных случаев, подтверждающих правило. Яснее всего это видно на простом, общеизвестном примере — Элладе.

Культура эллинских полисов, как материковой Греции, так и колоний, еще в классический период VI–IV вв. до н. э. распространилась на неэллинские земли, например Македонию, принявшую на себя при Александре роль вождя и защитника «эллинского дела». Последующее распространение эллинской культуры охватило страны и народы Ближнего Востока, Египта, Средней Азии и Индии, завоеванных македонянами, а также Лациума, воспринявшего эллинскую культуру из Афин путем заимствования. Это так называемый «эллинизм», т. е. образование грандиозного суперэтноса.

Однако не все этносы, воспринявшие эллинскую культуру, вошли в этот суперэтнос. Парфяне научились говорить по-гречески, ставили при дворе своих царей трагедии Еврипида, укрепляли свои города по планам эллинских зодчих и украшали их статуями, подобными афинским и милетским, но остались «туранцами»,^[160] владыками Ирана, врагами македонян — сирийских Селевкидов. Карфаген организовался по типу эллинского полиса, но его жители, в отличие от сирийцев и малоазиатов, не сделались похожими на греков. А вот римляне, завоевав Элладу, стали наследниками и хранителями ее культуры, сохранив свои этнические черты как местные особенности. И они же передали эллинскую культуру всем своим провинциям, а после падения политической мощи Рима — европейским романским и отчасти германским этносам.

Таким образом, изучая историю культуры, мы видим непрерывную линию традиции, постоянно перехлестывающую этнические границы. Потомки германцев и славян усвоили геометрию, идеалистические философские системы Платона и Аристотеля, медицину Гиппократов, строительное искусство — классицизм, театр, литературные жанры, юридические нормы — римское право и даже мифологию, хотя и заставили древних богов выступать не в мистериях, а в оперетте. Но ведь эллинов и римлян давно нет. Значит, великая культура пережила создавший ее этнос.

Как в пространстве, так и во времени несовпадение очевидно.

Однако правомерно ли применять термин «переживание» культуры, несмотря на всю его привычность? Культура — это создание людей, будь то изделие техники, шедевр искусства, философская система, политическая доктрина, научная концепция или просто легенда о веках минувших. Культура существует, но не живет, ибо без введения в нее творческой энергии людей она может либо сохраняться, либо разрушаться. Но эта «нежить» влияет на сознание своих создателей, лепит из него причудливые формы и затем штампует их до тех пор, пока потомки не перестают ее воспринимать. Последнее же принято называть «одичанием», а не освобождением от устарелых, потерявших значение норм древних мировоззрений, скомпрометировавших себя, как олимпийские боги в Римской империи. Уже в I в. до н. э. в этих богов не верил никто, хотя их статуи торчали на всех перекрестках. Эллы и римляне, соблюдавшие разнообразные приметы, приравнявшие своих полководцев к богам исключительно из подхалимства перед силой и властью, циники и лицемеры, тем не менее сохраняли пустующие капища, ибо ужас перед потерей культуры был сильнее презрения к ней. Каким-то шестым чувством люди угадывали: культура тягостна, но жить без нее нельзя. И потому самый глубокий упадок не снижал уровень культуры до нуля. А с течением времени начинался новый подъем... Нет, не древней культуры, а нового этноса, который подбирал с земли старые обломки и приспособливал их к своим нуждам, создавая из них новые орудия. Вот какова схема трансформации культуры.

А этногенез?.. Это то условие, без которого создание или восстановление культуры невозможно. Ведь культуры — дело рук людей, а в нашем мире нет человека без этноса. Создание же этноса и его развитие, т. е. этногенез, — это как бы подключение тока к остановившемуся мотору, после чего он снова начинает работать.

Этногенез — процесс природный, следовательно, независимый от ситуации, сложившийся в результате становления культуры. Он может начаться в любой момент; и если на его пути оказывается преграда из действующей — культурной целостности, он ее ломает или об нее разобьется. Если же он начинается тогда, когда «земля лежит под паром», возникающий этнос создает свою культуру — как способ своего существования и развития. В обоих случаях порыв — это слепая сила природной энергии, не управляемая ничьим сознанием. Такое решение проблемы непротиворечиво вытекает из принципов, изложенных выше.

Однако существует иная точка зрения: «...Социальные факторы,

образующие этнос, этническое самосознание в том числе, ведут к появлению сопряженной с ним популяции, т. е. перед нами картина, прямо противоположная той, которую дает Л. Н. Гумилев». ^[161] Таким образом, дискуссия о том, лежит ли бытие в основе сознания, или, напротив, сознание — в основе бытия? Действительно, при такой постановке вопроса предмет для спора есть. Разберемся.

Каждый ученый имеет право выбрать для своего логического построения любой постулат, даже такой, согласно которому реальное бытие этноса не только определяется, но и порождается его сознанием. Правда, его мнение не смогут принять ни верующие христиане, ни материалисты. Поскольку акт творения материальной реальности приписан человеческому сознанию, поставленному выше Творца мира или на его место, то с этим не согласятся христиане. А философы-материалисты не примут тезиса о первичности сознания.

Но даже ученые-эмпирики не имеют права на согласие с вышеприведенным тезисом, ибо он нарушает закон сохранения энергии. Ведь этногенез — это процесс, проявляющийся в работе (в физическом смысле). Совершаются походы, строятся храмы и дворцы, реконструируются ландшафты, подавляются несогласные внутри и вне создающейся системы. А для совершения работы нужна энергия, самая обычная, измеряемая килограммометрами или калориями. Считать же, что сознание, пусть даже этническое, может быть генератором энергии — это значит допускать реальность телекинеза, что уместно только в фантастике.

Поясняю. Каменные блоки на вершину пирамиды были подняты не этническим самосознанием, а мускульной силой египетских рабочих по принципу «раз-два — взяли». И если канат тянули, кроме египтян, ливийцы, нубийцы, хананеяне... от этого дело не менялось. Роль сознания, и в данном случае не этнического, а личного — инженера-строителя — была в координации имевшихся в его распоряжении сил, а различие между управлением процессом и энергией, благодаря которой процесс идет, очевидно.

Сочетание разнообразных этногенезов с социальными процессами на фоне разных культур, унаследованных от эпох минувших, и ландшафтов, дающих людям пищу, тоже многообразную, создает этнические истории, причудливо переплетающиеся друг с другом. В отличие от этногенеза этническая история — процесс многофакторный, испытывающий разные воздействия и чутко на них реагирующий. Вместе с тем этническая история не столь наглядна, как история культур и государств, социальных институтов и классовой борьбы, так как события, связанные со сменой фаз

этногенеза, источниками не фиксируются. Иными словами, этническая история — это та историческая дисциплина, которая ближе, чем любая иная, к географии биосферы, что и определяет пестроту, которую отметил еще Р. Груссе. Он сравнил историческую панораму середины XX в. со звездным небом, где мы наблюдаем звезды, давно потухшие, но свет которых только теперь дошел до Земли, и не видим сверхновых, чьи лучи еще несутся в космических пространствах и, соответственно, не восприняты земными обсерваториями. Продолжая уподобление, Р. Груссе считает страны ислама находящимися в возрасте, аналогичном европейскому XIV веку, — «треченто». Вторжение немцев во Францию в 1940 г. он сравнивает с походами Алариха и Гензериха в V в., японские войска называет самураями, переодетыми в современную униформу. Скандинавия, напротив, по его мнению, находится в будущем, в преддверии XXI в. Отсюда видно, что Р. Груссе не имел в поле зрения ни социальных, ни этнических процессов, а только их декоративную сторону, т. е. культурные коллизии.

Но если даже в XX в., в условиях уравнивающей урбанистической цивилизации, французский ориенталист обнаружил столь грандиозные несоответствия, то в другие эпохи, когда они были менее сглажены общей техносферой, значение их было еще большим. Р. Груссе считает, что «большая часть наших бед произошла от того, что народы, живя в одну эпоху, не подчинялись ни общей логике, ни единой морали».^[162] Неравномерность этнического развития Р. Груссе считает причиной многих войн и таких чудовищных злодеяний, как немецкие концентрационные лагеря. Действительно, для того чтобы совершать столь страшные поступки, не оправданные реальной государственной необходимостью, без мучительных угрызений совести, нужно иметь такую психическую структуру, которую можно представить только в виде патологии. Но это не случайные индивидуальные отклонения, а этнические, касающиеся устойчивых настроений масс. Значит, это фаза этногенеза, не совместимая с той, от которой берется исходная точка отсчета, принятая нами за норму. Но ведь если начать отсчет с другой стороны, то патологией покажется то, что мы считаем нормальным.

Но если так, то надлежит найти какой-то эталон для измерения этнической истории, подобный тому, каким являются общественно-экономические формации для истории социальной. Однако задача осложнена тем, что на пути к ее решению лежит дополнительная трудность: соотношение этноса с вмещающей его географической средой, которая тоже изменяется, иногда даже быстрее, чем сам этнос. Тут

Каллиопа бессильна и должна просить помощи у своей сестры Урании.

Урания и Клио

Применение географии к решению отдельных проблем встречало и продолжает встречать то полное сочувствие, то злобные нарекания. С одной стороны, очевидно, что сухая степь дает для создания хозяйства и культуры не те возможности, что тропические джунгли, а с другой — такой подход именуется «географическим детерминизмом». Для начала внесем ясность. Видные мыслители XVII–XVIII вв. Боден, Монтескье и Гердер в согласии с научным уровнем их эпохи предполагали, что все проявления человеческой деятельности, в том числе культура, психологический склад, форма правления и т. п., определяются природой стран, населенных разными народами. Эту точку зрения в наше время не разделяет никто, но и обратная концепция — «географический нигилизм»,^[163] вообще отрицающий значение географической среды для истории этноса, не лучше.

Но попробуем поставить проблему иначе. То, что географическая среда не влияет на смену социально-экономических формаций, бесспорно, но могут ли вековые засухи или трансгрессии внутренних морей (Каспия) не воздействовать на хозяйство затронутых ими регионов?^[164] Например, подъем уровня Каспийского моря в VI–XIV вв. на 18 м не очень повлиял на южные, горные берега, но на севере огромная населенная площадь Хазарии оказалась затопленной. Это бедствие так подорвало хозяйство Хазарии, что, с одной стороны, заставило хазар покинуть родину и расселяться по Дону и Средней Волге, а с другой — повело к разгрому Хазарского каганата в 965 г. русскими.^[165] И аналогичных случаев в истории множество.

Казалось бы, надо просто определить компетенцию физической географии в этнической истории, но вместо этого идут бесплодные упреки в «географическом детерминизме», под которым начинают понимать даже просто хорошее знание географии. На «причины этого печального положения указал историк географии В. К. Яцунский: «Историки слабо знакомы с географией, и наоборот».^[166] И это еще не беда! Куда хуже, когда «географ, как только он покидает область географического исследования и начинает заниматься историей, перестает быть естествоиспытателем и сам становится историком».^[167] Заведомо ясно, что тут удачи быть не может, как и в обратном случае. Таким образом «открывается» корень неудач:

постановка проблем и методика исследования не разработаны. Значит, следует этим заняться.

То, что для историка — завершение его работы, для этнолога и географа — отправная точка. Затем нужно исключить те события, причины которых известны и относятся к сфере либо спонтанного развития общества (социальные формации), либо к логике самих событий (личные поступки политических деятелей). Связывать эти явления с географией бесплодно. Остается сфера этногенеза и миграций. Тут вступает в силу взаимодействие человеческого общества с природой. Особенно это прослеживается, когда главную роль играет натуральное и простое товарное хозяйство. Способ производства определяется теми экономическими возможностями, которые имеются в природных условиях территории, кормящей племенную группу или народность. Род занятий подсказывается ландшафтом и постепенно определяет культуру возникшей этнической целостности. Когда же данный этнос исчезает вследствие трансформации, миграции или истребления соседями, то остается памятник эпохи — археологическая культура, свидетельствующая о характере древнего народа, а следовательно, и о природных условиях эпохи, в которой она бытовала. Поэтому мы имеем возможность расчленить исторические события политического характера и события, обусловленные преимущественно изменениями физико-географических условий.

Все народы Земли живут в ландшафтах за счет природы, но коль скоро ландшафты разнообразны, то столь же разнообразны и народы, ибо как бы сильно они ни видоизменяли ландшафт — путем ли создания антропогенного рельефа или путем реконструкции флоры и фауны, людям приходится кормиться тем, что может дать природа на той территории, которую этнос либо заселяет, либо контролирует. Однако ничто в мире не бывает неизменным, и ландшафты — не исключение. Они, подобно этносам, имеют свою динамику развития, т. е. свою историю. И когда ландшафт изменяется до неузнаваемости, причем безразлично — от воздействия ли человека, от изменения климата, от неотектонических процессов или от появления губительных микробов, несущих эпидемию, люди должны либо приспособиться к новым условиям, либо вымереть, либо уехать в другую страну. Тут мы вплотную подошли к проблеме миграций.

Модификация ландшафтов — не единственная причина миграций. Они возникают также при демографических взрывах или — реже — при общественных толчках, но тогда они будут столь отличны по характеру от

первых, что спутать их очень трудно. Однако в любом случае переселенцы ищут условия, подобные тем, к которым они привыкли у себя на родине. Англичане охотно переселялись в страну с умеренным климатом, особенно в степи Северной Америки, Южной Африки и Австралии, где можно разводить овец. Тропические районы их не манили, там они выступали преимущественно в роли колониальных чиновников и купцов, т. е. людей, живущих не за счет природы, а за счет местного населения. Это — тоже миграция, но совсем иного характера. Испанцы колонизовали местности с сухим и жарким климатом, оставляя без внимания тропические леса. Они хорошо прижились на мексиканских плоскогорьях, где сломили могущество ацтеков, но майя в Юкатане сохранились в тропических джунглях, отстояв свою независимость в «войне рас» против правительства Мексики. Якуты XI в. проникли в долину реки Лены и развели там лошадей, имитируя прежнюю жизнь на берегах Байкала, но они не посягали на водораздельные таежные массивы, предоставив их эвенкам. Русские землепроходцы в XVII в. прошли сквозь всю Сибирь, но заселяли только лесостепную окраину тайги и берега рек, т. е. ландшафты, сходные с теми, где сложились в этнос их предки. Равным образом просторы бывшего «Дикого поля» в XVIII–XIX вв. освоили украинцы. Даже в наше время тибетцы, покинувшие родину, предпочли Норвегию цветущей Бенгалии; они основали колонию в Осло.

Крупная миграция — это явление не только историческое, но и географическое, ибо оно всегда связано с некоторой перестройкой антропогенного ландшафта. Таким образом, мы пришли к границам исторической географии, которая должна нам помочь в поиске решения поставленной проблемы. Посмотрим, что она нам даст.

Часть четвертая

Этнос в географии,

в которой описывается постоянное взаимодействие этноса с природой, окружающей человека, и выражается огорчение по поводу того, что всего перечисленного для решения задачи недостаточно

XIV. Перевернутая задача

Этнос — явление природы

Итак, все доселе рассмотренные нами научные дисциплины, имеющие отношение к поставленной проблеме, не могут не только дать толкового ответа, но даже наметить путь дальнейшего поиска истины. Значит ли это, что следует «умыть руки»? Нет, не так-то все просто! Мы ведь можем найти новый путь исследования, пригодный для решения поставленных вопросов. И начало этому уже положено: в проблему соотношения человека как носителя цивилизации с природной средой введено понятие «этнос» как устойчивый коллектив особей, противопоставляющий себя всем прочим аналогичным коллективам, имеющий внутреннюю структуру, в каждом случае своеобразную, и динамический стереотип поведения. Именно через этнические коллективы осуществляется связь человечества с природной средой, так как сам этнос — явление природы.

Как таковой этнос, казалось бы, должен возникать, развиваться и пропадать вследствие изменений вмещающей его географической среды. Эта среда весьма подвижна. Длительные засухи или, наоборот, повышенные увлажнения отмечены в различных регионах, причем интенсивность климатических перепадов, определяющих изменения ландшафтов и их соотношения друг с другом, в разных районах Земли различны. Стремление установить непосредственную связь исторических событий с колебаниями климата обречено на неудачу, что показал Э. Леруа Ладюри, сосредоточивший внимание на Франции и окрестных странах.^[168] Но связь, опосредствованную и сложную, установить можно, избегнув гиперкритицизма французского историка, применив методику, уже предложенную нами.

В мягком климате Европы ландшафтные различия несколько скрадываются, а в условиях континентального климата и широких пространств выступают резко. Здесь мы можем в качестве индикатора использовать характер политического строя у групп кочевого населения разных географических ареалов. Это уже было нами однажды сделано для выяснения динамики климатических процессов ландшафтообразования.^[169] Теперь мы обратим внимание на историко-географическое районирование, т. е. классификацию политических систем насельников Евразии как форм существования бытовавших там этносов.

Отметим, что политические системы народов были тесно связаны с системой хозяйства населяемых этими народами стран. Но тут возникает первое затруднение: начиная с IX в. до н. э. и до XVIII в. н. э. в евразийской степи бытовал один способ производства — кочевое скотоводство. Если применить общую закономерность без поправок, то мы должны полагать, что все кочевые общества были устроены единообразно и чужды всякому прогрессу настолько, что их можно охарактеризовать суммарно, а детали отнести за счет племенных различий. Такое мнение действительно считалось в XIX и начале XX в. аксиомой, но накопление фактического материала позволяет его отвергнуть.^[170] Несмотря на устойчивое соотношение между площадью пастбищ, поголовья скота и численностью населения, в евразийской степи не было и тени единообразия общественно-политической системы, а за 3 тыс. лет своего существования кочевая культура прошла творческую эволюцию, не менее яркую и красочную, чем страны Средиземноморья или Дальнего Востока. Но местные условия дали истории кочевников несколько иную окраску, и наша задача состоит в том, чтобы уловить не столько элементы сходства между кочевыми и земледельческими общественными системами, сколько различия, и указать на их возможные причины.

Прежде всего отметим, что география (за исключением, пожалуй, экономической), а следовательно, и входящая в нее этнология — наука естественная, а история — наука гуманитарная. Значит, изучая этногенез (возникновение и исчезновение этносов) как природный процесс, протекающий в биосфере (одной из оболочек планеты Земля), исследователь применяет методы географии, а составляя этническую историю региона, он пользуется традиционными методами исторической науки, лишь добавляя к ним данные географии, разумеется, не школьной, а современной, научной, где ставятся вопросы о локальных особенностях антропогенных биоценозов, микромутациях, изменяющих только поведенческие признаки человека, и сукцессиях, связанных с миграционными процессами. Если же рассматривать этнос как «социальную категорию», то это будет означать, что географические факторы для развития этносов «не могут иметь значения».^[171] Абсурдность тезиса очевидна самому автору, который ниже пишет, что «они могли сильно замедлить или, напротив, ускорить развитие отдельных этнических общностей».^[172] Если принять это последнее, верное суждение, то, согласно предварительному условию, этнос не социальная общность.

Напомним, что в письме И. Блоху от 21–22 сентября 1890 г. Ф. Энгельс

писал: «...согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большого никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу».^[173] В согласии с этим тезисом мы полагаем, что любой непосредственно наблюдаемый процесс этногенеза имеет наряду с социальным природный аспект.

Человек в биоценозе

Всем видам позвоночных свойственны: инстинкт личного и видового самосохранения, проявляющийся в размножении и заботе о потомстве, стремление распространиться на возможно большую площадь и способность приспособления к среде (адаптация). Однако последняя не безгранична. Чаще всего животное обитает на определенном участке земной поверхности, к которому приспособились его предки. Медведь не пойдет в пустыню, выдра не полезет на высокую гору, заяц не прыгнет в реку за рыбой.

Но еще большие ограничения накладывают зональность и климатические различия разных поясов. Тропические виды не могут существовать в полярных широтах, и наоборот. Даже когда происходят сезонные миграции, они направлены по определенным маршрутам, связанным с характером природных условий.

Человек в этом отношении — исключение. Принадлежа к единому виду, он распространился по всей суше планеты. Это показывает наличие чрезвычайно высоких способностей к адаптации. Но тут возникает первая трудность: если первобытный человек приспособился к условиям, скажем, лесной зоны умеренного пояса, то чего ради его потянуло в пустыни и тропические джунгли, где не было привычной пищи и благоприятных условий, ибо каждый зверь входит в свой геобиоценоз (букв. — жизненное хозяйство), т. е. «закономерный комплекс форм, исторически, экологически и физиологически связанных в одно целое общностью условий существования»?^[174] Образно говоря, биоценоз — это дом животного; зачем же уходить из родного дома?

Биогеоценоз — система сложная; он складывается из растений и животных, связанных друг с другом «цепью питания» и другими видами

деятельности, где одни виды питаются другими, а верхнее, завершающее звено — крупный хищник, или человек, умирая, отдает свой прах растениям, его вскормившим. По высокой степени адаптации в данном биоценозе вид накапливает ряд признаков, от которых не может избавиться согласно закону о необратимости эволюции. Все это относится и к человеку, который тем не менее эти трудности миновал и распространился по всей Земле. А ведь нельзя сказать, что человек обладает по сравнению с другими видами большей пластичностью вследствие низкой степени адаптации. Она у него велика.

Нет, в каждом большом биоценозе человек занимает твердое положение, а заселяя новый регион, меняет не анатомию или физиологию своего организма, а стереотип поведения. Но ведь это значит, что он создает новый этнос! Правильно, но для чего это ему нужно? Или, точнее, что его на это толкает? Если бы можно было просто ответить на этот вопрос, то наша задача была бы решена. Но мы вынуждены ограничиться негативными ответами, смысл коих в том, чтобы ограничить проблему.

Биологические, точнее — зоологические причины отпадают, ибо если бы функционировали они, то и другие животные поступали бы так же. Сознательные решения об изменении своей природы — нонсенс. Социальные поводы, будь они тому причиной, были бы обязательно связаны с изменением способа производства, т. е. со сменой общественных формаций, а этого нет. Более того, обязательное приспособление к привычному, обжитому «вмещающему» ландшафту отмечено К. Марксом в статье «Вынужденная эмиграция». В частности, о кочевниках там сказано следующее: «Чтобы продолжать быть варварами, последние должны были оставаться немногочисленными. То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени, как это имеет место еще и поныне (в середине XIX в. — Л. Г.) у индейских племен Северной Америки. Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства».

[175] Энгельс развивает мысль Маркса, указывая на прямую связь пищи с уровнем развития разных племен. По его мнению, «обильному мясному и молочному питанию арийцев и семитов и особенно благоприятному влиянию его на развитие детей следует, быть может, приписать более успешное развитие обеих этих рас. Действительно, у индейцев пуэбло Новой Мексики, вынужденных кормиться почти исключительно растительной пищей, мозг меньше, чем у индейцев, стоящих на низшей

ступени варварства и больше питающихся мясом и рыбой». [\[176\]](#)

Географическая среда на смену формаций не влияет

Итак, прямое и косвенное воздействие ландшафта на этнос не вызывает сомнений, но на глобальное саморазвитие — общественную форму движения материи оно не оказывает решающего влияния. Зато на этнические процессы ландшафт влияет принудительно. [\[177\]](#) Все народы, селившиеся в Италии: этруски, латины, галлы, греки, сирийцы, лангобарды, арабы, норманны, швабы, французы, — постепенно, за два-три поколения, теряли прежний облик и сливались в массу итальянцев, своеобразный, хотя и мозаичный этнос со специфическими чертами характера, поведения и структурой, эволюционизировавшей в историческом времени. И так везде, с большей или меньшей отчетливостью, прямо пропорциональной изученности сюжета. Следовательно, мы должны изучать этносы не как функцию социального прогресса, а как самостоятельный феномен.

Становление человечества связано не только с природными воздействиями, как у прочих животных, но и с особым спонтанным развитием техники и социальных институтов. [\[178\]](#) На практике мы наблюдаем интерференцию обеих линий развития. Следовательно, общественно-экономическое развитие через формации не тождественно этногенезам, дискретным процессам, протекающим в географической среде. С. В. Калесник отчетливо показал различие между географической и техногенной средой, в которых люди живут одновременно. Географическая среда возникла без вмешательства человека и сохранила естественные элементы, обладающие способностью к саморазвитию. Техногенная среда создана трудом и волей человека. Ее элементы не имеют аналогов в девственной природе и к саморазвитию не способны. Они могут только разрушаться. Техно- и социосфера вообще не относятся к географической среде, хотя постоянно взаимодействуют с ней. [\[179\]](#) Этот принцип был положен нами в фундамент исследования.

Война человека с природой

Отмеченные адаптивные способности человека не просто повышены сравнительно с его предками, а связаны с особенностью, отличающей человека от прочих млекопитающих. Человек не только приспосабливается

к ландшафту, но и приспособливает ландшафт к своим нуждам и потребностям. Значит, пути через разные ландшафты ему проложили не адаптивные, а творческие возможности. Это само по себе известно, но часто упускалось из виду, что творческие порывы человечества, как и отдельного человека, эпизодичны и не всегда приводят к желаемому результату, а следовательно, влияние человека на ландшафт далеко не всегда бывало благотворным. Шумерийцы провели каналы, осушив междуречье Тигра и Евфрата в III тыс. до н. э., китайцы начали строить дамбы вокруг Хуанхэ 4 тыс. лет назад. Восточные иранцы научились использовать грунтовые воды для орошения на рубеже новой эры. Полинезийцы привезли на острова сладкий картофель (кумара) из Америки. Европейцы оттуда же получили картофель, помидоры и табак, а также бледную спирохету — возбудитель сифилиса. В степях Евразии мамонта истребили палеолитические охотники на крупных травоядных.^[180] Эскимосы расправились со стеллеровой коровой в Беринговом море; маорийцы прикончили птицу моа в Новой Зеландии; арабы и персы путем постоянных охот уничтожили львов в Передней Азии; американские колонисты всего за полвека (1830–1880) перебили бизонов и странствующих голубей,^[181] а австралийские — несколько видов сумчатых. В XIX–XX вв. истребление животных уже превратилось в бедствие, о котором пишут зоологи и зоогеографы столько, что нам нет необходимости останавливаться дальше на этом предмете. Отметим, однако, что хищническое обращение человека с природой может иметь место при всех формациях и, следовательно, вряд ли может рассматриваться как результат особенностей социального прогресса. При всех формациях человек деформирует природу. Очевидно, это ему свойственно. Хотя делает он это каждый раз по-разному, но различия касаются деталей, а не направления процессов.

Природа умеет постоять за себя. Не только некоторые растения, разрушающие своими стебельками каменную кладку и с милой непосредственностью взламывающие асфальтовые дороги, но и отдельные виды животных используют антропосферу для своего процветания. Так, истребление бизонов и замена их в биоценозе прерии овцами и лошадьми (мустангами) повели к сокращению числа больших серых волков, которые питались больными бизонами, оленями и грызунами. Поэтому уменьшилось поголовье оленей, среди которых стали свирепствовать эпидемии, и увеличилось число грызунов, разделявших с овцами оставшийся после бизонов корм, а это, в свою очередь, создало

благоприятные условия для размножения койотов, питающихся как грызунами, так и беззащитными овцами. Природа прерий восстановилась, но с упущением структуры биоценоза.

Распространение монокультуры картофеля дало толчок к размножению колорадского жука, который победным маршем прошел от Кордильер до Атлантики, пересек ее и бодро завоевал Европу. Английские торговые корабли завезли на острова Полинезии крыс и, хуже того, — комаров, что ограничило район обитания самого человека песчаными побережьями, где всегда дует морской ветер. А эксперименты с переселением кроликов в Австралию или коз на Мадейру столь трагичны, что хорошо известны. Но и факты регенерации природы не совпадают с переломными датами социальной истории человечества. Так есть ли между этими двумя цепочками закономерностей каузальная или функциональная зависимость? По-видимому, нет, ибо «наскоки» человека на ландшафт называть «прогрессом» нельзя ни в обывательском смысле (стремление к лучшему), ни в научном (развитие от низших форм к высшим). А если так, то в частных искажениях природы повинны те самые динамические стереотипы поведения, которые характеризуют разные этносы. Видимо, мы приблизились к нашему сюжету, хотя и шли на ощупь.

Социум, политийя и этнос

То, что каждый человек входит в ту или иную общественную группу, — бесспорно. Но как не было, нет и, вероятно, не будет ни одного человека, который бы не находился на определенной ступени социального развития, не состоял бы членом племени, орды, государства, общины, дружины и тому подобных объединений, так нет и человека, который бы не принадлежал к какому-либо этносу. Соотношение между социальными, политическими и этническими коллективами можно уподобить соотношению между мерами длины, веса и температуры. Иными словами, эти явления параллельны, но несоизмеримы.

Область компетенции исторической географии ограничена. Бесплодно пытаться отыскивать географические причины в действиях полководцев, реформаторов и дипломатов. Зато этнические коллективы полностью отвечают требованиям, предъявляемым к поставленной проблеме. Взаимодействие людей с природой отчетливо прослеживается не только на ранних ступенях развития, но вплоть до XX в.

Соотношение трех отмеченных линий развития легче всего показать на

примере, допустим, Англии и Франции, прошлое которых известно настолько полно, что не требует специальных экскурсов в источниковедение и дебри библиографии. В социальном аспекте обе страны пережили ряд формаций: родовой строй — кельты до римского завоевания; рабовладение — в составе Римской империи, хотя Британия на три века отстала от Галлии; феодализм и, наконец, капитализм, причем на этот раз лет на сто отстала Франция. В политическом аспекте людям XX в. кажется, что две эти нации, разделенные Ла-Маншем, — классические этнотерриториальные целостности, что так было всегда и иначе быть не могло.

Интересующая нас территория включает три ландшафтных зоны: субтропическую — на юге Франции, лесную — северная Франция и южная Англия, и суббореальную — вересковые поля Шотландии и Нортумберленда. Каждый ландшафт заставляет людей, в него попадающих, приспосабливаться к его особенностям, и таким образом возникает определенная общность. Например, кельты в низовьях Роны выращивали виноград; попавшие туда римские колонисты I–IV вв., воинственные бургунды V в., арабы VII в., каталонцы XI в. делали то же самое, и общность быта, определяемая общностью труда, нивелировала языки и нравы. В XII в. образовался единый народ из ныне разобщенных каталонцев, провансальцев и лигурийцев. Потребовалась истребительная Альбигойская война, чтобы разорвать это единство, но вплоть до XIX в. южные французы говорили на провансальском языке и за редким исключением не знали французского.

Норвежские викинги, дети рыбаков, попав в Нормандию, за два поколения превратились в земледельцев-французов, сохранив лишь антропологический тип. Те же норвежцы в долине Твида стали овцеводами — шотландцами-лоулендерами, но они не проникли в горы северной Шотландии, где кельты — шотландцы-гайлендеры сохранили клановый строй. Не для политических, а для этнических границ оказался решающим фактором ландшафт, включая рельеф.

Что касается северной половины Франции, ее сердца, то здесь ландшафт, путем конвергентного развития, преобразовал огромное количество пришельцев с востока и с юго-запада. Бельги, аквитаны и кельты — в древности; латиняне и германцы — в начале новой эры; франки, бургунды, аланы, бритты — в начале Средневековья: английские, итальянские, испанские и голландские иммигранты эпохи Реформации и т. д. — все они сселились в однородную массу французских крестьян, блестяще описанных не столько этнографами, сколько Бальзаком, Золя и

другими писателями-реалистами.

Но тогда встает вопрос: почему этносы двух территорий, имеющих сходные ландшафты, одинаковый социальный строй и разделенные только морским проливом, который и в древности легко пересекали на утлых лодках, не объединились в единый комплекс, что было бы выгодно тем и другим? Средневековые короли это прекрасно понимали и трижды предпринимали попытки к объединению. В 1066 г. вассал французского короля герцог Нормандии Гийом завоевал англосаксонскую часть Британии, которая после пресечения нормандской династии перешла к другому французскому феодалу — Генриху Плантагенету. Итак, в 1154 г. снова произошло объединение Нормандии с Англией, а вслед за тем с Пуату, Аквитанией и Овернью: возникло королевство Генриха Плантагенета. Сочетание с этнографической точки зрения причудливое, но оно продержалось до 1205 г., когда французский король Филипп II Август отнял у английского короля Нормандию, Пуату, Турень и Анжу, а затем, в 1216 г., попытался вновь завоевать Англию, но потерпел неудачу. За Англией остались только Бордо и Байонна, где Плантагенетов поддерживали гасконские бароны, но в 1339 г. началась Столетняя война за объединение обеих стран, причем на этот раз инициатива исходила из Англии. После долгой войны, в 1415 г., Генрих V Ланкастер короновался французской короной, но Жанна д'Арк оказалась сильнее Англии, и больше попытки объединить обе страны не предпринимались.

Искать объяснение очерченных изменений в физической географии — бесплодно, а вот привлечь экономическую географию можно, что, впрочем, уже давно делают все историки. Политические образования — в частном случае государства — для устойчивости и развития нуждались не в единообразном, а разнообразном хозяйстве, где разные экономические провинции дополняли бы друг друга. Плантагенеты крепко держались тогда, когда у них была овечья шерсть из северной Англии, хлеб из Кента и Нормандии, вино из Оверни, ткани из Турции. Экономические связи вели к оживленному общению, обогащали правителя, но этнического слияния не возникло. Почему? Для ответа рассмотрим третий аспект — этнический.

У народов есть родина!

Власть Рима пала. Племена, заселявшие Францию, в момент своего появления на территории между Рейном и Бискайским заливом были столь различны по языку, нравам, традициям, что Огюстен Тьерри предложил

племенную концепцию сложения современной Франции, и был прав. «Действительно ли является история Франции с V до XVII в. историей одного и того же народа, имеющего одинаковое происхождение, одинаковые нравы, одинаковый язык и одинаковые гражданские и политические интересы? Ничего подобного! Когда задним числом название «французы» применяют, я уже не говорю к зарейнским племенам, но даже к периоду первой династии, то получается настоящий анахронизм», — пишет он и поясняет свою мысль примерами: «Разве для бретонца будет национальной историей биография потомков Хлодвиги или Карла Великого, когда его предки... вели переговоры с франками как самостоятельный народ? От VI до X в. и даже позже герои Северной Франции были бичом для Юга».^[182] Лишь в XIV в. французы присоединили Дофине, Бургундию и Прованс, бывшие домены Священной Римской империи германцев, к королевству Франция. Однако Бордо, Байонна и полоса побережья Бискайского залива сохраняли независимость, имея сюзереном английского короля из династии Плантагенетов. Это было не господством Англии над Гасконью, а способом, которым гасконцы защищали себя от французских захватов.

Вспыхнувшая в 1339 г. Столетняя война между Францией и Англией, несмотря на разительное неравенство сил (в 1327–1328 гг. во Франции — 18 млн.,^[183] а в Англии — 3 млн.,^[184] и в тылу — Шотландия), протекала успешно для Англии только потому, что ее активно поддерживали гасконцы, бретонцы и королевство Наварра. После смерти Иоанна Доброго его старший сын Карл стал королем, а другой — Филипп — бургундским герцогом. Казалось бы, братья должны были ладить, но ведь они больше зависели от своих баронов, чем те от них. Династия бургундских Валуа встала во главе восточных областей Франции, присоединила к Бургундии Артуа, Фландрию и Франшконтэ и, пользуясь симпатиями парижан, претендовала на господство над Францией. Против бургундцев выступили жители запада и юга страны под руководством графа Арманьяка. Война между ними открыла дорогу англичанам, которые вступили в союз с бургундцами и парижанами, считавшими, что «арманьяки», уроженцы юга и Бретани, «не принадлежали к французскому королевству»,^[185] т. е. были не французами. Францию спасла Жанна д'Арк, говорившая по-французски с немецким акцентом. Изолированная Бургундия была разгромлена швейцарцами и снова досталась французам наряду с Бретанью и другими окраинами. Причину ее долгого сопротивления объяснил последний герцог — Карл Смелый. «Мы — другие португальцы», — сказал он,^[186]

приравняв различие между бургундцами и французами к различию португальцев с испанцами. Ему не мешало то, что он сам носил фамилию Валуа и по происхождению был французом.

И все же этническое разнообразие уступило место теории «естественных границ», сформулированной в «Великом замысле», который министр Сюлли приписал своему королю Генриху IV. «Естественными границами» Франции были объявлены Пиренеи, Альпы и Рейн, т. е. территория древней кельтской Галлии, которую король и министр ради этих целей объявили предшественницей Франции. На этом, весьма зыбком в научном отношении, основании Бурбоны стремились вернуть Франции ее былую славу, т. е. аннексировать земли, заселенные басками, итальянцами и немцами, несмотря на заявление Генриха IV: «Я ничего не имею против того, чтобы там, где говорят по-испански, правил испанский король, а там, где по-немецки — австрийский император. Но там, где говорят по-французски, править должен я».^[187] Несмотря на этот принцип, Франция оккупировала Наварру, Савойю и Эльзас, ибо география перевесила филологию.

Тот же процесс прошел в Англии, где французские феодалы частью погибли во время войны Алой и Белой розы, частью слились с англосаксонским дворянством, а затем королевство в XVIII в. раздвинулось до естественных границ — берегов своего острова. Англия включила в себя земледельческий Кент, населенный англосаксами, скотоводческую Шотландию, Уэльс и Нортумберленд, населенные кельтами и скандинавами — потомками викингов, как Франция присоединила Прованс, Бретань и Гасконь, где жили народы, говорившие на своих языках, имевшие свой быт и свою систему хозяйства.

Можно, ли называть описанный процесс «этнической интеграцией»? Вряд ли, ибо в обоих случаях имело место прямое завоевание, проведенное со всей возможной жестокостью, и, кроме того, завоеванные этносы сохранились до нашего времени. Но являются ли современные Англия и Франция физико-географическими регионами? Безусловно, иначе они давно распались бы при существующей этнической пестроте. Значит, географические и этнологические категории не совпадают, а следовательно, связь ландшафта и этноса опосредствована историей этносов, осваивавших ландшафты и перестраивавших геобиоценозы. Это явление называется сукцессией, в нашем случае — антропогенной. Адаптация в новых условиях — это географический аспект этногенеза, в результате которого не произошло взаимной ассимиляции и нивеляции, а возникли этнические системные целостности, где побежденные оказались на положении

субэтносов. Однако века соседства с этносом-завоевателем не прошли даром: кельты Бретани сдружились с французами, а кельты Уэльса — с англичанами. Но этнологу следует помнить, что сегодняшняя дружба этих народов сменила недавнюю вражду, а что будет дальше — покажет этническая история, которой география в этом вопросе передает эстафету.

В отличие от концепции исторической дискретности О. Тьерри, Фюстель де Куланж усматривал в быте французских крестьян черты институтов римской эпохи. И он был тоже прав. Первый отметил характер миграции, второй — влияние ландшафта. Но как характер миграций в целом, так и степень адаптации могут и должны рассматриваться как явления, относящиеся к географической науке, тому ее разделу, который именуется этнологией, ибо именно здесь сосредоточены связи человечества с географической средой, посредством которых они и влияют друг на друга.

Итак, не только у отдельных людей, но и у этносов есть родина. Родиной этноса является сочетание ландшафтов, где он впервые сложился в новую систему. И с этой точки зрения березовые рощи, ополья, тихие реки Волго-Окского междуречья были такими же элементами складывавшегося в XIII–XIV вв. великорусского этноса, как и угро-славянская и татаро-славянская метисация, принесенная из Византии архитектура храмов, былинный эпос и сказки о волшебных волках и лисицах. И куда бы ни забрасывала судьба русского человека, он знал, что у него есть «свое место» — Родина.

И про англичан Р. Киплинг писал: «Но матери нас научили, что старая Англия — дом». И арабы, тибетцы, ирокезы — все имеют свою исходную территорию, определяемую неповторимым сочетанием элементов ландшафта. И как таковая «родина» является одним из компонентов системы, именуемой «этнос».

Месторазвитие

Приведенных нами примеров достаточно, чтобы сделать вывод о влиянии географического ландшафта на этнические сообщества как коллективы вида *Homo sapiens*. Но спешу оговориться: этот вывод уже сделан в 1922 г. Л. С. Бергом для всех организмов, в том числе и людей. «Географический ландшафт воздействует на организм принудительно, заставляя все особи варьировать в определенном направлении, насколько это допускает организация вида. Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная

среда, жизнь на островах и т. д. — все это накладывает особый отпечаток на организмы. Те виды, которые не в состоянии приспособиться, должны переселиться в другой географический ландшафт или вымереть».^[188] А под «ландшафтом» понимается «участок земной поверхности, качественно отличный от других участков, окаймленный естественными границами и представляющий собой целостную и взаимно обусловленную закономерную совокупность предметов и явлений, которая типически выражена на значительном пространстве и неразрывно связана во всех отношениях с ландшафтной оболочкой».^[189] Назовем это понятие удачным термином П. Н. Савицкого — «месторазвитие»,^[190] подобно аналогичному понятию — «месторождение».

Читателя может удивить и даже обидеть, что автор, начав сравнивать людей с животными, дошел до минералов. Но не надо обижаться! К любой закономерности природы каждый из нас прикасается какой-то одной стороной, а личность человека многогранна, останется место и для эстетики, и для этики, и для всего того, что сейчас принято называть «информацией» или «ноосферой». Но мы пока вернемся к земным делам, ибо разговор о ландшафтах не закончен.

XV. Роль сочетания ландшафтов

Монотонность и разнородность ландшафтов

Далеко не всякая территория может оказаться месторазвитием. Так, на пространстве Евразии на всей полосе сплошных лесов — тайги от Онежского озера до Охотского моря — не возникло ни одного народа, ни одной культуры. Все, что там есть или было, принесено с юга или с севера. Чистая, сплошная степь тоже не дает возможности развития. Дешт-и-Кыпчак, т. е. половецкие степи от Алтая до Карпат, — место без *Genius loci*. Степи эти заселялись народами, сложившимися в других районах, например в Монголии, — стране с пересеченным рельефом и разнообразными ландшафтами. На склонах Хэнтэя и Хангая растут густые леса. Зеленая степь низовий Тлы и Керулена на юге переходит в каменистую пустыню Гоби, где снег тает в марте, давая выпас скоту до начала летней жары. Соответственно разнообразна фауна, а археологические культуры отражают смену народов, известных не только историкам: хуннов, тюрков, уйгуров, монголов и ойратов.

И наоборот, западная часть Великой степи от верховий Иртыша до низовий Дона и от закраины сибирской тайги до Балхаша и Аральского моря однообразна, а народы, ее населявшие, малоизвестны. Ныне казахи занимают огромную площадь с монотонным степным ландшафтом. В XIII в. степь обезлюдела после жестокой монголо-половецкой войны и была поделена между тремя ордами: Золотой, или Большой, — на Волге, Синей — между Аральским морем и Тюменью, и Белой (т. е. старшей) — в Тарбагатае и на верхнем Иртыше.^[191] На Волге из конгломерата народов сложились татары. Синяя Орда оказалась нежизнеспособной и в XIV в. слилась с волжской. Зато Белая Орда, опиравшаяся на окраины сибирской тайги до Оби, склоны и предгорья Алтая и степи Сырдарьи, в то время перемежавшиеся сосновыми борами,^[192] развилась в самостоятельный этнос, позднее освоивший экстраординарные степи Приаралья, Мангышлак и Рынпески.

Подлинными месторазвитиями являются территории сочетания двух и более ландшафтов. Это положение верно не только для Евразии, но и для всего земного шара. Основные процессы этногенеза в Евразии возникали: а) в восточной части — при сочетании горного и степного ландшафтов; б) в западной — лесного и лугового (поляны в Волго-Окском междуречье); с) в

южной — степного и оазисного (Крым, Средняя Азия); d) на севере — лесотундра и тундра. Но северные я предлагаю выделить в особый отдел циркумполярных культур, так как отделенные от евразийского месторазвития «таежным морем», они никогда на него не влияли.

Проверим. Хунны сложились на лесистых склонах Инышаня и потом лишь передвинулись в монгольские степи. Уйгуры — на склонах Наньшаня. Тюркюты — на склонах Алтая. Монголы — на склонах Хингана и Хэнтэя. Кидани — на «языке» степи, вдающемся в лесную Маньчжурию. Киргизы енисейские — на «острове» Минусинской степи и склонах Саян. Татары казанские, потомки древних болгар, — на Каме, где лес граничит со степью. Татары крымские — на границе степного Крыма и Южного берега — сплошного оазиса. Это — отюреченные левантийцы разного происхождения, слившиеся в единый народ. Хазары — в предгорьях Дагестана. Их первая столица — Семендер расположена на среднем течении Терека.

Развивая изложенный принцип, можно предположить, что там, где границы между ландшафтными регионами размыты и наблюдаются плавные переходы от одних географических условий к другим, процессы этногенеза будут менее интенсивны. Например, группа богатых оазисов среднеазиатского междуречья окаймлена полупустынями и сухими степями, подчас разделяющими оазисы друг от друга. Действительно, этногенез в Средней Азии шел столь медленно, что почти неуловим. Полосы пустынь с севера и юго-запада были легко проходимы вооруженными грабителями, но мало пригодны для жизни. Зато в предгорьях Копетдага, Тянь-Шаня и Гиссара сложились туркмен-сельджуки — в XI в., киргизы — в XV в., таджики — в VIII–IX вв. и узбеки — в XIV в., ограничив ареал потомков древних согдийцев горными районами Памира и Гиссара, где те сохранялись как изоляты. [\[193\]](#)

Системы горных хребтов, несмотря на вертикальную поясность, следует рассматривать как регионы единообразные, так как пояса составляют единый географический хозяйственный комплекс по отношению к человеку. Поэтому Западный Памир, Дардистан, Гиндукуш, Гималаи, а также Кавказ и Пиренеи удобны для сохранения реликтовых этносов-персистентов. И дело отнюдь не в трудной проходимости горного ландшафта. Военные отряды легко форсировали ущелья и перевалы даже при Кире и Александре Македонском. Однако новые народы возникали не внутри горных районов, а на их окраинах.

Уже отмечено, что народы, населяющие сплошные степи, пусть даже очень богатые, обнаруживают чрезвычайно малые возможности развития,

например, саки, печенеги, кыпчаки, туркмены, за исключением той их части, которая под названием сельджуков ушла в Малую Азию и Азербайджан в XI в., и в этническом, и в социальном плане — стабильны.

Левант, или Ближний Восток, — сочетание моря, гор, пустынь и речных долин. Там новые этнические комбинации возникали часто, за исключением нагорий Закавказья, где имеются природные условия, подходящие для изолятов. Таковы, например, курды, отстоявшие свою этническую самобытность и от персов, и от греков, и от римлян, и от арабов, и даже от турок-османов. Исключение, которое подтверждает правило.

Китай — страна, некогда отвоєванная от воды (в древности это было сплошное болото с мелкими озерами и реками, ежегодно менявшими русло). Китайский народ сложился на берегах Хуанхэ, при сочетании ландшафтов: речного, горного, лесного, степного, а джунгли южнее Янцзы китайцы освоили только в первом тысячелетии нашей эры. Однако, переселившись на юг и смешавшись с местным населением, древние китайцы превратились в современный южнокитайский этнос, отличающийся и от своих предков, и от северных китайцев, смешавшихся в долине Хуанхэ с хуннами и сяньби.

Индия, окруженная морем и горами, может рассматриваться как полуостров, но в отличие от Европы она в ландшафтном отношении беднее. Ландшафты Декана типологически близки между собой, и процессы этногенеза, т. е. появление новых этносов за историческое время, выражены там слабо. Зато в северо-западной Индии сформировались два крупных народа: раджпуты^[194] — около VIII в. и сикхи — в XVI–XVII вв. Казалось бы, пустыни Раджстана и Синда гораздо менее благоприятны для человека, чем богатая, покрытая лесами долина Ганга. Однако в долине Инда отчетливо выражено сочетание пустынь и тропической растительности, и, хотя культура расцвела во внутренней Индии, образование новых народов связано с пограничными областями.

Равным образом довольно интенсивно шли процессы народообразования в бассейне Нижней Нарбады, где джунгли северной Индии смыкаются с травянистыми равнинами Декана — Махараштра. В VI в. здесь активизировалось Чалукья, государство воинственных кшатриев, должно быть, переселившихся из Раджпутаны,^[195] а в XVII в. маратхи, отказавшись от ряда стеснений кастовой системы, образовали народ, оспаривавший господство над Индией у Великих Моголов. Отличие маратхов от общей массы индусов отмечают все историки Индии.

Страна маратхов — сочетание трех физико-географических районов: прибрежной полосы между Западными Гхатами и морем, гористой страны восточнее Гхатов и черноземной долины, ограниченной цепями холмов. ^[196] Таким образом, налицо все основания для того, чтобы причислить эту область к той категории, которую мы называем месторазвитием, несмотря на то что культура Бенгалии была несравненно выше.

В Северной Америке бескрайние леса и прерии не создают благоприятных условий для этногенеза. Однако и там были районы, где индейские племена складывались в народы на глазах историка. На изрезанной береговой линии Великих Озер в XV в. возник ирокезский союз пяти племен. Это было новое этническое образование, не совпадающее с прежним, так как в его состав не вошли гуроны, родственные им по крови и языку.

На берегах Тихого океана южнее Аляски, там, где скалистые острова служат лежбищами моржей и тюленей и море кормит береговых жителей, тлинкиты создали рабовладельческое общество, резко отличное от соседних охотничьих племен и по языку, и по обычаям.

Кордильеры в большей части круто обрываются в прерию, и горный ландшафт соседствует, но не сочетается со степным. Однако на юге, в штате Нью-Мехико, где имеется плавный переход между этими ландшафтами, в древности возникла культура «пуэбло», а около XII в. здесь сложилась группа нагуа, к которой принадлежало прославленное племя ацтеков. Большая часть континента, также населенная индейцами, была своего рода Hinterland'ом, территорией, куда отступали или где распространялись народы, сложившиеся в месторазвитиях. Таковы, например, черноногие — народ алгонкинской группы и многие другие племена.

Еще отчетливее видна эта закономерность на примере Южной Америки. Нагорья Андов — сочетание горного и степного ландшафтов — хранят памятники культуры, созданные многими народами в разные века, а в лесах Бразилии и равнинах Аргентины, вопреки надеждам капитана Фоссета, никаких культур не сложилось. И, как мы видим на многочисленных примерах, не могло сложиться, так как природа этих стран однообразна, что, впрочем, не мешает и никогда не мешало использовать ее богатства народам, возникшим в других местах. В Патагонию проникли горцы — арауканы; бразильские леса в XVI в. пытались освоить инки, а в XIX в. там сказочно разбогатели португальские плантаторы.

Ту же закономерность мы обнаружим в Африке и Австралии, но целесообразнее сосредоточить внимание на этносах, связанных с морем,

чтобы отметить их локальные особенности.

На берегах морей и закраинах ледников

Роль моря, в зависимости от характера береговой линии и уровня цивилизации береговых жителей, может быть двоякой. Море — ограничивающий элемент ландшафта, когда оно не освоено и непроходимо. Таков был Атлантический океан для американских индейцев, Индийский океан — для негров и аборигенов Австралии и даже Каспий — для печенегов. Зато когда из моря начинают черпать пищу и осваивать навигацию, море превращается в составляющий элемент месторазвития. Так эллины использовали Эгейское море, викинги — Северное, арабы — Красное, а русские поморы — Белое. К XIX в. почти все моря и океаны вошли в состав Ойкумены, но надо учитывать, что это характерно не для всех эпох.

На протяжении исторического периода можно зафиксировать два этнокультурных ареала, где море является составной частью месторазвития: циркумполярные культуры на берегах Ледовитого океана и Полинезия, о которой написано так много, что нет необходимости повторяться. Достаточно напомнить, что полинезийская культура вмещала до прихода европейцев разнообразные образования, которые даже на таком изолированном участке суши, как остров Пасхи, боролись между собой, создавая свои культуры, хотя и довольно близкие по характеру.

Менее известна история циркумполярных народов. Некогда цепь сходных культур окружала Ледовитый океан, который являлся их кормильцем. В основном это были охотники на морского зверя и ихтиофаги. Уже в историческое время их территорию разрезали надвое угро-самоеды, позже истребившие западную ее часть. Затем тунгусы уничтожили восточную, за исключением палеазиатов и народов «омок» на Яве и Индигирке; последний был погублен при вторжении якутов. Движение якутов с юга на север было односторонне и необратимо, так как они плыли на плотах по рекам и вернуться против течения не могли.^[197]

Молодым циркумполярным народом были эскимосы, распространившиеся около I в. н. э. из Океании и в X в. отогнавшие индейцев до южной границы Канады, а в XIII в. сбросившие потомков викингов в Гренландии в море.^[198] Тут опять-таки сочетание ландшафтов: кормящее море и лесотундра или ледник.

Но не только кормящее море, а даже области, покрытые льдом и

потому совершенно бесплодные, могут способствовать возникновению этносов, что имело место в Прибалтике и Скандинавии около X тыс. до н. э. Механизм этого явления прост.

Ледник, для того чтобы расти, должен получать из океана достаточное количество атмосферной влаги — холодного дождя и мокрого снега. Но так как над ледником всегда стоит антициклон, то влажный воздух разбивается о его закраину и там выливается дождь. Для Евразийского континента — это западная закраина, откуда идут атлантические циклоны, вплоть до Таймыра. Следовательно, ледник растет к западу, а его восточная часть тает под лучами солнца, ибо там, где нет облачного покрова, инсоляция действует беспрепятственно.

Получается географический парадокс: там, где абсолютная температура выше, — сыро, ветрено, облачно, а потому люди и животные страдают от холода; там же, где температура ниже, — тихо, ясно, сухо, и люди и животные согреваются под прямыми лучами солнца, не обращая внимания на холодный воздух. Ледниковый антициклон всегда больше, чем сам ледник, и покрывает приледниковые районы, превращая их в сухую тундру. Ручьи, стекающие с ледника, образуют пресные озера и ручьи, где селится рыба и водоплавающая птица. Вокруг них вырастают рощи — приют пушного зверя, а в сухой тундре, где снежный покров мал, пасутся стада травоядных. Это рай для первобытного охотника и рыболова.

Именно такие условия сложились в Восточной Европе в конце Померанской стадии последнего оледенения. В тундре, примыкавшей к уходящему леднику, стали появляться редкие леса, окаймляющие реки и озера. Тогда на берегах Немана и Двины сложились древние этносы балтской группы, дожившие до нашего времени в ландшафте, который от потепления стал монотонным. Балтские топонимы и гидронимы хранят печать глубокой древности^[199] как память о времени, когда природная среда вокруг их предков была иной. Не только этносы, но и ландшафты имеют историю.

Влияние характера ландшафта на этногенез

Теперь мы можем сформулировать вывод из проделанного анализа: монотонный ландшафтный ареал стабилизирует обитающие в нем этносы, разнородный — стимулирует изменения, ведущие к появлению новых этнических образований.

Но тут возникает вопрос: является ли сочетание ландшафтов причиной

этногенеза или только благоприятным условием? Если бы причина возникновения новых народов лежала в географических условиях, то они, как постоянно действующие, вызывали бы народообразование постоянно, а этого нет. Следовательно, этногенез хотя и обуславливается географическими условиями, но происходит по другим причинам, для вскрытия которых приходится обращаться к другим наукам. Эти проблемы будут разобраны в специальных разделах и в конце концов дадут ответ на основной вопрос: как и почему этносы не похожи друг на друга и какое отношение имеет этногенез к прочим явлениям природы?

Один из моих оппонентов оспаривает мой тезис о том, что возникновение новых этносов приурочено к регионам стыка двух и более ландшафтов, а развитие их беспрепятственно протекало в ландшафтах монотонных.^[200] Но в этом же абзаце он пишет: «Этногенез не локализовался в *каких-то* (подчеркнуто нами. — Л. Г.) немного особых ландшафтах, а фактически шел во всех областях Ойкумены, хотя в ряде случаев природные условия могли *несколько* (подчеркнуто нами. — Л. Г.) ускорять или задерживать ход этнических процессов». Мой оппонент почему-то не замечает допущенного им противоречия, снимающего его возражения. Ведь появление нового этноса, т. е. новой системной целостности, всегда связано с ломкой старых этносов, относящихся к новому как этнические субстраты. Для осуществления этой работы необходим импульс, который либо даст начало новому этническому процессу, либо затухнет вследствие сопротивления среды, и тут упомянутое «несколько» приобретает решающее значение, что и было нами отмечено, а потом будет объяснено.

До сих пор мы говорили о ландшафтах как феноменах девственной природы, хотя твердо знали, что на Земле нет ландшафта, не испытавшего когда-либо воздействия человека. Это упрощение мы ввели сознательно, чтобы прояснить проблему, но искусственные, т. е. урбанистические, ландшафты известны с глубокой древности. В Вавилоне было около миллиона жителей, в Риме — свыше полутора миллионов, в Константинополе — один миллион с лишком. Эти громадные города можно рассматривать как самостоятельные ландшафтные регионы. И они проявляют себя как таковые: на границах города и деревни всегда возникали субэтносы, чаще эфемерные, иногда стойкие, но всегда с оригинальными, неповторимыми стереотипами поведения, обязательными для их членов.

Существует и другой больной вопрос: не является ли наше время — эра технической цивилизации — особой эпохой, к которой неприменимы

закономерности, открытые при изучении истории, а не современности? Этот вопрос уже был поставлен крайне остро и четко: «Осталась ли степь — степью и пустыня — пустыней (в ландшафтном понимании этих терминов? Сильнее всего изменена растительность (в степи земледелием, в пустыне — выпасом, орошаемым земледелием), как следствие этого изменились сток, почвенный покров, процесс эрозии и вся дальнейшая «цепочка» компонентов природных комплексов».^[201]

Действительно, антропогенный фактор ландшафтообразования за последние три тысячи лет приобрел и продолжает приобретать важное место в лике земной поверхности.

Сельское хозяйство изменяет флору и фауну, архитектура становится важным элементом рельефа, сжигание угля и нефти влияет на состав атмосферы. С этой точки зрения Париж должен рассматриваться как антропогенный геохор^[202] в лесной ландшафтной зоне с ускоренным ритмом развития, ибо современный облик этого микрорайона отличается и от вида средневекового замка парижского графа, и от римской Лютеции. Но ведь и непроточное озеро, мелея, быстро превращается в болото, тогда как окружающий его лес за это же время не меняется. Разница между антропогенными и гидрогенными образованиями, как бы она ни была велика, в аспекте естествознания не принципиальна. Но на поставленный нами вопрос: почему и как человек преобразил лик Земли? — констатация сходств и различий ответа не даст. Поэтому продолжим «поиск истины», как древние эллины именовали исторические исследования.

XVI. Становление антропогенных ландшафтов

Развитие общества и изменение ландшафта

Поскольку речь идет о «поведении» особей, входящих в разные этносы, то самое простое — обратить внимание на то, как они воздействуют на те или иные природные ландшафты, в которые их забрасывает историческая судьба. Иными словами, нам надлежит проследить характер и вариации антропогенного фактора ландшафтообразования с учетом уже отмеченного нами деления человечества на этнические коллективы.

Дело не в том, насколько велики изменения, произведенные человеком, и даже не в том, благодетельны они по своим последствиям или губительны, а в том, когда, как и почему они происходят.

Бесспорно, что ландшафт промышленных районов и областей с искусственным орошением изменен больше, чем в степи, тайге, тропическом лесу и пустыне, но если мы попытаемся найти здесь социальную закономерность, то столкнемся с непреодолимыми затруднениями. Земледельческая культура майя в Юкатане была создана в V в. до н. э. при господстве родового строя, пришла в упадок при зарождении классовых отношений и не была восстановлена при владычестве Испании, несмотря на внесение европейской техники и покровительство крещеным индейцам. Хозяйство Египта в период феодализма медленно, но неуклонно приходило в упадок, а в Европе в то же время и при тех же социальных взаимоотношениях имел место небывалый подъем земледелия и ремесел, не говоря о торговле. В плане нашего исследования это означает, что ландшафт в Египте в это время был стабильным, а в Европе преображался радикально. Внесение же антропогенных моментов в рельеф Египта в XIX в. — прорытие Суэцкого канала — связано с проникновением туда европейских народов, французов и англичан, а не с деятельностью аборигенов-феллахов.

В Англии XVI в. «овцы съели людей» при начинающемся капитализме, а в Монголии XIII–XIV вв. овцы «съели» тунгусов-охотников, живших на южных склонах Саян, Хамар-Дабана и на севере Большого Хингана, хотя там даже феодализм был неразвитым. Монгольские овцы съедали траву и выпивали в мелких источниках воду, служившую пищей и питьем для диких копытных. [\[203\]](#) Число последних уменьшалось, а вместе с

тем охотничьи племена лишались привычной пищи, слабели, попадали в зависимость к степнякам-скотоводам и исчезали с этнографической карты Азии. Еще примеры: Азорские острова превращены в голые утесы не испанскими феодалами, которые свирепствовали в Мексике и Нидерландах, а козами; последних же высадили там астурийцы и баски, у которых еще не исчез родовой строй. Бизонов в Америке уничтожили охотники при капитализме, а птицу моа в Новой Зеландии — маорийцы, еще не знавшие классового расслоения; они же акклиматизировали на своих островах американский картофель, а в России для той же цели понадобилась вся военно-бюрократическая машина императрицы Екатерины II. Отсюда следует, что закономерность лежит в другой плоскости.

Поставим вопрос по-иному: не как влияет на природу человечество, а как влияют на нее разные народы в разных фазах своего развития? Этим мы вводим промежуточное звено, которого до сих пор не хватало для учета опосредованного характера этого взаимодействия. Тогда возникает новая опасность: если каждый народ, да еще в каждую эпоху своего существования, влияет на природу по-особому, то обозреть этот калейдоскоп невозможно, и мы рискуем лишиться возможности сделать какие бы то ни было обобщения, а следовательно, и осмыслить исследуемое явление.

Но тут приходят на помощь обычные в естественных науках классификация и систематизация наблюдаемых факторов, что в гуманитарных науках, к сожалению, не всегда находит должное применение. Поэтому, говоря об этносах в их отношении к ландшафту, мы остаемся на фундаменте географического народоведения, не переходя в область гуманитарной этнографии.

Отказавшись от признаков этнической классификации, принятых в гуманитарных науках, — расового, общественного, материальной культуры, религии и т. п., мы должны выбрать исходный принцип и аспект, лежащие в географической науке. Таковым может быть уже описанное явление биоценоза, где характерной особенностью является соразмерность между числом особей во всех формах, составляющих комплекс. Например, количество волков на данном участке зависит от количества зайцев и мышей, а последнее лимитируется количеством травы и воды. Соотношение это обычно колеблется в пределах допуска и нарушается редко и ненадолго.

Казалось бы, эта картина не имеет отношения к человеку, однако не всегда. Ведь есть огромное количество этнических единиц, пусть численно ничтожных, входящих в состав биоценозов на тех или иных биохорах. По

сравнению с этими мелкими народностями или иногда просто племенами современные и исторические цивилизованные этносы — левиафаны, но их мало, и они, как показывает история, не вечны. Вот на этой основе мы и построили нашу первичную классификацию: 1) этносы, входящие в биоценоз, вписывающиеся в ландшафт и ограниченные тем самым в своем размножении; этот способ существования присущ многим видам животных, как бы остановившимся в своем развитии. В зоологии эти группы называются персистентами, и нет никаких оснований не применить этот термин к этносам, застывшим на определенной точке развития; и 2) этносы, интенсивно размножающиеся, расселяющиеся за границы своего биохора и изменяющие свой первичный биоценоз. Второе состояние в аспекте географии называется сукцессией.

Этносы, составляющие первую группу, консервативны и в отношении к природе, и в ряде других закономерностей. Приведем несколько примеров.

Индейцы, народы Сибири и их ландшафты

Большинство североамериканских индейцев Канады и области прерий жили до прихода европейцев в составе биоценозов Северной Америки. Количество людей в племенах определялось количеством оленей, и поскольку при этом условии было необходимо ограничение естественного прироста, то нормой общежития были истребительные межплеменные войны. Целью этих войн не были захват территорий, покорение соседей, экспроприация их имущества, политическое преобладание... Нет! Корни этого порядка уходят в глубокую древность, и биологическое назначение его ясно. Поскольку количество добычи не беспредельно, то важно обеспечить себе и своему потомству фактическую возможность убивать животных, а значит избавиться от соперника. Это не были войны в нашем смысле, это была борьба, поддерживающая определенный биоценоз. При таком подходе к природе, естественно, не могло быть и речи о внесении в нее каких-либо изменений, которые рассматривались как нежелательная порча природы, находящейся, по мнению индейцев, в зените совершенства.

Точно так же вели себя земледельческие племена, так называемые индейцы пуэбло, с той лишь разницей, что мясо диких зверей у них заменял маис. Они не расширяли своих полей, не пытались использовать речную воду для орошения, не совершенствовали свою технику. Они предпочитали ограничить прирост своего населения, предоставляя

болезням уносить слабых детей и тщательно воспитывая крепких, которые потом гибли в стычках с навахами и апачами. Вот и способ хозяйства иной, а отношение к природе то же самое. Остается только непонятным: почему навахи не переняли у индейцев пуэбло навыков земледелия, а те не заимствовали у соседей тактику сокрушительных набегов?

Впрочем, ацтеки, принадлежавшие к группе нагуа, с XI по XIV в. переселились в Мексиканское нагорье и весьма интенсивно изменили его ландшафт и рельеф. Они строили теокалли (вариация рельефа), соорудили акведуки и искусственные озера (техногенная гидрология), сеяли маис, табак, помидоры, картофель и много других полезных растений (флористическая вариация) и разводили кошениль, насекомое, дававшее прекрасный краситель темно-малинового цвета (фаунистическая вариация). Короче говоря, ацтеки изменяли природу в то время, когда апачи и навахи ее охраняли.

Можно было бы предположить, что тут решающую роль играл жаркий климат южной Мексики, хотя он не так уж отличается от климата берегов Рио-Гранде. Однако в самом центре Северной Америки, в долине Огайо, обнаружены грандиозные земляные сооружения — валы, назначение которых было неизвестно самим индейцам.^[204] Очевидно, некогда там тоже жил народ, изменявший природу, и климатические условия ему не мешали, как не мешают они американцам англосаксонского происхождения.

Наряду с этим отметим, что одно из индейских племен — тлинкиты, а также алеуты практиковали рабовладение и работорговлю в широких масштабах. Рабы составляли до трети населения северо-запада Америки, и некоторые тлинкитские богачи имели до 30–40 рабов.

Рабов систематически продавали и покупали, использовали для грязной работы и жертвоприношений при похоронах и обряде инициации; рабыни служили хозяевам наложницами.^[205] Но при всем этом тлинкиты были типичным охотничьим племенем, с примитивным типом присвояющего, а не производящего хозяйства.

Аналогичное положение было в северной Сибири. Народы угорской, тунгусской и палеоазиатской групп по характеру быта и хозяйства являлись как бы фрагментом ландшафта, завершающей составной частью биоценозов. Точнее сказать, они «вписывались» в ландшафт. Некоторое исключение составляли якуты, которые при своем продвижении на север принесли с собой навыки скотоводства, привели лошадей и коров, организовали сенокосы и тем самым внесли изменения в ландшафт и биоценоз долины Лены. Однако эта антропогенная сукцессия повела лишь

к образованию нового биоценоза, который затем поддерживался в стабильном состоянии до прихода русских землепроходцев.

Совершенно иную картину представляет евразийская степь. Казалось бы, здесь, где основой жизни было экстенсивное кочевое скотоводство изменение природы также не должно было бы иметь места. А на самом деле степь покрыта курганами, изменившими ее рельеф, стадами домашних животных, которые вытеснили диких копытных, и с самой глубокой древности в степях, пусть ненадолго, возникали поля проса.^[206] Примитивное земледелие практиковали хунны, тюрки и уйгуры. Здесь видно постоянно возникающее стремление к бережному преобразованию природы. Конечно, в количественном отношении по сравнению с Китаем, Европой, Египтом и Ираном оно ничтожно и даже принципиально отличается от воздействия на природу земледельческих народов тем, что кочевники пытались улучшить существующий ландшафт, а не преобразовать его коренным образом, но все-таки мы должны отнести евразийских кочевников ко второму разряду нашей классификации, так же как мы отнесли туда ацтеков, но не тлинкитов, несмотря на то что классовые отношения у последних были развиты несравненно больше. Какими бы парадоксальными ни представлялись, на первый взгляд, эти выводы, чтобы получить научный результат исследования, мы должны выдержать наш принцип классификации строго последовательно.

Внутренним противоречием, вызвавшим упадок кочевой культуры, был тот же момент, который вначале обеспечил ей прогрессивное развитие, — включение кочевников в геобиоценозы аридной зоны. Численность населения у кочевников определялась количеством пищи, т. е. скота, что, в свою очередь, лимитировалось площадью пастбищных угодий. В рассматриваемый нами период население степных пространств колебалось очень незначительно: от 300–400 тыс. в хуннское время,^[207] до 1300 тыс. человек в эпоху расцвета монгольского улуса^[208] впоследствии эта цифра снизилась, но точных демографических данных для XVI–XVII вв. нет.^[209]

Вопреки распространенному мнению, кочевники куда менее склонны к переселениям, чем земледельцы. В самом деле, земледelec при хорошем урожае получает запас провианта на несколько лет и в весьма портативной форме. Достаточно насыпать в мешки муку, погрузить ее на телеги или лодки и запастись оружием — тогда можно пускаться в далекий путь, будучи уверенным, что ничто, кроме военной силы, его не остановит. Так совершали переселения североамериканские скваттеры и

южноафриканские буры, испанские конкистадоры и русские землепроходцы, арабские воины первых веков хиджры — уроженцы Хиджаса, Йемена и Ирана, и эллины, избороздившие Средиземное море.

Кочевникам же гораздо труднее. Они имеют провиант в живом виде. Овцы и коровы движутся медленно и должны иметь постоянное привычное питание. Даже простая смена подножного корма может вызвать падёж. А без скота кочевник сразу начинает голодать. За счет грабежа побежденной страны можно прокормить бойцов победоносной армии, но не их семьи. Поэтому в далекие походы хунны, тюрки и монголы жен и детей не брали. Кроме того, люди привыкают к окружающей их природе и не стремятся сменить родину на чужбину без достаточных оснований. Да и при необходимости переселиться они выбирают ландшафт, похожий на тот, который они покинули. Поэтому-то и отказались хунны в 202 г. до н. э. от территориальных приобретений в Китае, над армией которого они одержали победу. Мотив был сформулирован так: «Приобретя китайские земли, хунны все равно не смогут на них жить».^[210] И не только в Китай, но даже в Семиречье, где хотя и степь, но система сезонного увлажнения иная, хунны не переселялись до II в. до н. э. А во II–III вв. они покинули родину и заняли берега Хуанхэ, Или, Эмбы, Яика и Нижней Волги. Почему?

Многочисленные и не связанные между собой данные самых разнообразных источников дают основание заключить, что III в. н. э. был весьма засушлив для всей степной зоны Евразии. В северном Китае переход от субтропических джунглей хребта Циньлин до пустынь Ордоса и Гоби идет плавно. Заросли сменяются лугами, луга — степями, степи — полупустынями, и, наконец, воцаряются барханы и утесы Бэйшаня. При повышенном увлажнении эта система сдвигается к северу, при пониженном — к югу, а вместе с ней передвигаются травоядные животные и их пастухи.^[211]

Именно этого передвижения ландшафтов не заметил самый эрудированный историк Востока Р. Груссе. Справедливо полемизируя с попытками увязать большие войны кочевников против Китая с периодами усыхания степей, он пишет, что китайские авторы каждый раз давали этим столкновениям разумные объяснения, исходя из политических ситуаций внутри Китая. По его мнению, вторжения кочевников легче объяснить плохой оборонной линией Китайской стены, нежели климатическими колебаниями в Великой степи.^[212]

Отчасти он прав: крупные военные операции всегда эпизодичны, а успех их зависит от многих причин, где разглядеть роль экономики

натурального хозяйства не всегда возможно. Постоянные набеги кочевников на оседлых земледельцев тоже не показательны, ибо это замаскированная форма межэтнического обмена: в набеге кочевник возвращает себе то, что теряет на базаре из-за своего простодушия и отсутствия хитрости. И то и другое никакого отношения к миграциям не имеет.

Но при более пристальном изучении событий легко выделить постепенные перемещения мирного населения, избегающего конфликтов с оседлыми соседями, но стремящегося напоить свой скот из еще не пересохших ручьев. Похожая ситуация возникла на наших глазах в Сахеле (сухая степь южнее Сахары) и повлекла трагическую дезинтеграцию этноса туарегов, но не войну.^[213] Правда, здесь дело осложнилось тем, что западноевропейский капитал перевел хозяйство туарегов из натурального в товарное, что усилило вытаптывание пастбищ, но с поправкой на это, принцип применим к более древним периодам.

При достаточно подробном изучении событий на северной границе Китая, т. е. в районе Великой стены, мы можем наметить сначала тенденцию к отходу хуннов на севере (II в. до н. э. — I в. н. э.), а потом продвижение их к югу, особенно усилившееся в VI в. н. э. Тогда хунны и сяньбийцы (древние монголы) заселили северные окраины Шэньси и Шаньси даже южнее Стены. Однако во влажные районы Хунани они не проникли.

Весьма важно отметить, что первоначальное проникновение кочевников на юг не было связано с грандиозными войнами. В Китай пришли не завоеватели, а бедняки, просившие разрешения поселиться на берегах рек, чтобы иметь возможность поить скот. Впоследствии завоевание северного Китая произошло, но главным образом за счет того, что китайские землепашцы также постепенно и незаметно покидали свои поля на севере и отходили на юг, где было достаточно дождей. Так кочевники занимали опустевшие поля и превращали их в пастбища.

Но уже в середине IV в. наблюдается обратный процесс. Большая племенная группа теле (телеуты), в которую входили в числе других племен уйгуры, из оазисов Ганьсу перекочевала в Джунгарию и Халху; туда же, тем же путем пришли древние тюрки и создали в VI в. Великий каганат, ограниченный пределами степной зоны.

Что это означает? Только то, что Великая степь опять стала пригодной для кочевого скотоводства. Иными словами, там на месте пустынь восстановились травянистые степи, т. е. зональность сдвинулась к северу. Но если так, то и в северном Китае должен был восстановиться влажный

климат, удобный для китайцев и губительный для кочевников. Значит, перевес в войне должен был оказаться на стороне южан. Да, так оно и было. К началу VI в. кочевая империя Тоба, занимавшая весь бассейн Хуанхэ, превратилась в китайскую империю Вэй, где сяньбийская одежда, манеры и даже язык были запрещены под страхом казни. А вслед за тем природные китайцы истребили членов правивших династий и создали свою империю — Суй, враждебную всему иноземному и весьма агрессивную.

Аналогичные по характеру миграции имели место в то же время и на западной окраине степи. Северные хунны, потерпев сокрушительное поражение от сяньбийцев в 155 г., отошли на запад. Часть их закрепилась в горной области Тарбагатая и впоследствии (при начавшемся увлажнении степи) овладела Семиречьем. Другая группа прикочевала на берега Нижней Волги, где столкнулась с могущественными аланами. Хунны «завоевали аланов, утомив их непрерывной борьбой» (Иордан) и в 370 г. перешли Дон. В это время они были грозной силой, но уже в середине V в. они были разбиты на западе гепидами, а на востоке — болгарами и исчезли. Аборигены восторжествовали над пришельцами.

Следующая волна переселений кочевников наступила в X в. ^[214] Тогда в причерноморских степях появились печенеги, выселившиеся с берегов Аральского моря, тюрки — из современного Казахстана и кыпчаки-половцы — из Барабинской степи. И снова это было не завоевание, а постепенное проникновение небольшими группами, причем стычки и набеги заменили сражения и походы.

Аналогичная ситуация сложилась тогда же на Ближнем Востоке. Карлуки из Джунгарии переселились в Кашгар и Хотан — оазисы, питаемые ледниковыми и грунтовыми водами. Туркмены-сельджуки покинули свои кочевья в Кызылкумах и внедрились в Хорасан. Там они организовались в могучую силу и в 1040 г. разбили регулярную армию Масуда Газневи. Затем они захватили Персию и, победив в 1071 г. византийского императора Романа Диогена, овладели всей Малой Азией и Сирией. И ведь любопытно, что для поселений они выбрали сухие степи и нагорья, напоминавшие ландшафты покинутой родины.

Ничего подобного мы не видим в XIII в., когда монгольские кони донесли своих всадников до джунглей Аннама и Бирмы, долины Иордана и лазурной Адриатики. Никакие переселения не были связаны с этими походами и победами. Монголы вели войны небольшими, мобильными, плохо вооруженными, но прекрасно организованными отрядами. Даже при необходимости дать правителям западных улусов некоторое количество верных войск центральное монгольское правительство выделяло

контингенты из числа покоренных племен. Хулагу-хану были пожалованы найманы, а Батыю — мангыты и чжурчжэни (хины) в количестве нескольких тысяч человек.

Нет никаких оснований связывать походы детей и внуков Чингиса с климатическими колебаниями. Скорее, можно думать, что в степи в это время были оптимальные условия для кочевого скотоводства. Коней для трех армий хватало, поголовье скота после жестокой межплеменной войны 1200–1208 гг. легко восстановилось, население выросло до 1300 тыс. человек. И наоборот, в относительно мирное время XVI в. Монголия потеряла свою самостоятельность, а в XVII в. и независимость.

Причину этого ослабления самой сильной державы тогдашнего мира сообщает китайский географ XVII в.: «Вся Монголия пришла в движение, а монгольские роды и племена рассеялись в поисках за водой и хорошими пастбищами, так что их войска уже не составляют единого целого».^[215] Вот это действительно миграция, но как незаметно для всемирно-исторических масштабов прошло выселение монгольских кочевников из иссыхающей родины в суровые нагорья Тибета, на берега многоводной Волги и в оазисы Туркестана!^[216] Последний осколок кочевой культуры — Ойратский союз — продержался до 1758 г., потому что его хозяйство базировалось на горных пастбищах Алтая и Тарбагатай. Но и он стал жертвой маньчжуров и китайцев.

Итак, за двухтысячелетний период — с III в. до н. э. по XVIII в. н. э. мы отметили три периода усыхания степей, что каждый раз было связано с выселением кочевников к окраинам Великой степи и даже за ее пределы. Эти переселения не носили характера завоеваний. Кочевники передвигались небольшими группами и не ставили себе иных целей, кроме удовлетворения жажды своих животных и собственного голода.

Напротив, при увлажнении степной зоны шло возвращение кочевников в страну отцов, увеличение их четвероногого богатства и связанная с изобилием воинственная политика, причем завоевания совершались из государственных соображений, а вовсе не для приобретения «жизненного пространства». Кочевники уже не просто прозябали, их целью становилось преобладание.

Рассмотрение племен и народностей тропического пояса не принесет нам ничего принципиально нового в сравнении с уже известным материалом, и потому целесообразно обратиться к классическим примерам преобразования природы: Египту, Месопотамии и Китаю. Европу мы пока оставим в стороне, потому что нашей задачей является поиск

закономерности, а ее можно подметить только на законченных процессах.

Древние цивилизации «благодатного полумесяца»

Согласно исследованиям Э. Брукса, во время вюрмского оледенения атлантические циклоны проходили через северную Сахару, Ливан, Месопотамию, Иран и достигали Индии.^[217] Тогда Сахара представляла собой цветущую степь, пересеченную многоводными реками, полную диких животных: слонов, гиппопотамов, диких быков, газелей, пантер, львов и медведей. Изображения этих животных, до сих пор украшающие скалы Сахары и даже Аравии, выполнены представителями современного человека вида *Homo sapiens*. Постепенное усыхание Сахары в конце IV тыс. до н. э., связанное с перенесением направления циклонов на север, привело к тому, что древние обитатели Сахары обратили внимание на болотистую долину Нила, где среди дикорастущих трав по краям долины произрастали «предки» пшеницы и ячменя.^[218] Неолитические племена освоили земледелие, а в эпоху освоения меди предки египтян приступили к систематической обработке земель в пойме Нила.^[219] Процесс закончился объединением Египта под властью фараонов. Эта власть базировалась на огромных ресурсах уже преобразованного ландшафта, который впоследствии принципиальных изменений не претерпевал, за исключением, конечно, архитектурных каналов, плотин, пирамид и храмов, являющихся, с нашей точки зрения, антропогенными формами рельефа. Однако изменения меньшего масштаба, например создание знаменитого Файюмского оазиса при XII династии, имели место до XXI династии, после чего Египет стал ареной иноземных вторжений. Нубийцы, ливийцы, ассирийцы, персы, македоняне, римляне черпали богатства Египта, а сами египтяне превратились в феллахов, упорно поддерживающих биоценоз, созданный их предками.

Сходную картину можно наблюдать в Месопотамии, несмотря на некоторое количество физико-географических отличий. Земли, образовавшиеся из наносов Тигра и Евфрата на окраине Персидского залива, были плодородны, протоки и лагуны изобиловали рыбой и водной птицей, финиковые пальмы росли в диком виде. Но освоение этого первобытного Эдема требовало напряженной работы. Пахотные земли приходилось создавать, «отделяя воду от суши». Болота надо было осушать, пустыню орошать, а реки ограждать дамбами.^[220] Эти работы были произведены предками шумеров, которые были простыми

земледельцами-скотоводами, не имевшими других средств к существованию. Эти люди еще не знали письменности, не строили городов, не имели практически существенного классового разделения,^[221] но видоизменяли ландшафт настолько основательно, что последующие поколения пользовались трудами их рук.

Не следует думать, что примитивные народы имеют преимущество перед цивилизованными в деле преобразования природы. Долина Нила и долина Евфрата преобразовывались снова и снова, пока многие египетские деревни эпохи Древнего царства не оказались под песком пустыни, а шумерские и аккадские — под слоем ила. Бывшие пастбища западнее Евфрата уже во времена Багдадского халифата искрились под лучами зари из-за кристалликов усыпавшей их соли. Первый в Древнем мире город — Вавилон уже в начале н. э. был покинут населением, которому стало не хватать пищи после двадцати веков благоденствия и процветания за счет местных ресурсов. Еще более показательна история мелиорации в Китае, о чем нужно сказать подробнее.

В древнем Китае

В III тыс. до н. э. территория Китая была мало похожа на то, что она представляет ныне: девственные леса и болота, питавшиеся реками, разливающимися в половодье, обширные озера, топкие солонцы и только на возвышенных плоскогорьях — луга и степи. На востоке между низовьями рек в дельтовых равнинах тянулась цепь зыбких почв, а реки И и Хуай пропадали в заболоченной долине нижнего течения Янцзы. «Буйная растительность одевала бассейн реки Вэй-хэ; там поднимались величественные дубы, всюду виднелись группы кипарисов и сосен. В лесах кишели тигры, ирбисы, желтые леопарды, медведи, буйволы и кабаны, вечно были шакалы и волки».^[222]

Но главным врагом людей здесь были реки. В сухое время года они сильно мелели, но стоило пройти дождям в горах, как реки вздувались и выходили из берегов. Следует учесть, что при разливе реки теряют скорость течения и откладываются наносы, причем в Хуанхэ во время паводка содержится до 46 % ила и песка.^[223] Примитивным земледельцам приходилось сооружать дамбы, чтобы спасти свои поля от наводнений; и все же дамбы прорывались в среднем один раз в 2.5 года.^[224] Часть древних обитателей Китая отступила от свирепых вод в горы и продолжала заниматься охотой — там от них и следа не осталось. Другие — «сто

черноголовых семейств», пришедшие в Шаньси с запада, бросились на борьбу с рекой — это были предки китайцев. Им пришлось отказаться от прежней дикой воли и усвоить дисциплину, жесткую организацию и принять деспотические формы правления, но зато природа щедро вознаградила их, предоставив возможности интенсивного размножения и средства для создания оригинальной культуры.^[225] Те же, кто отступил от трудностей земляных работ и угрозы водной стихии в горы, стали предками жунов, да и кянов-тибетцев. Они довольствовались теми плодами природы, добывание которых не требовало изменения ландшафта и рельефа, и поэтому у них не возникало потребности в создании государственной организации. Род занятий, строй жизни и, наконец, их идеология были резко отличны от китайских, и с каждым поколением оба народа отдалялись друг от друга. Кончилась эта рознь непримиримой враждой, определившей направление истории раннего Китая и его соседей.

Теперь наложим факты антропогенного изменения ландшафта на хронологическую канву. Первый этап борьбы с природой имел место около 2278 г. до н. э., когда легендарный предок первой китайской династии Юй провел работы по регулированию русла Хуанхэ, после чего центральная часть северного Китая (Шаньси и часть Шэньси) превратилась в земледельческую страну. Река вела себя спокойно до 602 г. до н. э., т. е. в течение шестнадцати веков.^[226] Исторически это монолитная эпоха древнекитайской культуры, включающая три династии: Ся, Шан-Инь и Чжоу, при которых Китай представлял собою конфедерацию многочисленных княжеств, связанных друг с другом высшим, по тому времени достижением культуры — иероглифической письменностью.^[227] За весь этот период созданный Юем искусственный ландшафт только поддерживался, но когда с 722 г. до н. э. наступила эпоха «Весны и Осени» (условное название эпохи, происходящее от заглавия хроники, в которой она описана), все пошло по-иному. Конфедерация княжеств, представлявшая единое целое под председательством вана (царя), распалась на 124 самостоятельных государства, которые начали усердно поглощать друг друга. Тогда перешли в контрнаступление и горные жуны, и воды Хуанхэ. В результате плохого содержания дамб в 602 г. н. э. произошло первое зарегистрированное изменение течения реки Хуанхэ,^[228] и с тех пор основная работа на реке до XVIII в. заключалась в поддержании дамб и заделке прорывов.^[229] В аспекте, принятом нами, это явление должно рассматриваться как поддержание существующего ландшафта, т. е. мы приходим к парадоксальному выводу — о том, что китайцев следует

зачислить в тот же разряд этносов, что и алгонкинов или эвенков. Однако проверим наш первоначальный вывод.

В IV в. до н. э. железо превратилось в настолько общедоступный товар, что из него стали делать не только мечи, но и лопаты.^[230] Благодаря техническому усовершенствованию в III в. были созданы оросительные системы, из которых наиболее важной была система Вэйбэй, орошавшая 162 тыс. га полей^[231] в северном Шэньси. Благодаря этой ирригационной системе «провинция Шэньси стала плодоносной и не знающей неурожайных годов. Тогда Цинь Ши Хуанди сделался богатым и могущественным и смог подчинить своей власти прочих князей».^[232] Это было знаменитое объединение Китая, закончившееся массовой резней побежденных, закабалением уцелевших, построением Великой китайской стены и истреблением не только ученых и всех книг, кроме технической литературы (под таковыми понимались книги по гаданию, медицине и агрономии), но и всех читателей исторических и философских трактатов, а также любителей поэзии.

И вот тут мы можем поставить вопрос: было ли связано целенаправленное изменение ландшафта с грандиозным человекоубийством или они просто совпали по времени? Или же оба эти явления восходят к одной общей причине? И для решения проблемы проследим историю Китая и историю оросительной сети Вэйбэй дальше.

Народное восстание 206 г. до н. э. ликвидировало режим империи Цинь, и при династии Хань столь больших кровопролитий не происходило. Страна богатела, ибо к прежней житнице в Шаньси на берегах Хуанхэ прибавилась новая — на берегах рек Вэй и Цзин, но тут сказала свое слово природа. Вода для оросительной сети поступала из реки Цзин, которая была преграждена плотиной, однако река углубила свое русло и водоприемник остался на сухом месте. Пришлось прорывать новый канал и строить плотину выше по течению, и в последующие века это повторялось десять раз, что потребовало огромного вложения труда, и все-таки в XVII в. система Вэйбэй была фактически заброшена.^[233]

На протяжении истекших двух тысяч лет развернулась средняя история Китая — его императорский период. В плане этнологии китайцы этого периода относятся к древним китайцам, как итальянцы — к римлянам или французы — к галлам. Иными словами, на берегах Хуанхэ создавался новый народ, который мы называем тем же словом, что и старый. Но не надо переносить дефекты нашей терминологии на предмет исследования, тем более что слово «китайцы» — условный термин,

появившийся в XII в. вследствие развития караванной торговли, и означал он тогда монголоязычное племя, с которым имели дело итальянские и русские купцы. От этого племени название «Китай» перешло на их соседей, называвших себя просто «жители Срединной равнины». Для нашего анализа это важно потому, что общеизвестное слово «Китай» таксономически соответствует таким понятиям, как «Европа» или «Левант» (Ближний Восток), а не таким, как «Франция» или «Болгария». Так вот, с эпохи объединения Китая императором Цинь Ши Хуанди до потери Китаем самостоятельности на территории между Хуанхэ и Янцзы возникли, сформировались и потеряли силу два больших этноса, условно именуемый северокитайским и южнокитайским. Второй также связан с изменением ландшафта, ибо когда древние китайцы (из коих образовались оба средневековых этноса) широкой струей влились в долину Янцзы, то они на месте джунглей устроили рисовые поля. Северные же китайцы на месте сухих степей создали орошенные пашни, и до тех пор пока у них хватило энергии на поддержание оросительной системы, они утверждали себя как самостоятельный народ и отражали, хоть и не всегда удачно, нападения иноземцев. Но в XVII в. ирригация перестала существовать, и в том же веке маньчжуры покорили Китай. Покорению предшествовало грандиозное крестьянское восстание, расшатавшее мощь империи Мин, но поднять крестьян на жестокую войну можно лишь тогда, когда сельское хозяйство находится в упадке. Действительно, потеря богатейших северо-западных пашен, занесенных песком после того, как были заилены каналы, ослабила сопротивляемость Китая и превратила империю Мин из агрессора в жертву.

Возникновения и упадки

Теперь мы можем ответить на поставленные вопросы. Эпохи, в которые земледельческие народы создают искусственные ландшафты, относительно кратковременны. Совпадение их по времени с жестокими войнами не случайно, но, разумеется, мелиорация земель не является поводом к кровопролитию. Утверждать подобное — значило бы идти в направлении географического детерминизма дальше самого Монтескье. Однако в обоих параллельных явлениях есть черточка, которая является общей, — способность этнического коллектива производить экстраординарные усилия. На что эти усилия направлены — другое дело; цель в нашем аспекте не учитывается. Важно лишь, что когда способность к сверхнапряжению слабеет, то созданный ландшафт только

поддерживается, а когда эта способность исчезает — восстанавливается этноландшафтное равновесие, т. е. биоценоз данного биохора. Это бывает всегда и везде, независимо от масштабов произведенных перемен и от характера деятельности, созидательного или хищнического. А если так, то мы натолкнулись на новое, до сих пор неучтенное явление: изменение природы — не результат постоянного воздействия на нее народов, а следствие кратковременных состояний в развитии самих народов, т. е. процессов творческих, тех же самых, которые являются стимулом этногенеза.

Проверим наш вывод на материале древней Европы. На рубеже I и II тыс. до н. э. Западную Европу захватили и населили воинственные народы, умевшие ковать железо: кельты, латины, ахейцы и др. Они создали множество мелких земледельческих общин и, обработав девственную почву, видоизменили ландшафт. Почти тысячу лет в Европе не возникало больших государств, потому что каждое племя умело постоять за себя и завоевание было делом трудным и невыгодным: племена скорее давали себя перебить, чем соглашались подчиниться. Достаточно вспомнить, что ни Спарта, ни Афины не могли добиться власти над Элладой, а латинские и самнитские войны Рима проходили более тяжело, чем все последующие завоевания. В первую половину I тыс. до н. э. парцеллярное земледелие с интенсивной обработкой участков было институтом, поддерживавшим созданный культурный ландшафт. В конце I тыс. до н. э. парцеллы вытесняются латифундиями, где отношение к природе становится хищническим и одновременно возникает возможность завоеваний.

Принято думать, что Рим покорил Средиземноморье и Западную Европу потому, что он «почему-то» усилился. Но ведь тот же результат должен получиться и в том случае, если бы сила Рима осталась прежней, а народы вокруг него ослабели. Да так оно и было, а параллельно с экспансией Рима шло превращение полей в пастбища, потом в пустыни, и, наконец, к V–VI вв. восстановились естественные ландшафты: леса и заросли, кустарников. Тогда сократилась численность населения, и Римская империя пришла в упадок. Весь цикл преобразования ландшафта и этногенеза от сложения этносов до полной их нивеляции занял около 1500 лет.

Новый подъем деятельности человека и одновременно образования средневековых этносов произошел в IX–X вв. и не закончен. Возможно, что для объяснения особенностей этого периода следует ввести дополнительные коррективы в связи с небывалым развитием науки и техники, но этот вопрос следует изучить особо, ибо сейчас нас интересует

правило, а не исключение из него.

А теперь вернемся к индейцам и народам Сибири, потому что мы, наконец, можем ответить на поставленный выше вопрос: почему охотники и земледельцы существуют рядом, не заимствуя друг у друга полезных навыков труда и быта? Ответ напрашивается сам: очевидно, некогда предки тех и других пережили периоды освоения ландшафта и видоизменили его по-разному, потомки же, сохраняя созданный предками статус, оберегают наследие прошлых эпох в виде традиции, которую не умеют и не хотят сломать. И даже когда нашествие англосаксов грозило индейцам физическим истреблением, они мужественно отстаивали свой образ жизни, хотя, отбросив его, имели все шансы смешаться с колонистами и не погибнуть.

Вместе с тем ацтеки, находившиеся в состоянии, которое мы охарактеризовали выше как творческое, не только пережили ужасный разгром, но и нашли в себе силы, чтобы ассимилировать часть завоевателей, и 300 лет спустя свергли испанское господство и основали республику Мексику, где индейский элемент играет первую роль. Конечно, соратники Хуареса не были копией сподвижников Монтесумы, но еще меньше походили они на солдат Кортеса. Мексиканцы — молодой народ, этногенез которого проходил на глазах историков. И этот народ, сложившийся в XVII–XVIII вв., весьма сильно изменил характер ландшафта путем разведения культурных растений и акклиматизации чуждых Америке животных — лошадей и коров.

Этносы, не поддерживающие, «культурный ландшафт», а приспособляющиеся к природному равновесию, принято называть «дикими», что неверно. Отношение их к природе пассивное: они входят в биоценозы как верхнее, завершающее их звено. Отношение этой последней группы этносов к природе удобно принять за исходный уровень отсчета. Если такие этносы оказываются на территории, населенной другим этносом, то они приспособляются к тому, чтобы существовать за его счет. Для них вмещающий этнос становится компонентом кормящего ландшафта. Такая коллизия возникла в недавнее время в Бразилии, где было обнаружено индейское племя каражу, живущее охотой и собирательством. Кинокомпания снарядила туда экспедицию и хорошо заплатила индейцам за работу статистами. Кинореклама привлекала множество туристов, для которых были построены отели и бары. Вокруг расселились обслуга, полиция, врачи и т. п. В результате индейцы привыкли получать бесплатное питание и забыли навыки лесной охоты и собирательства. Они превратились в этнос-паразит, живущий за счет

другого, более многочисленного и богатого этноса, который относится к ним, как к игрушке. Но ведь как только мода на них пройдет и их бросят на произвол судьбы — они вымрут, как погибают выпущенные на волю ручные животные, ибо они не могут выдержать конкуренции диких видов. Закон необратимости эволюции действует и в этнологии.

Периодизация по фазам

Теперь мы можем обобщить наши наблюдения и представить их в виде схемы отношения этноса к природным, т. е. ландшафтным, условиям. По какой-то, пока неясной, причине появившийся на арене истории новый этнос (часто со старым названием) преобразует ландшафт при помощи нового способа адаптации к природным условиям. Это происходит, как правило, в инкубационный период фазы подъема и не фиксируется в исторических источниках (кроме легенд). Историческая, описанная в источниках эпоха включает при отсутствии внешнего смещения следующие фазы этногенеза: 1) явный период фазы подъема, 2) акматическую фазу, когда этнос предельно активен, а давление на ландшафт уменьшено, 3) фазу надлома, когда антропогенное давление максимально и деструктивно, 4) инерционную фазу, в которой идет накопление технических средств и идеологических ценностей; ландшафт в это время поддерживается в том состоянии, в которое он был приведен ранее; 5) фазу обскурации, во время которой нет забот ни о культуре, ни о ландшафте. После этого наступает фаза гомеостаза, когда идет взаимодействие остатков полуистребленного этноса с обедненным ландшафтом, возникшим на обломках погибшего культурного ландшафта, там, где на месте дубов выросли лопухи, среди которых играют в прятки правнуки завоевателей и дети разбойников.

В эту эпоху отношение этноса-персистента к природе становится одновременно потребительским и охранительным. Но, увы, как то, так и другое диктуется традицией, а не волевым сознательным решением. И так до тех пор, пока новый этнос вновь не преобразует ландшафт. Видимо, этногенез — не единое глобальное явление, а множество самостоятельных этногенезов в тех или иных районах.

Как и во всех комплексных природных явлениях, границы фаз в этногенезе не являются «линейными» и абсолютно точными: они в той или иной степени «размыты». Но некоторая неопределенность границ не снижает необходимости при дальнейшем изучении конкретных этногенезов

характеризовать начала и концы фаз определенными историческими вехами, памятуя, однако, что даты этих вех условны и характеризуют лишь типичные переломные моменты.

Но если мы оторвемся от сопоставления этносов с ландшафтами и будем рассматривать их как исторические целостности, то мы обнаружим ту же самую картину постепенной смены фаз, только в другой системе отсчета. Это показывает, что мы на верном пути. Поэтому, забегаая вперед, дадим схему фаз этногенеза, которая в дальнейшем будет очень нужна. И пусть читателя не смущает, что мы пока отвечаем на вопрос «как?», а не «почему?». Описание феномена всегда предшествует его объяснению, если последнее непредвзято, чего следует всемерно избегать.

Итак, вначале протекает инкубационный период формирования этноса, обычно не оставляющий заметных следов в истории. Это «пусковой механизм», не всегда приводящий к возникновению нового этноса, потому что возможен внезапный обрыв процесса посторонней силой. В какой-то момент на исторической арене появляется установимая (исторически) группа людей, или консорция, быстро развивающая и формирующая свое этническое лицо и самосознание («мы и не мы», или «мы и другие»). Наконец, она облекается в соответствующую времени социальную форму и выходит на широкую историческую арену, часто начиная территориальную экспансию. Оформление этносоциальной системы знаменует конец инкубационного периода фазы подъема. Сформировавшийся этнос может либо погибнуть, либо пережить, подобно, например, римскому или византийскому, относительно долгий период перипетий — историческое существование. Этот период, как и в случае с ландшафтами, включает в себя явный пассионарный подъем, акматическую фазу, фазы надлома, инерции и обскурации.

Акматическая фаза особенно часто является весьма пестрой и разнородной по характеру, доминантам и интенсивности протекающих этнических процессов.

Фазы этногенеза, связанные с процессом упрощения этнической системы (надлом, инерция и в меньшей степени обскурация), часто нарушаются обратными процессами этнической регенерации. В этом случае инициативу социального обновления, отвечающего новым потребностям этнической динамики, перехватывают те этнические подсистемы, которые до того были скованы присутствием ведущего субэтноса или этноса. Лишь после того как прежний лидер очистит место, могут проявить себя силы, приостанавливающие процессы этнического упадка.

Сложнее всего исследовать конечные и особенно начальные фазы этногенеза из-за специфики работы хронистов. Если летописцы интересовались тем, как исчез тот или иной могучий народ, и предлагали свои объяснения, пусть даже несовершенные, то первичные проявления этногенеза они, как правило, игнорировали, считая их пустяками, не заслуживающими внимания. Это прекрасно показал Анатолий Франс в знаменитом рассказе «Прокуратор Иудеи» и в диалогах римских мудрецов в книге «На белом камне».

Легко заметить, что для спонтанного развития общества процессы этногенезов являются фоном, ибо они коррелируют друг с другом. Наука история фиксирует именно эту постоянную корреляцию, а для этнологии необходимо сначала провести анализ, т. е. расчленение стимулов природных и социальных, а затем уже возможен синтез, к которому мы стремимся. Но прежде чем достичь этой цели, необходимо преодолеть еще одно препятствие, пожалуй, еще более трудное, чем те, которые остались позади. Климатические изменения в отдельных странах проходят в историческом времени, исчисляясь несколькими столетиями; ландшафт этих стран, естественно, меняется, что всегда отражается на хозяйстве, а тем самым и на жизни этноса. Так не является ли эта динамика природных условий причиной образования новых этносов? Это решение соблазнительно, ибо просто и легко снимает многие сложности. Но все ли?

Зависимость человечества от окружающей его природы, точнее — от географической среды, не оспаривалась никогда, хотя степень этой зависимости расценивалась разными учеными различно. Но в любом случае хозяйственная жизнь народов, населявших и населяющих Землю, тесно связана с ландшафтами и климатом населенных территорий.

Так-то оно так, но и это решение нельзя считать исчерпывающим, ибо оно не отвечает на два «больных» вопроса: 1. Люди умеют приспособливать природные условия к своим потребностям, а создавая антропогенные ландшафты, они тем самым противодействуют нежелательным для них изменениям. Так почему же тогда гибнут многие этносы со своими хозяйственными системами, которые мы именуем «цивилизациями»? А ведь они гибнут на глазах историка. 2. Климатические колебания и связанные с ними процессы могут воздействовать на то, что есть, т. е. на уже существующие этносы. Они могут губить целые популяции, как, например, было в долине низовьев Тигра и Евфрата в XXIV в. до н. э. Это явление природы описано в вавилонской поэме «Энума Элиш» и в древнееврейской «Книге Бытия», причем датировки совпадают.^[234] Они могут вынуждать людей покидать родные земли и

искать пристанища на чужбине, что произошло с монголами в XVI–XVII вв.^[235] Но они бессильны против того, чего еще нет! Они не могут создать новый этнос, который бы сотворил новый искусственный ландшафт. Следовательно, наша задача решена лишь частично, и нам следует вернуться к тому, не как, а кем создается новое месторазвитие, ибо тем самым мы приблизимся к разгадке возникновения этносов.

Но и тут перед нами трудности: если концы и гибели цивилизаций очевидны, то где начальные точки этногенезов? Пусть даже не исходные, если предположить наличие инкубационного периода, но по крайней мере те, от которых можно вести отсчет, причем одинаковые для всех изучаемых процессов. Иначе сопоставления разных этногенезов будут неоправданны.

Но и эта задача поддается решению, так как новые этносы возникают не путем дробления старых, а путем синтеза уже существующих, т. е. этнических субстратов. И возникают эти, этнические группы в строго очерченных географических, регионах в сверхкраткое время, а регионы каждый раз меняются, что исключает воздействие наземных условий, т. е. географический детерминизм, который Э. Семпл определила так: «Человек — продукт земной поверхности».^[236] Не только! Известно и описано влияние на Землю солнечной активности и космического излучения, изредка достигающего поверхности планеты.^[237]

Но ограничим перечисление сомнений и перейдем к описанию феномена.

XVII. Взрывы этногенеза

Взрыв этногенеза в I в. н. э

Если бы этносы были «социальными категориями», то они бы возникали в сходных социальных условиях. А на самом деле, как сейчас будет показано, пусковые моменты этногенезов, там, где можно их проследить на строгом фактическом материале, совпадают по времени и располагаются в регионах, вытянутых либо по меридианам, либо по параллелям, либо под углом к ним, но всегда как сплошная полоса. И вне зависимости от характера ландшафта и занятий населения на такой полосе в определенную эпоху внезапно начинает происходить этническая перестройка — сложение новых этносов из субстратов, т. е. этносов старых. Последние при этом ломаются и разваливаются, а новые развиваются весьма активно.

А рядом с такой полосой — покой, как будто нигде ничего не происходит. Естественно, самоуспокоенные этносы становятся жертвами своих беспокойных соседей. Остается непонятным другое: откуда такая исключительность в положении зон начал этногенезов и почему каждый раз процесс начинается на новом месте? Как будто кто-то хлещет плетью шар земной, а к рубцу приливает кровь — и он воспаляется.

Но прежде чем ответить на поставленный вопрос, посмотрим, как это происходит, чтобы объяснение феномена соответствовало его описанию.

В I в. Римская и Парфянская империи находились в этническом оскудении. Народонаселение сокращалось, добродетель предавалась забвению, ранее широко распространенная культура превращалась в достояние узких специалистов. С этого времени экономика стала строиться на хищническом отношении; к природным богатствам, а площадь запашки уменьшалась. После жестоких потерь в гражданских войнах стало не хватать способных чиновников и офицеров, зато увеличилось количество люмпен-пролетариев. Пьянство и разврат в Риме стали бытовой нормой. Перечисленные явления — суть элементы фазы этногенеза, которую мы смеем называть обскурацией.

Не в лучшем положении германские и сарматские племена, опустившиеся и терявшие былую боевую доблесть. Германик без труда прошел через вражескую территорию от Рейна до Эльбы; завоевание Британии также совершилось поразительно легко. Это тем более странно,

что в III в. до н. э. инициатива этнической агрессии принадлежала на западе кельтам, а на востоке — сарматам. Изучая детали и общий ход компаний Цезаря в Галлии, Помпея — в Сирии, Марка Антония — в Парфии и Клавдия — в Британии, мы видим, что успехи сопутствуют римским орлам только там, где сопротивление исключительно слабо. Парфия была страна бедная, и династия Аршакидов не пользовалась популярностью в Иране, потому что считалась «туранской». И тем не менее она удержала границу по Евфрату. А когда римские legionеры столкнулись с китайскими арбалетчиками у Таласа в 36 г. до н. э., те перестреляли римлян, не потеряв ни одного бойца.^[238] Поэтому можно заключить, что римляне побеждали варваров лишь потому, что варвары слабели быстрее римлян.

Но во II в. процесс всеобщей обскурации был нарушен. На широкой полосе между 20° и 40° восточной долготы началась активная деятельность дотоле инертных народов. Первыми выступили даки, но неудачно; они были начисто перебиты legionерами Траяна. Затем проявили повышенную активность иллирийцы, которые настойчиво пополняли римскую армию и посадили на престол цезарей своих предводителей Северов. Почти весь III в. этот маленький народ был гегемоном Римской империи, но надорвался от перенапряжения, и потомки его превратились в разбойников-арнаутов. Больше повезло готам, быстро покорившим огромную территорию от устьев Вислы до берегов Черного моря и простершим набеги до побережий моря Эгейского. И даже после поражения, нанесенного им гуннами, готы нашли в себе силу для завоевания Италии, Испании и на короткое время господства во Влахернском дворце Константинополя. Судьбу кровавого взлета с готами делили вандалы и анты. Наличие способности к сверхнапряжениям у восточногерманских племен во II–III вв. резко контрастирует с инертностью западных германцев и сарматов-аланов, позволивших небольшой орде гуннов покорить себя.

Но самым важным событием было образование нового этноса, называвшего себя «христианами». У этого этноса принципиально не могло быть единства по происхождению, языку, территории, ибо было сказано: «Несть варвар и скиф, эллин и иудей». В системе Римской империи, где была установлена широкая веротерпимость, христиане были исключением. Разумеется, причиной тому были не догматы, которые к тому же до 325 г. не были установлены, и не правительственный террор, ибо императоры стремились избежать гонений, специальными эдиктами запрещая принимать доносы на христиан, и не классовые различия, потому что христианами становились люди всех классов, а острое ощущение

«чуждости склада» христиан всем остальным. Христианином в I–III вв. становился не каждый, а только тот, который чувствовал себя «в мире» чужим, а в общине — своим. Количество таких людей все время увеличивалось, пока они не начали преобладать в IV в. Тогда Рим превратился в Византию.

Что бы ни было сказано в евангельской доктрине, но в этногенезе ранние христиане показали наличие всех тех качеств, которые необходимы для создания нового этноса и которые можно свести к двум: целенаправленности и способности к сверхнапряжениям. Инерция толчка I в. хватило на полторы тысячи лет, за которые Византия прошла все фазы исторического периода и фазу обскурации, после чего фанариоты^[239] превратились в персистентный этнос, а прочие византийцы были ассимилированы турками и славянами.

На восточной окраине очерченной нами полосы в III в. дал знать о себе новый народ со старым названием персы. К древним персам они относятся, как итальянцы — к римлянам или современные греки — к эллинам. Ахеменидская монархия была историческим завершением длинного периода культурного, общественного и этнического развития классического Ближнего Востока. Македонское вторжение оборвало прямолинейное развитие этой традиции, а парфяне, освободившие Иран от Селевкидов, были для местного населения тоже завоевателями и «чужими». В 226 г. персы создали свое государство и свой оригинальный этнокультурный комплекс, основанный на остроумном соединении конфессионального и племенного принципов. Зороастризм, ставший официальной идеологией, в отличие от христианства был чужд прозелитизму, но этот пробел восполнялся манихейством, гностической системой в иранском преломлении. В отличие от Византии развитие персидской популяции было нарушено вторжением извне, сначала арабским, а потом сельджукским. Последнее собственно персидское государство — Саманидское царство пало в 999 г., и после этого иранская культурная традиция постепенно исчезла, а персидский этнос вошел в систему так называемой мусульманской культуры и снова переоформился, сохранив от древнего стереотипа поведения только название и некоторые черты быта.

Наконец, на западной окраине, в Ютландии, народ англов, также захваченных описанным подъемом, с некоторым опозданием проявил себя, вторгшись в V в. в Британию. Трудно было бы понять, почему малочисленные дружины Генгиста и Горзы оказались вдруг сильнее густого населения этой богатой страны. Экономически и технически саксы и англы были слабее романизированных бриттов, но этнически они были

моложе, и потенция возраста дала им возможность получить перевес в неравной борьбе с кельтами. Исключение составили лишь отсталые районы Британии, где кельтское население не растратило былой воинственности и употребило ее на отражение чужеземцев (Уэльс, Корнуэльс и Шотландия).

Гунны в III–V вв. н. э

Весьма распространено мнение, что Великое переселение народов в Европе произошло вследствие наступления на них кочевых гуннов из Заволжья. Однако ознакомление с датами событий позволяет это мнение отвергнуть полностью.

Хунну — кочевая держава, возникшая в современной Монголии ранее IV в. до н. э. Тюркоязычные хунны, будучи обществом доклассовым, создали державу, основанную на «господстве над народами». Начиная с 209 г. до н. э. по 97 г. до н. э. держава Хунну растет и разбивает лучшие силы могучего Китая, а после этого победившее Хунну неуклонно слабеет, а разбитый Китай без боя становится господином положения, т. е. победа не пошла хуннам впрок.

В I в. н. э. хунны освободились из-под власти Китая, но распались на четыре ветви, одна на коих, наиболее неукротимая и свободолюбивая, отбиваясь от наседавших со всех сторон врагов, в 155–158 гг. скрылась на западе Великой степи, перемешалась с уграми Волго-Уральского междуречья и превратилась за 200 лет в восточноевропейский этнос, который во избежание путаницы принято называть «гуннами».^[240]

За III–IV вв. гунны победили алан, «истомив их бесконечной войной»,^[241] и только в V в. перешли Карпаты и попали в долину Дуная, причем часть их — акациры — осталась в родных степях на Дону и Волге.

Итак, активность гуннов имела место на три века позже, нежели взрыв активности, описанной нами; массового переселения из Азии тоже не было, а была искусная политика опытных вождей, искушенных в дипломатии и стратегии. Готы, по сравнению с гуннами, были легкомысленны и наивны, как дети. Потому они проиграли войну и потеряли прекрасную страну у Черного моря.

Причерноморские степи были во II–IV вв. вторым (после Египта) источником хлеба для Константинополя. Значит, в аланских степях и речных долинах освоили земледелие. Гунны перешли Дон, разгромив алан в 371 г., победили готов при помощи росомонов в конце IV в. и около 420 г. заняли Паннонию. Следовательно, все пребывание гуннской орды в южных

степях укладывается меньше чем в полвека. При этом сами гунны были немногочисленны,^[242] а орудовали они руками тех же покоренных алан, росомонов, антов, остготов и других местных племен. Если бы все жители Восточной Европы были перебиты, то откуда бы гуннам взять людей для войны с Римской империей и Ираном? Правда, оседло-земледельческое хозяйство было гуннским нашествием разрушено, но из этого не следует, что жители лесистых долин Терека и Среднего Дона или тростниковых зарослей дельты Волги не пересидели в своих укрытиях кратковременного передвижения кочевников, тем более что они-то земледелием не занимались, ибо были охотниками и рыболовами. Даже аланы жили в степях Северного Кавказа и Дона до X в., что характеризует стабильность Восточной Европы в то самое время, когда в Центральной Европе шли интенсивные этнические процессы.

Важно также отметить, что успехи гуннов совпали с кульминацией временного усыхания степи,^[243] подорвавшего аланское земледелие и тем самым ослабившего военную силу алан. Гунны же, привыкшие к засушливым условиям, пострадали от засухи меньше, что и обусловило их победу в войне, которая велась ими с 160 по 370 г. без решающих успехов. Но как только засушливое время кончилось, кончилось и преобладание гуннов. В VI в. в степях восстановилось старое соотношение сил, но место гуннов заняли болгары, а место алан — хазары.

И, наконец, самое главное: гунны, как и азиатские хунны, не были молодым народом. Их история последовательно прослеживается от великих реформ их вождя Модэ, захватившего власть путем отцеубийства в 209 г. до н. э.

Обратимся к сравнительному методу: хуннская держава просуществовала от момента основания — 209 г. до н. э. — до момента смещения — 48 г. н. э. — 257 лет. Франция возникла на обломках Каролингской империи в 843 г. 1100 год (843+257) — эпоха самого мрачного феодализма; хунны за тот же срок сделали для культуры больше, чем французы.^[244]

Родовая держава Хунну — не единственный случай в мировой истории, когда доклассовое общество создает мощную организацию. Военные предприятия широкого размаха немыслимы без координации сил, а мы знаем о грандиозных походах, совершенных кельтами в I тыс. до н. э., арийском завоевании Индии во II тыс. до н. э., об образовании державы нагуа в Анауаке в XI в. еще до того, как у них возник институт патриархального рабства,^[245] и, наконец, о державе амазулу в Южной

Африке в XIX в., а также об очень на нее похожем древнетюркском этносе, [\[246\]](#) и даже о дочингисовских монголах в XII в. [\[247\]](#)

Взрыв этногенеза в VI в. н. э

Аналогичными по характеру и результатам были события VII в. в Центральной Аравии. Вокруг пророка Мухаммеда возникла община воинственных последователей, сломившая былые родоплеменные отношения и создавшая новый стереотип поведения. Разрозненные племена бедуинов и йеменцев даже приняли новый этноним — арабы. А у соседних в то время народов — персов, сирийцев и египтян — подобного подъема активности не было.

На той же широте, в долине Инда в то же время сложился новый народ — раджпуты, потомки смешавшихся местных и пришлых этнических элементов. [\[248\]](#) Раджпуты сокрушили наследников деспотии Гупта (после того, как пресеклась династия), буддийскую общину. [\[249\]](#) и всех, кто поддержал старые порядки [\[250\]](#) На развалинах они создали индуистскую теократию и систему мелких княжеств, крайне децентрализованную и только потому не сумевшую дать отпор мусульманскому вторжению, нарушившему прямолинейность инерции этногенеза. Но ведь для нас важен не политический успех изучаемой системы, а наличие этногенетического признака — способности к сверхнапряжениям, которая присутствовала у раджпутов в огромной мере. В известном смысле она-то и определила их поражения в IX в., ибо каждый князек бросался в бой с мусульманами в одиночку и погибал, но не соглашался признать главенство своего соседа. Для активной внешней политики этноса оказывается самым выгодным не высшая, а средняя степень распространения способности к сверхнапряжениям, потому что при ней возможна консолидация сил и координация действий. При дальнейшем ослаблении напряжения в этническом коллективе становится легким управление, но понижается сила сопротивления внешним воздействиям. Так, потомков воинственных ариев — бенгальских индусов англичане не вербовали в свои колониальные войска, ибо те были слишком послушны для того, чтобы быть боеспособными солдатами. Не поддержка тех или иных общественных групп позволила Ост-Индской компании овладеть Индией, а пассивность наиболее многочисленных индийских этносов связала руки тем энергичным раджам и султанам, которые хотели уберечь страну от порабощения. Впрочем, мусульманские завоевания после XI в. проходили

точно так же. Видимо, причиной бед Индии были сами индусы.

Далее на восток тогда же сложился тибетский народ, объединивший дотоле разобщенное тибетское нагорье путем прямого и быстрого завоевания племен Северного Тибета. Предки завоевателей были небольшим племенем на среднем течении Цангпо (Брахмапутры), принявшим в свою среду некоторое количество сяньбийцев, в середине V в. вытесненных из Хэси,^[251] и непальских горцев, так что к VI в. образовалось смешанное в этническом плане население. Оно-то и создало знаменитую Тибетскую империю в VII–IX вв., оспаривавшую у Китая гегемонию в Восточной Азии. И, наконец, в западном Китае в тот же период произошел мощный этнический взрыв, опрокинувший варварскую империю Вэй. В результате этого создались средневековый китайский народ^[252] и историческая традиция независимой империи, прерванная маньчжурским завоеванием XVII в.

Описанные явления этногенеза не только синхронны, но и расположены на одной полосе, осью которой является линия, соединяющая Мекку и Чанъань. Далее на восток эта ось проходит через южную Японию, где тоже произошла этническая консолидация, и теряется в Тихом океане. Продолженная же на запад, она идет через безлюдную Ливийскую пустыню и доходит до западного Судана, где, однако, этногенетические процессы в эту эпоху не зафиксированы. Не правда ли, странно?

Взрыв этногенеза в XI в. н. э

Возникает впечатление, что линейные участки земной поверхности, по которым проходили интенсивные процессы возникновения этносов, не охватывают весь земной шар, а ограничены его кривизной, как будто полоска света упала на школьный глобус и осветила только ту его часть, которая обращена к источнику света. Эта аналогия — скорее иллюстрация. Какова ее содержательная основа — об этом речь впереди; а пока учтем еще один случай, оставив прочие (Европу и Центральную Америку) на потом. Это необходимо для того, чтобы исключить иные, привычные, но не исчерпывающие объяснения.

В XII в. в Восточной Азии одновременно сложились два могучих этноса и одно маленькое племя, погибшее в младенческом возрасте. И на этот раз ареал этногенеза был строго очерчен географически, но не имел касательства к наземным ситуациям: ландшафтным, социальным и культурным.

До начала XII в. население берегов Амура и его притоков — тунгусоязычные чжурчжэни — находилось в состоянии гомеостаза, что проявлялось в социальной примитивности, племенной раздробленности и неспособности отстоять себя от южных агрессивных соседей — киданьской империи Ляо. Чжурчжэни платили киданьским императорам дань соколами, выдрессированными для охоты, а также поставляли рекрутов для несения военной службы.

В таком же положении находились степные племена восточного Забайкалья, суммарно называвшиеся либо «цзубу», либо «да-дань» — татары. Цивилизованные кидани расправлялись с ними так же, как в XIX в. североамериканские колонисты — с индейцами прерий.

Но уже в 1115 г. все изменилось. Чжурчжэни восстали и к 1126 г. сокрушили империю Ляо. Направлением их этногенеза, т. е. этнической доминантой, стала консолидация племени. Это позволило бывшему племенному вождю Агуде создать империю, названную «Золотой».

У кочевников доминанта была иной. Из племен выделились отдельные витязи — «люди длинной воли», которые сначала очень бедствовали, но в конце XII в. обрели вождя по имени Тэмуджин, которого они нарекли Чингисом и избрали ханом. В жестокой гражданской войне «люди длинной воли» сокрушили племенной строй и создали Монгольский улус, в котором побежденные и победители объединились и слились в единый этнос.

Наконец, у южных берегов Байкала проявило себя воинственное племя меркитов. Кто такие меркиты по происхождению — не установлено. Они не монголы и не тюрки, а скорее всего самодийцы, но нам важно не это, а то, что до 1216 г. меркиты оспаривали у монголов гегемонию в Центральной Азии. Следовательно, тут перед нами взрыв этногенеза, аналогичный тем, которые мы рассмотрели выше. Существенно, что ареал этого взрыва этногенеза очерчен столь же четко, как и у предшествовавших ему. Не были затронуты ни эвенки, ни якуты на севере, ни корейцы, китайцы и тангуты на юге. На западе ареал выклинился у южной оконечности Байкала, не коснувшись ойратов и куманов (половцев), живших, подобно монголам, кочевым бытом. Можно думать, что перед нами оконечности ареала, а основная его часть пришлась на территорию Тихого океана. Если так (а для возражений нет оснований), то этногенетические взрывы, или толчки, явление, неотделимое от физической географии. История только фиксирует их, подобно тому как климатолог фиксирует перемещения циклонов и муссонов, а историко-географ — миграции кочевников Евразии. И теперь очевидно, что проявления активности степных и лесных этносов Евразии, не всегда

связанные с климатическими колебаниями, но поражавшие воображение средневековых хронистов, являются результатами взрывов этногенеза. Это, и только это, роднит монгольский взлет с Великим переселением народов, торжеством византийского православия над древнеримским язычеством и проповедью ислама путем священных войн, образованием Тибетского царства, подвигами раджпутов и блеском двора императоров династии Тан. И, видимо, подобные «толчки», или «взрывы», локализованные на определенных территориях, дали начало великим этносам древности, исходные периоды которых не освещены источниками в той степени, как в Средние века.

После того как мы уловили в разнообразных явлениях элемент сходства, объяснить их различия крайне просто. Одинаковые импульсы в разных условиях внешней среды должны проявляться по-разному. Представим себе человека, идущего по горному хребту и толкнувшего ногой камень, который покатился вниз по склону. Иногда этот камень может вызвать лавину, которая погребет под собою несколько поселков, а иногда он застрянет в расщелине или натолкнется на уступ и тут же остановится. Рассчитать путь камня и предсказать его судьбу было бы можно, имея все данные о силе и направлении толчка, а также о всех препятствиях на его дороге, но практически такое количество данных получить невозможно.

Это наглядная иллюстрация судьбы этногенетического толчка, где роль препятствий, изменяющих развитие процесса, играют многие явления: социальные условия, сложившиеся за минувшие века, накопившаяся и унаследованная от предков культура, географическая среда региона, этническое окружение, включая международные связи, политические расчеты и интриги современников. Но все они набирают мощь лишь тогда, когда в этносистему поступает энергия, преобразующая ее и позволяющая совершать великие дела.

Что это за энергия? Определив ее характер, мы решим проблему этногенеза.

Отметим, что, изучая этническую историю, мы видим только общественные отношения и социальные институты. Но это не значит, что наши наблюдения исчерпывают тему. Ведь электричество или теплоту мы обнаруживаем только в проявлениях, видя, например, раскаленную нить в лампочке или ощущая ее нагрев, но это не мешает нам производить обобщение опыта и оперировать умозрительными понятиями. Да ведь и такие понятия, как «жизнь» и «социальная формация», — тоже обобщения многих наблюдений. Очевидно, таков же этнос.

Этнос соотносим с социальными и биологическими категориями так же, как соотносятся длина, вес и температура предмета: и то и другое — параметры процессов разной природы, не сводимых друг к другу. Поскольку мы уже установили, что социальные процессы и этногенезы развиваются параллельно, то необходимо проверить, как взаимодействуют этносы с популяциями — биологическими таксонами того же уровня. Нас ждут не меньшие сюрпризы.

Часть пятая

Природа внутри нас,

*где показано, какая часть человека принадлежит природе, а какая нет,
и какая часть мира за пределами человеческих тел находится вне
природы, а также почему все рассказанное здесь и выше еще не решает
проблемы этногенеза*

XVIII. Этнос и популяция

Этнос — не популяция

Порой обыденные явления дают почву для научных заключений, перспективы которых уходят за пределы школьных представлений. В науке об этносе многое надлежит передумать и от многого привычного отказаться.

Неискушенному читателю может показаться, что этнос уподобляется нами организму с чисто биологическими функциями. Однако сходство здесь внешнее, а различия принципиальны. Этнос устраивает колонии и иногда существует в рассеянии, а рука или ухо, будучи отделены от тела, погибают. Организм обязательно производит себе подобное потомство, а этнос (каждый) неповторим, и традиция не перешагивает за границы суперэтнических целостностей. Организм обязательно рано или поздно гибнет, тогда как есть этносы-персистенты и т. д.

Ни в коем случае нельзя ставить знак равенства между этносом и популяцией, которая (среди животных) может рассматриваться как аналог этноса. Разница тут гораздо глубже, чем сходство. Популяция — это совокупность особей одного вида, населяющая в течение ряда поколений определенную территорию, внутри которой осуществляется свободное скрещивание и которая в то же время отделена от соседних популяций некоторой степенью изоляции. Этнос же, как мы видели, — не совокупность сходных особей, а система, состоящая не только из особей, разнообразных как генетически, так и функционально, но и из продуктов их деятельности в течение многих поколений: техники, антропогенного ландшафта и культурной традиции. Для этносов динамических характерно еще ощущение исторического времени, что фиксируется календарями с разнообразными системами отсчета. Но и отсутствие ощущения исторического времени как этнопсихологической категории у этносов в фазе гомеостаза не дает права рассматривать их только как популяции. Даже статический этнос может довольно свободно, хотя в известных пределах, менять свой ареал, совершая миграции при изменении географической среды в поисках привычных условий. Скрещивание внутри этноса регламентировано либо сословными взаимоотношениями, либо традиционными запретами кровосмешения, либо нормами права и религии. Когда же эти запреты ослабевают, что иной раз случается, то это всегда

симптом приближающегося распада этноса.

И наконец, характер этнической изоляции от соседей не связан с территорией. Если происходит территориальное совмещение двух популяций — они немедленно сливаются в одну, а два или более этносов могут сосуществовать на одной территории веками, образуя либо суперэтнос, либо зону этнического контакта на любом уровне. И наоборот, борьба между этносами — явление частое, хотя и необъяснимое с точки зрения борьбы за существование, ибо эта борьба часто не вызывается перенаселением региона. А борьба между популяциями как дискретными (корпускулярными) системами невозможна, ибо цель особи в популяции — выжить самому и дать потомство.

Стайные, как и стадные, формы существования популяций высших млекопитающих, на первый взгляд, похожи на элементарные этносы. Но это сходство мнимо. Стаи — это семейные ячейки, моногамные, полигамные или сезонные. Они распадаются, как только самец-вожак ослабевает и теряет влияние на собственных детей. Этнос же вырастает из консорции, т. е. группы людей, объединенных общей судьбой. Если это одни мужчины, то они добывают жен на стороне, и семейные отношения возникают во втором-третьем поколении. Семейные связи закрепляют возникающий этнос,^[253] но они не обязательны, ибо наблюдаются случаи широкой экзогамии, особенно явные при комплектовании гаремов.

Итак, этнос — не зоологическая популяция, а системное явление, свойственное только человеку и проявляющее себя через социальные формы, в каждом случае оригинальные, ибо хозяйство страны всегда связано с кормящим ландшафтом, уровнем развития техники и характером производственных отношений. Это, конечно, не значит, что этнолог обязан игнорировать популяционную генетику, но следует помнить, что она отражает только одну, и не главную, сторону изучаемого нами процесса. Поэтому попытаемся извлечь из нее данные, полезные для дальнейшего анализа.

Весьма важно отметить, что каждая популяция включает в себя много разных генотипов. Концентрации генотипов у разных популяций различны, но каждая группа популяций содержит почти все генотипические комбинации, встречающиеся у данного вида.^[254] Однако малочисленные популяции теряют те или иные генотипы, вследствие чего степень их изменчивости сокращается, а способность к адаптации соответственно уменьшается. Это называется вырождением. Согласно принципам популяционной генетики, большинство популяций находится в состоянии

динамического равновесия, различаясь между собою по размерам, структуре и генетическому составу. Нарушение равновесия происходит под давлением факторов эволюции, мутационного процесса, количественных флуктуаций или «волн жизни», нарушения изоляции и естественного отбора. В результате этих воздействий либо возникает экспансия, либо происходит сокращение численности как генотипов, так и целых популяций, а в некоторых случаях мутация или флуктуация приводят к видообразованию.^[255] Поскольку же этнос находится внутри вида, то для его образования достаточно ничтожного (сравнительно с видом) мутационного давления, при наличии относительно небольшой изоляции и малого изменения флуктуаций. Поэтому этносы возникают чаще, чем виды, но и существуют значительно меньшие сроки, благодаря чему эти процессы фиксируются историей.

Мономорфизм

Наблюдая этническую историю, легко заметить, что в кажущемся непрерывным процессе преобразования обнаруживаются периоды стабильности, связанные с достижением этносом максимума адаптации к тем или иным ландшафтам. Это наблюдение совпадает с выводом, сделанным на базе популяционной генетики ихтиологом Ю. П. Алтуховым и антропологом Ю. Г. Рычковым, которые дополнили тезис указанием на «инадаптивность на межвидовом уровне наследственной изменчивости, имеющей приспособительное значение в пределах вида». Отсюда вытекает, что «действительное движение преобразовывается в устойчивость»,^[256] это и поддерживает изоляты неограниченно долго. Но если бы не наблюдалось встречных процессов, пусть не постоянно действующих, то было бы невозможно ни видообразование в мире животных, ни возникновение новых этносов, вытесняющих изоляты. На это авторы предлагают такой, ответ: «Изменение уникальных видовых свойств должно означать в редких случаях рождение нового вида. Но представить это себе можно лишь как единичное событие, сопряженное с репродуктивной изоляцией отдельных особей, а не как постоянный вероятностный процесс, разыгрывающийся на популярном уровне»^[257] Ведь и зачатие детеныша происходит в утробе матери со скоростью света.

Если мы применим этот тезис к этнологии, то это будет концепция эксцесса, т. е. толчка, результаты которого способны проявиться лишь в особо благоприятных условиях повышенной лабильности среды. В иных

ситуациях инерция толчка будет погашена, а «отдельные особи» погибнут от рук соплеменников. И тут безразлично, находится ли этнос, вмещающий в себя этих непохожих людей, в состоянии персистентного покоя — гомеостаза, или он несется потоком этнического становления через все разнообразные фазы. В обоих случаях он погубит тех, кого справедливо (со своей колокольни) будет называть уродами или вырожденками. И все же новые этносы появляются. Значит, существуют такие условия, которые позволяют «отдельным особям» не только выжить, но и победить. Очевидно, это — условия среды, как ландшафтной, так и этнической, под которой понимается, попросту сказать, характер взаимоотношений между соседями изучаемой особи. Но если нам очень трудно проследить биографии древних людей, не успевших проявить себя вследствие зависти, тупости и злобности соплеменников или сограждан, то, перейдя к изучению систем, стоящих на несколько порядков выше, т. е. этносов, мы получим необходимые нам данные, которые позволят нам обосновать концепцию эксцесса как пускового момента этногенеза. И чем выше будет ранг исследуемой системы, тем меньше будет необходимый допуск и величина ошибки. Из всего вышесказанного очевидно, что этносы являются биофизическими реальностями, всегда облеченными в ту или иную социальную оболочку. Следовательно, спор о том, что является первичным при возникновении нового этноса: биологическое или социальное? — подобен спору о том, что первично в яйце: белок или скорлупа? Ясно, что одно невозможно без другого, и поэтому диспут на эту тему беспредметен.

В самом деле, не только внутри больших коллективов — этносов, непосредственно влияющих на земные ландшафты^[258] и, следовательно, существующих не в качестве абстракции, а вполне реально, но и внутри одной человеческой особи наблюдается постоянное сопряжение всех форм движения материи. Если даже считать, что все детали поведения человека диктуются его социальным окружением, то генетический код зародыша — явление биологическое, а пониженное выделение адреналина — химическое. Но ведь и то и другое весьма влияет на характер деятельности человека наряду с социальными факторами.

Говоря о взаимодействии человека с природной средой, любой поверхностный наблюдатель, игнорирующий историю, остается верен принципу упрощения. Очевидным кажется, что там, где имеются благоприятные условия, способствующие быстрому росту производительности труда и росту населения, прогресс человеческого общества шел быстрее, а там, где этого не было, — медленнее. А какие условия считать благоприятными? Климат в Андалусии мягче, чем в

Англии и Кастилии, однако Гранада была завоевана кастильцами в 1492 г., а Англия была царицей морей в течение 500 лет. Условия Норвегии за 2 тыс. лет не менялись, но викинги бороздили волны океана только с IX по XII в. До IX в. Норвегия находилась в состоянии застоя, а после, со времен Кальмарской унии, пала жертвой датской оккупации. Почему?

Все это описание сделано для одной лишь цели: показать, что вспышки этногенеза связаны не с культурой и бытом народов, находящихся в развитии или застое, не с их расовым составом, не с уровнем экономики и техники, не с колебаниями климата, меняющими экологию этноса, а с определенными условиями пространства и времени. Сам по себе ландшафт не порождает новых этносов, потому что они, бывает, не возникают на том или ином, пусть очень удобном, месте целые тысячелетия. Регионы этногенеза все время меняются. То тут, то там начинается интересующий нас процесс — значит, его вызывают не те наземные силы, которые уже были учтены нами, а нечто иное, что нам надлежит найти.

Фон и фактор

Анализ взаимодействия этноса как самостоятельного явления с ландшафтом показал, что они взаимосвязаны, но ни этнос не является постоянно действующим ландшафтообразующим фактором, ни ландшафт без постороннего воздействия не может быть причиной этногенеза. Соотношение же этнических и социальных закономерностей исключает даже обратную связь, потому что этносфера Земли для социального развития является только фоном, а не фактором.

Не только производительные силы и техника имеют свою закономерность развития, но и такие области, как наука и искусство. Начало их лежит в глубокой древности, но преемственность доходит до наших дней и не прервется, пока на Земле останутся люди.

Даже когда возникает протест против традиции, этот протест также традиционен, так как издавна эпохи подражания сменялись периодами поисков нового и оригинального. Однако если этот принцип устойчив, то каждое отдельное творение, будь то изобретение, научное открытие, произведение искусства, ново, ибо точную копию сделать невозможно. Но, может быть, признание вечности принципа развития культуры детерминирует действия этноса? Нет!

Польский писатель и философ С. Лем в специальной работе пишет: «Культура определяется факторами физического, биологического,

социального, техно-экономического характера. Если все эти детерминанты выражены величинами, то равняется ли нулю пространство для «чисто культурной вариации» или все же остается какая-то полоса свободы? Антропологическая компаративистика показывает, что такое пространство существует и в нем проявляется уже чисто культурная изменяемость форм и смыслов». ^[259] Но чем же заполнена «полоса свободы»? Очевидно, действиями особей, обладающих правом и возможностью выбора решений. Пусть так, но для самих действий, являющихся в физическом смысле работой, нужна энергия, преломленная через психофизиологию особи. Итак, если уподобить социальный и биологический аспекты сторонам монеты — орлу и решке, то эта энергия и ее проявления будут самым металлом, на котором отпечатаны те и другие фигуры.

При прямом наблюдении нам доступно лишь описание этих изображений, как, очевидно, не отражающее сущности прикрываемого ими наполнения (например, процентного отношения элементов сплава, из которого отлита монета). Познание же глубинных явлений может быть достигнуто только путем «эмпирического обобщения». Поэтому спор о том, что важнее: орел или решка (в нашем случае «единая» география или всеобъемлющая социология?) беспредметен. Больше того, он не конструктивен, так как в обоих случаях имеет место неосознанное стремление к упрощению задачи, поставленной перед учеными, т. е. некоторая профанация, при которой само исследование теряет смысл, ибо результат его будет заведомо неполон и, значит, неверен. Однако для достижения понимания анализ необходим. Поэтому мы пойдем не путем отбрасывания компонентов явления, не укладывающихся в прокрустово ложе предвзятой идеи, а попытаемся уяснить место и роль каждого из них, что в конце концов приведет к цели исследования — синтезу, после чего станет ясно, что противоречие между социальным, биологическим и географическим подходами мнимо.

Возьмем простейший вариант — одну человеческую особь. Анатомия, физиология и психология в человеке переплетены тесно и так зависят друг от друга, что при нашем анализе нет нужды в расчленении этих сторон человеческого бытия. Ясно, что человек — существо социальное, ибо его личность формируется в непосредственном общении с другими людьми и предметами, созданными руками его предков (техника). Так, а сперматозоид? Это «персона» чисто биологическая, развивающаяся по законам эволюции позвоночных. Однако связь человеческой личности с собственным зародышем несомненна, и, следовательно, само тело человека, включая высшую нервную деятельность (психику), является

лабораторией, где сочетаются общественная и природные формы движения материи.

Но даже выйдя из инкубационного периода и полностью включившись в социальную среду, человеческая особь подчиняется некоторым естественным закономерностям. Периоды полового созревания и старения зависят не от степени социального развития, а от наследственности признаков, выработанных в процессе внутривидовой эволюции: например, у народов тропического пояса половое созревание наступает раньше, чем у северян; быстрота реакции у негроидов выше, чем у европеоидов и монголоидов; сопротивление некоторым болезням, например кори, у полинезийцев ниже, чем у европейцев, и т. д. К социальному развитию эти особенности не имеют никакого отношения, но на поведении людей разных стран сказываются. Происхождение этих различий, бесспорно, связано с адаптацией предков тех или иных популяций в разных географических условиях и образованием этносов, как минувших, так и ныне живущих. Именно накопление признаков, возникших в результате длительных процессов адаптации, создает этническое многообразие при прохождении человечеством одинаковых ступеней развития — общественно-экономических формаций. Но социальными формами не исчерпывается сложность проблемы этногенеза. Ведь тогда этнография была бы просто разделом социологии, а поведение людей, живущих в обществах одной формации, допустим — рабовладельческой, было бы одинаковым. Но китайская античность имеет различия не только с эллинской, но и с японской, индийской или египетской. Социальная схожесть не уничтожает этнической оригинальности.

Комплиментарность

Однако может ли быть допущена идея, согласно которой этнос является величиной биологической? Нет, это тоже не решение, так как этнические процессы протекают в условиях мономорфности вида.

И все-таки некоторые биологические особенности человека, видимо, играют определенную роль. Допустим, что этногенез как глобальное явление — всего лишь частный случай общей эволюции, но эта «частность» крайне важна, ибо, ставя проблему первичного возникновения этнической целостности из особей (людей) смешанного происхождения, разного уровня культуры и различных особенностей, мы вправе спросить себя: а что их влечет друг к другу? Очевидно, что принцип сознательного

расчета и стремления к выгоде отсутствует, так как первое поколение сталкивается с огромными трудностями — необходимостью сломить устоявшиеся взаимоотношения, чтобы на месте их установить новые, отвечающие их запросам. Это дело всегда рискованное, и зачинателям редко удается воспользоваться плодами победы. Также не подходит принцип социальной близости, так как новый этнос уничтожает институты старого. Следовательно, человеку, чтобы войти в новый этнос в момент становления, нужно полностью отречься от привычного старого. Именно так зарождались: на семи холмах волчье племя квиритов, ставших римлянами; конфессиональные общины ранних христиан и мусульман; дружины викингов, оседавшие в Шотландии, Исландии, Нормандии и Англии, а также отбивавшие их феодалы; монголы в XIII в., да и все, кого мы знаем. Уместнее применить другой принцип — комплиментарность, связанный с подсознательной взаимной симпатией особей. На этом принципе заключаются браки по любви, но нельзя ограничивать комплиментарность сферой секса, которая является лишь вариантом проявления этого принципа. В становлении первичного коллектива, зародыша этноса, главную роль играет неосознанная тяга людей определенного склада друг к другу. Такая тяга есть всегда, но когда она усиливается, то для возникновения этнической традиции создается необходимая предпосылка. А вслед за тем возникают социальные институты.

Итак, рождению любой этнической традиции и сопряженного с ней социального института предшествует зародыш — объединение некоторого числа людей, симпатичных друг другу. Начав действовать, они вступают в исторический процесс, сцементированные избранной ими целью и исторической судьбой. Во что бы ни вылилась их судьба, она — «условие, без которого нельзя». Такая группа может стать пиратской бандой флибустьеров, религиозной сектой мормонов, орденом тамплиеров, буддийской общиной монахов, школой импрессионистов и т. п., но то общее, что здесь можно вынести за скобки, — это подсознательное взаимовлечение, пусть даже для того, чтобы вести споры друг с другом. Поэтому такие «зародышевые» объединения выше мы называли консорциями. Не каждая из них выживает; большинство при жизни основателей рассыпается, но те, которым удастся уцелеть, входят в историю общества и немедленно обрastaют социальными формами, часто создавая традицию. Те немногие, чья судьба не обрывается ударами извне, доживают до естественной утраты повышенной активности, но сохраняют инерцию тяги друг к другу, выражающуюся в общих привычках,

мироощущении, вкусах и т. п. Эту фазу комплиментарного объединения мы назвали конвиксией. Она уже не имеет силы воздействия на окружение и подлежит компетенции не социологии, а этнографии, поскольку эту группу объединяет быт. В благоприятных условиях конвиксии устойчивы, но сопротивляемость среде у них стремится к нулю, и они рассыпаются среди окружающих консорций.

Принцип комплиментарности фигурирует и на уровне этноса, причем весьма действенно. Здесь он именуется патриотизмом и находится в компетенции истории, ибо нельзя любить народ, не уважая его предков. Внутриэтническая комплиментарность, как правило, полезна для этноса, являясь мощной охранительной силой. Но иногда она принимает уродливую, негативную форму ненависти ко всему чужому; тогда она именуется шовинизмом.

Комплиментарность на уровне суперэтноса может быть только умозрительной. Обычно она выражается в высокомерии, когда всех чужих и не похожих на себя людей называют «дикарями».

Принцип комплиментарности не относится к числу социальных явлений. Он наблюдается у диких животных, а у домашних известен каждому как в позитивной (привязанность собаки или лошади к хозяину), так и в негативной форме.

Как мы видели, ведущую роль этот принцип играет лишь при отсутствии общественных форм бытия коллектива, но подчиненную он сохраняет и при наличии устойчивых социальных установлений. Это обстоятельство побуждает нас обратиться к биологии человека, к счастью, достаточно разработанной.

Биологические линии исследования

Условимся о терминах. К биологическим дисциплинам относятся не только анатомия и генетика, но и те науки, которые изучают проявления организма, связанные с окружением: рефлексология, экология, биоценология и этология (наука о поведении). Мы полагаем, что не все, связанное с деятельностью организма, является социальным по своей природе. Детенышей воспитывают и обучают, кроме человека, звери и птицы. Все стадные животные имеют систему сигналов, регуляцию половых отношений в стаде и половозрастную специализацию при обороне от врагов. Самцы защищают самок и детенышей. Можно ли назвать этот род взаимоотношений социальным в смысле общественного движения

материи? В принятом в советской науке словоупотреблении — нет, ибо общественное развитие базируется на экономическом и связано с развитием производительных сил. Социальные отношения, таким образом, всегда (сопряжены с той или иной формацией. Это принятая в советской науке терминология, и менять ее — значит запутывать себя и читателя. Но коллективные формы бытования вида были свойственны нашим отдаленным предкам. До того как человек стал животным социальным, он был стадным, что отнюдь не унижает человеческого достоинства.

Воздействие коллектива на физиологию особи ныне изучено достаточно. Даже у мыши можно вызвать гипертонию, если ее дразнить, но вряд ли можно композицию из мыши, лаборанта и экспериментатора назвать социальной в смысле слова, принятом у нас. Правда, за рубежом есть течение «социал-дарвинизма», распространяющее биологические законы на общественную жизнь, но лучше избегать непривычной и ненужной терминологии, которая к тому же для нашего читателя неактуальна.

Чем же поможет в нашей работе биология? Начнем *ab ovo*. Коллективные формы общежития распространены среди многих видов наземных животных: муравейники, стада копытных, стаи и т. д., но каждый вид имеет свой характер образования коллективов. Для вида *Homo sapiens* такой формой является этнос, но это ни в коем случае не значит, что он — аналог муравейника или стада. Как человек отличается от прочих позвоночных, а он отличается радикально, так этносы не похожи на коллективы других животных.

Различий между коллективами животных и этносами очень много, но для целей анализа ограничимся элементарной схемой, нужной нам при разработке проблемы роли культурной традиции. Представим себе племя, имеющее общих предков, живущее на строго очерченной территории и по быту, обычаям, религии и роду занятий четко отличающееся от соседей. В этой ситуации браки чаще будут заключаться между представителями данного этноса, так как нецелесообразно принимать в коллектив лицо, не имеющее навыков труда и быта, необходимых для поддержания семьи в достатке. Другие же навыки, связанные с иными условиями, будут заведомо неприменимы. Культурный облик изолированного этноса без мощного вмешательства посторонних сил (завоевания) относительно стабилен, потому что каждое новое поколение стремится воспроизвести жизненный цикл предшествующего, что и является культурной традицией данного этноса.

Казалось бы, традиция ни в коем случае не может быть отнесена к

биологии, однако механизм взаимодействия между поколениями вскрыт профессором М. Е. Лобашевым именно на основе изучения животных, у которых он обнаружил процессы «сигнальной наследственности»,^[260] что просто-напросто является другим названием традиции. В мире животных индивидуальное приспособление совершается с помощью механизма условного рефлекса, что обеспечивает животному активный выбор оптимальных условий для жизни и самозащиты. Эти условные рефлексы передаются родителями детям или старшими членами стада — младшим, благодаря чему стереотип поведения и является высшей формой адаптации. Это явление у человека именуется преемственностью цивилизации, которую обеспечивает «сигнал сигналов» — речь. В эту преемственность входят навыки быта, приемы мысли, восприятие предметов искусства, обращение со старшими и отношения между полами, обеспечивающие наилучшее приспособление к среде и передающиеся путем сигнальной наследственности. В сочетании с эндогамией, т. е. изоляцией от соседей, стабилизирующей состав генофонда, традиция служит фактором, создающим устойчивость этнического коллектива.

И наконец, немаловажное значение имеют антропогенетика и антропология, рассматривающие популяции вида *Homo sapiens* в биологическом времени, т. е. в смене поколений. Жизнь этноса — это наложение биологического времени на историческое, смены поколений — на цепочки событий в причинной последовательности. Это наложение осуществляется без разрывов каузальной закономерности благодаря сочетанию генетической памяти с исторической преемственностью, вследствие чего этнос существует как целостность.

Однако еще более важно возникновение в популяции признака, названного нами метафорически «фактор икс», так как именно благодаря ему зачинаются процессы этногенеза, впоследствии затухающие. Выявив этот признак, мы решим поставленную проблему, но найти его трудно, и искать надо последовательно.

XIX. Филогенез или отногенез?

Прогресс и эволюция человека

Согласно общепринятой теории эволюции, род *Номо* появился в начале четвертичного периода в нескольких разнообразных формах гоминид, возможно следовавших одна за другой, хотя, может быть, иногда сосуществовавших. Подобно своему предполагаемому предку, австралопитеку, гоминиды были крупными хищниками, не чуждыми каннибализма, и, следовательно, в биоценозах занимали верхнюю экологическую нишу. К концу последнего оледенения все ветви этого рода вымерли, за исключением только одного вида — *Номо sapiens*, т. е. современного человека. Однако последний распространился по всей суше планеты, затем в исторический период освоил поверхность гидросферы и произвел на Земле такие изменения, что ныне всю ландшафтную оболочку Земли справедливо называют антропогенной. За исключением полярных льдов, нет области, где не было бы археологических памятников каменного и железного веков. Мы находим палеологические стоянки в нынешних пустынях и джунглях, неолитические — в современных тундре и тайге. Это указывает на былую заселенность регионов, позже оставленных человеком и вновь осваиваемых ныне с применением машинной техники. Конечно, за истекшие 17–20 тысячелетий климатические условия в разных районах менялись, но остается фактом то, что вид *Номо sapiens* в отличие от других видов позвоночных не ограничился определенным ареалом, а сумел приспособиться к разнообразным природным условиям, что по праву ставит его на особое место в экологии позвоночных.

В XIX и начале XX в. достижения техники позволили хищнически уничтожать запасы природных богатств, и это казалось путем прогресса. Ныне уже не хватает пресной воды для нужд промышленности, флора угнетена, пылевые бури в США мстят за уничтожение биоценозов прерий, воздух в больших городах обеднен кислородом, с лица Земли за последние 300 лет исчезли 110 видов позвоночных животных и под угрозой находятся еще 600 видов. Еще недавно этот процесс был назван ноосферой и победой над природой. Теперь стало ясно, что мы наблюдаем явление совсем иного (не социального) порядка: повышенную адаптивность и агрессивность вида *Номо sapiens*, одного из компонентов биосферы планеты Земля.

И тут встает первый вопрос: насколько укладывается отмеченное нами

явление в рамки эволюции позвоночных, к коим принадлежит и сам *Homo sapiens*? И второй, не менее важный: продолжает ли человек, после того как он создал орудия и научился использовать огонь, оставаться в составе биоценоза как верхнее, завершающее звено или он переходит в какую-то иную сферу взаимоотношений с природой, вовлекая туда же одомашненных животных и культурные растения? Это тем более существенно, что, согласно закону необратимости эволюции, животные и растения, измененные воздействием человека до неузнаваемости, не могут вернуться к самостоятельной жизни, так как за немногими исключениями не в состоянии выдержать конкуренцию с дикими формами.^[261] Таким образом, внутри биосферы создалась особая прослойка. Действуют ли в ней принципы естественного отбора?

Многие сторонники эволюционной теории, включая Ч. Дарвина, считают, что современный человек продолжает подвергаться такому же естественному отбору, который прежде действовал на его предков,^[262] другие сомневаются в этом, приводя следующие основания: «Постепенное ослабление борьбы за существование неминуемо вело к выходу человека из состава биоценоза. Этот медленно протекавший процесс привел к тому, что естественный отбор для человека сначала ослабел, а затем совсем прекратился... Но отсутствие естественного отбора было равносильно прекращению действия одного из факторов эволюции... и биологическая эволюция человека должна была остановиться. Это произошло около 50 тыс. лет назад, когда оформился кроманьонец».^[263]

Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин в 1955 г. писали, что в лице современного человека процесс биологической эволюции создал обладателя таких видовых свойств, которые привели к затуханию эволюции.^[264] Следовательно, как будто можно не сомневаться в том, что эволюционное развитие человека давно остановилось. Но так как модификации внутри вида продолжают, то предмет изучения и при такой постановке проблемы не исчерпан. Однако для продолжения исследования необходимы новый аспект и новая методика, ибо, только описав особенности явления, можно примкнуть к той или другой точке зрения.^[265]

Региональные мутации

Через четыре года после выхода в свет монографии А. П. Быстрова Г. Ф. Дебец опубликовал работу с потрясающим выводом. Массивные в древности кости черепа утончаются (грацилизация), причем это

происходит не постепенно, а рывками, и не глобально, а по широтным зонам.^[266] Так, в субтропической зоне грацилизация черепа произошла в VI тыс. до н. э., а в лесной зоне умеренного климата — в I тыс. до н. э. С этими датами Г. Ф. Дебец сопоставляет даты перехода от охотничьего хозяйства к земледелию, указывая при этом, что «возможно предположение, что переход к земледелию привел к изменению в строении черепа». Впрочем, в равной степени возможно и то, что изменившийся человек обрел новое занятие. Зато вполне справедливо другое его соображение: «...ни сравнительная анатомия, ни этнография не дают нам права считать, что в рамках вида *Homo sapiens* грацильные формы являются более совершенными». Правильно! Однако хорошо известно, что модификация одного признака сказывается не только на анатомии человека, но и на его поведении. Г. Ф. Дебец приходит к выводу, «что дело идет об изменениях, имеющих биологическую сущность». Следовательно, в условиях исторического бытия в человеческих сообществах продолжают протекать биологические процессы, стимулирующие даже изменения скелета. Но тогда должны быть и вариации меньшего диапазона, отражающиеся на физиологии и поведении. Их вскрыть труднее, однако предположение об их наличии, теперь имеющее прецедент, позволяет нам начать поиски фактора человеческой деятельности, действующего наряду с хорошо известным социальным. Может быть, это внутривидовая эволюция, принявшая под воздействием общественного начала своеобразную форму — распространение вида за пределы первоначального ареала? А может быть, и нечто новое, еще подлежащее изучению? Посмотрим.

Основной материал для эволюционной теории дает палеонтология, но надо помнить, что летопись ее неполна и вопрос о происхождении и вымирании видов до сих пор составляет предмет полемики. Особенную трудность представляет неточность хронологии, причем допуск при датировке появления или исчезновения видов превышает иногда миллионы лет. Аналогичные трудности мы встречаем и при изучении некоторых соматических подразделений вида *Homo sapiens*, а именно образование рас первого порядка: европеоидной, монголоидной, австралоидной и негроидной; следовательно, чисто биологический подход к проблеме, даже при ограничении во времени, не дает нам никаких преимуществ. Кроме того, надо отметить, что расовая принадлежность никак не связана с теми повышенными способностями к адаптации, которые позволили человеку изменить лик планеты; и наконец, большие расы являются настолько неопределенными общностями, что в антропологии бытуют различные их классификации по некоторым внешним признакам: пигментация кожи,

строение черепа и т. п. Самое же главное, что подавляющее большинство особей имеет в качестве предков представителей разных рас, если не первого, то второго порядка, а следовательно, реально существующие и непосредственно наблюдаемые сообщества людей всегда гетерогенны. А ведь именно они, известные нам как народности или этносы, являются коллективными формами существования вида *Homo sapiens*, взаимодействующими с ландшафтами населенных ими регионов, т. е. элементарными экологическими внутривидовыми таксонами.

Конверсии биоценоза и сукцессии

Мы уже упоминали, что реликтовый этнос не представляет угрозы ни для соседей, ни для ландшафтов. Теперь попробуем пояснить причину этого несколько подробнее. Если этнос составляет верхнее, завершающее звено геобиоценоза, то он входит и в цикл его конверсии. Последнее понятие нуждается в комментарии.

Поясню. Английский биолог Т. Гексли сформулировал следующий тезис: «Цикл конверсии — это механизм, обеспечивающий циркуляцию энергии среди растений и животных одного местообитания, иначе говоря, это обмен веществ в экологическом сообществе, свойственном данному местообитанию. Для сохранения местообитания необходимо, чтобы циркуляция энергии поддерживалась и усиливалась».^[267] Последнее для нас чрезвычайно существенно. Естественный прирост в реликтовом этносе в прошлом был обычно ограничен высокой детской смертностью, а наибольшие накопления брачной пары к старости обычно достаточны лишь для поддержания этноса в равновесии со средой и являются некоторой страховкой против экзогенных воздействий: войн, эпидемий, стихийных бедствий. На преодоление этих постоянно возникающих трудностей и уходят нормальные усилия изолированного сообщества. Оно всегда лишено агрессивности и не способно к изменению природы. Очевидно, что такой этнос не может быть причиной катаклизмов, которые искажают природу занятых ими регионов.

Но часто возникают иные, диаметрально противоположные коллизии. Ф. Осборн в 1948 г. писал: «История нации (американской) за прошлый век с точки зрения использования природных богатств является беспримерной... фактически это история человеческой энергии, безрассудной и бесконтрольной».^[268] Так, но такова же она и с точки зрения межэтнических конфликтов! Истребление индейцев, работорговля,

захват Техаса в 1836–1848 гг., расправа с франко-индейскими метисами в Канаде в 1885 г., поглощение золотоискателями Калифорнии и Аляски — все эти события совершались неорганизованно и бесконтрольно. Правительства США и Канады затем лишь санкционировали уже имевшие место факты и извлекли из них выгоду.

Но ведь по тому же самому принципу осуществлялось арабское проникновение в Восточную Африку и движение голландских переселенцев в Капскую землю и далее к Оранжевой реке. Тем же способом русские землепроходцы завоевали Сибирь, а китайцы — земли к югу от Янцзы. Не отличаются от описанных явлений эллинская колонизация Средиземноморья и походы викингов. И, по-видимому, такими же по характеру были походы кельтов и захват северной Индии ариями. Следовательно, мы натолкнулись на часто повторяющееся явление перехода этноса или части его в динамическое состояние, когда в огромной степени возрастают его агрессивность и адаптивные способности, позволяющие ему применяться к новым, дотоле непривычным, условиям существования.

Все описанные и аналогичные им действия требуют от их участников колоссальной работы (в физическом смысле), равно мускульной, интеллектуальной и эмоциональной. Любая работа, чтобы быть произведенной, требует затраты соответствующей энергии, которую надо откуда-то почерпнуть. Так какова же эта энергия, явно не электрическая, не механическая, не тепловая, не гравитационная? И откуда берут ее люди, идущие на смертельный риск? Да и нужна ли им такая вредная забава? Но если они тем не менее эту энергию расходуют, чаще погибая, чем выигрывая, то закономерно спросить: не имеет ли описанное явление отношения к «фактору икс», который мы настойчиво ищем? Может быть. Но сначала уточним постановку проблемы.

Антропосукцессии

Не следует распространять отмеченную особенность *некоторых* событий истории на *все* ее явления. Это было бы столь же ошибочно, как и сведение *всех* проявлений человеческой деятельности к общественным началам. «Великое правило... надо различать, а не смешивать, ибо уменьшение разнообразия еще не приводит к истине. К несчастью, посредственные умы склонны к однообразию. Однообразие так удобно! Если оно все искажает, то по крайней мере смело разрешает все

вопросы», — с горечью пишет Опостен Тьерри.^[269] И до чего же он прав! Так нелепо сводить, скажем, Семилетнюю войну или наполеоновское завоевание Пруссии к стихийным процессам. События этого порядка прекрасно объясняются сознательными расчетами политических деятелей, диктуемых им общественным сознанием, а не инстинктами. Это и является критерием классификации, столь же четким, как и психологическая классификация поступков отдельного человека на сознательные и подсознательные. Индикатором здесь является наличие свободы выбора при принятии решения, а следовательно, и морально-юридическая ответственность за свои поступки. В практической деятельности людей эти две линии поведения никогда не смешиваются. Так, влюбленность в юношеском возрасте справедливо считается естественной, а хулиганство и проституция караются как сознательные волеизъявления; потеря волос и зубов в старости не ставится человеку в вину, но не оправдывает, допустим, участия в служебных интригах, хотя последнее в какой-то мере может объясниться наличием склероза. Аналогичный подход к размежеванию разнохарактерных явлений истории может быть осуществлен в научном анализе, что мы уже однажды показали на частном примере разнохарактерности передвижений кочевых народов Евразии в зависимости от степени увлажнения степной зоны.^[270] Теперь мы просто отмечаем, что подобное соотношение имеет место для всего вида *Homo sapiens*.

Переселение народов в привычные условия — это стремление сохранить себя как этническую систему и уберечь от разрушения кормящий ландшафт. Антропосукцессия, т. е. вторжение в области, кои не всегда можно и стоит заселять, но которые можно завоевывать, — это миграция с обратным знаком. И что самое страшное: победители страдают не менее побежденных, ибо для реализации своих успехов они обязаны адаптироваться в новых условиях, а это означает коренную ломку собственной природы. Ясно, что на такую встряску способны лишь молодые, наиболее пластичные и лабильные, т. е. неустойчивые.

Но при начале процесса (сукцессии или агрессии — как угодно читателю) эти элементы играют только подчиненные роли. Для ведущих особей развязывание цепи кровавых событий нецелесообразно и нежелательно. Но так как антропосукцессии все-таки происходят, то, видимо, их причины лежат за пределами того, что контролируемо человеческим сознанием (см. С. 211–212 и 281–284). Но тогда динамика и статика этногенеза равно закономерны, и в них отсутствуют категории вины и ответственности. Нет! Этот тезис не влечет за собою всепрощения!

Отдельные люди, конечно, виноваты в совершаемых ими преступлениях вне зависимости от той или иной фазы этногенеза. Но этнические закономерности стоят на порядок выше, и к ним применимы как статистический закон больших чисел, так и третий закон Ньютона: действие равно противодействию — победители гибнут вместе с побежденными или чуть позже, но не в смысле физической гибели, а в смысле этнической перестройки. Этносы не как змеи: они меняют не кожи, а души.

XX. Когда бессмертие ужасней гибели

Филогенез преобразается в этногенез

Спор о том, что такое человек: зверь или Бог? — волновавший умы романтиков и нигилистов, ныне, к счастью, потерял значение. Стало очевидно, что человек не только животное, но в том числе и животное, и это ничуть не унижает его достоинства. И потому он живет в коллективах — этносах, специфических сообществах. А для нашей темы важно установить место этноса как специфического явления в пределах вида *Homo sapiens*, уяснить, чем поддерживается относительная устойчивость этноса, и понять причины его исчезновения (что проще) и возникновения (вопрос вопросов).

При этом надо констатировать, что именно этнические коллективы приспосабливаются к тем или иным локальным условиям, а стадии развития — формации глобальны, и их связь с географической средой опосредствована мозаичной антропосферой, т. е. этносферой, доступной наблюдениям натуралиста. Встречаясь с большим количеством событий, мы можем группировать их по принципам сходства и причинной последовательности, т. е. применять к историческому материалу методику естественных наук. И тогда мы получаем твердый вывод: этносы возникают и исчезают независимо от наличия тех или иных представлений современников. Значит, этносы — не продукт социального самосознания отдельных людей, хотя и связаны исключительно с формами коллективной деятельности людей... Социальное развитие накладывает свой отпечаток на все другие формы движения материи, поскольку они связаны с людьми. Однако никто никогда не пытался истолковать в социальном аспекте гравитацию или электропроводимость, эпидемии, смерть или наследственность, ибо это область естествознания. Описанные выше «толчки», а также некоторые подобные явления мы вправе рассматривать как антропогенные сукцессии. Но возникающие при этом недоумения и сомнения мы подвергнем анализу несколько позже, когда уясним их причину, т. е. тот самый загадочный «фактор икс». А пока продолжим описание феномена.

На протяжении последних 5 тыс. лет антропогенные изменения ландшафта возникали неоднократно, но с разной интенсивностью и всегда в пределах определенных регионов. При сопоставлении с историей

устанавливается четкая связь между антропогенными изменениями природы и эпохами становления новых этносов.

Как возникновение этноса и перестройка ландшафта согласно его новым устремлениям, так и миграция большого числа людей с оружием и орудиями труда являются работой в физическом смысле; значит, они требуют затраты энергии. Больше того, поддержание этноса как системы также не может обойтись без затраты энергии на преодоление постоянного сопротивления окружения. И даже упадок этноса, т. е. замедление его развития, связан с моментом приложения силы — причины, вызывающей плюс-минус ускорение.

Этот тезис, будучи сформулирован мною,^[271] был поддержан Ю. К. Ефремовым,^[272] а потом — Ю. В. Бромлеем, который приписал авторство Ю. К. Ефремову,^[273] в чем последний, по его искреннему личному заявлению, неповинен. Но еще более удивительно, что Ю. В. Бромлей, признав «роль биоэнергетического источника» в этнических процессах, предполагает, что эта энергия «зависит от конкретно-исторических условий их (этнических общностей) существования». Думается, что закон сохранения энергии в защите не нуждается, и входить в спор по этому поводу неуместно. Но то, что наличие определенного вида энергии для совершения работы, необходимой для этногенеза как процесса, признано, уже хорошо.

Характеристика этой специфической формы энергии содержится в замечательной книге В. И. Вернадского: «Все живое представляет из себя непрерывно изменяющуюся, состоящую из самых разнообразных теснейшим образом между собою связанных живых веществ, совокупность организмов, подверженных эволюционному процессу в течение геологического времени. Это своеобразное динамическое равновесие, стремящееся с ходом времени перейти в статическое равновесие... Чем более длительно его существование, если нет никаких равноценных явлений, действующих в противоположную сторону, тем ближе к нулю будет свободная энергия», т. е. «энергия живого вещества, которая проявляется в сторону, обратную энтропии. Ибо действием живого вещества создается развитие свободной энергии, способной производить работу».^[274] Следовательно, структура и стереотип поведения этноса являются динамическими величинами, что и определяется наличием внутриэтнической эволюции, которая равно не похожа на социальную и биологическую.

Переводя этот вывод на язык этнологии, можно констатировать, что

судьба всех этносов — постепенный переход к этноландшафтному равновесию. Под последним понимается ситуация, при которой этнический коллектив, например племя, входит в биоценоз того или иного региона и прирост населения, ограниченный возможностями биохора, прекращается. В указанном аспекте этносы находят свое место в геобиохимии: стабильное состояние этноса — это тот случай, когда вся энергия, получаемая из природной среды, целиком расходуется на поддержание процессов внутри системы, и выход ее близок к нулю; динамическое состояние — это внезапно возникающая способность к большему захвату энергии и выдаче ее за пределы этнической системы в виде работы. Оно обуславливает постепенную утрату этногенезного признака — способности абсорбировать большее количество энергии и целенаправленно выдавать ее в виде работы, что сопровождается упрощением структуры этноса.

Но ведь каждый реликтовый этнос (персистент) только потому и существует, что он когда-то сложился и, значит, пережил динамическую фазу развития. Следовательно, он является, с одной стороны, кристаллизовавшейся формой протекшего процесса, а с другой — субстратом для возникновения новых этносов. За время своего пребывания в динамическом состоянии любой этнос постоянно проходит через мучительную ломку не только природы захватываемых им регионов, но и собственной физиологии и этологии (поведения), что выражается в приспособлении своего организма к новым условиям. Однако ломки, связанные с переходом в динамическое состояние, возможны не всегда. Как мы видели, они происходят в некоторые относительно редкие эпохи стихийных переселений народов, а затем на долгое время устанавливается традиционная система, фиксируемая на этнографических картах.

Итак, биологическая эволюция внутри вида *Homo sapiens* сохраняется, но приобретает черты, не свойственные прочим видам животных. Филогенез преобразуется в этногенез.

Эволюция и этногенез

Конечно, приравнивать этногенез к филогенезу не следует, так как новые этносы остаются в пределах вида. Отмеченная нами аналогия принципиально неполна и благодаря этому объясняет различие между макро- и микроэволюционными процессами. Но, признавая наличие биологической эволюции современного человека, этнолог не может согласиться с прогнозами наших западных современников о

целенаправленном развитии головного мозга, которое должно изменить весь облик человека.

Дж. Холден нарисовал портрет нового вида гоминида — *Homo sapientissimus*,^[275] очевидно, отдавая дань вкусам своей аудитории, желающей видеть в будущем прогресс, и только прогресс. Но если бы было именно так, то люди, жившие за 2–5 тысячелетий до нас, имели бы заметные соматические различия с нами. Можно вспомнить грацилизацию, открытую Г. Ф. Дебецем, но даже этот сторонник изменчивости рас заявлял: «Отдельные «примитивные» и «прогрессивные» признаки встречаются у всех рас, но ни одна из них не отличается «примитивным» или «прогрессивным» комплексом признаков, если заранее не считать их таковым. Если принять в качестве критерия примитивности череп антропоидной обезьяны или хотя бы неандертальца, то протоевропейский тип энеолитической эпохи Русской равнины по сумме признаков не будет более примитивным, чем тип древних славян или современных украинцев».^[276]

Действительно, развитие человечества пошло по линии расширения ареала и увеличения числа внутривидовых вариаций, т. е. этносов. Часть последних погибает, оставляя потомкам вещественные или литературные памятники, часть остается в виде реликтов, часть исчезла бесследно, но не было случая, чтобы подсознательные действия популяции с единым стереотипом поведения вели к целенаправленным изменениям собственного естества, какие бы условия такому коллективу ни создавались.

Оказывается, иногда люди предпочитают доблестную гибель добровольному самоуродованию ради сохранения жизни, которая в этом случае теряет для них всякую привлекательность. Эта особенность внутривидового психологического стереотипа ограничивает возможности этногенеза как локального процесса и ставит под сомнение аналогию этногенеза с эволюцией.

Как ни странен этот вывод, но он последователен и верен, ибо этнос, обретая социальные формы, создает политические институты, которые не являются природными феноменами. Римляне создали сенат, консулат, трибунат и систему права; франки — феодализм; тюрки VI в. — эль, как сочетание племенных союзов и военных объединений (орды); инки — сложную конструкцию порабощения индейских племен и собственной иерархии и т. д. Но все эти институты были делом рук человеческих и в этом смысле подобны храмам с колоннадами, дворцам, топорам и одеждам,

которые, как уже говорилось, не имея возможности саморазвития, могут только разрушаться от воздействия времени.

Формы, созданные гением и трудом людским, противостоят постепенному исчезновению вещей, но любое достаточно сильное постороннее воздействие может сломать форму и обречь ее содержимое на распад. А после того, как такая трагедия произошла и не последовало немедленной регенерации, этнос превращается в аморфную популяцию, составную часть геобиоценоза. И только новый взрыв этногенеза выведет ее из тупика, заставит перемешаться с соседями и провозгласить новую этническую доминанту. Но тогда это будет уже новый этнос.

Творчество или жизнь?

На первый взгляд, этот жестокий вывод поражает пессимизмом, но это только на первый взгляд. Подумаем, нужна ли людям вечность прозябания, «без божества, без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви»?

Разве не лучшее, что есть в людях, — это способность к творчеству? Но ведь оно влечет за собою невосполнимую затрату жизненной энергии организма человека. А если речь идет о системе высшего порядка — этноса, то и тут закономерность та же самая. Победа над сильным врагом в освободительной или завоевательной войне уносит много героев и заложенные в них гены; однако стоит ли предпочесть такой жертве постыдное рабство? Преобразование ландшафта, открытие новых стран, а в наше время — планет, изнурительная работа в лаборатории или библиотеке, не по обязанности, а по совести, отрывают людей от семьи либо вообще мешают ее созданию. Но ведь мы чтим имена Колумба и Магеллана, Пржевальского и Ливингстона, Эвариста Галуа и Анри Пуанкаре, Огюстена Тьерри и Дмитрия Ивановича Менделеева, сгоревших в работе. А художники? Рембрандт и Ван Гог, Андрей Рублев и Михаил Врубель! И поэты, и композиторы, а уж героев, сражавшихся за Отечество, можно даже не перечислять, так как такие примеры известны каждому. Многие из них не оставили следа в генофонде, но этой жертвой воздвигли здания культуры, поныне восхищающие потомков.

Но ведь некоторые из подобных людей имели семьи, а их дети не проявили талантов родителей. Не противоречит ли это нашему выводу? Разберемся.

Способности сами по себе — еще не все. Для великих свершений нужен запал, толкающий людей на жертвенное служение идеалу, реальному

или мнимому. Именно этот запал можно рассматривать как признак, по-видимому, рецессивный, ибо он передается не всегда. Если бы у персон описанного склада было по сто детей, то, вероятно, можно было бы рассчитать процент, а тем самым вероятность передачи признака. Но, увы, по отношению к человеку способы исследования, годные для гороха и мух, неприменимы. История же располагает материалом, обобщающим характеристики деятельности разных этносов в разные, строго датируемые эпохи. Этническая история и анализ разных этногенезов позволяют установить следующую взаимосвязь: интенсивность этногенеза обратно пропорциональна продолжительности существования этнической системы, которая тем не менее не может существовать бесконечно.

Во-первых, однообразие унылого существования снижает жизненный тонус людей настолько, что возникает склонность к наркотикам и половым извращениям, дабы восполнить образовавшуюся душевную пустоту. А это всегда ослабляет этнос как систему. Во-вторых, устранив из жизни экстремальные генотипы, этнос упрощается за счет снижения разнообразия, а это, в свою очередь, снижает резистентность этнического коллектива в целом. В спокойных условиях это малоощутимо, но при столкновениях с биологической средой, главным образом с соседями, отсутствие активных специализированных и жертвенных элементов ощущается крайне болезненно. Считать этот процесс сознательным, как делает С. М. Широкогоров, полагающий, что этнос стремится к «интеллектуальной нивелировке и сведению к среднему уровню индивидуумов, ушедших вперед, руководствуясь сознанием (или инстинктом) самосохранения»,^[277] вряд ли верно.

Сознательных решений об уничтожении мыслящих и доблестных людей ни один этнос не принимал, а гибли они по логике событий, не контролируемых волей их участников. Так было в императорском Риме, где во время солдатских мятежей жертвой их становились наиболее дисциплинированные центурионы, после чего легионеров легко разбивали варвары; в Византии, где в 1204 и в 1453 гг. население отказывалось выходить на стены и защищать свои дома, предоставляя храбрым защитникам погибнуть без помощи, в Китае XII–XIII вв., где и население, и правительство сдавались чжурчжэням и монголам, и т. д. Но ведь так бывало только в эпохи упадка, когда логика исторических событий по вектору совпадала с биологическим вырождением и социальными кризисами. А так как каждый этногенез заканчивается гибелью системы, то и телеологический принцип представляется абсурдом. Можно стремиться к собственному ужасному концу? Можно лишь мужественно признавать его

неизбежность!

Итак, ни дарвинистские, ни аитидарвинистские, ни новые синтетические концепции эволюции для объяснения этногенеза не подходят. Это естественно, ибо этиология — не биологическая, а географическая наука и, следовательно, имеет свою специфику, хотя и связанную с поведением новых организмов и среды, в которой они обитают.

Мысли С. И. Коржинского

И все-таки есть одна концепция, пригодная для нашего сюжета, разумеется, с поправками и очищением от предвзятости отдельных тезисов.

В 1899 г. С. И. Коржинский выпустил в Петербурге книгу «Гетерогенезис и эволюция». По его мнению, борьба за существование и естественный отбор являются факторами, ограничивающими образование новых форм и пересекающими накопление вариаций, так как способствуют выживанию средних типов, т. е. поддержанию *status quo*. Появление новых форм происходит вследствие редких «скачковых вариаций» в тех или иных географических регионах. Эволюционный процесс приводит к образованию полового барьера (нескрещиваемости) между новой расой и ее родоначальницей и возникновению новых гетерогенных вариаций. ^[278]

Появление новой географической расы рисуется так: «Среди потомства, происходящего от нормальных представителей какого-либо вида или расы и развивающихся при одних и тех же условиях, неожиданно появляются отдельные индивидуумы, более или менее уклоняющиеся от остальных и от родителей. Эти уклонения иногда бывают довольно значительны и выражаются целым рядом признаков, чаще же ограничиваются немногими или даже одним каким-либо отличием. Но замечательно, что эти признаки обладают большим постоянством и неизменно передаются по наследству из поколения в поколение. Таким образом, сразу возникает новая раса, столь же прочная и постоянная, как и те, которые существуют с незапамятных времен».

Видимо, прав К. М. Завадский, отметивший, что гипотеза С. И. Коржинского относится к расо- или видообразованиям, но проходит мимо проблемы целесообразности и не ставит вопроса о связи между видообразованием и адаптациогенезом. Следовательно, эта гипотеза не имеет прямого касательства к эволюции, понимаемой как образование целесообразных признаков. ^[279]

Не берусь судить, насколько правильны выводы С. И. Коржинского в отношении образования видов, но если говорить об этногенезе, процессе, стоящем на несколько порядков ниже, то они применимы целиком: процессы образования этносов — не эволюционные процессы. В этом отличие этногенеза от антропогенеза.

Экссесс и инерция в этногенезе

Концепция гетерогенеза снимает почти все недоумения по поводу характера этногенетических процессов. Естественный отбор стабилизирует этническую систему, что ведет ее к неминуемому упрощению. А это обстоятельство, в свою очередь, говорит о необходимости признания концепции экссесса, т. е. толчков-микромутаций, возникающих время от времени и нарушающих естественный ход изменения энергетического уровня, связанного с возникновением этноса.

Ведь если бы описанные процессы не уравнивались другими, столь же мощными, но имеющими обратный знак, то новые этносы не возникали бы. Тогда человечество еще в палеолите превратилось бы в аморфную массу антропоидов, сходных друг с другом и населяющих один климатический пояс. Эти двуногие хищники размножались бы крайне медленно, ибо их, как и всех других зверей, лимитировало бы количество пищи. И разум был бы им не нужен, так как, достигнув оптимума адаптации к привычным условиям, они не испытывали бы потребности в переменах. Короче, они бы все жили, как нынешние изоляты-персистенты.

А на самом деле время от времени происходят вспышки этногенеза, влекущие за собою расширение ареала и перетасовку многих элементов гиперсистемы, называемой «человечество». И, как было показано выше, эти вспышки необъяснимы социальным развитием, ибо отнюдь не ориентированы на прогресс и столь редко совпадают со сменами формаций, что эти совпадения следует считать случайными. Значит, нужно вернуться к концепции биологической эволюции *Homo sapiens*. Принято считать, что после становления подлинно человеческого общества в верхнем палеолите «отбор как видообразующая сила оказывался преодоленным» и «по сравнению с высоким развитием речи и мышления другие особенности *Homo sapiens* не имели решающего значения, хотя, конечно, не были безразличными». ^[280] Последней оговорки достаточно.

Для того чтобы возник экссесс, не меняющий физиологию и анатомию человека, а только деформирующий стереотип поведения, он не должен

быть сильным. Даже наоборот, только слабый эксцесс оставит нетронутым фон — географический, физиологический и социальный, на котором в этом случае четко обозначатся абрисы нового психологического настроения. И возбудителем такого эксцесса, или толчка, может быть только «фактор икс», уже неоднократно упоминавшийся выше.

XXI. Сумма противоречий

Пока ответ не найден

Стремясь приобрести непротиворечивое объяснение сущности этнических явлений, мы обращались к разным наукам и везде получали кое-какие ответы, но всегда не исчерпывающие. Не то, чтобы эти ответы были нам не нужны, скорее наоборот — они были необходимы, но они освещали те или иные условия этногенеза, а не истинную его причину, которая, по условиям задачи, должна быть инвариантом, т. е. присутствовать всегда и воздействовать на явления однозначно. Поясняю.

Расовое или внутрирасовое смещение этносов путем экзогамии или путем ассимиляции *иногда* порождает новые этносы, *иногда* дает разброс назад к исходным формам, а *иногда* ведет к вырождению популяции вплоть до ее вымирания. Очевидно, в этих процессах сопричастен неучтенный признак, коренным образом смещающий результаты.

Изоляция, осуществляющаяся через эндогамию, *часто* сохраняет этносы, но *иногда* ослабляет их настолько, что они теряют сопротивляемость среде как природной, так и этнической. Тогда этнос исчезает, будучи вытеснен или истреблен соседями.

Адаптация в разнохарактерных ландшафтных условиях *иногда* ведет к этнической дивергенции, а *иногда* не ведет; даже в разных климатических зонах этнос может остаться монолитным, разумеется, на заданном уровне мозаичности.

И наоборот, сходство ландшафтных условий территории, куда два-три этноса заброшены миграциями, *иногда* влечет за собой взаимную ассимиляцию, а *иногда* этносы сосуществуют не сливаясь. И ясно, что причина тут не в природе региона, а в чем-то находящемся в самих этносах, но еще подлежащем раскрытию и описанию.

Сочетание двух и более ландшафтов — обязательное условие для начала локального этногенетического процесса, однако его недостаточно. Этносы в описанных условиях возникают *не всегда*. Значит, следует искать дополнительный фактор.

Распространение единого типа культуры, например религиозной системы, *иногда* ведет к слиянию этносов, а *иногда* ничуть не влияет на самостоятельность этнического развития новообращенных. Равным образом сходство материальной культуры либо сближает народы, либо

толкает их к соперничеству, либо не имеет касательства к их взаимоотношениям. То же самое надо сказать о разделении культурных типов. При появлении новой секты или учения его адепты *иногда* выделяются в особый этнос, а *иногда* остаются в старом, сохраняя свои убеждения. Нетерпимость характерна не для всех эпох и народов.

Сходство социальных условий *может* сопутствовать ассимиляции этносов, но это *не обязательно*. Так же часто случается, что в одном этносе часть людей живет в привычных условиях родового быта, часть — при феодализме, а какая-то группа практикует капиталистические отношения. Это явление известно и называется «многоукладность».

Может быть, глобальный исторический процесс ведет к образованию громадных этнических ценностей? *Иногда* ведет, а *иногда* возникает деление этноса на две-три части, из которых вырастают новые этносы, могущие либо мигрировать, либо сосуществовать на одной территории. Опять возможность, а не закономерность.

Но так как все перечисленные здесь аспекты все-таки имеют значение для прохождения этногенеза в пределах того или иного этноса, то, видимо, правильно будет учитывать их, но *не как факторы, а как параметры*, ибо только путем исключения локальных вариаций можно обнаружить подлинный «фактор икс», единый для всех этногенезов, чтобы, открыв его, разрешить все перечисленные недоумения.

Этногенез и энергия

Общими чертами для этноса как такового, т. е. любого, являются: 1) противопоставление себя всем остальным, следовательно — самоутверждение; 2) мозаичность, вернее — бесконечная делимость, цементируемая системными связями; 3) единообразный процесс развития от пускового момента, через акматическую фазу к рассеянию или превращению в реликт. Поскольку мы установили, что этнос — не «аморфное состояние», не «социальная категория» и не «комплекс общностей языка, экономики, территории и психологического склада», а фаза процесса этногенеза, то ключ к решению задачи лежит именно в третьей обязательной особенности.

Сделаем вывод, который напрашивается сам. Как для пускового момента, так и для достижения акматической фазы, а равно и для регенерации требуется способность возникшей популяции к сверхнапряжениям, которые проявляются либо в преобразовании природы,

либо в миграциях и т. д. Это и есть искомый «фактор икс»! Почти все известные нам этносы сгруппированы в своеобразные конструкции — суперэтнические целостности. Распространение этносов связано с местом их возникновения, с миграциями, с победами и поражениями в борьбе с природными катаклизмами и соседями, а для того чтобы не погибнуть, ординарных напряжений недостаточно. Любое агрегатное состояние среды инертно, и для того чтобы нарушить его, требуется дополнительная затрата энергии, аналогичная «скрытой теплоте» плавления или парообразования. Но после того как сверхусилие сделано, начинается инерционный процесс, затухающий лишь вследствие сопротивления среды.

Этнических «состояний» нам известно два: гомеостатическое, где жизненный цикл повторяется в поколениях, и динамическое, где этнос проходит указанные выше фазы развития, имея в пределе гомеостаз. Движение наблюдается в обоих случаях, но в первом его можно метафорически назвать вращательным, а во втором — колебательным, причем интенсивность измеряется амплитудой. Поступательным движением является социальный прогресс, но мы уже показали его отличие от этногенеза.

На вопрос: что движется? — отвечаем: этническая система, находящаяся в составе биосферы Земли. На вопрос: куда движемся? — отвечаем: никуда, ибо при колебательном движении понятия «вперед» и «назад» неприменимы.^[281] На вопрос: можно ли найти для этногенеза математические выражения, которые бы весьма облегчили анализ? — ответить одним словом нельзя. Попробуем пояснить подробно.

При постановке какой-либо задачи в отношении этиологических проблем мы испытываем те же трудности, что и при попытке решить средствами современной вычислительной техники какую-либо техническую задачу, сформулированную в неявном виде. И там, и здесь численные методы не годятся. Однако как здесь, так и там решение можно получить, применив известные методы моделирования. Создается модель процесса, отражающая совокупность наших взглядов на этот процесс, и корректируется на достоверных фактах. Затем эта модель используется как для идентификации остального множества фактов и событий, так и для прогнозирующего заключения о характеристиках будущего или неизвестного нам в прошлом состояния процесса. Каждое решение, признанное нами правильным на основе эвристической оценки, в результате подтверждения новыми целенаправленно найденными факторами (правдоподобное решение известно) уточняет и развивает модель.

И наконец, мы знаем, что все существующие ныне этносы создались относительно недавно, из древних уцелели редкие реликты, а из первобытных не осталось ни одного. Это показывает, что этногенез — постоянно идущий процесс, подобный другим явлениям природы, хотя и коррелирующийся с социогенезом, порождающим системы жесткого типа.

Мы уже говорили, что любая перестройка системы того или другого типа требует совершения работы, т. е. затрат энергии. Разумеется, эта энергия не является ни электромагнитной, ни тепловой, ни гравитационной, ни только механической. Толчками, взрывами этой энергии обуславливаются и антропогенные сукцессии, затухающие вследствие сопротивления природной среды.^[282]

Дискретность этнической истории

Дискретность некоторых процессов истории отмечали еще историки древности. Сыма Цянь сформулировал этот закон предельно лаконично: «Путь трех царств кончился и снова начался».^[283] Эта идея присутствует у многих историков, начиная с Ибн Халдуна и Джамбаттисты Вико до О. Шпенглера и А. Тойнби. Она неверна, если прилагать ее к социальной истории человечества, неточна — при разработке истории отдельных государств, но применима — при изучении процессов этногенеза, разумеется, с существенными поправками.

Во-первых, «конец» не всегда знаменует появление «начала». Этносы и суперэтнические культуры возникают не только тогда, когда кончается предшествующий цикл развития, а иногда через значительный промежуток времени после его конца. Стремление усмотреть строгий ритм не подтверждается фактами. Так, византийский этнос возник в эпоху расцвета эллино-римского, и несколько веков они сосуществовали. Мусульманский суперэтнос заставил потесниться и византийский, и романо-германский, одновременно поглотив среднеперсидский (сасанидский Иран и Согдиану). А между хуннами и тюрками, тюрками и монголами лежали века безвременья, когда степь заселяли реликтовые этносы. Видимо, дело обстоит сложнее, или, скорее, причина этногенеза не в ритме истории этносов.

Во-вторых, обычное деление процесса на три стадии — подъем, расцвет и упадок — не отвечает на простой вопрос: подъем или упадок чего? Уровень жизни колеблется независимо от этих стадий, расцветы культуры не совпадают с благоприятной экономической или политической

конъюнктурой, мощь государства — не всегда показатель легкой жизни: при Наполеоне французам было очень тяжело — не было ни сахара, ни кофе, ни шерстяных тканей. Короче говоря, качественные оценки неизбежно субъективны и не могут приниматься в расчет при описании явлений природы, к коим относится этногенез.

И, наконец, где граница между социальным и биологическим и в отдельном человеке, и в общественном коллективе? Она лежит, с одной стороны, внутри человеческого тела, а с другой — далеко за его пределами. Анатомия, физиология, рефлексология, генетический код — все это не социально, а биологично, биохимично и даже биофизично. И наоборот, характер развития государственных отношений, политические запросы, этические и эстетические идеалы несводимы к биологическим и географическим факторам, но являются плодом общественного развития. Сочетание изучения этих двух линий развития позволяет воссоздать историю отдельных этносов, а если к этому присовокупить историю ландшафтов и историю культуры, то это будет уже этническая история.

Где же «фактор икс»?

И вот теперь, когда явление этногенеза описано в разных аспектах, можно поставить вопрос: что же является причиной возникновения этих инерционных процессов? Так как никакое действие не может произойти без приложения силы, то, очевидно, следует искать тот вид энергии, который непосредственно воздействует на поведение людей, и тот эффект этой энергии, который можно обнаружить в психике человека. Это должен быть импульс, достаточно мощный для того, чтобы преодолеть свойственный любому организму инстинкт личного и даже видового самосохранения, т. е. выражается он как жертвенность, простирающаяся даже на собственное потомство, чего не наблюдается ни у одного из видов животных. Но ведь у животных зато и этносов нет; сообщества их лишены общественной формы движения материи и саморазвивающихся институтов. Следовательно, интересующий нас «фактор икс» проецируется в сферу человеческой психики. ^[284]

При поисках фактора, порождающего и разрушающего этносы, надо помнить, что действует он на фоне: 1) меняющейся географической среды; 2) эволюционных процессов общественного развития; 3) исторических перипетий; 4) роста или упадка культуры. Разумеется, при изучении любого из перечисленных предметов в число фоновых попадает этногенез.

Следовательно, не сумма наук, а их система, определяемая поставленной задачей, является ключом к решению любой поставленной проблемы, т. е. научному синтезу. Именно поэтому изложению главного сюжета предпослано длинное описание феномена этноса и его взаимодействий с природой, обществом и традициями культуры, унаследованными от далекого прошлого.

Вполне очевидно, что все попытки обнаружить этот «фактор икс» путем анализа поведения отдельных людей обречены на неудачу. Прежде всего в единичных случаях мы никогда не можем отличить частное и случайное от общевидового и закономерного. Но как только вступает в силу статистический закон больших чисел, мелкие отклонения от закономерности взаимно компенсируются и обнаруживаются системы связей с допустимыми плюс-минус уклонениями, отнюдь не искажающими картину. Однако отдельные примеры обладают наглядностью, необходимой для уяснения принципа, и поэтому мы не будем ими пренебрегать. Но следует помнить, что, как бы ни были нужны иллюстрации, они никогда не заменяют смысла.

Клио против Сатурна

А теперь поговорим об истории, ибо есть что сказать. Не только в скептический XIX в. профаны называли историю праздной забавой, развлекательным чтением, причудой богатых бездельников, способом пропаганды или даже «политикой, обращенной в прошлое». Недавно была сделана попытка понять историю как функцию времени, которое якобы в своем течении выделяет энергию, потребную для великих, да и малых свершений.^[285] Но и эта концепция несостоятельна, ибо исторические процессы, действительно идущие по ходу времени, энтропийны и инерционны, а следовательно, возникают не благодаря Хроносу, пожиравшему своих детей, а вопреки ему.

Но если это так, то наука история — это борьба со временем, которое эллины персонифицировали в страшное божество — Сатурна, оскотившего собственного отца Урана и ниспровергнутого владыкой молний — Зевсом. Да, но ведь молнии — это энергия, на нашем языке — антиэнтропийные импульсы, которые при своем возникновении нарушают процессы гибели — энтропию Вселенной. Сила — причина, вызывающая ускорение, — спасает Космос от превращения его в Хаос, и имя этой силе — Жизнь.

Но в вечной войне первозданных стихий слуги Сатурна — гиганты

или асуры (санскр.) ничего не теряют, ибо им нечего терять. Хронос ежесекундно преобразует их облик, а тем самым лишает их личных качеств и свойств. Но паладины Космоса — упорядоченной Вселенной по природе своей таковы, что обретают формы, а следовательно, и личность, в каждом случае неповторимую. И в борьбе с Хаосом они встречают свою смерть, которую В. И. Вернадский рассматривал как отделение пространства от времени.^[286]

Для тех, кто умер, будь то микроб или баобаб, человек или зародыш, время исчезает, но все организмы биосферы связаны друг с другом. И уход одного — это потеря для многих, потому что это победа извечного врага жизни — Хроноса. Примириться с потерей — это значит сдать позиции, и против Смерти встает Память — преграда энтропии уже не бытия, а сознания. Именно память делит время на прошлое, настоящее и будущее, из которых реально только прошлое.

В самом деле, настоящее — только момент, мгновенно становящийся прошлым. Будущего нет, ибо не совершены поступки, определяющие те или иные последствия, и неизвестно, будут ли они совершены. Грядущее можно рассчитать только статистически, с допуском, лишаящим практической ценности. А прошлое существует; и все, что существует, — прошлое, так как любое свершение тут же становится прошлым. Вот почему наука история изучает единственную реальность, существующую вне нас и помимо нас.^[287]

Говорят, и не только профаны, что знание прошлого для нашей практической жизни бесполезно. В древности такие люди ходили к ворожеям и астрологам гадать о будущем. И те гадали, подчас удивительно верно. Но как гадалки добивались успеха? Изучая прошлое, проверяя возможные варианты и уточняя прогнозы, потому что число вариантов в данной ситуации всегда ограничено. Так хороший шахматист рассчитывает партию на много ходов вперед благодаря тому, что он не пожалел сил на изучение сотен этюдов и партий, игравшихся задолго до его рождения. История шахматной игры позволяет ему строить наиболее вероятные, а потому практически верные прогнозы, а затем выигрывать в турнирах и матчах. Знаемое прошлое воплощается в настоящее, т. е. в успех.

Каждый опыт физика или химика, наблюдение геолога или ботаника, соображение теоретика или подсчет экономиста, будучи записаны, превращаются в исторический источник, т. е. фиксированное прошлое, которое позволяет нам, при умелом обращении, находить оптимальные варианты поведения для достижения целей, находящихся в призрачном

будущем.

И наконец, разве понимание себя и своего места в мире — только средство для добывания денег? Нет, для многих достойных уважения людей — это цель! Разве благодарность предкам, построившим города, в которых мы живем, открывшим новые страны, куда мы теперь запросто ездим, создавшим картины, которыми мы любимся, и написавшим книги, по которым мы учимся, — не долг каждого, кто не потерял человеческих чувств? Разве восхищение героями прошлого, отдавшими жизнь ради своих потомков, — предрассудок? Нет! Слава истории!

Но история — это поиск истины, ибо сведения древних источников забрызганы ложью, как зловонной грязью. Прошлое тогда перестает быть реальным, когда его подменяют вымыслом, или искажают неполной передачей, или отягощают ненужной мишурой бессмысленных подробностей. Отец лжи нашептывает доверчивым невеждам, что в истории нет правды, а только личные восприятия,^[288] что ее явления — не цепь событий, каузально связанных между собой, а бессмысленный калейдоскоп, запомнить который невозможно,^[289] что тексты следует понимать буквально,^[290] как будто хронист писал их не для современников, а для потомков, и, наконец, что все миграции этносов, их взлеты и падения, их слава и гибель — это игра лунного света на ряби озерной воды.^[291] Ведь если это так, то учить историю незачем, и бывшее, исчезая из памяти, становится не бывшим, а Хаос занимает место Космоса.

Помнится, в конце VIII в. в Тибете буддийские проповедники, сторонники Махаяны, учили, что мир — иллюзия, спасение — погружение в нирвану, а путь к ней — неделание поступков ни злых, ни добрых, ибо «черные тучи и белые облака одинаково закрывают от нас солнце». На это тибетский шен, жрец религии бон, обратившись к народу, сказал: «Не слушайте болтовню махаянистов: вам сердце подскажет, где черное, а где белое». Очевидность и интуиция лежат на границе науки и искусства. Вот потому-то у истории есть своя муза — Клио.

Нет, речь идет не о праве на беспочвенные, почти всегда вздорные заявления, будто бы подсказанные интуицией, или очевидные, как вращение Солнца вокруг Земли. Обман возможен и тогда, когда он опирается на самообман. Клио помогает своим почитателям в другом, гораздо более важном: находить доказательства правильных тезисов, раскрывать ошибки в сборе первичных данных и улавливать нарушения логических построений. Это все как будто просто, но на самом деле каждое, даже маленькое приближение к исторической истине — подвиг.

Самые на вид простенькие обобщения требуют такого душевного подъема и накала чувств, при которых мысль плавится и принимает форму, сначала поражающую, а потом убеждающую искреннего читателя. И дело не в том, каким ходом мысли или подбором аргументов доказан тезис; это кухня научного ремесла, знать которое, конечно, надо, но одного знания мало. Главный вопрос в том, почему иногда удается найти и доказать новый тезис? Это таинство психологии творчества, которое древние греки приписывали музе истории — Клио.

Однако поэт однажды произнес: «Но что нам делать с ужасом, который был бегом времени когда-то наречен?» Коса Сатурна срезает любые личные проявления жизни, хотя и не трогает закономерность социально-экономических формаций. Только они идут по пути прогресса, а все неповторимое и прекрасное, что было в прошлых веках, — утраты. Вот почему этногенез — не эволюция, а список потерь, уменьшаемый постоянным вмешательством Клио. Ибо даже погибшее, но уцелевшее в памяти — не мертво.

Но Клио умеет не только хранить остатки былого, засыпанные прахом Времени и овеванные пеплом лжи. Она может отнимать у этих хищников добычу и делает это на наших глазах и нашими руками. Найдены развалины Трои, раскопана Вавилонская башня, спасены сокровища гробницы Тутанхамона, прочтены иероглифы майя, раскрыта подделка летописи, совершенная Иваном Грозным, и снята черная легенда о монголах. Список воскрешений, пусть не личностей, но их великих дел можно длить без конца, ибо то там, то тут совершаются великие и малые открытия.

Разве это не победа над Сатурном? Разве это не воскрешение этносов-предков?

И теперь можно поставить главный вопрос: почему возникают этносы и почему конец их неизбежен?

Часть шестая

Пассионарность в этногенезе,

посвященная описанию признака, без которого не начинаются и не идут процессы этногенеза, а также посвященная характеристике его значения для систем и степени их энергетического наполнения как меры активности и сопротивляемости внешним воздействиям

XXII. Этногенный признак, или «фактор икс»

Вот он, «фактор икс»!

А теперь прошу читателя принять мои извинения за то, что я так долго бродил вместе с ним через «дебри и пустыни» сюжетов географических, биологических, этнографических, а не сказал прямо, в чем секрет. Ведь читатель просто мне не поверил бы! Он сказал бы: «Но это же вполне ясно. Этнос определяется языком, расой, географической средой, социальными отношениями, самосознанием, процессом эволюции или комбинацией их всех, или нескольких перечисленных факторов, которые можно выбрать по вкусу». И это мнение не только дилетантов, но и многих профессионалов, хотя оно при каждой попытке применить его к практике анализа этногенеза оказывается несостоятельным.

Моей задачей было показать, что не только любой из перечисленных факторов, но и любая их комбинация *не дают* возможности построить гипотезу, т. е. непротиворечивое объяснение всех известных в данное время фактов этногенеза, хотя число строго фиксированных фактов отнюдь не беспредельно. Отсюда вытекает, что предлагавшиеся решения были несовершенны. Следовательно, возникает право на поиск решения нового, т. е. построения оригинальной гипотезы. Любая гипотеза, чтобы быть принятой, должна объяснять все известные факты. Однако превращение гипотезы в теорию — очень сложный процесс, так что установить момент этого качественного перехода ни один ученый не вправе. Его задача иная: изложить свою точку зрения и представить ее обоснование на суд современников и потомков.

Под психологией на организменном уровне ныне понимают физиологию высшей нервной деятельности, с учетом гормональных воздействий, которая проявляется в поведении людей. Индивидуальная психология часто интегрируется в системы высших порядков: социальную и этническую психологию, но при нашей постановке вопроса размеры системы дела не меняют. Поэтому для нашего анализа небезразличны мотивации поступков отдельных людей, ибо из них слагаются этнические стереотипы поведения.

Этнопсихология в отличие от психологии изучает мотивы поведения систем на популяционном уровне, т. е. на порядок выше организменного, который тоже система, и достаточно сложная. В прямом наблюдении

этнопсихология для нас недоступна, но ее функция — этническое поведение легко воспринимается и ощущается.

Как писали К. Маркс и Ф. Энгельс: «Никто не может сделать что-нибудь, не делая этого ради какой-либо из своих потребностей и ради органа этой потребности».^[292] Потребности человека поддаются классификации, для коей предложено много ступеней дробности, нам не нужных.^[293] Для целей нашего анализа целесообразно ограничиться делением на две группы, имеющие разные знаки. Первая — это комплекс потребностей, обеспечивающих самосохранение индивидуума и вида — «потребности нужды»; вторая — мотивы иного рода, благодаря которым происходит интеллектуальное освоение непознанного и усложнение внутренней организации — «потребности роста»,^[294] то, что Ф. М. Достоевский описал в «Братьях Карамазовых» как «потребность познания», ибо «тайна человеческого бытия не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить», и при этом «устроиться непременно всемирно», потому что человеку нужна общность идеалов — то, что мы бы назвали этнической доминантой. Но ведь последняя не возникает сама по себе, а появляется и меняется вместе с фазами этногенеза, т. е. является функцией искомого «фактора икс». Теперь мы почти у цели.

Условия, в которых начинаются процессы этногенеза, весьма варианты. Но вместе с тем всегда наблюдаются более или менее единообразное их дальнейшее протекание, иногда нарушаемое внешними воздействиями. Если же мы, стремясь вскрыть глобальную закономерность, используем постоянную фазовую схему процесса и пренебрежем внешними точками как случайными помехами, то неизбежно придем к выводу о наличии единой причины происхождения всех этносов на земном шаре. Это будет тот самый «фактор икс», который следует вынести за скобки как искомый инвариант.

Чтобы убедиться, что нами обнаружена именно та величина, которая является импульсом этногенеза, мы должны показать, что при учете ее укладываются в одну схему три отмеченные выше классификации: а) этнологическая, учитывающая деление на «антиэгоистов» и «эгоистов»; б) географическая, описывающая отношение к ландшафту и с) историческая, характеризующая закономерное умирание этнического сообщества, прошедшего фазы подъема и упадка. Совпадение трех линий корректирует правильность предложенной концепции и раскрытия «фактора икс».

Станем на путь «эмпирического обобщения». Посмотрим, какой момент присутствует во всех началах этногенеза, как бы разнообразны они

ни были. Как мы видели, формирование нового этноса всегда связано с наличием у некоторых индивидов необоримого внутреннего стремления к целенаправленной деятельности, всегда связанной с изменением окружения, общественного или природного, причем достижение намеченной цели, часто иллюзорной или губительной для самого субъекта, представляется ему ценнее даже собственной жизни.^[295] Такое, безусловно, редко встречающееся явление есть отклонение от видовой нормы поведения, потому что описанный импульс находится в оппозиции к инстинкту самосохранения и, следовательно, имеет обратный знак. Он может быть связан как с повышенными способностями (талант), так и со средними, и это показывает его самостоятельность среди прочих импульсов поведения, описанных в психологии. Этот признак до сих пор никогда и нигде не описывался и не анализировался. Однако именно он лежит в основе антиэгоистической этики, где интересы коллектива, пусть даже неверно понятые, превалируют над жадой жизни и заботой о собственном потомстве. Особи, обладающие этим признаком, при благоприятных для себя условиях совершают (и не могут не совершать) поступки, которые, суммируясь, ломают инерцию традиции и иницируют новые этносы.

Особенность, порождаемую этим генетическим признаком, видели давно; больше того, этот эффект даже известен как страсть, но в повседневном словоупотреблении так стали называть любое сильное желание, а иронически — просто любое, даже слабое влечение. Поэтому для целей научного анализа мы предложим новый термин — **пассионарность**^[296] (от лат. *Passio, ionis, f.*), исключив из его содержания животные инстинкты, стимулирующие эгоистическую этику и капризы, являющиеся симптомами разболтанной психики, а равно душевные болезни, потому что хотя пассионарность, конечно, — уклонение от видовой нормы, но отнюдь не патологическое. В дальнейшем мы уточним содержание понятия «пассионарность», указав на ее физическую основу.

Ф. Энгельс о роли страстей человеческих

Энгельс ярко описывает силу страстей человеческих и их роль в истории: «...цивилизация совершила такие дела, до каких древнее родовое общество не доросло даже в самой отдаленной степени. Но она совершила их, приведя в движение самые низменные побуждения и страсти людей и развив их в ущерб всем их остальным задаткам. Низкая алчность была движущей силой цивилизации с ее первого до сегодняшнего дня; богатство,

еще раз богатство и трижды богатство, богатство не общества, а вот этого отдельного жалкого индивида было ее единственной, определяющей целью. Если при этом в недрах этого общества все более развивалась наука и повторялись периоды высшего расцвета искусства, то только потому, что без этого невозможны были бы все достижения нашего времени в области накопления богатства».^[297]

Эта мысль пронизывает ткань работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Он указывает, что именно «алчное стремление к богатству» привело к возникновению антагонистических классов.^[298] Говоря о падении родового строя в обществе (в том обществе, где функционирующие этносы находятся, по нашему мнению, в фазе гомеостаза), Энгельс писал: «Власть этой первобытной общности должна была быть сломлена, — и она была сломлена. Но она была сломлена под такими влияниями, которые прямо представляются нам упадком, грехопадением по сравнению с высоким нравственным уровнем старого родового общества. Самые низменные побуждения — вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная скаредность, корыстное стремление к грабежу общего достояния — являются восприимчивыми для нового, цивилизованного, классового общества; самые гнусные средства — воровство, насилие, коварство, измена — подтачивают старое бесклассовое родовое общество и приводят его к гибели».^[299]

Так смотрел Энгельс на прогрессивное развитие человечества. Алчность же — эмоция, коренящаяся в сфере подсознания, функция высшей нервной деятельности, лежащая на грани психологии и физиологии. Равноценными эмоциями являются жадность, страсть к наслаждениям, скаредность, корысть, упоминаемые Энгельсом, а также властолюбие, честолюбие, зависть, тщеславие. С обывательских позиций, это «дурные чувства», но с философских — «дурными» или «хорошими» могут быть только мотивы поступков, причем сознательные и свободно выбранные, а эмоции могут быть только «приятными» или «неприятными», и то смотря какие поступки они порождают. А поступки могут быть и бывают самые различные, в том числе объективно полезные для коллектива. Например, тщеславие заставляет артиста добиваться одобрения аудитории и тем совершенствовать свой талант. Властолюбие стимулирует активность политических деятелей, подчас необходимую для государственных решений. Жадность ведет к накоплению материальных ценностей и т. д. Ведь все эти чувства — модусы пассионарности,

свойственной почти всем людям, но в чрезвычайно разных дозах. Пассионарность может проявляться в самых различных чертах характера, с равной легкостью порождая подвиги и преступления, созидание, благо и зло, но не оставляя места бездействию и спокойному равнодушию.

Столь же категорично высказывался и Гегель в своих лекциях по философии истории: «Мы утверждаем, что вообще ничто не осуществлялось без интереса тех, которые участвовали своей деятельностью, и так как мы называем интерес страстью, поскольку индивидуальность, отодвигая на задний план все другие интересы и цели, которые также имеются и могут быть у этой индивидуальности, целиком отдается предмету, сосредоточивает на этой цели все свои силы и потребности, — то мы должны вообще сказать, что ничто великое в мире не совершается без страсти».^[300]

В цитированном описании социопсихологического механизма, несмотря на всю его красочность, есть немаловажный дефект. Гегель сводит страсть к «интересу», а под этим словом в XIX в. понималось стремление к приобретению материальных благ, что заранее исключает возможность самопожертвования. И не случайно, что некоторые последователи Гегеля стали исключать из мотивов поведения исторических персон искренность и бескорыстную жертвенность ради предмета своей страсти. Такая вульгаризация, к сожалению, ставшая общим заблуждением, вытекает из нечеткости формулировки немецкого философа.

Но классики марксизма преодолели этот рубеж. В ответ на воинствующую банальность филистеров, усмотревших во всех поступках людей только бескрылый эгоизм, они выдвинули концепцию опосредованной детерминированности, оставляющей место разнообразию проявлений человеческой психики.

Вспомним еще раз, что писал Ф. Энгельс в письме к И. Блоху от 21–22 сентября 1890 г.: «согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является *будто единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу».^[301] Да, идеи — это огни в ночи, манящие к новым и новым свершениям, а не вериги, сковывающие движения и творчество. Уважение к предшественникам состоит в том, чтобы продолжить их подвиг, а не забывать о том, что они

сделали и для чего.

XXIII. Образы пассионариев

Наполеон

Поручик артиллерии Наполеон Бонапарт в молодости был беден и мечтал о карьере. Это банально, и потому понятно. Благодаря личным связям с Огюстеном Робеспьером он был произведен в капитаны, после чего взял Тулон и, став в результате этого генералом, в октябре 1795 г. подавил мятеж роялистов в Париже. Карьера его была сделана, но богатства она ему не принесла, равно как и брак с красавицей Жозефиной Богарне. Однако уже итальянская кампания сделала Бонапарта богачом. Так что остальную жизнь он мог бы прожить не трудясь. Но что-то потянуло его в Египет, а потом толкнуло на стремительный риск 18-го брюмера. Что? Властолюбие, и ничто иное! А когда он стал императором французов, разве он успокоился? Нет, он принял на себя непомерную тяжесть войн, дипломатии, законодательной работы и даже предприятий, которые отнюдь не диктовались истинными интересами французской буржуазии, вроде испанской войны и похода на Москву.

Конечно, Наполеон всякий раз по-разному объяснял мотивы своих поступков, но действительным источником их была неумемная жажда деятельности, не оставившая его даже на острове Св. Елены, где он написал свои мемуары только потому, что не мог находиться без дела. Для современников стимул деятельности Наполеона оставался загадкой. И недаром парижские буржуа приветствовали русскую армию, вступавшую в Париж в 1814 г., возгласами: «Мы не хотим войны, мы хотим торговать».

И действительно, король-буржуа Луи Филипп, выполнявший социальный заказ растущего французского капитализма, прекратил ставшую традицией войну с Англией и перенес деятельность своих воинственных подданных в Алжир, ибо это было выгоднее, безопаснее и не затрагивало большинства французов, желавших мира и покоя. Но почему Наполеон после Амьенского мира не поступил так же? Поскольку он был не Луи Филипп, то парижские лавочники не могли ему ничего приказать. Они только удивлялись, зачем император вечно стремится воевать. Точно так же Александра Македонского не понимали даже его «друзья», как называли ближайших сподвижников царя-завоевателя.

Александр Македонский

Александр Македонский имел по праву рождения все, что нужно человеку: пищу, дом, развлечения и даже беседы с Аристотелем. И тем не менее он бросился на Беотию, Иллирию и Фракию только потому, что те не хотели помогать ему в войне с Персией, в то время как он якобы желал отомстить за разрушения, нанесенные персами во время греко-персидских войн, о которых успели забыть сами греки.^[302] А потом, после победы над персами, он напал на Среднюю Азию и Индию, причем бессмысленность последней войны возмутила самих македонян. После блестящей победы над Пором «те, кто посмирнее, только оплакивали свою участь, но другие твердо заявляли, что они не пойдут за Александром...» (Арриан. V. 26). Наконец, Кен, сын Полемократа, набрался смелости и сказал: «Ты видишь сам, сколько македонцев и эллинов ушло с тобой и сколько осталось. Эллины, поселенные в основанных тобой городах, и те остались не совсем добровольно... Одни погибли в боях, другие... рассеялись кое-где по Азии. Еще больше умерло от болезней; осталось немного, и у них уже нет прежних сил, а духом они устали еще больше. Все, у кого еще есть родители, тоскуют о них; тоскуют о женах и детях, тоскуют по родной земле, и тоска по ней простительна им: они ушли бедняками и теперь, поднятые тобой, они жаждут увидеть ее, став видными и богатыми людьми. Не веди солдат против их воли» (Арриан. V. 27). Это точка зрения умного и делового человека, учитывающего и выражавшего настроения войска. Нельзя не признать, что по всем соображениям реальной политики Кен был прав, но не его разум, а иррациональность поведения Александра сыграла важную роль в возникновении того явления, которое мы называем «эллинизм»^[303] и роль которого в этногенезе Ближнего Востока не вызывает никаких сомнений.

В этой связи для нас любопытна речь самого царя, доводы, которыми он соблазнял воинов продолжать поход. Перечислив свои завоевания, Александр заявил: «Людям, которые переносят труды и опасности ради великой цели, сладостно жить в доблести и умирать, оставляя по себе бессмертную славу... Что совершили бы мы великого и прекрасного, если бы сидели в Македонии и считали, что с нас хватит жить спокойно: сохранять свою землю и только отгонять от нее соседей... которые нам враждебны?» (Арриан. V. 26–27). Вот программа человека, ставящего славу выше собственного благополучия и интересов своей страны. При этом «сам он пренебрегал удобствами, на деньги для собственных удовольствий был очень скуп, но благодеяния сыпал щедрой рукой» (Арриан. VII. 28). И пирушки он, по словам очевидца Аристула, устраивал ради друзей, а сам

пил мало (Арриан. VII. 29). Да ведь ради удовольствия на войну не ходят! А его солдатам совсем не хотелось воевать с индусами, тем более что награбленное добро при тех средствах транспорта было невозможно доставить домой. Однако они воевали, да еще как!

Вряд ли стоит искать причину, толкнувшую македонского царя в поход, в стремлении к приобретению рынков для торговых городов или к уничтожению финикийской конкуренции. Афины и Коринф, которые только что были покорены силой оружия, продолжали оставаться врагами Македонии, а жертвовать собой ради врага уж вовсе бессмысленно. Так что мотивы поведения Александра приходится искать в его собственном характере. Два качества, доведенные до крайности, отмечают у Александра и Арриан, и Плутарх: честолюбие и гордость, т. е. проявления описанной нами пассионарности. Этого избытка энергии оказалось достаточно не только для победы, но и для того, чтобы принудить своих подданных вести войну, которая была им не нужна.

Конечно, многие соратники Александра — Пердикка, Клит, Селевк, Птолемей и другие — тоже обладали пассионарностью и искренне соучаствовали в деле своего царя, благодаря чему удалось увлечь в поход простых македонян и греков. Не один человек, а целая группа пассионарных людей в составе македонской армии смогла сломить персидскую монархию и создать на ее месте несколько македонских царств и даже новый этнос — сирийский. Сами же македоняне и персы преобразились в новых условиях до неузнаваемости, став добычей римлян и парфян.

Но, может быть, именно идея совмещения Эллады с Востоком толкнула Александра на его подвиги? Нет, он обучался философии у Аристотеля, а последний его такому не учил. Да и хронологически эта идея возникла не до, а после завоевания Персии, иначе не был бы сожжен дворец в Персеполе. Компромисса не ищут, уничтожая шедевры искусства побежденного народа.

Итак, пассионарность — это способность и стремление к изменению окружения, или, переводя на язык физики, — к нарушению инерции агрегатного состояния среды. Импульс пассионарности бывает столь силен, что носители этого признака — пассионарии не могут заставить себя рассчитать последствия своих поступков. Это очень важное обстоятельство, указывающее, что пассионарность — атрибут не сознания, а подсознания, важный признак, выражающийся в специфике конституции нервной деятельности. Степени пассионарности различны, но для того чтобы она имела видимые и фиксируемые историей проявления,

необходимо, чтобы пассионариев было много, т. е. это признак не только индивидуальный, но и популяционный.

Люций Корнелий Сулла

Проверим правильность описания обнаруженного признака на нескольких других персонах. Люций Корнелий Сулла, римский патриций, имел и нобиль, имел дом в Риме, виллы в его окрестностях и много рабов и клиентов. Подобно Александру, он не испытывал недостатка ни в яствах, ни в развлечениях. Что же толкнуло его в войско Мария, которого он презирал и ненавидел? И ведь он не ограничился службой штабного офицера, он участвовал в боях и, рискуя жизнью, схватил Югурту, чтобы привезти его в Рим и обречь на голодную смерть в Мамертинской тюрьме. За все эти подвиги он получил только одну награду: шатаясь по форуму и болтая с приятелями, он мог называть Мария бездарным болваном, а себя героем. Этому верили многие, но не все; тогда Сулла снова полез в драку, выдержал поединок с вождем варваров, вторгшихся в Италию, убил его и... стал хвастаться еще больше. Но и этого ему показалось мало. Мария он, допустим, превзошел, но оставалась память об Александре. Сулла решил покорить Восток и прославить себя больше македонского царя. Тут ему сказали: «Хватит! Дай поработать и другим!» Казалось бы, Сулла должен был быть доволен: его заслуги перед Римской республикой признаны, дом — полная чаша, все кругом уважают и восхищаются — живи да радуйся! Но Сулла поступил иначе: возмутил легионы, взял приступом родной город, причем шел на баррикады без шлема, чтобы вдохновить своих соратников, и добился, чтобы его послали на очередную нелегкую войну. Что его толкало? Очевидно, стремления к выгоде не было. Но, с нашей точки зрения, внутренний нажим пассионарности был сильнее инстинкта самосохранения и уважения к законам, воспитанного в нем культурой и обычаям. Дальнейшее — просто развитие логики событий, то, что во времена А. С. Пушкина называлось «силою вещей» (хороший забытый термин). Это уже относится полностью к исторической науке, которая подкрепляет этнологию. Марий в 87 г. до н. э. выступил против Суллы с войском из ветеранов и рабов, которым была обещана свобода. Его поддержал консул Цинна, привлечший на сторону популяров-италиков, т. е. угнетенные этносы. Взяв Рим, Марий приказал самому гуманному из своих полководцев перебить воинов из рабов, ибо опора на них его компрометировала. И 4 тыс. человек были зарезаны во время сна своими

боевыми товарищами. Расправа сия показала, что популяры, при всей их демократической декламации, мало отличались от своих противников — оптиматов.

Но все же отличие было: Сулла тоже мобилизовал в свое войско 10 тыс. рабов, но после победы наградил их земельными участками и римским гражданством. Различие между Марием и Суллой больше определяется личными качествами, нежели программами партий. При этом, в отличие от Александра, Сулла не был честолюбив и горд, ибо сам отказался от власти, как только почувствовал себя удовлетворенным. Он был крайне тщеславен и завистлив, но эти качества — только проявления пассионарности. И опять-таки подчеркнем, что успех Суллы зависел не только от его личных качеств, но и от контакта с окружением. Его офицеры — Помпей, Лукулл, Красс и даже некоторые легионеры были тоже пассионарны, чувствовали и действовали в унисон с вождем. Иначе Сулла не стал бы диктатором Рима.

Ян Гус, Жанна д'Арк и Протопоп Аввакум

Бывает и так, что пассионарий не приносит своих близких в жертву собственным страстям, а жертвует собой ради их спасения или ради идеи. Пример такого искреннего служения показал Ян Гус, профессор Пражского университета, заявивший: «Я говорил и говорю, что чехи в королевстве Чешском по закону... и по требованию природы должны быть первыми в должностях, так же как французы во Франции и немцы в своих землях...» Однако жертва Гуса в Констанце была бы бесплодна, если бы не Жижка и братья Прокопы, студенты Пражского университета, горожане и рыцари, крестьяне и чешские священники, выбросившие из окна ратуши Нового Города (район Праги) бургомистра и немецких советников бездарного короля Вацлава IV из династии Люксембургов. Они были обуреваемы гневом и мстили за несправедливый приговор своему ректору, преданному и сожженному немцами.

Если же в приведенных примерах Наполеона, Александра Македонского и Люция Корнелия Суллы есть соблазн с большими натяжками увидеть «героев, ведущих толпу», то здесь, при аналогичных сочетаниях событий, очевидно, дело не в личном «героизме», а в создании этнической доминанты, которая организует пассионарность системы и направляет ее к намеченной цели. Ведь известно много случаев, когда героический и патриотичный вождь не мог побудить сограждан взять в

руки оружие для того, чтобы защитить себя и свои семьи от жестокого врага. Достаточно вспомнить Алексея Мурзуфла, сражавшегося на стенах Константинополя против крестоносцев в 1204 г. Вокруг Алексея была только варяжская дружина и несколько сот добровольцев; все они были убиты. А 400-тысячное население Константинополя позволило крестоносцам жечь и грабить свой город. Вот где разница между ролью предводителя и возможностями этноса, определяемыми уровнем пассионарности.

Еще более показательны события, происшедшие в Риме в 41 г. Режим, установленный Августом, превратил все республиканские законы в фикцию, пышную декорацию, прикрывавшую произвол принцепса. При Тиберии и особенно при Калигуле вошли в моду жестокие расправы с богатыми людьми, имущество которых пополняло императорскую казну. Кроме того, Калигула страдал припадками паранойи, во время которых приказывал медленно убивать любого попавшегося на глаза или того, кого он случайно вспомнил. В эпоху республики такого никто не смог бы даже вообразить, но гражданские войны унесли так много пассионариев, что сенаторы и всадники только дрожали и ждали смерти. Однако нашлись два храбрых человека: Кассий Херея и Корнелий Сабин, убившие злодея. Сенат мог взять власть, принадлежащую ему по закону: но большая часть сенаторов разбежалась по домам, народ толпился на площади, а потом рассеялся; телохранители императора — германцы, увидев его убитым, ушли; и переворот не состоялся.

Какой-то солдат нашел перепуганного дядю Калигулы, Клавдия, привел его к своим товарищам, и те объявили его императором за уплату 15 тыс. сестерций на каждого легионера. А в сенате шла «разноголосица», [304] пока все когорты не примкнули к Клавдию. Заговорщики-республиканцы были казнены, и деспотическая власть восстановлена.

Вот и вожди были «героями», и «толпа» была многочисленна, но система римского этноса лишилась того энергетического наполнения пассионарностью, которое сделало римский народ победителем всех соседей, а город Рим — столицей полумира. Легионерам даже не пришлось побеждать, ибо никакого сопротивления они не встретили.

Но вернемся к чехам, потерявшим ректора Пражского университета. Чехи были похожи не на римлян времен Принципата, а на римлян эпохи Мария и Суллы. Конечно, Гус был хорошим профессором и пользовался популярностью среди студентов-чехов, но влияние его на все слои чешского этноса невероятно возросло после его мученической кончины. Не «герой», а его тень, ставшая символом этнического самоутверждения,

подняла чехов и бросила их на немцев, да так, что рыцарские ополчения Германии и Венгрии панически бежали перед отрядами чешских партизан. И нельзя сказать, что чехов вдохновили идеи пражского профессора. Гус защищал учение английского священника Виклифа, а его последователи... одни требовали причащения из чаши — т. е. возврата к православию; другие — национальной церкви без разрыва с папством; третьи отрицали необходимость иерархии; четвертые объявили себя «адамитами», бегали, раздевшись донага, и отрицали вообще все (этих безумцев истребили сами чехи).

Не позитивная программа, а негативная этническая доминанта — «бей немцев» и зато, что они католики, и за то, что они дворяне, и за то, что они крестьяне, лишённые защиты, и за то, что они богатые бюргеры, за счет которых можно пожить... короче говоря, за что угодно, — дала чехам победу в двадцатилетней (1415–1436) войне. Но какой ценой? Чехи потеряли большую часть населения; Саксония, Бавария и Австрия — около половины; Венгрия, Померания и Бранденбург — значительно меньше, но тоже изрядно.

Чехия отстояла свободу и культуру, но только путем междоусобной войны. При Липанах уtrakвисты-чашники разгромили табористов-протестантов и расправились с ними беспощадно. После этого возникла возможность заключения мира с немцами. Политику терпимости на базе усталости осуществил король Георгий Подебрад (1458–1471).

Хотя этот краткий обзор показывает, что пассионарность — стихийное явление, тем не менее оно может быть организовано той или иной этнической доминантой. (Этнической доминантой мы называем явление или комплекс явлений — религиозный, идеологический, военный, бытовой, который определяет переход исходного для процесса этногенеза этнокультурного многообразия в целеустремленное единообразие.) Но она может и расплескаться, не слившись в единый поток; именно это случилось в Чехии в XV в.

Сходно, но не совсем, произошло в те же годы освобождение Франции от власти английского короля Генриха VI и его союзников-бургундцев, которые стремились оторваться от Франции, несмотря на то что их герцоги носили фамилию Валуа. Жанна д'Арк, лотарингская девушка, говорившая по-французски с немецким выговором, никогда не спасла бы ни Орлеана, ни короля, ни родину, если бы ее окружали только прохвосты — придворные дофина и его фаворитки Агнессы Сорель, и не было бы ни Дюнуа с Ля Гиrom, ни маршала Буссака, ни капитана Поитона де Сантрайля, ни отчаянных латников и умелых арбалетчиков, которым

оказалось достаточно услышать только два слова: «Прекрасная Франция» — формулировку этнической доминанты, чтобы понять, за что стоит бороться до победы, хотя и до этого за дофина сражались те, кто не хотел «стать англичанином».^[305] И Аввакум был не одинок; огненные страницы его автобиографии читали и перечитывали люди, готовые на самое сожжение ради того, что они читали.

И опять-таки сила «старообрядничества» была не в доводах разума; до спокойного спора с никонианами у них дело ни разу не доходило. Да и защищал Аввакум вовсе не древнее православие, а привычное, что отнюдь не одно и то же. Никон выписал из Венеции лучшие издания греческих текстов по патристике, издаваемые братьями Альдами, для сверки и как образцы. Аввакум же требовал исправления служебников по русским переводам XIII–XIV вв. Эти переводы были очень красивы, но менее точны, нежели подлинники IV–V вв. Протест старообрядцев против ярких красок на иконах основан на привычке к ликам, потемневшим от времени. Андрей Рублев и Феофан Грек писали яркими красками, что к XVII в. было позабыто.

Короче говоря, сюжеты спора были случайны, но сам спор закономерен, ибо он выражал раздвоение великорусского этноса с последующим выделением субэтноса «старообрядцев», в котором не осталось и тени догматического единства, так как появились течения «поповцев» и «беспоповцев», а потом многочисленные «толки». Но этнос не распался. Во время вторжения шведов в Белоруссию старообрядцы-эмигранты создали партизанские отряды и весьма помогли Меншикову одержать победу при Лесной.

Значит, не отдельные пассионарии делают великие дела, а тот общий настрой, который можно назвать уровнем пассионарного напряжения. Механизм этого явления блестяще описал Огюстен Тьерри при анализе победы Гуго Капета над Каролингами, в результате чего сложилось ядро французского этноса. «Народные массы, когда они приходят в движение, не отдают себе отчета в той силе, которая их толкает. Они идут, движимые инстинктом, и продвигаются к цели, не пытаясь ее точно определить. Если судить поверхностно, то можно подумать, что они слепо следуют частным интересам какого-нибудь вождя, имя которого только и остается в истории. Но эти имена получают известность только потому, что они служат центром притяжения для большого количества людей, которые, произнося их, знают, что это должно обозначать, и в данный момент не испытывают потребности выражаться более точно».^[306] Да, но это значит, что все

рассмотренные нами события имеют в основе, точнее — в глубине, этническое наполнение. И Александр, и Сулла, и Ян Гус, и Аввакум должны рассматриваться как участники разных этногенезов в разных фазах и регионах. Так, через выделение индивидуальных психологических абрисов, мы пришли к этнопсихологии как сфере проявления поведенческих импульсов.

Огромный материал, накопленный этнографией, настоятельно требует обобщения. Поисками принципа, на котором можно осмыслить весь глобальный материал, были заняты многие советские этнографы.^[307] Ясно, что принцип должен быть нов, иначе его давно уже применяли бы, и универсален. Этим требованиям отвечает реально существующее явление пассионарности как эффекта воздействия природы на поведение этнических сообществ. Но это противоречит привычной концепции этноса как «социального состояния».^[308]

Приверженность к воззрениям устарелым и неверным влечет за собою известную логическую ошибку индуктивного метода — метафорическую деформацию. Встречая новые мысли, впечатления и т. п., мозг ищет отдыха в буферном процессе аналогизирования, создающем мост между воспринятым известным и новым неизвестным, которое облекается в одежду привычного. Этот путь нас привлекает. Мы хотим сделать следующий шаг. Но прежде кратко сформулируем выводы, уже сделанные, ибо теперь они превращаются в исходные положения.

Накопление или растрата?

Вспомним, что открытие биохимической энергии живого вещества было сделано В. И. Вернадским, когда он сопоставил скопища саранчи с массой руды в месторождении. Саранчи было больше, и летела она навстречу смерти. Так что же ее толкало? В поисках ответа было создано учение о биосфере как оболочке Земли, обладающей антиэнтропийными свойствами. Но ведь люди — тоже часть биосферы. Следовательно, энергия живого вещества пронизывает тела наши, наших предков и будет пронизывать тела наших потомков, стимулируя разнообразные этногенезы. И теперь наша задача состоит в том, чтобы показать, может ли открытый и описанный нами феномен решить поставленные выше вопросы этногенеза и этнической истории.

Описанная выше схема этногенеза как дискретного процесса предполагает внезапное возникновение группы пассионарных этносов

внутри того или иного региона, последующее их распространение за его пределы, потерю сложности этнической системой и либо распыление особей, ее составлявших, либо превращение их в реликт. Так как эта схема, несмотря на множество локальных вариаций, прослеживается всюду, то возникает потребность в ее интерпретации, хотя бы путем сравнения.

Вообразим шар, получивший внезапный толчок. Энергия толчка затрачивается сначала на преодоление инерции покоя, а затем на движение шара, которое будет медленно затухать вследствие сопротивления среды, пока шар не остановится; путь же этого шара будет зависеть от того, покатится ли он по ровному месту, или наткнется на препятствия, или свалится в яму и т. д., но сколько бы раз мы ни повторяли эту операцию, принцип движения один — инерция толчка, т. е. растрата энергии полученного импульса.

В биосфере явления такого порядка именуются сукцессиями. Сукцессии весьма разнообразны и по продолжительности, и по характеру, и по последствиям, но все они имеют обозначенную черту сходства — инерционность, которая у человека проявляется как растрата пассионарного импульса. Это роднит человечество с прочими явлениями биосферы, тогда как социальные и культурные структуры, свойственные только человеку, имеют иной характер движения. Феномен этноса на грани двух форм движения.

XXIV. Пассионарное напряжение

Биохимический аспект пассионарности

То, что каждый человек и каждый коллектив людей является частью биосферы и составным элементом общества, — несомненно, но характер взаимодействия этих форм движения материи требует уточнения. Для достижения поставленной цели и решения задачи в проблеме соотношения человека, как носителя цивилизации, с природной средой введено понятие «этнос» для обозначения его как устойчивого коллектива особей, противопоставляющего себя всем прочим аналогичным коллективам, имеющего внутреннюю структуру, в каждом случае своеобразную, и динамический стереотип поведения. Именно через этнические коллективы осуществляются специфические варианты связи человечества с природной средой. Однако тут встает вопрос о границе и соотношении между природным и социальным. То, что природа господствует за пределами техносферы — очевидно, но она находится и в телах людей. Физиология (в том числе патофизиология) тесно связана с психологией как продуктом нервной и гормональной деятельности организма. Нехватка йода вызывает кретинизм; выделение адреналина создает страх и гнев; гормоны половых желез стимулируют любовную лирику и сентиментальный роман; химические соединения в качестве допингов воздействуют не только на физическое, но и на психическое состояние спортсменов; наркотики ведут к вырождению целых народов и т. д. Закономерность общественной формы движения материи в человеке так переплетается с биологической, биохимической и биофизической, что необходимость четкого разграничения их очевидна.

Но если это крайне трудно сделать, беря за объект исследования одного человека, то гораздо легче принять за единицу систему высшего порядка — этнос, где неизбежные погрешности анализа взаимно компенсируются. Конечно, трудно описать, а тем более подсчитать пассионарность людей эпох минувших. Но есть обратный ход мысли. *Работа, выполняемая этническим коллективом, прямо пропорциональна уровню пассионарного напряжения*». ^[309] Следовательно, подсчитывая число событий в истории этноса, пусть даже с большим допуском, мы получаем результат затрат энергии, на основании чего можем судить об исходном заряде энергии, т. е. уровне пассионарности.

Деяния, продиктованные пассионарностью, легко отличимы от обыденных поступков, совершаемых вследствие наличия общечеловеческого инстинкта самосохранения, личного и видового. Не менее отличаются они от реактивных акций, вызываемых внешними раздражителями, например вторжением иноплеменников. Реакции, как правило, кратковременны и потому безрезультатны. Для пассионариев же характерно посвящение себя той или иной цели, преследуемой иной раз на протяжении всей жизни. Это дает возможность характеризовать ту или иную эпоху в аспекте пассионарности. Охарактеризовав в этом аспекте разные фазы этногенеза изучаемого этноса, мы получим данные для построения кривой пассионарного напряжения с допустимым приближением, а при наличии ряда подобных подсчетов для разных этносов и лучше — суперэтносов мы уловим общую закономерность этногенеза. Значит, для того чтобы эту закономерность уловить, надо хорошо знать историю событий, потому что история как наука об общественных отношениях отражает не эту, а совсем другую закономерность — спонтанное развитие, свойственное общественной форме движения материи.

Может возникнуть сомнение в правомерности противопоставления идее саморазвития общественной формы движения материи — концепции с инерционным движением, постепенно затухающим, что присуще этногенезу как вариации внутри вида *Homo sapiens*. Казалось бы, биологические изменения человека могут проходить без флуктуации энергии живого вещества биосферы, без эффекта пассионарного напряжения. Однако в этом случае оптимальная степень адаптации к тем или иным условиям являлась бы тупиком для любого типа развития, исходом которого была в этом случае только полная гибель популяции. Ведь для того чтобы перестроиться физиологически и экологически, вид (или этнос) должен отказаться от выработанных органов (или навыков), т. е. сделать шаг назад из тупика ради того, чтобы найти новую дорогу. И наоборот, возникновение мутации безотносительно к условиям среды, иначе говоря — эксцесс воздействует на популяцию принудительно, вынуждая ее измененную часть искать путей к достижению утраченного рая — гомеостаза, представлявшегося еще Овидию «золотым веком».

Многовекторность этнической системы в схеме

Так как нет и не может быть этногенеза без пассионарного

напряжения, то можно считать пассионарность тем обязательным элементом этногенеза, который, образно говоря, можно вынести за скобки, внутри которых останутся локальные черты тех или иных этносов. Для выделения закономерности важна именно эта общая всем процессам черточка.

Однако непосредственно пассионарности как явления никто никогда не видел и не увидит. Следовательно, характеризовать ее мы можем лишь по проявлениям. Но самое трудное даже не в этом, а в том, как учесть и понять разнонаправленные доминанты, порожденные пассионарностью этноса. Если уподобить этнос физическому телу, на которое действует несколько сил (см. рис. 1), то тогда сумма этих сил будет векторной: $F = F_1 + F_2 + F_3 + F_4 + F_5 \neq 0$. Реальный эффект движения, который можно пронаблюдать, будет определяться не арифметической, а векторной суммой этих сил, т. е. тело будет двигаться вправо с уклоном вверх. Если же убрать четыре составляющие: F_2, F_3, F_4, F_5 , то тело получит большее ускорение по направлению F_1 , т. е. эффект ее действия будет больше, так как F_1 больше прежней F . Значит, в данном случае ускорение возникает за счет утраты части сил, а не их увеличения, ибо результирующая сила больше и, следовательно, эффект более заметен.

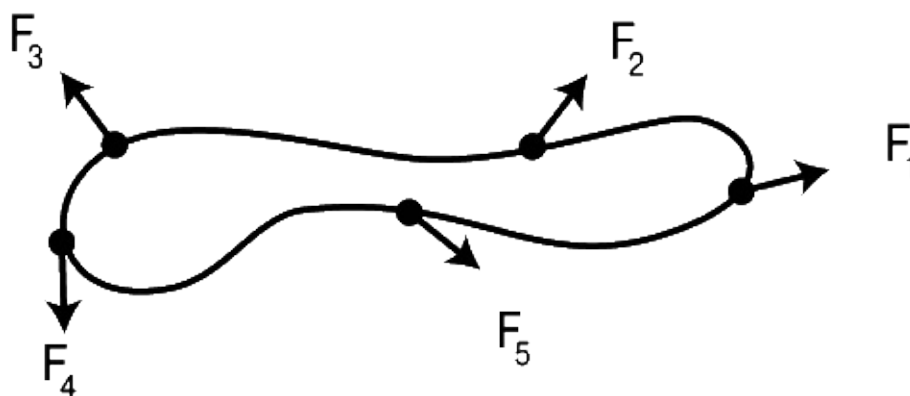

Рис. 1. Действие сил на физическое тело (обобщенная схема)

Поясним на примерах. В VIII–V вв. до н. э. Эллада кипела пассионарностью. Триремы бороздили Средиземное и Черное моря, колонии эллинов раскинулись от Кавказа до Испании, а Иония и Великая Греция (в Италии) стали многолюднее метрополии. Однако координировать свои силы эллинские полисы не могли, так как каждый из них ценил свою самостоятельность больше жизни, а подчинение приравнивалось к обращению в рабство. Даже при смертельной угрозе во время похода

Ксеркса фессалийцы и беотийцы сражались за персов, отнюдь не забыв, что они эллины. За это они жестоко пострадали, ибо афиняне и спартанцы после битвы при Платеях казнили пленных греков-персофилов, а персов щадили.

Но как только Пелопоннесская и Фиванская войны обескровили Элладу, оказались возможны координация сил и поход Александра на Персию. Ареал эллинизма был куда шире ареала эллинства, но эти успехи были достигнуты за счет общего снижения пассионарного уровня Эллады, когда на первую роль наряду с Македонией стали претендовать самые неразвитые в культурном и экономическом отношении области: Этолия и Ахайя. Не они стали сильнее, а ослабели Афины, Фивы и Спарта. Иными словами, общая мощь Эллады как системы уменьшилась, почему она стала легкой добычей Рима. И несмотря на то, что инерции былой потенциальной мощи эллинов хватило на приобщение римской знати к своей культуре, ослабление продолжалось до тех пор, пока остаток эллинов не превратился в ядро византийских греков, полностью преобразованных пассионарным толчком I в. н. э. Но это уже другой процесс.

Итак, простые наблюдения без учета поправок в подавляющем большинстве приведут к ложным выводам. Упадок пассионарного напряжения будет признан подъемом, так как в обоих случаях происходит большое количество свершений; и малое количество «великих дел» равно характерно для низких и относительно высоких уровней пассионарности, потому что во втором случае возможны уравнивание разнонаправленных сил и временная стабилизация. Надо исследовать не отдельные моменты жизни этноса, а весь процесс целиком. Тогда будет ясно, прибавляется или убывает пассионарность.

То, что невозможно отличить при самом тщательном изучении отдельной особи вследствие многофакторности моментов, определяющих поведение, выявляется при статистическом изучении деятельности больших коллективов, проявляющейся в истории человечества. Во-первых, несущественные факторы взаимно компенсируются; во-вторых, исторические процессы фиксированы в абсолютном времени, а биологические или геологические — в относительном. Поэтому только история может подарить естественным наукам абсолютную хронологию, получив от них взамен способы эмпирического обобщения, после чего появляется *этнология — наука, обрабатывающая гуманитарные материалы методами естественных наук.*

Мы не беремся судить: лежит ли в основе пассионарности единый ген или комбинация генов, рецессивный этот признак или доминантный, связан

ли он с нервной или гормональной деятельностью организма? На эти вопросы пусть ответят представители других наук. Наша задача, этнологическая, выполнена. Мы обнаружили наряду с общественным биогеографическое развитие антропосферы и причину, его вызвавшую. Сущность же явления пассионарности и связи его с другими элементами биосферы будут рассмотрены нами ниже.

Пассионарная индукция

Пассионарность обладает важным свойством: она заразна. Это значит, что люди гармоничные (а в еще большей степени — импульсивные), оказавшись в непосредственной близости от пассионариев, начинают вести себя так, как если бы они были пассионарны. Но как только достаточное расстояние отделяет их от пассионариев, они обретают свой природный психоэтнический поведенческий облик. Это обстоятельство без специального осмысления известно довольно широко и учитывается главным образом в военном деле. Там либо выбирают пассионариев, узнавая их интуитивно, и формируют из них отборные, ударные части, либо сознательно распыляют их в массе мобилизованных, чтобы поднять «воинский дух». Во втором случае считается, что два-три пассионария могут повысить боеспособность целой роты. И это действительно так.

Ф. Энгельс в статье «Кавалерия» пишет, что встречный бой двух кавалерийских частей крайне редок. Обычно одни поворачивают тыл до схватки, т. е. «моральный фактор, храбрость, здесь сразу же превращается в материальную силу», решающим моментом которой является порыв (*dash*), [\[310\]](#) при котором солдат ценит победу (идеальную цель) больше собственной жизни.

Само собой разумеется, что кавалеристы в полку весьма непохожи друг на друга по психическим свойствам, но тем не менее в бою полк ведет себя как единое целое, более или менее пассионарное. Пассионарность полка заключается в том, чтобы ценить победу больше жизни, а парадокс — в том, что менее пассионарная воинская часть гибнет, ибо конница легко рубит бегущих. Учтем, что равно «наэлектризовать» несколько сот человек можно только путем индукции, т. е. воздействия на каждую особь заряда пассионарности другой особи. Логичным продолжением аналогии будет гипотеза пассионарного поля (подобие электромагнитного поля), обладающего совсем иными свойствами воздействия на психологию

популяций сравнительно с индивидуальными психологиями тех же людей, взятых по отдельности.

И в отличие от теории «героя и толпы» суть не в том, что герой руководит воинской частью, а в том, что благодаря наличию среди солдат нескольких пассионарных, но больше ничем не примечательных особей сама часть приобретает отмеченный Энгельсом порыв, что подчас выручает даже бездарного полководца. Например, никто не пытался сравнить таланты Бенигсена, Витгенштейна и Блюхера с талантом Наполеона, но порыв русских, английских и прусских войск в 1813–1814 гг. был сильнее, нежели у французских новобранцев, почти детей.

Самое важное, пожалуй, заключается в том, что в подобных критических случаях воздействовать на сознание, т. е. на рассудок людей, как правило, бесполезно. И никакие доводы не помогают. Вспомним трагедию Ганнибала, задыхавшегося в неравной войне на пороге победы. После битвы при Каннах ему нужно было небольшое подкрепление, отряд пехоты, чтобы взять Рим и тем спасти Карфаген. Доводы, которыми оперировали в карфагенском совете старейшин послы Ганнибала и сторонники фамилии Барка, были безукоризненны. Но желающий не слышать — не услышит, стремящийся не понять — не поймет. Старейшины Карфагена послали полководцу ответ: «Ты же побеждаешь, так зачем тебе еще войска?», чем обрекли на гибель своих внуков.

А ведь нельзя сказать, что карфагенские правители были глупы или трусливы. Но влияние отсутствующего на них не распространялось. А когда побежденный Ганнибал вернулся в родной город, то оказалось, что его популярность столь велика, что могучие соперники вынуждены были склониться перед ним, и только ультиматум Римского сената вынудил Ганнибала покинуть родину. Ганнибал сам принял решение пожертвовать собой, ибо понимал, что попытка сопротивления обречена.

И еще один пример, на этот раз из истории литературы. 8 июля 1880 г. Ф. М. Достоевский на заседании Общества любителей российской словесности произнес речь о Пушкине. Успех был, по воспоминаниям очевидцев, грандиозен. Однако в чтении эта речь особого впечатления не производит. Она никак не идет в ряд с главами из «Братьев Карамазовых». Видимо, личное присутствие Достоевского сыграло не последнюю роль в усилении воздействия его речи на зрителей.

Пассионарная индукция проявляется всюду. Это особенно очевидно в наше время, когда любители музыки или театра осаждают подъезды Консерватории или МХАТа. Ведь они великолепно понимают, что впечатление от тех же пьес, переданных по радио или телевидению,

неравноценно тому, которое они получают в зале театра. Пусть этот пример микроскопичен по сравнению с явлениями этногенеза, но закономерность тут и там одна и та же.

Ярким примером пассионарной индукции является сражение на Аркольском мосту в 1796 г. Австрийскую и французскую армии разделяла неглубокая, но вязкая речка, через которую был перекинут мост. Трижды бросались французы в атаку, но были отброшены австрийской картечью. Наконец, когда солдат уже, казалось, невозможно было поднять на новый бросок, генерал Наполеон Бонапарт схватил знамя и бросился вперед, и за ним, как за магнитом, притягивающим железные опилки, потекла на мост вся колонна гренадеров. Первые ряды были снова искрошены картечью, но последующие успели добежать до австрийских пушек и переколоть артиллеристов, после чего французская армия переправилась целиком и битва была выиграна. Сам Наполеон уцелел лишь потому, что его при рывке столкнули с моста в реку.

Проанализируем приведенный пример под принятым нами углом зрения. Армия, направленная в Италию, была худшей из всех французских армий, действовавших в то время на фронтах. Она была укомплектована мобилизованными крестьянами неоднократно обескровленного и растоптанного парижанами юга Франции,^[311] плохо обученными и еще хуже снабженными. Это были инертные люди, без профессиональных военных навыков. Интенданты в этой армии были отпетые жулики, и значительную часть их Бонапарт расстрелял за хищения еще перед началом похода. Следовательно, процент пассионарных особей был ничтожен, а против них были двинуты лучшие полки Габсбургской монархии. И все же в четырех больших сражениях (Лоди, Кастильоне, Арколе, Риволи) французы одержали верх, так как Наполеон в решающий момент сумел вдохнуть (точнее — ввести, т. е. индуцировать) пассионарность, чего не мог сделать его соперник, генерал Альбинци. А некоторое время спустя индуцированная пассионарность исчезла, и Суворов тремя сражениями (на Адде, Треббии и при Нови в 1799 г.) свел на нет успехи французов в Италии. При этом отнюдь нельзя винить французских генералов — Журдена, Макдональда и особенно Моро. Свое дело они знали хорошо, но делали усилия, а не сверхусилия. Зато Суворов, подобно Бонапарту, мог передать свою избыточную пассионарность не только русским, но даже иноземным солдатам. Однако на гофкригсрат Суворов подействовать не мог, потому что тот заседал в Вене, а для пассионарной индукции требуется известная близость; за сотню километров она уже не ощущается.

Когда же Суворов после проигранной швейцарской кампании и пусть

героического, но отступления приехал в Вену и, войдя в театр, благословил присутствующих, никто не считал это смешным или неуместным. Наоборот, Суворову были возданы императорские почести, хотя было бы куда полезнее не стеснять его действий полгода назад.

Мы так подробно остановились на этих примерах, чтобы не упоминать о массе аналогичных случаев, но по существу вся военная и политическая история развивающихся этносов состоит из тех или иных вариантов пассионарной индукции, путем которой приводятся в движение толпы гармоничных особей.

Однако эти варианты разнообразны, причем решающим моментом является степень этнической близости. Суворов мог поднимать дух русских войск через модус патриотизма в большей степени, чем венгерских, тирольских, хорватских или чешских солдат, также находящихся под его командой. Наполеон гораздо сильнее действовал на французов, нежели на вестфальцев, саксонцев, голландцев и неаполитанцев, что показала кампания 1812–1813 гг. Можно сказать, что резонанс пассионарной возбудимости тем меньше, чем дальше отстоят этносы пассионария и гармоничной особи, разумеется, при прочих равных условиях. Это обстоятельство снова сближает проблемы пассионарности как признака с проблемой сущности этнической монолитности. Но ведь резонанс, как и индукция, — понятие энергетическое. Насколько они приложимы к этносу?

Как мы видели выше, любой процесс этногенеза начинается героическими, подчас жертвенными поступками небольших групп людей (консорций), к которым присоединяются окружающие их массы, причем вполне искренне. Конечно, тот или иной человек может быть настроен скептически или просто эгоистичен, но после того, как он вошел в возникающую на его глазах систему, его настроенность большого значения не имеет. Это общеизвестное явление объясняют отмеченные нами пассионарные индукция и резонанс. И они позволяют понять значение органических пассионариев, являющихся «затравкой» для тех, кого пассионарность заразила. Без первых вторые рассыпаются розно, как только исчез генератор пассионарной индукции и иссякла инерция резонанса. А это обычно происходит очень быстро.

Способы утраты пассионарности

Итак, любой этногенез — это более или менее интенсивная утрата пассионарности системой, иными словами, гибель пассионариев и их

генов; особенно это проявляется во время тяжелых войн, ибо пассионарные воины по большей части погибают молодыми, не использовав полностью возможностей по передаче своих качеств потомству.

Но самое интересное, что не только во время войн снижается пассионарное напряжение. Это было бы легко объяснимо гибелью особей, слишком активно жертвующих своей жизнью ради торжества своего коллектива. Но пассионарность столь же неуклонно падает во время глубокого мира, причем даже быстрее, чем в жестокие времена. И самое страшное для этноса — переход от спокойного существования к обороне перед натиском другого этноса; тогда неизбежен, если не наступит гибель, надлом, никогда не проходящий безболезненно. Объяснить это явление социальными причинами или факторами невозможно, но если рассматривать повышенную пассионарность как наследуемый признак — все ясно.

Во время войн женщины ценят героев, идущих в бой, благодаря чему те, прежде чем погибнуть, успевают оставить потомство, далеко не всегда в законном браке. Дети вырастают и продолжают совершать поступки, подсказанные их конституцией, даже не зная своих отцов. И наоборот, в тихие эпохи идеалом становится умеренный и аккуратный семьянин, а пассионарии не находят места в жизни. Именно эту ситуацию иллюстрирует «Обрыв» И. А. Гончарова, где девушка предпочитает и революционеру, и артисту богатого помещика.

Ту же закономерность мы наблюдаем там, где семья полигамна и женщина как будто бесправна. Быстрое размножение арабов в эпоху халифата и турок-османов происходило за счет полигамии. Но наложниц для гаремов добывали в бою, содержали их за счет военной добычи или доходов с покоренных стран. Даже женитьба на соотечественнице стоила очень дорого, так как калым должен был обеспечить семью на случай вдовства. Поэтому небогатые кочевые бедуины довольствовались одной женой, имевшей право на развод, ибо брак был не таинством, как в христианской Европе, а гражданским состоянием. Итак, мусульманский закон — шариат не препятствовал женщине выбирать мужа по своему вкусу, а вкус отвечал моде либо на храбрецов, приносящих добычу, либо на рачительных хозяев, обеспечивавших достаток в доме. В любом случае и на Западе, и на Востоке пассионарии, не нужные, а подчас мешающие обществу, умирали без законного потомства. Их исчезновение из популяции проходило незамеченным, пока внешние удары не потрясали этнос, а когда это происходило — оказывалось, что утрата невосполнима. И тогда наступала фаза обскурации, т. е. агония. Значит, мы имеем право

утверждать, что этнические процессы не являются разновидностью социальных, хотя и постоянно взаимодействуют с ними, что составляет многообразие исторической географии, где как в фокусе сопрягаются те и другие.

Итак, пассионарность — не просто «дурные наклонности», а важный наследственный признак, вызывающий к жизни новые комбинации этнических субстратов, преобразая их в новые суперэтнические системы. Теперь мы знаем, где искать его причину: отпадают экология и сознательная деятельность отдельных людей. Остается широкая область подсознания, но не индивидуального, а коллективного, причем продолжительность действия инерции пассионарного толчка исчисляется веками. Следовательно, пассионарность — это биологический признак, а первоначальный толчок, нарушающий инерцию покоя, — это появление поколения, включающего некоторое количество пассионарных особей. Они самим фактом своего существования нарушают привычную обстановку, потому что не могут жить повседневными заботами, без увлекающей их цели. Необходимость сопротивляться окружению заставляет их объединиться и действовать согласно; так возникает первичная консорция, быстро обретающая те или иные социальные формы, подсказанные уровнем общественного развития данной эпохи. Порождаемая пассионарным напряжением активность при благоприятном стечении обстоятельств ставит эту консорцию в наиболее выгодное положение, тогда как разрозненных пассионариев не только в древности «либо изгоняли из племен, либо просто убивали».^[312] Примерно так же обстоит дело в классовом обществе. Это отметил Пушкин, написав: «...посредственность одна нам по плечу и не странна...» («Евгений Онегин», глава восьмая, IX).

Правильно! Пассионарии обречены. Но если бы они всегда погибали, не успев ничего сделать, то мы до сих пор приносили бы в жертву младенцев, убивали стариков, пожирали тела убитых врагов, колдовством пытались извести друзей и родных. Не было бы ни пирамид, ни Пантеона, ни «открытия» Америки, формулировки закона тяготения и полетов в космос. Однако все это есть и начало накапливаться еще в палеолите. И жили бы сегодня на Земле не современные французы, англичане, русские и т. п., а шумеры, пикты и другие, имена которых давно забыты.

Наиболее трагично гибнут пассионарии в конечные фазы этногенеза, когда их становится мало и взаимопонимание между ними и массами обывателей утрачивается. Так было в 1203 г. в Византии. Небольшой отряд крестоносцев, всего 20 тыс. человек, явился под стены Константинополя, чтобы посадить на престол сына свергнутого императора. Греки могли

выставить 70 тыс. воинов, но не сопротивлялись, оставив без помощи варяжскую дружину и тех храбрецов, которые вышли на стены. Город был взят дважды: 18 июня 1203 г. и 12 апреля 1204 г. В последний раз он был страшно разрушен и разграблен. Крестоносцы потеряли при штурме... одного рыцаря! Что ж, пассионарии были убиты в бою, а прочие — в своих подожженных домах. Трусость не спасает. А ведь силы для сопротивления были. Можно было не только уцелеть, но и победить. И когда в войну вступила провинция, то победа была одержана и Константинополь освобожден, чтобы снова пасть в 1453 г. при таких же обстоятельствах. И снова осталось много людей, спокойно дававших себя убивать победителям. Так что же это за люди?

XXV. Субпассионарии

Особь гармоничные

Как ни велика роль пассионариев в этногенезе, число их в составе этноса всегда ничтожно. Ведь пассионариями в полном смысле слова мы называем людей, у которых этот импульс сильнее, чем инстинкт самосохранения, как индивидуального, так и видового. У подавляющего большинства нормальных особей оба эти импульса уравниваются, что создает гармоническую личность, интеллектуально полноценную, работоспособную, уживчивую, но не сверхактивную. Более того, безудержное сгорание другого человека, немыслимое без пассионарного принесения себя в жертву, таким людям чуждо и антипатично. К этому необходимо добавить, что и в развивающихся этносах большая часть особей имеет столь же слабую пассионарность, что и в реликтовых этносах. Разница лишь в том, что в динамических этносах присутствуют и действуют пассионарии, вкладывающие свою избыточную энергию в развитие своей системы.

Однако надо заметить, что интенсивность развития не всегда идет на пользу этносу; Возможны «перегревы», когда пассионарность выходит из-под контроля разумной целесообразности и из силы созидательной превращается в разрушительную. Тогда гармоничные особи оказываются спасителями своих этносов» но тоже до определенного предела.

Люди этого склада — крайне важный элемент в теле этноса. Они воспроизводят его, умеряют вспышки пассионарности, умножают материальные ценности по уже созданным образцам. Они вполне могут обходиться без пассионариев до тех пор, пока не появится внешний враг. Так, в Исландии потомки викингов постепенно утратили пассионарность. В XII в. они прекратили заморские походы, в XIII в. кончились кровавые распри между семьями, а когда в 1627 г. на остров высадились алжирские пираты, то они не встретили никакого сопротивления. Исландцы позволяли жечь свои дома, насиловать жен, забирать в рабство детей, но не нашли в себе решимости поднять оружие. [\[313\]](#)

Допустим, что в данном конкретном случае можно найти другие объяснения. Алжирцы были профессиональные головорезы; вероятно, они использовали момент внезапности, чем вызвали панику; исландцы были полностью лишены помощи метрополии — Дании, втянутой в это время в

Тридцатилетнюю войну и терпевшей поражения... И наконец, согласно нашей идее, пассионарное напряжение исландцев должно было понижаться и дальше. А так ли оно было? Посмотрим на Исландию два века спустя.

В 1809 г. в Рейкьявике стоял датский гарнизон, состоявший из трех десятков солдат, капитана и губернатора, у которого была красивая дочь. В июне этого года на рейде появился бриг под черным флагом и потребовал сдачи города. Датский офицер открыл огонь, но был ранен ядром с брига, и солдаты сложили оружие. Пираты высадились, и их глава оказался исландцем, ранее хорошо известным часовщиком Юргеном Юргенсоном, ныне пиратом. Этот мерзавец, как выяснилось, был влюблен в дочь губернатора и потребовал ее себе, а своим пиратам разрешил грабить жителей, объявив себя королем Исландии. К счастью, девушка успела тяжело заболеть. Но хороши исландцы! Никакого сопротивления кучке бандитов не было оказано. Тысячи потомков яростных «пенителей моря», завоевателей Англии, Нормандии и Винланда, покорно сносили безобразия нескольких десятков разбойников, не сопротивляясь и даже не спасаясь бегством. И ведь против них выступили не свирепые мавры, соперничавшие с королевскими флотами Испании и Франции, а кучка подонков из портов Северного моря. Ну это ли не падение пассионарности?

Однако не следует отождествлять большинство со всеми. Отдельные люди не потеряли самообладания. Хотя они были не в силах поколебать общую трусость и бессилие, себя они могли уберечь. В их числе оказался жених прекрасной датчанки; он спасся на рыбацкой лодке и, наткнувшись на английский фрегат, просил помощи. Англичане быстро подошли к Рейкьявику, под угрозой пушек заставили пиратов сдаться и заковали их в цепи, а губернатора и его дочь освободили. Главу разбойников судил английский суд и оправдал, так как он не затронул интересов подданных Великобритании.^[314] А исландцы после шестинедельного пребывания под властью короля-пирата вернулись к своим делам, на что только и были способны как люди гармоничные, цивилизованные и безвредные для всех, кроме самих себя. Ибо повышенная незащищенность не всегда способствует процветанию этноса.

«Бродяги», «бродяги-солдаты» и «вырожденцы»

Наконец, в составе этносов почти всегда присутствует категория людей с «отрицательной» пассионарностью. Иначе говоря, их поступками управляют импульсы, вектор которых противоположен пассионарному

напряжению.

Исландцы не потеряли хотя бы способность работать, чтобы прокормить свои семьи, а также уберечь источники жизни: места лова сельди, колонии гаг, где они собирали гагачий пух, и небольшие луга среди скал, нужные для прокорма молочного скота. Но субэтнические образования в урбанистических агломерациях древности являли собой куда худшие варианты. Разложившиеся потомки римских граждан, потерявшие свои земельные участки (парцеллы), скопились в I в. в Риме. Они ютились в каморках пятиэтажных домов, дышали зловониями «клоаки» — ложбины, по которой спускали в Тибр нечистоты, пили вино из вредной свинцовой посуды, но настойчиво и нагло требовали от правительства «хлеба и зрелищ». И приходилось давать, так как эти субпассионарные толпы могли поддержать любого пассионарного авантюриста, желавшего совершить переворот, если тот пообещает им дополнительную выдачу хлеба и более шикарное представление в цирке. А защищать себя от врагов они не умели и не хотели уметь, ибо учиться военному делу трудно. Субпассионарий полагает, по собственной несокрушимой логике, что будущего никто предвидеть не может, так как он, получатель хлебного пайка и зритель цирковых представлений, не умеет делать прогнозы на основании вероятности. Поэтому он делит получаемую информацию на два сорта: приятную и неприятную. Носителей второй он считает своими личными врагами и расправляется с ними при каждом удобном случае.

Результатом оказалось взятие Рима Аларихом (410 г.), причем готов было меньше, чем боеспособных и военнообязанных в черте города Рима, не говоря уже об Италии. И даже этот позор ничему не научил римлян. Готы обошлись с побежденными мягко и ушли. Это дало повод для очередного самоуспокоения. Но когда вандал Гензерих взял Рим (455 г.), объявив себя мстителем за разрушение Карфагена, он легко учинил резню среди субпассионариев, которых в отличие от гармоничных и безвредных исландцев никто не пожелал спасать. После вандальского погрома Рим уже не оправился. Но как-то не хочется его жалеть.

Аналогичная ситуация имела место в Багдаде, которым овладели не пришлые варвары, а купленные халифом тюркские рабы — гулямы. В IX в. арабские воины перевелись. Их потомки предпочитали заниматься мелкой торговлей и болтовней на базарах. Чтобы охранять особу халифа, а подчас и границы халифата, потребовались воины-профессионалы. Что же, их купили в степях Средней Азии и пустынях Нубии. Они оказались единственной реальной силой в Багдаде и стали смещать халифов по своему усмотрению. А население огромного города плакало, ругалось и

острило, но предпочитало жить не работая и умирать стоя на коленях, только бы не защищаться.

Такие последствия и соответственно смену идеала дает потеря пассионарного напряжения системой. Лозунг «жизнь для себя» — это легкий путь в черную гибель.

Пассионарность отдельного человека сопрягается с любыми способностями: высокими, малыми, средними; она не зависит от внешних воздействий, являясь чертой конституции данного человека; она не имеет отношения к этическим нормам, одинаково легко порождая подвиги и преступления, творчество и разрушение, благо и зло, исключая только равнодушие; и она не делает человека «героем», ведущим «толпу», ибо большинство пассионариев находятся именно в составе «толпы», определяя ее потентность и степень активности на тот или иной момент. Группа субпассионариев в истории наиболее красочно представлена «бродягами» и профессиональными солдатами-наемниками (ландскнехтами). Они не изменяют мир и не сохраняют его, а существуют за его счет. В силу своей подвижности они часто играют важную роль в судьбах этносов, совершая вместе с пассионариями завоевания и перевороты. Но если пассионарии могут проявить себя без субпассионариев, то те без пассионариев — ничто. Они способны на нищенство или на разбой, жертвой которого становятся носители нулевой пассионарности, т. е. основная масса населения. Но в таком случае «бродяги» обречены: их отслеживают и уничтожают. Однако они появляются в каждом поколении.

Градации пассионарности

Есть соблазн сопоставить пассионариев с «героями», ведущими «толпу», а «бродяг-солдат» назвать «ведомыми», но на самом деле механизм исторического действия не столь прост. Испанские Габсбурги и французские Бурбоны, за исключением основателей династии, были заурядными людьми, равно как и большая часть их придворных, среди которых время от времени появлялись авантюристы-министры вроде Фуке и Джона Ло или Мануэля Годоя. Но идалго и шевалье, негоцианты и корсары, миссионеры и конкистадоры, гуманисты и художники — все они создавали такое внутреннее напряжение, что политика Испании XVI в. и Франции XVI–XVII вв., если изобразить ее как составляющую этногенетического процесса, отражала высокую пассионарность этих

этносов.

Поэтому, несмотря на то что пассионарии часто возглавляют народные движения, правильнее назвать их не «ведущими», а «толкающими», ибо без достаточного их числа, умерших в неизвестности, было бы невозможно сломать традицию, т. е. инерцию массы. И об этом гласят строки старинной испанской баллады:

Поют об Оливьеро, поют и о Ролане.
Молчат о Сурракине, отважном капитане.
Воспет Ролан, воспет и Оливьеро.
Забыли Сурракина, лихого кабальеро.

Итак, мы наметили три градации убывающей пассионарности, хотя в случае надобности деление может быть более дробным. Поэтому третий характерологический тип правильно назвать «субпассионариями». Но самое главное — это не смешивать отмеченные типы с подразделениями классовыми или сословными. Любое из них включает в себя три типа, но в разных сочетаниях и с разными доминантами. Видоизменение их соотношений, как численных, так и векторных, внутри этноса определяет процесс этногенеза.

Этот тезис столь важен, что проиллюстрируем понятие пассионарности дополнительно, используя для наглядности уже не исторические, а литературные характеристики из сочинений А. С. Пушкина, близко подошедшего к проблеме.

Типичными пассионариями, но отнюдь не «героями» и не «вождями», являются: Скупой рыцарь, одержимый алчностью; Дон Гуан, стремящийся к любовным победам ради побед; Сальери, из зависти убивающий Моцарта; Алеко, из ревности зарезавший Земфиру. Пассионариями и вождями, хотя и не героями, у Пушкина выступают Мазепа и Пугачев (весьма далекие от исторических прототипов), а героями, но не пассионариями — Гринев и Машенька Миронова, рискующие жизнью ради долга. Образец пассионария и героя, хотя и короля, но не «вождя» — Карл XII, «любовник бранной славы — для шлема кинувший венец», т. е. приносящий интересы своей страны в жертву своему тщеславию. Последнему противопоставлен Петр I — гармоничная личность, выполняющая свой долг перед Россией, гораздо более сильная, чем Карл XII, следующий собственным капризам. Так — в трактовке Пушкина, и это близко к действительности, ибо, за исключением личных черт:

возбудимости, детской жестокости и т. п., Петр был подобен своему отцу, т. е. был человеком своего времени и продолжал одну из линий русской культурной традиции — сближение с Европой, возникшую в начале XVII в. при Михаиле Федоровиче. Но при этом Петра окружали пассионарии, например Меншиков, Ромодановский, Кикин, но они ни вождями, ни героями не были. Ни по Пушкину, ни на самом деле. Поэтому сопоставление пассионариев с вождями — домысел, цель которого описание одного из поведенческих признаков свести к банальной, давно отброшенной теории.

И ничуть не менее абсурдна другая, обратная точка зрения, сводящая все мотивы поступков самых разных людей к стремлению получить выгоду, причем под последней подразумеваются только деньги и эквивалентные им ценности. Эта вульгарная позиция субпассионарного обывателя часто выдается за материализм, с которым она на самом деле не имеет ничего общего. Обыватель, как правило, лишен воображения. Он не может и не хочет представить себе, что существуют люди, не похожие на него, движимые иными идеалами и не стремящиеся к иным целям, нежели деньги. Концепция непосредственной выгоды никогда не была точно сформулирована, потому что тогда стала бы очевидна ее абсурдность, но как сама собой подразумевающаяся она фигурирует в рассуждениях по любому поводу и даже в научных построениях, почему и требует к себе внимания.

Ганнибал и Карфаген

А теперь рассмотрим с нашей точки зрения поведение Ганнибала во время 2-й Пунической войны. Фамилия Барка была одной из богатейших в Карфагене. Отец Ганнибала Гамилькар приумножил свои богатства, подчинив Нумидию и Испанию, где его сын Ганнибал фактически был царем. Война с Римом не сулила Ганнибалу никаких выгод. Наоборот, риск был крайне велик. С точки зрения личных интересов Ганнибала, война была ему не нужна, но она была неизбежна для его отчизны — Карфагена. Ведь если бы шальная стрела попала в грудь карфагенского полководца, то его смерть не компенсировала бы никакая военная добыча, тем более что в деньгах он не нуждался. Но, может быть, он выполнял волю своих сограждан?! Нет, они не просили его воевать, в решающий момент отказались прислать подкрепление и ненавидели его со всей страстью, на которую способен обыватель, чувствующий, что надо что-то сделать не для

себя, а для общего дела. В этих случаях субпассионарий сразу начинает искать повод, который позволил бы ему уклониться от любых обязанностей. Конечно, это отнюдь не дальновидно, но ведь люди не всегда предусмотрительны, что и ведет к губительным последствиям. Короче говоря, ради личной выгоды Ганнибал должен был сидеть в своем Гадесе и развлекаться; карфагенские старейшины должны были бы всеми силами поддерживать своего полководца; нумидийские всадники — дезертировать, чтобы не гибнуть за ненавистных финикийских колонизаторов; испанские пращники — восстать и вернуть свободу. А все было наоборот! И из-за случившегося исчезла богатая пуническая литература Карфагена. Были выпажаны и заброшены долины в ущельях Атласа, ибо на эту страну пала обязанность снабжать миллионный город Рим хлебом. Свободолюбивые берберы, спасаясь от жестоких римлян, отошли на юг, и их стада вытоптали еще зеленевшие равнины Западной Сахары, которая стала превращаться в каменистую пустыню. Ведь во времена Ганнибала в Северной Сахаре текли реки, бродили слоны, паслись лошади, а через две тысячи лет антропогенных воздействий римских и арабских завоевателей всю эту богатую фауну заменил один верблюд.

Но если мы захотим найти причину таких грандиозных изменений в этнографии и физической географии, то ясно: на пассионарность фамилии Барка навалилась тяжелым грузом субпассионарность карфагенских обывателей. Именно она привела их сначала к проигранной войне, потом к гибели в стенах осажденного Карфагена, потом, как следствие, повлекла покорение Нумидии, за чем последовало уничтожение ландшафта.

А могло бы быть иначе? Конечно! Своевременная помощь Ганнибалу означала разрушение Рима, освобождение самнитов и цизальпинских галлов, остановку гиперболизированной, искусственной урбанизации и, следовательно, сохранение буковых и дубовых лесов на Апеннинах, виноградников вокруг Капуи и Тарента, этрусских городков в долине Арно. Были бы на долгое время спасены богатства Галлии и сокровища искусства Эллады, но не было бы ни Аппиевой дороги, ни терм Каракаллы, ни латинского языка в школах эпох грядущих. Однако развитие производственных отношений шло бы и в этой ситуации своим путем. На место изживающего себя античного рабовладения пришел бы феодализм, пусть чуть раньше или позже. Пассионарные подъемы и спады не влияют на социальное развитие, человечества, если понимать под последним смену общественно-экономических формаций. Да и как может эмоция изменять что-либо в стихии сознания — разума? И сейчас мы увидим, почему это так.

XXVI. Затухание пассионарности

Вспышка и пепел

Теперь можно сказать, что «пусковой момент» этногенеза — это внезапное появление в популяции некоторого числа пассионариев и субпассионариев; фаза подъема — быстрое увеличение числа пассионарных особей в результате либо размножения, либо инкорпорации; акматическая фаза — максимум числа пассионариев; фаза надлома — это резкое уменьшение их числа и вытеснение их субпассионариями; инерционная фаза — медленное уменьшение числа пассионарных особей; фаза обскурации — почти полная замена пассионариев субпассионариями, которые в силу особенностей своего склада либо губят этнос целиком, либо не успевают погубить его до вторжения иноплеменников извне. Во втором случае остается реликт, состоящий из гармоничных особей и входящий в биоценоз населяемого им региона как верхнее, завершающее звено.

Эту внутриэтническую эволюцию проделали все этносы, которых мы считаем примитивными только потому, что их незаписанная история тонет во мгле веков. Но ту же картину мы наблюдаем в истории, причем особенно четко это просматривается на субэтнических целостностях, например на сибирских казаках.

В XIV в. потомки обрусевших хазар сменили русское название «бродники» на тюркское «казаки». В XV–XVI вв. они стали грозой степных ногаев и, перенеся войну в Сибирь, добились последнего хана Кучума. Получив подкрепление от московского правительства, они за один век прошли Сибирь до Тихого океана. Нуждаясь в пополнении, они охотно принимали в свои отряды великороссов, но всегда отличали их от себя. Всех вместе их принято называть землепроходцами.

Русские землепроходцы XVII в. были люди строптивые, крутые, неуступчивые. Они не боялись ни начальства, ни суровой северной природы. С 1632 г., когда сотник Петр Бекетов основал зимовье на Лене, до 1650., т. е. до Анадырского похода казака Семёна Моторы, они прошли весь северо-восток Сибири и добыли соболиного ясака на суммы не меньшие, чем давало конкистадорам американское золото. «Казаки-завоеватели были людьми неукротимой храбрости и стихийной инициативы. Они объясняли племя за племенем, а порою выходили в Ледовитое море на кочах, сшитых из грубо отесанных досок древесными корнями, как бы

предназначенных для кораблекрушения. Но уже в конце XVII в. их характер стал изменяться и вместо походов появились отписки: «Суда наши слабы, и паруса малы. А делать большие суда, как в прежнее время, мы не умеем». В XVIII в. русское население северной Сибири как бы кристаллизуется. Инициатива и активность исчезают бесследно, и самая храбрость заменяется робостью».^[315] Наконец, в XIX в. потомки казаков потерпели поражение от чукчей и стали государственными крепостными, бесправными рабами каждого чиновника, отправленного на север с юга в наказание за проступки по должности. Поскольку так же и в те же хронологические сроки утратили пассионарность потомки испанских конкистадоров, французских колонистов в Канаде (за исключением той части, которая смешалась с индейцами), португальских и арабских купцов в бассейне Индийского океана, а в прошлые эпохи та же судьба постигла потомков викингов и эллинов, то можно считать описанный процесс закономерным. Растроченная энергия пассионарности оставляет на месте своей вспышки пепел сначала горячий, потом холодный и сырой.

Казалось бы, алчность конкистадоров, гордость Александра Македонского, тщеславие Суллы и страстная убежденность Гуса — это явления, не похожие друг на друга. Внешне это так, но подоснова у них и множества им подобных одна — пассионарность, и вот почему. Во всех приведенных примерах подчеркивалось, что признак пассионарности, или импульса к исключительной активности, был характерен для популяции, а не только для персоны. На отдельных личностях мы сосредоточили внимание с целью композиционной — чтобы наиболее выпукло обрисовать сам признак. В действительности процессы более сложны, хотя и не до такой степени, чтобы их было трудно анализировать, применив систему и последовательно ее соблюдая.

Сначала может показаться, что чем выше пассионарность персоны или системы, тем богаче творческая жизнь общественной группы, тем обильнее культура этноса. И так как эпохи Возрождения в Италии изобилует талантами, то можно рассматривать ее как акматическую фазу в этногенезе. Но в XV в. итальянский этнос переживал тяжелый период: фазу надлома. В Милане утвердились кондотьеры Висконти и Сфорца, во Флоренции — Медичи, в Риме — папы откровенно практиковали nepotismo и simonia (блат и продажность), в Неаполе и Сицилии правили испанцы, грубые, воинственные и далекие от гуманизма. Везде исчезали традиции городских республик, патриотизма и доблести, некогда позволившие итальянцам освободиться от жестокой власти немецких императоров. И на этом общем загнивании выросли такие цветы искусства и науки, как творчество

художников Беато Анджелико и Боттичелли, гуманистов Джованни Понтано, Лоренцо Балла, Марсилио Фичино и Пико делла Мирандола.

Но Высокое Возрождение (первая половина XVI в.), озаменованное именами Леонардо да Винчи, Рафаэля Санти, Микеланджело Буанорроти, Тициана, Ариосто и Макиавелли, проходило на фоне серии войн между Испанией и Францией, где Италия была не участницей, а ареной для боровшихся хищников. Эти войны начались вторжением французов в Италию в 1494 г., и до 1525 г. Франция претендовала на власть в Италии. Победитель, император Карл V, после победы над французами при Павии был вынужден бросить войска на подавление сопротивления итальянцев, что и было осуществлено в 1527 г. варварским разгромом Рима.

Нет, нельзя сказать, что итальянцы не делали попыток избавиться от своих тиранов, для чего использовали иногда появление иноземных войск. Так, в 1494 г. при приближении французов к Флоренции там была низвергнута фамилия Медичи и власть перешла к доминиканскому монаху Савонароле. Легче не стало, даже после гибели Савонаролы в 1498 г. Созданная заново республика показала полное бессилие, и в 1512 г. власть семьи Медичи восстановилась. Вторая попытка воссоздания республики была сделана при участии великого художника Микеланджело в 1527 г. и задавлена имперскими войсками в 1530 г. «Героическая пора Флоренции закончилась, и с ней закончилась культура итальянского Возрождения».^[316]

Во второй половине XVI в. Италия оказалась в сфере влияния Испании. Принятые на Тридентском Соборе 1563 г. принципы Контрреформации, по сути дела — нового католицизма, встретили в Италии не народное сопротивление, а разрозненные протесты интеллектуалов. С ними католическая реакция справилась легко. После сожжения Джордано Бруно, заточения Кампанеллы и отречения Галилея наступил полный упадок, длившийся около 150 лет.^[317] Пассионарность Италии иссякла. Как объяснить несовпадение «расцветов» пассионарного и творческого?

Пассионарность слабая, но действенная

Видимо, кроме описанных нами ярких примеров, должны существовать варианты, слабее выраженные, при которых пассионарий не идет на костер или баррикаду (Гус и Сулла), но жертвует многим ради своей цели. Творческое сгорание Гоголя и Достоевского, добровольный аскетизм Ньютона, надломы Врубеля и Мусоргского — это тоже примеры

проявления пассионарности, ибо подвиг науки или искусства требует жертвенности, как и подвиг «прямого действия».^[318] В процессах этногенеза ученые и артисты тоже играют важную роль, хотя и другую, нежели деятели политической истории. Они придают своему этносу специфическую окраску и таким образом либо выделяют его из числа прочих, либо способствуют межэтническому общению, благодаря чему возникают суперэтнические целостности и культуры. К пассионариям же, хотя и меньшего напряжения, относятся безымянные строители готических соборов, древние русские зодчие, сочинители сказок и т. п., по внутреннему влечению выбравшие эти трудные профессии. Понятно, что к ним принадлежат и талантливые летописцы, которые попадают в этот раздел по принятой нами классификации.

Обратим внимание на относительно слабые, но творческие степени пассионарного напряжения системы. Их две: одна на подъеме до «перегрева» системы, который мы будем называть «акматической фазой», и вторая — в надломе, знаменующая переход к фазе, которую мы называли «инерционной». Образно говоря, оба интересующих нас момента являются перегибами кривой роста (плюс-минус) пассионарности этнической системы, причем даже при спаде до полной потери напряжения еще далеко. При относительно невысоком уровне пассионарности стереотип поведения и общественный императив человека не таковы, чтобы незаметно для него самого толкнуть его на добровольную смерть ради им самим выбранной идеальной или даже иллюзорной цели. Но имеющееся в этносе этого периода пассионарное напряжение достаточно для того, чтобы к одной цели стремиться и хотя бы немного изменить окружающую его действительность. Вот тут-то, если у человека есть соответствующие способности, он предается науке или искусству, дабы убеждать и чаровать современников.

Стихи ли, картины ли, театральные представления — все это действует на воспринимающих людей и меняет их, причем мы не ставим здесь вопроса: к лучшему или к худшему? Если же эти способности отсутствуют — человек накапливает богатство, делает служебную карьеру и т. п. Исторические эпохи, где господствует данный уровень пассионарности, рассматриваются как расцвет культуры, но за ними всегда следует один из двух возможных жестоких периодов: либо при подъеме пассионарности происходит уже описанный «перегрев», либо при медленном ее спаде наступает упадок. Так, Возрождение (XIV–XV вв.) сменила Реформация (XVI–XVII вв.), а вслед за ужасами Тридцатилетней войны, гугенотских войн и драгонад, а также за свирепостью

«круглоголовых» Кромвеля, соединившего, по выражению Энгельса, в одном лице Робеспьера и Наполеона, наступил относительно спокойный период — XVIII в., похожий на Возрождение по уровню пассионарности, но не по ее вектору. Сначала шло повышение уровня, а потом, после катаклизма, — снижение. Это значит, что процент пассионариев снизился, а на их место пришли люди, предпочитающие безопасность — риску, накопление — быстрому успеху, спокойную и сытую жизнь — приключениям. Они были не хуже и не лучше пассионариев; они были просто другие.

Этот процесс источниками никогда и нигде не был зафиксирован, потому что он очевиден только при широких сопоставлениях характеристик эпох и стран. Поэтому описание его можно сделать только средствами этнологии и в рамках этнической истории.

Но можно ли сказать, что пассионарии меньшего накала — художники, поэты, ученые, служаки и т. п. — не играют роли при этногенезе или что эта роль меньше, чем роль полководцев, конкистадоров, ересиархов или демагогов? Нет, она не меньше, но другая. Мы показали, что личность даже большего пассионарного напряжения не может сделать ничего, если она не находит отклика у своих соплеменников. А именно искусство является инструментом для соответствующего настроения; оно заставляет сердца биться в унисон. И поэтому можно утверждать, что Данте и Микеланджело сделали для интеграции итальянского этноса никак не меньше, чем Цезарь Борджиа и Макиавелли. И недаром эллины чтили Гомера и Гесиода наравне с Ликургом и Солоном, а древние персы Заратустру даже предпочитали Дарию I Гистаспу. Пока пассионарность пронизывает этнос в разных дозах — идет развитие, что выражается в творческих свершениях; но поскольку не может быть поэта без читателя, ученого — без учителя и учеников, пророка — без паствы, а полководца — без офицеров и солдат, механизм развития лежит не в тех или иных персонах, а в системной целостности этноса, обладающего той или иной степенью пассионарного напряжения.

Члены персистентных этносов обладают многими достоинствами, всегда отмечавшимися и весьма ценимыми соседями и путешественниками, восхвалявшими «новооткрытых» индейцев, полинезийцев, эскимосов, тангутов, эвенков и айнов. Анатомически и физиологически они полноценные люди, вполне приспособившиеся к ландшафту своего ареала, но пассионарного напряжения у них столь мало, что процесс развития этносов затухает. Даже когда среди них случайно рождается пассионарная особь, она ищет себе применения не на родине, а у соседей: например в XV–XVIII вв. албанцы делали карьеру либо в

Венеции, либо в Стамбуле. Еще ниже пассионарность у современных бушменов, веддов, гондов и потомков майя в Юкатане. А еще ниже — апатия, т. е. вырождение и гибель, но это уже теоретическая экстраполяция, потому что на практике соседи успевают расправиться со слабеющим этносом прежде, чем он умрет.

Из сказанного вытекает, что наиболее тяжелым периодом в жизни этноса оказывается надлом — переход от акматической фазы накала пассионарности к разумному хозяйничанию инерции, а затем к бездумному спокойствию гомеостаза. Цели и задачи еще те же, а силы убывают. Процент людей гармоничных и субпассионарных растет, снижая, а то и сводя на нет усилия персон творческих и патриотичных, которых начинают называть «фанатиками». Именно отсутствие внутренней поддержки «своих» определяет гибель этносов от немногочисленных, но пассионарных противников. «Бойся равнодушных», — сказал перед смертью писатель XX в.

Выше уже говорилось, что гибели этноса, как путем истребления, так и посредством ассимиляции, предшествует упрощение его внутренней структуры и оскудение стереотипа поведения. Посредственность, уничтожая экстремальные особи в своей среде, лишает коллектив необходимой резистентности, вследствие чего сама становится жертвой соседей, за исключением тех редких случаев, когда горы или пустыни служат последним прибежищем реликту-изоляту. Между филогенезом и этногенезом есть известная, хотя и не полная аналогия, тогда как прогрессивное социальное развитие подчиняется совсем другим закономерностям, описанным в теории исторического материализма с исчерпывающей полнотой.

Бастарды

Если бы процесс утраты пассионарности как экстремального признака проходил вне социальных условий, то он был бы быстр, нагляден и практически безрезультатен. Но в сложных коллизиях этнической истории при постоянном взаимодействии с общественно-экономическими процессами роль и значение утраты пассионарности отчасти затушеваны. Поэтому вернемся снова к истории и возьмем пример из эпохи хорошо изученной, чтобы избежать недоразумений, базирующихся на неполноте материала.

Западноевропейских пассионариев губили колониальная горячка, ибо

из Ост- и Вест-Индии редко кто возвращался, и сифилис, дающий неполноценное потомство. Сифилис поражал людей избирательно. Больше всего от него страдали моряки и солдаты, которые в те времена были либо добровольцами, т. е. пассионариями, либо «бродягами-солдатами», т. е. субпассионариями. Инертная часть населения в городах и деревнях от этих двух зол страдала меньше, так что пассионарное напряжение системы снижалось. Однако этот процесс шел медленнее, чем можно было ожидать. Было обстоятельство, препятствовавшее снижению пассионарности.

Дело в том, что пассионарий, прежде чем погибнуть на войне, успевал рассеять свой генофонд в популяции путем случайных связей. Жажда действия, толкавшая юношу в кровавую сечу, вызывала в его сверстниках восторг, который они выражали способом, для них доступным. И в эпохи высокого пассионарного напряжения общественное мнение за это девиц не осуждало слишком строго; ханжество пришло вместе с остыванием пассионарности. Слово «бастард» в Средние века не было оскорбительным. Коннетабль Франции при Карле VII — Дюнуа именовался принц-бастард. И таких, как он, было много. За время Столетней войны внебрачные сыновья вельмож и девушек мещанского сословия в качестве предводителей бродяг-солдат, т. е. субпассионариев, наполнявших «белые отряды», завоевывали себе рыцарские почести и имения. Эти отряды «состояли из бедных, но непреклонных, сильных людей, искавших одной только собственной выгоды как в своей стране, так и за ее пределами».^[319] В 1431 г. в войне за Лотарингию бургундским герцогом Филиппом Добрым были наняты на службу бастарды: д'Юмьер, де Бримен, де Невилль и Робине Ловчий — бастард из рода Шиндерганнес. Эти люди обеспечили Филиппу победу.^[320]

Еще проще было на Востоке. Арабы, турки, монголы, практикующие полигамию, считали «законными» всех своих детей, даже детей от пленниц. Разницу между детьми от первой жены и от наложниц учитывали только при наследовании престола, но для большинства населения это было несущественно. Женщины обладают теми же способностями к переносу генов, что и мужчины, и бывают столь же пассионарны. Поэтому размывание первичного генофонда в гаремах создавало вариации уровня пассионарного напряжения этносоциальных систем более безболезненно, чем в Европе.

Такой стереотип поведения делал признак пассионарности блуждающим. Это снимает мнение, согласно которому пассионарность присуща какому-либо классу. Если даже случайное стечение обстоятельств

может породить такое соответствие, то уже в следующем поколении оно будет нарушено (даже при наличии действующей полиции нравов) появлением так называемых «незаконных» детей, которые, оказавшись в составе иных социальных групп, будут вести себя согласно уровню своей пассионарности, унаследованной от фактических, а не от юридических предков.

Например, во Франции до XVII в. дворянство не было замкнутой кастой. Фактически дворянином мог стать любой энергичный человек, находившийся на службе у короля. Указом Ришелье в это положение были введены некоторые ограничения: при проверке, после гугенотских войн, заявляющий себя дворянином должен был указать несколько поколений предков-дворян. И что же?.. При Людовике XIV почти все министры, ряд выдающихся военных и все великие писатели (кроме Фенелона, Ларошфуко и мадам Севинье) оказались не дворянами, а буржуа.^[321] Ведущую роль в феодальном королевстве они заняли благодаря своим деловым качествам, которыми, очевидно, не обладали их «законные» предки; иначе те тоже выдвинулись бы при Филиппе Красивом или Карле Мудром, когда фактически не было сословных ограничений на королевской службе. В самом деле, если бы пассионарии скапливались в одной социальной группе, то первая же кровопролитная война уничтожила бы всю популяцию пассионариев и уже в первой фазе пресекла бы начавшийся процесс этногенеза. А этого, как мы видели, нет.

Часто наблюдается такое явление, как этническая регенерация, т. е. восстановление структуры этноса после потрясений. Причем спасители отечества при этом проявляют пассионарность, сходную с той, которой обладали основатели, и неизмеримо большую, нежели та, что была у их законных предков. Бастарды были во все эпохи и у всех народов, хотя их появление редко отмечалось источниками, но это — не основание для того, чтобы считать их несуществовавшими.

Механизм этнической регенерации таков. Обычно среди субэтносов, образующих этнос, один является наиболее инициативным и, следовательно, ведущим. В нем пассионарность особей интенсивно преобразуется в деяния, и потому процесс растраты пассионарности идет быстро. Она пополняется из прочих субэтносов, но есть и обратный ток: пассионарный генофонд рассеивается по всей популяции через внебрачные связи, при которых ребенок остается в среде своего субэтноса, точнее, в семье матери. Поэтому растрата пассионарности системы замедляется.

Когда же ведущий субэтнос, исчерпав свои возможности, терпит крушение, один из периферийных субэтносов перехватывает эстафету, и

процесс этногенеза, готовый прерваться, продолжается. Этого не могло бы произойти при регламентированных брачных связях, потому что ребенка родители должны были бы взять с собой в пекло страстей человеческих, где он должен был бы разделить их обреченность. А ценой потери генеалогии он сохранял жизнь.

Разумеется, каждая регенерация этноса влечет сдвиг культурного развития, но в пределах данной системы, благодаря чему этнос продляет срок интенсивной творческой жизни, а не бескрылого существования. Однако этого достаточно, чтобы благословить сочетания инстинктов, ломающих рациональные нормативы поведения. Природа сильнее людских замыслов.

Что цементирует этносы?

Ответив на вопрос о природе динамики этнического становления, или этногенеза, мы подошли к не менее важной проблеме: в чем причина этнической устойчивости? Ведь многие этносы существуют в реликтовом состоянии при столь слабой пассионарности, что ее практически можно считать равной нулю. Таковы бушмены, австралийцы, пигмеи, низкорослые негроиды Декана, палеоазиаты и т. п. Еще больше примеров вполне полноценных этносов, существующих в форме современных малых наций, у которых пассионарность ослаблена настолько, что они лишь поддерживают свой образ жизни, изредка выделяя особи столь же пассионарные, какими были их предки. Как пример этого уровня пассионарности можно привести скандинавские страны или Нидерланды.

Созданная материальная база, опыт управления и прочие социально-технические факторы противостоят тенденции к упадку. Поскольку на протяжении своей жизни этнос функционирует в рамках какой-либо суперэтнической системы, происходит «энергетический» обмен с элементами суперсистемы. Это обуславливает колебание уровня пассионарности. Отсюда следует, что функционирование внешней системы связей этноса может привести как к ускорению развития, так и к спаду и даже гибели, если величина обмена превышает некоторое критическое значение, разное в принципе для разных моментов жизни этноса.

Теперь мы вправе поставить вопрос: а что именно цементирует разных людей, часто не похожих друг на друга, в целостность, называемую этнической? При иной системе отсчета — социальной — эту роль выполняют производственные отношения, обладающие способностью к

спонтанному развитию. Но для этносов существует другая система отсчета, и историческая наука, исследующая события в их связи и последовательности, прекрасно описывающая возникновение и исчезновение социальных институтов, не в состоянии ответить на вопрос: почему афинянину был ближе его враг — спартанец, чем мирно торгующий с ним финикиец? Она отметит лишь, что афиняне и спартанцы были эллинами, т. е. единым, хотя и политически раздробленным этносом. А что такое этнос и чем связаны его члены? — история на этот вопрос не отвечает. Значит, надо обращаться к природе.

Мы уже знаем, где таится различие между этнической историей (проявление сил природы) и историей культуры, сотворенной руками и умами людей. Жизнь вспыхивает и завершается смертью, которая воспринимается как естественный конец процесса, даже желанный, особенно если она своевременна и безболезненна. Вот почему все процессы биосферы прерывны (дискретны); в непрерывном же развитии нет места ни для смерти, ни для рождения.

А в истории культуры все наоборот. Дворцы и храмы сооружают годами; ландшафты реконструируют веками; научные труды и поэмы сочиняют десятилетиями... и все в надежде на бессмертие. Надежда эта оправдана: создания человека дарована не смерть, а медленное разрушение и забвение. В созданном нет своей пассионарности, а есть только кристаллы ее, вложенные в косное вещество творцами формы, т. е. людьми, точнее, горением их чувств и страстей. Увы, эти кристаллы неспособны к развитию и преобразению, ибо они выпали из конверсии биоценоза. Право на смерть — привилегия живого!

Вот именно поэтому культуры, созданные этносами и изучаемые археологами, переживают первых и вводят в заблуждение вторых, заставляя их отождествлять творение с творцом и искать аналогии между вещами и людьми. Это искушение тем более опасно, что по уходе пассионариев из популяции там остается много людей, еще больше вещей и некоторое количество идей. Так культура, как свет угасшей звезды, обманывает наблюдателя, принимающего видимое за существующее. Но переход от описания к объяснению феномена вынуждает применить иной аппарат исследования — гипотезу, т. е. предположение, не доказуемое, но соответствующее всем известным фактам и объясняющее их взаимосвязи. Здесь мы переходим в область естественных наук.

Часть седьмая

Мост между науками,

в коей сделана попытка объяснить описанное явление этногенеза путем сопоставления с данными смежных наук. В отличие от предшествующих эта часть гипотетична, но любое другое объяснение было бы не совместимо с описанием характера этногенеза, сделанным выше

XXVII. Поле в системе

Этногенез

До тех пор пока этнографы строили классификации по видимым индикаторам: языку, соматическим признакам (расам), способу ведения хозяйства, религиям, уровням и характеру техники, казалось, между суперэтносомами и этносами пропасть. Но как только мы переносим внимание на системные связи, то она исчезает. Место описательной этнографии занимает этническая история, фиксирующая как устойчивые взаимоотношения между разнообразными элементами суперэтнической системы, так и ее взаимодействие с соседними системами. И тогда оказывается, что то, что считалось абстракцией, существует, и оно весомо и действенно. Значит, такие термины, как «эллинская культура» (включающая Македонию и Рим), «Мусульманский мир», «европейская цивилизация», распространившаяся по другим континентам, «Срединная империя» (Китай — этнически крайне мозаичная страна) или «кочевая евразийская культура» (тюрки и монголы), — не просто слова, а обозначения технически овеществленных и социально оформленных совокупностей этнических целостностей, стоящих на один порядок выше тех, которые доступны этнографам-наблюдателям.

Очевидно, что в эпоху, предшествовавшую возникновению письменности, этнические целостности этого порядка возникали не менее часто и проходили те же фазы развития, оставляя после себя памятники из кремневых отщепов, мусорных куч и осколков керамической посуды, а иногда и сохраняясь как «племена» в труднодоступных джунглях или на отдельных островах.

Но если так, то многие изоляты, считавшиеся находящимися на «ранних» ступенях цивилизации, при крайне низком уровне техники являются конечными, а не начальными фазами этногенезов. Таковы, например, пигмеи тропических лесов Африки, аборигены Австралии, палеоазиатские этносы Сибири, огнеземельцы, горцы Памира.^[322] Степень адаптации к природным условиям у них настолько велика, что она позволяет им поддерживать существование в составе биоценоза, не прибегая к усовершенствованию орудий труда и оружия. Однако эта система взаимоотношений с природой и этническим окружением налагает ограничения на прирост населения. Это особенно заметно в Новой Гвинее,

где еще недавно папуасский юноша получал право иметь ребенка не раньше, чем он принесет голову человека из соседнего племени, узнав его имя, потому что число имен строго лимитировано. Таким путем папуасы поддерживали свое равновесие с природными ресурсами населяемого ими района. Это близкий к нулю уровень пассионарности. В прочих отношениях они не уступают динамическим народам.

Как правило, персистентные этносы составляют устойчивые системы, включающие в себя, кроме людского поголовья, известное количество элементов живой природы и технически организованного косного вещества. Это значит, что в этноценоз (так мы назовем сложный комплекс, описываемый нами) входят наряду с людьми те или иные домашние животные, окультуренные растения и вещи — как предметы обихода. Эскимосы немыслимы без собак, иглу и каяков, даже если они подвешивают к последним лодочные моторы внутреннего сгорания. Тунгусы связаны с оленями и лайками, арабы — с верблюдами, индейцы пуэбло — с початками маиса и т. д. Нарушение этноценоза, если оно невелико, только деформирует этнос, а если достаточно велико — разрушает.

Иногда, но далеко не всегда разрушение этноценоза вызывает вымирание этноса, а вместе с тем и связанных с ним животных и растений. Часто уничтожается только система, а компоненты ее входят в состав других этносов и этноценозов. А бывает и так, что при полном вымирании этноса и нарушении этноценоза продолжает наблюдаться повторяемость этногенезов с некоторыми отклонениями от первоначального типа. Это называется преемственностью культуры. Так, ритмы римской культуры продолжали ощущаться во всей Европе много веков после того, как исчез римский этнос и вслед за тем погибла Римская империя. Но если так, то мы наткнулись на понятие этнической инерции, а ведь инерция — явление физическое. Да и как может иметь место инерция тела, переставшего существовать? Очевидно, в нашем анализе чего-то не хватает. Значит, нужно ввести новое понятие, и, забегаая вперед, скажем прямо — в природе существует *этническое поле*, подобное известным электромагнитным, гравитационным и другим полям, но вместе с тем отличающееся от них. Проявляется факт его существования не в индивидуальных реакциях отдельных людей, а в коллективной психологии, воздействующей на персоны.

Этническое поле

Принцип поля осуществляется в жизни индивида и вида универсально, во всех ее проявлениях и на всех этапах. Нетрудно видеть, что сами эти проявления подразделяются на две категории. Одни из них обнимают процессы развития вида, т. е. перехода латентной (потенциальной) формы его существования в развернутую (актуальную). Другие заключаются в поведении элементов органического целого (особи, колонии, вида), обеспечивающем его существование, его целостность (жизненное единство) как такового и сохранение его формы. В обоих этих случаях имеет место координированное действие многочисленных элементов целого, т. е. проявляется принцип поля. Но в процессе развития его объект (индивид) формируется, т. е. непрерывно изменяется как морфологически, так и физиологически. В соответствии с этим и поля развития (эмбриональные или морфогенные поля) отличаются динамичностью. В каждый данный момент любое поле развивающегося органа или молодой развивающейся особи отлично от того, каким оно было в момент предшествующий. В противоположность этому поля регулируют поведение элементов органического образования, обеспечивающее сохранение его в целостности, *относительно статическое*, обусловленное наличием типа данной группы. Но ясно, что свойственное высшим таксономическим группам единство не может не распространяться на другие стороны их бытия. Для нас это единство манифестируется не только через форму, но еще и через поведение этих групп в эволюционном процессе, в котором они участвуют, каждая как нечто целое и единое. Об этом достаточно ясно свидетельствует наличие закономерностей эволюционного процесса, не только общих для всех или для большинства организмов, но также и таких, которые характерны для отдельных групп.

Из факта целостности групп и их единства, выражающегося в единстве их строения и поведения в эволюционном процессе, мы можем заключить, что существуют поля, регулирующие и координирующие этот процесс. Поля эти можно назвать филогенетическими. Поскольку свойства того или иного типа группы являются ее наиболее полной характеристикой, мы можем видеть сущность эволюционного процесса в эволюции типов групп. При этом понятие приобретает динамическое значение, тогда как до сих пор оно употреблялось в статическом понимании. [\[323\]](#)

Итак, занятия историей, этнографией и даже психологией позволили вернуться к природоведению в полном смысле слова. Поскольку люди входят в биосферу Земли, они не могут избежать воздействия биохимических процессов, влияющих на их подсознание или сферу эмоций. А эмоции в не меньшей степени, чем сознание, толкают людей на

поступки, которые интегрируются в этногенные и ландшафтогенные процессы. В результате возникает пассионарное поколение, утрачивающее инерцию пассионарности из-за сопротивления среды и переходящее к реликтовому состоянию этноландшафтного равновесия, нарушаемому новым пассионарным толчком, т. е. микромутацией.

Наиболее отчетливо надындивидуальное поведение проявляется в коллективных действиях общественных животных. В человеческом обществе действия коллектива определяются сознательно поставленной этим коллективом или его вожаком целью. Руководствуясь этой целью и имея определенный план ее достижения, люди воздвигают города, развивают разные отрасли хозяйства, распределяют добываемые средства к существованию и т. п. Общественные насекомые также строят общие для всей колонии жилища, совместно добывают и распределяют пищу, воспитывают потомство и т. п.

Сущность надындивидуального поведения у животных не имеет ныне достаточной научной трактовки. Его часто называют инстинктивным. Но что разъясняют эти эпитеты? Теория естественного отбора дает ответ на вопрос о происхождении как инстинктов, так и вообще всех свойств организмов. Но, во-первых, объяснение с точки зрения этой теории данных явлений так же мало убедительно, как и объяснение с ее помощью всего процесса эволюции, а, во-вторых, знания происхождения какого-либо явления самого по себе недостаточно для понимания его сущности. Да мы и не будем пока пытаться точно определить природу надындивидуального поведения и решать вопрос о происхождении инстинктов. Возможно, что в настоящее время у нас не только нет необходимых для этого фактических данных, но даже не выработаны и сами понятия, которыми надлежит оперировать в этой области. Но это не мешает нам собирать относящиеся сюда факты, классифицировать их, отмечать наблюдающиеся закономерности и пытаться истолковать их, исходя из принимаемых нами общих положений.

Применяя принцип поля ко всем проявлениям жизни индивида и вида, мы конкретно представляем себе объекты действия этого поля. Реальность индивида очевидна непосредственно. Однако бессознательно ее признают не одни только биологи; поскольку понятия, обозначающие виды, как, например, «собака», «ворона», «гадюка», «лещ», распространены даже в быту.

Вид как реальность манифестируется благодаря своему единству. Но для всякого, кто использует методы систематики, очевидно, что реальностями являются не только виды, но также этносы, поскольку они

существуют в историческом единстве и им присуща общность исторической судьбы.

Ритмы этнических полей

Концепция роли этнического поля изложена здесь так подробно потому, что, будучи перенесена в этнологию, она решает наиболее сложные проблемы.

Необходимо условиться о значении используемых нами терминов. Эти термины, даже если они в деталях не совпадут с принятыми в смежных науках, пояснят читателю мысль автора, поскольку такое понимание необходимо для дальнейшего разбора сюжета. Скажем так: поле организма — это продолжение организма за видимые его пределы, следовательно, тело — та часть поля, где частота силовых линий такова, что они воспринимаются нашими органами чувств: Ныне установлено, что поля находятся в постоянном колебательном движении, с той или иной частотой колебаний.^[324] Эти колебания, т. е. «вибрационные раздражители, имеют ту особенность, что беспрепятственно передаются из одной среды в другую и имеют общий характер распространения в твердой, жидкой и газообразной средах. Вибрации воздушной среды в полосе от 16 до 20 000 Гц воспринимаются человеком как звуковые раздражители. Для восприятия собственно вибрации в организме нет специального рецепторного органа», — пишет Г. И. Акинщикова и далее приводит данные о режиме нормальных вибраций для внутренних органов и неврологических и физиологических нарушениях, возникающих при продолжительном воздействии вибраций на организм. К кругу вибраций, влияющих на человека, относятся колебания активности органов, суточные, месячные, годовые и многолетние, обусловленные влиянием Солнца, Луны, изменениями геомагнитного поля и другими воздействиями внешней среды.^[325] Одного этого наблюдения достаточно для интерпретации всего собранного этнологического материала. Только за эталон исследования нужно будет принять этническую систему, т. е. перейти с организменного уровня на популяционный.

Исходя из приведенных данных, ясно, что определенная частота колебаний, к которой система (в нашем случае — этническая) успела приспособиться, является для нее, с одной стороны, оптимальной, а с другой — бесперспективной, так как развиваться ей некуда и незачем. Однако ритмы эти время от времени нарушаются толчками (в нашем

случае — пассионарными), и система, перестроенная заново, стремится к блаженному равновесию, удаляя элементы, мешающие данному процессу. Таким образом, на уровне этноса наблюдается причудливое сочетание ритмов и эксцессов, блаженства и творчества, причем последнее всегда мучительно.

И еще. Говоря о вспышках этногенезов в разных регионах, мы отвергли ритмичность этих явлений не из общефилософских соображений, а просто потому, что гипотеза ритмичности противоречила наблюдениям. Но колебания этнического (так мы его будем называть для удобства изложения) поля с той или иной частотой можно приравнять к ритму, интенсивность которого меняется в течение процесса этногенеза. Попробуем пояснить это: струна (или камертон) начинает звучать после щипка, но колебания ее постепенно слабеют, и звук смолкает; а если ее щипнуть снова, с другой силой, то она снова зазвучит, но сильнее или слабее. А так как буквальных совпадений не бывает, и в натуре-то звучит не одна струна, а громадный оркестр с акустикой зала, то все этнические поля не похожи друг на друга, хотя и подчиняются одной закономерности: затуханию первоначального импульса, возникшего вследствие эксцесса (микромутации). Это объяснение, даже если считать его недоказанным (индуктивно), подтверждается тем, что объясняет все известные факты, а это в естественных науках признается необходимым и достаточным.

Описанное этническое поле (или феномен, ему равноценный) мы воспринимаем как этническую близость или, наоборот, чуждость. Принцип, характерный для всех этносов — противопоставление себя всем прочим («мы» и «не мы»), находящийся в непосредственном ощущении, с предложенной точки зрения может быть истолкован просто. Когда носители одного ритма сталкиваются с носителями другого, то воспринимают новый ритм как нечто чуждое, в той или иной степени дисгармонирующее с тем ритмом, который присущ им органически. Новый ритм может иногда нравиться, но несходство фиксируется сознанием как факт, не имеющий объяснения, но и не вызывающий сомнения. А проявляются ритмы этнического поля в стереотипе поведения, как уже было сказано, неповторимом.

Видимо, именно благодаря наличию этнического поля не рассыпаются на части этносы, разорванные исторической судьбой и подвергшиеся воздействию разных культур. Они даже могут регенерировать, если устранить причины, нарушившие первоначально заданный ритм этнического поля. Отсюда же, между прочим, вытекает объяснение явления ностальгии. Человек, заброшенный в среду чужих, пусть даже

симпатичных людей, ощущает странную неловкость и тоску. Но эти чувства ослабевают, когда он находит соплеменников, и исчезают при возвращении домой. При этом не имеют значения ни климатические условия, ни наличие комфорта.

Предложенная интерпретация снимает сомнения по поводу первичности восприятия этноса. Поскольку в основе этнической общности лежит биофизическое явление, то считать его производным от социальных, экологических, лингвистических, идеологических и т. п. факторов нелепо.

И теперь мы можем ответить на вопрос: почему «безнациональны», т. е. внеэтничны, новорожденные дети? Этническое поле, т. е. феномен этноса как таковой, не сосредоточивается в телах ребенка и матери, а проявляется между ними. Ребенок, установивший связь с матерью первым криком и первым глотком молока, входит в ее этническое поле. Пребывание в нем формирует его собственное этническое поле, которое потом лишь модифицируется вследствие общения с отцом, родными, другими детьми и всем народом. Но поле в начале жизни слабо, и если ребенка поместить в иную этническую среду, перестроится именно поле, а не темперамент, способности и возможности. Это будет воспринято как смена этнической принадлежности, в детстве происходящая относительно безболезненно.

Личность человека формируется на протяжении первых трех-пяти лет жизни. По утверждению А. С. Макаренко, ребенок, неправильно воспитанный до пяти лет, требует перевоспитания. Л. А. Орбели создал «экспериментально обоснованную теорию о дозревании безусловных рефлексов уже после рождения ребенка под влиянием внешней среды».^[326] И очень опасно отчуждение ребенка младше трех лет от матери — точнее, от человека не столько кормящего, сколько ласкового, внимательного, доброго. Такая разлука часто ведет к снижению интеллекта, аномалиям социального поведения, повышенной уязвимости и агрессивности.^[327]

Ясно, что здесь действуют не генный аппарат, а биополя ребенка и взрослого, взаимодействующие при общении. Сказанное справедливо не только для персон, но и для систем высшего порядка — этносов.

Этническое поле и этногенез

Выше мы объяснили лишь два способа возникновения этносов: путем дивергенции и путем слияния. Теперь речь пойдет о самом главном моменте — о творческом становлении, а не перестановке слагаемых. Мы отметили, что пусковой момент этногенеза всегда совпадает с резким

подъемом уровня пассионарного напряжения. Прибегая к метафоре, можно сказать, что реакция синтеза идет лишь при высоком энергетическом накале, когда первичные компоненты, этнические субстраты, теряют на миг структуру и вновь кристаллизуются в небывалых дотоле сочетаниях.

Такие периоды накала мы констатировали во II в. н. э. — когда создалась византийская целостность, в VIII в. — когда одновременно образовались мусульманский суперэтнос, тибетский и северокитайский этносы, в IX в. — когда сложились европейские средневековые нации, в XII в. — с рождением монгольского и чжурчжэньского этносов, и в XIV в. — когда появились великороссы. Каждому появлению, очевидно, предшествовал инкубационный период, но вскрыть и описать его путем изучения видимой истории невозможно. Однако, установив закономерность, мы вправе сделать логическое заключение, что не только зафиксированные исторические этносы возникли таким образом, но и те древние этносы, которые либо сохранились как реликты, либо только упомянуты в древних источниках.

Следует помнить, что история человечества освещена неравномерно. Но если нам неизвестны динамические процессы этногенеза палеоазиатов, тэульчей (патагонцев), меланезийцев или койсанцев (готтентотов и бушменов), то считать, что у них не было своей акматической фазы, нет оснований. Наоборот, исходя из выявленной нами закономерности следует полагать, что все этносы имели свой героический век и свой расцвет. Но жестокое время унесло память об этих эпохах, ибо там, где традиция прервалась и нет расшифрованной письменности, традиционная историческая методика бессильна. Поэтому ограничимся тем, что сделать возможно, необходимо и чего для наших целей достаточно.

Эти и множество аналогичных явлений невозможно объяснить исходя из предпосылки целесообразности поведения и, следовательно, наличия сознательного выбора своей судьбы. Здесь мы сталкиваемся с подсознательными, стихийными процессами, детерминирующими, разумеется статистически, поведение этнических масс. Ритмы «полей» китайского и кочевого суперэтносов столь разнились, что дружеский контакт между ними, даже диктуемый политическими соображениями, никогда не бывал прочным и продолжительным. И это не случайно.

При сочетании данного ритма с другими теоретически может возникнуть либо гармония, либо дисгармония. В первом случае происходит этническое слияние, во втором — нарушается ритм одного или обоих полей, что нарушает и их связи и ведет к своего рода аннигиляции.

Но когда происходит пассионарный толчок, или взрыв, поля с

нарушенными связями теряют присущие им ритмы и приобретают новый, которого до сих пор у них не было. Характер нового поля зависит от силы толчка (мутации), и от ландшафтных условий региона, и от генетического кода входящих в него популяций, и от уровня социального развития, и от устойчивости культурных традиций, и от этнического окружения, либо инертного, либо резко враждебного. Можно насчитать еще много определяющих моментов, но здесь мы не будем бегло, походя описывать пассионарные толчки и их последствия, потому что это целесообразно сделать отдельно. Этногенез — сначала усиление, обычно непродолжительное, а потом постепенное затухание колебательного движения, а этнические контакты — интерференция вибраций этнических полей. А ведь вся этническая история состоит из взлетов и падений.

Итак, этногенез — это природный процесс биосферы, возникающий иногда и являющийся одним из компонентов этнической истории наряду с тремя постоянно действующими факторами: 1) социально-политическим, ибо люди всегда устанавливали определенный порядок взаимоотношений в своем коллективе; 2) техническим, ибо нет и не было человека без орудий труда; 3) географическим, ибо средства к существованию черпаются из окружающей природы, а поскольку ландшафты Земли разнообразны, то разнообразны и экосистемы, включающие людей. Этих трех параметров достаточно, чтобы охарактеризовать любой гомеостатический этнос, но динамика этногенеза идет за счет четвертого фактора — пассионарного толчка, возникающего иногда на определенных участках земной поверхности и порождающего не один этнос, а группу этносов, именуемую суперэтносом, т. е. систему, в которой отдельные этносы являются блоками, звеньями и подсистемами.

Природа суперэтнoса

Но все-таки чем определяется близость членoв суперэтнической системы между собой? Почему они способны вступать друг с другом в творческие связи и не могут их расширять за определенные пределы, отделяющие один суперэтнос от другого? Как мы видели, несоответствия разных суперэтносов настолько велики, что принудительные сочетания их ведут к демографической аннигиляции. Иными словами, как бы ни восхищались французские рыцари нравами арабов, образованностью греков, мужеством кельтов или литовцев и неукротимой энергией куманов (половцев), в регионах контактов появлялись только этнические руины.

Образно говоря, если два массивных твердых тела при соприкосновении создают трение, то вокруг сыплется труха, которую уже невозможно вернуть в прежнее физическое состояние. Процессы деструкции при контактах на суперэтническом уровне необратимы.

Так. Но ведь и внутри суперэтнуса наличествует разнообразие: 1) социально-экономических структур; 2) рас, первого или второго порядка; 3) языков; 4) обычаев и бытовых обрядов; 5) религий. Разберем все эти частные признаки последовательно, ибо постоянно возникает стремление принять тот или иной внешний признак за глубинную сущность явления.

«Христианский мир» в конце XII в. пользовался многими языками: французским, провансальским, кастильским, галисийским (он же португальский), баскским, бретонским, тосканским, неаполитанским (общееитальянского тогда не было), саксонским в южной Англии и норвежским — в Англии северной, разными диалектами немецкого, датским, шведским, польским, чешским, венгерским и латинским. Даже в одном большом герцогстве или маленьком королевстве жили люди, у которых были разные родные языки, но это не мешало им общаться друг с другом. Они выучивали языки соседей или использовали латынь как язык культуры и религии.

Также в «Мусульманском мире» бытовали арабский, персидский, тюркские диалекты, сирийский, курдский. В Византии в одном лишь Константинополе говорили на греческом, армянском, славянском, исаврийском языках, а писать старались на древнегреческом.^[328]

Вывод из этого однозначен: как мы уже видели, язык не является этническим признаком, а, следовательно, различие языков не мешает взаимному общению.

Говорить о единой экономической структуре суперэтнуса XII в. нелепо, так как большая часть населения жила натуральным хозяйством, следовательно, в контактах с соседями не нуждалась. Самые оживленные экономические связи имели место на окраинах, именно там, где происходило взаимоуничтожение. Довольно интенсивной была экономическая жизнь в городах, но здесь наблюдался отрицательный прирост населения. В скученности и антигигиенических условиях любые инфекции уносили множество жизней, но города снова наполнялись выходцами из деревень.

Расы, складывающие суперэтнуса, были весьма различны, а сочетания их случайны. В крестовый поход шли вместе голубоглазые блондины из Нормандии, Саксонии, зеленоглазые шатены из Бургундии, чернявые сухощавые провансальцы, носатые итальянцы (потомки сирийцев,

заселивших Ломбардию еще во времена Римской империи) и испанцы, которых не всегда можно было отличить от арабов.

В рядах мусульманских воинств сражались бок о бок туркмены и суданские негры, хамиты из ущелий Атласа и курды со склонов Арарата. А сами арабы с пышными бедуинскими генеалогиями имели матерей или бабушек-грузинок, гречанок, итальянок, согдиек, индусок, черкешенок и абиссинок. Нет, расовый состав показывал лишь размах завоеваний, а отнюдь не антропологическую монолитность суперэтноса.

Сходства культур или «информационных коммуникаций»^[329] тоже не было. Этому мешали отчасти социальные перегородки и характер деятельности, а потом — территориальная разобщенность. Мальчик, готовивший себя в рыцари или латники, должен был с шести лет упражняться в фехтовании и верховой езде, иначе он погиб бы в первой же битве; желавший стать священником зубрил латынь; подмастерье гнул спину над тканью или обстругиванием планок для бочки, крестьянин пас коров и обрезывал виноград. Все были так заняты своими делами, что им некогда было болтать друг с другом. Да и профессиональные интересы их были столь различны, что потребность в «информационных коммуникациях» была ничтожна. И если англичан Нортумберленда занимали набеги шотландцев, то обитатели Кента или тем более Бордо о них и думать не хотели, хотя король у тех и других был один. А Халифат распался на территориальные эмираты с легкостью, удивившей самих арабов, хотя связь между учеными этих суверенных государств не была нарушена. Но разве теология и философия определяют общность этноса?

Кроме того, беседовать стоит лишь тогда, когда встречаются разные мнения. Но тогда возникают прения и раздоры. Таким был спор Бернарда из Клерво и клюнийских монахов против Пьера Абеляра и парижских студентов. Однако это не разорвало целостности «Христианского мира».

Бернард сумел добиться очищения католической церкви от безграмотных священников, распутных епископов и поднял двух королей на крестовый поход: французского — Луи VII и немецкого — Конрада III.

Абеляр подарил католической церкви философскую систему — концептуализм, одного папу (Целестина II), одного ересиарха (Арнольда Брешианского), 19 кардиналов и 50 епископов. Будучи отлучен от церкви, Абеляр удалился в монастырь своих противников — Ключи, где и умер в 1142 г., примирившись со своими гонителями. Так что же считать «сгустком коммуникаций»? Ссору вплоть до костра или молчаливое согласие перед лицом силы? Или, проще, пресловутые информационные связи — не фактор этногенеза, а индикатор принадлежности к одной из

противоборствующих сторон?

Еще более грозной была дискуссия, поднятая в Северной Африке в том же XII в. берберским теологом Ибн Турматом против туарегских марабутов (отшельников), о «единстве Божиим». Простодушные невежественные люди понимали подобие Бога человеку буквально, в том смысле, что у Бога есть руки, лицо и т. д. Ибн Турмат заявил, что «рука его Аллаха — одно из его свойств, в данном случае — действия, а лик его — одно из его свойств, например слуха, зрения», а что такое эти руки на самом деле — находится за пределами человеческого разума.^[330] Тут-то бы, казалось, и наладить «коммуникативную информацию», так нет: поборники «единства» — Альмохады перерезали «многобожников» — Альморавидов. Вряд ли причиной кровопролития можно считать теологическое несогласие, мало кому понятное. Просто берберы боролись с туарегами, как, впрочем, и принято считать.

Спор о божественных атрибутах не затихал в мусульманской теологии на протяжении тысячелетия, но он не всегда приводил к кровавым последствиям. И наоборот, упорные и истребительные войны возникали и велись под другими лозунгами, например в защиту права потомков Али и Фатимы на престол халифа. Следовательно, здесь дело не в ученых формулировках, а в чем-то другом, что и надлежит отыскать.

Но если мы отбросили все видимые причины мономорфизма этносов, то чем же можно объяснить единообразие процессов этногенеза при несхожести систем между собою? Очевидно, должен быть инвариантный фактор.

Да, он есть. Назовем его так: *конstellация пространственно-временных энергетических соотношений, деформирующая этнические субстраты региона*. А затем объясним, что это значит.

Представим себе широкий поднос с негладким дном, на одном краю которого насыпаны грядой шарики разного размера и веса. Толкнем неширокой лопаткой эту гряду шариков. Задетые покатятся с разной скоростью, прочие останутся на месте. Покатившиеся постепенно остановятся и образуют новую причудливую фигуру. Если же мы толкнем снова в другом месте, то фигура будет другая, из-за несходства объема шариков, их инерции и неровностей поверхности, по которой они движутся. Но и новая фигура будет следствием толчка. Это образ или схема, а теперь обратимся к действительности. Пассионарный толчок (микромутация) захватывает определенный регион и придает находящимся там этносам движение, затухающее вследствие потери пассионарности, признак которой удаляется отбором. При начале движения возникают

новые системы, по отношению к которым старые этносы играют роль субстратов. Все затронутые толчком этносы данного региона перестраивают свое отношение к кормящему ландшафту и этническому окружению (соседям), что создает видимое разнообразие. Но, поскольку все они получили один и тот же импульс, они обнаруживают черты сходства (катятся в одну сторону). Это и объединяет их в суперэтнос.

Но можно ли сопоставить суперэтнос с «культурным кругом» или идеологической концепцией, возникшей одновременно с пассионарным толчком? Такая мысль напрашивается, но это соблазн. Концепции, философы, эстетические каноны, нормы этики и т. п. — не явления природы, а дело умов человеческих. Подобно вещам, изготовленным руками людей, эти данности, называемые «духовными», либо сохраняются, либо разрушаются беспощадным временем. И хотя они распространяются путем проповеди куда быстрее, чем мигрируют создавшие их этносы, деформация их на новой почве неизбежна. Достаточно двух примеров.

Христианская доктрина к V в. путем проповеди распространилась от Индии до Ирландии и от Кавказа до Эфиопии включительно. И везде восторжествовала, но... сходство, достигнутое путем героических свершений и жертвенных проповедей, ограничивалось сферой догматики, деятелями богослужения да бродячими литературными сюжетами (например, легендой о Граале). И эта близость была лишь моментом при пассионарном пике, а потом все пошло вразброд. Египет, стремясь к духовной самостоятельности, стал монофизитским, в Месопотамию под защиту иранского шаха ушли несториане, сам собой «отвалился» Рим, возглавивший новый суперэтнос, а в Аравии ислам объединил в себе все ереси, гонимые в Византии, и удачно синтезировал их в исповедание, ставшее символом самоутверждения арабов. Культурная преемственность налицо, но природный процесс пронесся мимо нее, смыв все плотины, созданные людьми.

Аналогична судьба буддийской проповеди. Это учение исчезло на своей родине — в Бенгалии, а на Цейлоне, в Японии, Китае, Тибете, Сиаме и Монголии приняло формы столь различные, что даже догматическая основа была утеряна; сохранилась только терминология и имя Будды — Шакья Муни. Впрочем, этот человек почитается и христианами как святой царевич Иосаф. Опять, как в примере с Граалем, культурное влияние не знаменует этнической близости.

Итак, инвариант суперэтнуса лежит в сфере географии и определяется сочетанием импульса пассионарного толчка и ландшафтных особенностей региона. Если же толчком затронуты два, три, четыре региона, разделенных

географическими барьерами, тогда появляется и соответствующее число суперэтносов, не связанных друг с другом. Однако будучи одинакового возраста, эти суперэтноты развиваются синхронно в отличие от прочих, появившихся ранее или позже. Тогда возникают коллизии, описанные нами и подобные им.

Субстратами для нового этноса являются и соседние этносы, не затронутые пассионарным толчком. Этническое окружение всегда влияет на характер этногенеза в любой фазе, за исключением гомеостаза. Следовательно, каждый новый этнос вторичен по отношению к предшествовавшим этносам на его территории и существующим вокруг нее. Вместе с тем появление нового этноса неизбежно накладывает отпечаток на соседние этносы и их развитие, даже если оно не оборвано активностью вновь появившегося этноса. Механизм этнического развития сложен, но принцип его должен быть ясен.

Нет, не только выгоды и материальные блага формируют стереотип поведения людей! Их любовь и ненависть в значительной мере связаны с подсознательной стихией психики, благодаря чему слова «свои» и «чужие» — не абстрактные понятия, а ощущения действительно существующих этнических полей и ритмов. Вот почему этносы и их скопления — суперэтноты существуют по тысяче лет — и не рассыпаются, как карточные домики, от случайных дуновений или потрясений. Но когда исчезает пассионарность, т. е. сила, колеблющая этническое поле, симфония смолкает, и этнос (или суперэтнос) рассыпается сам, от собственной тяжести.

Химеры

Часто бывает так, что этносы «прорастают» друг в друга. Внутри одного суперэтноса это не вызывает трагических последствий, но на суперэтническом уровне такие метастазы создают химерные композиции, [\[331\]](#) ведущие к гибели. В схеме механизм процесса таков.

Возникшая вследствие толчка суперэтническая система тесно связана с природой своего региона. Ее звенья и подсистемы — этносы и субэтноты — обретают каждый для себя экологическую нишу. Это дает им всем возможность снизить до минимума борьбу за существование и обрести возможности для координации, что, в свою очередь, облегчает образование общественных форм. Кровь и при этой ситуации льется, но не очень, и жить можно. Но если в эту систему вторгается новая чужая этническая

целостность, то она, не находя для себя экологической ниши, вынуждена жить не за счет ландшафта, а за счет его обитателей. Это не просто соседство и не симбиоз, а химера, т. е. сочетание в одной целостности двух разных несовместимых систем. В зоологии химерными конструкциями называются, например, такие, которые возникают вследствие наличия глистов в органах животного. Животное может существовать без паразита, паразит же без хозяина погибает. Но, живя в его теле, паразит соучаствует в его жизненном цикле, диктуя повышенную потребность в питании и изменяя биохимию организма своими гормонами, принудительно вводимыми в кровь или желчь хозяина или паразитоносителя. В этом отличие химерности от симбиоза. При симбиозе, например, рак-отшельник носит на своей скорлупе актинию, защищающую его от врагов, актиния же, передвигаясь на раке, находит больше пищи.

При симбиозе на суперэтническом уровне оба компонента питаются дарами природы и сосуществуют, что не исключает эпизодических конфликтов. Но все ужасы суперэтнических столкновений при симбиозе меркнут перед ядом химеры на уровне суперэтнуса. Однако уже метисация на уровне этноса или субэтнуса может породить либо ассимиляцию, либо реликтовый субэтнос, что летальных результатов не дает.

Естественно, что крепкие, пассионарно напряженные этнические системы не допускают в свою среду посторонних элементов. Поэтому до XII в. в Западной Европе химерные конструкции встречаются редко. Зато они появляются в начале XIII в. В качестве примера можно привести государство, созданное орденом меченосцев в Прибалтике, проводившим военные операции при участии ливов и кормившимся за счет обращенных в крепостное состояние леттов и куров. Ни ливам, ни леттам не была нужна кровавая война с псковичами и литовцами, но они оказались в системе, где чужеземцы ими помыкали, а деваться было некуда. Поэтому приходилось класть головы за чужое дело.

Другой пример маргинальной (пограничной) химеры — Болгария. Около 660 г. орда болгар, вытесненная хазарами под предводительством Аспаруха из родных кавказских степей, захватила долину Дуная, населенную славянами. Болгары были представителями степного евразийского суперэтнуса, и их симбиоз со славянами в течение почти двухсот лет являлся химерной системой. Но болгар было немного, и часть их рассосалась в славянской среде, а часть осела в Добрудже и Бессарабии, т. е. на окраине страны.^[332] В 864 г. ославяненный болгарский царь Борис принял крещение, что ознаменовало вхождение его народа в тот суперэтнос, который мы условно называли «византийским». Но это только

увеличило число элементов и без того неограниченной этносистемы. Вместе с греческим православием в Болгарию пришло малоазийское маркионитство и богумильство, благодаря чему идеологический разброд внутри страны усилился. Война с Византией принимала все более жестокие формы, пока не закончилась падением Болгарского царства в 1018 г. Лишь в 1185 г. болгар освободили вожди валахов Асени при помощи евразийских кочевников — половцев, находившихся в симбиозе с болгарами и валахами.

Одним из элементов частичного этнопаразитизма является институт работорговли. Обращение в неволю другого человека имеет своей необходимой предпосылкой убежденность в том, что он иной, нежели рабовладелец. Для египтян и англосаксонских плантаторов это — негр, для римлян — варвар, для иудеев — необрезанный, для мусульман — кафир, т. е. «неверный», и т. д. Но и своих обращали в крепостных.

Любопытно, что институт долгового рабства всегда считался аморальным и встречал сопротивление, которое возглавляли законодатели: в Афинах — Солон, в Древнем Израиле — автор Второзакония, и т. п., тогда как обращение в рабство иноплеменников считалось естественным даже у тлинкитов и алеутов, охотников на морского зверя. В этом промысле рабский труд неприменим, поэтому рабынь использовали как домашнюю прислугу, а рабов убивали при обряде инициации.

Вспомним, что мессенские илоты возмущались не тем, что их грабили и убивали, а тем, что это делали такие же дворяне-спартиаты, тоже потомки Гераклидов. Это шокировало эллинов, хотя все они были заядлые рабовладельцы и работорговцы.

В классической стране рабовладельческой формации — Древней Элладе победители в межплеменных войнах не лишали побежденных личной свободы, а облагали их налогом. Так, предки фессалийцев, пришедшие на эту равнину с отрогов Пинда, называли покорившихся им эллинов пенестами (бедняками). Это, без сомнения, социальное явление, как и феодальное закабаление провинций развалившейся Римской империи в V в. — колонат.

При «взрослении» этноса нравы ужесточались. В 435 г. до н. э. коркирцы, взяв Эпидаман — коринфскую колонию, продали в рабство тех пленных, которые были не из Коринфа, как сами коркирцы.^[333] То же произошло в 413 г. до н. э., когда сиракузяне бросили пленных афинян в каменоломни и очень мало поили, а не умерших от жажды неафинян продали в рабство. В противниках стали видеть врагов.^[334]

Римляне были последовательнее. Когда легионы Веспасиана в 69 г.

взяли Кремону, они убили всех жителей, потому что их нельзя было продать в рабство, так как те были римскими гражданами.^[335] Здесь то же социальное явление, и отличие его от арабской, португальской и англо-французской работорговли очевидно.

Впрочем, если изменить исходную точку отсчета, то можно считать население страны составной частью ландшафта, которую этнос-паразит эксплуатирует наряду с животными, растениями и ценными минералами. Но такая точка зрения вряд ли может быть принята кем-либо, кроме лиц, в оной эксплуатации заинтересованных, а к тому же она постоянно опровергается историей. Хотя институт рабства постоянно наблюдается, отдельные ситуации этнического паразитизма редко бывали устойчивы и долговечны, но часто воспроизводились заново.

Таким образом, даже наличие исключительных этносов, как будто не связанных с природой, не подрывает основного тезиса о связи этноса с ландшафтом, тем более что пассивные восприятия, например, климатических условий, эпидемий или характера пищи для этносов-паразитов такие же, как и для этносов, имеющих дело непосредственно с природой своего региона. Поэтому для создания единого этноса на всей планете нужно уничтожить зональность, циклонические движения атмосферы, разницу между лесом и степью и, уж конечно, горы и долины. Но, к счастью, это невозможно.

Межэтнические коллизии нельзя относить ни к биологическим, ни к исключительно социальным категориям, тогда как предложенное нами объяснение вытекает из уже описанного нами явления пассионарности как модуса биохимической энергии живого вещества биосферы. Возможны четыре варианта этнических контактов на уровне суперэтноса, и ясно, что определяющим фактором является степень пассионарного напряжения контактирующих этносов. Если мы наблюдаем сочетание персистента, где пассионарность невелика, с пассионарно-напряженным этносом, то наиболее вероятна ассимиляция или вытеснение слабого этноса. Если существуют два или более слабопассионарных этноса, то они находят *modus vivendi* и не подавляют друг друга. Если они сильно, но равно пассионарны, то происходит метисация, причем наложение ритмов деформирует стереотип поведения и делает его выгодным для индивида в ущерб коллективу; обычно такие коллективы подвержены аннигиляции, ибо каждый стремится жить за счет других. Но если при наличии метисации происходит пассионарный толчок, то повышенная лабильность мутированных популяций позволяет возникнуть новому стереотипу поведения, новой структуре и, следовательно, новым вариантам

общественно-политических институтов, иными словами, новому этносу. Этот процесс можно сравнить, с одной стороны, с химической реакцией, начинающейся лишь в присутствии катализатора и при достаточно высокой температуре, а с другой — с творческим процессом в психологии, возникающим в сфере эмоций (подсознания).

Отсюда вытекает, что этническая (отнюдь не расовая) метисация не может быть расценена однозначно. При одних обстоятельствах места и времени она губит этнические субстраты, при других — деформирует, при третьих — преобразует в новый этнос. Но она никогда не проходит бесследно. Вот почему небрежение этнологией, будь то в масштабах государства, родового союза или моногамной семьи, следует квалифицировать как легкомыслие, преступное по отношению к потомкам.

XXVIII. Природа пассионарности

Учение В. И. Вернадского о биосфере

Поставив вопрос об энергетической сущности этногенеза, мы должны показать, какая форма энергии создает эти процессы. Но для этого необходимо отрешиться от некоторых обывательских представлений и заменить их научными. Вместо привычного отношения к себе как к независимому организму, пусть даже постоянно взаимодействующему с другими организмами, «мы должны выразить живые организмы, как нечто целое и единое, ибо все они являются функцией биосферы... и огромной геологической силой, ее определяющей».^[336] Организмы, населяющие Землю, — не только совокупность индивидуальностей, но и «живое вещество», которое «связано с окружающей средой биогенным током атомов: своим дыханием, питанием и размножением».

Биосфера, согласно учению В. И. Вернадского, — это не только пленка «живого вещества» на поверхности планеты, но и все продукты ее жизнедеятельности за геологическое время: почвы, осадочные и метаморфические породы и свободный кислород воздуха. Мы ходим по трупам наших предков; мы дышим жизнью тех, кто давным-давно умер, и мы сами войдем в эту стихию, чтобы нами дышали наши потомки. «Все живое представляет непрерывно изменяющуюся совокупность организмов, между собою связанных и подверженных эволюционному процессу в течение геологического времени. Это динамическое равновесие, стремящееся с ходом времени перейти в статическое равновесие... Чем более длительно существование, если нет никаких равноценных явлений, действующих в противоположную сторону, тем ближе к нулю будет свободная энергия».

Для того чтобы понять этот принцип, надо усвоить еще одно обстоятельство. Косное вещество планеты подчинено закону возрастания энтропии. А живое вещество, наоборот, обладает антиэнтропийными свойствами. И все это многообразие живого и косного связано «биогенной миграцией атомов» или «биохимической энергией живого вещества биосферы».

Эта форма энергии столь же реальна и действенна, как и прочие, изученные физиками. И она, подобно им, подчиняется закону сохранения энергии, т. е. может быть выражена в калориях или килограммометрах. За

геологическое время наша планета обогащалась энергией, поглощая: 1) лучистую энергию Солнца; 2) атомную энергию радиоактивного распада внутри Земли; 3) космическую энергию рассеянных элементов, исходящую из нашей галактики. [\[337\]](#)

И эта форма энергии заставляет организмы размножаться до возможных пределов, подобно тому как достаточно одного лепестка ряски, появившегося в пруду весной, чтобы к осени затянуло всю его поверхность до естественной границы — берегов. Тот же закон предельного распространения действителен для всех живых существ биосферы, а значит, и для людей.

Однако сама биосфера ставит границы организмам, ее составляющим. Биосфера мозаична: одни виды животных или растений ограничивают другие, и возникает гармония жизни — динамическое равновесие биоценозов большего и меньшего масштаба. Климатические условия на Земле разнообразны. Они определяются зональностью, удаленностью от океанов, сменами характеристик атмосферного давления — происхождения циклонов и другими причинами. А коль скоро так, то для организмов возникает потребность в адаптациях, что ограничивает возможности распространения уже территориально. Поэтому геобиоценозы, которые можно интерпретировать как сложные системы из живых и косных элементов, устойчивы. В них идут постоянные процессы, обеспечивающие циркуляцию энергии среди растений и животных одного местообитания, т. е. конверсия биоценоза.

Но ведь и люди входят в биоценозы. На преодоление постоянно возникающих трудностей уходят силы этнического сообщества, венчающего биоценоз. В спокойном состоянии оно лишено агрессивности по отношению к соседям и неспособно к активному изменению природы, что способствует увеличению числа его членов за счет интенсивного размножения. Так создается этнос как система, где соподчиненность особей является условием существования. Но та же самая пассионарность толкает людей на взаимоистребление ради преобладания в системе; и тогда пассионарное напряжение уменьшается, пока не дойдет до нуля. После этого инерция движения, коренящаяся в социальных институтах и традициях, поддерживает существование системы, но она обречена и переходит в гомеостаз. Значит, все «застойные» этносы некогда были развивающимися, и те этносы, которые развиваются теперь, если не исчезнут, то станут «стабильными» когда-нибудь.

Подавляющее большинство этносов, без учета их численности, обитает или обитало на определенных территориях, входя в биоценоз

данного ландшафта и составляя вместе с ним своего рода «замкнутую систему». Другие, развиваясь и размножаясь, распространяются за пределы своего биохора, но это расширение оканчивается тем, что они превращаются в этносы первого типа на вновь освоенной, но стабилизированной области приспособления. Наблюдается полная аналогия с космическими процессами термодинамики: «В замкнутой системе энтропия непрерывно увеличивается. Следовательно, организм (или система организмов — этнос. — Л. Г.) должен систематически удалять накапливающуюся энтропию. Поэтому живое вещество должно постоянно обмениваться с окружающей средой энергией и энтропией. Этот обмен регулируется управляющими системами, использующими для этого запасы информации. Совершенно невероятно, чтобы запасы информации возникали в организме или системе самопроизвольно. Следовательно, они передаются по наследству».^[338]

Как было показано выше, отмеченная физиками передача информации по наследству на языке историков называется «традицией», а на языке биологов — «сигнальной наследственностью». Исходя из всего, что было отмечено выше, этногенез — это процесс энергетический, а пассионарность — это эффект той формы энергии, которая питает этногенез.

Мутации — пассионарные толчки

Но спокойные состояния геобиоценозов не вечны. Они прерываются спазмами странной активности, губительной для ее носителей. Кузнечики, мирно скачущие по лугу, внезапно превращаются в саранчу, которая летит навстречу гибели, уничтожая все на своем пути. Тропические муравьи покидают свои благоустроенные жилища и движутся, истребляя все, что находят... для того чтобы погибнуть по дороге. Лемминги проходят сотни верст, чтобы броситься в волны океана. Микроорганизмы... и те поступают так же, порождая губительные эпидемии. Как объяснить эти странные явления? Видимо, нам следует снова обратиться к трудам В. И. Вернадского по биогеохимии.

Первый биогеохимический принцип гласит: «Биогенная миграция атомов химических элементов в биосфере всегда стремится к максимальному своему проявлению. Все живое вещество планеты является источником свободной энергии, может производить работу», разумеется, в физическом смысле, а под «свободной энергией» В. И. Вернадский

понимает «энергию живого вещества, которая проявляется в сторону, обратную энтропии. Ибо действием живого вещества создается развитие свободной энергии, способной производить работу». Следовательно, наша планета получает из космоса больше энергии, нежели необходимо для поддержания равновесия биосферы, что ведет к эксцессам, порождающим среди животных явления, подобные описанным выше, а среди людей — пассионарные толчки, или взрывы этногенеза.

Обязательным условием возникновения и течения процесса этногенеза (вплоть до затухания его, после чего этнос превращается в реликт) является пассионарность, т. е. способность к целенаправленным сверхнапряжением. Объяснить ее мы пока можем, лишь приняв гипотезу, т. е. суждение, объясняющее отмеченные факты, но не исключающее возможности появления других объяснений: пассионарность — это врожденная способность организма абсорбировать энергию внешней среды и выдавать ее в виде работы. У людей эта способность колеблется настолько сильно, что иногда ее импульсы ломают инстинкт самосохранения, как индивидуального, так и видового, вследствие чего некоторые люди, по нашей терминологии, — пассионарии, совершают и не могут не совершать поступки, ведущие к изменению их окружения. Это изменение касается в равной степени природной среды и отношений внутри человеческих сообществ, т. е. этносов. Следовательно, пассионарность имеет энергетическую природу, а психика особи лишь трансформирует на своем уровне импульсы, стимулирующие повышенную активность носителей пассионарности, создающей и разрушающей ландшафты, народы и культуры.

Наше утверждение отнюдь не парадоксально. Оно опирается на бесспорные положения физиологии. Еще И. М. Сеченов определил роль среды как физиологического фактора: «Организм без внешней среды, поддерживающей его существование, невозможен, поэтому в научное определение организма должна входить среда, влияющая на него».^[339] А если так, то не может быть исключен из рассмотрения и энергетический баланс среды.

Разумеется, необходимую для жизнедеятельности энергию организм получает не только путем питания, которое поддерживает температуру тела и восстанавливает отмирающие клетки. Ведь и дыхание, т. е. окислительные процессы в легких, не менее необходимо для жизни организма. То же самое следует сказать про взаимодействие с другими формами энергии: электрической (ионизация покровов), световой, радиационной, гравитационной. Все они по-разному влияют на организм,

но без любой из них жить нельзя. Поэтому механизм переработки энергии внешней среды в энергию организма — это предмет физиологии. Для этнологии важно другое: почему у человека в отличие от животных колебания степени активности столь велики?

Тут можно предложить две равноправных гипотезы. Либо пассионарная особь захватывает больше энергии, нежели нормальная, либо она при равном захвате направляет энергию концентрированно (разумеется, бессознательно) на достижение той или иной цели. В обоих случаях результат будет тот же: высшая нервная деятельность особи будет более активной, нежели это характерно для нормальной, свойственной виду как таковому.

Таким образом, если социальные условия определяют направленность поступков человека, то энергетическое их напряжение зависит от состояния организма, в том числе генетически обусловленных признаков. Здесь мы соприкасаемся с некоторыми явлениями биологии: возникновением нового признака, появившегося внезапно не вследствие смешения. Это значит, что взрыву пассионарности (или пассионарному толчку) сопутствует мутагенный сдвиг, порождающий разнообразные отклонения от нормы. Однако большая часть физических и психических уродов гибнет без последствий, пассионарность же, являясь также продуктом мутации, в этом смысле — исключение.

Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин, отмечая малую пластичность расовых признаков сравнительно с нерасовыми, тем не менее указывают на наличие даже расовых соматических изменений, возникших помимо метисации за исторический период.^[340] Изменения признаков идут либо вследствие адаптации к новым условиям, либо вследствие мутаций.

В последнем случае полезный признак сохраняется, а вредный — удаляется естественным отбором. Пассионарность — признак нерасовый и вредный, если не сказать губительный, и для самого носителя, и для его близких. И вот почему. Если войны происходят за пределами страны, то пассионарии отправляются в далекие походы, покидая свои семьи, хозяйство которых приходит в упадок. Так было в Испании в XVI в., когда конкистадоры сражались в Анауаке, Перу, на Филиппинах, а регулярные войска — в Нидерландах и во Франции. Нехватка умелых работников ощущалась столь остро, что даже гвозди для строительства кораблей приходилось закупать в Нидерландах и Германии. А ведь за сто лет до того толедские брони считались лучшими в Европе.

Но это еще не самое плохое. При пассионарных перегревах часто возникают кровавые усобицы, жертвами которых становятся не только

соперники, но и их семьи. Таковы войны гвельфов и гибеллинов в Европе и эпоха «войны царств» (403–221 гг. до н. э.) в Китае.^[341] В этих и аналогичных войнах уцелели не те, кто воевал, а те, кто умел искусно прятаться. Однако особенности пассионарности как признака состоят, кроме прочего, в том, что она задерживается в популяции благодаря наличию так называемых «незаконных детей», наследующих биологические, а не социальные особенности родителей. Наличие же системных стезей, как жестких (социальных), так и корпускулярных (этнических), повышает значение признака для системы в целом, будь то «социальный организм»,^[342] или суперэтнос. Ведь степень воздействия на природную среду и этническое окружение зависит не только от уровня техники, но и от пассионарной напряженности этноса как целостности, проходящей ту или иную фазу этногенеза. Но, мало того, Г. Ф. Дебец^[343] И. А. и Н. Н. Чебоксаровы указывают, что мутации охватывают не всю Ойкумену, а определенные географические регионы: «Наши предки имели коричневую кожу, черные волосы, карие глаза, а блондины со светлыми глазами появились путем мутаций, сосредоточившихся главным образом в Северной Европе у берегов Балтийского и Северного морей». ^[344]

Но разве эта мутация отличается от пассионарных толчков чем-либо, кроме того, что они возникают несколько чаще?

Можно было бы запросто отмахнуться от ответа на вопрос о происхождении мутаций и причине мутагенеза. Сами биологи на этот вопрос ответа не дают, справедливо ссылаясь на то, что данные, получаемые ими в эксперименте, т. е. артефакт, и механическое перенесение закономерностей, прослеженных в лаборатории, на то, что мы видим в природе, неоправданны. Но наша наука — этнология располагает абсолютной хронологией, а с помощью такого инструмента можно достичь некоторых полезных результатов.

Поскольку мы приравнивали пассионарный толчок к микромутации, то, исследуя историческим путем даты и ареалы толчков, мы можем обогатить биологию данными, которые биологи смогут интерпретировать со своих позиций. Выше было наглядно показано, что биологические микромутации, а на языке этнологии — образование суперэтносов, связанное с пассионарными толчками,^[345] всегда захватывает зону земной поверхности, вытянутую в меридиональном или широтном направлении под каким-либо углом к меридиану и широте. Но какие бы ландшафтные зоны ни находились на этой территории: горы, пустыни, морские заливы и т. п., она остается монолитной. Ландшафты и этнические субстраты

обуславливают только то, что на охваченной взрывом пассионарности территории могут возникнуть два, три, четыре разных суперэтнуса в одну и ту же эпоху. Заведомо исключен перенос признака пассионарности путем гибридизации, так как последняя непременно отразилась бы на антропологическом типе метисов. Наземные барьеры исключают также культурный обмен и заимствование путем подражания. То и другое легко было бы проследить на произведениях искусства и материальной культуры.

Очевидно, мы встречаем особое явление, требующее специального описания. Напомним, что новый суперэтнос (или этнос) возникает из обязательного смешения нескольких этнических субстратов. Но не напоминает ли это простую электрическую батарею, для получения тока в которой должны присутствовать цинк, медь и кислота? Это, конечно, метафора, но ведь она иллюстрирует энергетический процесс, постепенно затухающий вследствие сопротивления среды. Но если так, то импульс тоже должен быть энергетическим, а поскольку он, по-видимому, не связан с наземными природными и социальными условиями, то происхождение его может быть только внепланетарным. ^[346]

Когда рассматриваешь ареалы пассионарных взрывов, то создается впечатление, будто земной шар исполосован неким лучом, причем — с одной лишь стороны, а распространение пассионарного толчка ограничивалось кривизной планеты. На месте «удара» появляются разнообразные мутанты, большая часть которых не жизнеспособна и исчезает в первом же поколении. Пассионарии также находятся вне нормы, но особенности пассионарности таковы, что, прежде чем ее устранил естественный отбор, она оставляет след в этнической истории и в истории искусства и литературы, поскольку то и другое — продукт жизнедеятельности этноса.

Можно выдвинуть и другие гипотезы происхождения пассионарных взрывов или толчков: случайные флуктуации, наличие блуждающего гена, реакция на экзогенный возбудитель. Однако всему перечисленному противоречат факты. Не исключено, что и изложенная здесь гипотеза не подтвердится, но это никак не повлияет на применение концепции энергетической природы этногенеза к насущным проблемам географии и истории.

«Стыки» ландшафтов

Вернемся к проблеме соотношения этноса с ландшафтом и ответим на

вопрос, поставленный нашими читателями:^[347] почему для возникновения нового этноса обязательно сочетание двух и более ландшафтов, двух и более этносов, двух и более «социальных организмов»? Что это: ряд случайностей или закономерность?

Анализ взаимодействия этноса как самостоятельного явления с ландшафтом показал, что оба они связаны обратной зависимостью, но ни этнос не является постоянно действующим ландшафтообразующим фактором, ни ландшафт без постороннего воздействия не может быть причиной этногенеза. Соотношение же этнических и социальных закономерностей исключает даже обратную связь, потому что этносфера Земли для социального развития является только фоном, а не фактором.

В отличие от закономерностей социальных для этногенеза решающим является территориальный момент, но в каждом новом случае — это новый регион, лишь бы он отвечал отмеченным выше условиям. Образование народов полицентрично; вспышки этногенеза связаны не с культурой и бытом народов, находящихся в развитии или застое, не с их расовым составом, не с уровнем экономики и техники, а со специальными условиями пространства и времени. Сам по себе ландшафт не порождает новых этносов, потому что они иногда не возникают на том или ином, пусть очень удобном месте целые тысячелетия. Регионы этногенеза все время меняются. То тут, то там начинается интересующий нас процесс, значит, его вызывают не наземные силы. Следовательно, мы должны искать источник этногенеза в окружении планеты Земля и снова обратиться к биогеохимии.

Исходя из нашего тезиса о природе этноса как системы, порождаемой взрывом пассионарности, мы имеем право определить этнос как явление энергетическое. Так как начинающийся энергетический процесс всегда преодолевает инерцию процессов предшествовавших, то естественно, что чем меньше инерция, тем легче ее нарушить неожиданным толчком.

Монотонные ландшафты с однородным этническим заполнением и объединяющей людей традицией, воплощенной в формы политических институтов, — это массивы, которые на относительно слабые толчки реагируют очень мало. Зато при сочетании ландшафтов неизбежно и сочетание разных способов хозяйства. Одни люди ловят рыбу на море, другие пасут скот в горах, третьи сеют хлеб на полях, четвертые возделывают виноградники в долинах. Даже если все они имеют одних предков, необходимость адаптироваться к различным условиям среды через несколько поколений сделает их мало похожими друг на друга. И эта несхожесть будет увеличиваться до тех пор, пока системные связи между

ними не ослабнут вследствие того, что одновременно идет поступательное движение общества на основе развития производительных сил и производственных отношений, что со своей стороны неизбежно влечет обновление устаревающей общественной системы. Если же вследствие превратностей исторической судьбы у данного этноса возникало два-три государства или племенных союза, то устойчивость системы будет еще меньше. Итак, социальные и этнические линии развития переплетены в системе.

Такие системы благодаря разделению труда и специализации весьма продуктивны в смысле развития экономики: у них неплохая сопротивляемость этническому окружению, т. е. соседям, пытающимся их завоевать, потому что привычка к взаимобмену продуктами распространяется и на взаимопомощь, но пассионарный толчок, как правило, опрокидывает их с потрясающей легкостью. Равно благоприятствует пусковым моментам этногенеза сочетание разных культурных уровней, типов хозяйства, несходных традиций. Общим моментом тут является принцип разнообразия, который можно интерпретировать в интересующем нас аспекте.

Представим себе этносферу как сочетание нескольких широких плит, соприкасающихся друг с другом. По этой конструкции наносится удар по вертикали. Естественно, разрушаются прежде всего не плиты, а контакты между ними, а затем идет цепная реакция, деформирующая сами плиты. Пример: Византия и Иран в VI–VII вв. были устойчивыми системами, а пограничная область между ними, заселенная арабами, испытывала их воздействие. Пассионарный толчок перетасовал арабов так, что выделилась группа (консорция) сторонников Мухаммеда. За четыре поколения создался сначала этнос, а потом суперэтнос от Эбро до Памира.

Так как особи нового настроения взаимодействуют друг с другом, то немедленно возникает целостность, однонастроенная эмоционально, психологически и поведенчески, в основании чего, очевидно, лежит биофизический феномен. Скорее всего, здесь мы имеем дело со своеобразным единым ритмом. Именно он воспринимается наблюдателями как нечто новое, непривычное, не свое. Завоевание — не единственная форма этнического распространения и приобщения к своей системе иноплеменников. Известна трансплантация культуры в форме проповеди религии и как внедрение предметов быта или искусства, что изменяет систему, являющуюся объектом воздействия. Крещение славян в 988 г. повело к расширению этнокультурного ареала Византии; продажа опиума и керосиновых ламп в Китае сделала его зависимым от Англии и Америки,

расшатала быт, затем государственную власть и, наконец, суперэтническую систему империи Цин, что повлекло за собой не только политические и социальные перемены, но и этнические, например ассимиляцию маньчжуров китайцами.

Итак, пассионарный импульс для возникновения этногенеза обязателен, а разнообразие, наблюдаемое в действительности, определяется ландшафтными, климатическими условиями, этническим соседством, культурными традициями, а также силой самого толчка, т. е. импульса. Вот почему все этносы оригинальны и неповторимы, хотя процессы этногенеза по характеру и направлению сходны.

Мысли по поводу ноосферы

Как уже неоднократно отмечалось, сознательная деятельность людей играет не меньшую роль в исторических процессах, чем эмоциональная, но характер их различен принципиально. Бескорыстное стремление к истине порождает научные открытия, которые определяют возможность технических усовершенствований и тем самым создают предпосылки для роста производительных сил. Увлечение красотой формирует психику и художника, и зрителя. Жажда справедливости стимулирует социальные переустройства. Короче говоря, «человеческий разум, который не является формой энергии, а производит действия, как будто ей отвечающие»,^[348] становится импульсом явления, именуемого прогрессом, и, следовательно, связан с общественной формой движения материи. Связь этих двух форм движения материи, которые соприсутствуют в каждом историческом событии, большом или малом, очевидна. Согласно В. И. Вернадскому, именно эволюция видов приводит к созданию форм жизни, устойчивых в биосфере (второй биохимический принцип), и, следовательно, направленное (прогрессивное) развитие — это явление планетарное. Ю. П. Трусов уточняет это положение, утверждая, что «по отношению к породившему его ограниченному миру общество имеет не только черты преемственности, но и глубокие принципиально новые черты, которые выделяют его из всего биологического мира... Эти черты связаны прежде всего с разумом, познанием мира и социально организованным трудом».^[349] Это различие заставляет его выделить из биосферы особую область — ноосферу, т. е. сферу разума, продуктом которой является техника в самом широком смысле, включающем искусство, науку и литературу как кристаллизацию деятельности разума.

Но плоды рук человеческих имеют изначальное отличие от творений природы. Они выпадают из конверсии биоценозов, где идет постоянный обмен веществом и энергией, поддерживающий биоценозы как системные целостности. Человеческое творчество вырывает из природы частицы вещества и ввергает их в оковы форм. Камни превращаются в пирамиды или Парфенон, шерсть — в пиджаки, металл — в сабли и танки. А эти предметы лишены саморазвития; они могут только разрушаться. На это принципиальное различие природы и техники в широком смысле обратил внимание С. В. Калесник, указавший также, что не все создания человека таковы.^[350] Поле пшеницы, арык, стадо коров или домашняя кошка остаются в составе географической среды, несмотря на воздействие человека.

Итак, антропосфера занимает промежуточное положение между мертвой техносферой и живой природой. Но коль скоро так, то они находятся в оппозиции. И тут уместно ввести поправку Ю. К. Ефремова к оценке «ноосферы», которую он назвал «социосферой»: «Так ли уж разумна «сфера разума»? Ведь ее развитие ведет к замене живых процессов, обогативших нашу планету запасами конденсированной энергии, укрытой в почвах и осадочных породах, в каменном угле и нефти. Былая жизнь микроорганизмов подарила нам кислородную атмосферу и озоновый слой, спасающий нас от убийственных космических излучений. Растения, покрывающие землю, — это фабрики фотосинтеза, перерабатывающие свет в живую материю. Животные — наши меньшие братья регулируют биоценозы и сообщают им устойчивость».^[351]

А что дала нам ноосфера, даже если она действительно существует? От палеолита остались многочисленные кремневые отщепы и случайно оброненные скребки да рубила; от неолита — мусорные кучи на местах поселений. Античность подарила нам развалины городов, а Средневековье — руины замков. Даже тогда, когда древние сооружения доживали до нашего времени, как, например, пирамиды или Акрополь, это всегда инертные структуры, разрушающиеся относительно медленно. И вряд ли в наше время найдется человек, который предпочел бы видеть на месте лесов и степей груды отходов и бетонированные площадки. А ведь техника и ее продукты — это овеществление разума.

Короче говоря, как бы мы ни относились к идее существования ноосферы, полярность техники и жизни неоспорима. И тут перед нами встает задача определить соотношение пассионарности, инициирующей создание этносов, и сферы сознания, порождающего культуру и технику.

XXIX. Пассионарность и сфера сознания

Система отсчета

Если мы примем за эталон импульс врожденного инстинкта самосохранения (1), индивидуального и видимого, то импульс пассионарности (P) будет иметь обратный знак. Величина импульса пассионарности, соответственно, может быть либо больше, либо меньше, либо равна импульсу инстинкта самосохранения. Следовательно, правомочно классифицировать особей: на пассионариев ($P > 1$), гармоничных ($P = 1$) и субпассионариев ($P < 1$). Соотношением этих групп определяется уровень пассионарного напряжения в системе, в нашем случае — этносе. Вслед за пассионарным толчком оно быстро возрастает, затем наступает «перегрев», после которого идет медленный плавный спад, часто с задержками. Если построить кривую, то это будет фиксация инерционного процесса. Все величины будут положительными; в лимите, практически недостижимом, — нуль.

Несомненно, подавляющее число поступков, совершаемых людьми, диктуется инстинктом самосохранения либо личного, либо видового. Последнее проявляется в стремлении к размножению и воспитанию потомства.

Однако пассионарность имеет обратный вектор, ибо заставляет людей жертвовать собой и своим потомством, которое либо не рождается, либо находится в полном пренебрежении ради иллюзорных вожделений: честолюбия, тщеславия, гордости, алчности, ревности и прочих страстей. Следовательно, мы можем рассматривать пассионарность как антиинстинкт или инстинкт с обратным знаком. А поскольку нет и не может быть этноса, не связанного с первичным взрывом пассионарности, то она является величиной, соизмеримой для всех этносов.

Следовательно, мы можем классифицировать все этносы по степени возрастания и падения пассионарного напряжения этнического поля. Наличие флуктуации несколько осложняет этот принцип, но не слишком, потому что схема — быстрый подъем пассионарности и медленная утрата — действительно для всех известных нам этносов. Это не может быть случайностью. Поэтому мы можем считать пусковой момент этногенеза подобием толчка, сообщившего этнической системе инерцию, утрачиваемую при сопротивлении среды.

Как инстинктивные, так и пассионарные импульсы лежат в эмоциональной сфере. Но ведь психическая деятельность охватывает и сознание. Значит, нам следует отыскать в области сознания такое деление импульсов, которое можно было бы сопоставить с описанным выше. Иными словами, оно должно быть разбито на разряд импульсов, направленных к сохранению жизни, и другой разряд — к принесению жизни в жертву иллюзии. Для удобства отсчета обозначим импульсы жизнеутверждающие знаком плюс, а импульсы жертвенные — знаком минус. Тогда эти параметры можно развернуть в плоскостную проекцию, похожую на привычную систему Декартовых координат, причем отметим, что положительные — не значит «хорошие» или «полезные», а отрицательные — «плохие»; в физике же катионы и анионы, а в химии кислоты и щелочи не имеют качественных оценок.

Вообще надо отметить, что только в общественной форме движения материи есть смысл противопоставлять прогресс застою и регрессу. Поиски осмысленной цели в дискретных процессах природы — неуместная телеология. Как горообразование ничем не «лучше» денудации, а зачатие и рождение такие же акты жизни организма, как смерть, так и в этнических процессах отсутствует критерий лучшего. Но это не значит, что в этногенезе нет системы, движения и даже развития; просто в нем нет «переда» и «зада». В любом колебательном движении есть только ритм и большая или меньшая напряженность (частота).

Условимся о терминах. Положительным импульсом сознания будет только безудержный эгоизм, требующий для своей реализации — как цели — рассудка и воли. Под рассудком мы условимся понимать способность выбора реакции при условиях, это допускающих, а под волей — способность производить поступки согласно сделанному выбору. Следовательно, все тактильные и рефлекторные действия особей из этого разряда исключаются, равно как и поступки, совершенные по принуждению других людей или достаточно весомых обстоятельств. Но ведь внутреннее давление — императив либо инстинкта, либо пассионарности, также детерминирует поведение. Значит, и его надо исключить наряду с давлением этнического поля и традиций. Для «свободных», или «эгоистических», импульсов остается небольшая, но строго очерченная область, та, где человек несет за свои поступки моральную и юридическую ответственность.

Тут мы опять сталкиваемся с невозможностью дать дефиницию, да и практически она и не нужна. Коллективный опыт человечества четко отличает вынужденные поступки от преступления. Убийство при

самозащите отличается от убийства с целью грабежа или мести, обольщение — от изнасилования и т. д. В середине XIX в. делались попытки отождествить такие поступки, но это было беспочвенное резонерство. Достаточно вспомнить скрытую литературную полемику Л. Н. Толстого с Ф. М. Достоевским. В наше время очевидно, что сколь бы ни была разумна забота человека о себе, она не дает ему основания сознательно нарушать права соседей или коллектива.

«Разумному эгоизму» противостоит группа импульсов с обратным вектором. Она всем известна, как, впрочем, и пассионарность, и также никогда не выделялась в единый разряд. У всех людей имеется странное влечение к истине (стремление составить о предмете адекватное представление), красоте (тому, что нравится без предвзятости) и справедливости (соответствию морали и этики). Это влечение сильно варьирует по силе импульса и всегда ограничивается постоянно действующим «разумным эгоизмом», но в ряде случаев оказывается более мощным и приводит особь к гибели не менее неуклонно, чем пассионарность. Оно как бы является аналогом пассионарности в сфере сознания и, следовательно, имеет тот же знак. Назовем его «аттрактивность» (от лат. *attractio, ionis, f.* — влечение).

Природа аттрактивности неясна, как, впрочем, и природа сознания, но соответствие ее с инстинктивными импульсами самосохранения и с пассионарностью такое же, как в лодке соотношение двигателя (весла или мотора) и руля. Равным образом соотносится с ними «разумный эгоизм» — антипод аттрактивности.

Поэтому мы можем положить выделенные нами разряды импульсов на координаты: подсознание — на абсциссу, сознание — на ординату (см. рис. 2).

Но нужно ли такое сложное построение и для чего?

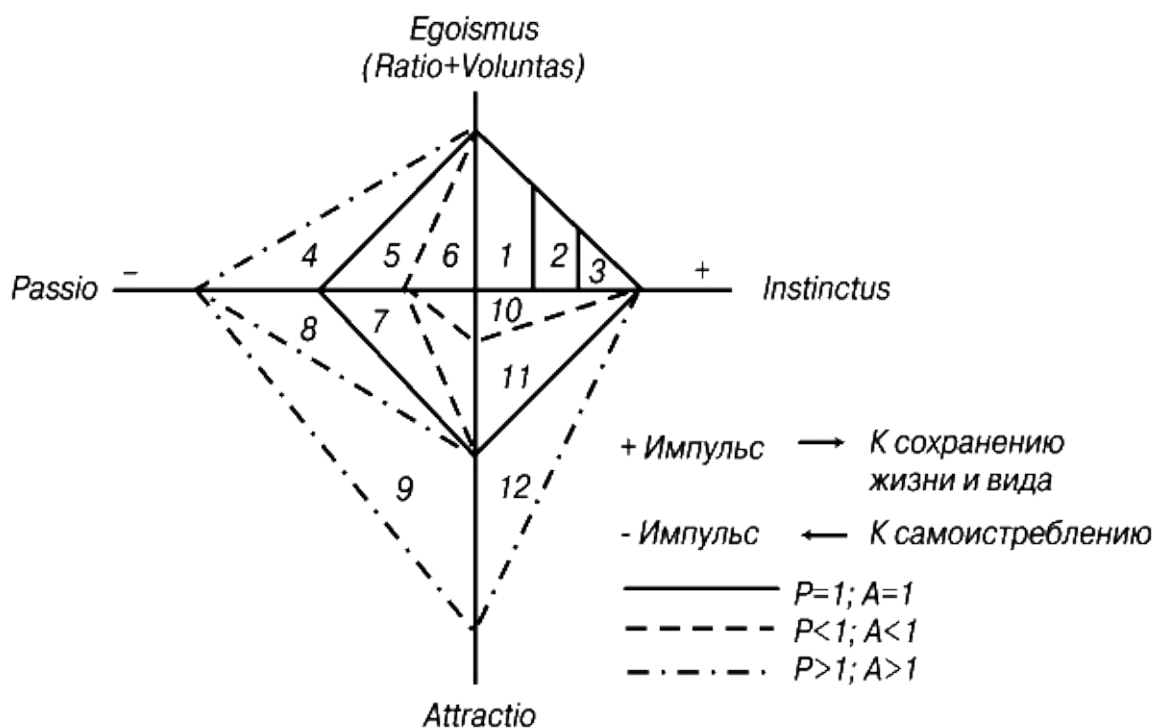

Рис. 2. Классификация особей по пассионарно-аттрактивному принципу

Условные обозначения: 1 — обыватели; 2 — бродяги-солдаты; 3 — преступники; 4 — честолюбцы; 5 — деловые люди; 6 — авантюристы; 7 — ученые люди; 8 — творческие люди; 9 — пророки; 10 — нестяжатели; 11 — созерцатели; 12 — искушители.

Соотношения разрядов импульсов

В биологической природе инстинктивных импульсов можно не сомневаться. Как желание долго жить, так и тяга к воссозданию себя через потомство — биологический признак, свойственный человеку как виду. Но если так, то его величина, в смысле воздействия на поступки особи, должна быть стабильна. Это значит, что тяга человека к жизни у всех людей, живущих, живших и тех, которые будут жить, в каждом отдельном случае будет одна и та же. На первый взгляд, это противоречит наблюдаемой действительности.

В самом деле, есть сколько угодно людей, не ценящих жизнь настолько, что они идут добровольно на войну; бывают случаи самоубийства; родители часто бросают детей на произвол судьбы, а иной раз и убивают. И это наряду с дезертирами, уклоняющимися от войны; с теми, кто ради спасения жизни терпит оскорбления; родителями,

отдающими жизнь за детей, часто недостойных и неблагодарных. Огромный разброс данных! Кажется, что системы в сумме наблюдаемых явлений нет.

Не напоминает ли это мнение древних о том, что тяжелые тела падают быстрее легких? Только опыт Галилея доказал, что сила тяжести равно действует на пушинку и ядро, а разница в скорости падения зависит от постороннего явления — сопротивления воздушной среды. То же самое имеет место в сюжете, занимающем наше внимание.

На рис. 2 изображен обратный импульс — пассионарность. При алгебраическом сложении его величина компенсирует величину той или иной части импульса, изображенного на положительной абсциссе, а иногда даже ее всю. Величина импульса P может быть меньше импульса инстинкта (величина, которую удобно принять за единицу), равна ему и больше него. Только в последнем случае мы называем человека пассионарием. Пример $P=1$ — князь Андрей Болконский из сочинений графа Л. Н. Толстого; $P \ll 1$ — чеховский интеллигент; еще меньше — просто обыватель, а за ним следует босяк-субпассионарий из ранних рассказов А. М. Горького. Еще ниже — кретины и дегенераты.

А если пассионарное напряжение выше инстинктивного? Тогда точка, обозначающая пассионарный (поведенческий) статус особи, сместится на отрицательную ветвь абсциссы. Здесь будут находиться конкистадоры и землепроходцы, поэты и ересиархи и наконец инициативные фигуры, вроде Цезаря и Наполеона. Как правило, их очень немного, но их энергия позволяет им развивать активную деятельность, фиксируемую везде, где есть история. Сравнительное изучение кучности событий дает первое приближение определения величины пассионарного напряжения.

Ту же последовательность мы наблюдаем в сознательных импульсах, отложенных по оси ординат. «Разумный эгоизм», т. е. принцип «все для меня», в лимите имеет стабильную величину. Но он умеряется аттрактивностью, которая либо меньше единицы (за которую мы принимаем импульс себялюбия), либо равна ей, либо больше нее. В последнем случае мы наблюдаем жертвенных ученых, художников, бросающих карьеру ради искусства, правдолюбцев, отстаивающих справедливость с риском для жизни, короче говоря — тип Дон Кихота в разных, так сказать, «концепциях». Значит, реальное поведение особи, которую мы имеем возможность наблюдать, складывается из двух постоянных положительных величин и двух переменных отрицательных. Следовательно, только последние определяют наблюдаемое в действительности разнообразие поведенческих категорий (см. рис. 2).

Собственно говоря, все описанные импульсы подходят под принятое в психологии определение «доминанты». Однако для нашей задачи необходимо выделить несколько определенных доминант и оставить без внимания прочие, например *libido*, как не имеющие для нашей темы значения. И еще важнее установить векторность избранных доминант, что позволяет уловить их соотношение.

Применим концепцию к этногенезу

Для изучения психологии отдельной особи предлагаемая точка зрения и система отсчета дают очень мало. Поскольку уровень пассионарности является врожденным признаком, присущим человеку на протяжении его жизни, то соотношение величин не меняется. Что же касается аттрактивности, то она меняется под влиянием других людей: учителя, друзей, учеников, и, значит, ее изменчивость зависит от воздействия коллектива, а не особи. Зато при изучении этногенеза принципы предложенной концепции весьма удобны, хотя при настоящем уровне знаний и возможностей результаты могут быть выражены в условных соотношениях. Получение числовых данных находится пока за пределами наших возможностей. Но даже то, что есть, уже весьма полезно для анализа.

Мы хорошо знаем, что все этносы проходят ряд фаз, который в идеале или в схеме единообразен. Многочисленные отклонения от схемы, например, обрывы развития или смещения за счет посторонних вмешательств, легко учесть и исключить из рассмотрения основной закономерности. Столь же легко можно потом их учесть при синтезе, т. е. восстановлении действительной истории народа. Отслоим случайность от закономерности.

Возьмем для примера группу разных людей и допустим, что нам известны пассионарность и аттрактивность каждого из них. Тогда для каждого найдется место уже не на осях координат, а на плоскости между осями. В каждой четверти расположится категория людей особого склада, определяемого только психофизиологической конституцией (см. рис. 2). Как видно из чертежа, моральный критерий во внимание не принимается, что позволяет рассматривать предложенную классификацию как естественноисторическую, дающую возможность объективного рассмотрения предмета.

Предположим, что у нас имеются данные для нанесения на систему

координат не только одного момента, но, скажем, десяти с интервалами в сто лет. Таким образом мы получим выражение вариаций пассионарного напряжения за средний период жизни этноса. Будь у нас возможность измерить величину P и выразить данную величину численно, в этом случае можно было бы просто построить кривую изменения пассионарного напряжения, а затем найти уравнение, описывающее кривую математически. Но пока приходится ограничиться феноменологическим описанием (см. рис. 3).

Однако и это дает для исследования довольно много. Насыщенность интервала времени событиями всегда сопоставима с насыщенностью другого интервала. Эти соотношения наглядно выражены в подобных синхронистических таблицах, но не обращали на себя внимание историков, потому что отраженное в них явление — колебание пассионарности не было учтено. Теперь эти таблицы обрели смысл и значение.

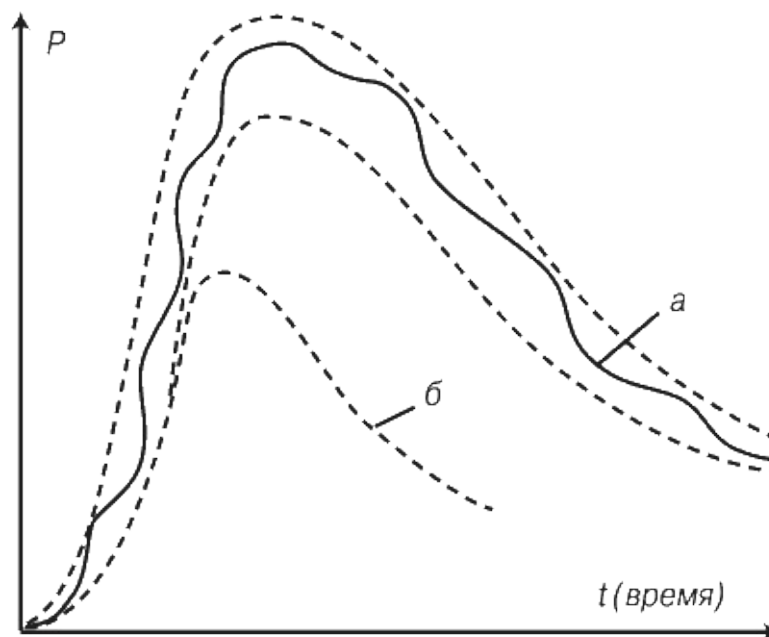

Рис. 3. Идеализированный ход функции P , характеризующий процесс этногенеза

Условные обозначения: сплошная линия — пределы вариаций уровня P ; а — вариации уровней P в акматической фазе; б — резкое снижение уровня P вследствие внешнего смещения.

Место пассионарности в историческом синтезе

Может показаться, что здесь уделено так много внимания описанию

пассионарности потому что автор придает последней значение решающего фактора. Но это не так. Учение о пассионарности привлечено лишь для того, чтобы заполнить пустоту, образовавшуюся при одностороннем изучении этногенеза. Не замена учения о примате социального развития в истории, а дополнение его бесспорными данными естественных наук — вот цель теоретического введения, необходимого для исторического синтеза.^[352]

Теперь целесообразно показать соотношение между четырьмя группами причинных воздействий на этнические процессы. Две из них — высшего ранга, две — подчиненные. В общем виде это будет схема, но именно схема нужна для отделения случайного от закономерного, постоянно сопрягающихся в любой из исторических^[353] и географических дисциплин, ибо и те, и другие изучают переменные величины, изменяющиеся во времени и воздействующие на этногенез.

Первым и главным фактором общественного развития является рост производительных сил, вследствие чего имеет место изменение производственных отношений, а тем самым и организации общества. Этот глобальный процесс всесторонне обобщен в марксистско-ленинской теории исторического материализма.

Второй фактор, определяющий не импульс, а ход процессов этногенеза, — географическая среда, игнорирование роли которой С. В. Калесник правильно назвал «географическим нигилизмом».^[354] Но и преувеличение значения географической среды, т. е. «географический детерминизм», о котором мы уже упоминали, не приводит к положительным результатам.^[355] Это остроумно показал Г. В. Плеханов в полемике с А. Лабриолой, заметив, что «современных итальянцев (конец XIX в.) окружает та же естественная среда, в которой жили древние римляне, а между тем как мало похож «темперамент» современных нам данников Менелика на темперамент суровых покорителей Карфагена!». ^[356] Можно было бы возразить, что антропогенное воздействие в течение 2300 лет изменило ландшафт Италии, но тем не менее очевидно, что не замена буковых лесов лимонными рощами и зарослями маквиса привела итальянскую армию к поражению под Адуей.

Сочетаясь, эти могучие факторы определяют лишь «общее направление» социально-исторических процессов, но не «индивидуальную «физиономию» событий и некоторые частные их последствия».^[357] А именно такие мелочи часто ведут к созданию или разрушению консорциев, иногда к сохранению или рассеиванию субэтносов, редко, но все-таки отражаются на судьбах этносов, а в исключительных случаях могут оказать

воздействие и на становление суперэтноса. Примеры таких исторических зигзагов, компенсирующих на данных отрезках истории, приведены Г. В. Плехановым в цитированной работе достаточно обильно, хотя исключительно на материале истории Европы. Аналогичные данные из истории Дальнего Востока читатель обнаружит в нашей «Степной трилогии». [\[358\]](#)

Таким образом, можно выделить фактор низшего ранга: логику событий, где учитываются короткие цепочки причинно-следственных связей, сами по себе закономерные, но для процесса высшего ранга являющиеся случайностями. В свою очередь, эти краткие закономерности, постоянно обрывающиеся в ходе истории, зависят от случайностей второй степени [\[359\]](#) и т. д.

Можно пренебречь этими вариациями при рассмотрении глобальных процессов, например смены формаций, но для этногенеза учет их необходим. И вот тут-то всплывает роль пассионарных взрывов и флуктуации, так относящихся к становлению биосферы, как логика событий — к общественной форме движения материи. Иными словами, пассионарность не является единственным фактором, определяющим этногенез, но он обязателен. Без пассионарности нет этногенеза! Поэтому игнорирование ее влияния дает заметную ошибку, смещающую результат. А прошла ли пуля мимо цели в одном миллиметре или в пяти метрах, значения не имеет — цель-то все равно не задета, поэтому продолжим описание отмеченного нами явления.

До сих пор мы только описывали, пользуясь примерами из истории разных периодов, пассионарность как биологический признак наследственности. Таким образом, мы увидели, что история как наука дает возможность проследить некоторые закономерности явлений природы. Следовательно, история может быть полезна не только сама по себе, но и как вспомогательная естественнонаучная дисциплина. До сих пор она для этой цели не использовалась.

Обобщение

Все приведенные выше наблюдения и их обобщение позволяют отметить несовпадение социальных и этнических ритмов развития. Первое — это спонтанное непрерывное движение по спирали, второе — прерывистое, с постоянными вспышками, инерция которых затухает при сопротивлении среды. Хронологические социальные сдвиги — смены

формаций и этногенетические процессы никак не совпадают. Иногда этнос, как, например, русский, переживает две-три формации, а иногда создается и распадается внутри одной, как, например, парфяне или тюркюты. Общественное развитие человечества прогрессивно, этносы же обречены на исчезновение.

Теперь можно сделать вывод. Этногенез — инерционный процесс, где первоначальный заряд энергии (биохимической, описанной В. И. Вернадским) расходуется вследствие сопротивления среды, что ведет к гомеостазу — равновесию этноса с ландшафтным и человеческим окружением, т. е. к превращению его в реликт, когда он находится в пережиточном (персистентном) состоянии, лишенном творческих сил. Именно благодаря высокому накалу пассионарности происходит взаимодействие между общественной и природными формами движения материи, подобно тому как некоторые химические реакции идут лишь при высокой температуре и в присутствии катализаторов. Импульсы пассионарности как биохимической энергии живого вещества, преломляясь в психике человека, создают и сохраняют этносы, исчезающие, как только слабеет пассионарное напряжение.

В заключение необходимо уточнить, в какой степени предложенная нами концепция этногенеза соответствует теории диалектического и исторического материализма. Она соответствует ей полностью. Развитие общественных форм — спонтанно; смена общественно-экономических формаций — явление глобальное, несмотря на неравномерность развития в разных регионах; движение общественной формы материи — поступательно и прогрессивно; направление его — спираль. Следовательно, это — философская теория об общих законах развития, и, значит, она на целый порядок выше, нежели антропосфера, взятая как целое, и на два порядка выше, чем этносфера — мозаика этносов во времени и пространстве. Иными словами, этнология — это частный случай применения диалектического материализма с учетом спецификации темы и аспекта.

Как известно, все природные закономерности вероятностны и, следовательно, подчинены стохастическим закономерностям. Значит, чем выше порядок, тем неуклоннее воздействие закономерности на объект; и чем ниже порядок, тем более возрастает роль случайности, а тем самым и степень свободы. В первом случае лимит — галактика, во втором — атом, ибо супергалактические и субатомные явления исследуются иными способами и иначе воспринимаются нашим сознанием. А между ними лежит градация порядков явлений. И каждый порядок требует к себе

внимания и специального подхода. Феномен этноса занимает в этих пределах промежуточное положение. Тип движения в этносах — колебание, развитие — инерционно и дискретно, устойчивость обеспечивается системными связями, а неповторимость и творчество — эффектом биохимической энергии живого вещества — пассионарностью, преломленной психикой как на индивидуальном, так и на популяционном уровне.

Такова, по нашему мнению, дефиниция понятия «этнос». Это — элементарное понятие, несводимое ни к социальным, ни к биологическим категориям. Этот вывод — эмпирическое обобщение историко-географических фактов.

Кривая этногенеза

Во всех исторических процессах от микрокосмоса (жизнь одной особи) до макрокосмоса (развитие человека в целом) общественная и природные формы движения соприсутствуют подчас столь причудливо, что иногда трудно уловить характер связи. Это особенно относится к мезокосму, где лежит феномен развивающегося этноса, т. е. этногенез, понимаемый нами как процесс становления этноса от момента возникновения до исчезновения или перехода в состояние гомеостаза.

Нелишне отметить, что такое понимание отлично от бытовавшего еще недавно в этнографии: этногенез — происхождение этноса, т. е. момент, завершающийся появлением этнического самосознания.

В географическом аспекте основой для возникновения этноса служит популяция, которая в интересующем нас сюжете может рассматриваться как группа пассионарных особей, приспособившая определенный ландшафт к своим потребностям в одновременно сама приспособившаяся к ландшафту.

Но момент рождения краток. Появившийся на свет коллектив должен немедленно организовать в систему с определенным разделением функций между ее членами. В противном случае он будет просто уничтожен соседями. В целях поддержания целостности системы устанавливаются социальные институты, характер которых в каждом отдельном случае запрограммирован обстоятельствами места (географическая обусловленность) и времени (стадия развития человечества). Именно потребность в самоутверждении обуславливает быстрый рост системы, территориальное расширение и усложнение

внутриэтнических связей; силы же для развития ее черпаются в пассионарности популяции как таковой. Рост системы и создает инерцию развития, медленно теряющуюся от сопротивления среды и рассеяния свободной энергии.

Даже при снижении жизнедеятельности этноса ниже оптимума социальные институты продолжают существовать, иногда переживая создавший их этнос. Так, римское право прижилось в Западной Европе, хотя античный Рим и гордая Византия превратились в воспоминание. Но что можно откладывать по ординате, если на абсциссе отложено время? Очевидно, ту форму энергии, которая стимулирует процессы этногенеза, т. е. пассионарность. При этом надо помнить, что максимум пассионарности, равно как и минимум ее, отнюдь не благоприятствует процветанию жизни и культуры. Пассионарный «перегрев» ведет к жестоким кровопролитиям как внутри системы, так и на границах ее, в регионах этнических контактов. И наоборот, при полной инертности и вялости населения какой-либо страны, когда уровень пассионарности приближается к нулю, теряется сопротивляемость окружению, этническому и природному, что всегда — кратчайший путь к гибели. Пассионарность присутствует во всех этногенетических процессах, и это создает возможность этнологических сопоставлений в глобальном масштабе.

Но нами не преодолена другая трудность: еще не найдена мера, которой можно было бы мерить пассионарность. На основании доступного нам фактического материала мы можем говорить только о подъеме или спаде, о большей или меньшей степени пассионарного напряжения (частоте событий в жизни этноса), но во сколько раз — мы не знаем. Однако это препятствие несущественно, ибо отношение порядка «больше» — «меньше» уже само по себе является достаточно конструктивным и плодотворным в естествознании для построения феноменологических теорий, а точность измерения наблюдаемых величин и формализация эмпирических наук — далеко не единственный и не всегда удобный путь познания.

Поэтому отмеченная «трудность» — скорее не недостаток концепции, а ее особенность.

В наше время школьное образование приучило читателя к двум предвзятым мнениям: вере в свидетельства и убеждению в реальности чисел натурального ряда. Оба мнения не то чтобы неверны, но неточны.

Достоверность исторических источников ныне ограничена исторической критикой, принцип коей — сомнение. Натуральные числа — абстракция, ибо в природе существуют не числа, а феномены. Натуральные

числа удобно применять в бухгалтерии, а не в природоведении или истории, где нет ничего принципиально равного или тождественного. Математический аппарат применяется в физике давно, но нельзя «думать, что все явления, доступные научному объяснению, подведутся под математические формулы... об эти явления, как волны об скалу, разобьются математические оболочки — идеальное создание нашего разума».^[360] А Альберт Эйнштейн сказал еще более категорично: «Если теоремы математики прилагаются к отражению реального мира, то они неточны; они точны до тех пор, пока не ссылаются на действительность».^[361] Но преклонение перед математикой в начале XX в. превратилось в своеобразный культ, отвлекший много сил у естественников и гуманитариев.

Для определения фазы этногенеза необходимо выявить главные параметры изучаемой эпохи, на основании сочетания коих можно дать ей однозначную характеристику. Таковыми будут императив поведения, момент толчка и логика событий. Логика событий отражает вехи флуктуации биосферы, в том числе пассионарности этносистемы.^[362] Любая этническая система иерархична, т. е. суперэтнос включает в себя несколько этносов, этнос — субэтносов или консорций и т. д. Увеличение числа таксонов низшего ранга всегда связано с подъемом пассионарности, и наоборот. Таким образом, сопоставление величин пассионарности не прямо, но косвенно все-таки возможно, хотя подсчет числа таксонов может быть осуществлен только методом экспертных оценок. Именно этот метод позволяет сделать обобщение тех изменений в уровне пассионарного напряжения суперэтнических систем, которые имели место в ходе различных локальных этногенезов. Графически эта зависимость представлена на рис. 4.

Рис. 4. Изменение пассионарного напряжения этнической системы (обобщение)

По оси абсцисс на рис. 4 отложено время в годах, где исходная точка кривой соответствует моменту пассионарного толчка, послужившего причиной появления этноса. По оси ординат отложено пассионарное напряжение этнической системы в трех шкалах: 1) в качественных характеристиках от уровня P_{-2} (неспособность удовлетворить вождения) до уровня P_6 (жертвенность); 2) в шкале «количество субэтносов» (подсистем этноса) индексы $n+1$, $n+3$ и т. д., где n — число субэтносов в этносе, не затронутом толчком и находящемся в гомеостазе; [\[363\]](#) 3) в шкале «частота событий этнической истории» (событие в нашем понимании, совпадающем с трактовкой, впервые предложенной К. П. Ивановым, — процесс разрыва этнических связей). В зависимости от таксономического ранга этнической системы: конвиксия (или консорция) — субэтнос — этнос — суперэтнос можно говорить о масштабе события. Для построения кривой пассионарного напряжения мы выделяем события этнического масштаба: столкновения двух или более субэтносов. Пунктирной кривой

отмечен качественный ход изменения плотности субпассионариев в этносе. Названия фаз этногенеза соответствует отрезкам, отложенным по шкале времени. Эта кривая есть обобщение 40 индивидуальных кривых этногенеза, построенных нами для различных суперэтносов, возникших вследствие различных толчков. Для каждого толчка качественные характеристики уровня пассионарного напряжения одинаковы, и изменяются они в указанной последовательности от неспособности удовлетворять вождения до жертвенности. Однако эти характеристики следует рассматривать как некую усредненную «физиономию» этноса. Одновременно в этносе присутствуют представители всех отмеченных на рисунке типов, но статистически господствует тип, соответствующий данному уровню пассионарного напряжения.

Непривычная по виду кривая проявления пассионарности равно не похожа ни на линию прогресса производительных сил — экспоненту, ни на синусоиду, где ритмично сменяются подъемы и спады, повторяясь, как времена года, ни на симметричную циклоиду биологического развития. Предложенная нами кривая асимметрична, дискретна и анизотропна по ходу времени. Она хорошо известна кибернетикам как кривая, описывающая сгорание костра, взрыв порохового склада и увядание листа. Ограничимся первым примером.

Костер вспыхнул с одного края. Пламя охватывает сучья кругом и быстро поглощает кислород внутри костра. Температура падает, и окружающий кислород воздуха врывается внутрь поленицы, заставляя дрова вновь вспыхнуть. После нескольких вспышек остаются угольки, медленно остывшие и превращающиеся в пепел. Для повторения процесса нужен новый хворост и новая вспышка пламени. Также, если толкнуть шар — он сначала движется ускоренно за счет силы толчка; затем теряет инерцию от сопротивления среды и останавливается, точнее, приходит в состояние равновесия со средой, что называется в механике покоем.

Процессы этногенезов, как и вышеописанные, вызываются взрывами, или толчками, внешними по отношению к антропосфере, которая из-за этих импульсов превратилась из монолитной в мозаичную, т. е. стала этносферой; единое человечество стало разнообразным, вечно меняющимся сочетанием особей и микропопуляций, чем-то похожих друг на друга, а чем-то разных, главным образом — по стереотипам поведения.

Причинами толчков могут быть только мутации, вернее — микромутации, отражающиеся на стереотипе поведения, но редко влияющие на генотип. Как правило, мутация не затрагивает всей популяции своего ареала. Мутируют только некоторые, относительно

немногочисленные особи, но этого может оказаться достаточно для того, чтобы возникли новые «породы», которые мы и фиксируем со временем как оригинальные этносы.

Ареалы взрывов этногенеза, или пассионарных толчков, отнюдь не связаны с определенными регионами Земли^[364] (см. рис. 5).

На рис. 5 римской цифрой обозначен порядковый номер толчка, арабскими цифрами пронумерованы этносы, возникшие вследствие данного пассионарного толчка.

Для каждого этноса приводится его историческое или условное название, а затем в скобках — название географической или этнокультурной области его появления, соответствующее точке на карте. В некоторых случаях дается краткая характеристика или важнейшие события фазы подъема. После номера в скобках указана дата толчка.

Зоны пассионарных толчков — это узкие полосы, шириной около 300 км при широтном направлении и несколько больше при меридиональном, примерно на 0.5 окружности планеты. Они похожи на геодезические линии.^[365] Возникают толчки редко — два или три за тысячу лет, и почти никогда не проходят по одному и тому же месту. Так, за тысячу лет до н. э. отчетливо прослежены два толчка: в VIII в. — от Аквитании, через Лациум, Элладу, Киликию, Парс до Индии, и в III в. — по степям современной Монголии и Казахстана.

Как мы уже говорили, один и тот же толчок может создать несколько очагов повышения пассионарности (и как следствие — несколько суперэтносов), если его зона перекрывает разнообразные физико-географические регионы. Так, толчок VI в. н. э. задел Аравию, долину Инда, Южный Тибет, северный Китай и среднюю Японию. И во всех этих странах возникли этносы-ровесники, причем каждый из них имел оригинальный стереотип и культуру. Соседи их — Византия, Иран, Великая степь, айны, были старше. В XII в. появились чжурчжэни и монголы; они были моложе всех. Западная Европа, лежавшая в развалинах после Великого переселения народов, обновилась в IX в., а Восточная — в XIV в. Именно поэтому Россия и Литва — не отсталые по сравнению с Францией и Германией, а более молодые этносы. Впрочем, Россию правильнее называть суперэтносом, ибо Москва объединила вокруг себя много этносов, не прибегая к завоеванию.

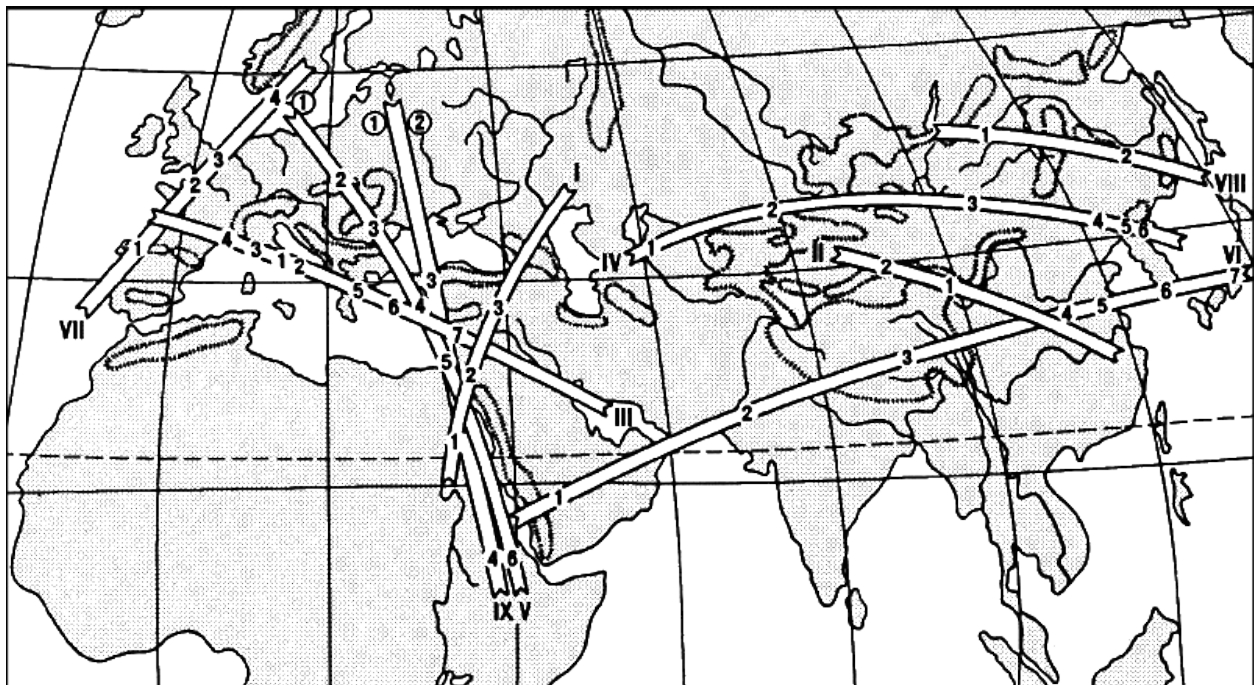

Рис. 5. Оси пассионарных толчков

Легенда к карте пассионарных толчков

I (XVIII в. до н. э.). 1) *Египтяне*-2 (Верхний Египет). Крушение Древнего царства. Завоевание гиксосами Египта в XVII в. Новое царство. Столица в Фивах (1580 г.) Смена религии. Культ Озириса. Прекращение строительства пирамид. Агрессия в Нумибия и Азию. 2) *Гиксосы* (Иордания, Северная Аравия). 3) *Хетты* (Восточная Анатолия). Образование хеттов из нескольких хатто-хуритских племен. Возвышение Хаттуссы. Расширение на Малую Азию. Взятие Вавилона.

II (XI в. до н. э.). 1) *Чжоусцы* (Северный Китай: Шэньси). Завоевание княжеством Чжоу империи Шан Инь. Появление культа Неба. Прекращение человеческих жертвоприношений. Расширение ареала до моря на востоке, Янцзы на юге, пустыни на севере. 2) (?) *Скифы* (Центральная Азия).

III (VIII в. до н. э.). 1) *Римляне* (центральная Италия). Появление на месте разнообразного итальянского (латино-сабино-этрuscoго) населения римской общины-войска. Последующее расселение на среднюю Италию, завоевание Италии, закончившееся образованием Республики в 510 г. до н. э. Смена культа, организации войска и политической системы.

Появление латинского алфавита. 2) *Самниты* (Италия). 3) *Эквы* (Италия). 4) (?) *Галлы* (южная Франция). 5) *Эллины* (средняя Греция). Упадок ахейской крито-микенской культуры в XI–IX вв. до н. э. Забвение письменности. Образование дорийских государств Пелопоннеса (VIII в.). Колонизация эллинами Средиземноморья. Появление греческого алфавита. Реорганизация пантеона богов. Законодательства. Полисный образ жизни. 6) *Лидийцы*. 7) *Киликийцы* (Малая Азия). 8) *Персы* (Персида). Образование мидян и персов. Дейок и Ахемениды — основатели династий. Расширение Мидии. Раздел Ассирии. Возвышение Персиды на месте Элама, закончившееся созданием царства Ахеменидов на Ближнем Востоке. Смена религии. Культ огня. Маги.

IV (III в. до н. э.). 1) *Сарматы* (Казахстан). Вторжение в европейскую Скифию. Истребление скифов. Появление тяжелой конницы рыцарского типа. Завоевание Ирана парфянами. Появление сословий. 2) *Кушаны-согдийцы* (Средняя Азия). 3) *Хунны* (южная Монголия). Сложение хуннского родоплеменного союза. Столкновение с Китаем. 4) *Сяньби*. 5) *Пуэ*. 6) *Когурё* (южная Маньчжурия, Северная Корея). Возвышение и падение древнего корейского государства Чосон (III–II вв. до н. э.). Образование на месте смешанного тунгусо-маньчжуро-корейско-китайского населения племенных союзов, выросших впоследствии в первые корейские государства Когурё, Силла, Пэкче.

V (I в. н. э.). 1) *Готы* (южная Швеция). Переселение готов от Балтийского моря к Черному (II в.). Широкое заимствование античной культуры, закончившееся принятием христианства. Создание готской империи в Восточной Европе. 2) *Славяне*. Широкое распространение из Прикарпатья до Балтийского, Средиземного и Черного морей. 3) *Даки* (современная Румыния). 4) *Христиане* (Малая Азия, Сирия, Палестина). Возникновение христианских общин. Разрыв с иудаизмом. Образование института церкви. Расширение за пределы Римской империи. 5) *Иудеи*-2 (Иудея). Обновление культа и мировоззрения. Появление Талмуда. Война с Римом. Широкая эмиграция за пределы Иудеи. 6) *Аксумиты* (Абиссиния). Возвышение Аксума. Широкая экспансия в Аравию, Нубию, выход к Красному морю. Позже (IV в.) принятие христианства.

VI (VI в. н. э.). 1) *Арабы-мусульмане* (Центральная Аравия). Объединение племен Аравийского полуострова. Смена религии. Ислам. Расширение до Испании и Памира. 2) *Раджпуты* (долина Инда).

Низвержение империи Гупта. Уничтожение буддийской общины в Индии. Усложнение кастовой системы при политической раздробленности. Создание религиозной философии Веданты. Троичный монотеизм: Брами, Шива, Вишну. 3) *Боты* (южный Тибет). Монархический переворот с административно-политической опорой на буддистов. Расширение в Центральную Азию и Китай. 4) *Табгачи*. 5) *Китайцы-2* (северный Китай: Шэньси, Шаньдун). На месте почти вымершего населения северного Китая появились два новых этноса: китайско-тюркский (табгачи) и средневековой китайский, выросший из группы Гуаньлун. Табгачи создали империю Тан, объединив весь Китай и центральную Азию. Распространение буддизма, индийских и тюркских нравов. Оппозиция китайских шовинистов. Гибель династии. 6) *Корейцы*. Война за гегемонию между королевствами Силла, Пэкче, Когурё. Сопротивление танской агрессии. Объединение Кореи под властью Силла. Усвоение конфуцианской морали, интенсивное распространение буддизма. Формирование единого языка. 7) *Ямато* (Японцы). Переворот Тайка. Возникновение центрального государства во главе с монархом. Принятие конфуцианской морали как государственной этики. Широкое распространение буддизма. Экспансия на север. Прекращение строительства курганов.

VII (VIII в. н. э.). 1) *Испанцы* (Астурия). Начало реконкисты. Образование королевств: Астурия, Наварра, Леон и графства Португалия на базе смешения испано-римлян, готов, алан, лузитан и др. 2) *Франки* (французы). 3) *Саксы* (немцы). Раскол империи Карла Великого на национально-феодальные государства. Отражение викингов, арабов, венгров и славян. Раскол христианства на ортодоксальную и папистскую ветви. 4) *Скандинавы* (южная Норвегия, северная Дания). Начало движения викингов. Появление поэзии и рунической письменности. Оттеснение лопарей в тундру.

VIII (XI в. н. э.). 1) *Монголы* (Монголия). Появление «людей длинной воли». Объединение племен в народ-войско. Создание законодательства — Ясы и письменности. Расширение улуса от Желтого до Черного моря. 2) *Чжурчжэни* (Манчжурия). Образование империи Цзинь полукитайского типа. Агрессия на юг. Завоевание северного Китая.

IX (XIII в. н. э.) 1) *Литовцы*. Создание жесткой княжеской власти. Расширение княжества Литовского от Балтийского до Черного моря. Принятие христианства. Слияние с Польшей. 2) *Великороссы*.

Исчезновение Древней Руси, захваченной литовцами (кроме Новгорода). Возвышение Московского княжества. Рост служилого сословия. Широкая метисация славянского, тюркского и угорского населения Восточной Европы. 3) *Турки-османы* (запад Малой Азии). Консолидация османским бейликом активного мусульманского населения Ближнего Востока, пленных славянских детей (янычары) и морских бродяг Средиземноморья (флот). Султанат военного типа. Оттоманская Порты. Завоевание Балкан, Передней Азии и Северной Африки до Марокко. 4) *Эфиопы* (Амхара, Шоа в Эфиопии). Исчезновение Древнего Аксума. Переворот Соломонидов. Экспансия эфиопского православия. Возвышение и расширение царства Абиссиния в Восточной Африке.

Представленную на рис. 4 кривую можно в случае надобности применить к консорции, конвиксии, субэтносу и этносу, соответственно меняя масштаб времени, учитывая при этом влияние этнических контактов. На суперэтническом уровне при синхронизации этногенезов мы увидим динамику этнокультурных систем (см. рис. 6) и их контакты, которые бывают и кровавыми, и мирными, экономическими, идеологическими и эстетическими. В разных исторических коллизиях, климатических вариациях на фоне спадов и подъемов пассионарности результаты столкновения бывают различны. Эти контакты и есть предмет этнической истории.

Ясно, что относительная длительность этногенеза различна. Вся фаза подъема длится примерно 300 лет; процесс роста идет весьма интенсивно. Примерно такова по длительности и акматическая фаза. Именно в этом периоде складывается комплексное своеобразие этноса, заканчивается его экспансия и создаются условия для формирования суперэтнических культурных образований. Надлом длится меньше и занимает по времени от 150 до 200 лет. Особенно сильно варьируют по своей длительности фазы инерции и обскурации. Это зависит как от интенсивности внутренних процессов разложения этноса, так и от исторической судьбы, определяемой степенью развития материального базиса, накопленного за предшествовавший период, физико-географическими условиями ареала и состоянием смежных этносов. Наконец, положительность фазы гомеостаза, в которой существуют исторические реликты, уже целиком зависит от историко-географических особенностей территории, вместившей остаток разбитого этноса. Если эти условия благоприятны, он становится изолятом и существует неопределенно долго, т. е. до тех пор, пока на его землю не позарятся соседи. Таким образом, весь цикл этногенеза занимает от

Уровни: 1 — обскурации; 2 — гомеостаза; 3 — консорции; 4 — субэтнуса; 5 — этнуса; 6 — суперэтнуса; 7 — надлома, раскола этнического поля; 8 — социоэтнической целостности; 9 — социокультурной целостности; 10 — деструкции; 11 — реликта.

Схема этногенеза наглядна и облегчает изучение этнической истории, но только как вспомогательный мнемонический прием. Она относится к историческому повествованию, как каталог библиотеки — к содержанию книгохранилища или старый план Москвы — к нынешнему городу, где сохранены переулки, но заменены дома. Жить-то приходится не в плане, а в городе, хотя наличие плана весьма помогает передвигаться по измененным до неузнаваемости улицам.

В отличие от науки об этногенезе этническая история — полифакторное явление. В ней участвуют наряду с географическими и биологическими социально-политические, историко-психологические и культурологические факторы как соучастники многообразных фрагментарных процессов. Исключительное значение пассионарности заключается лишь в том, что она — мера потенциальных возможностей

конкурирующих этнических систем и потому определяет расстановку сил в данную эпоху, хотя и не детерминирует исхода событий. Но достоинство этнологии как науки о биосферном феномене — этносе состоит в том, что она позволяет множество привходящих факторов свести к небольшому числу поддающихся оценке переменных и превращает неразрешимые для традиционного исторического подхода задачи в элементарные. Ее методика относится к традиционной исторической методике, как алгебра — к арифметике. Она менее трудоемка, а значит, позволяет при равной затрате сил охватить больший регион и более длинную эпоху, что, в свою очередь, дает возможность внести ряд уточнений путем сопоставления далеких фактов, на первый взгляд, не связанных друг с другом. Более того, так же как алгебраическая формула может быть всегда проверена арифметически, так и этнологические выводы могут быть проверены традиционными методами исторической науки. Но этнология отнюдь не замена истории общественной, хотя и использует историю в широком смысле этого слова, историю как «поиск истины». Ведь история, как двуликий Янус, гуманитарна лишь там, где предметом изучения являются творения рук и умов человеческих, т. е. там, где изучаются здания и заводы, древние книги и записи фольклора, феодальные институты и греческие полисы, философские системы и мистические ереси, горшки, топоры и расписные вазы или картины.

Вместе с тем употребление этнологической методики необходимо требует сознательного отказа от aberrаций дальности и близости и связанных с ними привычных представлений, распространенных настолько, что они сделались обязательными.

Обыватель привык считать, что древний человек был настолько бездарнее современных жителей промышленных городов, что лишь постепенно — путем смены десятков поколений — накапливал способности и внедрял изобретения. На этом весьма зыбком основании возникло представление, разделяющееся и учеными, что время, т. е. развитие в прошлом, шло медленнее, чем сейчас, и поэтому палеолит, например, кажется для историков единой эпохой вроде затянувшейся эпохи Ренессанса. Это — aberrация дальности, такая же, как уверенность ребенка в том, что Солнце — не больше кулака. Однако предки современных полинезийцев, хотя и не имели железных орудий, смогли пересечь Тихий океан на бальсовых плотках в те же сроки, что и Т. Хейердал. Предки майя, не зная современной селекции и генетики, вывели культурный вид хлопчатника, удвоив количество его хромосом, чего нельзя сделать постепенно, а североамериканские индейцы, пользуясь

обсидиановыми наконечниками для стрел, приручили одичавших испанских мустангов и освоили прерии меньше чем за 60 лет.

Дилетантам кажется, что этническая история — это «жизнь без начала и конца», а калейдоскоп «случайностей» ни в какую схему не укладывается хотя бы уже потому, что разные наблюдатели видят разные стороны любого явления. Да, современники никогда не замечали пассионарного толчка. Все происходящее казалось им естественным, бывшим всегда. Древние римляне триста лет не замечали, что республика сменилась империей, и лишь когда Диоклетиан изменил придворный этикет, обнаружили, что у них — монархия. Таковы последствия аберрации близости, усугубляемые игнорированием параллельных процессов, например истории ландшафта или климата. Последние вообще воспринимаются как нечто постоянное, хотя изменяются иной раз быстрее, чем политические формы власти.

Но этнолог, находясь в должном отдалении от сюжета, видит смену «цвета» времени, даже делая поправку на плавность перехода одной эпохи в другую. Однако при этом он отходит от привычного приема — пересказа источников, потому что вместо живых рассказов летописцев он получает цепочки сухих сведений о событиях. Ему предстоит обнаружить логику событий, как палеобиологу или геологу, только иных процессов и в иных временных масштабах. Но ведь это отход от методов гуманитарных наук. Допустимо ли такое нарушение закона, когда речь идет об изучении человека?

Да! Не только допустимо, но и необходимо.

Принято думать, что гуманитарные науки — это те, которые изучают человека и его деяния, а естественные науки изучают природу: живую, мертвую и косную, т. е. ту, которая никогда не была живой.

Но это банальное деление неконструктивно и полно противоречий, делающих его бессмысленным. Медицина, физиология и антропология изучают человека, но не являются гуманитарными науками. Древние каналы и развалины городов, превратившиеся в холмы — антропогенный метаморфизированный рельеф, находятся в сфере геоморфологии, науки естественной. И наоборот, география до XVI в., основанная на легендарных, часто фантастических рассказах путешественников, переданных через десятки рук, была наукой гуманитарной, так же как геология, основанная на рассказах о Всемирном потопе и Атлантиде. Даже астрономия до Коперника была наукой гуманитарной, основанной на изучении текстов Аристотеля, Птолемея, а то и Космы Индикоплова. Люди предпочитали жить на плоской Земле, окруженной Океаном, нежели на шарике, висящем в бесконечном пространстве — Бездне. Эти мнения

бытуют еще и ныне, несмотря на всеобщее среднее образование.

Исходя из сказанного, легко заключить, что деление образов мышления, а тем самым — наук, по предмету изучения неправомерно. Гораздо удобнее деление по способу получения первичной информации. Тут возможны два подхода: чтение, выслушивание и сообщение плодов свободной мысли — мифотворчество, или наблюдение, иногда с экспериментом, т. е. исследование — естествознание в прямом смысле этого слова.^[366] При таком делении этнология, основанная на эмпирическом обобщении наблюдаемых фактов, становится частью естествознания, а роль эксперимента в ней выполняет, как и в криминалистике, экспертиза, не допускающая противоречивости свидетельств источников. Ведь и при расследовании преступления проводят сличение показаний, а не просто верят свидетелям, часто весьма заинтересованным в том, чтобы их версия была принята. Почему же считать летописцев беспристрастными?

Таблица 3. Последовательные приближения к предмету при изучении процессов этногенеза

Степень приближения	Наблюдения от...	Видим...	Проблематика и методика
1 	Биосферы	Этносферу	Географическая
2 	Этносферы	Суперэтносы	Культурологическая
3 	Суперэтноса	Этносы	Этнологическая
4 	Этноса	Субэтносы	Политико-историческая
5 	Субэтноса	Консорции (люди и семьи)	Этнографическая
6 	Консорции (семьи или биографии деятелей)	Эпизоды	Биографическая
7 	Эпизодов	Сведения источников	Филологическая

Пока история представляла собой калейдоскоп отдельных фактов, всегда незаурядных, ибо только такие факты отмечались современниками,

возможность построения «эмпирического обобщения» была нереальна. Единичное наблюдение не воспринимается критично. Оно может быть случайным, неполным, искаженным обстоятельствами, в которых находится наблюдатель, и даже его личным самочувствием. А все эти недостатки компенсируются только большим числом наблюдений, когда неизбежная ошибка становится настолько мала, что ею не только можно, но и нужно пренебречь, чтобы сформулировать вывод.

Именно путем учета всех известных в историческое время этносов (принцип полноты) и руководствуясь принципом актуализма, согласно которому законы природы, наблюдаемые сейчас, так же действовали в прошлом, мы и обнаружили закономерности этногенеза, свидетельствующие о рождении и умирании этносов на фоне географической среды. А ведь накопленный материал не был использован ни историками юридической школы, ни структуралистами. Ибо и те и другие изучали статику, а не динамику.

Часть восьмая

Возрасты этноса,

*где описана схема развития этнических целостностей и объяснено,
почему вечность им противопоказана*

XXX. Способ научного поиска

Время и история

История — это изучение процессов, протекающих во времени, но что такое время, не знает никто. В этом нет ничего удивительного. Вероятно, рыбы не знают, что такое вода, потому что им не с чем ее сравнить. А когда они попадают на воздух, то у них не остается времени, чтобы воспользоваться сравнением воздуха с водой.

В. И. Вернадский определил смерть как разделение пространства и времени,^[367] ибо, по его мнению, косное вещество вневременно. Видимо, он прав, но историки имеют дело только с процессами умирания, при которых сущее становится прошлым. А реально ли прошлое? В этом вопросе единства мнений у современных ученых нет. Рассмотрим подробнее некоторые мнения, уже упоминавшиеся нами.

Существует и весьма распространена точка зрения, согласно которой прошлого вовсе нет. Джованни Джентиле пишет: «В прошлые времена люди рождались, думали и трудились... но все они мертвы, подобно цветам, красотой которых они наслаждались, или листьям, которые зеленели у них на глазах весной и, желтея, осыпались осенью. Память о них живет, но мир воспоминаний, подобно миру фантазии, есть ничто; и воспоминание не лучше, чем мечта...» «Историк знает, что жизнь и значение прошлых фактов не могут быть открыты в хартиях, надписях или любых действительных останках прошлого; их источники — в собственной личности историка».^[368]

Согласиться с этим невозможно, но повременим спорить: есть и другие авторы, писавшие на эту тему.

Еще более категоричны В. Дильтей, П. Гардинер и Б. Рассел. Все они фактически отрицают историю, утверждая, что ее выводы недостоверны, так как историки неизбежно субъективны, а потому не могут быть беспристрастны. «Первичный элемент исторического мира — это переживание, в котором субъект находится в активном жизненном взаимодействии со своей средой», — писал В. Дильтей. «Не существует абсолютных реальных причин, которые ждут, чтобы их открыли историки, пишущие на различных уровнях и с различных расстояний, с разными целями и интересами, в разных контекстах и с различных точек зрения», — утверждал П. Гардинер. Ценность истории в том, что она дает знание «о

человеческих существах, находящихся в обстоятельствах, чрезвычайно отличных от наших собственных, — не строго аналитическое научное знание, но нечто вроде того знания, какое любитель собак имеет о своей собаке», — заявил Б. Рассел.

Думается, что материал для столь пессимистических выводов перечисленным мыслителям дали современные историки, те самые, которых удачно описал Анатоль Франс: «Да разве мы пишем историю? Разве мы пытаемся извлечь из какого-нибудь текста, документа хоть малую крупицу жизни или истины? Мы просто-напросто издаем тексты. Мы придерживаемся буквы... Мысль не существует» («Остров пингвинов»). Защищать эту позицию не хочется, а ведь по сути дела спор идет именно по поводу нее. Так внесем необходимую ясность.

Спор, будь он начат, был бы основан на филологическом недоразумении. Историей ныне называют целый ряд занятий, хотя и связанных друге другом, но весьма различных: 1. Публикация и перевод древних источников — занятие необходимое, но дающее только сырье. 2. Историческая критика, отсеивающая сознательную, а иногда неосознанную ложь древних авторов — получение полуфабриката. 3. Сопоставление добытого материала с накопленным ранее — это уже продукт, но еще не предмет потребления. 4. Интерпретация данных в плане поставленной проблемы. 5. Постановка новых проблем, выходящих на стык наук.

Перечисленные выше и многие другие близкие им философы огорчались по существу тем, что не получали из необработанного сырья сувенира на заказ без промежуточной обработки. Это действительно невозможно, но другого пути нет и не будет. Правы философы в другом: пройти этим путем может отнюдь не каждый.

Самые на вид простенькие обобщения требуют такого душевного подъема и накала чувств, при котором мысль плавится и принимает новую форму, сначала поражающую, а потом убеждающую искреннего читателя. И дело не в том, при помощи какого хода мысли или подбора аргументов доказан тезис; это кухня научного ремесла, знать которое, конечно, надо, но одного знания мало. Дело в том, почему иногда удастся новый тезис найти и доказать. Это таинство психологии творчества, которое древние греки приписывали музе истории — Клио. Эта муза подсказывает нам, что скепсис философов неоправдан, что прошлое — не личное переживание и не мечта. Ибо настоящее — только момент, мгновенно становящийся прошлым. Будущего нет, ибо не совершены поступки, определяющие те или иные последствия, и неизвестно — будут ли они совершены. Грядущее можно рассчитать только статистически, с допуском, лишаящим расчеты

практической ценности. А прошлое существует; и все, что существует, — прошлое, так как любое свершение тут же становится прошлым. Вот почему наука история изучает единственную реальность, существующую вне нас и помимо нас.

А разговоры о недостоверности субъективного восприятия — обывательская болтовня. Достоверность нужна всегда в определенных пределах, за которыми она становится бессмысленной. Вычислить расстояние от Москвы до Ленинграда с точностью до миллиметра невозможно и не нужно. Так же и в истории, но в ней есть своя специфика постановки проблемы.

Целесообразно изучать не нюансы ощущений исторических персон, а процессы: социальные, этнические и культурогенные. При сборе первичных сведений степень точности мала, но при прослеживании долго идущего процесса случайные ошибки взаимно компенсируются, благодаря чему можно получить описание, удовлетворяющее практической задаче — пониманию эпохи. И чем шире охват, тем выше точность. При такой постановке дела нет смысла увеличивать количество мелочей сверх необходимого, потому что они создают кибернетические «шумы». А принцип отбора данных подсказывается поставленной задачей.

Установив, что этнос — феномен биофизический, что пассионарность — эффект энергии живого вещества биосферы и что сознание, а равно и связанная с ним история культуры играют роль руля, а не двигателя, мы не решили поставленной задачи, а только наметили способ ее решения. Однако не будем спешить, а посмотрим, нет ли в современной нам науке аналогичной постановки проблемы? Есть! К. Ясперс предложил свое решение.^[369] Ознакомимся с ним.

В Западной Европе (и только там) господствовала с V в., т. е. от Августина до Гегеля, философско-историческая концепция, которая рассматривала исторический процесс как единую линию, имеющую начало и конец, т. е. свое смысловое завершение. Из этой концепции родилось сначала религиозное осмысление истории — как стремление к Абсолюту, а потом атеистическая «религия прогресса». Новейшим вариантом этой теория являются взгляды Ясперса.

Ясперс выделяет из всей истории «осевое время», когда между 800–200 гг. до н. э. в Китае, Индии, Персии, Палестине к Элладе параллельно возникли духовные движения, сформировавшие тот тип человека, который якобы существует поныне. В Китае это Конфуций и Лао-цзы, в Индии — Упанишады и буддизм, в Иране — Заратуштра, в Палестине — пророки, в Элладе — Гомер и великие философы. Отсюда происходят все мировые

религии и философские системы, а прочие народы, как и «доосевые», — неисторичны и могут «просветиться» только у «осевых» народов и их продолжателей, ибо в «осевое время» произошло «пробуждение духа» и были поставлены «последние вопросы бытия»: о смертности, конечности, трагической вине и смысле человеческого существования. «Осевое время» — это как бы корень всей последующей истории.

Ясперс не объясняет, откуда и каким образом возник отмеченный им параллелизм в развитии независимых друг от друга культур. Ни вторжения кочевых ариев в Китай, Индию и Европу, ни социальные условия в этих странах не могут дать удовлетворительного решения. Вопрос о генезисе феномена остается открытым, но факт возникновения в это время и в указанных регионах «философской веры», которая, по мысли Ясперса, обеспечивает подлинную связь между народами и культурами, не может быть подвергнут сомнению. Подлинная связь — это связь духовная, а не родовая, не природная, не социальная, и достигается она только перед лицом «абсурдных ситуаций», «последних вопросов», когда общение людей совершается на экзистенциальном уровне.

Здесь мы остановимся, ибо философская часть учения экзистенциализма, рассуждения о настоящем и будущем и попытка пояснить смысл истории могут быть интересны только в том случае, если фундамент построения достаточно надежен. А это-то и кажется сомнительным.

Прежде всего уж очень широка эта «ось». Шестьсот лет — это срок, куда можно втиснуть многое, да и если сравнить срезы истории по 800 г. до н. э. и по 200 г. до н. э., то видно, что за это время произошли грандиозные изменения с различными результатами для разных стран. Например, Китай объединен династией Хань, а Эллада и Персия завоеваны «неисторичными» варварами: македонянами и парфянами. Что-то тут не то.

Дальше читаем внимательно. Автор сопоставляет «завершение периода поступательного развития»: империю Цинь в Китае (221–202 гг. до н. э.), царство Маурья в Индии, Римскую империю и эллинистические государства. Но в III в. до н. э. царства диадохов в Египте, Сирии, Македонии, Бактрии были отнюдь не могущественны, а Рим изнемогал во 2-й Пунической войне. Царство Маурья в Индии распалось после смерти Ашоки в 226 г. до н. э. Не получается! На Западе — развал, а в Китае — интеграция. Если же сопоставить Китай с эпохой Августа, то хронологический допуск достигает 300 лет. Не много ли?

Идею «осевого времени» как источника духовной жизни опровергает история древней Америки, а ведь майя, тольтеки и предшественники инков

в Андах (культура Тиуанако) ничуть не уступали древним китайцам, индийцам, персам, иудеям и грекам. И уж совсем неверно, что Китай сдерживал натиск монголов-кочевников, скорее наоборот.

Можно найти и другие поводы для недоумений, но дело не в этом. Концепция Ясперса — наиболее обоснованная попытка понять историю как благодеяние, оказанное первобытным дикарям теми пятью народами, которые создали прорыв», или скачок, как бы родились заново. Это оформление взглядов не только Августина, идеи которого послужили первоисточником всех ересей Средневековья, но даже древних иудейских мыслителей, создавших учение о своей богоизбранности. Исходя из учения об этногенезе как о повсеместно возникающем процессе, согласиться с Ясперсом нельзя, но одного несогласия мало. Попробуем применить доказательство от противного (*ad absurdum*), но не путем академического разбора мелочей, в которых легко утонет любой спор, а методом наглядного обозрения исторической действительности на протяжении тысячелетия, следовавшего за «осевым временем».

Для начала скажем, что отмеченный Ясперсом параллелизм развития нескольких культур древности действительно имел место, но он не был ни единственным, ни столь плодотворным, чтобы выделить китайцев, индусов, иранцев, иудеев и греков в особую категорию людей;^[370] и он затух, как и прочие пассионарные взрывы этногенеза. Таков наш контртезис. А теперь перейдем к изложению оного.

От исторической географии к этнической психологии

Так же как вне этноса человеку плохо жить вне привычных ему природных условий, подогнанных предками под его потребности. Нами были описаны механизм возникновения антропогенных ландшафтов и его связь с фазами этногенеза. Эта довольно жесткая связь также зависит от коллективного настроения этнической системы, образующей этноценоз, развитие которого сопряжено, как мы теперь знаем, с уровнем пассионарного напряжения, а также с характером адаптации в ландшафте и наличием той или иной этнической доминанты. При таком подходе к сюжету исследования сама собою отпадает европоцентристская идея о преимуществе технической цивилизации над развитием другого типа. Действительно, почему считать земледельческие культуры Индии или охотничьи культуры эскимосов Канады менее совершенными, нежели способ жизни обитателей урбанистических агломераций? Неужели только

потому, что последние привычны для большинства наших читателей?

Однако если мы оторвемся от обывательского субъективизма, то нам потребуется надежный критерий для сравнения этносов и суперэтнических культур, потому что они действительно не могут считаться вполне равноценными друг другу. Для этой цели следует снова обратиться к рассмотрению особенностей этногенетических процессов и, не ограничиваясь простым описанием, дать интерпретацию на базе открытой нами пассионарности, где фазы этногенеза и смена состояний антропогенных ландшафтов будут коррективами друг для друга.

То, что разница этнопсихологических стереотипов определяется климатом, рельефом, флорой и фауной этнических месторазвитий, было известно задолго до Монтескье. Эти идеи фигурируют еще у арабских географов X–XIV вв., являясь фундаментом географического детерминизма, неверность коих заключалась не в ложности, а в недостаточности объяснения наблюдаемых явлений. Географы этого направления не учитывали главного — динамики этнопсихологических складов, меняющихся в течение веков единообразно и закономерно. Поясним это на наглядных примерах из русской литературы и истории.

Русский, а точнее — великорусский этнос существует очень давно. Если даже не брать мифического Рюрика с не менее мифическим Олегом и Игорем, то, во всяком случае, наши непосредственные предки зафиксированы уже после татарского нашествия, где-то в начале XIV в. Они такие же русские, а разве они вели себя так, как ведем себя мы? Нет, совсем не так. Например, Пушкин, когда его обидели, стал стреляться на дуэли. Ведь никто из нас, когда его будут оклеветывать, ругать или про жену говорить гадости, на дуэли драться не будет. Являемся ли мы по отношению к современникам Пушкина иным этносом потому, что мы ведем себя иначе? Как будто на это должно ответить утвердительно... А может быть, и нет? Потому что интуиция нам подсказывает, что Пушкин был такой же русский человек, как и мы. И смена стереотипа поведения нам кажется вполне естественной. Ведь за триста лет до Пушкина, в эпоху Ивана Грозного, когда дуэлей не было и вообще их не знали, как повел себя, например, купец Калашников, жену которого обидел опричник Кирибеевич? Лермонтов совершенно точно это описал. Купец улучил момент и в честном кулачном бою нанес противнику нечестный удар в висок. Он убил обидчика, пожертвовав за это собственной жизнью. С точки зрения людей эпохи Пушкина и Лермонтова — это была великая подлость. Так не делают! Если ты вышел на честный бой, дерись честно. Но, с точки зрения современников купца Калашникова, тот поступил абсолютно

правильно, и даже сам Иван Грозный сказал: «Казнить-то я тебя казню, так как убийство было подлое, а велю палача нарядить и по всей Москве звонить, а твоим родственникам торговать безданно и беспошлинно, потому что у тебя были основания убить моего верного слугу».

Но еще на 200 лет раньше в таких случаях никто вообще не старался убить своего обидчика, особенно если тот имел высокое социальное положение: был удельным князем или влиятельным боярином. Обиженный дружинник, священник или смерд просто уезжал в другое княжество. Раз в Москве плохо обошлись — поехал в Тверь. А если и в Твери плохо обошлись — в Суздаль, а если в Суздале не понравилось — ехал в Литву. Совершенно иная реакция на обиду, совершенно иной стереотип поведения. Следовательно, по принятому нами принципу, речь в данном случае должна идти о совершенно разных этносах. Но мы-то знаем, что это один этнос и что мы встречаем явление, не фиксированное в статике, а процессы закономерных изменений; каждое явление следует брать с его прошлым, с перспективой его будущего. Можно усомниться, что такие нюансы поведения, как реакция на обиду, имеют значение для географии, но есть равновеликие явления, хотя и менее яркие, которые активно формируют антропогенный ландшафт.

То, что разные этносы различно относятся к природе, это мы уже установили, но даже один и тот же этнос в равные фазы своего этногенеза ведет хозяйство разными способами, а тем самым влияет на вмещающий ландшафт различно.

Кроме того, архитектура не только городов, но и отдельных поселений, даже домов с усадьбами, является составной частью антропогенного ландшафта. А то, что она зависит от характера деятельности людей данного этноса — понятно и без доказательств.

Таким образом, так называемый «национальный характер» — миф, ибо для каждой новой эпохи он будет другим, даже при ненарушенности последовательности смены фаз этногенеза. Например, Илья Ильич Обломов и его слуга Захар — лентяи. Однако их предки отбили от татар Заволжья богатые земли, завели на них доходное хозяйство и построили себе удобные красивые дома, наполнив их книгами и картинами. Предки Раневской развели вишневый сад, который она пустила на ветер. Купчики из пьес Островского тратят капиталы, сколоченные их дедами. Так что же характерно для «русского» психологического типа: строгое собирательство или веселое, беззаботное расточительство? Видимо, то и другое, но в зависимости от эпохи, т. е. фазы этногенеза. Эти изменения идут неуклонно, не будучи функционально связаны ни с модификациями

географической среды, ни со сменами общественно-экономических формаций, хотя постоянно взаимодействуют с теми и другими. Но это интерференция «независимых переменных», сопряженных в историческом процессе.

Вопреки

Если рассматривать историю как функцию времени и отказаться от всех предвзятостей, с этим связанных, то окажется, что время ведет себя не единообразно. Это суждение настолько непривычно, что необходимо условиться о терминах, потому что предлагаемые здесь дефиниции касаются лишь «исторического» времени, но не затрагивают математических концепций Ньютона или Эйнштейна и «биологического» времени, исчисляемого сменой поколений изучаемого вида. Применять особенности, описанные ниже, к процессам геологического времени тоже не следует, так как у косного вещества есть свои закономерности. Ограничимся спецификой человека и характера его становления. Это тоже немало.

Историческое время в отличие от физического (протяженного), биологического и относительного (континуума) обнаруживает себя через насыщенность событиями. То, что мы называем «временем», есть процесс уравнивания энергетических потенциалов, иногда нарушающийся взрывами (толчками), воссоздающими неравенство энергетических потенциалов, т. е. разнообразие. Импульсы, возникающие в биосфере из-за этих толчков, и есть материальная основа творчества, проявляющаяся в стремлении то к красоте — искусство, то к истине — наука, то к справедливости — мораль, то к власти — благодаря этому импульсу создаются государства, то к победе — будь то завоевание чужой страны или мимолетный успех оперного тенора, и т. д. Эти импульсы могут быть позитивными, т. е. жизнеутверждающими, щадящими все живое и ценящими все созданное руками человека, и негативными, разделяющими энергию, информацию и вещество, в котором информация находит свой приют. Негативный импульс уводит кванты энергии за границы времени... и это подлинный конец процесса. Но позитивный импульс воссоединяет энергию с косным веществом, принимает информацию, — и мир продолжает существовать заново. Все неповторимое и прекрасное при потере энергетического заряда исчезает. Вот почему так велики утраты в эпохах, насыщенных деяниями, но против гибели выступает Память; а коллективная память этносов — это

и есть история культуры.

Подъемы и упадки

Согласно теории прогресса, нет ни подъемов, ни упадков. Стало привычным, и не без некоторых оснований, считать, что западный полуостров Евразийского континента имеет в истории человечества особо важное значение. В качестве доказательств ссылаются на расцвет классической Эллады, поход Александра Македонского, создание Римской империи, блестящую живопись эпохи Возрождения, «великие открытия» и колониальные захваты XVI–XIX вв. Однако при этом упускается из виду то, что перечисленные «расцветы» были эпизодами, и не только на фоне Всемирной истории, но и на канве истории Средиземноморского бассейна. Расцвет Эллады был, по сути дела, кратковременной гегемонией Афин. Победы Александра вызвали ответные удары парфян, саков и индусов и крушение македонской самостоятельности. Рим... но о нем побеседуем специально. А что касается побед испанцев, французов и англичан над краснокожими, черными, смуглыми и желтыми заокеанскими этносами, захваченными врасплох, то уже сейчас видно, насколько недолговечны были завоевания конкистадоров, авантюристов и негоциантов.

Значительно более долгими были эпохи безвременья, о которых европейские историки не любят писать, но которые станут предметом нашего анализа. Упадки культуры — столь же важные явления истории, как и ее подъемы. Откуда же берутся целые столетия без искусства, литературы, философии? Поясним.

В эпохи частых переселений целых народов в иные страны, при взаимном неприятии чужих культур и при контактах на суперэтническом уровне условия для сохранения памятников искусства были крайне неблагоприятны. Наследие римской античности сохранилось только под землей, откуда его начали извлекать гуманисты в XV в. Дивная иконопись эпохи подъема византийской культуры стала жертвой иконоборцев. Роскошные золотые и серебряные украшения угров, алан, русов и хазар были перелиты в монеты и слитки, а те разошлись по окраинам Ойкумены. Чудные вышивки, тонкие рисунки на шелке, богатые парчовые одежды, тюркские поэмы, написанные на бересте, истлели от времени, а героические сказания и мифы о возникновении космоса были забыты вместе с языками, на которых их декламировали рапсоды. Вот почему эпоху I тыс. н. э. называют «мрачной», «безвременьем», «культурным

застоем» и даже «дикостью»!

Окольный путь — через изучение истории событий — показал, что описанная эпоха была творческой, напряженной и трагичной и что не бесплодие души и разума определило наблюдаемую пустоту, а горение сердец и страстей испепелило то, что могло сгореть.

Приступая к исследованию глобальных закономерностей этнической истории, следует сразу же отречься от принципа европоцентризма, который многими воспринимается как не требующий доказательств. В самом деле, с XVI по начало XX в. европейские народы захватили полмира путем колониальных операций, а другую половину — путем ввоза товаров или идей. Последние тоже приносили немалый доход.

Преимущество европейцев над прочими народами было в XIX в. столь очевидно, что Гегель построил философию истории на принципе мирового прогресса, который должен был быть осуществлен германцами и англосаксами, ибо считал, что все обитатели Азии, Африки, аборигены Америки и Австралии — «неисторические народы». Но прошло только полтора века... и стало ясно, что европейское преобладание в мире — не путь прогресса, а эпизод. Америка и Австралия, как заокеанские продолжения Европы (Западной), непосредственно связаны с той же линией закономерности, а аналогичные линии уже прослежены у народов древних, где они дошли до своего естественного конца. Иными словами, те народы, которых принято называть отсталыми, просто реликты, пережившие свой расцвет и упадок. Можно сказать, что черные австралийцы, бушмены, мундруку и даже эскимосы — это старые этносы. Поэтому так бедна их материальная культура и так фрагментарна культура духовная. Этногенезы — процессы дискретные, а потому этносам свойственно понятие «возраст».

О старении народов говорилось и писалось очень много; но историками эта терминология воспринималась как художественная метафора. В самом деле, дети рождаются, следовательно, поколения обновляются, так что же может стареть? Вот это-то мы и постараемся показать, исходя на этот раз не из общих соображений системологии, а из конкретной этнопсихологии, очевидной для любого историка или этнографа с широким кругозором.

Принцип отсчета

В основу возрастной классификации любого этноса целесообразно

положить момент, без которого не может обойтись ни одна система: отношение коллектива к индивиду. Любой коллектив ограничивает свободу каждого из своих членов необходимостью считаться с другими членами порознь и с интересами коллектива в целом. Этнос не является исключением из общего правила, но характер воздействия на составляющие его персоны с течением времени меняется, и в переменах прослеживается определенная закономерность.

Для этноса, находящегося в статическом состоянии, свойственно стремление к консервации взаимоотношений между его членами. В родовом обществе, например, существует жесткий деспотизм традиции, указывающий каждому новорожденному его место в жизни и пределы его возможностей, причем уровень его личных способностей во внимание не принимается. Например, если герой или гений по возрасту моложе кретина, то он все равно должен считаться ниже его по общественному положению и даже может не дожить до того времени, когда его таланты будут использованы коллективом, если на помощь младшему не придут экстраординарные бедствия вроде жестокой войны с соседями или заразы, когда надо лечить умирающих соплеменников. Но и тогда делается исключение лишь для спасителя племени, а сам принцип старшинства остается нерушимым.

Такое отношение к индивиду существует не только при родовом строе. В развитом классовом обществе оно находит яркое выражение в кастовой системе или ослабленное — в системе сословий. В любом из этих вариантов коллектив указывает индивиду его место и требует от индивида только одного: довольства собой и своим положением, ибо довольство является основным психологическим условием для консервации отношений. Казалось бы, это положение не заслуживает ни одобрения, ни восхищения. Однако не будем спешить с выводами.

Теми же принципами руководствуется статический этнос по отношению к окружающей его природе. Она его кормит, отдавая излишки богатств, а он диктует своим членам не требовать от нее сверх положенной меры. В лесу ежегодно гибнет 10 % деревьев в результате естественного отбора и борьбы за существование; значит, можно эти 10 % срубить для топлива и строительства, но не больше. Также можно убить себе в пищу прирост стада копытных, но без ущерба для производителей.

И ведь как точно умели определять эти нормы в отношении бизонов племена сиу или черноногих! Охота была для них делом общественным, и любое самовольство пресекалось самыми жестокими мерами. Благодаря этому этнос и вмещающий его ландшафт находились в состоянии

динамического равновесия (гомеостаза), позволявшего людям, животным и растениям существовать совместно неограниченно долго. Но мы знаем, что это равновесие в любом ландшафте, будь то в Африке, Австралии или Гренландии, является результатом протекавшего ранее процесса этногенеза, его конечной фазой.

Увы, история полезна только тому, кто ее выучил. В обратном случае обывательский «здравый смысл» провозглашает губительную концепцию покорения живой природы. В 1894 г. американский геолог-антрополог У. Дж. Макги писал: «Подчиняя себе диких животных, человек сохраняет лишь тех, кто может быть приручен; остальные же должны быть уничтожены».^[371] И самое примечательное, что с обратной концепцией выступили только индейцы сиу, утверждавшие: «Что Дух земли творит, то неделимо; со всем сущим нас связывают узы родства».^[372] Вывод однозначен, сиу руководствовались в своей практике понятиями «геобиоценоз» и «биосфера», хотя называли их иначе, а цивилизованный ученый, находившийся на уровне воззрений своего времени и в их плену, проповедовал, что человек проявил свою силу, «изменив лик природы, сделав ее лучше, чем прежде, помогая выжить полезным животным и растениям и уничтожая вредных, защищая стареющую планету от опустошительного воздействия времени и от немощи».^[373]

Американскому ученому и его современникам была чужда мысль, что они сами, поскольку у них есть тела, являются составной частью той природы, чей лик они так бодро изменили и о которой теперь тоскуют их внуки. Прославлявшаяся тогда «Сила Человека» в 1948 г. охарактеризована Ф. Осборном уже иначе: «Фактически это — история человеческой энергии, безрассудной и бесконтрольной».^[374] Энергией этой, или пассионарностью системы, были уничтожены не только растения и животные, но и те самые индейцы, чей образ жизни и поведение были непонятны и противны носителям пассионарности.^[375] Поэтому американцы считали «дикарями» тех, чья натурфилософия опередила развитие их собственной на 300 лет. И как следствие — индейцы, сумевшие обрести экологическую нишу в биоценозах, гибли вместе со своими братьями меньшими, ибо их справедливо трактовали как составную часть природы, подлежащей переделке.

Как только особи нового склада создают новую этническую целостность, они выдвигают новый принцип общежития, новый императив поведения: «Будь тем, кем ты должен быть». Король обязан вести себя как король, дружинник — как дружинник, слуга — как слуга, потому что без

жесткого соподчинения новая система развалится при столкновении либо с внешним врагом, либо с соплеменниками, обычно предпочитающими старый порядок.

Может показаться, что разница между первым и вторым принципами не столь уж велика, но это не так. В становлении динамического этноса первую роль играет категория долга перед коллективом, а не право рождения, как было до того. Король, не соответствующий своему положению, должен быть отрешен или убит и заменен достойным, плохой рыцарь — изгнан, плохой слуга — выпорот. Нет прав, есть обязанности, за которые полагается вознаграждение. Последнее бывает различным: иногда это деньги (бенефиции), иногда право на занятие выгодной должности, иногда возможность разделить власть с правителями, но так или иначе решающим фактором достижения благополучия является деловой принцип, а не право рождения.

Обычно вновь возникающая внутриэтническая система бывает склонна к агрессии, жертвами которой становятся соседи. Если они сильны — система разбивается об их сопротивление, если слабы — система торжествует, и процесс этногенеза идет быстро. Но именно здесь таится опасность не столько для особей нового типа, сколько для принципа, приводящего их к победе над соплеменниками и соседями. Точнее, сама победа и является наибольшей угрозой. Как только большая часть задач решена, долг начинает тяготить людей и на место прежнего принципа выступает новый (третий): «Будь самим собой».

Когда дружинник хочет быть не только оруженосцем князя, но и Ромуальдом или Бертраном, монах не просто произносит тексты писания или служит мессу, но комментирует прочитанное, рискуя быть обвиненным в ереси, художник ставит подпись на картине, купец не просто ищет новые торговые пути, а учреждает фирму под своим именем, крестьянин не только отстаивает права общины, но заявляет: «Когда Адам пахал, а Ева пряла — кто тогда был джентльменом?», тогда появляется поколение, ломающее оковы императива долга, так же как перед этими были разорваны путы права рождения.

На место силы долга приходит право силы, ограниченное только необходимостью учитывать, что сосед так же силен и не менее агрессивен. Проба сил между соседями, превратившимися из сотрудников в соперников, неизбежно ведет к кровавым столкновениям, осложняемым раздражением основной массы, не поспевшей за развитием и не желающей быть объектом честолубивых вожделений представителей нового поколения.

Накопленный избыток богатств и решение неотложных внешнеполитических задач освобождают известное количество людей от значительной части их обязанностей, и тогда начинается усиление индивидуализма, молчаливо формулируемого коллективом в этот период как императив: «Будь не только трибуном, исполняющим свои обязанности, но и Гаем Гракхом, не только рыцарем, но и Пьером Байяром, не только членом Боярской думы, но и Василием Шуйским», т. е. теперь индивидуальные особенности проявляются даже больше, чем участие в общественных делах. Прежде же эти люди все силы клали на служение делу, определяемому культурной доминантой.

Однако развитие индивидуализма ведет к столкновению активных индивидуумов, по большей части кровавому. Внутри этноса или на уровне суперэтнической общности («культуры») возникает ожесточенное соперничество, поглощающее силы, которые до сих пор направлялись на решение задач внешних. Например, в Европе в XI–XIII вв. пассионарность «Христианского мира» вошла в акматическую фазу. В итоге отражение венгров, разгром норманнов и Реконкиста сменились войной гвельфов с гибеллинами и крестовыми походами, что было весьма неблагоприятно для культуры и даже государственности. Война гвельфов с гибеллинами привела к гибели рыцарственных Гогенштауфенов и «авиньонскому пленению» пап, т. е. к развалу империи и унижению церкви. Крестовые походы, т. е. первая попытка колониальной экспансии, закончились грандиозным поражением на всех направлениях. Иерусалимское королевство и Латинская империя вообще исчезли с карты тогдашнего мира, а Ливонский орден хотя и уцелел, но превратился из плацдарма натиска европейского рыцарства на Восток в маленькое феодальное владение на территории, которую у него ни Литва, ни Русь не оспаривали.

Чаще всего такой «расцвет» вызывает реакцию, т. е. стремление к ограничению распрей и убийств. Этому способствует и то обстоятельство, что представители поколений индивидуалистов столь интенсивно истребляют друг друга или гибнут во внешних войнах, манящих их богатой добычей, что процент их неуклонно снижается. Правда, в акматической фазе общее снижение пассионарности происходит своеобразно. Периоды подъема чередуются с периодами пассионарной депрессии, когда уровень пассионарного напряжения резко снижается, а затем снова следует период роста. Но последующий подъем уже не достигает уровня предыдущего.

Механизм таких чередований понятен: поскольку пассионариев в этой фазе достаточно много, разброс их генофонда велик. Их законные, а в еще большей степени незаконные потомки выводят систему из того состояния

развала, в которое она приходит после гибели отцов и старших братьев в междоусобной войне. Однако общее снижение все же имеет место, и однажды запаса пассионарности в системе становится недостаточно, чтобы вывести ее из очередной депрессии. Спад становится устойчивым, и его монотонность открывает двери новой фазе этногенеза.

Пассивное большинство членов этноса, вдоволь настрадавшееся от честолюбивых устремлений своих сограждан, формирует новый императив: «Мы устали от великих!» и дружно отказывает в поддержке соплеменникам, желающим быть героями. В этих условиях пассионарный спад ускоряется, социальная перестройка неизбежно отстает от потребностей, диктуемых этнической динамикой.

Острота ситуации и довольно значительный, хотя и уменьшающийся, запас пассионарности определяют стремление к радикальным решениям. При этом одни видят идеал в возврате к «доброму старому времени» (акматической фазе), а другие — в цивилизованной жизни, наблюдаемой у соседей (фазе инерционной). Все понимают, что жить надо иначе, но каждый предпочитает заставить другого жить по-своему, а не искать компромисса. Дивергенция становится неизбежной. Оставшиеся в живых пассионарии примыкают либо к одной, либо к другой группировке и таким образом истребляют друг друга в гражданских войнах, являющихся неизбежным атрибутом фазы надлома.

Однако когда пассионарии еще раз взаимоистребят друг друга, они остаются в таком количестве, что за недостатком сил и средств гражданская война не может быть продолжена. И тогда один из них, победивший, слегка модифицирует принцип общежития, заявляя: «Будь таким, как я». Это значит: «Я велик, и ты (обращение к каждому) обязан мне подражать, ибо отказ от подражания есть крамола или ересь; но ты не можешь и не смеешь ни превзойти меня, ни сравняться со мной, ибо это — крамола и дерзость; и ты не смеешь не стараться уподобиться мне, ибо это — лень и, в конечном счете, тоже крамола». А крамоле нет места в заново организованном коллективе, потому что только что миновавшая эпоха так скомпрометировала насилие, что подавляющее большинство предпочитает любую регламентацию, позволяющую надеяться на защиту от произвола сильных.

Иногда победителем и законодателем бывает реально существующая персона, например Октавиан Август и его преемники, но часто это — отвлеченный идеал человека, на которого следует равняться и которому надо подражать. В том и другом случаях смысл дела не меняется, а вариации соотношения между физическим и моральным принуждением

для этнологического анализа несущественны.

«Расцвет» и последующая ситуация, которую обычно именуют «цивилизацией», — разные фазы, а не стадии одного и того же этапа. Согласно высказанному выше принципу, который должен последовательно соблюдаться, фаза развития определяется преобладанием поколения особей с новым поведенческим складом, что мы и наблюдаем. «Цивилизация» (как инерционная фаза развития) — время, благоприятное для накопления материальной культуры, упорядочения быта, стирания локальных этнографических особенностей, унаследованных от прошлых эпох. Это время, когда начинает процветать трудолюбивый римский обыватель — «золотая посредственность» Августа. Тип обывателя встречается на всех стадиях развития этноса, но на ранних он подавляется рыцарями и индивидуалистами, а здесь его лелеют, ибо он никуда не лезет, ничего не добивается и готов чтить господ, лишь бы его оставили в покое.

Здоровый «обывательский» цинизм следует за мятежной эпохой неизбежно. В Европе он нашел словесное воплощение в тезисе *Cuius regio, eius religio*, когда католики и протестанты перестали различать друг друга, и это было высшим проявлением равнодушия. В Византии такая «усталость» наступила при Македонской династии и Дуках (XI в.). Тогда империя, защищенная храбрыми славянскими варангами^[376] и способными армянскими офицерами, богатея, жирела и... опускалась. В культуре ислама эпоха цивилизации — это эпоха Тимуридов, Сефевидов и Великих Моголов; в Китае — время династии Юань и Мин, в Риме — принципат, увенчанный реформами Диоклетиана.

Как видно из краткого, далеко не полного перечня, явление «цивилизации» в указанном смысле свойственно всем народам, не погибшим до достижения этого возраста.

Казалось бы, описанная система должна быть предельно устойчива, но исторический опыт показывает как раз обратное. Именно «цивилизованное» царство Навуходоносора пророк Даниил уподобил металлическому колоссу на глиняных ногах, и этот образ сделался классическим. Все перечисленные выше «цивилизованные» империи пали с потрясающей легкостью под ударами малочисленных и «отсталых» врагов. Для каждого отдельного случая можно подыскать локальные причины, но, очевидно, есть и что-то общее, лежащее не на поверхности явления, а в причинной его глубине. Разберемся.

В самом деле, в «Христианском мире» не было и тени согласия. Короли игнорировали папские буллы. Феодалы дрались друг с другом, не обращая внимания на объявленный «Божий мир», т. е. декретированные

церковью перемирия. В городах проповедовали манихеи-катары. В деревнях соблюдались языческие обряды. И каждый боролся за себя, а не за провозглашенные и неоспариваемые принципы. Однако эта интегрированная масса разных устремлений складывалась в одну этнокультурную доминанту, проявляющуюся не внутри суперэтнуса, а на его границах, в борьбе с неверными и схизматиками.

В XVI–XVII вв. отношение к окружению стало действенным, но как только пассионарность системы снизилась еще, наступило очередное упрощение системы, стершее временную грань. В XIX в. ведущей чертой стереотипа поведения стала элементарная жажда обогащения, своего рода вульгаризованная алчность.

Вспомним, что конкистадоры и корсары шли на смертельный риск, причем лишь немногие уцелевшие привозили домой золото, да и то лишь для того, чтобы расшвырять его по кабакам. В XIX в. риска избегали, доходы помещали в банк. Войны гугенотов с лигистами заменялись голосованием в парламенте, а дуэли стали безопасными, ибо прекращались при первой же ране. Войны уже в XVIII в. превратились в политические акции правителей и касались только военных. Стерн совершил свое знаменитое путешествие по Франции в разгар ее войны с Англией; и никому в голову не приходило, что он, писатель и мыслитель, имеет отношение к военным действиям. Даже завоевание Европы Наполеоном встретило народное, т. е. неосознанное, импульсивное сопротивление лишь в «отсталых» странах: Испании и Тироле, где сохранились средневековые традиции. А Россия, где пассионарность системы была высока, одержала в 1812 г. победу, несмотря на трехкратный перевес противника в численности войск.

Но снижение уровня пассионарности дало небывалые возможности для организации деятельности слабопассионарных и субпассионарных особей. В Европе установились законность и порядок, поддерживаемые обычаем, а не силой. Благодаря достигнутой на этом этапе упорядоченности стали возможными: колониальный захват всей Америки, Австралии, Индии, Африки, за исключением Абиссинии, экономическое подчинение Китая, Турции и Персии. Крайне развилась техническая цивилизация, основанная на достижениях науки, а искусство и гуманитарные науки считались необходимой роскошью, на которую было не жаль небольших денег. Короче говоря, на месте исчезнувшего Рах Романа возникла Рах Еуропа с заокеанскими ее продолжениями, причем причиной расцвета той и другой цивилизации было снижение пассионарности — от максимума до оптимума вплоть до того перелома,

после которого идет движение к минимуму.

На этом мы обрываем наш экскурс, ибо, согласно поставленному в начале исследования условию, мы избегаем аберрации близости, при которой недавние события представляются значительнее давнишних, т. е. нарушается масштабность, без которой любое исследование будет бессмысленным. При этом целесообразно сравнение только величин аналогичных, т. е. суперэтнических систем с суперэтническими системами. Поэтому в процессе изложения концепции мы неоднократно обращались за примерами к античности и ближневосточному Средневековью, а повторяться нет нужды.

Перейдем к подробному описанию фаз этногенеза, которые нами фигурально названы «возрастами этноса».

XXXI. Фазы пассионарного подъема и перегрева

Рождение этноса

Самым простым вариантом начала этногенеза является возникновение нового этноса на фоне описанного статического состояния, которое не может измениться само по себе. Во-первых, никто из членов этноса такого изменения не хочет; во-вторых, никто его не может даже вообразить; в-третьих, для изменения характера процесса нужен мощный и целенаправленный энергетический импульс, который никаким самосознанием невозможно создать, ибо это противоречило бы закону сохранения энергии. Тем не менее этносы время от времени возникают. Посмотрим, каким образом.

Несколько этносов с разными системами хозяйства и разной культурой живут рядом, на одной территории. Они свыклись друг с другом; конфликты между ними постоянны, но незначительны и, как правило, проходят без заметных последствий. Поскольку колебания идут в строго очерченных пределах, это гомеостаз.

Но вот население региона переходит в динамическое состояние, т. е. начинает развиваться. Первой стадией развития является подобная взрыву ломка устоявшихся взаимоотношений. Это всегда происходит так: в одном-двух поколениях появляется некоторое количество персон, не мирящихся с ограничениями, которые охотно сносили их деды. Они требуют себе места в жизни, соответствующего их талантам, энергии, подвигам, удачам, а не заранее предназначенного, определенного только случайностью рождения в той или иной семье. Первые из них гибнут, ибо коллектив оказывает им сопротивление, но если процесс размножения идет с необходимой интенсивностью, этих отчаянных «недовольных» оказывается достаточно для того, чтобы сплотиться и навязать свою волю спокойным людям прежнего склада. Основание древнего храма зиждется на трупах мучеников и жертв. Так было при основании Рима, когда латинские выходцы собирались на семи холмах для войны с царями Альба-Лонги; таковы же были «верные» пастуха-разбойника Давида, объединившего остатки двенадцати сильно потрепанных еврейских племен (хабиру) и создавшего на этой основе сильное царство с централизованной властью и религией. В обоих случаях рабовладельческая формация сохранилась. Ничем не отличаются от перечисленных сподвижники Мухаммеда — мухаджиры и

ансары; зулусы — героические воины Чаки, Дингана и Сегевайо, а также матебалы на берегах Замбези. Всем им подобны не только дружины викингов, но и бароны ранних Каролингов, графы Карла Великого и рыцари, явившиеся прототипами литературных образов «пэров Круглого стола»; они ведь тоже порвали с привычным бытом и рассматривали это не как грех, а как подвиг.

Вот еще яркий пример пассионарного толчка и изменения этнического стереотипа поведения. В XII в. Великую степь населяли разнообразные народы, социальная жизнь которых регламентировалась родоплеменными бытовыми нормами, возникшими после распада военно-демократических образований — орд. Свыше половины кочевников исповедовало несторианское христианство, но монголы в Забайкалье и восточной Монголии имели самостоятельную религию.^[377] В этом этническом субстрате исподволь происходил процесс выделения из племен так называемых «людей длинной воли»,^[378] т. е. наиболее пассионарных, не уживающихся в родовом быте. Вначале они искали пропитания в горах и степях, но неизбежно должны были прибегать к грабежу, и тогда гибель их была предreshена. Затем они стали образовывать небольшие отряды и, наконец, сплотились вокруг Тэмуджина — обедневшего члена знатного рода Борджигинов, осиротевшего в девятилетнем возрасте. Во второй половине XII в. Тэмуджину, благодаря искусной дипломатии и организаторскому таланту, удалось создать сначала небольшую орду, а затем объединить всю Великую степь до Урала и примирить покоренные силой оружия племена со своей властью настолько, что они участвовали в далеких походах наравне с монголами.

Направленность их доминанты была подсказана необходимостью реагировать на чрезвычайно тяжелую и все время осложнявшуюся обстановку. Китайцы и среднеазиатские мусульмане вели себя по отношению к тюркам и монголам так же, как североамериканские колонисты — по отношению к индейцам. Китайцы и мусульмане систематически нападали на кочевников с целью их физического истребления, причем щадили только малых детей, продаваемых ими в рабство.^[379] Поэтому у кочевников, руководствовавшихся родовыми категориями кровной мести и коллективной ответственности, была безотчетная, но осознанная потребность в войне против агрессоров.

Объединенная Тэмуджином степь оказалась достаточно сильной для того, чтобы, ответив ударом на удар, разгромить своих извечных противников, и, что особенно примечательно, христиане и язычники

действовали рука об руку. Дальнейшие походы наследников Чингиса вызывались исключительно враждебными актами со стороны китайской национальной империи Сун, «осколков» разбитых хорезмийцев Джелал-ад-дина, русских князей, принявших сторону кыпчаков (половцев), и венгров, истребивших монгольское посольство. Часть захваченных земель монголы удержали благодаря тому, что среди местного населения обнаружили группы, считавшие союз с монгольскими ханами спасительным для себя. Таковыми были в Передней Азии армяне, испытывавшие давление мусульман, а в России — Александр Невский, отстаивавший Русскую землю от католиков (шведы, немцы и их союзники — литовцы). Огромная территория с разнообразным населением не могла составить единого целого и распалась на несколько государств, в которых местное население постепенно ассимилировало небольшие отряды монгольских завоевателей, создав новые этносы с разным социальным строем и разной культурой: золотоордынские татары, т. е. поволжское городское, разумеется, разнородное население, объединенное лояльностью к ханам Чингисидам; степные ногаи на Яике и восточные кочевники, объединенные в казахские племенные союзы (джуты); узбеки, ойраты, буряты и остатки халха-монголов и баргутов.

Приведенный пример возникновения этнической системы нагляден потому, что он прост. Жестокая засуха X в. на столетие обесплодила Великую степь, заселенную заново при последовавшем в XI в. увлажнении аридной зоны. Процесс реадaptации повел к увеличению населения степи, но не к интеграции его. Только пассионарный толчок сплотил разрозненные племена приморской тайги и забайкальских степей в два могучих творческих этноса: чжурчжэней — на востоке и монголов — в Забайкалье. Интеграция прошла относительно легко, так как возникла она на основе гомеостатического состояния первичных этнических субстратов. Сопротивлялись расширению новых этносов главным образом иноземцы. Несмотря на огромный перевес в численности и технике, они были разгромлены. Это, конечно, не значит, что победа монголов была предрешена, ибо ацтеки и зулусы в аналогичной ситуации потерпели поражение. Монголы просто сумели использовать шанс на победу, но это уже не этногенез, а политическая история.

Несколько более сложен случай, когда пассионарный толчок затрагивает субстраты, находящиеся не в статическом, а в динамическом состоянии, уже миновавшие начальные фазы этногенеза. Эта ситуация имела место в I в. н. э., когда в пределах Римской империи, на стыке эллинского, древнееврейского и сирийского этносов, возникла популяция,

равно близкая и равно чуждая всем вышеперечисленным. Это была христианская община, которая «отдавала кесарево кесареви», не отличала в своей среде эллина от иудея и была ненавидима всеми окружавшими ее, потому что ее этническая доминанта была им чужда и непонятна.

Из крохотной христианской общины I в. вырос сначала этнос, а потом и огромный суперэтнос с культурой, которую мы называем византийской. Механизм складывания христианского этноса внешне отличен от рассмотренных выше, но по сути дела им идентичен. ^[380] Проповедники и мученики, апологеты и созерцатели вели себя так же, как Роланд, погибший в Ронсевальском ущелье, Леонид Спартанский в Фермопилах, Китбука Нойон, захваченный в плен мамлюками, и многие другие витязи. И хотя конкретные поступки первых христиан отличались от поступков рыцарей и воинов, доминанта их поведения, его психологический рисунок принципиально были одинаковы, да и результаты были те же: создание нового коллектива людей с оригинальной культурой, т. е. нового этноса, который триста лет спустя, поддержав прокаженного тирана и убийцу Константина, доставил ему победу и диадему, удовлетворившись только предоставлением себе права на легальное существование. И тогда, с 313 г., новый этнос «христиане-ромей» стал фактом всемирно-исторического значения.

Подъем пассионарности

Фаза подъема этногенеза всегда связана с экспансией, подобно тому как расширяется нагретый газ. Византийские христиане — не исключение. Но не воины и купцы, а монахи-проповедники вынесли за пределы родной страны свою несокрушимую энергичность. Египетские отшельники уже в III в. покидали Фиваиду и шли проповедовать на запад, через языческий Рим и друидическую Британию, на зеленый остров Эрин, жители которого никогда не знали римского произвола и цивилизации.

В V в. в Ирландии возникла самостоятельная христианская церковь, категорически не признававшая ни римского папы, ни западного церковного календаря, ибо их традиция была принесена с Востока, где возникло новое образование — Византия.

Византийский этнос не имел предков. Это, конечно, не означает, что люди, его составлявшие, не произошли от питекантропов, но этнос не поголовье людей, а динамическая система, возникающая в историческом времени, при наличии пассионарного толчка как необходимого компонента

при пусковом моменте этногенеза, процесса, ломающего старую культуру.

В Средиземноморье в древности существовала единая эллинистическая культура, включившая в себя в процессе развития Лациум и финикийские города. В этническом аспекте она напоминает западноевропейскую, потому что основное эллинское ядро не исчерпывает всех вариантов разносторонней эллинистической культуры. Конечно, Рим, Карфаген, Пелла имели свои локальные особенности и представляли собой самостоятельные этносы, но в суперэтническом смысле входили в широкий круг эллинистической культуры. Впрочем, это не ново, но для нас важно как отправная точка. Римское господство способствовало этнической нивеляции, а уравнивание греческого языка с латинским привело к тому, что почти все население Средиземноморья слилось в один этнос.

Но в I в. н. э. в Римской империи появились новые люди, образовавшие в последующие два века новую целостность. Уже в начале своего появления они противопоставили себя «языцам», т. е. всем остальным, и действительно выделились из их числа, конечно, не по анатомическим или физиологическим признакам, но по характеру поведения. Впрочем, он был также чужд иудеям, которые, отнюдь не сливаясь с римлянами и греками, гонениям за веру не подвергались. [\[381\]](#)

Члены христианских общин составили ядро «византийского» этноса, а каким образом это им удалось, мы сейчас увидим.

В 330 г. император Константин перенес столицу в маленький город Византию и превратил ее в роскошный Константинополь. Туда стекались пассионарии отовсюду. Много готов осело во Фракии под предлогом службы в войсках. Славяне прорвали Дунайскую линию укреплений и заселили Балканский полуостров, включая Пелопоннес. Сирийцы распространились от долины реки По до излучины Хуанхэ. К VI в. создался разнородный и разноречивый, но монолитный этнос, который мы условно именуем византийским. Греческий язык — наследие древности — был только государственным и общепонятным, а дома все говорили на родных языках. Очень быстро этот «византийский» этнос стал суперэтносом, так как его обаянию покорились армяне и грузины, исавры и славяне, аланы и крымские готы.

История Византии трактовалась либо как продолжение истории Римской империи (Гиббон), либо как создание христианского «Греческого царства» (Ф. И. Успенский), либо как восточноевропейский вариант феодальной формации. Все эти аспекты освещали разные стороны византийской истории, но проблема оригинальности византийской культуры осталась нерешенной. Наша точка зрения также не претендует на

универсальность, но она заполняет лакуну в этнической истории Европы.

Будем называть «Византией» явление, возникшее вследствие пассионарного толчка I–II вв. в Палестине, Сирии и Малой Азии, оформившееся как Церковь, со всеми ее отклонениями и течениями, и обретшее стереотип взаимоотношений со светскими властями. Эта целостность была значительно шире границ Восточной Римской империи и пережила ее на много веков. Можно возражать против названия, но не стоит, потому что оно удобопонятно и исчерпывает проблему в той постановке вопроса, которая для дальнейших рассуждений конструктивна.

Второй Рим или Антирим?

Если бы мы описывали нисходящую ветвь кривой этногенеза, задача была бы легка. Мы устанавливали бы прогрессирующее упрощение этносоциальной системы, снижение ее резистентности и инфильтрацию инородных элементов. Но когда нам предстоит описать ветвь восходящую, то это куда сложнее. При растущей пассионарности доминанту находят не сразу. Возникает несколько направлений развития, борющихся друг с другом ожесточеннее, нежели со своим естественным противником — уходящей традицией умирающего суперэтноса.

Однако несмотря на это все соперничающие системы по отношению к прежней действуют одинаково, даже если берутся ее защищать. Юлиан Отступник попробовал произвести реставрацию римской веры... и заменил Христа Митрой. А ведь митраизм был для римлян религией столь же чуждой, как и христианство, и проникли в Рим эти религии одновременно — при Нероне, и адептами митраизма были не римские нобили, а иллирийские солдатские императоры, и посвящение в митреумах принимали главным образом легионеры, оторвавшиеся от своих домов и родни, а чаще — иноземцы. Даже если бы Юлиан победил и искоренил христианство, то он укрепил бы не потомство бога Квирина и волчицы, а систему, которую правильнее было бы понять как Антирим, только иного фасона, чем тот, который создали христианские общины.

Деятельность этих общин протекала в течение трех веков незаметно, исподволь объединяя пассионарные элементы, выпадавшие из ветхой системы, не дававшей выхода буйной страсти к творчеству. Христианские общины были самыми пассионарными консорциями в империи.

Но так как Римская империя представляла собой единую культурно-социальную политическую целостность, даже при административном

размежевании на «Восток» и «Запад», то в ней, естественно, сосуществовали и пассионарные, и субпассионарные региональные популяции, обменивавшиеся друг с другом энтропией и негэнтропией. Иначе говоря, носители традиций античного упадка нравов жили бок о бок с буйными мифотворцами, зачинателями новых традиций. Территориальное разделение было бы для них благом, но деваться было некуда, ибо Рим так обижал окрестные этносы, что те возненавидели любых римлян. Поэтому-то процесс вытеснения одного этноса (римского) другим (византийским) проходил по всей территории Римской империи и был столь мучителен. И поэтому же можно только условно предложить ту или иную дату в качестве «начала» нового процесса этногенеза и первой фазы его становления.

В середине I в. н. э. проповеди апостола Павла положили начало консорциям, еще не выделившим себя из исходных этнических субстратов, однако римляне уже видели в них нечто целостное, хотя воспринимали это как разновидность иудаизма.

В середине II в. благодаря деятельности Юстина Философа христиане выделились в особый субэтнос, категорически размежевавшись с иудаизмом; гностиков современники причисляли к христианам.

К началу IV в. христиане — этнос в составе римского суперэтноса; это был вынужден признать Константин. Тем не менее созданная им Восточная Империя еще не была Византией в этнологическом значении термина; скорее, ее следует понимать как поприще соперничества церковного христианства с митраистами, неоплатониками, донатистами, арианами и другими подразделениями новой этнической стихии, создавшейся на глазах историка и ставшей очевидной современникам.

Некогда воинственные, а потом свободолюбивые этносы Запада после покорения их римлянами поставляли в легионы храбрых всадников и искусных стрелков, но к IV в. окончилось и это. Всё унесли неотвратимые процессы «пассионарной энтропии». Не только галло-римляне и бритты, но и батавы, фризы, иберы и нумидийцы, ^[382] несмотря на наличие индивидуальных качеств: храбрости, физической силы, выносливости и т. п., не имели того дополнительного качества, которое позволило бы им защищать от врагов имущество, семьи и жизнь. Точно так же вели себя на восточной окраине региона богатые и культурные аланы, позволившие завоевать себя диким малочисленным гуннам. Малодушнее всех были «последние римляне», еще встречавшиеся в заселенной приезжими азиатами благословенной Италии.

Доблестные фракийцы и иллирийцы растратили свою пассионарность

еще в III в. Механизм этого процесса был прост: храбрые энергичные юноши уходили в легионы за «карьерой и фортуной», а пассивные заводили семьи на родине. Так экстремальный признак был удален из популяции.

В IV в. наиболее боеспособные и дисциплинированные римские войска состояли из членов христианских общин. Их был вынужден использовать даже Юлиан Отступник. Однако они категорически отказывались сражаться против своих единоверцев, например багаудов — повстанцев в Галлии в конце III в. Такая принципиальность бывает иной раз неудобна, но именно она делала легионеров, воспитанных в строгих правилах христианских общин, более надежными, чем деморализованные граждане Римского мира, не верившие в Юпитера и Марса и давно потерявшие представление о верности и совести.

Искать объяснения возникшего в III в. различия между восточной и западной половинами Римской империи в социальном строе бесплодно. Он был полностью унифицирован еще во II в. И расовый состав населения не мог иметь никакого значения, потому что еще в I в. обитатели Греции и Сирии рассматривались в Риме как выродившиеся потомки некогда могучих предков. И это было справедливо.

Но в IV в. жители городов, но не деревень Востока перехватили инициативу. Ведь в городах собрались пассионарии, тяготившиеся скукой деревенской жизни. Результаты пассионарного толчка сказались в том же IV в. Место граждан Римской империи в Малой Азии, на Балканах и в Сирии занял новый этнос, условно именуемый византийским. Его усилиями варвары были отражены, построен огромный город — Константинополь, освоены ремесла, налажена торговля не только с соседями, но даже с Китаем, и, что самое главное, сохранены ландшафты Сирии, Малой Азии, Фракии и Македонии. Очевидно, экстенсивное хозяйство латифундий, принадлежавших уроженцам этих стран, в некоторой степени обуздывало наклонности к хищничеству, свойственные мигрантам, оказавшимся в Византии на положении людей, вынужденных, как и все, подчиняться существующим законам и обычаям.

Даже в столице империи — Константинополе, несмотря на то что население его превышало миллион, оно не уничтожило природы. Город тонул в зелени садов, заботливо охраняемых и кормивших семьи обывателей. Черное и Мраморное моря снабжали население рыбой, а хлеб ввозили из Египта, где почва ежегодно обновлялась за счет разливов Нила, и черноземной «Скифии» (степей северного Причерноморья). Оказывается, создавать культуру, развивать промыслы и строить великолепные

сооружения можно и без того, чтобы уничтожать природу. Это было достигнуто тем, что избыточную энергию (пассионарность) византийцы тратили на теологические споры и раздоры, что им самим приносило много бед, но для вмещающих ландшафтов было безвредно.

Гниение и возрождение

Зато на Западе все сложилось иначе. Развитие инженерной техники (дороги, акведуки, гигантские галеры) позволило обеспечить снабжение двухмиллионного населения Рима. Туда везли хлеб из Сицилии и Северной Африки, вино — из Греции и Прованса, шерсть — из Испании. Только свежее мясо и цветы в те времена не поддавались перевозке, и потому Италия была превращена в пастбища для рогатого скота и плантации фиалок, ибо дамы всегда любили цветы. Рим ничего не производил, он только потреблял. Но если в I–II вв. римские чиновники умели организовать эксплуатацию провинций и вознаградить их ограбляемое население установлением твердого порядка при некоторой законности (далеко не всегда соблюдаемой), то в III–IV вв. об этом уже не было и речи. Солдатские императоры превратили страну в арену гражданских войн за власть. А так как легионеров надо было вознаграждать, то шли повальные конфискации владений богатых латифундистов и выжимание денег из бедных парцеллярных земледельцев. Последние, в свою очередь, насильовали землю своих участков (парцелл), стараясь прокормиться сегодня, ибо думать о завтрашних экзекуциях было страшно и бессмысленно. Численность населения неуклонно падала, а оставшиеся в живых теряли волю к сопротивлению. Не живые силы этноса, а общественная структура и государственная традиция держали в эту эпоху грандиозное здание Римской империи. Долго это не могло продолжаться.

Обессиленный Запад легко подчинился бушующему Востоку и после последней попытки сопротивления — заговора 393–394 гг., возглавленного франком Арбогастом, превратился в периферию Византии, уже оформленной административно в православную империю. Это мероприятие было осуществлено Феодосием и имело весьма важные последствия: «этнос по Христу» расширился настолько, что превратился в суперэтнос, а течения христианской мысли стали символом самоутверждения этносов, враждебно настроенных к централизованной власти, светской и духовной.

Готы сохранили у себя арианство, осужденное в 381 г. Вселенским

Константинопольским Собором. Этим они выделили себя из византийской целостности. Берберы Нумидии поддерживали донатистов, даже не еретиков, а просто раскольников... и Африка ушла из рук императоров Рима. Зато потомки язычников Галлии и Испании обращались за поддержкой к Вселенской Церкви и ждали помощи от императорской власти увы, безуспешно. Лишних военных сил не было и на Востоке.

В этой сверхтрудной обстановке жил, побеждал и погиб Аэций, сын римлянки и германца, защитивший Галлию от полчищ гуннов и германцев, но убитый лично императором Валентинианом во время разговора о делах в 454 г. Ни в Аэции, ни в Валентиниане не было ничего римского, но первый был храбрец и умница, а второй — завистливый развратник. В любом суперэтнотопосе бывают разные люди. Но на Востоке людей, подобных Аэцию, оказалось больше, чем на Западе. Вот почему подлые преступления, которые были часты и в Константинополе, не погубили этот город, а Рим был разрушен вандалами сразу после гибели Аэция — в 455 г. Будь там подлинные римляне, они отстояли бы свой «Вечный город».

Некоторые полагают, что «варвары, разрушив Римскую империю, не уничтожили римский народ, а слились с ним». Так ли? Вот демографические данные: население Италии в I в. н. э. — 7–8 млн., около 600 г. — 4–5 млн.^[383] Уменьшение вдвое, несмотря на прилив лангобардов, герулов, рутов, готов, иммигрантов из Сирии и Малой Азии, т. е. семитов-христиан. Именно последние составили основу населения городов северной Италии: Милана, Вероны, Падуи, Равенны, Аквилеи, в то время как латинское население Италии резко сократилось из-за того, что большая часть бедного мужского населения после реформы Мария служила в легионах и возвращалась столь усталой, что не заводила семей. Богатые же, нобили и всадники, имели наложниц из числа рабынь или предавались противоестественным порокам. От них еще со времен Цезаря не отставали римские матроны.^[384] Итак, сокращение численности населения почти вдвое вместе с зафиксированной иммиграцией с севера и востока говорят о смене этноса в Италии в V–VI вв.: старый исчез, а на его месте появился этнический конгломерат.

Когда готы и лангобарды захватили Апеннинский полуостров, он был редконаселенным; именно поэтому-то им и удалось его подчинить. Мы остановились на этом примере столь подробно, чтобы разъяснить всю сложность проблем этногенеза, которые невозможно решить вне этнической истории.

Не то было на восточной окраине бывшей империи, где христианская

струя оказалась жизнеспособной и породила целостность, не имевшую самоназвания. На базе раннехристианской общины, разросшейся к V в. на все пространство Римской империи и ряд соседних стран, создан этнос, называвший себя старым словом «ромей». С VI в. Македония, Фракия и Пелопоннес были заселены славянами, Эпир — албанцами, юг Малой Азии — исаврами, центр ее — галатами, север — лазами, восток — айсорами, а Сирия хотя и имела греческую прослойку, но только в городах, да и та была немногочисленной. Коренное греческое население дольше держалось на островах, но Крит и Кипр были в VIII в. завоеваны арабами, и их греческое население было продано на невольничьих рынках. Итак, остается городское население Константинополя, где население было весьма пестрым, но использовало греческий язык как общепонятный и литературный.

Так можно ли считать византийский этнос продолжением римского или эллинского, хотя он получил от предков богатое культурное наследие: языки с прекрасной литературой, города с водопроводами, дороги, сады и крепости на границах? Часть этих благ новые люди использовали, частью пренебрегли, часть утратили со скорбью. Но весь настрой «византийцев» — римских христиан был иным, чем у эллинов и латинов. И самое главное, при кардинальном изменении этнической доминанты пассионарное напряжение системы росло, а не снижалось.

Возникший из христианских конфессиональных консорциев, новый этнос проявил энергию, казалось бы, полностью утраченную в Римской империи. Эта энергия толкала египетских монахов Фиваиды и сирийских начетчиков с берегов Оронта и Евфрата в Ирландию, в Индию, Среднюю Азию и даже в Китай. Это была духовно-интеллектуальная экспансия, тем более удивительная, что она не подкреплялась силой оружия, не преследовала никаких практических целей или материальных интересов. Поводы этой деятельности лежали в ней самой. Это были деяния ради удовлетворения от сознания того, что выполнен долг. Такая искренность влияла на сердца обращаемых и обеспечила проповеди православия успех, неизмеримо превосходивший фактические затраты за счет высокой пассионарности проповедников.

Но та же самая особенность внутри империи толкала людей на религиозные споры, переходившие в политические раздоры. Почему было необходимо, чтобы диспут об отношении Бога-Отца к Богу-Сыну, трактовавшегося то как единосущное, то как подобосущное, влек за собою кровавые экзекуции, которые не давали реальной выгоды ни православным, ни арианами? Наоборот, выгодами экономическими и политическими

византийцы IV–VI вв. жертвовали ради принципов, большая часть которых оказались нежизнеспособными и исчезли.

Но ведь какая-то их часть, и, по-видимому, самая ценная, сохранилась. Это были те принципы, которых не знала античность, не усвоил христианский Запад и переделал на свой лад мусульманский Восток. Византия включила в систему государственных отношений элементы духовные, в частности категорию совести, без которой строить внутренние взаимоотношения очень трудно, и нашла способ совмещения их с нуждами государства. Последнее от этого не проиграло.

Византия не знала «язвы», разъедавшей Западную Европу — борьбы светской власти с духовной. Начиная с Константина Равноапостольного, император при вступлении на престол получал чин диакона, благодаря чему мог участвовать в церковных Соборах и диктовать им решения, которые считались обязательными, ибо «император является для церкви высшим господином и хранителем веры».^[385] Это ставило патриарха на второе место, но и давало ему такие возможности, которых не имел римский папа. Ведь император был не только венценосным самодержцем, но и человеком, грешным и слабым. Патриарх как духовник мог наложить на него церковное покаяние, запретить вход в церковь, отказать в венчании или разводе. Правда, император командовал армией, но та без благословения патриарха не шла в бой. И если у императора была бюрократическая администрация, то патриарху подчинялось войско монахов и богословов. Силы духовная и светская уравнивали друг друга, вследствие чего новая этническая целостность была крепка. Но культура?..

Пассионарный «перегрев»

Оба направления античной мысли: натурфилософия, породившая эллинистическую географию, и этика сократиков, стоиков и эпикурейцев — перестали быть актуальными для тех людей, которые поверили в воскресение из мертвых. Загробное существование считалось столь же непреложным, как и реальное, а следовательно, возникла забота о спасении своей души после смерти. Это представлялось более важным, чем сохранение теперешней краткой жизни, потому что потусторонняя жизнь представлялась вечной, и в том, чтобы обеспечить себе в ней благополучие, был практический смысл. Вечное спасение от печалей мира лучше всего обеспечивала мученическая смерть. Поэтому уже после Миланского эдикта

некоторые африканские донатисты, называемые «циркумцеллионами» (т. е. «вокруг бродящими»), составляли шайки фанатиков, которые, застигнув одинокого путника, требовали, чтобы он их убил во славу Христа. Человек умолял избавить его от такой обязанности, потому что ему и курицу-то зарезать страшно, но они давали ему выбор: убить их или быть убитым самому. Ведь им можно было совершать любые поступки, ибо мученическая смерть искупала все грехи. И бедняге приходилось принять от них дубину и бить их по очереди по головам. А они умирали в чаянии вечного блаженства.

Это движение уничтожил путем гонений Блаженный Августин, епископ города Гиппона в Северной Африке.

В Сирии и Египте фанатизм принял менее острые формы — монашество. Люди подвергали себя истязаниям, лишениям, посту, безбрачию ради вечного блаженства. Те из них, кто сидел в пустыне — отшельники, никому хлопот не причиняли, но бродячие монахи, которых было много, составляли постоянную заботу правителей провинции и даже императоров, потому что они ничего и никого не боялись, ни от кого не зависели, а действовали крайне активно по наитию, не всегда без вреда для ближних. Вот крайняя степень пассионарности, которая не поддавалась ни собственному рассудку, ни силе обстоятельств. Поэтому монахи быстро погибали, но ведь они этого и хотели.

К счастью для юной Византии, фанатики были все-таки в меньшинстве. Ведущую роль в церкви и государстве занимали люди пассионарные, но разума не терявшие. Для них тоже была важна доктрина спасения, но они хотели ее понять. Пока церковь была гонима, а христиане жили под угрозой смерти, они держались друг за друга. Когда же им разрешили свободно исповедовать свою веру, выяснилось, что основные принципы ее воспринимаются и понимаются различно. А огонь пассионарности, сжигавший сердца людей того времени, вызвал вместо дружеских споров и бесед пожары, гасимые проливаемой кровью.

С точки зрения предложенной концепции при развитии и нарастании пассионарности, через 300 лет после толчка и по окончании инкубационного периода, должны возникать консорции, облекающиеся в общественные формы. В Византии этими формами были секты, оформлявшиеся как исповедания тех или иных тезисов христианства. В каждом исповедании (секте) было ядро из искренних адептов, оболочка из разделяющих мнение и сочувствующих ему и среда из людей безразличных, но использующих коллизии на личную потребу. К числу последних относились почти все императоры, за исключением Юлиана

Отступника, искреннего митраиста. Однако Юлиан был тонкий политик. Он не прибегал ни к каким религиозным гонениям, давая полную возможность представителям разных течений религиозной мысли бороться друг против друга, но не против его власти.

Самую жуткую роль в этой ситуации играло население городов. До Константина они жаждали крови христиан и писали на них столько доносов, что Траян запретил принимать доносы к рассмотрению; по его эдикту христианина следовало казнить лишь тогда, когда он сам заявлял на себя. После победы христианства эти подонки стали писать доносы на язычников, гностиков и еретиков, устраивать погромы философов и мятежи против властей. Но собственного исповедания веры они не имели, да и не хотели иметь.

Нетрудно заметить, что для нужд государства ни пассионарное монашество, ни субпассионарные массы не могли быть использованы. А поскольку положение на границах было крайне острым, нужда в солдатах и чиновниках была велика. Приходилось брать на эти должности иноземцев, больше всего готов, так как они были несколько деликатнее вандалов, генидов и герулов.

Готские юноши охотно поступали на службу в Константинополь, делали карьеру вплоть до генерала и часто совершали государственные перевороты, потому что готского полководца поддерживали соплеменники, которые верили ему, а он им. Это были естественные консорции в урбанистическом ландшафте столицы. Они принимали христианство в обязательном порядке и примыкали к какому-либо исповеданию, без сомнения не разбираясь в теологических тонкостях, но твердо зная, что их противники не правы и в высшем смысле, а почему — то знают богословы.

Противовесом германцам были дикие исавры, потомки киликийских пиратов. Разгромленные Августом, они во время смут III в. освободились от всякого влияния римских властей и возобновили грабежи на суше и на море. Их дикая храбрость обеспечивала карьеру в Византии, где один из их атаманов — Зинов стал императором (474–491), а другой — полководец Лев Исавр основал в 717 г. собственную династию. Будучи соперниками готов, исавры держались другого вероисповедания, опять-таки вне зависимости от его содержания.

В начале IV в. в Александрии начался спор между пресвитером Арием, человеком ученым и безупречным, и епископом Александром, которого поддержал диакон Афанасий, аскет и искренний борец за свои убеждения. Они не помышляли о готах и исаврах, но их спор стал символом борьбы и индикатором процессов этногенеза.

Точно такую же тягу к самостоятельности и оригинальности проявили Египет и Сирия с Месопотамией. И тут, и там возникли консорции с конфессиональными оттенками. Последствия этих процессов определили историю и культурное развитие Азии и Северной Африки на многие века. Но о том влиянии, которое оказал уровень пассионарного напряжения на динамику этнических систем и идеологическое преломление этого процесса, следует сказать подробнее.

Поэзия понятий

Потребность в познании и понимании не менее сильна, чем потребность в пище или женщине. Она более вариабельна и проявляется у разных людей то как тяга к творчеству, то как жажда слепой веры, но она всегда прямо пропорциональна пассионарному напряжению, а вектор ее определяется наличием актуальных проблем.

В IV в. были уже отброшены монархианство, согласно которому Христос — это Бог-Отец, и учение Павла Самосатского, учившего, что Христос — человек, осененный божественной мудростью. «А как же тогда?» — ставили вопрос пытливые умы. Им ответил пресвитер Арий: «Христос — божественный Логос, но поскольку он — Сын Божий, постольку, следовательно, было время, когда он не существовал. Логос предвечен, но не вечен; он «меньше» Отца, ибо имеет свое «начало». Если Логос не рожден, то, значит, Бог-Отец — не отец, а Бог-Сын — не сын».

«Нет, — возражали Арию епископ Александр и диакон Афанасий, — Отец и Сын сосуществуют, а Сын рождается, как луч света, от источника света. Слово «Отец» и «Сын» — это просто метафора; на самом деле Логос — одно лицо (ипостась) Святой Троицы».^[386]

Уточним проблему. Арий утверждал подобосущее Сына — Отцу, Афанасий — единосущее. В греческом языке эти слова различаются лишь одной буквой... Стоило ли ради этой буквы убивать столько людей в течение почти трехсот лет! Конечно, не стоило, а если и убивали, то не ради нее и не из-за нее, а просто под прикрытием ее.

Но выбор повода показывает, что не только церковные мыслители, но и массы людей безграмотных были способны начертать на своих знаменах философские символы и идти с ними в бой. В то время мысль была уважаема.

Поэзия философских понятий вовлекла в свой круг всю восточную половину империи. В спорах приняли равное участие ученое духовенство и

народ. В 321 г. поместный Собор в Александрии осудил учение Ария. Вселенский Собор в Никее в 325 г. решил вопрос в пользу учения Афанасия. Арий был отправлен в ссылку, а его сочинения сожжены.

В 335 г. в ссылку был отправлен оговоренный Афанасий, а через год император Константин реабилитировал Ария, который вскоре умер, то ли от отравы, то ли от руки тайного убийцы. Тем не менее ариане восторжествовали на Соборе в Антиохии в 341 г. Им покровительствовал император Констанций. Но, как всегда бывает, победители перессорились: одни искали компромисса с никейским исповеданием, другие шли дальше Ария, требуя, чтобы все догматы были ясны разуму, третьи предлагали обтекаемые формулировки, чтобы избежать упреков в неправоте.

Официальную доктрину арианства выработал Собор 359 г. в Римини. За истекший период были крещены готы, бургунды, вандалы, лангобарды. Они составили гвардию Констанция, управлявшего весьма беспокойной страной.

А никейцы сидели в ссылках. Выпустил их только язычник Юлиан, давший свободу вероисповедания, для того чтобы христиане боролись друг против друга.

Только в 381 г. испанец Феодосий созвал II Вселенский Собор в Константинополе, который предал анафеме ариан и македонян.^[387] С этого времени арианство стало исповеданием германцев, а не римлян. Философема перешла из поэзии понятий в этнологию.

Конфликты иной раз возникали не по принципиальным вопросам догматики, а на почве недоразумений, имевших отнюдь не теологическую подоплеку. В 439 г. константинопольским патриархом стал Несторий, родом перс, человек весьма строгий и ученый. То и другое задевало столичное духовенство, не чуждое мирским соблазнам, против которых в 397–404 гг. боролся еще Иоанн Златоуст, тоже неудачно. В богословском прении Несторий произнес фразу, канонически бесспорную: «У Бога нет матери». Его враги тут же перетолковали этот тезис как хулу на Деву Марию. И от Нестория избавились, осудив его на Эфесском Соборе 431 г.

Казалось бы, тут-то и установить мир, но египетские монахи высказались за отрицание человеческого начала в Христе, и в 449 г. в тот же Эфес съехались на Вселенский Собор представители всех церквей империи, а также тех или иных направлений. Речь шла о том, имелась ли в Христе, наряду с божественной, человеческая субстанция? В те времена это был вопрос не праздный. Если правы египетские монофизиты, то страдал на кресте не человек, а Бог, который мог легко переносить муки и даже не ощущать их. А коль скоро так, то он нам, людям, не пример, ибо

мы слабы и боли боимся. Но, с другой стороны, не есть ли признание в Христе человеческой природы — его принижение? Поэтому монофизиты кричали: «Надвое рассеките признающих два естества!» Собор обещал быть бурным.

Учение о двух естествах поддерживали греки и италийцы (патриарх и папа); против них выступали египтяне. Во время заседания в помещение, где заседал Собор, ворвалась тысячная толпа египетских монахов, нечесаных, бородатых, во власяницах и с большими топорами. Монахи стали избивать епископов, поломали пальцы писцам, патриарха топтали ногами. А стража, присланная подкупленным вельможей, не вмешивалась, так как у воинов отсутствовала стихийная пассионарность, а следовательно, и инициатива.

Теперь попробуем проанализировать ситуацию. Сирийские крестьяне были недовольны византийскими чиновниками и до возведения Нестория на патриарший престол, и во время его господства в Константинополе, и после его ссылки. Но их недовольство никакого касательства к Непорочному Зачатию и Рождеству не имело. Однако население Сирии высказалось за взгляды Нестория, очевидно, потому, что они были им более близки и понятны. Но когда эмигрировали в персидскую Месопотамию студенты эфесской богословской школы и некоторые антиохийские иерархи — противники монофизитства, то народное движение в Сирии погасло. Недовольные гнетом константинопольского правительства, конечно, остались, но после указа императора («Энотикон») 482 г., содержавшего компромисс с монофизитством, они объединились с египтянами, т. е. изменили идеологическую позицию на 180°, чтобы сохранить позицию социально-политическую.

Искренние сторонники Нестория, почитавшие его как праведника, замученного в ссылке, основали в Нисибе христианский университет, проповедовали христианство вплоть до Китая и были верноподданными шаха Ирана, т. е. политическими противниками Константинополя. Но они оставались византийцами по образу мысли, складу психики и стереотипу поведения. Таким образом, Византия выплеснулась за государственные границы, подобно тому как кипящая жидкость вытекает из вмещающего ее сосуда.

Засим последовал поединок между Константинополем и Александрией, или между египетской церковью и греческой патриархией. Силы были почти равны. Решала проблему позиция светской власти, которая опасалась растущего влияния церкви.

В 451 г. в Халкидоне был созван новый Собор под председательством

самого императора Маркиана. Халкидонский Собор отменил решение Собора Эфесского 449 г. и назвал его «эфесским разбоем». Египтяне ответили на это расколом, изгнали греческий язык из богослужения и выбрали особого коптского патриарха. Второе их патриаршество основал в Антиохии Яков Барадей; его последователи получили название яковитов.

Попытка императора Ираклия положить конец расколу путем принятия компромиссного решения повела лишь к тому, что в VII в. возникло еще одно течение, оформившееся в секту марконитов, укрепившуюся в горах Ливана. Итак, единый в IV в. византийский этнос раскололся на четыре взаимовраждебных субэтнуса. Это повело к фактическому отделению Римской патриархии, а следовательно, и всего Запада, эмиграции несториан на Восток и переходу монофизитов под власть арабских халифов. В VII в. Восточная Римская империя превратилась в греческое царство.

Теперь приступим к анализу событий. Кто выиграл от конфессиональных споров? Только враги православия и Византии. Ариане-лангобарды захватили большую часть Италии; мусульмане-арабы покорили Сирию, Египет, Карфаген, Армению и Грузию; язычники-славяне опустошили Балканский полуостров и заселили его вплоть до Пелопоннеса. Единство было Византии необходимо, но оно оказалось недостижимым. Пассионарное напряжение городского населения росло и понуждало его носителей проявлять себя путем объединения в соперничающие консорции. А те, в свою очередь, вырастали в субэтнусы и после отделения от империи — в этнусы. Иногда основу еретических общин составляли древние племена, сохранившиеся после периода эллинистического нивеляторства, но чаще это были консорции, возникавшие в крупных городах, генетически неоднородные, поддерживавшие свое единство только благодаря поведенческим доминантам и комплиментарности. Иными словами, это был интенсивный процесс этногенеза, где догмы для участников событий играли роль символов, а для историков являются индикаторами.

XXXII. Смещения

И тут есть закономерность

Мы описали не фактическую сторону глобального этногенеза, а идеальную закономерность, на самом деле постоянно нарушаемую внешними по отношению к данному этносу воздействиями. Поэтому нам и приходилось брать примеры из Всемирной истории — никто не живет одиноко, а соседи, то более взрослые и опытные, то молодые и горячие, постоянно тревожат любой этнос. Но идеальная кривая была необходима для того, чтобы интерпретировать характер нарушений процесса как такового, ибо в действительности мы видим чаще всего зигзаги, взаимно компенсирующиеся на длинных отрезках этнической истории. Теперь мы знаем, что инерция пассионарного толчка теряется за 1200 лет при любом, даже самом благоприятном варианте, но лишь счастливые этносы доживают до естественного конца. В истории мы наблюдаем постоянные обрывы этногенезов в самых разных возрастах. Однако и тут есть статистическая закономерность.

Этнос, находящийся в первых фазах этногенеза, практически неистребим и непокорим, так как для покорения его нужны такие затраты, которые не окупит любой успех. Но этнос, меняющий фазу развития, легкоуязвим и может стать жертвой соседа, если тот достаточно пассионарен. Поэтому обратим внимание на фазовые переходы кривой пассионарного напряжения этноса, тем более что они всегда бывают плавными, с размытыми границами. У этих переходов тоже есть свои императивы.

Переход из стабильного состояния к подъему ознаменован императивом: «Надо исправить мир, ибо он плох». Последнее всегда более или менее обоснованно, но риск велик. Новорожденный этнос, еще не набравший сил, может разбиться о сильное сопротивление соседей, не желающих, чтобы их исправляли. Это случилось с зулусами в XIX в., когда Чака (1810–1828) снабдил их модернизованными ассегаями, обучил строю и повел к победам. Но Чака не учел технического прогресса Европы. Когда гладкоствольные ружья, заряжающиеся с дула, были заменены штуцерами, буры разбили зулусов в 1838 г. и основали на завоеванных землях республику Трансвааль.

Несколько дольше держалась другая зулусская держава — Матабеле,

отделившаяся в 1820 г. от державы Чаки. Командир армии, посланный завоевывать юг, Мзиликази не вернулся — он сам стал королем. В 1888 г. его сын Лонгенгула был разбит английскими войсками Сесиля Родса. Пассионарный толчок зулусов захлебнулся в собственной крови.

Аналогичных примеров столь много, что важнее отметить вторую опасность для этноса, возникающую при переходе от фазы подъема в акматическую фазу. В данный период соподчиненность элементов структуры нарушается, каждый хочет «быть самим собой» и ради этого ломает созданную организацию, принося интересы этноса в жертву своим собственным. Как правило, при этом обильно льется кровь, но культура не страдает, а скорее процветает.

Яркий пример этого варианта — распадение Арабского халифата в X в. на эмираты. Совпадение политического развала с расцветом мусульманской полиэтничной культуры, отмечаемое всеми специалистами, очевидно, не случайно. Признание ценности неповторимой творческой личности ставило ученых, писавших на арабском языке, в особое положение. Соперников в них султаны и эмиры не видели, а труды их ценили, предоставляя им «быть самими собой» в интеллектуальной и эстетической сфере. Однако иногда такое «смещение» дает трагические результаты, что будет показано ниже.

Гораздо опаснее для этноса третий переход — из акматической в фазу надлома. Тут возникает императив: «Мы устали от великих», на основании чего гибнут не только излишние, но и нужные пассионарии, а подчас даже безобидные оригиналы.

Афиняне в эпоху спада пассионарного напряжения в этносе расправились с Сократом и Алкивиадом. Гибель Сократа покрыла их позором в веках, чем они могли пренебречь, но двукратное изгнание Алкивиада обеспечило поражение в Пелопоннесской войне с вытекающими отсюда неприятностями. Печальные примеры не исправили афинский демос. После того как он «избавился» от Платона и Аристотеля, а также ряда других активных сограждан, которых лишали имущества путем голосования — предписывали купцу, снабжавшему Афины скифским хлебом, оплатить театральное представление или соорудить трирему, — Афины потеряли независимость. Александр Македонский пощадил прекрасный город, но последующие завоеватели — римляне поступили с афинянами по обычаям своего времени: часть убили, а некоторых даже продали в рабство.

Античный, греко-латинский суперэтнос пережил фазу надлома во II–I вв. до н. э. В это время эллинские пассионарии могли только служить

Республике либо как солдаты, либо как учителя словесности, без надежды на улучшение места в жизни. Но и римлянам было несладко. Эпоха гражданских войн, длившаяся без перерыва более 100 лет, обескровила народ и сенат. Революция Гракхов, война Мария и Суллы, геноцид первого триумвирата и проскрипции второго привели Римское государство в состояние кризиса. И только переход к инерционной фазе, ознаменовавшейся деятельностью Августа и его сторонников, принес некоторое успокоение. Однако цена его была велика: восторжествовавший императив «Будь таким, как я» не оставил камня на камне от традиционной «римской свободы». Все республиканские учреждения превратились в пышную декорацию, прикрывавшую волю принцепса. Овидий умер в ссылке, а Гораций и Вергилий стали придворными холуями и подхалимами. Сенека погиб от зависти Нерона, а число простых, но талантливых людей, обративших на себя внимание и потому убитых, неисчислимо. Характер и направление этих расправ над беззащитными и невиновыми соотечественниками наглядно описали Светоний в «Жизнеописании двенадцати цезарей» и Г. Буассье в «Оппозиции времен римских цезарей».

Система убийств лучших не по знатности и богатству, а по личным качествам была знаменем времени, закономерным итогом затухания процесса этногенеза. И точно такие же симптомы, очевидно, той же болезни, наблюдаются в Византии при Дуках (XI в.), и в Иране конца монгольского периода (XIV в.), и в Средней Азии после Тимуридов (XVI в.). Итак, это болезнь возрастная. Заметив это, вернемся к Риму.

Пассионарное оскудение

В то время, когда «Восток» бывшей империи кипел, «Запад» неуклонно остывал. В начале V в. граница по Рейну и Дунаю была прорвана. В 402 г. вестготы ворвались в Италию, но были разбиты при Вероне. В 405 г. полчища свевов, бургундов, вандалов и алан вторглись в Италию, но потерпели при Флоренции поражение в 406 г. и сдались. Им показали дорогу в Галлию, где франки и алеманны уже захватили берега Рейна. Они разбили вандалов, но спасли себя, а не Галлию, которая была опустошена. Галлы не защищались, а только молились: кто бы мог представить, что это потомки героических кельтов?! То же самое произошло в Испании: где решили поселиться свевы — в Галисии, аланы — в Лузитании и вандалы — в Бетике, которая с тех пор стала называться Андалусия. В 410 г. готы взяли Рим, ограбили его, пощадив только церкви,

и в 412 г. заняли южную Галлию, в 419 г. выгнали вандалов из Испании в Африку и получили за это в подарок Аквитанию. Бургунды поселились по левому берегу Роны, а алеманны — по левому берегу Рейна. В 430–439 гг. вандалы, выгнанные из Испании готами, овладели Африкой, где их поддерживали мавры и нумидийцы, а в 455 г. взяли Рим и подвергли его бессмысленному уничтожению. В 449 г. англы, саксы и юты вступили в Британию, откуда римляне вывели легионы. Британские кельты оказались ненамного лучше галльских и дали себя перебить.

В 476 г. герулы, находясь на римской службе, взяли власть в свои руки и упразднили Западную империю. Через десять лет был уничтожен последний островок цивилизации — Суассон, который захватили дикие франки. Последний героический римлянин — Сиагрий погиб в неравной борьбе.

В 489 г. остготы покинули берега Дуная и озера Балатон, передвинулись в Италию и в 493 г. разбили тех германцев, которые ее защищали. Все эти германцы подверглись действию пассионарного толчка I в. и, следовательно, находились в фазе подъема.

И ведь что примечательно: в Западной и Восточной империях был один социальный строй, одна религия, у них был один противник — варвары, нажимавшие на ту и другую с равной силой. Но Восток отбился, а Запад пал, ибо находился в фазе обскурации. Вот что дало обновление этноса, достигнутое силами, которые появились у популяции вследствие пассионарного толчка. И вот почему Рим защищали выходцы с Востока: вандал Стилихон и полугерманец Аэций. Люди этого склада неизвестны на Западе, а на Востоке они прославлены; от Велизария до Алексея Мурзуфла и Иоанна Кантакузина.

Эта краткая памятка необходима для того, чтобы уяснить, как страшна потеря пассионарности, без которой невозможно даже успешно защищаться. Ведь варваров было очень мало, например вандалов — всего 80 тыс., из них воинов — 16 тыс.^[388] А Рим они испепелили! Земли, захваченные германцами, долго считались тяжелой утратой.

В VI в. Юстиниан предпринял попытку восстановить Римскую империю. Ему удалось уничтожить вандальское и остготское королевства и потрепать вестготов в Испании, но в Константинополе для успешного завершения завоевания не хватило ни денег, ни людей, ни идей. Какая уж тут борьба с готами, когда дома нажимают славяне и персы, а на место готов приходят лангобарды, за которыми стоят еще более свирепые франки! На последних проповедь действовала лучше оружия, но для интеллектуального напора крайне важны четкое сознание цели и

внутреннее единство, обеспечивающее взаимопомощь миссионеров. А последнего в Византии, даже избавившейся от гностиков и неоплатоников, не было никогда.

Вторжение лангобардов в Италию, отвоеванную византийскими полководцами от остготов, произошло в 568 г. Но лангобарды захватили только часть Италии. Так установилась граница между Византией и утраченными землями, где располагались германские королевства и где римские граждане превращались в покоренные народы и угнетенные классы.

Итак, Великое переселение народов объяснимо: оно явилось следствием пассионарного толчка, который погубил даков и евреев, заставив их броситься на Рим слишком рано, когда там еще были собственные силы, и который обеспечил победу христианским общинам, создавшим Византию. Значит, на Востоке пассионарные потенциалы были равны и, следовательно, завоевания не произошло, а на Западе, где разность потенциалов была значительна, в цивилизованные области как бы стихийно стекались готы, вандалы, бургунды, свевы, аланы, лангобарды и франки. Они были немногочисленны, но пассионарны, т. е. каждый из них думал не только о своей шкуре, но и о своем племени, семье, вожде, славе и о грядущем. Завладев прекрасными побережьями Средиземного моря, обитатели прибалтийских лесов и причерноморских степей оказались неприспособленными к новым условиям. Сами вести хозяйство они не умели, но, будучи победителями, брали все самое лучшее. Однако без участия аборигенов и это было неосуществимо. Поэтому варварские королевства V–VI вв. превратились в химерные целостности, хищные, но неустойчивые. В VII в. арабы подчинили себе Африку и Испанию, встретив сопротивление только у горцев Атласа и Астурии, т. е. там, где ландшафты подверглись влиянию римской цивилизации минимально. Там уцелели древние этносы — берберы и баски, жившие с природой в ладу. Природа своей земли их и уберегла.

Зато потомки римских колонистов, тех, кто извел леса на постройки роскошных вилл и храмов, развел на опустошенных просторах Испании промышленное овцеводство, а в южных предгорьях Атласа вытоптал казенными табунами тонкий гумусный слой, не восстановленный доньне, оказались беззащитными перед жестокими завоевателями, как северными — скандинавами, так и восточными — аварами и южными — мусульманами (арабо-берберами). Эти несчастные люди уже не ждали выручки с Востока. За истекшие V–VII вв. греки и вельски (люди, говорившие на латинском языке, они же — волохи) перестали видеть друг в

друге соотечественников. Историческая судьба, или «сила вещей», повлекла их по разным путям.

Взаимность

Долгое время победители — тевтоны и покоренные — вельски сосуществовали, не сливаясь, а ненавидя и презирая друг друга. Западная Европа из суперэтнуса превратилась в зону этнических контактов со всеми отрицательными последствиями. Все варварские королевства, возникшие на завоеванных землях, распались с потрясающей быстротой, унеся с собой культуру Рима и мужество древних германцев, превратившееся в VII в. в свирепость и жестокость.^[389] При этническом смещении процессы деструкции равно ускоряются для побежденных и победителей.

В тот самый VIII век, когда Византия переживала жестокий внутренний надлом, выразившийся в иконоборчестве, а в Азии расцветали и расширялись суперэтноты, возникшие в VII в., — арабо-мусульманский, табгачский (средневековый Китай), тюркско-тибетский (их можно объединить по признакам генезиса и территории), Западная Европа переживала глубокий упадок. Она стала объектом экспансии. Арабы дошли до Луары, авары простерли набеги до Рейна, славяне овладели правым берегом Эльбы и даже форсировали ее в низовьях. Хозяйственная система, унаследованная от Рима, полностью разложилась, так что на территории Франции восстановился девственный лес.^[390] Последнее указывает на исключительное снижение пассионарности, так как самый консервативный класс — крестьяне снизили интенсивность обработки земли до минимума, позволявшего только что не умереть с голоду. Короли династии Меровингов даже в то время получили прозвище «ленивых», а их дружинники соперничали в дикой разнузданности и забвении традиций верности и долга. Вред от совмещения двух суперэтнотов был взаимным.

Некоторой попыткой навести порядок была политика первых Каролингов: Пипина Длинного, Карла Мартелла и Пипина Короткого, остановивших натиск арабов и вступивших в союз с римским папой. Их усилия увенчались созданием империи Карла Великого, развалившейся уже при его внуках. В этой империи все было импортным. Идеологию взяли у Византии, образование получили из Ирландии, военную технику (рыцарскую конницу) заимствовали у аваров, медицину — у испанских арабов и евреев. Все это вместе называется «Каролингским возрождением».

Империя Каролингов в традиционной историографии рассматривается как французская династия, причем счет королей начинается с Карла Великого. Более основательную концепцию предложил О. Тьерри, указавший, что Каролинги осуществляли свое господство на территории современной Франции исключительно путем грубой силы. Бретань, Аквитания, Прованс и Бургундия только потому признавали их власть, что не могли отстоять свою самостоятельность. И наоборот, восточные франки, предки франконцев, были нераздельно связаны с Каролингами. Таким образом, эту династию и поддерживавший ее этнос — франков следует отнести к германскому суперэтносу Великого переселения народов. Так оно и есть, и с этой точки зрения легко объяснимы их военные успехи.

На общем фоне убывающей пассионарности германских переселенцев, смешавшихся с потомками галло-римлян, кучка дружинников, собравшаяся вокруг Карла Мартелла, Пипина Короткого и Карла Великого, была силой, потому что их противники были еще слабее. Каролинги уничтожили независимость Прованса (737–739), Аквитании (760–768), Ломбардии (774), Баварии (788), племени саксов (797), отняли у арабов Барселону (801) и победили аваров (802–803). Но за исключением двух последних операций это были победы над своими: «немцы били немцев». А при наследниках Карла Великого и эти успехи были сведены к нулю: долины Дуная и Эльбы захватили славяне, «испанская марка» отделилась от империи, а последняя распалась на составные части.

Итак, справедливо рассматривать империю Карла не как начало европейского средневекового суперэтноса, а как конец инерции Великого переселения народов.

Как правило, рост системы создает инерцию развития, медленно теряющуюся от сопротивления среды, вследствие чего нисходящая ветвь кривой этногенеза значительно длиннее восходящей. Даже при снижении жизнедеятельности этноса ниже оптимума социальные институты продолжают существовать, иногда переживая создавший их этнос. Так римское право прижилось в Западной Европе, хотя античный Рим и гордая Византия превратились в воспоминание.

С этнологической периодизацией отнюдь не совпадает социально-экономическая. Раннефеодальные государства на территории Галлии возникли в V–VI вв. при завоевателях Меровингах, бургундах и бриттах, разделивших эту богатую страну. Это значит, что начало французского этногенеза отделено от возникновения феодальной формации четырьмя веками, следовательно, эти процессы не связаны друг с другом функционально. Более того, возникший на этой земле феодализм

типологически различим.^[391]

Пять типов феодализма соответствуют пяти этническим регионам, возникшим там вследствие вторжений варваров. Франки установили в долине Сены и Марны «гармоническое смешение варварских и античных элементов»; бургунды, бывшие федераты Рима, отобрали у местных жителей 1/3 сервов, 1/2 усадеб, 2/3 пашни и, будучи арианами, долгое время не сливались с аборигенами; Прованс, где сменяли друг друга вестготы, остготы и арабы, сохранил так много традиций античных городов, что «напоминает Византию», а не Западный мир; Аквитания же, где вестготы господствовали меньше ста лет (с 418 г. до 507 г.), резко отличалась и от соседнего Прованса, и от франкских земель. Особое место занимает Бретань, т. е. древняя Арморика, отвоеванная в середине V в. бриттами у римлян и защищаемая ими от франкской экспансии вплоть до 845 г., после чего было основано самостоятельное Бретанское королевство и сепаратное архиепископство Дольское.

Так сквозь ткань социального развития проглядывают контуры процессов этногенеза.

Аномалия

И вот тут мы подошли к волнующей проблеме: соотношению культуры как целостности идеологической и технической и этноса — как явления биосферы. Раннехристианская культура (понятие вполне определенное в рассматриваемый период — IV–VII вв.) охватила не только всю территорию бывшей Римской империи, но и окрестные земли: Армению, отчасти Аравию, Абиссинию, Германию и зеленый остров Эрин. Судьба последнего особенно примечательна.

Кельты получили христианскую традицию в 482–461 гг. из Сирии и Египта, а не из Рима. На зеленом острове нищие монахи создали новую Фиваиду, с той лишь разницей, что вместо пещер они ютились в тростниковых хижинах. У них не возникло пышной церковной иерархии, но влияние монахов на народ было огромным. С Римом их ничто не связывало. Даже празднование Пасхи шло не по Юлианскому календарю, а было приурочено к определенному дню весной. До конца XI в. ирландские монахи были наиболее культурными христианами в Западной Европе и отстаивали свою независимость от римских пап так же неуклонно, как их паства — от саксонских и нормандских королей Англии.

Следовательно, рассматривая коллизию в аспекте истории культуры,

мы должны причислить кельтов к раннехристианской, т. е. византийской, целостности как один из ее вариантов. Туда же следует отнести «Каролингское возрождение» и вестготскую Испанию. Это будет логичное и последовательное решение проблемы. Но каждый историк видит, что оно недостаточно, а поэтому и неудовлетворительно. Да и может ли быть иначе, если мы не учли, что носители этой (как и любой прочей) культуры — люди, а на Земле нет человека без этноса и этноса без родины, под которой следует понимать оригинальное и неповторимое сочетание ландшафтов и геобиоценозов.

Мы уже отметили, что пассионарный толчок затронул только полосу Восточной Европы и Ближнего Востока, от Швеции до Палестины. Следовательно, кельты были за его пределами, и, видимо, поэтому бритты, покинутые в 406–407 гг. римлянами, проиграли войны с пиктами и англосаксами, истреблявшими всех мужчин-кельтов. Только западные области Британии долгое время держались против жестокого врага. Кельты часто переходили в контрнаступление, одерживали небольшие победы и даже переселились на континент, превратив романизованную Арморику в кельтскую Бретань, независимую от франкских королей и враждебную им.

Другое кельтское племя — скотты еще в римское время перебрались из Ирландии на север Британии и частыми набегами наводили ужас на бриттов, подчинившихся Риму. Эту борьбу они продолжали с англосаксами и норманнами вплоть до X в. Короче говоря, кельты как бы обрели внезапную силу. Но так ли это просто? Разберемся.

Уэльс, Корнуэльс, а тем более Ирландия были затронуты римской культурой минимально. Они сохранили свои племенные традиции и тот относительно небольшой запас пассионарности, который остался у них от эпохи завоеваний. Этого запаса было мало для того, чтобы Галлия и Британия смогли успешно сопротивляться римской и германской экспансии, но когда те и другие растратили свою пассионарность, то кельты уравнили соотношение сил, причем культура, заимствованная ими из Византии, не прибавила и не убавила их импульса. Зато она помогла им определить этнопсихологическую доминанту, пусть негативную, но действенную: «Мы не германцы и не хотим походить на них». Такого противопоставления оказалось достаточно, чтобы Уэльс сопротивлялся англичанам до 1283 г., а Ирландия — гораздо дольше, несмотря на полную потерю традиций византийской культуры.

Предлагаемое объяснение предварительно. Возможно и то, что в начале нашей эры на берегах Атлантики имел место особый пассионарный толчок, который шел от Эрина на юг, через Басконию, Атлас, Сахару до

Гвинейского залива. В этом случае объяснимы вспышки активности туарегов (Альморавиды), берберов (Альмохады) и начало распространения банту. Но это предположение нуждается в детальной проверке и предложено здесь как рабочая гипотеза.

Ущербность юности

То, что молодые народы Европы справились с обветшалым Римом, заразились от него пороками и сгинули, — неудивительно. Но вот когда этносы, вступающие в акматическую фазу, гибнут от рук слабого противника — это странно. Очевидно, любой переход из фазы в фазу несет в себе опасность для этноса. Как змея беззащитна, пока она меняет кожу, так этнос бессилен, пока он «меняет душу», т. е. стереотип поведения и общественный императив.

Весьма распространено мнение, что испанские конкистадоры обнаружили в Центральной и Южной Америке древнюю цивилизацию и расправились с ней. И все, кто любит индейцев, а к таким людям принадлежит и автор этих строк, оплакивали ацтеков и инков как лучших представителей своей расы и носителей многовековой культуры.

К счастью, за последнее время удалось установить некоторые вехи американского этногенеза. Оказывается, древние культуры индейцев Мексики и Перу угасли не очень давно, но радикально. Ольмеки, жившие на берегу Мексиканского залива, исчезли в VI в., уступив место пришлым тотонакам. Тольтеки, создатели культуры в Анауаке, создали свою державу около 720 г., а что было до нее? В Перу в VIII–X вв. исчезли древние археологические культуры Мочика и Тиауанако — доинкская культура этноса аймара. Вместе с археологическими исчезли этнические образования, потому что в Америке войны велись на истребление противника. Некоторым исключением оказались инки,^[392] но их еще не было. Эти древние этносы относились к инкам и ацтекам так, как римляне — к французам и испанцам, унаследовавшим от римлян часть традиций языковой культуры, часть генофонда, руины городов и обрывки знаний. Но они не были римлянами. Также новыми этносами стали после своих переселений ацтеки и инки.

Но в IX–X вв. французы, провансальцы, испанцы (в Астурии), немцы, ломбардцы и пьемонтцы уже начали складываться в этносы нового типа, а в Америке «Великое переселение народов» наступило позже.

Только в XI в. на юге Перу появились, если верить легенде, первые

инки: Манко Капак и Мама Окльо, и тогда же, около 1068 г., предки ацтеков перешли Рио-Гранде и двинулись в числе других племен на юг. В XII в. чичимеки (букв. «дикари») покорили остатки тольтеков, культурная традиция коих оборвалась, как римская — в Галлии и Испании. Лишь в XIV в. ацтеки основали Теночтитлан (1325) и восприняли остатки культуры тольтеков. В том же XIV веке Инка Виракоча создал ту империю, которую завоевали испанцы, но историчность Виракочи — под сомнением. Только в 1437 г. Инка Пачакутек победил чанков, достойных противников инков, казнил их правителя и вынудил остатки этого этноса бежать в сельву Амазонии на верную смерть.^[393] Затем он захватил престол, казнил ученых, знавших историю инков, запретил изучение письменности и ввел полицию нравов, чем утвердил цивилизацию инков. Он был современником Жанны д'Арк, Яна Гуса, Петрарки и Джотто. А по месту в этногенезе, или по возрасту этноса, Виракоча эквивалентен Карлу Великому, а Пачакутек — Людовику Благочестивому и Лотарю, даровавшим одичавшей Европе возможность «Каролингского возрождения», образованности и творческой мысли.

Преемник Пачакутека, Инка Тупак Юпанки покорил в 1476 г. государство Чину (северный Эквадор) и установил режим жестокой эксплуатации индейцев, заставив их обрабатывать казенные поля, а зимой строить дороги в Андах. Кажется несомненным, что тот, кто симпатизирует индейцам, должен ненавидеть инков; это только логично.

В том же XV веке, когда в Италии настала эпоха Возрождения, ацтекский царь Ицкоатль (1428–1440) и его советник, мыслитель Тлакаэлель, возродили культуру тольтеков. Ицкоатль и его преемник Монтесума I (1440–1468) завоевали Анауак (южную Мексику), а Тлакаэлель ввел «культ цветов», т. е. человеческие жертвоприношения ради избавления Земли от грядущей катастрофы. Это было убийство ради убийства, зло в чистом виде.

Индейцы защищались как могли. Хуастеки и тараски разбили ацтеков, пытавшихся добыть у них юношей для принесения в жертву. Арауканы отразили войско инков, явившееся насаждать у них цивилизацию. Полузаконный сын Инки Тупак Юпанки (от наложницы-индианки) Атауальпа был использован вождями племен, живших вокруг Кито (Эквадор), против законного наследника Инки Уаскара. В 1527 г. повстанцы победили и убили всех инков, сдавшихся в плен. Особенно жестоко мучили женщин и детей. Из инков уцелели немногие. В этот трагичный момент появились испанцы. В 1532 г. Писарро захватил в плен Атауальпу, разграбил богатства храмов, присвоил выкуп, казнил

пленника... и никто не двинулся с места.

А кому было за него заступаться? Для инков он был тиран и предатель, для индейцев — отпрыск угнетателей-инков. Когда же последний Великий Инка — Манко Капак призвал индейцев к освободительной войне, за ним пошли только немногие, для разгрома которых было достаточно нескольких сотен испанцев отряда Альмагро (1535).

С такой же легкостью была сокрушена держава муисков в современной Колумбии. Это было то самое «Эльдорадо», к которому стремились алчные и мечтательные конкистадоры. Удача выпала в 1536 г. на долю Гонсало Кесады, которому муиски оказали очень слабое сопротивление. Оказывается, это был тоже относительно новый этнос, так как лишь в начале II тыс. н. э. исчезли древние культуры северных Анд. Вторгшиеся с севера племена истребили аборигенов.^[394] Победители-испанцы застали в этой стране такое издевательство высших над низшими, что сами не смогли воспроизвести и половины этого. Например, индейца, посмотревшего на муиска высшего ранга, ввергали в подземное озеро, кишмя кишевшее ядовитыми змеями. Несчастный плавал там до тех пор, пока не наткнулся на змею и не погибал от ее укуса. А обращаться к начальству по делам разрешалось лишь сидя, повернувшись к нему спиной и уткнув лицо в подогнутые колени. Легко заметить, что индейцы своих правителей не стали защищать.

Зато южные арауканы проявили такую доблесть, что конкистадор Педро Вальдивия пал в 1553 г., и весь его отряд погиб. В 1598 г. арауканы оттеснили испанцев за Био-био, а в 1744 г. Испания признала Арауканию независимой державой и приняла ее посла в Сантьяго-де-Чили. Но арауканы не были «цивилизованным» народом. Они хранили древние традиции. Это означает, что их не задел ни пассионарный толчок XIII в., ни «Великое переселение народов» Америки XII в. Ибо в ранних фазах этногенеза этнос так же слаб, как и в конечных.

Так же Кортес, имея в 1521 г. одну тысячу испанцев, победил 30 тыс. храбрых ацтеков Куаутемока, ибо тотонаки и чичимеки из Тласкалы выставили 50 тыс. воинов для уничтожения гегемонии ацтеков. Индейцы сознательно предпочли испанцев, которых они воспринимали как одно из равных им племен. Может быть, они просчитались; ведь инквизиция, которую привезли испанцы в Америку, была учреждением, о котором хорошего не скажешь. Но в ее судилище можно было и не попасть, потому что, по идее, инквизиция была создана для обороны, а не для нападения.

Поясняю. В 1529 г. турки овладели Алжирией. Береговая линия Испании была открыта для высадки мусульман, а внутри страны жило

много морисков и евреев, мечтавших о такой возможности. Испанское правительство, справедливо сомневаясь в лояльности иноверцев, воспретило им занимать военные и гражданские должности, но оно не могло запретить им креститься. Поскольку крещеный мавр или еврей получал право делать карьеру наравне с испанцем, то многие принимали крещение лицемерно и продолжали соблюдать обряды старой веры. Вот этих-то выявляла инквизиция и карала за вероотступничество. Значит, чтобы не иметь дела с трибуналом, можно было просто не принимать католицизма.

В Америке инквизиция строго карала за совершение жертвоприношений, особенно за убийство детей. Это было, конечно, насилием над совестью индейцев, но ведь деток-то жалко. Индеец, отказавшийся от принесения жертв, мог быть спокоен за свою жизнь. А вот от ацтеков уберечься было куда труднее. Те тащили на теокалли любого подвернувшегося пленника. И если он был мудр, храбр и красив, тем больше шансов имел попасть под обсидиановый нож. Потому-то испанцы закрепились в Америке на 300 лет.

Если мы рассмотрим историю Европы и Америки в предложенном диахроническом аспекте, то увидим, что и в Америке было свое «Великое переселение» и «гибель античной культуры», но пассионарный толчок, вызвавший новый взрыв этногенеза, произошел на 500 лет позже — в XIII в. Ацтеки и инки, создавая свои империи, были для местного населения такими же захватчиками, какими для кельтов были англосаксы, а для галло-римлян — франки. Следовательно, в начале XVI в. ацтеки и инки переживали тот же возраст, что французы, испанцы и итальянцы в X в. А ведь это эпоха дезинтеграции европейской культуры, унаследованной от Рима, и снижения сопротивляемости внешним ударам! Венгры, берберы, скандинавы грабили Каролингскую империю и англосаксонские королевства столь же успешно, как в XVI в. испанцы и португальцы — свои будущие колонии. По-видимому, ацтеки и инки были застигнуты вторжением в переломный момент роста, при переходе динамической фазы подъема в акматическую фазу расцвета, который не наступил из-за помехи извне (см. табл. 4).

Но как только испанцы наткнулись на племена в устойчивых фазах, они были разбиты и перешли к обороне. Более того, команчи в XVIII в. начали теснить испанцев за Рио-Гранде, а семинолы завоевали уже освоенную испанцами Флориду. В Мексике и в Андах метисация испанцев с индейцами шла столь интенсивно при большом пассионарном напряжении в обоих компонентах, что возникли новые этносы, добившиеся

независимости в 1810–1822 гг. На месте испанских колоний возникла Анти-Испания, осуществившая покорение индейских этносов Юкатана, Чили, Патагонии и Огненной Земли, что было не под силу конкистадорам. Прерванный процесс возобновился, но только там, где он шел до XVI в. В Северной Америке на месте индейских суперэтносов создалась зона контактов этносов, пришедших из Европы и Африки.

Северная Америка была заселена этносами относительно древними, вернувшимися в гомеостаз. Исключения же — ирокезы, незадолго до появления европейцев проникшие в область Великих Озер с запада, ^[395] и атапаски в предгорьях Кордильер. Только эти последние были плодом взрыва этногенеза и участниками «Великого переселения народов» в Америке. Около XII в. часть атапасков оттеснила эскимосов в тундру, а другая распространилась на юг, в Аризону. Однако на юге им не удалось создать могучую державу, потому что просторы прерий недоступны для пеших охотников. Атапаски, как и их восточные соседи — команчи, ютились по берегам речных долин, где было мало пищи, и прирост населения остановился. Но как только испанские лошади, убежавшие в прерии и дичавшие, превратились в табуны мустангов, степные индейцы освоили коневодство; племена навахов и апачей прославились на весь мир.

Но было поздно. Скваттеры, трапперы и ковбои, потомки колонистов, успевших адаптироваться в Новом Свете, «задавили» индейцев числом и техникой. Вот еще пример оборванного этногенеза, но в отличие от южного варианта, процесс не возобновился. Испанцы не были расистами, и смешанные браки их не шокировали. Зато англосаксы, особенно женщины, бойкотировали «мужей скво» и изгоняли их из общества; а их мужья руководствовались правилом: «Хороший индеец — это мертвый индеец». Трагедия северных индейцев закончилась в 70-х годах XIX в. бойней, получившей название «индейской войны». После нее в США индейские этносы остались как реликты.

Таблица 4. Фазы этногенеза в Западной Европе и Америке в VII–XVI вв.

Века	Анаук	Анды	Северо-восточная Америка	Европа
VII	Тотонаки на месте ольмеков			Конец Великого переселения народов в Европе
VIII	Первый правитель тольтеков в Толлане (ок. 720)	Исчезла культура Мочика	Распространение эскимосов на Юг и Восток	Арабы в Аквитании. Авары в Паннонии. Лопари в Скандинавии. Кельты в Бретани. Почти гибель!
IX	Первая династия миштеков в Тилатонго (838)			Империя Карла (800— 809). Этнотерриториальная революция. Походы викингов
X	Кецалькоатль бежал в Юкатан (947), основал Майяпан (987) и ввел человеческие жертвоприношения у майя	Распад доинкских культур аймара	Норманны достигли Винлянда	Феодальная революция. Образование этнических королевств. Распад империи Каролингов
XI	Начало «маяйского ренессанса». Ацтеки двинулись на юг (1068). Кулуа покорили тольтеков. Хуастеки пришли к Мексиканскому заливу	Первые инки: Манко Капак и Мама Окльо	Атапаски против эскимосов	Победа «Христианского мира» над соседями
Века	Анаук	Анды	Северо-восточная Америка	Европа
XII	Чичимеки разгромили тольтеков. Хунак Кеель из Майяпана взял Чичен-Ицу и объединил Юкатан (1194)	Чиму, приплыв на плотах, основали державу в Перу. Чинча проникли в Перу. Инка Синча Рока напал на племена аймара	Атапаски проникли в Аризону	Экспансия: крестовые походы, Реконкиста
XIII	«Люди Ица» взяли Майяпа и изгнали «чужеземцев с гор» (1204— 1244). Ацтеки покорены кулуаканцами. Господство Кокомов в Майяпане	Инки покорили аймара, холля, кечуа и чанков	Эскимосы встретились с норманнами в Гренландии	Завоевание Андалусии
XIV	Основание Теночтитлана (1325). Чичимеки восприняли культуру. Возвышение тепанеков. Майя отразили «людоедов»	Создание Тауантинсуйу	Эскимосы победили норманнов (1362)	Жуткие войны королей с феодалами. Столетняя война перекинулась в Испанию
XV	Ицкоатль (1428— 1440) победил тепанеков. Тлакаэзель ввел культ «цветов». Ах Шупан разгромил Майяпан (1441). Монтесума I завоевал Анауак (1440— 1468). Хуастеки и тараски разбили ацтеков	Инка Пачакутек разбил чанков (1437), захватил власть и казнил правителя и ученых. Инка Тупак Юпанки покори Чиму (1476)	Эскимосы овладели Гренландией. Создание союза ирокезов	Объединение Испании. Открытие Америки

Возвращенная молодость

Испания невозбранно владела колониями в Южной Америке и Мексике, пока она казалась колонистам непобедимой. Но когда Наполеон арестовал в 1808 г. королевскую семью в Байонне, посадил на престол в Мадриде своего брата Жозефа и начал войну против испанцев,

защищавших традиции и независимость своего отечества, колонии отложились. С 1810-го по 1821–1822 гг. Испания пыталась усмирить повстанцев, но безуспешно. Поддерживали колониальный режим только некоторые индейские племена, да и то лишь потому, что ненавидели восставших креолов больше, чем далеких испанцев. Остановим внимание на Мексике, ибо здесь восстановление смещенного завоеванием процесса этногенеза прошло наиболее наглядно.

В XVI в. испанцы и индейцы быстро смешивались, и казалось, что в Мексике возникнет локальный вариант испанского этноса, но произошло обратное: к концу XVIII в. вместо двух этнических групп создались четыре, ненавидевшие друг друга. Полагают, что такое разделение — результат неудачного администрирования, но, по-видимому, причины лежат глубже — контакт произошел на суперэтническом уровне, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Высшим социальным слоем, сосредоточившим в своих руках все высшие должности и торговлю, были уроженцы Испании, имевшие кличку «гачупины» — люди со шпорами.^[396] Число их было небольшим, а отношение к ним — отрицательное. Но гачупины держали в своих руках армию и духовенство, что обеспечивало их привилегии достаточно надежно.

На одну социальную ступень ниже стояли креолы (около 1 млн. человек), уроженцы Мексики, потомки конкистадоров, часто с примесью индейской крови. Это были богатые владельцы асьенд, на которых работали индейцы. Креолы жили в роскошной праздности, храня верность королю и церкви и ненавидя бюрократов-гачупинов.

Но к началу XIX в. среди креолов появились пассионарные особи, искавшие применения своим силам. Эти люди стали читать французскую литературу и обрели цель жизни, которая многих из них привела к жестокой смерти.

3 или 4 млн. индейцев либо работали на асьендах как пеоны (батраки) или на рудниках, либо жили в своих деревнях под управлением касиков (вождей). В XVI в. их положение улучшилось, так как требования испанских чиновников не превышали требований ацтекских, да и детей в жертву Унцилопотчли отдавать было не надо. Но в XVII–XVIII вв. землевладельцы-креолы стали посягать на земли индейских племен, а продажные чиновники-гачупины защищали их плохо.^[397] Монахи обратили многих индейцев в католицизм, но обращение было настолько поверхностным, что индейцы сохранили свои обычаи и своих идолов.

Однако в школах индейские дети показывали способности выше, чем испанцы, и случалось так, что потомки ацтеков, став учителями, обучали потомков конкистадоров латыни и католическому богословию.^[398]

Но хуже всех жили 2 млн. метисов, возникших вследствие смешанных браков в XVI в. По мере роста культуры их отторгли из своей среды креолы, а гачупины запретили им жить среди индейцев, чтобы они не подстрекали тех к восстанию. Для метиса были доступны только тяжелые работы или разбой, но против них была организована особая полиция, убивавшая их без суда.^[399] Однако число их росло, как и пассионарное напряжение, ибо в метисах совместились гены конкистадоров и ацтеков. Поэтому они не погибли, а выделились в особую субэтническую группу, имевшую перспективу развития.

Итак, к началу XIX в. Мексика вернулась в фазу подъема, в XVI в. прерванную завоеванием Ф. Кортеса.

В 1808 г. все эти этнические группы вступили в борьбу с гачупинами и между собой, ибо ненавидели друг друга. Единодушны они были в одном — они называли себя американцами, но в остальном согласия между ними не было. Поэтому первые индейские восстания 1810–1817 гг., возглавленные священниками Идальго и Морелосом, были разгромлены регулярной армией, где офицерами были креолы, а солдатами — метисы и мулаты. Но уже в 1821 г. полковник Итурбиде, креол с примесью индейской крови, примкнул к сторонникам независимости и вытеснил испанские войска из Мексики. Гачупины сошли со сцены, но их место заняли мексиканские консерваторы, к числу коих принадлежал Итурбиде.

Дальнейшая расстановка сил была такова. Консерваторы опирались на духовенство и армию; это были главным образом креолы, потомки испанцев. Умеренные либералы — креолы хотели либеральной парламентской республики с сохранением своих поместий; крайние либералы — метисы были врагами церкви и армии; индейцы хотели, чтобы белые ушли и оставили их в покое. Гражданские войны и перевороты продолжались до 1920 г. и закончились победой метисов, воспринявших социальные институты индейцев — касикизм. Индейцы как этнос не могли победить, потому что не представляли целостности. По сути дела каждое племя было отдельным этносом. Поэтому индейские пассионарии, например Хуарес, по рождению и воспитанию сапотек, получив образование, примкнул к метисам — крайним либералам и одержал победу над французскими регулярными войсками.

Американские дипломаты посмеивались над Мексикой, говоря, что эта

страна не может навести у себя порядок. Но в конце акматической фазы их английские предки тоже учинили войну Алой и Белой розы. Мексика просто пережила эту фазу с запозданием на три века.

Пассионарный «перегрев» обычно уносит в небытие многие ценные памятники искусства и элементы культуры. Мексика — не исключение. Роскошные храмы с прекрасными скульптурами погибли во время пронунсиаменто, проходивших с жестокостью, перещеголявшей европейское Средневековье. Метисы были врагами всего европейского, в том числе католицизма. Индейцы были набожны, но им были нужны церкви, а не духовенство. Они приходили в храмы по своим праздникам, украшали статуи святых гирляндами цветов, как древних идолов, и плясали перед ними, как перед богами. На защиту духовенства встали креолы, образовавшие в 1926–1927 гг. отряды «кристерос». Мятеж был жестоко подавлен, причем пострадали неповинные крестьяне.

Итак, испанское завоевание Мексики оказало огромное влияние на элементы материальной культуры и идеологии живших там этносов (применение железа; изменения в фауне и флоре, вызванные появлением лошадей, коров, овец, свиней, винограда, оливковых деревьев; католицизм и т. д.). Но направление этногенеза вернулось в свое русло. Трехсотлетний период испанского владычества правильнее всего рассматривать как зигзаг на кривой этногенеза. О дальнейшем мы судить не смеем, так как акматическая фаза этногенеза Латинской Америки еще не кончена, а делать прогнозы можно лишь тогда, когда уяснена общая закономерность явления.

XXXIII. Фаза надлома

Пассионарный надлом

Мы уже видели на примере Византии, что избыток пассионарного напряжения этнической системы далеко не всегда бывает ей полезен, но исчезновение пассионарности еще более губительно. В VII в. выяснилось, что попытка восстановления Римской империи не удалась. Юстиниан переоценил силы своего народа и недооценил силы восточного врага. В последнем его винить трудно: он полагал, что единственный серьезный противник Византии — Персия. А это государство было ослаблено реформами визиря Маздака (488–629) и ликвидацией их последствий, а также восстанием Бахрама Чубина (590–591), погубившим лучшую часть регулярной армии. Однако война 604–628 гг. была выиграна Византией при крайнем напряжении сил и благодаря помощи тюркютов, опиравшихся на Хазарию.

В этой войне надорвались и Византия, и Иран, поэтому выступление нового этноса — арабо-мусульманского, сложившегося из реликтовых племен Аравийского полуострова, оказалось трагичным и для персов, и для греков. Ирак был завоеван целиком и ограблен дочи́ста. Византия потеряла Сирию, Египет, Карфаген, равнинную Киликию, и лишь в 718 г. арабы были разбиты у стен Константинополя, после чего война, происходившая на территории Малой Азии, превратилась в серию грабительских набегов и контрнабегов.

На Балканском полуострове Византия тоже несла потери. В 679 г. болгары, бежавшие от хазар, перешли Дунай и заняли страну между Дунаем и Балканами. Восточная Римская империя превратилась в греческое царство, которому не было дела до одичавшей Западной Европы, из средоточия мировой мощи превратившейся в объект грабительских набегов арабов с юга, аваров с востока и скандинавских викингов с севера. Без пассионарности отразить всех этих врагов было очень трудно.

Однако силы Византии были столь велики, что после потери тех земель, население коих хотело отложиться, константинопольское правительство подчинило славянские племена на Балканском полуострове (689 г.) и отразило арабов от стен столицы в 718 г. Инициативу войны с мусульманами приняли на себя воинственные исавры, но они тоже весьма отличались от греков. Этнокультурные различия, слабо ощутимые при

низком уровне пассионарности, обострились в VIII в., когда византийский этнос вступил в жестокую фазу надлома, выразившуюся в иконоборчестве императоров исаврийской династии.

Эта пора была, пожалуй, более противоестественной, нежели предшествовавшая ей акматическая фаза, когда возросшая пассионарность всего региона разорвала золотой обруч границ Империи и отбросила Сирию, Египет, Африку и Армению в руки омейядских халифов, а Италию — под пяту лангобардских королей. Тогда деление возникало естественно: ариане, монофизиты, несториане утверждали: «Мы не такие невежды, как вы, ибо понимаем Священное Писание лучше». Халкедониты отвечали им тем же, после чего наступала этническая дивергенция, с этнопсихологическими мотивами конфессиональных деклараций. Однако разругавшись, можно было разойтись, что было естественным выходом, а при иконоборчестве все было противоестественно и потому жутко.

В самом деле, православный царь, победитель нечестивых мусульман и язычников-болгар, вдруг запрещает религиозное искусство под предлогом необходимости разделения спекулятивной философии и эмоциональной стихии искусства, да еще, пользуясь служебным положением, хочет учить монахов — специалистов своего дела; а кто его поддерживает? — солдафоны и вельможные холуи как светского, так и духовного звания. На ересь не похоже, но омерзительно.

Мы сознательно оставляем в стороне исторический анализ иконоборчества в политическом, экономическом и идеологическом аспектах. О них написано много, но при этом опущено то, что важно для этнолога. Самые глубокие мысли императоров и патриархов не могут объяснить, почему исаврийский солдат рубил мечом образ Богородицы, а греческие женщины, рискуя жизнью, били этого солдата камнями и палками. А ведь те и другие были безграмотны, в теологии и политике не разбирались, да и не думали в такой момент о столь сложных сюжетах.

Существует простое и верное объяснение характера событий этой эпохи: иконоборчество — явление малоазийское, иконопочитание — эллинское. Для азиата иконы были украшением храма, где надлежало возносить свой дух к престолу Истины как абстракции, не имеющей зримого образа. Для грека иконы — окно в инобытие; на них изображен лик, а не личина и даже не лицо; поэтому духовное совершенствование сопряжено с эстетическим восприятием, через которое и открывается истина.

Уровень пассионарного напряжения в Византии в VIII в. снизился до фазы надлома. Вследствие чего даже непринципиальные несогласия

вырастали в повод для кровопролития, что на пользу делу не шло. От Византии отпала Италия, где в 751 г. лангобарды взяли Равенну, а в 756 г. образовалось светское государство пап. А император Константин Копроним, вместо того чтобы навести порядок в отпавшей области, расправлялся с беззащитными любителями изобразительного искусства у себя дома.

Седьмой Никейский Собор 787 г. принес временное успокоение, но за период смут болгары успели закрепиться на Дунае. Только в Азии были достигнуты несомненные успехи, и то потому, что в Халифате, объединявшем арабо-мусульманский суперэтнос, дела обстояли еще хуже. Халифат при династии Аббасидов разваливался на части, причем, как и в Византии, решающим принципом был этнический, облеченный в конфессиональные формы. В своем разложении Халифат опередил Византию, которая в последующую, инерционную фазу этногенеза успела укрепнуть, политически и экономически, благодаря чему пережила Халифат. А теперь сделаем вывод.

В периоды первых двух фаз этногенеза этническая система преодолевает посторонние воздействия, растущее пассионарное напряжение делает ее резистентной. Но даже в эти начальные фазы в этносе всегда присутствуют и преобладают численно гармоничные особи, у которых пассионарность и инстинкт уравновешены. Это люди серьезные. Когда в их среде начинают безобразничать субпассионарии, они заводят губную избу (где губят людей), организуют высылку негодных им людей в колонии и т. п. Этим они консервируют этнический стереотип поведения и традицию, основу сигнальной наследственности людей.

С пассионариями сложнее: они нужны и могут себя защитить. Поэтому им предоставляется право убивать друг друга, чем они широко пользуются. Но само наличие пассионариев в системе делает ее пластичной и способной к сопротивлению внешним воздействиям, ибо пассионарии умеют находить выход из самых сложных ситуаций. И когда между этими типами членов этноса устанавливается некое оптимальное соотношение — система почти неодолима. Но как только при смене фаз это соотношение нарушается, система становится восприимчивой к ударам извне. Тогда этнос легко может погибнуть от смещения.

Такое смещение для арабского суперэтноса оказалось трагичным, потому что включенные в Халифат области, получившие от арабских завоевателей заряд пассионарности, начали отлагаться от Багдада. Иногда восстания бывали подавлены при огромных затратах воинской силы, как, например, разгром Мукадды в Средней Азии в 762 г., но чаще имели успех.

В 789 г. отложилось Марокко, в 820 г. — Хорасан, в 867 г. — Сеистан. Через два года вспыхнуло жуткое восстание рабов-зинджей, которыми руководил араб. В 872 г. Иен Тулуп объявил себя независимым правителем Египта, а в 877 г. перешли в наступление карматы Бахрейна и в 903–909 гг. — Фатимиды в Тунисе. Пассионарное напряжение разрывало оковы любой политической системы и за полвека превращало благоустроенное законопослушное государство с процветающей экономикой и растущей культурой в калейдоскоп борющихся этносов или консорциев, стремившихся оформиться в этносы.

Кровь текла столь обильно, что арабы утратили гегемонию в собственной стране. В Африке инициативу перехватили берберы и туареги, в Иране — дейлемиты, горное племя, до тех пор державшееся в стороне от политики, в Средней Азии таджики после долгой борьбы уступили тюркам и туркменам. Огромные силы мусульманского суперэтноса погашались внутри собственной системы. Процесс этногенеза, инициированный арабами, уничтожил породивший его этнос, но оставил неприкосновенной уникальную культуру и связанную с ней традицию, в которую долгое время втягивались соседние этносы.

Несколько иначе этот процесс прошел в романо-германском мире. Там он был менее интенсивен, что пошло на пользу европейцам, хотя черты акматической фазы в Западной Европе были выражены предельно четко.

Череда расцветов

Рассматривая последующую историю западноевропейского или романо-германского суперэтноса, нетрудно заметить, что в нем лидерствуют попеременно разные этносы, уступая место друг другу. Это лидерство выражается по-разному, но если рассматривать его как функцию пассионарного напряжения этносов, komponующих суперэтнос, то разнообразие форм перестает путать исследователя.

Первое место после развала Каролингской империи заняли немцы. Их короли Генрих Птицелов и Оттон Великий остановили венгерские набеги, чем обеспечили экономический рост Германии по обе стороны Рейна. Границами их домена были Эльба и Рона, а в Италии они унаследовали железную корону лангобардов. Оттон II попытался отвоевать у византийцев южную Италию, но неудачно, а потом его инициативу перехватили французские нормандцы. Но и они стали жертвой немцев в 1194 г.

За это время в Германии сменились три династии: саксонская, франконская и швабская (Гогенштауфены), и в XIII в. немцы стали терять свои позиции. Французы отняли у немецкой империи Лангедок и часть Лотарингии, а итальянцы сумели вообще отделаться от «зверской расы». В политическом аспекте — это война императоров с папами, в социальном — борьба феодалов с городами, в историко-культурном — соперничество юристов с прелатами, а в этническом — утрата ведущим племенем немцев — швабами запаса пассионарности и связанное с этим отпадение окраин.

В XIV и XV вв. итальянцы были ведущим этносом католической Европы. Нажившиеся на крестовых походах, ограблении Византии, торговле с Востоком и ростовщичестве, они одновременно поставляли всем королям Европы юристов, дипломатов, богословов, поэтов, художников, строителей и мореплавателей. Данте писал: «Гордись, Фьоренца, долей величавой, ты над землей и морем бьешь крылом, и самый Ад твоей наполнен славой...» С флорентийцами успешно соперничали не менее ловкие и бессовестные венецианцы, продажные римляне, лукавые болонцы, лицемерные сиенцы, головорезы-калабрийцы, но право на первое место по дороге в Ад, согласно тому же Данте, принадлежало генуэзцам, которые пролезли ради своих торговых дел не только в Золотую Орду, но даже на Русь; правда, здесь они потерпели неудачу.

Во время расцвета городских республик Италии прочие страны Европы переживали тяжелые времена.

Англия и Франция вцепились друг другу в горло, причем англичан поддерживали гасконцы, а французов — шотландцы. Эта война длилась более ста лет, связала силы обеих стран и крайне их обескровила. И даже после того как англичане покинули «Прекрасную Францию» (за исключением Кале), они перенесли острие своих неумных страстей друг на друга и начали войну Алой и Белой розы. Эти феодалы так привыкли воевать и так не умели ничего другого делать, что «Старая Англия» не знала покоя.

И тогда поднялись дотоле малые страны: чешские гуситы и швейцарские горцы залили кровью Германию, Австрию и Бургундию. Короче говоря, почти все силы Западной Европы были замкнуты на себя и взаимоуничтожались. Пассионарный надлом сделал «Христианский мир» бессильным, что весьма благотворно повлияло на усиление Турции и России, т. е. стран, начавших свое восхождение в XIV в., следовательно, по сравнению с Западной Европой — молодых.

Аналогичная смена пассионарных расцветов прослеживается в восточной половине европейского суперэтнуса, где в контакте с

германцами находились славяне. В XIV в. чешские гуситы осуществили первый этап Реформации, обескровивший и Чехию, и сопредельные с ней области Германии. В XVI в. на первое место вышла Польша, вобравшая в себя Литву и ставшая столпом Контрреформации. Это ее и погубило, так как лишило возможности установить контакт с православными.

В середине XVII в. украинские казаки нанесли польским войскам несколько сокрушительных поражений, затем шведы прошли Польшу насквозь и ограбили ее дочиста, и, наконец, турки завоевали Подолию. Героическая победа 1688 г. спасла Австрию, но окончательно измотала Польшу, упадок которой в XVIII в. общеизвестен.

Наибольших успехов в XVII в. достигла Швеция, но эта малонаселенная страна выплеснула своих пассионариев с Густавом Адольфом в Германию, с Карлом X — в Польшу, с Карлом XII — в Россию и не возместила ущерба при приросте населения. Детей рождалось достаточно, но не таких, какие были в XVI–XVII вв.

При этом надо отметить, что ни экономического, ни культурного снижения в скандинавских и славянских странах не наблюдалось, как и в западных герцогствах Германии, в Австрии и Голландии. В XVIII в. почти все европейские страны, преодолев пассионарный «перегрев» акматической фазы, развивали хозяйство, строили красивые города, торговали со всем миром, получая огромные прибыли, и покровительствовали писателям, художникам и ученым, т. е. людям одаренным, но не чрезмерно пассионарным. Это была так называемая эпоха Просвещения. Оптимальный уровень пассионарного напряжения в Европе достигался тем, что «лишние» пассионарии уезжали в колонии и свирепствовали там, не вспоминая про Вольтера, Руссо, Канта и Гете.

И все-таки была одна страна в Европе XVIII в., где пассионарное напряжение росло. Не противоречит ли это изложенной концепции? Разберемся.

Германия больше других стран пострадала от ужасов Реформации, Контрреформации и Тридцатилетней войны. Это объяснимо: пассионарное напряжение там стало спадать уже в XIII в., о чем было сказано выше, а коль скоро так, то эта богатая и цивилизованная страна стала жертвой этносов с высоким уровнем пассионарности. Хорваты, испанцы, валлоны, датчане, шведы и французы проходили Германию насквозь, а немцы, как лютеране, так и католики, либо терпели бесчинства ландскнехтов, либо сами примыкали к их бандам. Вера тут роли не играла; шли к тем полковникам, которые лучше платили.

Так как католики в 1618 г. одержали победу при Белой Горе, то

протестанты из Чехии вынуждены были искать спасения в эмиграции; многие из них нашли убежище в соседнем маркграфстве Бранденбург. Туда же охотно переселялись французские гугеноты, а также польские «ариане». Берлин стал прибежищем для гонимых идейных протестантов, которые принесли с собой свою пассионарность.

Бранденбургская марка была основана на земле славянского племени лютичей, и население ее в XVIII в. было смешанным — славяно-германским. Импорт пассионарности повлек за собой слияние этих этносов, подобно тому, что произошло в Англии в XI–XIII вв. Таким образом, Бранденбург, ставший бранденбургско-прусским государством, по сравнению с западной Германией и Австрией отстал в этногенезе на одну фазу: когда кругом все «просвещались», пруссаки еще хотели воевать. Поэтому они выиграли войну за австрийское наследство, Семилетнюю войну, войну с Наполеоном I и, наконец, с Наполеоном III, после чего Пруссия встала во главе объединенной Германии, исключив из нее Австрию и Люксембург.

В конце XV в. произошли объединение Кастилии с Арагоном, завоевание испанцами Гранады и открытие Америки (1492 г.) и Индии (1498 г.). Силы испанских и португальских пассионариев нашли себе применение, и пассионарное напряжение на Пиренейском полуострове снизилось до оптимума. Это дало огромные преимущества Габсбургам, унаследовавшим испанскую корону. Весь XVI век испанская пехота шла от победы к победе, испанское золото решало сложнейшие вопросы дипломатии, а испанский флот господствовал на морях. Блеск победы над турками при Лепанто (1571 г.) скрасил горечь проигрыша войны, тем более, что расплачивалась за поражения Венеция. Но гибель Непобедимой Армады (1585) и отпадение Голландии (1581) показали, что силы Испании не растут, а убывают. В XVII в. Испания терпит поражение за поражением. В ней не хватает людей ни для пополнения армии и флота, ни для нужд промышленности, ни для защиты американских владений от английских и французских корсаров. И не то чтобы в Испании наступила депопуляция, а просто испанцы стали хуже сражаться и меньше работать. В 1648 г. по Вестфальскому миру испанцы смирились с утратой гегемонии в Европе, перешедшей к Франции и на морях доставшейся Голландии. Но господство голландцев было непродолжительным, так как выступила Англия. И тогда началась ее новая, Столетняя война с Францией, закончившаяся битвой (1815) при Ватерлоо, после которой пальма первенства в Западной Европе перешла к Англии.

Эту фазу этнического развития прошли все этносы, известные науке,

за исключением погибших в предыдущих фазах. В Европе эта фаза совпала с эпохой Реформации, великих открытий, Возрождения и Контрреформации. В Риме это было время завоеваний Мария, Суллы Помпея и Цезаря, а также гражданских войн. В Византии аналогичный творческий и тяжелый период — победы исаврийской династии и иконоборчество. В Арабском халифате этот возраст оказался роковым: Халифат распался, отделились Испания и Магриб, Мавераннахр (Средняя Азия) и Хорасан, появились псевдомусульмане: карматы, суфии и вторичные шииты — Буиды; отпал Египет, вокруг Багдада сражались за реальную власть негры-зинджи, скуластые турки и отчаянные дейлемиты. Арабам осталась только сфера культуры, но зато они в ней преуспели изрядно.

А в Китае...

В Древнем Китае — это эпоха семи «Воюющих царств». Для наглядности позволим себе иллюстративную аналогию: сопоставим Китай IV в. до н. э. с Европой XVI в. Аналогом воинственной и пропитанной мавританским духом Испании было царство Цинь, включившее в себя воинственные племена ди, обитавшие в лёссовых долинах Шэньси и джунглях Сычуани и подчинившее их жестокой дисциплине доктрины легизма, аналога иезуитского ордена. Франции соответствовала богатая, культурная и веселая страна Чу, прикрытая с севера голубой рекой Янцзы, а с юга — непроходимыми джунглями. Чу была самой опасной соперницей Цинь, противопоставляя жесткой солдатской системе очарование роскоши, искусства и свободы. Сердце Китая, территория бывшего царства Дзинь, наследницы империи Чжоу, распалось на три небольших царства: Хань, Вэй и Чжао; им соответствовала территория Германии, тоже раздробленная и тоже наследница — Священной Римской империи германской нации. Восточное царство Ци, расположенное в Шаньдуне, легко сопоставить с Англией, а заброшенное в Ляодун царство Янь — со Швецией или с Данией. Ситуации при такой расстановке сил были аналогичны: Испания, возглавив Контрреформацию, хотела подчинить себе всю Европу, но, к счастью для себя, успеха не имела. Цинь, со своей доктриной легизма, покорила в III в. до н. э. весь Китай... себе на беду.

Ну, представим на минуту, что такое же завоевание — Европы — удалось бы Филиппу II. Что было бы? Инквизиция по всей Европе; испанские гарнизоны в Париже, Женеве, Лондоне, Стокгольме, Венеции, на

что не хватило бы всех юношей Испании. Огромные расходы на армию и полицию, ибо надо было еще держать фронт против Турции; а это значит — изнуряющие налоги, вызывающие всеобщую народную ненависть. И при первом же удобном случае — всеобщее восстание народов, которые не щадили бы завоевателей. Этой судьбы Испания избежала, но именно это произошло с царством Цинь в 207 г. до н. э. Цинь уже не воскресла никогда, а обескровленный Китай было легко объединить первому же способному на то претенденту. Таковым оказался крестьянин Лю Бан, давший империи, построенной на руинах, наименование Хань. В сходных ситуациях могут быть разные результаты.

Средневековый Китай, возникший на развалинах древнего царства Цинь, как «Христианский мир» Западной Европы возник на руинах Древнего Рима, сложился как этническая целостность в VI в. ^[400] и достиг аналогичной фазы в XII–XIII вв. Его постигла иная участь: блестящая культура эпохи Сун при омерзительной администрации и деморализованном правительстве стала добычей иноземцев: тангутов, чжурчжэней и монголов. В отличие от Арабского халифата и арабоязычного мусульманского этноса Китай воскрес при династии Мин, но это уже иная фаза этногенеза.

Как видно из приведенных примеров, а все прочие им не противоречат, фазу надлома трудно считать «расцветом». Во всех известных случаях смысл явления заключается в растранижении богатств и славы, накопленных предками. И все же во всех учебниках, во всех обзорных работах, во всех многотомных «историях» искусства или литературы и во всех исторических романах потомки славят именно эту фазу, прекрасно зная, что рядом с Леонардо да Винчи свирепствовал Савонарола, а Бенвенуто Челлини сам застрелил из пушки изменника и вандала — коннетабля Бурбона.

Очевидно, впечатления от столь широкого диапазона поступков — от подвигов до преступлений — сильно воздействуют на исследователя или романиста, а каждому человеку свойственно помнить светлые полосы спектра и забывать темные пятна. Поэтому-то и называют эти жуткие эпохи «расцветом».

Жертвы расцвета

К началу XVI и в XVII в. процент пассионариев в Европе снизился, а процент субпассионариев возрос за счет истребления консервативной части

населения — гармонических персон, наиболее трудолюбивых и законопослушных. Система суперэтнуса потеряла устойчивость, ибо отдельные пассионарии легко могли нанять себе бродяг-солдат из числа субпассионариев. Это они и делали — то как проповедники: Лютер, Кальвин, Савонарола, Иоанн Лейденский; то как кондотьеры: Мориц Саксонский, Мансфельд, Валленштейн; то как короли, нарушающие законы королевства, — Генрих VIII Тюдор. Если раньше подобные попытки наталкивались на немедленное сопротивление других пассионариев, то когда их стало меньше, у каждого появился большой ареал, а следовательно, и возможность набрать инерцию. Поэтому столкновения эпохи Реформации и Контрреформации приобрели большой размах и стоили еще больших жертв. Единая система раскололась, и люди стали искать друзей, чтобы не попасть в лапы врагам. А так как обращаться за помощью к правителям было бессмысленно, то вступил в силу принцип комплиментарности: искали друзей искренних и платили им искренностью, ибо это была самая надежная страховка.

Да и как этим несчастным людям было не искать объединения для самозащиты, если герцог Гиз сжег сарай, где пели псалмы гугеноты, Жанна Наваррская бросила в подземную темницу католиков, ходивших к обедне, а английский король Генрих VIII приказал вешать на одной виселице католика за то, что тот чтит папу, и кальвиниста — за то, что он отрицает святость мессы! Циничные владыки были страшнее иноверцев, ибо к их услугам были палачи и доносчики без веры, чести и совести (субпассионарии).

Но и правители не могли обходиться без искренне верных слуг. Значит, они должны были примкнуть к одной из двух объединяющих идеологий: протестантизму или реформированному католицизму, ибо от традиционного католичества осталось только воспоминание. Так создались Католическая лига и Протестантская уния. Тридцатилетняя война которых стоила Германии трех четвертей населения. Другие страны пострадали меньше, но тоже изрядно. Но, увы, в этой фазе этногенеза гибли не только идейные или политические противники светских и духовных правителей.

В эпоху Возрождения человекоубийство было повседневным занятием обитателей Западной Европы, причем имело массовые масштабы. Объектом гонений здесь оказывались не столько мыслители, поэты, философы, хотя и им доставалось — сожжены были Мигель Сервет в Женеве и Джордано Бруно в Риме, сколько простые, безобидные люди с воображением. Их объявляли колдунами и ведьмами и безжалостно сжигали. И ведь вот что примечательно: еще в VIII–IX вв. учение о

колдовстве и порче в среде германцев считалось суеверием.^[401] Поэтому в законах лангобардских королей обвинение женщины в том, что она летала на помеле, рассматривалось как клевета, за которую наказывали доносчика — сажали его в тюрьму.^[402] При Карле Великом за такой донос полагалась даже смертная казнь.^[403] В IX в. на Соборе в Анквире шабаш был объявлен иллюзией доносчика,^[404] хотя некоторые епископы: Исидор Севильский, Рабан Мавр, Гинкмар Реймский — принимали учение о ламиях.^[405]

Это гуманное законодательство не было унаследовано от цивилизованного Рима, приближавшегося к фазе обскурации. Там колдунов либо высылали, либо казнили.^[406] Нет, это был здравый смысл пассионарных людей, строивших жизнь для своих потомков. Было бы нелепо, если бы они не позаботились о том, чтобы их внуки не стали жертвами оговоров и произвола.

Но почему в императорском Риме возникли гонения на колдунов? В республиканском, еще полудиком Риме колдовством не интересовались, а вот когда пришла волна роскошной цивилизации с завоеванного Востока, вместе с ней появилась и ненависть к интеллекту. Еврейские законоучители I в. предписывали истреблять колдунов (Талмуд),^[407] в середине II в. Апулей популяризовал психоз страха перед фессалийскими колдуньями. И гонения на гадателей развернулись уже к концу II в. одновременно с гонениями на христиан. В Риме эта эпоха совпадала с инерционной фазой этногенеза накануне перехода к обскурации. Европа опередила Рим. Процессы против ведьм начались в XV в.,^[408] причем несчастных женщин никто не обвинял в ереси и борьбе против церкви. Их сжигали за то, что они были не похожи на других.

Итак, в «темные годы» Средневековья беззащитные творческие люди, мечтатели и естествоиспытатели могли жить спокойно, во время войн они, конечно, страдали, но так же, как их сограждане. Но вот пришла эпоха гуманизма, эпоха религиозных и философских исканий, эпоха великих открытий... И что же? Наступил XVI век; Высокое Возрождение, Реформация и Вторая инквизиция, боровшаяся не с катарами — врагами церкви, а с беззащитными фантазерами и знатоками народной медицины. Тут католики и протестанты действовали единым фронтом. Как ни странно, больше всего сожжений за равный промежуток времени происходило не в Испании, а в Новой Англии. Это говорит о том, что причина казней лежала не в догмах веры, а в поведенческом сдвиге, вызванном снижением уровня пассионарного напряжения суперэтнической системы. Как только разовый переход совершился, казни колдунов стали представляться обывателям

анахронизмом. И так везде, где этнос проходил эту смену фаз.

Обличительный пафос обывателя обычно бесплоден, потому что он наталкивается на упорядоченное судопроизводство, при котором критическое отношение к доносам обязательно. Но инквизиторы Я. Шпренгер и Г. Инститорис сами были, судя по их поступкам, обывателями, облеченными чрезвычайными полномочиями. Они прекрасно знали, что обвинение знатной особы в колдовстве чревато неприятностями для них самих. Поэтому они хватали, мучили и сжигали беззащитных женщин, на которых доносили их соседи. Получался своего рода геноцид: гибли люди честные, гнушавшиеся доносом, и талантливые, вызывавшие зависть, а размножались морально нечистоплотные тупицы, породившие поколение европейского обывателя, характерное для XIX в. Это был процесс статистический и потому неотвратимый.

Раскол этнического поля

В конце Тридцатилетней войны (1618–1648) пришла усталость. Однако она не повлекла за собой объединения. За полтора века и протестанты, и католики отработали разные стереотипы поведения, совместить которые можно было лишь на основе терпимости. Последняя была провозглашена как принцип, но проводилась крайне непоследовательно. Только в XVIII в. были забыты старые счеты, и Европа опять обрела целостность, которая называлась не «Христианский», а «Цивилизованный мир». Но и это равновесие было достигнуто ценой снижения пассионарного напряжения суперэтноса, что прошло для самой Европы относительно безболезненно: пассионариев и субпассионариев (прежде всего бродяг-солдат) сплывили в заокеанские колонии.

Активную колониальную политику вели три католических и две протестантских страны: Испания, Португалия и Франция, Англия и Голландия. Для ясности условимся о терминах. Если из страны едут крестьяне, которые хотят своими руками работать на новой, захваченной ими земле, это — колонизация. Если едут солдаты, чиновники и купцы, стремящиеся получать доходы с подчиненной страны, это — колонизаторство.

Что хуже для местного населения — другой вопрос. Здесь-то и сказались последствия того раскола единого поля европейского суперэтноса, который проявился в религиозной войне протестантов с католиками. При колонизации Америки было замечено, что испанцы и

французы относительно легко вступали в контакты с индейскими племенами, хотя и не со всеми, тогда как англосаксы не умели наладить отношений, кроме чисто дипломатических (например, с ирокезами в XVII в.), и организовали охоту за скальпами, выдавая премии за убитого индейца. Попробуем предложить теоретическое решение.

Испанцы, французы и англичане — этносы, составляющие по сей день суперэтническую романо-германскую целостность. Но внутри этой целостности они весьма несхожи друг с другом по этнопсихологическим доминантам. Колонизация Америки совпала с Реформацией, т. е. полной перестройкой поведенческой структуры в фазе надлома суперэтнуса. Структура упростилась, и освободившаяся при этом энергия хлынула за границу западноевропейского геобиоценоза, внутри которого отдельные варианты культуры обособились друг от друга. Не только протестанты, но и католики после Тридентского Собора стали не похожи на своих предков, потому что Савонарола, Эней Сильвий Пикколомини, Игнатий Лойола сделали для этнокультурной деформации не меньше, чем Мартин Лютер или Жан Кальвин. Итак, обособление наций — естественный продукт этногенеза, но расхождение стереотипов поведения — неизбежное его следствие. Эти расхождения и определили разное отношение европейских колонистов к индейцам.

Испанцы видели в касиках племен местных дворян и при крещении давали им титул «дон». Вследствие этого в Мексике и Перу значительная часть индейцев ассимилировалась, французы в Канаде увлеклись индейским образом жизни и в XIX в. превратились в подобие индейского племени. Во время восстания Луи Риля метисы и индейцы действовали заодно. Англосаксы загнали индейцев в резервации, за исключением тех, кто согласился на американский образ жизни.

Объяснить отмеченные различия можно при помощи предложенной нами ранее (с. 355–356) концепции этнического поля. Если каждый суперэтнос — поле со свойственной ему частотой колебаний, то поля суперэтносов в этом отношении находятся в разной степени близости. Значит, можно полагать, что в ритмах полей «католических» этносов имелись «созвучия» с индейскими, а у тех, кто избрал протестантизм в Европе, их не оказалось. А ведь в XVI в. почти все нации Европы разделились на католиков и протестантов, причем каждый выбрал подходящий ему стереотип.

Проверим. Великорусы смешались с татарами и бурятами, в значительной степени воспринявшими русскую культуру, сами легко растворялись среди якутов, но угорские народы хранят свою самобытность,

несмотря на долгое, тесное и дружественное общение со славянами. Зато с индейцами на Аляске и в Калифорнии русские не поладили и не могли там закрепиться, несмотря на поддержку алеутов и эскимосов. И не случайно, что во время Тридцатилетней войны Россия поддержала Протестантскую унию против Католической лиги, принимала на службу протестантов-немцев и торговала с Голландией. А ведь католичество по догматике и обряду куда ближе православию, нежели лютеранство. Очевидно, этнический момент преобладал над идейным и здесь.

Протестанты, попавшие в Южную Африку, — голландцы, французские гугеноты и немцы — сложились в этнос, названный «бурры». Они были наиболее нетерпимы к аборигенам. Рабство в Трансваале было отменено только в 1901 г. А французы на Гаити обучили негров-рабов французскому языку и католической религии. Последнюю негритянские кюре интерпретировали на свой лад. В 1792 г., когда английский флот блокировал революционную Францию, негры подняли восстание против французских плантаторов, мотивируя свое отношение к ним так: «Бог пришел к белым, а белые убили Бога. Отомстим за Бога — убьем белых». И убили всех находившихся на острове французов.

И все-таки это не отчуждение, а форма идейного контакта на суперэтническом уровне. Ныне гаитянские негры восстановили у себя дагомейский культ Вуду — почитание змеи, но к мистериям допускаются только католики, в том числе и европейцы.

Исходя из описанных наблюдений» можно сделать вывод, что Реформация была не столько бунтом идей, сколько фазой надлома, т. е. промежуточной между акматической и инерционной фазами.

Надлом и его значение

Из всего сказанного вытекает, что фазы этногенеза различаются лишь степенью разнообразия, определяемой уровнем пассионарного напряжения. Субпассионарии, характерные для гомеостаза, есть всегда, но при появлении пассионариев в нескольких поколениях они теряют свое исключительное значение в сложившейся системе; их просто не замечают. При подъеме вырастают роль гармоничных людей, исправно несущих свои обязанности. И они не исчезают в акматической фазе, когда при пассионарном «перегреве» гибнут одна за другой самые пассионарные особи.

В период надлома вырастает значение субпассионариев,

формирующих кадры исполнителей во время гражданской войны. Затем, в инерционной фазе, снова увеличивается значение гармоничных особей, зато оно резко убывает в фазе обскурации, когда наряду с тихими субпассионариями, унаследованными этносом от своих субстратов, появляются буйные бродяги-солдаты — продукт отхода инерционной фазы. Эти ловко расправляются с гармоничными особями и упрощают систему вплоть до потери резистентности. Тогда они гибнут сами, а вслед за крушением этноса забывается его неповторимая культура и наступает гомеостаз. Эта этносоциальная закономерность прослеживается и на этногеографическом материале. Характеристики всех фаз совпадают.

Этнос при своем возникновении «подтесывает» вмещающий ландшафт под свои потребности и одновременно сам применяется к условиям ландшафта; короче, здесь действует принцип обратной связи, при котором природа страдает минимально. В акматической фазе, когда этническая система набухает энергией, наступает пора завоеваний и миграций, причем первые ограничены сопротивлением соседей, а вторые — еще и природными условиями. Природа страдает двояко. У себя дома пассионариям копать в земле скучно. Они предпочитают более трудные, но более увлекательные способы существования и процветания. Нажим цивилизации на природу сокращается, а так как с этими бурными периодами часто связан отрицательный прирост населения, то и хозяйство приходит в упадок, вследствие чего идет восстановление природных ландшафтов: лесов, степей и болот, а также поголовья диких животных.

Но зато страны, захватываемые пассионариями, страдают очень сильно. Жертвами завоеваний, как правило, становятся те этносы, в которых уровень пассионарного напряжения низок, что мешает им организовать эффективную оборону. Поэтому они сами и богатства их стран, в том числе произведения природы, становятся добычей победителей.

Достаточно вспомнить «золотые флоты» испанцев, перевозившие золото из Мексики и Перу, или серебряные рудники в Потоси (Боливия), ставшие могилой несчетного числа индейцев. А португальские плантации в Бразилии могут сравниться только с голландскими колониями на Яве, других Зондских островах. Погибли тысячи малайцев и африканских рабов, для того чтобы превратить роскошные рощи на холмах Португалии и луга Нидерландов в поместья негоциантов и вельмож, которые ради блеска не боялись риска и не жалели ни других, ни себя самих. Меховые компании Канады почти полностью истребили бобров, ныне спасаемых только в заповедниках, а в Восточной Африке охотники на слонов

истребляли целые стада ради того, чтобы вырученные за их бивни деньги проиграть на лондонской бирже. И в древности было то же. В Китае был истреблен носорог, в Хотане обобраны наземные месторождения нефрита. Но довольно примеров; посмотрим на дело с другой стороны.

Какую бы свирепость ни проявляли пассионарные завоеватели, природу портили они ограниченно. Брали они то, что лежало на поверхности, то, за что надо было драться, но не нужно было трудиться. Поэтому после их победоносных походов оставались восстановимые биоценозы и сильно потрепанные, но не истребленные племена индейцев, негров, полинезийцев и папуасов. А ведь при этом захватчики ежеминутно рисковали жизнью.

Итак, в ходе надлома уровень пассионарности этнических популяций в значительной мере снижался искусственно, причем никому не приходило в голову, что этими мероприятиями снижается мощь государства и степень резистентности этноса.

Мы уже видели, что в ряде случаев это влекло за собой губительные последствия, но романо-германской целостности Западной Европы повезло. Западная Европа — полуостров Евразийского континента. Море защищало ее с трех сторон. Опасность была только на юго-востоке, где турки, сломив Византию, повели в XVI–XVII вв. широкое наступление. Венгрия пала. На очереди были Италия и Германия. И тогда собой пожертвовала героическая Польша, самая отсталая^[409] из стран Западной Европы и потому сохранившая сравнительно большую дозу пассионарности. Гусары Яна Собесского спасли Вену в 1683 г. Пролив свою кровь за Германию, поляки подготовили раздел своей родины. Когда надлом в Германии кончился и наступила инерционная фаза с национальной консолидацией, Европа снова стала неуязвимой и агрессивной, но очень мало похожей на саму себя в предшествовавший период. Из «рыцарской» она превратилась в «торгашескую», и об этом стоит сказать особо. А пока вернемся к концепции К. Ясперса, вернее, к взглядам западноевропейских философов истории. Все они, начиная с Августина, видели в истории направление, цель и смысл. Все восточные мыслители усматривали в истории взлет и распад, иными словами, считали процессы самоцелью, а смысл полагали в личном совершенствовании, где история — только фон.

Различие, очевидно, не случайно. И, по нашему мнению, оно в том, что западники говорили о прогрессе созданий рук человеческих — техносфере, к которой следует причислить и философию, тоже продукт людской деятельности, а восточные мудрецы — о живой природе, частью

коей являются люди, а техника — фоном. Переведем это на научный язык: на Западе изучали социально-культурную историю, на Востоке — этническую историю, часто просто генеалогию. И нельзя говорить, что одно важнее другого. И то, и другое необходимо. Плохо только, когда методику социологии применяют к изучению природных явлений. Хорошо, что не бывает наоборот.

На этом можно было бы кончить спор с Ясперсом и другими телеологическими системами религии и прогресса. В этнических процессах участвуют два ведущих фактора: потеря инерции первоначального толчка — старение, и насильственное воздействие соседних этносов или других сил природы^[410] — смещение. Последнее всегда деформирует запрограммированный самой природой этногенез, но только в моменты фазовых переходов смещение может быть катастрофичным.

XXXIV. Фаза инерции

«Золотая осень» цивилизации

После пережитых потрясений люди хотят не успеха, а покоя. Они уже научились понимать, что индивидуальности, желающие проявиться во всей оригинальности, представляют для соседей наибольшую опасность. Однако избежать ее можно, если сменить общественный императив. Достаточно лишь измыслить или вообразить идеального носителя наилучшего стереотипа поведения, пусть даже никогда не существовавшего, и потребовать от всех, чтобы они ему подражали.

В Древнем Мире на этой основе был создан культ царя как бога. Начало этому мировосприятию положил еще Александр Македонский, которому египетские жрецы объяснили, что он сын бога Амона, которого эллины отождествляли с Зевсом. Александру это понравилось, но его полководцы категорически отказались принять такую версию, как оскорбительную для родителей Александра: Филиппа и Олимпиады.

Однако идея заглохла только на время. Она возродилась при преемниках диадохов и особенно в Риме после Августа. Правители стали требовать для себя тех почестей, которые полагалось воздавать богам. Это значило, что образ правителя, даже не его индивидуальные качества, а те, которые связаны с должностью, — обожествлялись. Тем самым они становились образцом для подражания, обязательным для всех подданных.

Римляне великолепно понимали, что на престол всходили негодяи, убийцы, лгуны, которые, как люди, заслуживали только удара кинжалом в живот, но принцип «божественности цезаря» они ставили обязательным условием благопристойности и лояльности к порядку. А память о кровавых веках надлома была столь ужасна, что любая гарантия порядка казалась желанной.

В Новое время — XVII–XIX вв. — аналогичный принцип нашел воплощение в образе «джентльмена», честного и воспитанного человека, которому полагалось подражать по мере сил. Уклонение от подражания осуждалось даже не законом, а общественным мнением. Этого давления было достаточно.

На Востоке часто предлагалось следовать примеру какого-либо почитаемого героя древности. От этого дело не менялось. Короче говоря, преследовались все проявления самобытности во имя посредственности,

которая становилась идеалом.

Однако процесс шел медленно. Для людей, не желавших отказаться от своей оригинальности, оставались сферы искусства и науки, казавшиеся безобидными. Поэтому те, кто в XVI в. хватался за шпагу, в XVIII в. сидели дома и писали трактаты, ценные — если автор был талантлив, и бессмысленные — если он был графоманом. А так как последних всегда больше, то создались огромные библиотеки, наполненные книгами, которые некому и незачем читать. И это называется «ростом культуры»!

Аналогичное положение сложилось на Дальнем Востоке, вступившем в инерционную фазу в X в. В Китае — это эпоха Сун, оставившая огромное количество предметов искусства, не столь гениальных, как те, которые уцелели от эпохи Тан, но еще более виртуозно выполненных. В Тибете монастыри наполнялись книгами, переведенными, а чаще переписанными с древних оригиналов.

Конечно, на этом фоне появлялись гении: мыслители, ученые, поэты, но их было не больше, чем в жестокую акматическую фазу. Зато они имели хороших учеников, а их концепции — резонанс. Например, «желтая вера» учителя Цзонхавы (1355–1418) интеллектуально обогатила не отдельные консорции или секты, а целые народы: монголов, ойратов и часть тибетцев. В Византии ту же роль играли афонские старцы XIV–XV вв., идеи которых, не принятые в деморализованном, обреченном Константинополе, нашли отзвук в Великороссии.

Но довольно примеров. Ясно, что инерционная фаза этногенеза — спад пассионарности этнической системы и интенсивное накопление материальных и культурных ценностей. Проверим наш вывод на нейтральном индикаторе — смене стереотипа поведения на уровне романо-германского суперэтнуса.

От мира «христианского» к миру «цивилизованному»

Было бы удивительно, если бы такое грандиозное явление, как смена стереотипа поведения в масштабах суперэтнуса, не было бы до сих пор ни замечено, ни описано. Нет, сделано и то и другое, хотя абсолютно с иных позиций, чем наши, и в иной системе понятий и терминов. Не беда! Термины иной системы отсчета всегда можно перевести в свою; прямые наблюдения от этого ценности не теряют.

Вернер Зомбарт написал «Этюды по истории духовного развития современного экономического человека», где поставил вопрос: каким

образом «докапиталистический человек», т. е. «естественный человек», превратился в обывателя, мещанина, пошляка, наблюдаемого ныне повсеместно? До появления капитализма, по Зомбарту — до XII–XIV вв., «исходной точкой хозяйственной деятельности является потребность в благах; сколько человек расходует, столько он и должен заприходовать».^[411] А больше накапливать может только дурак.

Однако есть два класса: богачи-сеньоры и масса народная. Но разница между ними не так уж велика. Сеньор, постоянно рискуя жизнью, получает много благ и тут же транжирит их на пышные охоты, пиры и прекрасных дам. Копить деньги незачем — все равно в ближайшей войне убьют, а если не в этой — то в следующей. Поэтому те дни, когда сеньор жив и здоров, он проводит в удовольствиях.

Крестьянин имеет столько земли, сколько ему нужно для прокорма себя и семьи. Ремесленник «обладает здравым смыслом, чтобы не работать больше того, сколько необходимо для зарабатывания на веселое житье». Такие люди, если бы они увидели Рокфеллера, сочли бы его безумцем.

Но средневековые европейцы не считали сумасшедшими обладателей шелковых платьев и золотых украшений. Сокровища они ценили и ради них не щадили жизни, ни своей, ни чужой. Но они ценили красивое золото, а не деньги, которыми они начали увлекаться только с XII в. Тогда возникает «страсть к прибыли», которая до этого наблюдалась только у евреев. Алчность овладела сначала католическим духовенством, потом горожанами и, наконец, целыми странами, но не в равной степени и в разных вариантах. Иногда она осуществлялась путем грабежа заморских стран, иногда — путем торговли, что было тоже рискованно; иной раз путь к богатству шел через «презренное ростовщичество», частью — через получение выгодных должностей и т. п. Но всегда руководящим стимулом деятельности было безотчетное стремление к обогащению, которого до этого времени почти не наблюдалось.

Можно было бы предположить, что алчность возникает при появлении возможности ее удовлетворять. Зомбарт отвергает тезис, по которому «капиталистический дух создается самим капитализмом». Он также не согласен с М. Вебером, что есть связь между протестантизмом и капитализмом. Взамен всего этого Зомбарт видит причину развития «капиталистического духа... в душевных предрасположениях, унаследованных от предков», т. е. в переводе на привычный нам научный язык, эти наклонности — наследуемый признак. Значит, существуют особые «буржуазные натуры», которые Зомбарт подразделяет на «предпринимательские» и «мещанские». Первые — отважные

авантюристы, основатели капитализма; вторые — унылые, умеренные и аккуратные клерки, заполняющие своей массой пустоту, образовавшуюся после гибели их предшественников.

Согласно Зомбарту, «предрасположение» к капитализму просматривается не только на уровне персоны или организма, но и на уровне этноса. Это убеждает его в биологической природе данного явления. К этносам «со слабым капиталистическим предрасположением» он относит кельтов и готов, ниже которых стоят только испанские иберы, которые «были чужды очарованию, оказываемому золотом почти на все народы».

Этносы, склонные к капитализму, разделены на два сорта: «народы героев» и «народы торгашей». К первым Зомбарт относит римлян, норманнов, лангобардов, саксов и франков, а тем самым англичан и французов, ко вторым — флорентийцев, шотландцев-лоулендеров и евреев, а также фризов, которые «в самую раннюю эпоху считались умными, ловкими торговыми людьми». Это последнее нужно Зомбарту для того, чтобы объяснить торгашество голландцев и шотландских лоулендеров, ибо есть предположение, что Нижняя Шотландия заселялась, между прочим, и фризами. Славян и греков он не рассматривает, очевидно, считая их, в отличие от евреев, неевропейскими народами. Это показывает, что в поле его зрения лежит не географический регион, а суперэтнос. Данная особенность делает его анализ интересным для нашей темы, ибо он описывает по сути дела фазу надлома как переход от акматической фазы к инерционной, но, считая народы (этносы) стабильными системами, подразделениями рас, вынужден объяснять торжество «мещанского духа» в Тоскане примесью этрусской «крови», хотя этруски исчезли в IV в. до н. э., а Флоренция стала мещанской в XV в. Уже этот пропуск в 2 тыс. лет настораживает и заставляет перейти к критике концепции.

Полагаю, что наблюдения Зомбарта верны, но интерпретация их неудовлетворительна. Иберы — древнейший пласт европейцев, находившийся уже в римское время в гомеостазе. Видя только конечную фазу этногенеза, нельзя судить о предшествующих. Потомки торговых этрусков — корсиканцы. Они давно потеряли навыки предков и еще в XIX в. предпочитали вендетту торговле. О кельтах мы писали выше. А вот перечисленные Зомбартом народы-торгаши все обладают одним общим признаком — высокой степенью метисации. Тоскана лежала к северу от Рима. Через нее прошли, только лишь после X в., швабы-гибеллины, анжуйцы-гвельфы, испанцы, французы, австрийцы. И все рассеяли свой генофонд по популяции тосканцев. Шотландский Лоуленд — зона контакта

между скоттами, англами, норманнами-викингами и баронами-французами, которых туда сажали английские и шотландские короли, ибо там была беспокойная граница. Низовья Рейна — область фризлов — тоже место этнического контакта германского, романского и кельтского населения. Только этот признак и является общим для всех «народов-торгащей», но его достаточно. Можно к их числу добавить южную Италию и Андалусию, что Зомбарт, видимо, просто упустил. Картина не изменится.

Разница между «сеньорами» и «предпринимателями» не так уж велика. Те и другие пассионарны, но в разных модусах. Первые тщеславны, вторые алчны, но эти различия несущественны. И что важно, те и другие резко отличны от мещан, клерков, подлинных носителей «капиталистического духа», который, на наш взгляд, является всего лишь оскудением первоначального творческого накала, всегда возникающего при пассионарном подъеме. «Мещане» осуждают «сеньоров» лишь потому, что хотели бы, но не могут быть такими же. Они последыши творческого взлета, от которого у них осталась только «страсть к наживе», т. е. это особи гармоничные и даже субпассионарные. Но из этого вытекает, что перед нами обычный энтропийный процесс, похожий на остывание горячего газа, превращение его в воду, а затем в лед (под коим можно понимать состояние гомеостаза, предел процесса любого этногенеза).

А теперь положим наблюдения Зомбарта на схему этногенеза, предложенную нами выше. В IX–XI вв., когда «капиталистического духа» в Европе еще не было, не было и активной этнической метисации. Люди жили мелкими этническими группами, оформившимися недавно и сохраняющими свою самобытность. То, что эти новорожденные этносы состояли из различных расовых компонентов, значения не имело, Стереотипы поведения у них были оригинальны. Задачи, стоявшие перед тем или иным этносом, были общими для каждого его члена. Пассионарность равно проявлялась во всех слоях населения, вследствие чего социальные состояния были текучи: трусливые феодалы гибли, а доблестные вилланы становились либо рыцарями, либо свободными горожанами.

В XIII–XV вв. наблюдается разделение. В монолитных этносах идет усложнение социальных систем, укрупнение в королевства, выброс излишних пассионариев в крестовые походы или в соседние страны (Столетняя война). А в зонах этнических контактов появляются и богатеют «торгаши». В акматической фазе, а еще больше в фазе надлома они живут за счет раздоров, пользуясь покровительством правителей. Но постепенно они набирают силу и производят второй переход — к инерционной фазе,

наиболее для них удобной. Эта фаза им так нравится, что для нее выдумали почетное название — «цивилизация» — состояние, по их мнению, бесконечное.

Как мы уже знаем, любое изменение агрегатного состояния среды требует большой затраты энергии, в нашем случае — пассионарности. Как всякая энергия, пассионарность действует при разности потенциалов. Эта разность может возникнуть либо за счет пассионарного толчка, явления природного, либо за счет тесного межэтнического контакта, где пассионарность одного этноса превышает пассионарность другого. Результаты будут разными: деструкция природных ландшафтов отмечена лишь во втором варианте, что было показано на ряде примеров.

Вместе с этим надо отметить, что деструкция в антропогенных ландшафтах отнюдь не правило, а печальное исключение, к счастью, довольно редкое. Ведь если бы было иначе, то за 50 тыс. лет существования неантропа все геобиоценозы были бы уничтожены и сам человек погиб бы от голода на обеспопугенной Земле. Следовательно, надо признать, что воздействие человека на биосферу идет в двух противоположных направлениях — жизнеутверждающем и жизнеотрицающем.

В XVI–XVIII вв. «остывание» романо-германского суперэтноса идет быстро. Пассионарии уезжают в колонии и либо гибнут там, либо возвращаются больными. Особи гармоничные упорно работают дома, на своих полях, в мастерских, канцеляриях, университетских аудиториях. Им некогда бороться за преимущества, практически для них обременительные. И тут-то место, освобожденное пассионариями, занимают «торгаши» — флорентийские менялы, услужливые дипломаты, интриганы, авантюристы. Они местному этносу чужды, но именно потому крайне удобны для венценосцев, особенно тогда, когда у них вообще нет родины.

И вдруг им на благо Уатт строит паровую машину, и за этим следуют самые разнообразные технические усовершенствования. Города укрупняются, становятся полиэтническими. Человек начинает жить без связи со своим этносом, иногда поддерживая с ним только далекий контакт. Тут-то и проявился «капиталистический дух» европейца, так хорошо описанный и оплеванный Зомбартом.

Но почему это так легко удалось? Только потому, что, говоря фигурально, «вода остыла и замерзает». Вот когда она замерзнет вся, т. е. когда наступит фаза обскурации, торгошники — бактерии, пожирающие внутренности этноса, погибнут, а от этноса еще может остаться реликт.

Цивилизация и природа

Предложенное здесь понимание этногенеза было бы субъективным, если бы у нас не было шкалы для сравнения. Но она есть — это история антропогенных ландшафтов, т. е. история взаимодействия техники и природы через механизм, называемый «этнос». В описываемой фазе отношение людей к окружающей их природной среде резко меняется, опять-таки за счет снижения пассионарного напряжения этнических систем.

Как бы ни свирепствовали пассионарии, но в отношении кормящей нас природы торжествующий обыватель — явление куда более губительное. В этой фазе риск никому не нужен, ибо необходимые победы одержаны и начинается расправа над беззащитными. А что беззащитнее благодатной биосферы?

Объявлено, что «человек — царь природы», и он стал брать с нее дань спокойно и планомерно. Хлопковые плантации покрыли некогда зеленые холмы Диксиленда (южные штаты США) и через известное, довольно короткое время превратили их в песчаные дюны. Прерии распаханы, урожаи огромны; вот только нет-нет да и налетают пылевые бури, губящие сады и посевы восточных штатов вплоть до Атлантики. Промышленность развивается и приносит громадные прибыли, а Рейн, Сена и Висла превратились в сточные каналы.

Это сейчас, но ведь и раньше было то же самое. За 15 тыс. лет до н. э. на Земле не было пустынь, а теперь куда ни глянь — пустыня. Мы уже показали, что не набеги тюркских и монгольских богатырей превратили в песчаные барханы берега Эцзин-гола, Хотандарьи и озера Лоб-нор. Это сделали планомерные работы земледельцев, думающих об урожае этого года, но не дальше. Такие же трудящиеся крестьяне взрыхлили почву Сахары и позволяли самумам развеять ее. Они же засоряют окрестность своих поселков промышленными отходами и бутылками, а ядовитые химикалии спускают в реки. Никакие пассионарии до такого не додумались бы никогда, а гармоничным людям ничего невозможно объяснить. Да и стоит ли? Ведь это — не последняя фаза этногенеза.

И точно так же ведут себя этносы, имеющие за плечами огромный пласт накопленной предками культуры. Любые технические достижения сами по себе, без участия людей не влекут за собой прогрессивного развития, хотя могут разрушаться от постоянного воздействия губительного времени. Египет Древнего царства и Шумер имели более

высокую культуру земледелия, нежели Египет Нового царства и Ассирия, покорившая Месопотамию. Видимо, дело не в вещах, а в людях, вернее, в запасе их творческой энергии — пассионарности. Поэтому технику и искусство можно рассматривать как индикаторы этнических процессов, своего рода кристаллизацию пассионарности минувших поколений.

Но, может быть, мы злоупотребили политической историей в географическом трактате? Ведь принято считать, что история и природоведение столь далеки друг от друга, что сопоставления их неоправданны. Джон Стюарт Коллинс в книге «Всепобеждающее дерево» пишет: «Святой Павел был прав, призывая гнев Божий на головы жителей Антиохии. Правы были и другие пророки, проклинаящие города. Но, поступая правильно, они руководствовались ложными мотивами. Суть греха была не в его моральной стороне, он относился не к теологии, а к экологии. Чрезмерная гордыня и роскошь не навлекли бы кары на людей; зеленые поля продолжали бы плодоносить, а прозрачные воды нести прохладу; какой бы степени ни достигли безнравственность и беззаконие, высокие башни не зашатались бы, а крепкие стены не обрушились бы. Но люди предали Землю, данную им Богом для жизни; они согрешили против законов земных, разорили леса и дали простор водной стихии — вот почему нет им прощения, и все их творения поглотил песок».^[412]

Блестяще, но неверно! Безнравственность и беззаконие в городах — прелюдия расправы над лесами и полями, ибо причина того и другого — снижение уровня пассионарности этносоциальной системы. При предшествовавшем повышении пассионарности характерной чертой была суровость и к себе, и к соседям. При снижении — характерно «человеколюбие», прощение слабостей, потом небрежение к долгу, потом преступления. А привычка к последним ведет к перенесению «права на безобразия» с людей на ландшафты. Уровень нравственности этноса — такое же явление природного процесса этногенеза, как и хищническое истребление живой природы. Благодаря тому, что мы уловили эту связь, мы смогли бы написать историю антропогенного, т. е. деформированного человеком ландшафта, ибо скудость прямых характеристик природопользования у древних авторов может быть восполнена описаниями нравственного уровня и политических коллизий изучаемой эпохи. Именно динамика описанной взаимосвязи — предмет этнологии, науки о месте человека в биосфере.

По сути дела мы описали проявление микромутации, которую можно охарактеризовать как восстановление равновесия, нарушенного пассионарным толчком. Последний отражается на природе региона не

менее, чем на людях, его населяющих. Избыток энергии ведет к появлению новых потребностей, а следовательно, и к перестройке вмещающего ландшафта. Примеры этого были приведены выше; нам сейчас необходимо обобщить их и определить их направление.

Как правило, для первой фазы характерно стремление к благоустройству. Люди, живущие в начальных фазах этногенеза, не представляют себе, что и их систему ждет конец; а если такая идея кому-либо и взбредет в голову, то его никто не захочет слушать. Поэтому всегда существует стремление строить навечно, не жалея сил. Богатства природы еще представляются неограниченными, и задача заключается в том, чтобы наладить их беспрепятственное получение. Иногда это ведет к хищничеству, нестрогий порядок, устанавливаемый и поддерживаемый, ограничивает инициативу частных лиц. Ведь если бы английские короли и их шерифы не ввели жестоких законов против браконьеров, которых в Средние века называли «Робин Гудами», то ныне в Англии не осталось бы не только ни одного оленя, но, скорее всего, ни одного несрубленного дерева и невытоптанной лужайки. Пожалуй, целесообразнее восхищаться не героями английских народных баллад, а их врагами, хотя те и другие были носителями растущей пассионарности, которой, увы, были лишены убиваемые звери. Для последних благом была Столетняя война, которая унесла много человеческих жизней, но отдалила гибель природы Старой Англии и Прекрасной Франции.

Подобные коллизии возникали неоднократно, но не были катастрофичны, так как природа меняется подчас быстрее, чем история.

Как уже говорилось, процесс обскурации Западной Европы был прерван пассионарным толчком IX в., но раны, нанесенные за это время биосфере, не затянулись. В Галлии и Британии благодаря повышенной влажности восстановились леса и луга; в Италии и Андалусии были выращены лимонные и апельсиновые рощи, но в сухой Северной Африке воцарилась пустыня. Если во II в. римская конница получала лошадей из несметных табунов, пасшихся на южных отрогах Атласа, то уже в VIII в. арабы стали разводить там верблюдов. Изменений климатических условий здесь не было, ибо это — зона устойчивого антициклона — затропического максимума. Но в данных природных условиях восстановить тонкий слой гумуса за несколько веков невозможно. Римляне со II в. до н. э. до IV в. н. э. планомерно оттесняли на юг нумидийцев — предков туарегов. Те отходили вместе со стадами, которые постепенно превращали сухие степи в каменистую пустыню Сахару. А на восточной окраине континента роль римлян выполнили китайцы, оттеснившие на север хуннов и превратившие

лесистые склоны Иньшаня в окраину каменистой пустыни Гоби, а степи Ордоса — в цепи песчаных барханов. Правда, здесь с антропогенными процессами совмещены вариации климата, связанные с гетерохронностью повышенного увлажнения аридной и гумидной зон,^[413] но на этот феномен легко взять поправку, чтобы убедиться, что вывода она не меняет.^[414]

Напрашивается предположение, что природные процессы: засухи или наводнения — столь же губительны для природы региона, как и деятельность человека, вооруженного техникой своего времени. Но это не так! Природные процессы создают обратимые изменения. Например, неоднократная аридизация Великой степи в Евразии вызывала перемещение сухих степей и полупустынь на север и на юг от каменистой Гоби. Но последующая гумидизация вела к обратному процессу: пустыни зарастали степными травами, а леса надвигались на степи. А параллельно восстанавливались антропоценозы — кочевники вместе с овцами передвигались «за травой и водой».

Однако этногенезы — природные процессы, следовательно, сами по себе они не должны создавать необратимых изменений в биосфере, а если они их создают, то, очевидно, здесь сопричастствует еще некий фактор. Какой? Разберемся.

В Великой степи за исторический период этногенез начинался трижды: в V–IV вв. до н. э. им были затронуты хунны;^[415] в V–VI вв. н. э. — тюрки и уйгуры;^[416] в XII в. — монголы,^[417] а рядом, в сунгарийской тайге, — маньчжуры.^[418] Все эти обновляемые этносы были потомками абorigенов, своих предшественников. Избыточную пассионарность они тратили не на изменение природы, ибо они любили свою страну, а на создание оригинальных политических систем: хуннской родовой державы, тюркского «Вечного Эля», Монгольского улуса, и на походы против Китая или Ирана. В этом аспекте кочевники были похожи на византийцев. И не случайно, что те и другие котируются с позиции европоцентризма как «второстепенные» или «неполноценные», хотя, например, необходимости охранять окружающую среду европейцам и китайцам следовало бы поучиться у тюрков и монголов.

Но самое плохое в фазе цивилизации — это стимуляция противоестественных миграций, а точнее — переселений целых популяций из натуральных ландшафтов в антропогенные, т. е. в города. Хотя каждый город независимо от величины существует за счет природных ресурсов, он накапливает столь большую техническую базу, что в нем могут жить пришельцы из совсем непохожих стран. В урбанистическом ландшафте они

способны прокормиться хотя бы благодаря эксплуатации аборигенов, создавших и поддерживающих этот искусственный ландшафт. И самым трагичным в этой коллизии является то, что мигранты вступают с аборигенами в обратную связь. Они начинают их поучать, вносить технические усовершенствования, годные для родных ландшафтов мигрантов, но не для тех стран, куда они их механически переносят. Иногда такое прожектерство поправимо, а иной раз цветущие страны превращаются даже не в пустыни, а в плохие земли (бэдленды), где губительные воздействия техники необратимы.

Такая судьба постигла двуречье Тигра и Евфрата вследствие превратностей исторической судьбы. Здесь шумеры превратили болото в «Эдем», а семиты-аккадийцы построили город, называвшийся «Врата Бога» (Баб-элои), — Вавилон. Почему же теперь на его месте только развалины?

Кто разрушил Вавилон?

Кажется невероятным, чтобы город, бывший в течение полутора тысяч лет культурной и экономической столицей Ближнего Востока, погиб без каких-нибудь основательных поводов. Так каковы же они и в чем механизм их губительного действия? В литературе ответа на этот вопрос нет.

Этот великий город был основан амореями в XIX в. до н. э. и завоеван ассирийцами в VII в. до н. э. Завоевание было кровавым, восстания подавлялись жестоко. В войну вмешались соседи: эламиты и халдеи — одно из племен Восточной Аравии. Халдеи разгромили Ассирию в 612 г. до н. э. и стали хозяевами Вавилона, население которого достигало миллиона, но включало очень мало потомков древних вавилонян.^[419] Однако культура и экономика города пережили своих создателей, и систему с новым этническим наполнением продолжала функционировать. Несмотря на все кровопускания, устойчивый антропогенный ландшафт не был нарушен до VI в. до н. э.

Хозяйство Вавилонии базировалось на системе ирригации междуречья Тигра и Евфрата, причем избыточные воды сбрасывались в море через Тигр. Это было разумно, так как воды Евфрата и Тигра во время половодий несут много взвеси с Армянского нагорья, а засорение плодородной почвы гравием и песком нецелесообразно. Но в 582 г. до н. э. Навуходоносор скрепил мир с Египтом женитьбой на царевне Нитокрис, впоследствии перешедшей к его преемнику Набониду. Вместе с царевной в Вавилон

прибыла ее свита из образованных египтян. Нитокрис предложила своему мужу, очевидно, не без консультации со своими приближенными, построить новый канал и увеличить орошаемую площадь. Царь-халдей принял проект царицы-египтянки, и в 60-х годах VI в. до н. э. был сооружен канал Паллукат, начинавшийся выше Вавилона и оросивший крупные массивы земель за пределами речных пойм.^[420] Что же из этого вышло?

Евфрат стал течь медленнее, и аллювий оседал в оросительных каналах. Это увеличило трудовые затраты на поддержание оросительной сети в прежнем состоянии. Вода из Паллуката, проходившего через сухие территории, вызвала засоление почв. Земледелие перестало быть рентабельным, но процесс этот тянулся долго. В 324 г. до н. э. Вавилон еще был столь крупным городом, что романтический Александр Великий хотел сделать его столицей. Но более трезвый Селевк Никатор, овладевший Вавилоном в 312 г. до н. э., предпочел Селевкию — на Тигре и Антиохию — на Оронте. Вавилон пустел и в 129 г. до н. э. стал добычей парфян. К началу н. э. от него остались руины, в которых ютилось небольшое поселение иудеев. Потом исчезло и оно.^[421]

Но неужели только одна капризная царица могла погубить огромный город и процветающую страну? Очевидно, ее роль была не решающей. Ведь если бы царем в Вавилоне был местный житель, то он бы либо понял сам, какие губительные последствия несет непродуманная мелиорация, либо посоветовался с земляками, а уже среди тех нашлись бы толковые люди. Но царь был халдеем, его войско составляли арабы, советниками были евреи, и все они даже не задумывались над вопросами географии покоренной и обескровленной страны. Египетские же инженеры перенесли свои приемы мелиорации с Нила на Евфрат механически. Ведь Нил в половодье несет плодородный ил, а песок ливийской пустыни дренирует любое количество воды, так что в Египте опасности засоления почв нет. Самое опасное — это даже не ошибка, а отсутствие постановки вопроса там, где его необходимо поставить. Жителям Вавилона, сменившим убитых и разогнанных вавилонян, все казалось столь ясным, что и думать-то не хотелось. Но последствия очередной «победы над природой» погубили их потомков, которые тоже не сооружали город, а просто поселились в нем. В этом-то и есть разница между «географией населения» и этнологией. В первой фигурирует голая статистика, а во второй — проблема взаимоотношения этноса с ландшафтом в разных фазах этногенеза.

Исправить последствия мелиорации в Двуречье не удалось потомкам.

Арабы в VII–IX вв. располагали огромными источниками дешевой рабочей силы. Они получали негров-рабов из Занзибара, отчего тех называли «зинджи». Их стали заставлять собирать кристаллы соли вокруг развалин Вавилона в корзины и увозить. Идея улучшить таким образом почву была неосуществимой, так как мелкие кристаллики простому глазу не видны. А работа была жуткая, прямо убийственная. Под палящим солнцем, с изъеденными солью ладонями, без надежды на отдых!

Отчаявшиеся негры подняли восстание. Длилось оно с 869 по 892 г. и кончилось, как и надо было ожидать, гибелью всех этих несчастных людей. Но мало этого: пожертвовав своей жизнью, уже не радовавшей их, зинджи погубили Багдадский халифат, ибо от Багдада отпали наместники Египта и Хорасана, разбойник Якут Саффар подошел к стенам столицы, а сектанты Бахрейна — карматы добились независимости. Все это произошло потому, что все силы халифа были брошены на зинджей, а все средства употреблены на наем туркмен для пополнения редееющей армии.

Эти воинственные степняки, увидев, что они — единственная реальная сила в Багдаде, стали менять халифов по своему усмотрению и силой подавлять возмущения своих работодателей — арабов. Выгнать их удалось только с помощью горцев — бундов, шиитов, врагов всего арабского, превративших халифа в марионетку.

Вот какова была цена второй попытки мелиорации, непродуманной и столь же легкомысленной, как и первая.

Нет, не следует думать, что любая мелиорация почв губительна. Она становится таковой лишь тогда, когда она не продумана, местность не изучена и последствия не учтены. А это в древности бывало тогда, когда за дело брались люди чужие, пришлые. Им было некогда изучать, надо было сразу действовать... и вот результаты! Иначе действуют люди, принадлежащие к этносу, который составляет часть вмещающего ландшафта, они при его перестройке работают, не вступая в противоречие с ходом природных процессов. Тем самым создается устойчивый биоценоз, где для растений, животных и людей находятся свои экологические ниши. Обычно создание такой этноландшафтной системы приурочено к начальной фазе этногенеза, ибо этногенезы — природные процессы, вписывающиеся в естественное формирование ландшафтной оболочки Земли.

Что такое «упадок культуры»?

То, что мы обратили внимание на эпохи жестокие, мрачные и бедные остатками предметов искусства — не случайно. Эпохи красочные, богатые шедеврами описаны многократно, и повторять их описания нет смысла. Целесообразнее было выяснить, почему светлые периоды истории культуры сменяются темными.

Мыслящие люди Средневековья искренне считали, что живут в эпоху упадка, выразившегося в постоянной потере наследства античности: Римской империи и апостольского христианства. Только в XV в. это ощущение исчезло, вследствие чего этот век назвали Возрождением.

Любопытно, что таких же мнений держались китайцы, оплакивавшие культуру эпохи Хань,^[422] персы, воспевавшие свою историю,^[423] бедуины Аравии — противопоставлявшие ортодоксальному исламу учения библейских пророков: Адама, Ноя, Моисея и причисленных к ним царей Давида и Соломона. Все они не имели представления об истории, а просто вкладывали свои мысли в уста исторических персонажей, чтобы придать этим часто бредовым идеям убедительность, ради чего они иногда жертвовали авторским приоритетом. Так могуч был их протест против окружающей их действительности, и в самом деле мрачной и удручающей.

Спорить о правоте этих суждений не стоит. Они коренились в ощущении эпохи, которое само по себе факт, а если оно глобально, то факт исторический. А коль скоро так, то в нем можно и следует разобраться научно.

Прежде всего следует поставить перед собой вопрос: упадок (как и подъем) чего? В этнических процессах и в истории культуры есть подъемы и спады, но они не совпадают друг с другом по фазам. И это не случайно. Пассионарный взрыв, инициирующий процесс этногенеза, как правило, губителен для предшествовавшей культуры. Древние христиане разбивали шедевры античной скульптуры; готы, вандалы и франки сжигали города с великолепными памятниками архитектуры; арабы уничтожали библиотеки в Александрии и Ктесифоне, заштукатурили фрески соборов Карфагена и Кордовы. Искусство понесло страшные, невосполнимые потери, но это нельзя назвать упадком, ибо творческий импульс как таковой уважался, а менялась только культурная доминанта.

И наоборот, классическая эпоха упадка — Римская империя II–IV вв. — характеризуется увеличением производства статуй и фресок, строительством храмов и театров, сооружением триумфальных арок и митреумов. Однако здесь характерно снижение эстетических норм, как мы сказали бы — качества. Изображения императоров трафаретны, бюсты матрон невыразительны, ибо те и другие — дань требованиям приличия,

как оно тогда понималось. Еще хуже с архитектурой: чтобы вовремя построить Триумфальную арку Константину — разобрали арку Траяна. Это уже не ремесло, а просто халтура. Римские многоквартирные дома строились так скверно, что часто обрушивались, погребая под руинами жильцов. Рим перестал творчески жить еще до готского и вандальского погромов. Поэтому Вечный город тогда и не защищали его обитатели.

Но так ли это? Ведь даже в те жестокие века жили авторы бессмертных творений: Лукиан Самосатский, Аммиан Марцеллин, Сидоний Аполлинарий, не говоря уже о плеяде христианских философов и близких по духу к христианам неоплатоников.

Да, это так, но вспомним, что чем позднее жил автор, тем меньше было у него читателей. На духовное одиночество горько жалуется Сидоний Аполлинарий. Одинокими и покинутыми жили философы Прокл и Ипатия. Последнюю ученики даже не защитили от александрийской черни. Можно найти отдельные фрагменты поздних статуй, выполненных на высоком уровне, но число их, сравнительно с ремесленными, ничтожно. Это снижение вкуса и подмена стиля эклектикой и есть подлинный упадок искусства. А совмещен он с катастрофическими разрушениями или нет — это детали исторических процессов и этнических миграций.

Так — повсюду. В Византии IV в. поэт Иоанн Златоуст выступает как соперник всемогущей императрицы, а после смерти почитается как святой. А в XI в. все влияние сосредоточено в руках синклита (высших чиновников), интригами губящего героев — защитников родины. Поэтов же нет вовсе.

В Арабском халифате ученых уважали и памятники архитектуры не разрушали, но шуубийя — творческое толкование Корана — уступила место догматическому начетничеству. Аналогичным образом расправилась с интеллектуальным разнообразием династия Сун в Китае, где были запрещены все религии, а разрешено только конфуцианство. Очевидно, упадок культуры — процесс повсеместный.

Теперь можно перейти к обобщению.

В фазе этнической инерции способность к расширению ареала снижается, и наступает пора воздействий на ландшафты собственной страны. Растет техносфера, т. е. количество нужных и ненужных зданий, изделий, памятников, утвари — разумеется, за счет природных ресурсов. Часть таких изменений — относительно безвредные искажения природы: арыки, поля монокультур, огромные стада рогатого скота. Оставленные без внимания, они возвращаются в естественные геобиоценозы. Но там, где природные материалы заключены в оковы строгих форм, саморазвитие

прекращается, заменяясь медленным, но неуклонным разрушением, которое часто бывает необратимым. Такие руины нужны только археологам. Они исследуют следы не растущих, а гаснущих этносов, оставивших векам черепки посуды из обожженной глины, фрагменты вавилонских табличек с клинописью, пирамиды и баальбекскую платформу, руины средневековых замков и храмов древних майя в джунглях Юкатана. Биосфера, способная прокормить людей, не в состоянии насытить их стремление покрыть поверхность планеты хламом, выведенным из цикла конверсии биоценозов. В этой фазе этнос, как Антей, теряет связь с почвой, т. е. с жизнью, и наступает неизбежный упадок. Облик этого упадка обманчив. На него надета маска благополучия и процветания, которые современникам представляются вечными, потому что они тешат себя иллюзией о неисчерпаемости природных богатств. Но это — утешительный самообман, рассеивающийся после того, как наступает последний, и на этот раз роковой фазовый переход.

Последняя фаза этногенеза деструктивна. Члены этноса, неспособные по закону необратимости эволюции вернуться к контакту с биосферой, переходят к хищничеству, но оно их не спасает. Идет демографический спад, после которого остаются периферийные субэтноты, минимально связанные с главной линией этногенеза. Они либо прозябают как реликты, либо создают новые этносы с иными поведенческими доминантами. Тогда процесс возобновляется, конечно, лишь в том случае, если происходит очередной пассионарный толчок.

XXXV. Фаза обскурации

«Сумерки» этноса

Отличительной чертой «цивилизации» является сокращение активного элемента и полное довольство эмоционально пассивного и трудолюбивого населения. Однако нельзя опускать третий вариант — наличие людей и нетворческих, и нетрудолюбивых, эмоционально и умственно неполноценных, но обладающих повышенными требованиями к жизни. В героические эпохи роста и самопроявлений эти особи имеют мало шансов выжить. Они плохие солдаты, никакие рабочие, а путь преступности в строгие времена быстро приводил на эшафот. Но в мягкое время цивилизации при общем материальном изобилии для всех есть лишний кусок хлеба и женщина. «Жизнелюбы» (да простится автору неологизм) начинают размножаться без ограничений и, поскольку они являются особями нового склада, создают свой императив: «Будь таким, как мы», т. е. не стремись ни к чему такому, чего нельзя было бы съесть или выпить. Всякий рост становится явлением одиозным, трудолюбие подвергается осмеянию, интеллектуальные радости вызывают ярость. В искусстве идет снижение стиля, в науке оригинальные работы вытесняются компиляциями, в общественной жизни узаконивается коррупция, в армии солдаты держат в покорности офицеров и полководцев, угрожая им мятежами. Все продажно, никому нельзя верить, ни на кого нельзя положиться, и для того чтобы властвовать, правитель должен применять тактику разбойничьего атамана: подозревать, отслеживать и убивать своих соратников.

Порядок, устанавливающийся в этой фазе, которую правильнее всего назвать «обскурацией», никак нельзя считать демократическим. Здесь господствуют, как и в предшествовавших стадиях, группы, только принцип отбора иной, негативный. Ценятся не способности, а их отсутствие, не образование, а невежество, не стойкость в мнениях, а беспринципность. Далеко не каждый обыватель способен удовлетворить этим требованиям, и поэтому большинство народа оказывается, с точки зрения нового императива, неполноценным и, следовательно, неравноправным. Но тут приходит возмездие: жизнелюбы умеют только паразитировать на жирном теле объевшегося за время «цивилизации» народа. Сами они не могут ни создать, ни сохранить. Они разъедают тело народа, как клетки раковой

опухоли организм человека, но, победив, т. е. умертвив соперника, они гибнут сами.

В самом деле, даже для сохранения семьи и воспитания детей нужны совсем иные качества, нежели те, которые столь тщательно культивировались; в противном случае дети расправятся с родителями, как только это будет им удобно. Итак, после наступления торжества обскурации носители ее исчезают, как дым, и остаются уцелевшие от всех передраг потомки первоначальных носителей статического состояния, которые на руинах вновь начинают учить своих детей жить тихо, избегая конфликтов с соседями и друг с другом. Анатомически и физиологически они полноценные люди, приспособившиеся к ландшафту, но пассионарного напряжения у них столь мало, что процесс развития этносов не идет. Даже когда среди них случайно рождается пассионарная особь, она ищет себе применения не на родине, а у соседей (например, албанцы делали карьеру либо в Венеции, либо в Константинополе). Тут возникают две возможности: либо оставшиеся в живых влачат жалкое существование как реликтовый этнос, либо они попадают в горнило переплавки и при некоторых благоприятных условиях из нескольких обломков выплавляется новый этнос, лишь смутно помнящий о своем происхождении, ибо для него куда важнее дата его нового рождения. И снова процесс проходит те же стадии, если его случайно не прервет постороннее воздействие.

Наглядных примеров для того, чтобы иллюстрировать фазу обскурации, меньше, чем для прочих стадий. Народы Европы, как Западной, так и Восточной, не настолько стары, чтобы впасть в состояние маразма. Поэтому нам следует обратиться за примерами к древности.

От расцвета к упадку

Начнем с наиболее ясного — Средиземноморья в IV в. до н. э. Именно тогда захлебнулась агрессия воинственных кельтов, за столетие перед этим захвативших земли в Испании и Италии и нанесших тяжелый урон растущей культуре этрусков. В этот же век расцвела военная и экономическая мощь Карфагена и оформилась сложная государственная система освободившегося от этрусского ига Рима. Но главную роль играли эллины, уже прожившие свой блестящий век и превратившиеся из мозаичного этноса в суперэтнос.

Эллинский суперэтнос, включивший в себя Македонию, распространился на восток — до Индии, на запад — до Испании (Сагунт) и

Галлии (Массилия), подавив соперничавшие с ним пунийский и этрусский этносы — Карфаген и Этрурию. Хотя оба последние сохранили самостоятельность, но гегемонию на море утратили. Однако отлив пассионарного элемента на окраины, наряду с пережитыми в недавнее время войнами (Пелопоннесской, Фиванской и Македонской), сделали Элладу менее резистентной, что видно из того, что инициативу Афин и Спарты стали перехватывать полудикие горцы Эпира, Этолии и скромные крестьяне Ахайи. Не то чтобы они набрали особую мощь, но при изоляции бывших центров пассионарности их сила оказалась достаточной для того, чтобы они вступили в борьбу за гегемонию с надеждой на успех. Тот же процесс, происходивший в Италии, вознес разбойничью республику на семи холмах, превратившихся в Вечный город. И тут уместно привести одно важное наблюдение. Главные соперники римлян — самниты, не уступавшие им в храбрости, имели обычай поставлять своих юношей в наемные солдаты то в Карфаген, то в эллинские города: Тарент, Сиракузы и проч. Естественно, что большая часть уходивших в поисках приключений и богатства гибли, а если возвращались, то уже измотанными. Римляне, наоборот, держали свою молодежь дома, хотя она доставляла им немало хлопот. Таким образом они сохраняли пассионарный фонд и воспользовались им в войнах с Пирром и Ганнибалом, что дало Риму власть над Средиземноморьем. Тем не менее этот фонд таял, что повело к реформе Гая Мария — образованию профессиональной постоянной армии, в которой железная дисциплина давала возможность использовать субпассионариев в качестве рядовых. Структура римского этноса распалась, появились две подсистемы: сенат и армия. При Цезаре армия победила, и вновь победила после его гибели под командованием Октавиана и Антония. Последующие три века армия втягивала в себя все пассионарное население Римской империи, и гражданские войны шли между военными группировками, укомплектованными представителями разных этносов, входивших в один суперэтнос — Римский мир (*Rex Romana*).

Первая война вспыхнула в 68 г., когда пропретор Галлии Юлий Виндекс, потомок аквитанских царей, возглавил восстание своих соплеменников, жаждавших освобождения от власти и поборов Рима. Испанские легионы примкнули к восстанию, провозгласив императором Сервия Сульпиция Гальбу. Но прежде чем Гальба перешел Пиренеи, с аквитанцами схватились легионы, стоявшие на Верхнем Рейне. Вожди обеих войск не думали о борьбе, но легионеры их не послушались; 20 тыс. аквитанцев пали в бою, в том числе Виндекс.

Гальба вступил в Рим во главе испанских легионов и через семь месяцев был убит преторианцами, уроженцами Италии, провозгласившими императором Отона, одного из собутыльников погибшего Нерона. Но восстали легионы Нижнего Рейна, заставившие своего вождя Авла Виттеллия идти с ними на Рим. В 69 г. эти провинциалы разбили преторианцев. Отон вонзил себе в грудь кинжал. Однако сирийские и египетские легионы не согласились признать Виттеллия и заставили своего командира Веспасиана возглавить их в борьбе за власть.

К ним присоединились легионы, стоявшие в Мизии, Паннонии, Иллирии, чтобы отомстить Виттелию за Отона. Тщетно командир германских легионов Цецина пытался сдаться. Воины заковали его в цепи и пошли в бой. У Кремоны войска Веспасиана одержали победу, жутко разграбили город и перебили всех жителей, так как те были римскими гражданами и их нельзя было продать в рабство. Виттеллий отрекся от власти, но воины, находившиеся в Риме, не приняли его отречения, напали на Капитолий, убили префекта Рима, брата Веспасиана, и дрались, пока их не перебили. А народ римский переходил на сторону очередного победителя.

Из этого перечня злодейств видно, что римская профессиональная армия отделилась от римского народа и стала прямо враждебна сенату. Но и она не составила единого целого, разбившись на несколько территориальных консорций. Стереотипы поведения легионеров и мирных граждан разошлись и продолжали расходиться, тем более что в эту армию принимали провинциалов, которые порывали связи со своими родными и соплеменниками ради солдатской жизни.

Тридцать легионов, которыми обладала империя в 70 г., пополнялись не только за счет набора и притока добровольцев, но и путем естественного прироста. В мирное время легионеры обрабатывали участки земли для собственных нужд, и хотя они не имели права жениться, заводили подруг, дети которых автоматически становились воинами. Так солдаты образовали в Римской империи самостоятельный субэтнос, значение коего росло с каждым годом, а стереотип поведения изменялся в соответствии с условиями пожизненной военной службы.

Как бы плохо ни относились римские граждане к своей постоянной армии и как бы ни расправлялись солдаты с мирным населением при каждом удобном случае, надо сказать, что только благодаря легионам богатели провинции и развлекалась столица. Развлекалась она гнусно: гладиаторскими боями, травлей зверей, казнями христиан, издевательствами над пленницами, продажей рабов и рабынь, но таков был римский

стереотип, вызывающий восхищение любителей классической древности.

И все-таки при всех описанных ужасах следует считать императорскую эпоху Рима инерционной фазой этногенеза. Римский народ тратил собственную пассионарность для поддержания своей политической системы. Если во II–I вв. до н. э. избыточная пассионарность разрывала жесткую социальную систему путем гражданских войн, а на рубеже нашей эры пассионарности было столько, сколько нужно для поддержания порядка и покоя системы, то уже к концу I в. возникла нужда в пополнении армии боеспособными, т. е. пассионарными провинциалами. Это было начало конца.

Что произошло? Легионы стали слабее или соседи империи сильнее? Пожалуй, то и другое сразу. Это-то для нас и важно.

Конечно, та часть римского этноса (в это время совпадавшего с античным греко-римским суперэтносом), которая входила в легионы, теряла пассионарное напряжение быстрее, чем это должно было бы происходить из-за потерь на полях битв. При каждом перевороте, которых было много, солдаты вымещали обиды на младшем командном составе, т. е. истребляли тех офицеров, которые поддерживали дисциплину. Это значит, что происходила экстерминация наиболее ответственных, инициативных, исполнительных «верных долгу людей, места которых занимали беспринципные и продажные. В отношении морального и культурного уровня «солдатских» императоров эта деградация замечена и описана, но для нашей темы важнее отметить, что она коснулась всех слоев армии, в то время втягивавшей в себя весь пассионарный элемент римского этноса, ибо только в армии честолюбивый юноша мог сделать карьеру, хотя и с риском для жизни.

Инерция поддерживала существование системы до конца II в. и иссякла. Тогда пришло время для новой фазы.

Кровавый мрак

Фазы этногенеза переходят одна в другую столь плавно, что для современников, как правило, незаметны. Но историку ясно, что переходы совпадают с важными событиями, значение коих видно только на расстоянии.

Решительный перелом в судьбе римского этноса произошел в 193 г., после того как был зарезан сумасшедший император Коммод.

На этих событиях стоит сосредоточить внимание. Порфириноносный

изверг обронил в постели своей возлюбленной дощечку с именами обреченных на смерть. Там было и ее имя. Она показала ее другим намеченным жертвам, и специально приглашенный гладиатор Нарцисс прикончил злодея. Сенат назначил императором почтенного старика Пертинакса. Преторианцы его признали, так как он был известен как честный, храбрый и дельный администратор, доброжелательный, справедливый и кроткий правитель. Невинно осужденные были освобождены из тюрем и возвращены из ссылки, доносчики наказаны, порядок в судопроизводстве и хозяйствовании восстановлен. Пертинакс уменьшил вдвое расходы на двор и продал рабов и рабынь, с которыми развратничал Коммод. Казалось, что страна возродилась всего за три месяца.

Но однажды к дворцу подошла толпа преторианцев. Стража ихпустила. Они убили Пертинакса. Народ плакал. Этим кончилась попытка спасти отечество.

Преторианцы предложили отдать престол тому, кто больше заплатит. Купил престол богатый сенатор Дидий Юлиан, долгое время бывший правителем отдаленных провинций и награвивший там много денег. Власть его не имела никакой опоры: сенаторы и всадники скрывали свои чувства, а толпа бранилась. Надежды на преторианцев не было никакой. Это были уже не те доблестные легионеры, которые в 69 г. защищали своего вождя Отона от страшных пограничников Виттеллия. За 124 года преторианцы разложились настолько, что им никто не верил и их никто не уважал.

Против римских легионеров сразу выступили проконсулы провинций. В Британии Клодий Альбин, «скрывавший под плащом философа все противоестественные пороки», друг Марка Аврелия и Коммода, предложил своим воинам восстановить свободу. В Сирии Песцений Нигер, популярный в своей провинции и в Риме, дельный и приветливый правитель, имел много шансов на успех. В Паннонии Септимий Север, римский всадник, уроженец Африки, честолюбивый и скрытный, захватил инициативу. Он использовал фактор быстроты: находясь близко от Рима, вступил в Вечный город без боя. Дидий Юлиан, покинутый и преданный преторианцами, был убит в своем дворце.

Однако преторианцы, вышедшие навстречу узурпатору с лавровыми ветвями, просчитались. Септимий Север приказал своим закаленным воинам разоружить их, а затем разослал по разным провинциальным когортам. Таким образом, покоренные некогда Иллирия и Фракия одержали верх над Римом. После кровавых побед над Нигером и Альбином, одержанных благодаря мужеству фрако-иллирийских легионов, Септимий

Север облегчил положение солдат и увеличил армию за счет уроженцев восточных провинций: иллирийцев, фракийцев, галатов, мавров, языгов, арабов и т. п. В результате к началу III в. почти вся римская армия оказалась укомплектованной иноземцами. Это показывает, что римский этнос, переставший поставлять добровольных защитников родины, потерял пассионарность. Структура, язык и культура империи по инерции еще держались, в то время, когда подлинные римляне насчитывали несколько семей даже в Италии, которую заселили выходцы из Сирии и потомки военнопленных рабов — колонны.

Военная диктатура Северов продлила существование римской системы на сорок лет, а потом началось... В 235 г. солдаты убили Александра Севера и его умную мать — Маммею, передав престол фракийцу Максимину. Проконсул Африки, исконный римлянин Гордиан выступил против него вместе со своим сыном, и... оба погибли. В 238 г. солдаты убили Максимиана, а преторианцы — двух консулов: Пупиена и Бальбина. Гордиана III убил префект преторианцев Филипп Араб в 244 г., а этого — Деций в 249 г. После гибели Деция в битве с готами солдаты предали и убили Галла, потом Эмилиана. Его сопернику Валериану в решительный момент войско отказало в повиновении и потребовало, чтобы император сдался персам. Он погиб в «башне молчания». Империя развалилась на три части: на западе властвовал узурпатор Постум, на востоке — пальмирский царь Оденат, отразивший персов, а в Риме были последовательно убиты: Галлиен, Аврелий, Клавдий II, Квинтилиан, царствовавший 17 дней, и наконец Аврелиан, который в 270 г. навел порядок и объединил империю, прежде чем его убил в 275 г. вольноотпущенник Мнестий, убитый в свою очередь. Затем были поочередно убиты: старец консуляр Тацит, его брат Флориан, паннонский офицер Проб, Кар, Нумериан, Арий Апр. Лишь в сентябре 284 г. был провозглашен Диоклетиан, который воспользовался тем, что его соперник Карин (сын Кара) был убит в 285 г. своими сподвижниками, и стал царем.

Это длинное перечисление цареубийств позволяет понять ход этнического развития, если мы учтем, что простых людей убивали куда больше. Перед нами фаза обскурации, когда толковый военачальник, пытающийся восстановить дисциплину ради победы, рассматривается как злейший враг, хуже неприятеля. Инстинктивные реакции: раздражение, жадность, лень, не имея противовеса в утраченной пассионарности, сделали из римского войска скопище злодеев и предателей. И не то чтобы за полвека не было ни одного волевого полководца или умного дипломата. Этих бы в огромной стране хватило; но вот верных исполнителей было

мало. А поскольку число их все время уменьшалось, потому что их убивали вместе с императорами, то менялся и стереотип поведения. Римский этнос умер и сгнил раньше, чем погиб от вторжения варваров.

Диоклетиан понял, что только отсталая провинция может его спасти. Поэтому он разделил заботы по охране границ с тремя сподвижниками, а резиденцию учредил в малоазиатском городе Никомедии, далеко от Рима, и окружил себя войсками из иллирийских, фракийских и мезийских горцев, еще не потерявших боеспособности. Он создал бюрократию, потому что с полным основанием не доверял растленному обществу. Он воздвиг гонение на христиан и манихеев, потому что эти общины жили по своим, а не по его законам. Короче, он использовал инерцию не этноса, ибо таковая иссякла, а культуры, созданной предыдущими поколениями. Но и он капитулировал перед силой вещей, так как стал не главой республики (*princeps*), а царем государства (*dominus*).

Государство Диоклетиана было римским только по названию. По существу это было объединение всех стран Средиземноморского бассейна при полном игнорировании этнического принципа. Большая часть населения империи была вовлечена в смерч обскурации, т. е. утратила свою этническую принадлежность к суперэтносу. Этих людей связывала только культурная традиция, выражавшаяся в умелом администрировании. А это означало, что искренний патриотизм был заменен послушанием магистратам, назначавшимся из числа случайных людей, имевших связи и потерявших совесть. Крепкой такая система быть не могла. Однако она продержалась вопреки усилиям собственного населения, потому что в ней возникли жизнеспособные консорции. Они были враждебны традициям римского этноса, но не доминанту, несмотря на то что последний их не жаловал. И вскоре после гибели первого доминуса эти новые силы гальванизировали труп Древнего Рима.

Подмена

И все-таки, несмотря на трагичное положение, римская армия удерживала границу по Рейну, вал по Твиду и неплохо справлялась с нумидийцами и маврами. Тяжелее было на востоке. Готские корабли проникали в Эгейское море, Персия, располагая в 50 раз меньшими ресурсами, успешно вела войну в Месопотамии, а разгром даков и иудеев во II в. н. э. потребовал напряжения всех сил Римской империи. По сути дела, в III в. империю спасали только иллиро-фракийские части и их вожди,

становившиеся императорами, от Аврелиана до Диоклетиана. К их числу принадлежал знаменитый полководец Аэций, которого называют «последним римлянином». Но дело обстоит не столь просто.

Очевидно, те, кто шел в легионы из Фракии и Иллирии, принадлежали к числу людей того же склада, что и те, которые вступали в христианские общины. Доминанта у них была, конечно, другая, но для нашего анализа это значения не имеет. Важно то, что, интерполируя пассионарный толчок, мы захватываем как раз те области Балканского полуострова, где он теоретически должен был иметь место, и получаем подтверждение теории. Следовательно, Аэция, как и его легионеров, надо считать не «последними римлянами», а «первыми византийцами».

Итак, констатируем, что начиная со II в. н. э. в восточных провинциях Римской империи, на некоторых территориях, расположенных от них к северу, наблюдается подъем активности населения. За пределами империи — это начало этногенеза новых народов: готов, антов, вандалов. В пределах империи подъем пассионарности приобрел оригинальную доминанту — создание конфессиональных общин на смешанной этнической основе, как христианских, так и гностических и языческих (неоплатоники). Принято говорить, что христианство — религия рабов. Это отчасти верно, но при этом упускалось из виду, что рабы в подавляющем числе пополнялись военнопленными. Браки между разноплеменными рабами разрешались их хозяевами, а браки с иноверцами воспрещались руководителями христианских общин, которые мы смеем назвать консорциями. Таким образом, в христианских консорциях сгруппировались гибриды, обладающие, как известно, повышенной лабильностью. Обычно такие формы неустойчивы и распадаются за два-три поколения, но здесь имел место дополнительный фактор, сообщивший христианским общинам устойчивость — огромное пассионарное напряжение. Благодаря несравненной жертвенности, несмотря на жестокие гонения, к 313 г. христианская община, уже получившая организацию (церковь), подменяла императорскую власть.

Христиане были самыми лояльными подданными императора Диоклетиана и самыми дисциплинированными солдатами, но при исполнении в лагерях языческих жертвоприношений, на которых легионеры были обязаны присутствовать, они осеняли себя крестным знаменем, чем, по мнению Диоклетиана, уничтожали силу обряда. В 303 г. он начал гонение на христиан, которое в Римской империи было последним. Длилось оно всего два года, ибо в 305 г. Диоклетиан отрекся от власти и поехал к себе домой, в Иллирию, где у него был дом величиной с

город Спалатро. Умер он в 313 г., после того как узнал, что зверски убиты его жена и дочь, а ему скоро предстоит нечто худшее, чем смерть.

Диоклетиан был бюрократическим гением. Он видел, что управлять страной от Евфрата до Гибралтара и Твида без исполнительной администрации невозможно. Зная цену своим сотрудникам, он выбрал трех наиболее дельных и дал им титулы второго августа и двух цезарей, сделав эти должности сменяемыми. После его отречения августом Востока стал Галерий, инициатор гонений на христиан, а августом Запада — гуманный и кроткий Констанций Хлор, сыном которого был Константин. В Галлии и Британии гонения на христиан прекратились, так как указы Диоклетиана просто не исполнялись.

В 306 г. против Галерия восстала Италия; вождем восстания стал сын цезаря при Диоклетиане, Максенций, человек грубый, бездарный и развратный. Однако Галерий при попытке усмирить Италию потерпел поражение и в 311 г. умер, оставив своему другу Лицинию власть в провинциях Балканского полуострова. В Малой Азии, Сирии и Египте правил брат Максенция — Максимин.

Оба брата были таковы, что, казалось, вернулись времена даже не Нерона, а Калигулы, Коммода и Каракаллы. И оба они пылали ненавистью к Константину и Лицинию. Война разразилась в 312 и 313 гг. Победили те, кому помогли христиане: Константин и Лициний. А ведь сила власти, численное превосходство, экономические ресурсы и даже влияние старинных традиций были у Максенция и Максимиана. Однако они погибли, и произошло это так.

В 312 г. Константин перешел Альпы, имея 40 тыс. воинов, преимущественно галлов, против противника, имевшего четырехкратный численный перевес, Константин выиграл несколько сражений в долине реки По, дошел до Тибра и здесь столкнулся с войском Максенция. Константин поднял знамя, на котором был изображен сияющий крест. Его галльская конница опрокинула римскую конницу Максенция на обоих флангах, а ветераны-пограничники изрубили преторианцев. Максенций утонул в Тибре во время бегства.

Лициний женился на сестре Константина, и оба августа издали в Милане эдикт веротерпимости, предоставлявший христианам свободу богослужения. Затем Лициний пошел на Восток, где Максимин вторгся из Сирии во Фракию. Иллирийские солдаты Лициния были боеспособнее разношерстных сирийских легионеров Максимиана. При Гераклее в 313 г. Лициний одержал победу, а Максимин погиб во время побега, будучи отравлен.

Победив, Лициний проявил такую же жестокость по отношению к людям, ничем перед ним не виновным, но оказавшимся в его власти. В 315 г. он инспирировал заговор против Константина, а потом велел низвергнуть статуи Константина в пограничном городе Эмоне. Константин начал войну и дважды разбил войска Лициния, после чего тот запросил мира. Константин отнял у Лициния Македонию и Грецию, оставив ему остальной Восток.

Схватка между обоими правителями отсрочилась, но оба понимали, что она неизбежна. Константин имел мощную поддержку христиан всей империи.

Что оставалось делать Лицинию, который, борясь с Максимином, тоже обнародовал в своих владениях Миланский эдикт? Благодаря этому его воины в битве при Гераклее призывали помощь «высочайшего бога» и получили ее. Но поскольку мать Константина, Елена, была христианкой, а он сам признанными вождем христианской партии, то Лицинию оставалось только возобновить гонения. В 324 г. войска претендентов на единую власть столкнулись у Адрианополя, и прославленные смелостью фрако-иллирийские легионы Лициния, превосходившие противника числом, были наголову разбиты. Вторая битва была им проиграна по другую сторону Босфора, у Хризополя. Лициний сдался, получив обещание пощады, и через несколько месяцев был удушен (325). Не стоит о нем жалеть, он сам убивал ни в чем не повинных людей. Ему надлежало разделять участь погибавших за него солдат, а не прятаться за юбку своей жены, сестры Константина.

Эта война была отражением не соперничества старого, языческого с новым, христианским, а схваткой за преобладание между двумя субэтносоми уже сложившегося этноса, из которого выросла Византия. Что же касается потомков римлян, еще не растворившихся в обновленной этнической системе, то для них закончилась фаза обскурации и настало время, когда они уже не могли действовать. Им оставалось только вспоминать.

И всюду так

Приведенного материала нам достаточно для вывода, которого увеличение числа примеров не изменит. Пассионарность античного, или эллино-римского суперэтноса затухала, кристаллизуясь в цивилизации, способной устоять против напора соседей вследствие накопленной

инерции. Взорвана эта система была изнутри мощным эксцессом, или пассионарным толчком, который имел место в регионе Скандинавии, Восточной Европы, Малой Азии и Сирии. Эта локализация показывает, что описанный феномен не имеет касательства к социальному кризису рабовладельческой системы и не является плодом сознательной деятельности людей, которые гибли, не понимая, почему им вдруг стало так плохо.

Сдержат процесс и спасти страну не могли ни бюрократический гений Диоклетиана, ни политическая изворотливость Константина, ни военные таланты Феодосия. На Востоке, где образовался новый этнос, условно именуемый византийским, варвары отражены, на Западе они просто замещают исчезнувших римских граждан.

Тот же процесс в Византии проходил при Ангелах и закончился падением Константинополя в 1204 г. Вспышка патриотизма в Никейской империи на время оживила развалившуюся страну, но процесс этнического распада продолжался, и даже мужество Иоанна Кантакузина не смогло его остановить. Византийский народ исчез, растворился, деформировался задолго до того, как османы ворвались в беззащитный, вернее — не имевший воли к защите, Константинополь (5 мая 1453 г.).

Ахеменидская империя погибла от внешнего удара, и обскурация на Ближний Восток пришла позже. Она облегчила победу не Александру Македонскому, а Сулле, Лукуллу и Помпею, Титу и Траяну, а также сакскому вождю Аршаку, основавшему Парфянское царство на развалинах Древнего Ирана.

В средневековом Китае обскурация подкрадывалась исподволь. В середине XVII в. прогнившая бюрократия Мин капитулировала перед крестьянским ополчением Ли Цзычэна, а последнее было молниеносно разбито кучкой маньчжуров, только что объединенных князем Нурхацци.^[424] После этого Китай находился в каталепсии двести лет, что дало повод европейским наблюдателям расценить временную летаргию как неотъемлемое свойство китайской культуры. На самом же деле тут была не болезнь растущей культуры, а закономерное старение этноса, прожившего более тысячи лет (581-1683).

Как ни странно, фаза обскурации не всегда приводит этнос к гибели, хотя всегда наносит этнической культуре непоправимый ущерб. Если обскурация развивается быстро и поблизости нет хищных соседей, стремящихся к захватам, то императив: «Будь таким, как мы» встречает логичную реакцию: «День, да мой!». В результате исчезает сама возможность сохранения этнической доминанты и любых коллективных

мероприятий, даже разрушительных. Направленное развитие вырождается в подобие «броуновского движения», в котором элементы — отдельные люди или небольшие консорции, сохранившие, хотя бы частично, традицию, получают возможность противостоять тенденции к прогрессивному упадку. При наличии даже небольшого пассионарного напряжения и инерции бытовых норм, выработанных этносом в предшествовавшие фазы, они консервируют отдельные «островки» культуры, создавая обманчивое впечатление того, что существование этноса как целостной системы не прекратилось. Это самообман. Система исчезла, уцелели только отдельные люди и их память о былом.

Фаза обскурации ужасна тем, что она является серией резких изменений уровня пассионарности, хотя и незначительных по абсолютной величине. Адаптация при столь быстрых и постоянных изменениях среды неизбежно запаздывает, и этнос гибнет как системная целостность.

Таким образом ясно, что пассионарии никого не вытесняют из этноса, но за счет своей избыточной энергии создают разнообразие, усложняющее этническую систему. А сложные системы устойчивее упрощенных.

Таков механизм этногенеза — природного процесса. И ясно, что ни идея Августина о граде Божием, ни гегелевская тяга к абсолюту, ни философская экзистенция Ясперса к объяснению этого явления неприменимы.

XXXVI. После конца

Мемориальная фаза

Память о прошлом переживает инерцию пассионарных импульсов, но удержать ее отдельные люди не в состоянии. Их усилия не встречают поддержки у современников, хотя они и небесплодны. Сочинения поэтов сохраняются как фольклор, шедевры художников становятся мотивами народного искусства, история подвигов защитников родины превращается в легенду или былину, где точность описаний противопоказана жанру.

Такую картину мы наблюдаем на Алтае. Там обитают шесть племен, из которых три северных — отюреченные угры, а три южных — осколки древних тюрков. Телесы — потомки тюркютов, теленгиты и телеуты — племена телесской группы, к которой принадлежали и уйгуры, а алтай-кижи — отрасль найманов, попавшая на Алтай в XII в. У всех есть богатый былинный эпос, многие сюжеты которого восходят к временам тюркютского каганата VI–VIII вв., погибшего в борьбе с империей Тан.^[425] Спасшиеся от резни тюркюты укрылись в долинах Горного Алтая, ждали там времени своего возрождения и не дождались.^[426] Они перешли в состояние, близкое к гомеостазу, но сохраняли свою героическую поэзию как память о прошлом.

Такую же память о событиях, не только древних, но и сравнительно недавних, сохранили киргизы Тянь-Шаня, джунгарские ойраты (о войне с китайцами в XVII в.), индейцы пуэбло (тэва) и многие другие, некогда могучие этносы, превратившиеся в малочисленные «племена». Кристаллизованная пассионарность — искусство спасло их от растворения среди соседей, от ассимиляции и связанных с ней унижений.

Этносы, находящиеся в этой фазе этногенеза, всегда вызывали чувство глубокого уважения у ученых-этнографов и у «гармоничных» (в смысле градуса пассионарности) колонистов, находивших с аборигенами общий язык. Но у субпассионариев и хищных пассионариев возникала дикая неудержимая ненависть, исключавшая возможность мирного контакта. Особенно четко это прослеживается на истории Северной Америки.

Большая часть индейских племен, обитавших между берегом Атлантического океана и прерией, пережили свой динамический период еще до появления европейцев. Исключение составляли ирокезы, переселившиеся в бассейн озера Онтарио с запада незадолго до появления

европейцев, и, возможно, семинолы. Те и другие сохраняли некоторую пассионарность и вызывали лютую ненависть белых колонистов. Зато алгонкины, древние обитатели этого края, и культурные натчезы, в Луизиане безжалостно истребленные французами, манданы, кри сделались в европейской литературе образцом мужества, честности, верности и прочих хороших качеств. Так их рисовали Фенимор Купер и Шатобриан. Но как только европейцы столкнулись с пассионарными индейцами: апачами, навахами, команчами... образ индейца омрачился. А тихие, трудолюбивые индейцы пуэбло вообще не снискали себе оценок. Европейских авторов больше интересовала их традиционная архитектура, нежели они сами. И это не случайно. Индейские земледельцы — народ очень древний, многое из своей культуры растерявший. Алгонкины многое сохранили, но не могли сохранить пассионарное напряжение, без которого было невозможно остаться независимыми, вследствие чего им пришлось дружить с французами и англичанами. А ирокезы умели отстаивать себя; их погубило только разделение во время восстания колоний. Часть их выступила за Англию, часть — за американцев... и их вырезали те и другие.

Этносов-изолятов, помнящих и ценящих былую культуру, можно найти очень много, но оказывается, что бывают субэтноты, отстраненные от поступательного движения превратностью исторической судьбы и сознательно предпочитающие консервацию бытового стереотипа, лишь бы сохранить дорогую им память о «прекрасном прошлом». Еще в начале XIX в. старообрядческие общины в Российской империи жили таким же образом. При Екатерине II старообрядцы были избавлены от гонений за веру и могли хранить обряды, которые они считали «старыми».

Последнее было искренним заблуждением. Они сохраняли не обычаи эпохи Андрея Рублева и Нила Сорского, а те, которые сложились к середине XVII в., когда после Смутного времени и польско-шведской интервенции реакция на все иноземное стала очень острой. Но, зафиксировав именно этот момент интеллектуальной и эстетической жизни России, они не хотели от него отказаться. И жить так они могли бы неограниченно долго, если бы их не размывало окружение — живая, бушующая действительность, реально протекающие процессы этногенеза.

Противники основателей старообрядчества — скоморохи оказались в таком же положении. Высланные в XVII в. на Север за то, что они своими песнями, плясками, маскарадами и сюжетами былин отвлекали людей от соблюдения постов и церковных обрядов, эти несчастные артисты передавали свое искусство детям до тех пор, пока на них не наткнулись

фольклористы, т. е. до середины XIX в. К счастью, было еще не поздно. Многие успели записать и опубликовать. Так, благодаря столкновению с маленькой конвиксией (даже не субэтнотомом), находящейся в мемориальной фазе, мы знаем, что наши предки были не дикими, не безграмотными, не тупицами, ждавшими просвещения из Европы. Ибо безграмотность пришла позже — с вытеснением старой традиции полуобразованием, т. е. в XIX веке.

Приведенные примеры свидетельствуют, что после конца динамических фаз этногенеза уцелевшие люди отнюдь не становятся хуже, т. е. слабее, глупее тех, которые до сих пор составляли подавляющее большинство этноса. Изменяются не люди, а этническая системная целостность. Раньше рядом с большинством были пассионарные «дрожжи», будоражающие, многим мешающие, но придающие системе, т. е. этносу, сопротивляемость и стремление к переменам. Тогда идеал, точнее, далекий прогноз — это развитие, а теперь — консервация. Агрессивность этнической системы, естественно, исчезает, резистентность снижается, а закон пассионарной энтропии продолжает действовать. Только взамен приобретений идут утраты. И тут многое зависит от характера этнического окружения.

Субэтнос, потерявший инерцию развития, конечно, обречен, но люди, его составляющие, имеют возможность смешаться с другими субэтнотомомы внутри своего этноса. Здесь они свои, и убивать их не будут. Но когда незащищенный этнос окружен представителями иных суперэтнотомов, это создает картину, от которой холодеет кровь. Англичане не считали тасманийцев за людей и устраивали на них облавы. Аргентинцы провели «отстрел» тэульчей (патагонцев), а огнеземельцам продавали одеяла, зараженные оспой. Негры банту ловили бушменов для использования их на тяжелых работах, а их самих обращали в рабство буры. Чтобы отбиваться от беспощадного врага, этносу приходилось тратить остаток пассионарности; ведь отбивались-то храбрейшие, т. е. наиболее энергичные. А субпассионарии укрывались где могли, благодаря чему продлевали себе жизнь, но без всякой надежды на победу. Вот механизм трагедии этнотомов, которых этнографы-эволюционисты окрестили «примитивными».

Но даже если эти островки культуры в море невежества и свирепости в состоянии выстоять и не погрузиться в хаос, уничтожающий сам себя, то они бессильны против последней реликтовой фазы, предшествующей гомеостазу, где потомки членов наиболее вялых конвиксий, давно потерявших пассионарное напряжение, руководствуются императивом:

«Будь сам собой доволен, тролль», ибо это уже не члены этноса как системы, а подобие троллей, обитавших в кустах и ущельях по верованиям древних норвежцев. Фраза же взята из Ибсена, потому что уж очень сюда подходит. Она означает: «Старайся не мешать другим, не докучай им, а сам не грусти и не жалеешь ни о чем».

Истребление таких милых безобидных людей, честных, гостеприимных и доброжелательных, подобно убийству детей, это преступление, которому нет оправдания.

Переход в никуда

Казалось бы, возможен и иной исход — изоляция. Хочется думать, что в благоприятных условиях, без давления извне этнос мог бы бесконечно хранить свою оригинальную культуру и отработанный стереотип поведения. Пусть все вокруг рассыпается в труху или перемалывается пассионарными толчками — был бы мир, и этнос будет воспроизводить сам себя. Так думают многие наивные люди.

Но дело в том, что вместе с памятью о прошлом люди последней фазы этногенеза теряют ощущение времени сначала за пределами своей индивидуальной или семейной биографии — «живой хронологии».^[427] В конечных этапах они ограничиваются констатацией времен года и даже просто дня и ночи. Последнее автор сам наблюдал у чукчей: смена времен года находилась вне их внимания. Вместе с этим чукчи — прекрасные охотники, обладают развитой мифологией, очень храбры и сметливы. Отсутствие хронологии отнюдь не мешает им жить.

Сходную картину рисуют европейцы, близко общавшиеся с пигмеями Центральной Африки. Пигмей не знает, сколько ему лет, потому что год для него — слишком большой срок, и потому что у него нет нужды считать свои годы. В остальном пигмеи очень неглупы, великолепно ориентируются в тропическом лесу, где сразу теряют направление не только европейцы, но и банту.

Последние живут с пигмеями в тесном контакте, используя их как проводников, за что снабжают изделиями из железа, ибо банту — великолепные кузнецы. И вот что важно для нашей темы: платить пигмеям за услуги необходимо тут же, не предлагая аванса, ибо они работают только для того, чтобы удовлетворить насущную нужду или прихоть.

Вот наглядный пример. Пигмеи умеют то, чего не умеет никто, кроме них, — строить из лиан мосты через широкие реки. Через узкую реку

перейти можно, а через большую переплывать опасно — крокодилы. И поэтому надо построить мост, а материал — лианы и два дерева — на одном берегу и на другом. Так вот что пигмеи делают: привязывают к пальме на берегу лиану, за нее хватается парень, и его раскачивают так, чтобы он долетел до второго берега и там схватился за другую пальму; если он промахнется, лиана стремительно возвратится обратно, и его может убить о ствол дерева. Это очень опасное дело, но пигмеи прекрасно с ним справляются. Потом по первой лиане они протягивают другие и делают великолепный висячий мост. Один американский кинооператор хотел это снять и обратился к знакомому пигмею. Американец пообещал хорошо заплатить. Но пигмей ответил: «Нет, ничего не буду делать, мне от тебя ничего не надо, я уже на тебя работал, ты мне дал нож — есть нож, ты мне дал котел — есть котел, ты мне дал еще стамеску — очень хорошо, спасибо. А мне больше ничего не надо, зачем же я буду рисковать?» — «Так, в запас». — «Чего? В какой запас, я не понимаю, что ты говоришь, глупый белый человек». Тогда американец все-таки додумался. Он разузнал, что этот пигмей хочет жениться, а жену надо выкупить. Женщина у пигмеев — ценность, за нее надо платить, за ней надо ухаживать, женщина — большое дело. Он говорит: «Выкуплю тебе невесту, вот только сделай мост». И тот ему сделал мост и получил невесту.

Но понятия «запас», «будущее» пигмеям чужды, равно как и прошлое до рождения данного пигмея. То и другое его просто не интересует. Контакт с банту поддерживает пигмеев, стимулирует их, при этом не лишая их привычной географической среды, ибо на тропические дебри никто никогда не покушался. Благодаря сложившемуся симбиозу пигмеи живут веками.

Таким образом оказывается, что этносы, потерявшие былую пассионарность, могут существовать за счет пассионарности соседнего этноса, передаваемой даже не естественным путем, а через системные связи. Симбиоз — это усложненная система, выгодная для обеих сторон. Единственная опасность здесь кроется в попытках перевести этнический контакт в модус ассимиляции, но это всегда возрастная болезнь финальных фаз, когда люди, вместо того чтобы изучать окружающую действительность, начинают ее измышлять. Еще никому не удалось найти более удачный вариант, чем есть в природе.

Итак, даже для финальных фаз этногенеза нужна пассионарность, хотя бы заимствованная. Вот почему пассионарные толчки не только губят, но и спасают этносы, находящиеся в соседстве с ареалом толчка.

Но если этнос этой фазы находится в полной изоляции и

пассионарный толчок проходит мимо места его обитания, то приходит конец, еще более печальный. Обратимся к фактам, ибо логике никто не захочет верить.

На Малом Андамане, в чудном климате, среди роскошной природы живет небольшое негроидное племя онгхи. Никто их никогда не обижал. Там устроен заповедник и даже туристов не пускают. Жители мирные, приветливые, честные, очень чистоплотные. Кормятся они собирательством и рыбной ловлей. Болезни там редкость, а если что случится — дирекция заповедника оказывает помощь. Казалось бы, рай, а население сокращается. Они попросту лентяи жить. Иной раз предпочитают поголодать, чем искать пищу; женщины не хотят рожать; детей учат только одному — плавать. Взрослые хотят от цивилизованного мира только одного — табака.^[428] При всем этом онгхи весьма чутки к справедливости и не переносят обиды. Женщины их целомудренны, и когда заезжий бирманец попытался за ними поухаживать, онгхи убили его, а затем сообщили об этом начальству, но не как о своей провинности, а как о наведении порядка; разумеется, о наказании их не возникло и речи. И правильно! Нечего было лезть в чужой этнос.

Но вот что странно. Директор отделения департамента антропологии, образованный индус Чоудхури сказал автору очерка: «...онгхи живут так, как жило человечество 20 тысяч лет назад. Для них ничего не изменилось. Питаются они тем, что дает природа, а тепло им дают солнце и костер».^[429]

Вот сила гипноза некритически воспринятой эволюционной теории этногенеза. А как, по мнению индийского ученого, попали на Андаманские острова предки онгхи? Ведь они должны были знать не только каботажное мореплавание; да и вряд ли они плыли по Индийскому, очень бурному океану наобум. Луки и стрелы тоже надо было изобрести или позаимствовать у соседей. Брачные обычаи, запрещающие даже в случае раннего вдовства повторный брак и ограничивающие браки с близкими родственниками, — отнюдь не примитив. Язык онгхи неизвестен, потому что индийские этнографы его еще не выучили. Но когда это случится, то наверняка окажется, что у онгхи есть воспоминания о предках, мифы и сказки, еще не совсем забытые. Но жизненный тонус онгхи понижен. Четвертая часть молодых женщин бесплодны. Если бы так же обстояло дело 20 тыс. лет назад, то предки онгхи давно бы вымерли.

Нет, онгхи и подобные им этносы — не дети, а старички. Без пассионарности люди менее приспособлены к жизни на Земле, чем животные. Те в стабильных и благоприятных условиях не вымирают. Даже

крокодилы на тех же Андаманах при появлении охотников с ружьями научились прятаться. Аборигенов с луками они не боялись. [\[430\]](#)

На этом уровне пассионарности кончаются этногенезы.

Но кроме прямых процессов этногенеза, лежащих в биосфере и потому не инициирующих феноменов деструкции, есть нарушения развития, при которых возникают необратимые упрощения экосистем. На них мы сосредоточим особое внимание.

Часть девятая

Этногенез и культура,

XXXVII. Отрицательные значения в этногенезе

Кристаллизованная пассионарность

До сих пор мы говорили о понятии пассионарности как результате эмпирического обобщения разнообразных фактов истории этносов. А можем ли мы, наблюдатели, увидеть пассионарность непосредственно? В какой-то мере да!

Все, что доступно познанию, проходит через призму сознания и при фиксации воплощается в творения рук человека. Людские чувства, являющиеся частью природы внутри человеческих тел, отображены в произведениях искусства и изящной словесности. Как известно, научиться рисовать или сочинять стихи очень трудно. При наличии некоторых способностей ремеслу художника можно научиться, но этого делать не стоит ибо без творческого озарения перешагнуть границы подражания или копирования невозможно. Однако и такого сочетания мало, так как без упорного стремления к цели, т. е. к завершению творения, ничего создать нельзя: «искусство требует жертв» от художника, а способность жертвовать собою ради иллюзии — это и есть проявление пассионарности. Но если так, то в каждом оригинальном и прекрасном творении искусства, философии или литературы содержится комбинация из трех элементов: ремесленной работы, мысли и пассионарности художника, «перелившего» часть своей энергии в свое произведение. Следовательно, если пассионарное напряжение коллектива фиксируется историей или археологией, науками сложными и требующими длительной подготовки, то в шедеврах искусства каждый может отличить традицию от ремесла и темы, а то, что останется, это след пассионарности мастера.

Увы, историки привыкли изучать следы, забывая о тех, кто их оставил, памятники — помимо тех, кто на них смотрел и ради кого их творил художник, философы, а не реакцию на них современников. Так создалась идея «осевого времени» К. Ясперса. Обожаемая им Эллада на самом деле была далека от его представлений.

В славный период своей истории — V–IV вв. до н. э. главными государствами (субэтносами) были Спарта, Афины, Фивы, Сиракузы; на втором месте — Коринф, Агригент и Фессалия.

«Спартанцы жили дома сурово и скудно, но, вырываясь на свободу, предавались оргиям. Павзаний, правя Византией, жил как персидский

сатрап и даже хотел подчинить Элладу Персии, только бы стать в ней наместником. Так же держали себя гармосты Лизандра. Спарта не дала миру ни поэтов, ни ученых.

Фиванцы были, по уверению современников, обжоры и пьяницы, находившиеся в умственной апатии. Фессалийцы тоже были пьяницы и развратники, презиравшие умственную деятельность. Сиракузцы и агригенцы не знали воздержанности ни в чем, как сибариты, а коринфян эллинские авторы уподобляют азиатам».

К кому же применима распространенная хрестоматийная характеристика эллинов? «Любовь к искусству, тонкое эстетическое чувство, предпочтение изящного роскошному, воздержанность в наслаждениях, умеренность в еде. Пирь греков были веселы, но чужды пьянства и обжорства. Только к афинянам двух поколений, живших между Марафонской битвой и началом Пелопоннесской войны. Ни до, ни после этих дат!»^[431] И если на этом, довольно мрачном фоне жило несколько десятков талантливых людей, сочинения коих дошли до нас и пленяют наше воображение, то надо помнить, что при жизни концепции Демокрита, Платона, Горгия, Аристотеля были достоянием немногих их собеседников. В этом и разница между жизнью, исчезающей без следа, т. е. этногенезом, и культурой, заключающей природные материалы в строгие формы колонн и статуй, поэм и философских учений. Последние, переживая первых, заслоняют их собой, и подмену очень трудно открыть.

Немецкие философы приписывают глобальное значение сложным, очень тонким логическим построениям, которых большинство современников и понять-то не могло. Конечно, Аристотель — гений. Кто спорит?! А где его знали в IV в. до н. э.? В просвещенных Афинах, на родине — в Эвбее и при дворе македонского царя. Вероятно, его труды читали в Сиракузах, Таренте, может быть, даже в Ольвии, но кто?.. Небольшая кучка снобов и правдоискателей, число коих составляло, допустим, десятки людей, а скорее — единицы. А основа населения, два миллиона эллинов?! Беотийские крестьяне, этолийские разбойники, ионийские торгаши, спартанские воины, аркадские пастухи? Да им было и некогда, и незачем! А ведь свободу Эллады отстаивали они. Персию завоевали и диадохы поддерживали они. Торговлю со Скифией вели они. И природу Пелопоннеса исказили тоже они. И, представьте, не читая Аристотеля!

Зато, когда покоренные греки обучали римских юных бездельников, Аристотеля они им преподавали. И когда в Болонье готовили студентов-юристов для того, чтобы отстаивать права Гогенштауфенов от притязаний

папского престола и самовольства городских коммун, Аристотеля изучали. И в наше время, чтобы сдать кандидатский минимум по философии, Аристотель тоже нужен, хотя он, безусловно, устарел.

Вот так и возникают исторические aberrации, из-за которых несохранившееся считается несуществующим. Рожденное живет и умирает, а сделанное переживает своих создателей, и тех, для кого оно было сделано, и их наследников, ибо косное вещество, заключенное в форму, — вневременно.^[432] В нем время отделено от пространства. Оно, — памятник того, что ушло; оно — след минувшей жизни. Но ведь люди живут на Земле не для того, чтобы создавать памятники для будущих археологов. Не так ли?

Последовательность

Надо отдать должное К. Ясперсу: он последователен. Его постулат о значении «осевого времени» для создания «философской веры», которая заменит доосевые религии, это постулат предвзятости, а не результат наблюдения. Он сам это понимает, утверждая в ранней работе «Психология мировоззрений», что мировоззрения можно рассматривать как выражения разных психологических типов. При этом, разумеется, их сравнение по ценности, т. е. по степени истинности, неуместно. Различие мировоззрений исключает возможность взаимопонимания людей разных этносов или разных культурных регионов, за исключением того, что лежит в сфере рациональности: наука, экономика, право. Но вот «экзистенциальная коммуникация» адептов философской веры способна преодолеть этническую ограниченность и, добавим от себя, органичность. Так, ли?

Но мало этого, Ясперс отлично понимает, что все культурные ценности, материальные и духовные, созданы коллективами людей, объединенных в природные системные целостности, т. е. в этносы. Человек всегда работает для своих близких и в своем ландшафте, на базе опыта предков — своих, а не чужих. Поэтому-то человеческие творения разнообразны, но отнюдь не калейдоскопичны и не беспорядочны. Что же тогда можно вынести за скобки этнических типов и считать «экзистенциальной коммуникацией»? Только осознанное незнание «последних» истин, трактующих о смысле жизни. Только оно одно может объединить философов Китая, воспитанных на чтении нравоучений Конфуция, с пандитами Индии, почитающими Вишну — консервацию жизни и Шиву — изменение через смерть, с богословами Византии и

естествоиспытателями Западной Европы. Позитивные системы всегда различны и взаимоисключающи. Обща только пустота, т. е. бездна.

Однако, согласно Ясперсу, «Пустота» не ничто, а нечто трансцендентное мысли и потому лежащее за пределами любого возможного знания: мифологического, богословского или научного. С этой точки зрения любое объединение людей вокруг любой позитивной истины должно быть неподлинным, даже неполноценным. Ведь вокруг любого позитивного тезиса возникают споры, а тем самым противоречия, а вот о кантовской трансценденции или «шуньяте» Нагарджуны (II в. н. э.) говорить нечего. Поэтому при отсутствии знания не возникает разногласий и осуществляется экзистенциальное объединение, упраздняющее разнообразие как принцип.

По существу, в плане истории мысли, экзистенциализм — это изощренный вариант философского иконоборчества и попытка ухода от христианства к иудаизму.^[433] Поэтому в число предшественников Ясперса, пусть не идейных, но исторических, следует зачислить Жана Кальвина и в какой-то мере Иоанна Скота Эригену, а в число противников его учения — Пелагия и естествоиспытателей, изучающих окружающий нас мир, а также историков как эрудитской школы, так и теоретиков, например О. Тьерри, стремившихся уловить каузальные связи и закономерности процессов, протекавших реально в реальном времени. Цепи этих двух направлений противоположны. В отличие от естествоиспытателей и теологов, изучающих то, что есть, Ясперс хочет, «пребывая в истории, выйти за пределы всего исторического, достигнуть всеобъемлющего, что недоступно нашему мышлению, но коснуться чего мы все-таки можем — пояснить смысл истории».^[434]

Но если экзистенциализм — концепция последовательная, то и мы, естественники, не уступим спекулятивной философии. Не пытаясь открыть смысл истории, мы хотим описать феномен и, исходя из внутренней логики его развития, указать причины появления концепции, с нашей точки зрения несправедливой. И сделать это надлежит не на основе философских постулатов, которые каждый может выбирать по своему вкусу, а на почве фактов и изложенной выше схемы. Предметом спора будет проблема «осевого времени».

Нет!

Как мы уже отмечали, К. Ясперс заметил совпадение акматических

фаз этногенеза разных пассионарных толчков. Поскольку это отнюдь не начальные, исходные фазы, они всегда бросаются в глаза при поверхностном наблюдении. Отсюда и выводы Ясперса, хотя и логичные, но ведущие к заблуждению.

Начальные фазы этногенеза всегда крайне своеобразны, так как формируются в специфических ландшафтных и климатических условиях при неповторимом сочетании этнических субстратов и наличии различных традиций, преобразуемых новым этносом. А при акматической фазе рефлексия мятущейся персоны, негодующей на устоявшийся быт, неизбежно единообразна. Поэтому-то и есть элемент сходства у Сократа, Заратуштры, Будды (Шакья Муни) и Конфуция: все они стремились упорядочить живую, кипучую действительность внесением того или иного рассудочного начала. Только это их и сближало, потому что принципы упорядочения у всех них были равные.

Ясперс, уловив то и другое, вынес за скобки общее для всех деятелей акматической фазы, не принимающих жизнь, обманувшую их слишком большие надежды, — незнание чужой жизни и нелюбовь к ней, поскольку своей-то не получилось. Как будто логично, но все эти негативные философии выросли на почве отвергаемой ими жизни. Значит, они — ее порождение, неблагодарное и в пределе убийственное. Вот пройдет фаза их успеха — фаза надлома этногенеза, обеспоживающая окружающую людей природу и иссушающая их собственные души, и когда наступят сумерки — царство субпассионарных теней, выползающих из темных закоулков подсознания, то окажется, что хрустальные дворцы спекулятивной философии при таком перепаде температур трескаются и рассыпаются в осколки.

Так погибли конфуцианские школы при наступлении железных отрядов ветеранов Цинь Ши Хуанди (III в. до н. э.). Так сгорели буддисты-махаянисты в кострах, подожженных брамином Кумариллой, объяснившим храбрым раджпутам, что Бог создал мир и наделил его бессмертной душой — атманом (VIII в.). Так были уничтожены иудейские святыни огненного Яхве (VII в. до н. э.). Так был зарезан туранцами Заратуштра во взятом ими Балхе (ок. VI в. до н. э.), а его последователи разбежались от блеска посеребренных щитов фаланги Александра и его гетеров (IV в. до н. э.). Но ужаснее всего была казнь Сократа, погибшего от собственных сикофантов. «Философская вера», точнее — негативная идеология, съедает этнос, в котором она нашла приют, так же как бледная спирохета съедает организм человека и гибнет вместе с ним. Появление «философской веры» в плане этногенеза означает переход от фазы подъема к акматической фазе:

торжество ее — переход к фазе надлома, а исчезновение — наступление обскурации. И коль скоро так, то «осевое время» не единственное в истории, а повторяющаяся «возрастная болезнь» всех крупных процессов этногенеза. Но тогда об общем для всего человечества «смысле» истории можно не говорить, ибо торжество трансценденции и незнания означает провал в бездну.

Но что такое «бездна», термин, дважды употребленный нами как; нечто само собой разумеющееся? Читатель ведь не обязан, да и не может этого знать, ибо это отнюдь не просто.

В XVIII в. Лавуазье сформулировал закон сохранения вещества, который оказался не то что неверным, а скорее неточным. Сгорание в герметическом сосуде показало химику того времени неизменившийся вес только потому, что у него были недостаточно чуткие весы. На самом деле был потерян фотон, но уловить потерю Лавуазье не мог. Теперь физики знают, что при интенсивных термодинамических процессах идет утрата вещества, преобразующегося в световую энергию, а последняя уходит из своей системы в межгалактическую бездну. Это аннигиляция, которая не смерть, но страшнее смерти.

Так как процессы этногенеза имеют энергетическую природу, очевидно, что и на них распространяется эта закономерность. Древние мудрецы это знали. Они даже персонифицировали, как это было тогда принято, принцип аннигиляции и называли его Люцифером, т. е. «носящим свет» (правильнее будет неточный перевод — уносящий свет; куда? — в бездну!). А бездну сопоставили с адом — самым страшным из всего, что могли вообразить. И они не смешивали с «духом бездны» простых земных демонов, проявляющих себя в явлениях природы. Этим в древности приносили жертвы, с ними старались наладить хорошие отношения. А дух бездны был враг; контакт с ним означал отречение от радостей мира, от любви к миру и полное одиночество, проистекающее из принципа отрицания. Переведем эту фантазмагорию на язык современной экзистенциальной философии... и тогда сразу станет понятен принцип «незнания» и понятна «бездна».

Мне концепция Ясперса не нравится. Я хочу думать иначе!

Но, может быть, понятие «бездна» — праздная фантазия древних людей и идеалистических философов? В таком случае, стоит ли о ней говорить, да еще в трактате об этногенезе? Оказывается, стоит. Современная физика тоже оперирует этим понятием, конечно, называя его по-своему — вакуум.

«Бездна» (вакуум)

Бездна — это пространство без дна, т. е. без конца, а следовательно, и без начала. Начало и конец имеют все частицы вещества, все импульсы энергий. Значит, бездна — это «пустота».

По современным данным, около 98 % вещества сосредоточено в звездах и планетах, но и пространство между ними заполнено космической пылью и пронизано потоками элементарных частиц. Но все они движутся в пустоте и благодаря самому наличию пустоты — вакуума. Если бы не было пустоты, то не могло бы быть и движения, ибо любой импульс затухал в той же точке пространства, где и начался. А поскольку движение есть везде (даже в самом плотном веществе электроны вращаются вокруг атомного ядра), значит, вакуум пронизывает материю, так же как материя (вещество + энергия) пронизывает вакуум, скрытый и не понятый нами физический мир, который не является частью нашего реального мира.

Вакуум — это мир без истории. В каждом малом объеме пространства непрерывно рождаются пары «частица — античастица», но тут же они взаимоуничтожаются, аннигилируются, испуская кванты света, которые, в свою очередь, «проваливаются в никуда». В результате ничего нет, хотя в каждый момент в любом микрообъеме существует многообразие частиц и квантов излучения. Возникая, оно тут же уничтожается. Оно есть, и его нет. Это явление именуют нулевыми колебаниями вакуума, а частицы, которые существуют и одновременно не существуют, названы виртуальными.

Ну разве это не ад в понимании древних, считавших бессмертную душу частицей света? Становясь виртуальной, эта частица, по воззрениям сторонников жизнеприемлющих религий, страдает. И ведь контакт материи с вакуумом происходит постоянно, ибо вакуум присутствует даже внутри атомов, где частицы вращаются вокруг ядра.

Но оказывается, если на «пустоту» воздействовать сильным электрическим полем, то виртуальные частицы могут превратиться в реальные, т. е. спастись из ада. Однако основа двуединого мира именно «пустота», а вещество, поля, излучения — только легкая рябь на ее поверхности. Но ведь без этой «ряби» вакуум не мог бы проявить себя, не мог бы получить те реальные частицы вещества и света, которые он превращает в виртуальные. Иными словами, он потерял бы даже то существование, благодаря которому его можно обнаружить, а вещество и энергия утратили бы возможность движения. Значит, разделение субстанции и пустоты — конец мира, по крайней мере такого, в котором мы

живем и который мы изучаем.

И ведь вот что интересно: такая постановка проблемы была известна уже две тысячи лет тому назад, а возможно, и еще раньше. Только в те времена обходились без физики, заменяя ее философией. Наиболее распространенные философемы начала нашей эры утверждали биполярность мира, расходясь только в одном: что считать благом, а что — злом. В наше время качественные оценки в физику вносить не принято. Так естественно сложилось деление на системы жизнеутверждающие, согласно которым материальная субстанция — благо, а «Пустота», т. е. «Бездна» — зло, и системы, полагающие, что материя ловит душу в свои тенета, обволакивает ее и мучает, а душа, или квант сознания, стремится вырваться на волю, т. е. из реальной частицы стать виртуальной. Оба подхода равно бездоказательны. Можно выбрать любой, по вкусу. Но тут-то и обнаруживается разница между двумя доминантами поведения и, соответственно, в психологии, и выясняется, что популяционное поведение и популяционная психология биполярны. На одном полюсе стоит Дерсу Узала — образ, описанный В. К. Арсеньевым, на другом — изобретатель ДДТ, имени коего я не хочу знать. Но дело здесь не только в успехах химических наук.

Пассионарный человек, вооруженный техникой, даже палеолитической, мог бы уничтожить все живое вокруг себя, отнюдь не подозревая, что этим он погубит и свое потомство. Ведь примитивное дуалистическое отношение к природе — деление животных на «полезных» и «вредных» — теоретически обосновывало нарушение биоценозов, вне коих звери и растения жить не могут. Но простому древнему человеку сие известно не было, да и ныне неизвестно слишком многим.

Казалось бы, древние люди, не знавшие основ биоценологии, именно так и должны были бы поступать. Однако пароксизмы страстных истреблений были редки и отнюдь не повсеместны. И это естественно: человек не только социальная единица, обладающая волей и правом на выбор решения в любых ситуациях, но и органический элемент земной поверхности, связанный с биосферой неразрывно через инстинкты, позволяющие ему не погибнуть.

Социальное бытие, определяющее сознание, действительно выходит за пределы биологии вида *Homo sapiens*. Оно, и только оно дает возможность каждому отдельному человеку и каждой социальной целостности сделать выбор между устремлением к освобождению от тягот мира, т. е. к вакууму, и желанием уберечь живую природу от любых деформаций, ибо тут объект любви — реальность, существующая вне нас и помимо нас. Иначе говоря,

сознательная деятельность людей может быть направлена в одну из двух имеющихся сторон, но деятельность, связанная с биологическими отправлениями, права на выбор лишена.

Деяния и явления

При детальном рассмотрении истории антропогенных ландшафтов, о чем было сказано выше, напрашивается мысль, что наряду с *деяниями*, т. е. плодами сознательных устремлений людей, идут стихийные процессы, связанные с сопричастностью человека биосфере, а это уже *явления* (феномены) природы, формирующие состояния вокруг людей (географическая среда) и внутри человеческих тел (физиология высшей нервной деятельности). Те и другие влияют на поведение людей в отдельности и коллективов, т. е. этносов, то через хозяйство, часто погибающее из-за засух или наводнений, то через болезни, то через космические облучения, иногда пробивающие ионосферу и достигающие поверхности Земли. Люди обычно не знают, что создает в них творческие подъемы или, наоборот, депрессии, но наука может найти их причины.

Люди ведут себя крайне непоследовательно. В отличие от других высших животных человек не только поддерживает вмещающие его ландшафты, но иногда наносит им непоправимый ущерб, превращая их в бросовые, мертвые земли. Делает он это во вред самому себе как виду, ибо лишает свое потомство средств к существованию. Ответить на резонный вопрос: для чего он это делает? — трудно, потому что сначала надо посмотреть, где и когда совершались такие неблагоприятные действия. Выше было указано, что этногенезы как природные процессы сами по себе для биосферы безвредны, но могут быть губительны при сочетании двух условий:

1. При смене фаз, когда этнос на время теряет присущие ему эластичность и сопротивляемость внешним воздействиям, т. е. когда этнос болен.

2. При активных межэтнических контактах (миграциях), которые сами по себе отразимы, ибо этнос в любой фазе практически неистребим. Это надо понимать в том смысле, что для истребления здорового этноса требуются столь большие затраты сил, что у соседей их, как правило, не бывает, а если их и достаточно, то трата нецелесообразна.

Вместе с побежденным этносом деформируется и вмещавший его ландшафт, ибо этнос составлял часть данного геобиоценоза, или

экосистемы. Следы таких деформаций часто обнаруживают археологи и палеогеографы голоцена.^[435]

Уточним постановку проблемы. То, что для построения нового, допустим, дома нужно сломать старый, стоящий на том же месте, — бесспорно. Это обычная в природе и истории смена форм. При ней хорошее не всегда меняется на лучшее, но всегда на что-то реальное, отвечающее потребностям эпохи. Такова специфика развития любой этнической системы, даже в эпохи упадка, когда ненужные элементы культурной или природной окружающей среды просто не поддерживаются и приходят в ветхость.

Но когда памятник культуры (дворец, сад, картина и т. п.) или природы (лес, озеро, стадо бизонов) уничтожается и не заменяется ничем, то это уже не развитие, а его нарушение, не система, а *антисистема*. Руины или трупы не могут ни развиваться, ни сохраняться для потомства. Динамика сменяется статикой, жизнь — смертью, изменение структуры — аннигиляцией. Можно было бы думать, что вандализм тоже является функцией пассионарности и, следовательно, предопределен природой как вариант закономерности. Нет! В природе планеты процессы аннигиляции не наблюдаются. Там идет постоянное накопление, благодаря которому ныне открыты залежи каменного угля, нефти, мрамора и богатые почвы. Ведь это тело биосферы, накопленное за миллиарды лет фотосинтеза; это материализованный свет солнца и звезд.

И пассионарные толчки, тоже явления природы, создают импульсы творческие, порождающие адаптационные синдромы, при которых этнос всегда сопрягается с привычным для него ландшафтом. Но если этническая группа, пусть даже не весь этнос, оказывается в непригодных для него условиях, он либо замыкается в свою скорлупу (изоляция), либо разрушает неприятную для него окружающую среду. Гибнут беззащитные звери, цветы, красивые горы и чистые реки. Но так расправляться может только чужеземец. Своему будет жалко.

Однако миграция сама по себе еще не антисистемна и не всегда повод для возникновения антисистемы. Этнические миграции — процессы стихийные, увлекающие людей, которым только кажется, что они едут в чужую страну по доброй воле. В Америку людей толкало их пассионарное напряжение, мешавшее довольствоваться скромной жизнью где-нибудь в Кенте или Мекленбурге. А ведь дома они имели пищу, кров и женщину. В долине же Миссури им все это приходилось добывать с большим трудом и риском. И вряд ли жизнь в прериях или лесах Канады была легче

деревенской идиллии Европы. ^[436]

Значит, тут мы встречаемся с детерминированным явлением природы, за которое человек моральной ответственности не несет, даже если при этом гибнет прекрасная девственная природа и великолепная чужая культура. Грустно, конечно, но что делать?

Но если этот мигрант убивает индейского ребенка, чтобы получить премию за скальп, или доносит, что его соседка — ведьма и колдунья, после чего ее сжигают односельчане, или спалит чудную деревянную часовню в лесу, или спасет заблудившегося путника в степи — это уже его *деяния*, за которые он несет ответственность перед своей совестью. И разница между *явлением* и *деянием* принципиальна, ибо *деяния* можно совершить или не совершить. Они лежат в *полосе свободы*.

Казалось бы, что во всех деяниях человеком руководят расчет, сознание собственной выгоды, ради которой он имеет право приносить в жертву жизнь других людей. Так рассуждали французские просветители XVIII в. и называли свои взгляды материализмом. Но изучение истории показывает, что они заблуждались. Существует самопожертвование ради других, ради отечества — патриотизм, не объяснимый никакой выгодой и расчетом; и бессмысленное губительство предметов искусства или природных ландшафтов. Это факты, зафиксированные историей. И свершение их возможно лишь при наличии пассионарности как энергии. Но направление, в котором совершаются события, определяется чем-то другим. Вспомним, что готы, взяв Рим, ограничились контрибуцией, а вандалы, хотя и были столь же пассионарны, находились на том же культурном уровне, что и готы, и точно так же исповедовали арианство, не столько грабили, сколько бессмысленно ломали красивые здания, разбивали мраморные статуи, уничтожали мозаику, соскабливали фрески. Именно эта бессмысленность поразила современников, но и в последующие века она наблюдалась то тут, то там, вплоть до современной Америки.

И судьбы готов и вандалов оказались различными. Готы в Испании создали устойчивое королевство, слились с местным населением в единую политическую систему и впоследствии — в монолитный этнос — испанцев. Вандалы свирепствовали в Африке до тех пор, пока небольшой корпус войск Велизария не ликвидировал их крепостей, в которых они укрывались от гнева аборигенов. После этого вандалов не стало. Похоже на то, что две соседние системы развивались в диаметрально противоположных направлениях.

Вандализм не ограничивает поле своей деятельности памятниками

искусства. Он еще более губителен, когда его объектом является незащищенная природа. Здесь нужно внести важное терминологическое уточнение.

На поверхности нашей планеты есть засушливые территории и есть «пустыни». Разница между ними весьма существенна. Зональные переносы повышенного увлажнения на время сокращают насыщенность растительностью в некоторых континентальных районах, но возвращение циклонов на прежние пути восстанавливает фитоценозы Гоби или Сахары. Наводнения смывают города, но, когда спадает вода, жизнь в речных долинах возобновляется. Иными словами, природные процессы обратимы, кроме разве что извержений вулканической лавы.

А ведь есть сколько угодно пустынь, которые не вернуть к былой жизни никаким изменением природных условий. Иногда эти пустыни сухие, как, например, долины русел южных притоков Тарима, иногда — как амазонская или юкатанская сельва, заросшие сорняками, выросшими на переотложенных почвах, полях древних индейцев. Там всегда находят фрагменты каменных орудий или керамики — следы обитания древнего человека. По сути дела, это даже не пустыни, а бэдленды — принимаю английское слово, так как в русском языке эквивалентного слова нет. И таковы же отвалы горных выработок, бетонированные площадки, пирамиды.

Человек создает необратимую деструкцию ландшафта; и это то же самое, что вандализм в отношении памятников искусства. А мы уже видели, что подобный род деятельности не присущ человеку как виду, а является побочным результатом, следствием возникновения и исчезновения особого мироощущения, которое, видимо, сопутствовало процессам творческого этногенеза с самой глубокой древности.

Таким образом, оскудение природы и уничтожение шедевров культуры нельзя считать следствием борьбы за существование, а надо рассматривать как преступление по отношению к потомкам, которым придется прозябать на оскопленной планете.

То, что факты вандализма в отличие от миграции — не явления, а деяния, — бесспорно, но связано ли такое безобразие с пассионарностью? Конечно! Однако характер этой пассионарности отличается от того, который мы уже подробно описали. И генезис ее другой, он носит не природный, а ситуационный характер. До столкновения оба этноса были нормальными системами с разными уровнями пассионарности. При их совмещении поток пассионарности будет направлен от системы с более высоким уровнем к системе с более низким, и, таким образом, общий

уровень будет выравниваться. Этот энергетический перепад и создает ту форму энергии, которая питает возникающую тут *антисистему*, т. е. системную целостность людей с негативным мироощущением.

От такого баланса страдают обе системы. Вандализм одинаково деформирует и тех, кого губят, и тех, кто губит, ибо губителям оказывается невозможно жить на развалинах и опустошенных землях. Антисистема подобна популяции бактерий или инфузорий в организме: распространяясь по внутренним органам человека или животного, бациллы приводят его к смерти... и умирают в его остывающем теле. А ведь может показаться, что антисистема — закономерное явление природы.

Нет! Человек не бацилла. Выбор характера деятельности лежит, как уже было сказано, в «полосе свободы», где человек отвечает за свои поступки. Нет закона природы, диктующего бессмысленное уничтожение шедевров, убийство животных не для того, чтобы насытиться, оскорбление незащитных людей. Эти две взаимоисключающие линии поведения мы в просторечье именуем добром и злом, причем никогда не путаем одно с другим. Потому что добро и зло — это не зеркальные отражения друг друга, а совершенно разные стихии. И тут уместна та система отсчета, по которой вакуум противостоит субстанции, а, по терминологии древних, «бездна» — «тварному миру».

В «полосе свободы»

Однако можно ли отличить «добрых» людей от «злых», и как это сделать? Ведь никто никогда не скажет о себе, что он служит мировому «злу». Да и правомочно ли считать одну позицию «злой», а обратную «доброй»? Где объективный критерий той или другой оценки? Тупик!

Да, на персональном уровне различие невозможно, но ведь есть популяционный критерий — отношение к окружающей среде, т. е. к миру. И тут представители обоих направлений, искренне уверенные в своей правоте, говорят то, что считают единственно правильным и не требующим доказательств.

Первая позиция: материальный мир ужасен и не имеет права на существование, так как все живое предназначено к смерти, которая есть уничтожение. Вторая позиция: мир прекрасен, а смерть, постоянно сопутствующая жизни, просто выход из сложных, часто непереносимых ситуаций. Смерть — благо, ибо она спасает от внемирового зла, несправедливости, обиды, страдания, которые страшнее смерти. Обе

позиции последовательны; можно выбрать любую, по желанию.

В начале нашей эры в Средиземноморье, когда мысль была раскована и свободна от предрассудков, осыпавшихся как шелуха при контакте эллинского, иудейского и персидского мировосприятия, люди излагали свои соображения без обиняков. В III–IV вв. н. э. эти концепции кристаллизовались в несколько систем: гностицизм, талмудический иудаизм, христианство, зороастризм. Все они заслуживают специального описания, которое мы отложим, чтобы не отвлекаться от главного — уяснения принципа биполярности. Этот принцип дошел до нашего времени и сформулирован уже в XX в. двумя философскими системами: диалектическим материализмом, постулирующим необходимость сочетания жизни и смерти через закон отрицания отрицания, и экзистенциализмом, видящим цель бытия в растворении в конечном «Ничто». И самое любопытное, что эта контroversа прослеживается в прошлое до начала нашей эры. Гностики, буддисты-махаянисты, манихеи — вот истинные предвестники теории К. Ясперса.

Итак, гностические концепции признавали жизнь на планете Земля тяжелым бедствием, от которого необходимо избавиться. Самоубийство не выход, так как душа, или зон, или частица света, снова будет опутана материей или мраком и воплотится для нового цикла, страданий. Спасение в аскезе, отказе от соблазнов мира, ослабляющей узы плоти. Можно также совмещать с аскезой пьянство и разврат, вызывающие отвращение к жизни. Важно лишь полное освобождение от материи, т. е. от биосферы.

Следовательно, биосфера, по учению гностиков, — враг человека, а с врагом, как известно, надо расправляться по возможности безжалостно. Хорошо еще, что гностики не популяризовали своих учений из презрения к черни, которая тоже часть биосферы. Они обратили внимание на собственные тела, последовательным воздержанием довели себя до освобождения от плоти и к III в. исчезли без следа, за исключением манихеев, о которых надо говорить особо.

И все же, несмотря на фантазмагоричность гностических идей, в них оказалась и конструктивная деталь: гностики открыли мир энергий, окружающий видимую природу. Как им удалось предвосхитить открытия физиков XX в. без приборов и сложной математики — объяснить не могу. Правда, они употребляли терминологию, которая нам кажется заумной, но зато их мысль была чеканной.

Если мы переведем их идеи на современную терминологию и вместо слов «зоны» и «демоны» поставим слова: «импульсы лучистой энергии» и «радиораспад», то окажется, что пытливые умы II–III вв. занимали те же

проблемы, что и нас. Другое дело — оценки! Гностики ненавидели окружающий их мир и чтили умерщвляющий радиораспад. Поэтому, с нашей точки зрения, следует зачислить авторов гностических учений в разряд губителей окружающей среды.

Существо позиции гностиков составляет стремление заменить дискретные системы (биоценоз) на жесткие, которые по логике развития превратят живое вещество в косное, косное при термической реакции разложится до молекул, молекулы распадутся до атомов, из атомов выделятся реальные частицы, которые, аннигилируясь, превратятся в виртуальные. Лимит такого развития — вакуум. И наоборот, при усложнении систем, где жизнь и смерть идут рука об руку, возникает разнообразие, которое немедленно передается в психологическую сферу, создает искусство, поэзию, науку. Но, конечно, за печали и радости бытия придется отплатить закономерной физической гибелью. Логика здесь нет, ибо правильность тезиса дана в опыте и интуитивном обобщении. Такова контрверза. Выбор пути свободен.

Этнос как система неизмеримо грандиознее человека, т. е. персоны как системы. Однако закономерность тут и там одна, Этнос может либо дожить до гомеостаза и стать верхним звеном вмещающего ландшафта, либо при столкновении с иным этносом образовать химеру, и тем самым вступить в «полосу свободы». Только во втором варианте проявляется поведенческий синдром, при котором возникает потребность уничтожать природу и культуру, ибо вакуум не зеркальное отражение субстанционального мира, не антимир, а мир особых свойств. Поэтому при сопряжении материального мира с вакуумом не возникает гармонии, а идет постоянная борьба противоположностей.

Эта борьба происходит на уровне энергетических импульсов, которые древние именовали «силами». В числе этих импульсов находится пассионарность. В критических коллизиях контактов на суперэтнических уровнях она, как безличная энергия, равно питает оба направления деятельности людей, имевших несчастье оказаться в химерной системе.

Механизм такого разделения настолько сложен, что объяснение его можно предложить только как гипотезу. А как иначе можно истолковать импульсы, идущие от сознания, не впадая в идеализм и противоречие с законом сохранения энергии?

Прозрение В. И. Вернадского

Наш великий ученый, разбирая второй биогеохимический, принцип — учение об увеличении биогенной миграции атомов — направленности эволюции и становлении ноосферы, бросил мысль: «...*Человеческий разум не является формулой энергии, а производит, действия, как будто ей отвечающие* (курсив мой. — Л. Г.). Отмечая это как эмпирический факт, я думаю, что дальнейшее развитие научных данных позволит нам выйти из этих, может быть, кажущихся противоречий с... законом сохранения энергии».^[437]

Эта как бы побочная мысль представляется более ценной и перспективной, нежели учение о ноосфере, которому она категорически противоречит. Решение пришло в виде образа, которым можно открыть экскурс.

Девочка бросает мяч в стену, мячик отскакивает обратно. Толкнула мяч не стена — она его отразила. Это процесс короткий, и поэтому причинно-следственная связь ясна, но если такой же процесс длится веками, сведения о которых отрывочны, а иногда запутанны, то связь между биосферным импульсом — рукой девочки и обратным движением — мяча от стены, легко может потеряться для исследователя. Ему будет казаться, что стена бросила мяч от себя, т. е. он увидит прямую связь вместо обратной.

Если же допустить, что человеческий разум, создающий философские концепции, романы, мифы, легенды и т. п., — путь не к ноосфере, а к экрану, отбрасывающему биохимические импульсы, как зеркало отбрасывает солнечный луч, превращая его в блик («зайчик»), то противоречие с законом сохранения энергии исчезает, а обратный путь биохимического импульса, зафиксированный человеческим сознанием, будет тем, что принято называть *мироощущением*, которое не следует смешивать с явлением сознания — *мировоззрением*.

Но коль скоро так, то мы уловили механизм связи духовной культуры, в том числе спекулятивной (умопостигаемой) философии с биосферой, к которой принадлежим мы сами. Правда, вывод получился неожиданным. Вакуум выступает как ограничитель энергетических импульсов живого вещества; именно он является препятствием для совершенствования, и не кто иной, как он, вносит в биосферу Земли искажения, нанося ей удары за счет смещения направления импульсов, поступивших от нее же. Продолжая аналогию, можно сказать: первоначальное *явление* природы, отброшенное от экрана-ограничителя — вакуума, превращается в *деяние*, обусловленное свободной волей человека. А последствия деяний непредсказуемы; они могут быть благодетельны и губительны, тогда как результаты явлений

всегда нейтральны: они лежат вне сферы добра и зла, прогресса и регресса, пользы и вреда для порождающей их биосферы. Ей любые процессы безразличны, кроме тех, которые идут от разума.

Итак, мы нашли ответ на вопрос, поставленный В. И. Вернадским, и вернулись к первому биогеохимическому принципу: «Биогенная миграция атомов химических элементов в биосфере всегда стремится к максимальному своему проявлению».^[438] Этого одного необходимо и достаточно для того, чтобы объяснить все процессы биосферы, в том числе этногенезы, как некое сложное и многообразное единство, принцип материалистического монизма.

Может показаться, что с учетом приведенного объяснения гипотеза о роли вакуума остается экстравагантным предположением автора, но так как существуют мировые философские системы с миллионами поклонников, которые считают вакуум своим идеалом, то для охраны природы эти настроения небезразличны.

XXXVIII. Биполярность этносферы

Ложь как принцип

Слова многозначны. Смысл слова всецело зависит от контекста, так же как смысл фразы — от текста, интонации, ситуации, ради которой данный текст написан, и т. п., а смысл текста — от окружения, социального и природного. Даже такое простое слово, как «стол», само по себе не имеет значения, оно может фигурировать в сочетаниях: «письменный стол», «стол заказов», «золотой стол Киевский», «у этой хозяйки хороший стол» и т. д. Но эти семантические различия просты, и любой читатель текста понимает, о чем идет речь. Гораздо сложнее — с понятиями столь же многозначными, но смысл коих вуалируется. Например, «убийство». Всем очевидно, что убийство с целью ограбления — преступление; убийство ради садизма — гнусное преступление; но убийство на дуэли — деяние, хотя и наказуемое, но не преступное, ибо тот, кто остался жив, подвергал себя равному риску быть убитым и защищал свою честь; убийство противника на войне не преступление, а подвиг; казнь преступника палачом, т. е. тоже убийство, — выполнение долга, а казнь заведомо невиновного — хуже, чем преступление: это — грех. И бессмысленно философское резонерство графа Л. Н. Толстого, который трактовал смысл слов вне контекста, а значение евангельских текстов — вне исторической обстановки I в. н. э. Видимо, он был при этом искренен, но тем хуже — принципиальная ошибка анализа остается, а глупость — такой же источник людских несчастий, как и злая воля. Даже, может быть, иногда глупость хуже, потому что она требует для себя права на безответственность: «Я, мол, так думал, значит, я не виноват». И тут злая воля получает необходимый ей простор. Она может действовать не прямо, в чем (всегда есть доля риска, а опосредствованно, через обманутых дураков, которые уверены в своем праве не продумывать того, что они творят, а действовать по чужой указке. В Евангелии по этому поводу сказано: «передумывайте» (метаноите), что переводится словом «покайтесь», уже потерявшим первоначальный смысл.

Вернемся к понятию «ложь». Находится ли оно в живой природе? В какой-то мере — да! Мимикрия животных — это попытка обмануть хищника или добычу. Но как хищники, так и их жертвы имеют право спасать свою жизнь либо от голода, либо от съедения, так что мимикрия оправдана закономерностями биосферы, находящимися вне добра и зла.

Люди на войне часто дезинформируют противника. Ложь ли это? Формально — да, но война — состояние исключительное, и не следует верить любым сведениям. Нужно проверять информацию, ибо здесь обман входит в правила игры. Очевидно, и тут речь идет о другом понятии, но с тем же названием — «ложь». Пренебрежение оттенками семантики обесмысливает сам термин.

Древние люди в этой проблеме не путались. Они ввели понятие «клятва», т. е. юридически оформленное отречение от полезной, а подчас и спасительной лжи. Право на обман, на двусмысленность, уклончивость за человеком сохранялось, но только в повседневной жизни. Клятва же выделялась как экстраординарный акт, как отказ от следования законам природы, т. е. инстинкта самосохранения. Поэтому в свидетели, а точнее — охранители соблюдения клятвы призывались боги или духи стихий, которые должны были наказать клятвопреступника. Этим оттенялось супернатуральное значение клятвы.

В Евангелии для ставших на путь самосовершенствования или святости рекомендовано не клясться, а всегда говорить только правду. Но для всех прочих, обычных людей во всех христианских странах клятва названа присягой и еще сохранена как полуюридический-полурелигиозный акт, до сих пор имеющий значение и смысл. Ибо обман — это просто неблагоприятный поступок, а нарушение клятвы, т. е. обман доверившегося, — это преступление, противоестественное и противобожественное, это оскорбление мирового порядка — предательство.

Но нужно ли в географическом трактате заниматься историей забытых фантастических учений? Да, нужно, ибо в их постановке проблемы отношения к жизни на Земле содержится в неявном виде решение задачи, поставленной в начале главы; кто, как и зачем губит биоценозы, в которых живет сам. По сути дела, мы нашли плюс и минус, которые, как в алгебре, можно поменять местами. От такой перемены изменится наша субъективная качественная оценка, но не само объективное противопоставление. Если мы примем за положительное начало утверждение биосферы с ее закономерностями, в число коих входит убийство живых существ, то обратная позиция будет отрицательной, хотя бы она и была связана с проповедью непротивления злу. Л. Н. Толстой в «Крейцеровой сонате» вполне последовательно указал, что поскольку человеческому роду для продолжения существования убивать необходимо, то лучше бы ему прекратиться. Французские манихеи XIII в. (катары) считали, что нельзя убивать теплокровных животных. Поэтому во время

альбигойской войны, чтобы отличить катара от католика, пленному предлагали зарезать курицу. Катары отказывались... и шли на костер.

Но если бы французы не резали кур, они бы их не разводили, а выгнали в лес, где кур переели бы совы и лисы. Курам стало бы, как видно, хуже, но ведь последовательная жизнеотрицающая система оценила бы это как достижение: еще один вид животных избавлен от ужаса жизни.

А те, кто утверждает жизнь, убивают и гибнут сами, чтобы на их трупах проделали то же самое их потомки и чтобы жизнь, преображенная смертью, ширилась по лику планеты так же, как это происходило в минувшие геологические эпохи. И оба мировосприятия последовательны, но генезис пассионарности их различен, так же как и их цели, и следы их пребывания в ландшафтах Земли.

На индивидуальном уровне ложь — это не только несимпатичный стереотип поведения, но и способ воздействия на окружающую среду, этническую и ландшафтную. На популяционном уровне это уже массированная дезинформация в антисистемах, воздействующая на среду социальную и культурную. Но на биосферном уровне происходят процессы упрощения, которые ведут к замене высших животных микроорганизмами (гниение трупов): превращения живого вещества в косное; распад косного вещества на молекулы, молекул — на атомы, внутриатомных реальных частиц — на виртуальные и перенос фотонов в «Бездну», т. е. в вакуум. А ведь начиналось-то как будто с пустяков.

Но что такое истина, противостоящая лжи? Не надо мудрить и мистифицировать читателя, да и самого себя. Будем называть истиной суждение, адекватное заданной сумме наблюдаемых фактов, где погрешность не превышает законного допуска. При наложении на ось координат истинные суждения будут положительными значениями, а лживые — отрицательными, причем в глобальных масштабах.

И генезис у позитивных и негативных значений разный: первые — прямое порождение энергии живого вещества биосферы, вторые — отражения от вакуума, т. е. мысли.

Третий параметр

Вспомним, что, стремясь описать соотношение пассионарности и сферы сознания в процессах этногенеза, мы ввели категорию аттрактивности, положив ее на ординату. Этим мы добились наглядности, необходимой для описания тех этногенезов, которые начинаются

пассионарным толчком или генетическим дрейфом. Но когда происходит наложение друг на друга разнохарактерных этнических систем и связанных с ними «систем сознания», которые ныне принято называть «культурами», то возникают химеры, принципиально отличные от этносов, хотя внешне на них похожие.

Различие между этносом и химерой на глаз неуловимо. Но если этнос проходит все возрасты, если не гибнет насильственной смертью, то химера либо существует, либо распадается. Это значит, что соотношение между этносом и химерой такое же, как между организмом и раковой опухолью. Последняя может разрастаться до пределов организма, но не далее, и живет она только за счет вмещающего организма. Подобно опухоли, химерная антисистема (химеры бывают и безвредными, т. е. пассивными) высасывает из этноса или суперэтноса средства для поддержания существования, используя принцип лжи, описанный выше. Это не разновидность аттрактивности, потому что последняя всегда основана на искренности, а явление иного порядка, для описания которого нужна третья ось координат — аппликата. На положительную ее часть будут вынесены импульсы жизнеутверждающие, в том числе те, которые приносят в жертву жизнь индивида, часто и свою собственную, для поддержания существования вида, а на отрицательную — те, которые ведут к спасению индивида от тягот мира за счет отказа от горя и радости, заботы о близких и далеких, любви к истине и отрицания лжи. Этот перечень, далеко не полный, характеризует антисистему. Может показаться, что образцовой антисистемой является буддизм, но это верно лишь отчасти. Направлений буддизма много. Там, где почитают бодисатву сострадания — Авалокиту, бодисатву мудрости — Маньжушри, где есть учение об Ади-будде — создателе мира, мироощущение остается позитивным. Но в школах созерцания и неделания преобладает негативный импульс, подобно тому как в гностических направлениях раннего христианства и в современном экзистенциализме К. Ясперса открыто выражено жизнеотрицающее мироощущение, хотя последний откровенно атеистичен. Но нас интересует не это.

Отмеченные параметры различны по значению и по характеру. Мощные импульсы пассионарных толчков, как правило, лишают отдельных людей возможности выбирать собственную линию поведения. Если такое желание у кого-либо и возникнет, то императив коллектива не даст персоне развернуться. То же самое бывает в инерционной фазе, где персону формирует традиция накопленной культуры. А в последних фазах субпассионарные особи не имеют поводов для пересмотра привычного

мироощущения. Так что в потоке нормального этногенеза антисистема не может возникнуть.

Однако при совмещении двух суперэтносов, когда в зоне контакта возникает этническая химера, антисистемы развиваются со страшной силой. И ведь нельзя сказать, что к приятию негативного взгляда на мир побуждает ухудшение бытовых условий или экономические затруднения. Нет, их не больше, чем было до этого, а иной раз и меньше, ибо в зонах контактов обычно идет интенсивный обмен вещей (торговля), людей (работоторговля) и идей (торговля верой). Очевидно, причина в другом.

Губительный фантом

Поставим вопрос так: что общего между исмаилитством, карматством, маркионитским павликианством, манихейством, богомилством, альбигойством и другими аналогичными системами и, в частности, с экзистенциализмом К. Ясперса? По генезису верований, догматике, эсхатологии и экзегетике — ничего. Но есть одна черта, роднящая эти системы, — жизнеотрицание, выражающаяся в том, что истина и ложь не противопоставляются, а приравниваются друг к другу. Из этого вырастает программа человекоубийства, ибо раз не существует реальной жизни, которая рассматривается либо как иллюзия (тантризм), либо как мираж в зеркальном отражении (исмаилизм), либо как творение сатаны (манихейство), то некого жалеть — ведь объекта жалости нет; и незачем жалеть — Бога не признают, значит, не перед кем держать отчет, и нельзя жалеть, потому что это значит продлевать мнимые, но болезненные страдания существа, которое на самом деле призрачно. А если так, то при отсутствии объекта ложь равна истине, и можно в своих целях использовать ту и другую.

Надо отдать должное средневековым людям: они были последовательны, и потому их речи звучали очень убедительно. Действительность подчас была столь ужасна, что люди готовы были «броситься» в любую иллюзию, особенно в такую логичную, строгую и изящную. Ведь войдя в мир фантазмагорий и заклинаний, они становились хозяевами этого мира или, что точнее, были в этом искренне убеждены. А то, что им ради ощущения свободы и власти над окружающими надо было плюнуть на крест, как тамплиерам, или разбить на части метеорит Каабы, как карматам, их совершенно не смущало. Правда, встав на этот путь, они отнюдь не обретали личной свободы. Наоборот, они теряли даже ту,

которую имели в весьма ограниченных пределах, находясь в той или иной позитивной системе. В ней закон и обычаи гарантировали им некоторые права, соразмерные с несомыми обязанностями. А здесь у них никаких прав не было. Строгая дисциплина подчиняла их невидимому вождю, старцу, учителю, но зато он давал им возможность наносить максимальный вред ближним. А это было так приятно, так радостно, что можно было и жизнью пожертвовать.

И ведь не только бедствия и обиды приводили неофитов в антисистемы. Люди часто жили плохо, но не везде и не всегда. Бурные периоды сменялись спокойными, но обывательская затхлость мирной сельской жизни действовала диалектически и создавала последствия, противоположные предпосылкам. Когда пассионарного юношу кормили досыта, но запрещали ему что-либо делать или логично размышлять, он искал применения своим затаенным силам. И находил их в проповеди отрицания, не обращая внимания на то, что поставленная перед ним цель — фантазия. Сказка и миф рождались повседневно. Против них были бессильны строгие выводы науки и практические прогнозы действительности. В I тыс. они увлекали людей всех стран, кроме Руси и Сибири, где антисистемы не сложились.

Последнее легко объяснимо. Для появления устойчивой антисистемы необходимы два параметра: упадок, например момент перехода из фазы в фазу местного этногенеза, и внедрение чужого этноса. Пусть даже обе системы будут перед началом процесса положительными, творческими, как в плане экологии, так и в аспекте культуры. Совмещаясь, они порождают антисистему, явление побочное, возникающее помимо воли участников. Поскольку Сибирь и Древняя Русь были ограждены от посторонних, нежелательных воздействий до XIII в., то идеи, чуждые мировоззрению их обитателей, если и попадали в северные леса Евразии, то не могли там укорениться.

Нами была предложена концепция этноса как поля биофизических колебаний с определенной частотой или ритмом. Теперь она находит подтверждение. Когда два разных ритма накладываются друг на друга, возникает своего рода какофония, воспринимаемая людьми как нечто противоестественное, что в общем-то и правильно. Но тогда люди начинают не любить вмещающую их географическую среду, искать выхода при помощи строгой логики и оправдывать свою ненависть к миру, устроенному так неудобно.

Именно такая ситуация возникла в эллинистических государствах древности во II—I вв. до н. э. До походов Александра Македонского эллины

не знали иудеев, а иудеи не обращали внимания на «явана» — ионян.^[439] Зато в селевкидской Сирии и птолемеевском Египте они оказались соседями. Иудеи изучили Платона и Аристотеля, эллины — Библию в переводе на греческий язык. Оба этноса были талантливы и пассионарны, но из контакта их мироощущений возник гностицизм — грандиозная увлекательная антисистема.^[440]

Столкновение эллинства с иранством породило в III в. манихейство, могучую антисистему, подвергавшуюся гонениям не только в Риме, Византии и Иране, но даже в веротерпимом Китае^[441] и несколько позже во Франции^[442].

В Индии, куда вторглись кушаны и саки, великий философ Нагарджуна в II в. н. э. создал мироотрицающее учение о пустоте (шуньята), причем дошел в отрицании до того, что даже собственное существование объявил иллюзией.^[443]

Но самое страшное произошло в Китае, когда туда в III в. переселились хунны и сяньбийцы, вытесненные из родной степи вековой засухой. Систем и философов там не возникло, потому что три века шла жуткая резня. В этой постоянной войне погибли 27 этносов, в том числе древнекитайский (ханьский). Только пассионарный толчок, вызвавший к жизни средневековый китайский этнос (табгачский), спас погибавшую страну.

Равно пассионарный толчок рубежа нашей эры породил оригинальную позитивную систему — христианство, перекрывшую гностические фантазмагии, а новый толчок VI–VII вв., создавший ислам как мироощущение, прекратил существование антисистем Ирана — зиндиков.

Однако Халифат быстро превратился в химерную целостность, так как экзогамия, осуществлявшаяся через гаремы, внедрила в новый арабомусульманский этнос персов, грузин, армян, сирийцев, греков, турков, берберов и т. д. И уже к IX в. на этом фоне возникла антисистема — исмаилизм, сокрушенная только монголами в XIII в. Монголы были носителями пассионарности, но при столкновении с антисистемами растеряли свой пассионарный заряд и в XIV в. погасли.

В Византии антисистема развилась в IX в. в Малой Азии, на границе с «Мусульманским миром». Отсюда она перекинулась на Балканы, где болгары и славяне, воспринявшие греческую образованность, создали собственную химеру — Болгарское царство. Здесь антисистема называлась богумильством и исчезла после пассионарного толчка XIII в., вытесненная османами.

Но гораздо сложнее была судьба манихеев Прованса. Они погибли в XIII в., но заразили своими мироощущениями Западную Европу, где возник отвратительный социальный институт — инквизиция. Об этом стоит рассказать подробнее.

Древний дуализм

Манихейство и христианство равно признают в мире сочетание двух стихий: Света и Мрака. Но манихеи считают «мраком» материю и особенно плоть, а христиане видят в материальном мире творение Божие и благословляют чистые радости плоти, брак, веселие, любовь к родине... Несовместимость обоих мировоззрений очевидна, а борьба между ними не кончена и поныне.

Западное манихейство соперничало с христианством с конца III в. и подвергалось таким же, как христианство, гонениям при Диоклетиане. Христианские императоры продолжали эти преследования. Феодосий определил за принадлежность к манихейству смертную казнь. Гонорий квалифицировал исповедание манихейства как государственное преступление. Вандальский король Гуннерих истребил манихеев в Северной Африке; спаслись лишь те, кто успел убежать в Италию. В VI в. центром манихейства стала Равенна, ибо жители Ломбардии, ариане, вынужденные бороться против Рима, дали им приют. В X в. манихейство распространилось в Лангедоке и сомкнулось с аналогичными учениями Болгарии. Манихейские проповедники в южной Франции и даже в Италии так наэлектризовывали массы, что подчас даже папа боялся покинуть укрепленный замок, чтобы на городских улицах не подвергнуться оскорблениям возбужденной толпы, среди которой были и рыцари, тем более что затронутые пропагандой феодалы отказывались их усмирять.

Во второй половине XI в. манихейское учение охватило Ломбардию, где пороки высшего духовенства вызывали законное возмущение мирян. В 1062 г. священник Ариальд выступил в Милане против брака священников, но встретил сопротивление архиепископа Гвидо и был убит.

Борьба продолжалась, причем архиепископа и его наследника поддерживал император Генрих IV — тайный сатанист, а реформаторов — папы Александр II и Григорий VII. Видимо, и папы, и императоры не интересовались сущностью проблемы, а просто искали сторонников. За соперничество вождей заплатили жители Милана, который сгорел во время уличного боя в 1075 г. В XII в. манихеи, названные в Италии патаренами,

распространились по всем городам вплоть до Рима, причем наименее склонными к ереси оказались крестьяне, а наиболее активными еретиками — дворяне и священники, т. е. самая пассионарная часть населения того времени.

В Лангедоке, находившемся под призрачным покровительством королей Германии, центром манихейства стал город Альби, из-за чего французских манихеев стали называть альбигойцами, наряду с их греческим наименованием — катары, что значит «чистые». Их община делилась на «совершенных», «верных» и мирян. «Совершенные» жили в безбрачии и посте, обучая «верных» и напутствуя умирающих, которые на одре смерти принимали посвящение в «совершенные», чтобы спастись от уз материального мира. Миряне, сочувствовавшие катарам, переводили на народные языки книги Ветхого завета как героические сказания, чем понемногу изменяли идеалы рыцарства, а тем самым и стереотип поведения своих читателей. Остальное довершила антипатия провансальцев к французам как к чуждому и агрессивному этносу. К 1176 г. большая часть дворянства и духовенства Лангедока стали катарами, а меньшая часть и крестьяне предпочитали молчать и не протестовать.

Разочаровавшись в возможностях схоластики, которая в X в. переживала очередной упадок, средневековые богоискатели пытались найти решение проблемы вне школ и получали ответы от приходивших с Востока (с Балканского полуострова) манихеев, учение коих сводилось к следующему.

Зло вечно. Это материя, оживленная духом, но обволакивая его собой. Зло мира — это мучение духа в тенетах материи; следовательно, все материальное — источник зла. А раз так, то зло — это любые вещи, в том числе храмы и иконы, кресты и тела людей. И все это подлежит уничтожению.

Самым простым выходом для манихеев было бы самоубийство, но они ввели в свою доктрину учение о переселении душ. Это значит, что смерть ввергает самоубийцу в новое рождение, со всеми вытекающими отсюда неприятностями. Поэтому ради спасения душ предлагалось другое: изнурение плоти либо аскезой, либо неистовым разгулом, коллективным развратом, после чего ослабевшая материя должна выпустить душу из своих когтей. Только эта цель признавалась манихеями достойной, а что касается земных дел, то мораль, естественно, упразднялась. Ведь если материя — зло, то любое истребление ее любой ценой — благо, будь то убийство, ложь, предательство... все не имело никакого значения. По отношению к предметам материального мира было все позволено.

Такая концепция испугала и разозлила средневековых французов. В 1022 г. в Орлеане были сожжены десять катаров, преданных своими учениками; среди них были духовник короля Роберта I Этьен, схоластик Лизой и капеллан Гериберт.

Как людей их очень жалко. Они были честны, искренни, любознательны. В ужасное время кризиса католицизма, когда наглые прелаты получали кафедры как феодальные лены, а полуграмотные священники не умели объяснить прихожанам элементарных основ христианской этики, эти люди искали непротиворечивого, логичного решения наболевших проблем, которые ставила перед ними действительность. Выводы, ими сделанные, были логически безупречны, но противоестественны. Поэтому-то здоровая интуиция средневековых французов взбунтовалась против логики. Система при переходе от фазы подъема к акматической фазе столкнулась с антисистемой и оставила на Земле пепел казненных.

Аналогичное отношение к манихейству наблюдается всегда и везде. Поэтому манихейские общины I тыс. были тайными, вследствие чего ложь стала стереотипом их поведения. Попав в Италию и Францию, манихейские эмиссары называли себя «ткачами», чтобы иметь возможность беспрепятственно переходить из города в город для пропаганды своего учения. На самом деле они были такими же «ткачами», как масоны — «каменщиками».

Между тем лживое самоназвание вводило и продолжает вводить в заблуждение людей несведущих, стремящихся всюду увидеть классовую борьбу. Именно так воспринял альбигойцев поэт А. А. Блок в пьесе «Роза и Крест». И вряд ли стоит обвинять его в этом.

По сути дела, альбигойская война была отнюдь не подобием Жакерии, и не феодальной стычкой между Тулузой и Парижем, и не национальной войной провансальцев с французами. И вот почему. В отличие от многих патриархальных и плебейских антицерковных движений катары были социально разнообразны, что способствовало успешному распространению учения, не стесненному социальными и этническими рамками.

Классовая борьба крестьян и горожан против господствовавших феодалов не прекращалась никогда. Однако шла она по двум линиям, не связанным друг с другом. Крепостные крестьяне негодовали на произвол баронов. Но их программа была сформулирована четко: «Наш добрый сеньор защищает нас от нечестивых врагов и злодеев». Резонно, но ведь она не имеет ничего общего с учением о том, что все материальное — проявление мирового зла и как таковое должно быть уничтожено.

Напротив, классовая природа крестьян толкала их на то, чтобы, добившись свободы и прав, возделывать земли, строить дома, воспитывать детей, накапливать состояния, а не бросать все это ради иллюзий, пусть даже вполне логичных. Вторая линия — это борьба городских общин (коммун) в союзе с королевской властью против герцогов и графов. Опять-таки зарождавшаяся буржуазия стремилась к богатству, роскоши, власти, а не к аскетизму и нищете. На Западе города поддерживали то папу, то императора, на Востоке — суннитского халифа, в Византии они были оплотом православия, ибо благополучие горожан зависело от укрепления порядка в мире, а не от истребления мира ради потусторонних идеалов, чуждых и невнятных.

И вряд ли проповедь спасительной бедности можно считать социальной программой. Ведь за бедность духовенства ратовали христианские монахи и мусульманские марабуты и суфии. Роскошь епископов, nepотизм и симонию клеймили с амвонов папы и Соборы, но подозрений в ереси они на себя не навлекали. Иной раз бывало, что слишком неугомонных обличителей убивали из-за угла или казнили по вымышленным обвинениям, однако в те жестокие времена и без этого легко было угодить на плаху, особенно когда увлеченный идеей человек не замечал, что он стоит на пути венценосца. Казни совершались и без идеологических нареканий. Да и в самом деле, как может мистическое учение отражать классовые интересы? Ведь для этого оно должно сделаться общедоступным, но тогда будет потерян руководящий принцип — тайное посвящение и слепое послушание.

Ну, а каково было поведение самих еретиков? Меньше всего они хотели мира. Феодалов они, конечно, убивали, но столь же беспощадно они расправлялись с крестьянами и горожанами, отнимая их достояние и продавая их жен и детей в рабство. Социальный состав манихейских и исмаилитских общин был крайне пестрым. В их числе были попы-расстриги, нищие ремесленники и богатые купцы, крестьяне и бродяги — искатели приключений и, наконец, профессиональные воины, т. е. феодалы, без которых длительная и удачная война была в те времена невозможна. В войске должны были быть люди, умеющие построить воинов в боевой порядок, укрепить замок, организовать осаду. А в X–XIII вв. это умели только феодалы.

Может возникнуть ложное мнение, что католики были лучше, добрее, честнее, благороднее катаров (альбигойцев). Это мнение так же неверно, как и обратное. Люди остаются самими собою, какие бы этические доктрины им ни проповедовались. Да и почему концепция, согласно

которой можно купить отпущение грехов за деньги, пожертвованные на крестовый поход, лучше, чем призыв к борьбе с материальным миром? И если одно учение лучше другого, то для кого? Поэтому ставить вопрос о качественной оценке бессмысленно и столь же антинаучно, как, например, вопрос о том, что лучше: кислота или щелочь? Обе обжигают кожу!

Но если так, то почему именно этой вражде уделено столько внимания, когда одновременно обострялись социальные конфликты между классом феодалов и закрепощенными крестьянами, развивалось соперничество растущих королевств за территории и торговых городов за рынки? Чем же отличалась от них та полускрытая война, которая нами принята за исходную точку отсчета?

В отличие от борьбы за политическое преобладание внутри одной большой этносоциальной системы и даже столкновений между разными культурно-системными целостностями здесь имела место истребительная война. Французские манихеи были слишком похожи на французских католиков, для того чтобы ужиться в одном ареале, ибо высказывались те и другие за развитие системы в противоположных направлениях. Сталкиваясь, они вызвали аннигиляцию той самой материи, которую они считали не Божиим творением, а мировым злом. И так они вели себя везде: в Византии, Иране, Центральной Азии и даже в веротерпимом Китае. Поэтому гонения на них были повсеместны, а их сопротивление, часто весьма активное, придало раннему Средневековью ту окраску, которая просвечивает через видимую историю столкновений государств и становления этносов. Наличие двух несовместимых поведенческих и психологических структур в то время было явлением глобальным. Оттого так мало памятников искусства осталось от той эпохи.

То, что манихеи к концу XIV в. исчезли с лица Земли, неудивительно, ибо они, собственно говоря, к этому и стремились. Ненавидя материальный мир и его радости, они должны были ненавидеть и саму жизнь; следовательно, утверждать они должны были даже не смерть, ибо смерть — только момент смены состояний, а антижизнь и антимир. Туда они и перебрались, очистив Землю для эпохи Возрождения. Неудача их состояла только в том, что они не смогли погубить всех людей, проведя их через мученичество, далеко не всегда добровольное. Как они старались! И не их вина, что жизнеутверждающее начало человеческой психики устояло перед их натиском, благодаря чему история народов не прекратила своего течения.

На этом фоне возникла первая инквизиция, основанная испанским монахом Домиником и направленная против еретиков-катаров, или

альбигойцев. Конечно, никто не захочет одобрить или тем паче защищать принцип инквизиции: осуждение без предъявления обвинения, на основе личного признания. Признание бывает вынуждено пыткой, донос — ложен, судьи — пристрастны и бесконтрольны, но мотив введения такого судопроизводства ясен. Инквизиторы берегли своих агентов от мести катаров, проникших в XIII в. во все слои французского и итальянского общества. Война велась не только в Лангедоке. Она велась при всех дворах, во всех цехах, в церковных общинах и даже на базарах. Это была беспощадная резня без линии фронта, причем жертвами ее становились все оклеветанные катарами и агентами инквизиции беззащитные, ни в чем не повинные люди. Катары широко использовали право на ложь, каковое было позволено их исповеданием, рекомендовавшим предательство для борьбы с материей. «Бывшие катары, перешедшие в лоно католицизма, Робер Ле Бугр, Петр из Вероны и Райнир Саккони были самыми грозными инквизиторами в XIII в. Их руками были сожжены сотни катаров и вальденсов»,^[444] а также оклеветанных католиков. Робер Ле Бугр, бывший в течение 20 лет катаром в Милане и прекрасно знавший нравы и обычаи этой секты, в 1233 г. был назначен папою Григорием IX инквизитором, после чего применил свои обширные знания. Например, в 1239 г. в Монт-Эме, близ Шалона на Марне он сжег 182 катара. И позднее было то же: Жак Моле, гроссмейстер ордена тамплиеров, и другие рыцари были сожжены в Париже в 1214 г. после процесса, проведенного канцлером Гильомом Ногаре, внуком сожженного катара. Тайный суд — оружие обоюдоострое.

Умиравший дуализм нашел способ перевоплотиться в другую, на этот раз монистическую концепцию. Ведь для антисистемы такие мелочи, как верность принципам, несущественны, важна цель — избавление от материи и плоти. На вооружение было принято учение Блаженного Августина, талантливое мыслителя V в., начавшего свой путь с членства в тайной манихейской общине, а кончившего дни епископом города Гиппона (в Африке) и после смерти признанного отцом церкви. Он был автором одного из трех направлений схоластики — учения о предвечном предопределении людей либо к раю, либо к аду. Были, конечно, оговорки, но суть в этом.

Аргументация Блаженного Августина сводилась к тому, что Адам согрешил и передал грех всем потомкам генетически как «первородный грех». Поэтому все люди — мерзавцы, и всем им место только в аду. Бог предвечно и безусловно постановил некоторых спасти, а прочие пусть гибнут. И любые заслуги и подвиги грешников значения не имеют, равно как и злодеяния предызбранных. Для дьявола в такой системе места нет,

ибо все за него творит Бог.

Надо отдать справедливость тогдашним теологам: они учения Августина не приняли. Сторонники концепции Августина подвергались осуждению: монах Готшалк даже был пожизненно заключен за проповедь идеи предопределения, т. е. ответственности Бога за грехи людей.

Но прошли Средние века, наступила Реформация, и Жан Кальвин воскресил идеи Августина. На них же была построена теория второй инквизиции. Примирение Бога с Сатаной устраивало всех злодеев Европы.

Конкордат с сатаной

Вторая инквизиция, действовавшая в XVI–XVIII вв., была хуже первой. Для оправдания, а также для регламентации совершаемых преступлений инквизиторы создали теорию, опиравшуюся на идеи Блаженного Августина. По этой теории «Бог настолько сострадателен, что не допустил бы зла в своих творениях, если бы не был столь всемогущим и добрым, чтобы превращать зло в добро» (Молот ведьм, с. 147). Из этого вытекало, что «преследованиями тиранов укреплялось терпение мучеников, а чародействами ведьм — совершенствование веры праведников. Поэтому Богу не нужно предупреждать зло» (там же). Можно было бы возразить, что Бог несправедливо не милостив к тиранам и чародеям, заставляя их мучать праведников и тем самым обрекая их на адские муки, но и на это есть ответ. Грешник хуже черта, ибо «Сатана отстранился от Бога, который допустил его согрешить и не опекал с любовью... Сатана пребывает в злобе, так как Бог отверг его и не дарит ему своей милости» (там же, с. 159). Больше того, Бог желает черту добра, а бедный «черт весьма мучится, видя, как зло, творимое через ведьм, переходит в добро» (там же, с. 161). Да и вообще черт не виноват, так как он «ничего не может без Божьего попущения», а «Бог не может хотеть зла, но может допускать зло» (там же).

Предложенная инквизиторами теория является апологией не только их самих, но и дьявола, с которым они якобы вели борьбу. Во всех злодействах истории, по их мнению, повинен только Бог, и хуже того — злодейства надо приветствовать, ибо из зла получается добро. Эта дьявольская диалектика — по существу обывательское подхалимство, возведенное на уровень метафизики. И подумать только, сколько крови пролилось из-за этого шизофренического бреда!

Да и как могло быть иначе? Учение о предопределении отняло у своих

адептов только одну свободу — свободу выбора между Добром и Злом, но за это подарило им право на безответственность по отношению к собственной совести. Раз конечный исход predetermined, можно было поступать как вздумается. И тут вступила в силу обратная связь.

Полная безответственность индивида противопоставлена обществу, которое вводит в силу закон, основанный не на совести, а на приказе начальства. С таким законом выгоднее считаться, но обойти его отнюдь не аморально. Сумел и выиграл! Поэтому было вполне логично и даже не бессовестно истребление индейцев в Северной Америке, работорговля, ограбление Индии, продажа опиума в Китай... Ведь запрещение этих предприятий не было предусмотрено, да и не могло быть, ибо Бог превращает зло в добро, а черт служит перед его престолом.

Но если так, то почему бы не завести с дьяволом контакт, тем более что он готов даже оплатить служение себе вполне реальными благами. Требуется он немногого — продажи бессмертной души, в существование которой еще надо верить, и участия в «черных мессах». Эти обеды служились обязательно священником, отступившим от церкви, и заключались в прославлении Сатаны, доброго господина, который ничего не запрещает (ср. с тезисом Ивана Карамазова: «Все позволено»). Святые дары освящались на животе голой женщины и потом осквернялись. Иногда участникам этих мистерий казалось, что являлся сам Сатана и позволял целовать себя в зад. Случалось, что ему приносили в жертву младенцев, которых крали у матерей. Мистерии совершались в полночь, тайно, но о них знали очень многие.

Вот наглядный пример. В 1089 г. русская княжна Евпраксия Всеволодовна вышла замуж за Генриха IV, императора Священной Римской империи германской нации. Сей венценосец привлек ее к участию в «черных мессах». Бедняжке стало так противно, что она сбежала от мужа к его врагам в Каноссу, где ее приняла графиня Матильда. В 1094 и 1095 гг. императрица выступала на церковных Соборах с разоблачениями своего мужа. Папа Урбан II отпустил ей невольный грех участия в «черной мессе» и с конвоем отправил на родину, где она кончила дни в монастыре в 1109 г.

А Генрих IV?.. Он остался на троне до 1105 г. и лишился власти отнюдь не за сатанизм, а за предательские убийства своих вассалов. Но и тогда его продолжали поддерживать горожане Льежа, Кельна, Бонна и еврейская община. Оказалось, что сатанизм шокировал очень немногих.

«Черные мессы» служились в Париже еще в XIX в. Допускались к участию в них, кроме членов секты, только приглашенные, но получить приглашение было легко. Подробности можно прочесть в книге Гюисманса

«Бездна», где автор колеблется между признанием серьезности наблюдавшейся им оргии и желанием оказаться обманутым. Для скептика-позитивиста персонификация любого принципа неприемлема; она ему просто претит.

Если же отказаться от персонификации, которая уже в XIII в. стала излишней, то останется теория Абсолюта, нравственного закона внутри себя. Молиться такому закону невозможно, равно как, например, закону Бойля — Мариотта. Это становится очевидным в XIX в., а при последовательном развитии концепции возникает экзистенциализм — философская религия К. Ясперса. Последний был прав только в одном: такие системы возникали и до нашей эры, но он упускает из виду то, что они всегда гибли, унося с собой тысячи жизней людей, доверившихся философам.

И, наконец, последнее важное следствие теории строгого монизма — отношение к биосфере в целом, так же как к индивидуальным существам и их творениям, становится негативным. Для того чтобы уберечь беззащитную природу от бессовестных людей, нужно объяснить им пользу от биоценологии, а это сверхсложно. Учение о полезных и вредных животных и растениях гораздо ближе рассудку обывателя, нежели понятие о гармоничности жизни на планете Земля. Обыватель предпочитает ощущать себя царем природы, а не ее составной частью. Поэтому строгий монизм на практике смыкается с восточным дуализмом — манихейством, с той лишь разницей, что злом считается все неприятное, мешающее данному человеку, а не объективная стихия «Мрака». Это значит, что руководящим принципом для различия добра и зла, света и мрака, прогресса и регресса становится произвол. Различие хотя и несущественное, но с точки зрения логики — не в пользу монизма.

Но почему же монистические и дуалистические учения не смогли вытеснить христианства, особенно в Средние века, когда папы воевали с императорами, а схоласты тратили силы на бесплодные споры друг с другом? Пожалуй, потому, что монизму и манихейству противостояло неосознанное мировоззрение, суть которого можно сформулировать следующим образом: Бог сотворил Землю, но дьявол — князь мира сего; на Земле дьявол сильнее Бога, но именно поэтому благородный рыцарь и монах-подвижник должны встать на защиту слабого и бороться с сильным врагом до последней капли крови. Ведь не в силе Бог, а в правде; и творение его — Земля — прекрасна; а Зло приходит извне, от врат Ада, и самое простое и достойное — загнать его обратно. А что Бог не сотворил дьявола — ясно и без доказательств; предполагать такое — просто

кощунство.

Эта концепция была непротиворечива, проста для восприятия и соответствовала если не нравам того времени, то его идеалам. А поскольку идеал — это далекий прогноз, воспринимаемый интуитивно, то он и оправдался. Биосфера продолжает существовать.

Выход из безысходности

Мы, люди XX века, знаем, что черта нет. И все же, когда окинешь взглядом историю антисистем — становится жутко. Есть концепции-вампиры, обладающие свойствами оборотней и целеустремленностью поистине дьявольской. Ни могучий интеллект, ни железная воля, ни чистая совесть людей не могут противостоять этим фантомам. Там, где слагается этническая химера — наложение этнических полей разного ритма, появляются антисистемы. А так как за время существования человека на Земле все этносы давным-давно вступили между собою в контакты, то, казалось бы, антисистемы должны были вытеснить этносы, заменить их собой, уничтожить все живое в своих ареалах и превратить свои реальные импульсы в виртуальные, дабы они могли взаимно аннигилироваться. А ведь ничего подобного почему-то не произошло.

Значит, в мире есть какой-то могучий импульс, противодействующий распространению антисистем и, возможно, очищающий от них лик Земли. Однако, как мы видели, антисистемы появляются снова и снова, так что этот импульс должен действовать если не постоянно, то достаточно часто. И он не должен находиться в сфере сознания людей, потому что эта сфера открыта для обмана или для неполноты понимания предмета, т. е. для заблуждений. И он не заповедан нам свыше, потому что антисистемы бывают теистичны, а идеалы этнических культур — атеистичны. И он не складывается в процессе эволюции, ибо за нужное для сложения время он бы погиб. Знаем ли мы импульс с такими свойствами? Да, знаем! Это пассионарный толчок.

Нет, не героизм отдельных пассионарных особей, личностей, жертвующих собой, а именно толчок, мутация, порождающая признак пассионарности и сообщающая заново возникающим этносам оригинальный ритм биополя — вот что губит химеры и гнездящиеся в них антисистемы. Пассионарный импульс дает как бы высокий накал, в котором химеры «плавятся» (да простится автору метафора) и превращаются в этносы, гармонически сочетающиеся с ландшафтами, как

звено геобиоценозов. При столь высоких накалах антисистемы существовать не могут. Но дальше идет уже описанный процесс этногенеза, при котором иногда, вследствие создавшихся условий, появляются импульсы с отрицательными значениями.

Итак, пассионарные толчки — не только помехи в эволюции человечества, но и очистительная сила, без которой эволюция вообще не могла бы продолжаться. Этой силой природа поддерживает баланс биосферы, в том числе и тел тех самых людей, которые полагают, что их мысли, сколь бы ни были они фантастичны, представляют наибольшую ценность для планеты Земля. Теперь-то мы знаем, что все философские учения и пророческие речения — только биосферные импульсы, отраженные какой-либо гранью великого вакуума, подстерегающего Жизнь на каждом шагу. И ради этого из Бездны в Мир пробиты черные дыры, каждая из которых называется «личным сознанием». Хорошо бы поставить на них заслонки, именуемые «совестью».

А сам пассионарный толчок, который был описан как эмпирическое обобщение, объясняющее колебания этносферы, явно неземного происхождения. Уже то, что оси зон толчков располагаются на поверхности планеты как линии, концы которых ограничены кривизной планеты, а перпендикуляры к ним проходят через центр Земли, указывает на зависимость оси толчка от магнитного поля планеты. Предположение, что эти энергетические удары по Земле идут не от Солнца, а из рассеянной энергии Галактики, нашло уточнение. Американский астроном Джон Эдди обнаружил, что деятельность Солнца варьирует настолько, что даже 11-летний цикл активности солнечных пятен не прослеживается. На основе этих выводов Джон Эдди составил график солнечной активности за 5 тыс. лет.^[445] И оказалось, что все датированные пассионарные толчки хронологически совпадают с минимумами солнечной активности либо с периодами ее спада. Это уже закономерность, позволяющая интерпретировать явление. При уменьшении солнечной активности защитные свойства ионосферы снижаются, и отдельные кванты или пучки излучения могут достигать земной поверхности. А жесткое излучение, как известно, вызывает мутации.

Мы не одиноки в мире! Близкий Космос принимает участие в охране природы, а наше дело — не портить ее. Она не только наш дом, она — мы сами.

Ради этого тезиса и был написан трактат, который теперь закончен. Посвящаю его великому делу охраны природной среды от антисистем.

Послесловие

Опыт построения схемы

Изучение биосферы как системной целостности наталкивается на большие трудности. Традиционные методы естествознания, позволяющие не только описывать процессы, но и устанавливать их генезис, оказываются не исчерпывающими из-за отсутствия датировок, пусть даже не очень строгих. Легко было заметить, например, что вследствие переноса путей циклонов в таком-то районе наступила длительная вековая засуха, отчего изменился характер растительности, а следовательно, и фауны, но установить даты начала и конца этого феномена невозможно без абсолютной хронологии. А последняя — дело истории, но, увы, историки от выполнения своей задачи уклоняются.

Последнее не случайно. История, в смысле — наука о событиях в их связи и последовательности, закончила свой накопительный период к концу XVIII в., и тогда же появилась потребность в ее интерпретации, нашедшая завершение в историческом материализме.

Однако раскрытие социальной закономерности — прогрессивного развития производительных сил и производственных отношений — осветило только одну сторону многогранного феномена, а соотношение человечества с биосферой осталось в компетенции диалектического материализма. К такому разделению историки не были подготовлены и предались уточнению деталей в сообщениях источников. Однако при этом неизбежно терялись контуры главного объекта этнической истории — дискретного многовекового процесса этногенеза, его начал и концов.

А теперь попытаемся ответить на вопрос, который автору приходилось слышать очень часто: «Если закономерности этногенеза лежат в природе и мы не можем их изменять, то нужна ли такая наука? Стоит ли на нее тратить время и силы?» Да, действительно, процессы этногенеза по сравнению с возможностями человека, даже вооруженного могучей техникой, столь грандиозны, что пытаться их корректировать непосредственно — бессмысленно. Но это не значит, что учет оказываемого ими влияния не имеет практического значения, а изучение этнологии — занятие бесперспективное. Ведь никто не считает бесполезной метеорологию — науку о погоде или физику атмосферы на том основании, что человек бессилен прямо воздействовать на такие атмосферные явления, как циклоны или антициклоны! Напротив, эти науки считаются крайне полезными, поскольку влияние глобальных атмосферных

процессов на людей и их деятельность чрезвычайно велико. Гораздо важнее в данном случае и то обстоятельство, что влияние погоды для всех очевидно: оно учитывается не только при выборе подходящего времени для пикников, но и при составлении хозяйственных прогнозов.

Все сказанное выше о метеорологии и физике атмосферы может быть с полным основанием отнесено и к сейсмографии, и к геоморфологии, и к целому ряду других наук о Земле, предмет которых является внечеловеческим, а практическое значение — никем не подвергается сомнению.

Польза этнологии, ее прикладное значение не столь очевидны. И вот почему. Хотя этногенез — тоже статистический природный процесс и последствия его имеют не меньший масштаб, нежели ураган или выброс пепла из вулкана, идет он медленно: от момента пассионарного толчка до полного затухания его инерции проходит свыше тысячи лет. Современников, занятых делами, обманывает абберрация близости, и им кажется, что за время их жизни ничего существенного с этнической системой не произошло. Но это еще полбеда. Хуже то, что научные сотрудники на этой основе принимают этнос за некую постоянную величину, влиянием которой можно пренебречь без последствий.

Живучесть подобного взгляда легко объяснима: исторические науки, к сожалению, остановились на установлении последовательности событий и, в лучшем случае — на классификации их по географическим регионам, подходе, позволяющем строить синхронистические таблицы.

Это повело к подмене подлинного исторического анализа многочисленными описаниями «броуновского движения» в истории как ее реального развития. Но ведь даже капля из тучи падает не прямо вниз. Любое длительное движение непросто. Оно включает в себя ряд мелких отклонений, которые взаимно компенсируются. Это видно даже на рис. 7.

Но представим себе наблюдателя, который изучает не весь ход капли до земной поверхности, а любые два сантиметра в середине пути. Он неизбежно придет к выводу о ложности закона Ньютона: ведь капля, по его наблюдению, движется не только вниз, но вбок и часто вверх. Вывод ложен, но логичен, ибо ошибка скрыта в постановке задачи: допущено право исследователя на сужение темы, без координации с окружающими проблемами.

И пусть не говорят, что такого не бывает! На аналогичную методику, ведущую к заведомым заблуждениям, жаловался еще Аку-Аку Тура Хейердала.

Представленный нами на суд читателей трактат имел целью не столько

уяснение истории как таковой, сколько понимание истории как пособия для решения проблем естествознания, в частности изучения биосферы.

Рис. 7. Броуновское движение оседающей капли (Шредингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физика. 2-е изд. М., 1972)

Прямое же изучение динамики этнических систем как ее части возможно лишь при обработке исторического материала методами естественных наук. Исследуя таким методом историю какого-либо одного суперэтноса, мы установим причинно-следственные связи, определяющие ход процесса. Если же прибавить к этому историю этнических контактов между разными суперэтнoсами за длительный период времени, то мы получим динамику развития суперэтносов (см. рис. 6 на с. 417). Установление взаимозависимости этой динамики с ландшафтными изменениями и есть та задача, которая решается этнологией. При ее решении становится очевидным, что поступки людей как на персональном, так и на популяционном уровнях в социальной и этнической среде имеют диаметрально противоположные последствия. В социальной среде важно, *что* и *как* человек сделал: каменный нож, электрическую лампочку или атомную бомбу. Чаще всего он не может предвидеть последствий своих изобретений, потому что развитие социосферы носит спонтанный

характер, причина которого лежит внутри нее самой. Это саморазвитие изучается социологией.

В этнической среде человек или этнос как система могут не сделать чего-либо вредного для природы, частью которой являются они сами. Значит, необходимо предвидеть последствия своих поступков в отношении природы, ибо любая ошибка может стать роковой. Не стоит повторяться и рассказывать о множестве поводов для борьбы против цивилизации в защиту природы, хотя эта тема и входит в компетенцию этнологии.

Вторая возможность практического применения этнологии — изучение этнических контактов и выбор линии поведения, необходимой для установления симбиоза. Необходимость именно такой формы сосуществования между народами не нуждается в доказательстве. Вряд ли сегодня найдется человек, взявший на себя смелость проповедовать геноцид.

И наконец, хотя самочувствие человека в потоке этногенеза детерминировано статистической закономерностью, это не значит, что на персональном уровне исчезает свобода выбора между несколькими решениями, когда к этому предоставляется возможность. А она предоставляется постоянно; важно только не упустить случай.

Пусть один человек не может изменить фазу этногенеза или число подсистем в этнической системе, но на низких таксономических уровнях — субэтническом и особенно на организменном — возможны индивидуальные усилия, способные породить события, которые только впоследствии и далеко не сразу компенсируются общей статистической закономерностью. Иными словами, человек с большой пассионарностью иногда может создать зигзаг на кривой развития, даже такой, который будет зафиксирован в истории. Конечно, очень соблазнительно все беды сваливать либо на Аллаха, либо на математические законы природы Лапласа, либо на пространственно-временной континуум Эйнштейна. Но волевой акт — тоже явление природы, ибо непосредственно связан с физиологией человека, нервной и гормональной. Поскольку ни один человек не может жить вне этнической системы, способной как усилить его напряжения, так и свести их к нулю, то именно людям механизм этногенеза не может быть практически безразличен.

И еще одно. Говоря о возможных источниках пассионарных толчков, мы не отбросили только одну гипотезу — космическое излучение. Правда, при нынешнем уровне знания о ближнем космосе эта гипотеза не может быть строго доказана, но зато она не встречает фактов, ей противоречащих.

Если эта гипотеза и в дальнейшем не встретит противоречащих ей

фактов, то этнология даст возможность получить данные о достояниях ближнего космоса и его контактах с поверхностью Земли в эпохи, строго фиксируемые абсолютной хронологией. Допуск в плюс-минус 50 лет — величина ошибки для определения длины инкубационного периода — невелик, а практическая ценность данных: об энергетических вариациях в ближнем космосе за 4–5 тысячелетий несомненна.

Влияние ближнего космоса на наземные явления — не парадокс, а скорее трюизм. Луна вызывает приливы в океанах; солнечная активность — причина смещения путей циклонов через воздействие на затропический барический максимум; он же вызывает мутации вирусов и связанные с ними эпидемии. Все это не мистика, а география. Так какие же существуют причины к тому, чтобы отвергать воздействия окружения планеты на ее поверхность?

Ну, а если гипотеза воздействия каких-либо лучей на антропосферу не подтвердится? Если биологи обнаружат другую причину мутаций и особенно — микромутаций, изменяющих не анатомию, а только физиологию организмов высших родов позвоночных? Значит ли это, что космос не причина вспышек этногенеза? Нет! Ибо полосы толчков, на которых рождаются этносы-сверстники, — эмпирически зафиксированный факт.

А если найдется талантливый психолог, который откроет физиологический механизм пассионарности и свяжет его не с вегетативной нервной системой организма, а с гормонами или влиянием микроорганизмов, живущих в симбиозе с их носителем? Или если он объяснит повышенную активность пассионариев не как выброс излишней биохимической энергии живого вещества, а как способность выдавать эту энергию целенаправленно? Или генетик, уточнит способ передачи пассионарности как признака? Что изменится в описании феномена этногенеза? Ничего! Потому что этногенез — явление, наблюдаемое не на молекулярном и даже не на организменном уровне, а на популяционном, имеющем собственные черты, присущие только этому уровню.

Космические и планетарные вариации стоят на несколько порядков выше этногенезов, влияют на всю биосферу, включающую не только совокупность живых организмов, но и почвы, т. е. трупы растений и свободный кислород воздуха. И хотя этносы — капля в океане биосферы, они не могут не реагировать на ее флуктуации.

Короче говоря, нами описана природная закономерность, не содержащая философов. Описание построено на фактах, и только новые несомненные факты могут поколебать концепцию.

Иерархия

Выше читателю была предложена иерархия приближений, позволяющая соблюсти принцип масштабности и использовать весь нужный исторический материал (см. табл. 3).

Пользуясь таблицей последовательных приближений, можно найти место этногенеза, испытывающего воздействия не только со стороны биосферы, но и со стороны спонтанного общественного развития. Это воздействие опосредовано так называемой «логикой событий», т. е. тем разделом истории, с которого она начала изучаться: войны, дипломатия, внутренние перевороты, захваты власти и т. п. Этот материал обилен, но применение его требует строгого соблюдения масштабности, чтобы маловажные события не ставились в один ряд с крупными. Поэтому судьбы отдельных личностей поставлены на два порядка ниже, нежели судьбы социальных систем (см. рис. 8).

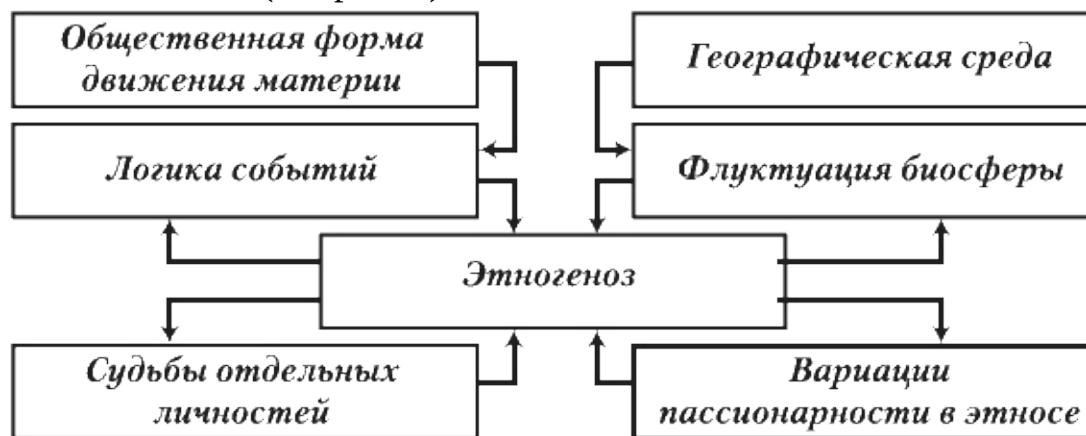

Рис. 8. Взаимодействие социо- и этносферы

Табл. 5 представляет собой резюме, обобщающее содержание всей концепции этногенеза в его субстанционной части.

Фазы	Господствующие императивы	Фазовые переходы
Исходное сочетание этносов и ландшафтов региона	Разнообразны	
Пассионарный подъем: инкубационный (скрытый) период	«Надо исправить мир, ибо он плох!»	Пассионарный толчок: пусковой момент этногенеза
Пассионарный подъем: явный период		Оформление этнической системы
Акматическая фаза	«Мы хотим быть великими!»	Переход к акматической фазе
	«Будь самим собой!»	
	«Мы устали от великих!»	Переход к фазе надлома
Надлом	«Мы знаем, мы знаем, все будет иначе!»	
	«Дайте же жить, гады!»	Переход к инерционной фазе
Инерция	«Будь таким, как я!»	
	«С нас — хватит!»	Переход к фазе обскурации
Обскурация	«Будь таким, как мы!»	
	«День, да мой!»	Переход к мемориальной фазе: возможна регенерация
Мемориальная фаза	«Помни, как было прекрасно!»	
	«Будь сам собой доволен, тролль!»	Переход к гомеостазу: реликт

О том, чего в книге нет

Как будто в книге «Этногенез и биосфера Земли» проблема взаимоотношений человечества с природной средой описана достаточно полно, вплоть до того, что сделана попытка объяснить причины необратимых разрушений природы и культуры. Да, теперь мы знаем, что подобные нарушения конверсии биоценозов возникают только при этнических контактах на суперэтническом уровне, но ведь они и там проявляются не всегда. Последствия такого контакта — химера — это «слабое» место в этносфере. Здесь пробивается нечто противоестественное, нечто антинатуральное, но химера — только повод к его появлению, а сама по себе она просто неустойчивая система, конструкция, ломающаяся при малейшем толчке, а подчас и от собственной тяжести.

Когда сочетаются два поведенчески чуждых и несовместимых суперэтноса, наступает период бурных коллизий. Неизмеримо трагичнее ситуация, при которой в страну, переживающую смену поведенческого стереотипа (фазы этногенеза), попадает не просто чужой этнос, но уже сложившаяся антисистемная община. Если в первом случае из контакта и может сложиться новая этническая целостность, то это также происходит вследствие очередного размежевания, как было в той же Латинской Америке в начале XIX в. Сколько крови унес этот процесс — подумать страшно! Борьба Симона Боливара погубила столько же людей в редконаселенной Америке, сколько унесли войны Наполеона Бонапарта в густонаселенной Европе — 1 млн. человек.

И все-таки это не предел бедствий. Когда сочетаются не две системы, а система с антисистемой, — война становится еще более жестокой и неоправданной. Как ни ужасно грубое насилие и разнузданность страстей человеческих, хуже ложь и предательство, потому что они противоестественны. Итак, наряду с этносами, закономерно проходящими фазы этногенеза, возникают и исчезают химерные целостности, лишенные развития и не имеющие возрастов; несмотря на кратковременность своего существования, они играли заметную роль в этнической истории и потому заслуживают описания и анализа, чему будет посвящена следующая книга — о смелых богатырях, алчных рыцарях и одурманенных гашишем убийцах.

Словарь понятий и терминов

Аберрация близости — преувеличение грандиозности недавних событий сравнительно с более ранними.

Аберрация дальности — расплывчатость далеких явлений, что создает ложное впечатление их незначительности.

Аберрация состояния — восприятие наблюдателем динамики долгоидущего процесса как совокупности статических состояний вследствие кратковременности восприятия процесса человеком.

Адаптация в этногенезе — приспособление этноса к ландшафту, происходящее путем выработки новых стереотипов поведения.

Актуализм — ощущение времени, при котором настоящее воспринимается как единственная объективная реальность.

Аннигиляция — распад на субатомном уровне с необратимой потерей световой энергии, уходящей в межгалактический вакуум.

Антисистема этническая — системная целостность людей с негативным мироощущением.

Аттрактивность — влечение к абстрактным ценностям истины, красоты и справедливости.

Бездна — пустота, или вакуум, не являющийся частью материального мира.

Биосфера — оболочка Земли, состоящая из живого вещества и продуктов его деятельности, обладающая антиэнтропийными свойствами.

Биохимическая энергия — см. *Энергия живого вещества биохимическая*.

Биполярность — возможность развития систем в двух направлениях: либо к усложнению, либо к упрощению с лимитом в вакууме.

Вакуума нулевые колебания — мгновенный процесс возникновения и уничтожения виртуальных частиц в вакууме (пустоте).

Вариант этнического контакта — различия в способах взаимодействия этнических систем.

Воля — способность совершать поступки согласно свободно сделанному выбору.

Время историческое — процесс уравнивания энергетических потенциалов между элементами этносферы, нарушаемый пассионарными толчками.

Гармоничные особи — особи, пассионарный импульс которых равен

по величине импульсу инстинкта самосохранения.

Генетический «дрейф» — явление рассеивания пассионарного признака путем случайных связей, обычных во время войн.

Гюбиценоз, или *биоценоз* данного региона — законченный комплекс форм, исторически, экологически и физиологически связанный в одно целое общностью условий существования.

Геохор — участок земной поверхности, однородный в своих экологических особенностях и отличающийся по этим особенностям от смежных участков.

Деяния — поступки, являющиеся результатом свободного выбора (сознательной деятельности) человека (в отличие от явлений).

Диахроническая шкала — система отсчета времени от пусковых моментов различных этнических систем для их сопоставления по фазам этногенеза.

Дивергенция этническая — распад этнической системной целостности с потерей ощущения комплиментарности на заданном уровне этнической иерархии.

Динамическое состояние этнической системы — такое состояние этнической системы, при котором вследствие пассионарного толчка колебания биохимической энергии — пассионарности приводят к смене фаз этногенеза и активному преобразованию этноландшафтной среды (в отличие от гомеостаза).

Дискретность этнической истории — прерывистость причинно-следственных связей, определяющая начало и конец любого из этногенезов.

Идеал — далекий прогноз, иногда иллюзия.

Императив поведения — идеальный принцип отношения этнического коллектива к индивиду, господство этого принципа в стереотипе поведения этноса связано с фазой этногенеза или сменой фаз.

Императив поведения негативный — стремление к упрощению системы.

Императив поведения позитивный — стремление к усложнению системы.

Импульс инстинкта — см. *Импульс поведения инстинктивный*.

Импульс поведения инстинктивный (инстинкт) — врожденный поведенческий импульс, направленный на личное и видовое самосохранение.

Импульс сознания — эгоизм, требующий (в отличие от аттрактивности) для своей реализации рассудка и воли.

Инкубационный период — часть фазы подъема от момента

пассионарного толчка или начала генетического дрейфа до появления этноса как новой этносоциальной системы.

Инкубационный период скрытый — та часть инкубационного периода, когда рост пассионарного напряжения не приводит к фиксации событий истории современниками.

Инкубационный период явный — та часть инкубационного периода, когда рост пассионарного напряжения уже вызывает фиксацию событий современниками, но еще не приводит к этнической дивергенции и появлению новой этносоциальной системы.

Истинность — суждение, адекватное заданной сумме наблюдаемых фактов, где погрешность не превышает заданного допуска.

Историческая судьба — цепочка событий, казуально связанных их внутренней логикой.

История антропогенных ландшафтов — история взаимодействия общества и природы через механизм этнической системы.

История культуры — коллективная память этносов о своих культурных традициях.

Комплиментарность — положительная (отрицательная) — ощущение подсознательной взаимной симпатии (антипатии) особей, определяющее деление на «своих» и «чужих».

Конвиксия — группа особей с однохарактерным бытом и семейными связями, низший таксон этнической иерархии.

Консорция — группа людей, объединенных, часто эфемерно, одной исторической судьбой на короткое время.

Констелляция в суперэтнотипе — сходство тенденций развития этносов в пределах суперэтнотипа вследствие происхождения от одного пассионарного толчка.

Ксения (букв. «гостья») — вариант симбиоза, при котором небольшая группа представителей иного этноса живет среди аборигенов и не смешивается с ними.

Логика событий — причинно-следственные связи между событиями, детерминирующие дальнейший ход самих событий.

Ложь — сознательное искажение истины.

Мера устойчивости этноса — показатель плотности этнических связей различных весов и знаков (в кибернетическом смысле), определяющий степень сопротивляемости этноса внешним воздействиям.

Месторазвитие; или *родина этноса*, — неповторимое сочетание элементов ландшафта, где этнос впервые сложился как система.

Мироощущение — фиксированное сознанием происхождение

отраженного от вакуума импульса пассионарности (биохимической энергии), выражающееся в отношении к идеальным абстрактным ценностям и материальному миру.

Мироощущение негативное — отношение к материальному миру, выражающееся в стремлении к упрощению систем.

Мироощущение позитивное — отношение к материальному миру, выражающееся в стремлении к усложнению систем.

Мозаичность этноса — неоднородность внутренней структуры, необходимая для поддержания этнического единства.

Ностальгия — ощущение несовместимости с иным этическим полем.

Пассеизм — ощущение времени, при котором прошлое воспринимается как единственная объективная реальность.

Пассионарии — особи, пассионарный импульс поведения которых превышает величину импульса инстинкта самосохранения.

Пассионарная индукция — явление трансформации поведения гармоничных особей и субпассионариев в присутствии пассионариев под влиянием пассионарного поля.

Пассионарное напряжение — см. *Уровень пассионарного напряжения этнической системы*.

Пассионарное поле — поле, обусловленное наличием биохимической энергии — пассионарности.

Пассионарность как характеристика поведения — эффект избытка биохимической энергии живого вещества, порождающий жертвенность часто ради иллюзорной цели.

Пассионарность как энергия — избыток биохимической энергии живого вещества, обратный вектору инстинкта и определяющий способность к сверхнапряжению.

Пассионарный импульс — см. *Пассионарный импульс поведения*.

Пассионарный импульс поведения, или *пассионарный импульс* — поведенческий импульс, направленный против инстинкта личного и видового самосохранения.

Пассионарный признак — рецессивный генетический признак, обуславливающий повышенную абсорбцию особью биохимической энергии из внешней среды и выдачу этой энергии в виде работы.

Пассионарный толчок — микромутация, вызывающая появление пассионарного признака в популяции и приводящая к появлению новых этнических систем в тех или иных регионах.

Персистенты, или *изоляты*, или *статические этносы*, или *реликты* (синонимы) — этнические системы, находящиеся в этническом гомеостазе.

Эти термины в контексте работы — синонимы.

Полоса свободы — совокупность ситуаций, при которых возможен свободный выбор. Именно здесь осуществляется право отдельного человека на выбор тенденции развития (см. *Биполярность*).

Популяция — совокупность особей, населяющая в течение ряда поколений определенную территорию, в пределах которой осуществляется свободное скрещивание.

Принцип неопределенности в этнологии — объективное ограничение возможностей исследователя при наблюдении последовательности событий, позволяющее описать их только в одном из двух аспектов: либо в социальном, либо в этническом (природном).

Пусковой момент — момент пассионарного толчка в абсолютной временной шкале, являющейся точкой отсчета «0» для диахронической шкалы.

Разнообразие этносферы — неравенство энергетических потенциалов, вносимое в историческое время пассионарными толчками.

Разность потенциалов контактная — перепад пассионарности (биохимической энергии), возникающий при контакте двух и более суперэтносов.

Рассудок — способность свободного выбора реакции при условиях, это допускающих.

Ритм этнического поля — та частота колебания этнического поля, к которой этническая система адаптировалась посредством стереотипа поведения.

Саморегуляция этноса — способность этнической системы развиваться в направлении, обеспечивающем существование и адаптацию к среде с наименьшими возможными затратами биохимической энергии — пассионарности.

Сверхнапряжение — целенаправленное усилие, необходимое и достаточное для нарушения агрегатного состояния среды.

Сигнальная наследственность — передача навыков потомству путем научения через условный рефлекс подражания, формирующая стереотип поведения как высшую форму адаптации.

Симбиоз — сосуществование двух и более этносов в одном регионе, когда каждый занимает свою экологическую нишу.

Смерть — способ существования биосферных феноменов, при котором происходит отделение пространства от времени.

Смешение, или результат контакта — нарушение запрограммированного хода процесса этногенеза вследствие внешнего

воздействия.

Событие — разрывы системных связей.

Справедливость — соответствие морали и этики.

Старение — процесс потери инерции пассионарного толчка в этнической системе на персональном и этническом уровне.

Статическое ощущение времени — восприятие, при котором время игнорируется как реальность.

Стереотип поведения — изменяющийся по ходу времени комплекс стандартов поведения членов этнической системы, передаваемый путем сигнальной наследственности.

Структура стереотипа поведения этноса — строго определенная норма взаимоотношений между, а) этническим коллективом и индивидом, б) индивидов между собой, в) субэтносов между собой, г) этноса и субэтносов между собой.

Субпассионарии — особи, пассионарный импульс которых меньше импульса инстинкта самосохранения.

Субэтнос — этническая система, являющаяся элементом структуры этноса.

Сукцессия антропогенная — постепенное изменение вмещающего ландшафта, вносимое адаптирующимся этносом.

Суперэтнос — этническая система, состоящая из нескольких этносов, возникших одновременно в одном ландшафтном регионе, проявляющаяся в истории как мозаичная целостность.

Творчество — направленность поведения, возникающая в популяции вследствие пассионарного толчка.

Традиция культуры — сумма знаний и представлений, передаваемая по ходу времени от этноса к этносу.

Упрощение — уменьшение плотности системных связей в этнической системе.

Уровень пассионарного напряжения системы, или пассионарное напряжение — количество имеющейся в этнической системе пассионарности, деленное на количество персон, составляющих этническую систему.

Уровень этнического контакта — ранг контактирующих систем в этнической иерархии.

Усложнение — увеличение плотности системных связей в этнической системе.

Фаза акматическая — колебания пассионарного напряжения в этнической системе после фазы подъема на предельном для данной

системы уровне пассионарности.

Фаза инерционная, или *фаза инерции* — плавное снижение пассионарного напряжения этнической системы после надлома.

Фаза надлома — резкое снижение уровня пассионарного напряжения после акматической фазы, сопровождающееся расколом этнического поля.

Фаза мемориальная — состояние этноса после фазы обскурации, когда отдельными его представителями сохраняется культурная традиция.

Фаза обскурации — снижение пассионарного напряжения ниже уровня гомеостаза, сопровождающееся либо исчезновением этноса как системы, либо превращением его в реликт.

Фаза подъема — период стабильного повышения уровня пассионарного напряжения системы вследствие пассионарного толчка или генетического дрейфа.

Фаза этногенеза — совокупность таких уровней пассионарного напряжения системы, каждый из которых определяет господство в стереотипе поведения, единого для всей совокупности уровней императива поведения.

Флуктуации биосферы — локализованные в пространстве и времени изменения количества энергии живого вещества биосфера вследствие пассионарных толчков.

Футуризм — ощущение времени, при котором будущее воспринимается как единственная объективная реальность.

Химера — сосуществование двух и более чуждых суперэтнических этносов в одной экологической нише.

Энергия живого вещества биохимическая — свободная энергия, абсорбируемая живыми организмами из окружающей среды.

Энтропийный процесс — необратимый процесс потери энергии.

Этика антиэгоистическая, или *альтруистическая* — этика, при которой интересы этнического коллектива у индивида превалируют над его собственными.

Этика эгоистическая — этика, при которой интересы индивида и его семьи превалируют над интересами этнического коллектива.

Этническая диагностика — способ различения этносов по стереотипу поведения и принадлежности к той или иной традиции.

Этническая доминанта — явление или комплекс явлений (религиозный, идеологический, военный, бытовой), который определяет переход начального для процесса этногенеза этнокультурного многообразия в целеустремленное единообразие.

Этническая иерархия — динамичная в процессе этногенеза

соподчиненность этнических систем разных таксономических уровней (рангов).

Этническая история — функция этногенезов и этнических контактов за периоды, в которых события зафиксированы источниками.

Этническая регенерация — восстановление этнической структуры после потрясений.

Этническая традиция — сумма стереотипов поведения, передаваемых через механизм условного рефлекса.

Этнические контакты в аспекте этнического поля — интерференция вибраций этнических полей.

Этнический гомеостаз, или *гомеостатический уровень*, или *статическое состояние этноса* (синонимы) — устойчивое состояние этнической системы (структуры), при котором колебания биохимической энергии — пассионарности имеют место в ограниченных пределах, определяя этноландшафтное равновесие и отсутствие смены фаз этногенеза.

Этнический контакт — процесс взаимодействия двух и более этнических систем одного или разных рангов этнической иерархии.

Этнический субстрат — исходные этнические компоненты (два и более), интегрирующиеся вследствие пассионарного толчка в новый этнос.

Этническое поле — поле поведения и аттрактивности членов этнической системы, возникающее на основе пассионарного поля.

Этногенез — весь процесс от момента возникновения до исчезновения этнической системы под влиянием энтропийного процесса потери пассионарности.

Этногенез в аспекте этнического поля — динамика колебательного движения этнического поля.

Этнология — географическая наука, изучающая становление этносферы Земли как результат процессов этногенеза в историческую эпоху.

Этнопсихология — наука о проявляющейся в этнической истории смене устойчивых настроений этноса в зависимости от фазы этногенеза.

Этнос — естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как энергетическая система (структура), противопоставляющая себя всем другим таким же коллективам, исходя из ощущения комплиментарности.

Этносфера — земная оболочка, представляющая собой мозаичную в этническом отношении антропосферу, слагающуюся из всей совокупности этноценозов Земли.

Этноценоз — биогеоценоз, в пределах которого происходит развитие данного этноса, опосредованное процессом его адаптации.

Явления — результаты влияния биосферы на поведение человека и этнического коллектива.

notes

Примечания

«В лице современного человека процесс биологической эволюции создал обладателя таких видовых свойств, которые привели к затуханию дальнейшей эволюции» (Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Основы антропологии. М., 1955. С. 314); «Отсутствие естественного отбора было равносильно прекращению действия одного из факторов эволюции... и биологическая эволюция человека должна была остановиться» (Быстров А. П. Прошлое, настоящее, будущее человека. Л., 1957. С. 299); Дебец Г. Ф. О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида //Советская этнография. 1961. № 2. С. 16.

Калесник С. В. 1) Некоторые итоги новой дискуссии о «единой» географии //Известия ВГО. 1965. № 3. С. 209–221; 2) Несколько слов о географической среде //Там же. 1966. № 3. С. 247–248; 3) Проблемы географической среды //Вестник ЛГУ. 1968. № 12; 4) Общие географические закономерности Земли. М., 1970.

Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965. С. 283–285.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 124.

Вернадский В. И. Избр. соч.: В 6 т. Т. V.: Биосфера. М.; Л., 1960. С. 24–31.

Природа и общество: Сб. статей /Под ред. И. П. Герасимова и др. М., 1968, 1969. Анучин В. А. Теоретические проблема географии. М., 1972.

Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей //Вопросы философии. 1964. № 2; Агаев А. Г. Народность как социальная общность // Вопросы философии. 1965. № 2; Козлов В. И. О понятии этнической общности //Советская этнография. 1967. № 2; Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых //Советская этнография. 1967. № 4; Андрианов Г. В. Проблемы формирования народностей и наций в странах Африки //Вопросы истории. 1967. № 9; Брук С. И., Чебоксаров Н. Н., Чеснов Я. В. Проблемы этнического развития стран зарубежной Азии //Вопросы истории. 1969. № 1; Бромлей Ю. В. 1) К характеристике понятия «этнос» //Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы: Ежегодник /Отв. ред. И. Р. Григулевич. М., 1971; 2) Опыт типологизации этнических сущностей //Советская этнография. 1972. № 5; 3) Этнос и этнография. М., 1973; Козлов В. И., Покшишевский В. В. Этнография и география //Советская этнография. 1973. № 1.

Артамонов М. И. Опять «герой» и «толпа» //Природа. 1971. № 2. С. 75–77.

Народ, народность, нация, племя, родовой союз — все эти понятия обозначаются в этнологии термином этнос, раскрытию которого и посвящена настоящая книга. Условиться о значении любого термина легко, но это мало что дает, разве лишь исходную позицию для исследования. Раскрыть термин трудно, ибо это значит показать место феномена в природе и истории. Когда мне говорят: «Скажи просто», я отвечаю: «А что такое свет? Скажите просто». Еще никто не ответил. Вот поэтому я прошу читателя простить мне сложность изложения и прочесть книгу с начала до конца, ничего не пропуская.

Локвуд Д. Я — абориген. М., 1971. С. 142–145.

Фесуненко И. С четками и счетчиком Гейгера //Вокруг света. 1972.
№ 3. С. 14–17.

Биосфера — термин, введенный в науку В. И. Вернадским, означает одну из оболочек Земли, включающую в себя кроме совокупности живых организмов все плоды их былой жизнедеятельности: почвы, осадочные породы, свободный кислород атмосферы. Таким образом, установление связи этногенеза с биохимическими процессами биосферы не «биологизм», как полагают некоторые мои оппоненты, а уж скорее «географизм», хотя и такой «ярлык» вряд ли уместен; ведь все, что есть на поверхности Земли, так или иначе входит в сферу географии — либо физической, либо экономической, либо исторической.

Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. С. 273.

Вернадский В. И. Избр. соч.: В 6 т. Т. V: Биосфера. С. 19.

Малиновский А. А. Путь творческой биологии. М., 1969. С. 7.

Гумилев Л. Н. 1) Хазария и Каспий //Вестник ЛГУ. 1964. № 6. С. 95; 2) Хазария и Терек //Там же. № 24. С. 78.

Подробнее см.: Гумилев Л. Н. 1) Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии (опыт историко-географического синтеза) // Народы Азии и Африки. 1966. № 4. С. 85–94; 2) Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. 1967. № 1. С. 53–66; 3) Изменения климата и миграции кочевников // Природа. 1972. № 4. С. 44–52.

Selye H. From Dream to Discovery. New York, 1964 (цит. по: Мирская Е. З. Противоречивость научного творчества // Научное творчество / Под ред. С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского. М., 1969. С. 298). Ср.: Советская археология. 1969. № 3. С. 282–283.

Вернадский В. И. Избр. соч. Т. V. С. 19.

Калесник С. В. Основы общего землеведения. М., 1955. С. 412–416.

См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 176.

Болтин И. Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным: В 2 т. Т. 2. СПб., 1788. С. 20.

Вернадский В. И. Избр. соч. Т. V.

Берг Л. С. Номогенез. Пг., 1922. С. 180–181.

Калесник С. В. Основы общего землеведения. С. 455.

Савицкий П. Н. Географические особенности России (I). Прага, 1927.
С. 30–31.

Плеханов Г. В. Нечто об истории //Соч.: В 24 т. Т. 8. М.; Л., 1923. С. 227.

Гегель Ф. Философия истории //Соч.: В 14 т. Т. 8. М., 1935. С. 72.

Яцунский В. К. Историческая география. М., 1955. С. 3.

Берг Л. С. Климат и жизнь. М., 1974.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период //Изв. ГО. 1933. Т. XI. Вып. 5.

Берг Л. С. Уровень Каспийского моря в историческое время: Очерки по физической географии. М.; Л., 1949. С. 205–279; Шнитков А. В. Ритм Каспия // Доклады АН СССР. 1954. Т. 94. № 4; Аполлов Б. А. 1) Доказательство прошлых низких состояний уровня Каспийского. М., 1951; 2) Колебания уровня Каспийского моря // Труды ин-та океанологии. 1956. Т. XV.

Бетин В. В., Преображенский Ю. В. Суровость зим в Европе и ледовитость Балтики. Л., 1962; Бучинский И. Е. Очерки климата Русской равнины в историческую эпоху. Л., 1957.

Гумилев Л. Н. Хунну. М., 1960. С. 59–62.

Берг Л. С. Климат и жизнь.

Мерперт И. Я., Патуто В. И., Черепин Л. В. Чингис-хан и его наследие
//История СССР. 1962. № 5. С. 56.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Рост пустынь...

Руденко С. И., Гумилев Л. Н. Археологические исследования П. К. Козлова в аспекте исторической географии //Изв. ВГО. 1966. Вып 3. С. 244.

Гумилев Л. Н. 1) Гетерохронность увлажнения Евразии в древности (Ландшафт и этнос. IV) //Вестник ЛГУ. 1966. № 6. С. 64–71; 2) Гетерохронность увлажнения Евразии в Средние века (Ландшафт и этнос. V) //Там же. 1966. № 18. С. 81–90.

Китайский император Цянь Лун произвел массовое истребление ойратов, причем маньчжуры охотились за женщинами, детьми и старцами, не давая пощады никому. Официальная китайская история ограничилась простой справкой: «Было убито более миллиона ойратов». Грандиозное событие потонуло в казенщине, и разве только оно одно?! Увы, история человечества известна нам с разной степенью подробности, а это равносильно тому, как если бы географ имел карту на одном планшете 1:200 000, а на другом — 1:100.

Леруа Ладюри Э. История климата за 1000 лет. Л., 1971. С. 14–15.

«Миграция отвечает исключительно сложным человеческим побуждениям и движущим силам. Голод возникает, когда создаются тяжелые условия для производства зерновых, и климатически дешифровать их никогда нельзя *a priori*, поскольку речь может идти... о метеорологических событиях, иногда кратковременных и незначительных в климатическом смысле» (Там же. С. 17).

См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 16.

Семевский Б. Н. Методологические основы географии //Вестник ЛГУ. 1968. № 24. С. 58–60; Калесник С. В. Проблема географической среды // Там же. 1968. № 12. С. 94.

Козлов В. И., Покшишевский В. В. Этнография и география // Советская этнография. 1973. № 1. С. 9–10.

Кон И. С. Диалектика развития наций: Ленинская теория наций и современный капитализм //Новый мир. 1970. № 3. С. 133–149.

Козлов В. И., Покшишевский В. В. Этнография и география. С. 3–13.

Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Советская этнография. 1972. № 5.

Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Основы антропологии. М., 1955. С. 325–329.

См.: Тимофеев-Ресовский Д. В. Микроэволюция. Элементарные явления. Материал и факторы микроэволюционного процесса // Ботанический журнал. 1958. Т. 43. № 3.

Бромлей Ю. В. Опыт типологизации этнических общностей // Советская этнография. 1972. № 5. С. 61. — И, видимо, не случайно в том же журнале год спустя напечатано еще одно филологическое исследование о термине «этнос», обосновавшее употребление его в том смысле, в каком оно фигурирует у Л. Н. Гумилева и у Ю. В. Бромлея (см.: Поплинский Ю. К. К истории возникновения термина «этнос» // Советская этнография. 1973. № 1).

Козлов В. И., Покшишевский В. В. Этнография и география. С. 10.

Алексеев В. П. В поисках предков. М., 1972.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967. С. 359–360.

Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969. С. 56.

Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей //Вопросы философии. 1964. № 11. С. 52–53. См. также: Агаев А. Г. Народность как социальная общность //Вопросы философии. 1965. № 11. С. 30.

Мурзаев Э. М. Природа Синьцзяна и формирование пустынь Центральной Азии. М., 1968. С. 185–190.

Гумилев Л. Н. Терракотовые фигурки обезьян из Хотана (опыт интерпретации) //Сообщения Эрмитажа. 1959. Т. XVI. С. 55–57.

Прекрасное описание природы этих мест см.: Мурзаев Э. М. Путешествия без приключений и фантастики. М., 1962, С. 52–58.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии /Сост. Л. Н. Гумилев и М. Ф. Хван. Чебоксары, 1960. С. 558.

Мурзаев Э. М. Путешествия без приключений и фантастики. С. 113–129.

Подробнее см.: Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 381–386.

Книга Марко Поло /Отв. ред. И. П. Магидович. М.; Л., 1956, С. 81–82.

Широкогоров С. М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений //Изв. восточного ф-та Дальневосточн. ун-та (Шанхай). 1923. XVIII. Т. I. Предисловие. С. 4–6.

Там же. С. 28.

Там же. С. 122.

Там же. С. 124–126.

Toynbee A. J. Study of History /Abridgement by D. Somervell. London; New York; Toronto, 1946.

Широкогоров С. М. Этнос... С. 126–129.

Там же. С. 100.

Там же.

Там же. С. 118.

Там же. С. 119.

Козлов В. И. Что такое этнос? //Природа. 1971. № 2. С. 74.

Артамонов М. И. Опять «герои» и «толпа» // Там же. С. 77.

Необходимость разбора этого тезиса обусловлена тем, что широко бытует мнение, будто этническое самосознание как один из социальных факторов определяет не только существование этноса, но и возникновение его (Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 121–123). Самосознание проявляется в самоназвании. Следовательно, если будет доказано несовпадение того и другого, то вопрос об их функциональной связи отпадает.

Подробнее см.: Гумилев Л. Н. Древние тюрки.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Когда произошло и чем было вызвано распадение монголов на восточных и западных //ИРГО. 1933. Т. XVI. Вып. 2.

Никонов В. А. Этнонимия //Этнонимы /Отв. ред. В. А. Никонов. М., 1970. С. 10–11.

Шенников А. А. Жилые дома ногайцев Северного Причерноморья // Славяно-русская этнография /Отв. ред. И. Н. Уханова. Л., 1973. С. 47–52.

Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 311–313.

Ср.: Рыбаков Б. А. 1) О преодолении самообмана //Вопросы истории. 1970. № 3; 2) «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 28; Гумилев Л. Н. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? //Русская литература. 1972. № 1.

Исторической судьбой мы называем цепочки событий, казуально связанные их внутренней логикой.

Итс Р. Ф. Введение в этнографию. Л., 1974. С. 50.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 313.

Там же. Т. 13. С. 20.

Там же. С. 37.

Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. VI. М., 1939. С. 356 и сл.

Тьерри О. Избр. соч. М., 1937. С. 214.

Горький А. М. Сторож //Собр. соч.: В 30 т. Т. 15. М., 1951. С. 81.

Toynbee A. J. Study of History /Abr. by D. Somervell, London; New York; Toronto, 1946. P. 120–121.

Гумилев Л. Н. Этногенез и этносфера // Природа. 1970. № 1. С. 46–47.

Название «рenegат» в те времена не имело оскорбительного оттенка, и переход на службу к врагу был явлением обыденным. Но если переход в рамках одного суперэтноса даже не считался изменой, то уход к мусульманам лишал ренегата былой этнической принадлежности, как поет в известной оперетте «Запорожец за Дунаем» герой, убежавший к туркам: «Теперь я турок, не казак».

Смирнов В. Д. Кучибей Гомюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб., 1873. С. 266–267.

Бернье Ф. История последних политических переворотов в
государстве Великого Монгола. М., 1936

Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия // Советская этнография. 1969. № 6. С. 84–91.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии //Сост. Л. Н. Гумилев, М. Ф. Хван. Чебоксары, 1960. С. 638.

Таков был, например, ввоз опиума в Китай в XIX в. Причем сначала путем распространения наркотика по дешевым ценам был создан спрос на него. Аналогична продажа спиртных напитков индейцам Канады за меха.

Гумилев Л. Н. Этнос и категория времени // Доклады Географического общества СССР. Вып. 5. Л., 1970. С. 143–457.

Козин С. А. Сокровенное сказание. М.; Л., 1941. С. 140.

Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1966. С. 119–149, 152–281.

Или коэффициент при факте связи (в кибернетическом смысле), например мера заботы отца о сыне.

Росс Эшби У. Введение в кибернетику. М., 1959. С. 13.

Там же. С. 18.

Там же. С. 13.

Там же. С. 21.

Там же. С. 14.

Берталанфи Л. Общая теория систем — критический обзор // Исследования по общей теории систем. Под ред. В. Н. Садовского, Э. Г. Юдина. М., 1969. С. 28.

Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Задачи, методы и приложения общей теории систем //Там же. С. 12.

Малиновский А. А. Общие вопросы строения системы и их значение для биологии //Проблемы методологии системного исследования /Под редакцией И. В. Блауберга и др. М., 1970. С. 145–150.

Рашевский Н. Организмические множества. Очерк общей теории биологических и социальных организмов //Исследования по общей теории систем. М., 1969. С. 445.

Это не биологическая и не только социальная система, так как «анalogии биологических и социальных уровней не обоснованы» (Малиновский Л. А. Общие вопросы... С. 182).

Свиридов М. Н. На переднем крае космической науки // Природа, 1966.
№ 8. С. 112.

История Италии; В 3 т. Т. 1. /Под ред. В. Д. Сказкина. М., 1970. С. 233.

Соколов Н. П. Венеция между гвельфами и гибеллинами //Вопросы истории. 1975. № 9. С. 142–153.

Говоря так про природный процесс, мы не допускаем антропоморфизма, а просто применяем привычный оборот по типу «ручей проложил себе русло и образовал излучину».

Тьерри О. Избр. соч. С. 244–247.

«Франками» в XIII в. на Ближнем Востоке называли всех западноевропейцев.

Бертельс А. Е. Насир-и-Хосров и исмаилизм. М., 1959. С. 202–247.

Ныне арабами называют население Ближнего Востока, говорящее на арабском языке. Это неправильно. Большая часть населения Сирии, Ирана и Северной Африки — смесь древних этносов в зоне контакта. Потомки истинных арабов — бедуины Саудовской Аравии.

Стеблин-Каменский М. И. Культура Исландии. Л., 1967.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 610.

Спаслись дезертиры, нашедшие убежище в Парфии и на Рейнской границе Римской империи.

Неру Д. Открытие Индии. М., 1955. С. 53.

Шибутани Т. Социальная психология. М. 1969. С. 28.

Там же. С. 32.

Там же. С. 42.

Наиболее сложному и важному из них посвящен особый экскурс (см.: Гумилев Л. Н. Этнос и категория времени // Доклады отделений и комиссии ВГО. Вып. 15. 1970.).

Холден Дж. Б. С. Факторы эволюции. М.; Л., 1935. С. 71 и сл.

Там же. С. 82. — Аналогичный вывод можно сделать, используя методику кибернетики: «В множестве, подвергаемом однозначному преобразованию, разнообразие не может увеличиваться, но обычно будет уменьшаться» (Росс Эшби У. Введение в кибернетику. С. 193).

Вводя понятия «альтруизм» и «эгоизм», мы отнюдь не придаем им качественной оценки. «Хорошо» и «плохо» не имеют к ним никакого касательства, что явствует из дальнейшего. Употребление привычных слов в качестве научных терминов оправдывается лишь необходимостью облегчить читателю понимание построения концепции как таковой. «Альтруизм» точнее назвать «антиэгоизмом».

Рынков Ю. Г. Антропология и генетика изолированных популяций (Древние изоляты Памира). М., 1969.

Бергаланфи Л. Общая теория систем. С. 65–68.

Термин установившийся, но слишком общий, не дающий перспектив решения и понимания проблемы.

«Мозаичность» предполагает наличие в антропосфере структурного членения по этническому принципу.

Итс Р. Ф. Введение в этнографию. С. 43–46.

Из рассмотрения опущены Америка, Океания и Африка южнее Сахары — как требующие специального описания.

Индийский полуостров — это полуко́нтинент, на территории коего суперэтнические целостности возникали с глубокой древности. Современная целостность — это мемориальная фаза этногенеза суперэтнoса, созданного в VIII в. раджпутами. Так называемая «раджпутская революция» произошла в VII в. одновременно с арабо-исламской, табгачской (династия Тан в Китае) и подъемом древнего Тибета (см. Гумилев Л. Н. Величие и падение Древнего Тибета //Страны и народы Востока. М., 1968. С. 153–182). Вторжения мусульман и англичан были посторонними воздействиями, унесшими много жизней, но не нарушившими процесса этногенеза Индии.

Кельты уже в I тысячелетии были завоеваны римлянами — на Западе, маркоманнами — в Восточной Европе и сарматами в степях. Но начало «кельтского мира» лежит в X в. до н. э., когда кельты были распространены от Северного Кавказа (киммерийцы) до Исландии (кельтиберы). Для характеристики суперэтноса необходимо рассматривать не только пространственные, но и временные границы и, следовательно, учитывать возрасты этносов, составляющих суперэтносы. Для характеристики суперэтносов их расширение и сужение, как военная мощь, значения не имеют, важна исключительно степень межэтнической близости.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

Гумилев Л. Н. Сказание о хазарской дани //Русская литература. 1974.
№ 3.

Подробнее см.: Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. М., 1974.

Wieger L. Textes historiques. Hien-Hien, 1905–1907. P. 1428.

Grousset R. L. Empire des Steppes. Paris, 1960. P. 96.

Цит. по: Toynbee A. J. Study of History /Abridgement by D. Somervell. London; New York; Toronto, 1946. P. 260–261.

С этим согласен А. Тойнби (см.: Ibid. P. 262).

Цит. по: Ibid. Р. 409–410.

Боливар С. Избр. произв. М., 1983. С. 83.

Toynbee A. J. Study of History /Abridgement by D. Somervell. London; New York, Toronto, 1946. P. 60 sqq.

Конрад Н. И. Запад и Восток. С. 454.

Там же. С. 455.

Там же. С. 457.

Конрад Н. И. 1) О рабовладельческой формации //Там же. С. 33–53; 2) Средние века в исторической науке //Там же. С. 89–118.

Там же. С. 454.

Там же. С. 37.

Там же. С. 455.

Там же. С. 54–88.

Там же. С. 76.

Там же. С. 33.

Противопоставление Ирана Турану, т. е. оседлых арийцев, принявших зороастризм, степным арийцам, сохранившим культ дэвов, не потеряло значения вплоть до арабского завоевания VII в.

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. С. 122–123.

Grousset R. Bilan de l'histoire. Paris, 1946. P. 103–104.

Калесник С. В. Общие географические закономерности Земли. М., 1970.

Подробнее см.: Гумилев Л. Н. Место исторической географии в востоковедных исследованиях // Народы Азии и Африки. 1970, № 1. С. 85–94.

Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 1966.

Яцунский В. К. Предмет и задачи исторической географии //Историк-марксист. 1941. № 5 (93). С. 21.

Там же. С. 27.

Леруа Ладюри Э. История климата с 1000 года.

Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 1966.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 87–100.

Козлов В. И. О биолого-географической концепции этнической истории // Вопросы истории. 1974. № 12. С. 72.

Там же. С. 80.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 394.

Калесник С. В. Основы общего землеведения. С. 359.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 568.

Там же. Т. 21. С. 32.

Берг Л. С. Номогенез. Пг., 1922. С. 180–181.

Калесник С. В. Проблемы географической среды //Вестник ЛГУ. 1968.
№ 12. С. 91–96.

Калесник С. В. Проблемы географической среды //Вестник ЛГУ. 1968.
№ 12. С. 91–96

Будыко М. И. О причинах вымирания некоторых животных в конце плейстоцена //Изв. АН СССР. Сер. географическая. 1967. № 2. С. 28–36.

Дорст Ж. До того как умрет природа. М., 1968. С. 54–55.

Тьерри О. Избр. соч. М., 1937. С. 207–208.

Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе. М., 1941. С. 40.

Там же. С. 57.

Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. IV. М., 1939. С. 320.

Grousset R. Bilan de l'histoire. P. 33.

История дипломатии: В 5 т. /Под ред. В. А. Зорина, А. А. Громько. Т. 1. М., 1959. С. 269–271.

Берг Л. С. Номогенез. С. 180–181.

Калесник С. В. Основы общего землеведения. С. 455.

Савицкий П. Н. Географические особенности России (I). Прага, 1927.
С. 30–31.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край: В 3 т.
Т. 2. 1926. С. 582.

Грибанов Л. Н. Изменение южной границы ареала сосны в Казахстане
//Вестн. сельскохозяйственной науки (Алма-Ата). 1965. № 6. С. 78–86.

Рынков Ю. Г. Антропология и генетика изолированных популяций (Древние изоляты Памира).

Синха Н. К., Банерджи А. Ч. История Индии. М., 1954. С. 113–114.

Там же. С. 106–107.

Там же. С. 256.

Окладников А. П. История Якутской АССР: В 3 т. Т. 1. М.; Л., 1955.

Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М., Л., 1946. С. 113.

Сейбутис А. Палеогеография, топоника и этногенез //Изв. АН СССР. Сер. географическая. 1974. № 6. С. 40–53.

Козлов В. И., Покшишевский В. В. Этнография и география // Советская этнография. 1973. № 1. С. 9–10.

Саушкин Ю. Г. По поводу одной полемики //Вестник МГУ. 1965. № 6. С. 79–82. Ср.: Калесник С. В. Некоторые итоги новой дискуссии о «единой» географии //Изв. ВГО. 1965. № 3. С. 209–211.

Геохор — участок земной поверхности, однородный в своих экологических особенностях и отличающийся по этим особенностям от смежных участков.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период //Изв. ВГО. 1933. Т. 65. Вып. 5.

Морган Л. Г. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934. С. 146–163.

Окладников А. И. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. III (Глазковское время). М.; Л., 1955. С. 238–239.

Гумилев Л. Н. Хунну С. 147.

Haloun G. Zur Be-tsi +Frage /Zchr. Dtsch. Morgenland. Ges. (Uepzig).
1937. S. 306.

Мункуев Н. Ц. Заметки о древних монголах //Монголо-татары в Азии и Европе /Под ред. С. Л. Тихвинского. М., 1970.

В начале XX в. население Внешней Монголии равнялось 900 тыс.; но не более 3 млн. монголов обитало во Внутренней Монголии, на территории бывшего Тангутского царства и чжурчжэньской империи Кинь.

Гумилев Л. Н. Хунну. С. 66.

Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. С. 10–11.

Grousset R. Bilan de l'histoire. R 283–285.

Курьер ЮНЕСКО. 1975. Май.

Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель... С. 437–454.

Гумилев Л. Н. Изменения климата и миграции кочевников //Природа. 1972. № 4. С. 44–52.

Гордон Ч. Древнейший Восток в свете новейших раскопок. М., 1956.
С. 44–47.

Там же. С. 67.

Там же. С. 93.

Там же. С. 179–180.

Там же. С. 191–192.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Можно ли считать китайцев автохтонами бассейнов среднего и нижнего течения Желтой реки //Изв. ВГО. 1933. Т. 65. Вып. 7. С. 29–30.

Нестерук Ф. Я. Водное хозяйство Китая //Из истории науки и техники Китая /Отв. ред. И. В. Кузнецов и др. М., 1955. С. 6.

Зайчиков В. Т. Природные богатства Китая //Изв. АН СССР. Сер. географическая. 1954. № 6.

Lattimore O. Inner Asian Frontier of China. New York, 1940. P. 275.

Нестерук Ф. Я. Водное хозяйство Китая. С. 11.

Гумилев Л. Н. Китайская хронографическая терминология в трудах Н. Я. Бичурина на фоне Всемирной истории (предисловие) // Бичурин Н. Я. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Чебоксары. 1960. С. 648–649.

Нестерук Ф. Я. Указ. соч. С. 19.

Там же. С. 22–23.

Гумилев Л. Н. Китайская хронографическая терминология. С. 652.

Нестерук Ф. Я. Водное хозяйство Китая. С. 51.

Там же. С. 52.

Там же. С. 52–55.

Шнитников А. В. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария //Записки ГО. Т. XVI. М., Л., 1957. С. 220–221, 262.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель... С. 437.

Исаченко А. Г. Детерминизм и индетерминизм в зарубежной географии //Вестник ЛГУ. 1971. № 24. С. 90.

Ермолаев М. М. О границах и структуре географического пространства //Изв. ВГО. 1969. № 5. С. 401–427.

Подробнее см.: Гумилев Л. Н. Хунну. С. 171–173.

Жители квартала Фанар в Стамбуле, где жили потомки византийцев, пощаженных турками при взятии Константинополя в 1453 г., были вырезаны во время греческого восстания в 1821 г. в отместку за резню мусульман в Море.

Иностранцев К. А. Хунну и гунны //Труды туркологического семинария. Т. 1. Л., 1926.

Иордан. Происхождение и деяния гетов //Пер. Е. Ч. Скржинской. М., 1961. С. 91. Под «гетами» подразумеваются готы.

Гумилев Л. Н. Некоторые вопросы истории //Вестник древней истории. 1960. № 4.

Гумилев Л. Н. Истоки ритма кочевой культуры // Народы Азии и Африки. 1968. № 3.

Гумилев Л. Н. Хунну.

Кинжалов Р., Белов А. Падение Теночтитлана. Л., 1956. С. 130–136.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки.

Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства.

Раджпуты — потомки от смешанных браков саков, кушанов и эфталитов с аборигенами Инда (см.: Синха Н. К., Бенерджи А. Ч. Указ. соч. С. 114).

Grousset R. Histoire de l'Extreme Orient. Paris, 1929. P. 125.

История Индии в Средние века /Под ред. Л. Б. Алаева. М., 1968. С. 76–83.

Гумилев Л. Н. Величие и падение древнего Тибета //Страны и народы Востока /Под ред. Д. А. Ольдерогге. Вып. 8. М., 1969. С. 156–157.

Гумилев Л. Н. 1) Хунны в Китае. С. 234–235; 2) Древние тюрки. С. 10.

Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия // Советская этнография. 1969. № 6.

Четвериков С. С. О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики. М., 1926; Тимофеев-Ресовский Н. В. Микроэволюция //Ботанический журнал. 1958. № 3.

Формулировка принадлежит С. С. Четверикову и Н. В. Тимофееву-Ресовскому.

Алтухов Ю. П., Рынков Ю. Г. Генетический мономорфизм видов и его возможное биологическое значение //Журнал общей биологии. 1972. № 3. С. 282.

Там же. С. 296.

Калесник С. В. Общие географические закономерности Земли. М., 1970; Гумилев Л. Н. Место исторической географии в востоковедных исследованиях // Народы Азии и Африки. 1970. № 1.

Лем С. Модель культуры //Вопросы философии. 1969. № 8. С. 51.

Лобашев М. Е. Сигнальная наследственность //Исследования по генетике /Под ред. М. Е. Лобашева. Л., 1961.

Быстров А. П. Прошлое, настоящее, будущее человека. Л., 1957. С. 300.

Мы опускаем рассмотрение антидарвиновских концепций (сила инерции А. Додерлейна, ортогенез Т. Эймера, номогенез А. С. Берга, аристокенез Х. Осборна), так как механическое перенесение природных закономерностей общего характера на частный относительно всей фауны случай повлечет ошибки, хотя бы просто из-за несоразмерности масштабов; детали, имеющие значение при изучении эволюции в целом, при изучении одного вида на ограниченном отрезке времени оказываются либо весьма важными, либо не имеющими никакого касательства к предмету, в нашем случае — человечеству за последние 5 тыс. лет.

Быстров А. Л. Указ. соч. С. 299. — Хронология А. П. Быстрова требует уточнения. По новым данным C^{14} , кроманьонский человек в Европе имеет давность около 20 тыс. лет, а *Homo sapiens* в Северной Америке — около 37 тыс. лет (см.: Мочанов Ю. А. К вопросу о начальных эпохах заселения Нового Света // Доклады по этнографии ВГО. Вып. 4. Л., 1966. С. 34).

Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Основы антропологии.

Историю полемики до 1957 г. см.: Быстров А. П. Указ. соч. С. 277.

Дебец Г. Ф. О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида // Советская этнография. 1961. № 2. С. 9–23.

Цит. по: Дорст К. До того как умрет природа. С. 350.

Там же. С. 45.

Тьерри О. Избр. соч. С. 210.

Гумилев Л. Н. 1) Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии // Народы Азии и Африки. 1966. № 4. С. 85–94; 2) Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. 1967. № 1. С. 53–66.

Гумилев Л. Н. Этногенез и этносфера // Природа. 1970. № 2. С. 49–60.

Ефремов Ю. К. Важное звено в цепи связей человека с природой // Там же. 1971. № 2. С. 79.

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 163.

Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. С. 284–285.

Быстров А. П. Указ. соч. С. 292.

Дебец Г. Ф. О некоторых направлениях... С. 19–20.

Широкогоров С. М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений //Изв. восточного ф-та Дальневосточн. ун-та (Шанхай). 1923. XVIII. Т. I. С. 130.

Завадский К. М. Развитие эволюционной теории после Дарвина. Л., 1973. С. 223–225.

Там же. С. 225.

Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Указ. соч. С. 314.

Колебательное движение этноса — это переход от одного равновесного состояния к другому. Этот тип движения был известен в Древнем Китае, где его называли «законом превратности». В VI в. царица Да И из дома Чэн в элегии о своей печальной судьбе написала:

Гумилев Л. Н. Этнос как явление // Доклады отделений и комиссий ВГО. Вып. 3. Л., 1967. С. 106.

Цит. по: Конрад Н. И. Запад и Восток. С. 76.

Гумилев Л. Н. Этнос и категории времени // Доклады ВГО. Вып 15. Л., 1970. С. 143–157.

Козырев Н. А. Причинная механика и возможность экспериментального исследования свойств времени (рукопись).

Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. С. 135.

Обратная точка зрения высказана Джованни Джентиле: «В прошлые времена люди рождались, думали и трудились... но все они мертвы, подобно цветам, красотой которых они наслаждались, или листьям, которые зеленели у них на глазах весной и, желтея, осыпались осенью. Память о них живет, но мир воспоминаний, подобно миру фантазии, есть ничто; и воспоминание не лучше, чем мечта» (цит. по: Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной мысли. М., 1959. С. 155). Сказано красиво, но, увы, люди, участвующие в истории, — не цветы и не листья. Людям тяжелее, но зато они богаче и мудрее.

«Первичный элемент исторического мира — это переживания, в котором субъект находится в активном жизненном взаимодействии со своей средой» (цит. по: Кон И. С. Указ. соч. С. 112).

«Не существует абсолютных реальных причин, которые ждут, чтобы их открыли историки, пишущие на различных уровнях и с различных расстояний, с разными целями и интересами, в разных контекстах и с различных точек зрения» (цит. по: Кон И. С. Указ. соч. С. 192).

Об этих писал Анатоль Франс в «Острове пингвинов»: «Да разве мы пишем историю? Разве мы пытаемся извлечь из какого-нибудь текста, документа хоть малую крупицу жизни или истины? Мы просто-напросто издаем тексты. Мы придерживаемся буквы... Мысль не существует».

Ценность истории в том, что она дает знание «о человеческих существах, находящихся в обстоятельствах, чрезвычайно отличных от наших собственных, — не строго аналитическое научное знание, но нечто вроде того знания, какое любитель собак имеет о своей собаке» (цит. по: Кон И. С. Указ. соч. С. 176).

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 245.

Подробнее см.: Симонов П. В. Высшая нервная деятельность человека. Мотивационно-эмоциональные аспекты. М., 1975. С. 27–29

Там же.

Подробнее см.: Гумилев Л. Н. 1) Этногенез и этносфера //Природа. 1970. № 1. С. 46–56; № 2. С. 43–50; 2) Этногенез — природный процесс // Там же. 1971. № 2. С. 80–82.; 3) О соотношении природы и общества согласно данным исторической географии и этнологии //Вестник ЛГУ. 1970. № 24. С. 39–49.

Английский эквивалент термина drive (см.: Soviet Geography. 1973. Vol. XIV. № 5. P. 322).

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 176.

Там же. С. 165.

Там же. С. 99.

Гегель Ф. Соч.; В 14 т. Т. 8. М., 1935, С. 23.

Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 394.

Арриан. Поход Александра /Пер. М. Е. Сергиенко. М.; Л., 1962. II. 14.4; III. 18.12 — Далее сноски на это издание даются в тексте.

Эллинизмом принято называть культуры, возникшие вследствие походов Александра, где эллинские элементы смешались с восточными.

Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей, М., 1964. С. 132, 135.

Райцес В. И. Процесс Жанны д'Арк. М.; Л., 1954. С. 12. См. также:
Райцес В. И. Жанна д'Арк. Л., 1982.

Тьерри О. Избр. соч. М., 1937. С. 255.

См., напр.: Бромлей Ю. В. 1) К вопросу о сущности этноса // Природа. 1970. № 2. С. 51–55; 2) Этнос и этнография. М., 1973.

Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969. С. 56.

Пассионарное напряжение этноса — это количество имеющейся в этнической системе пассионарности, поделенное на количество персон, составляющих этнос.

См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 318.

В XIII в. — во время альбигойской войны; в XVI в. — гугенотских войнах и в XVII в. — из-за восстания камизаров.

Козлов В. И. Что такое этнос // Природа. 1971. № 2. С. 72.

Подробнее см.: Стеблин-Каменский М. И. Культура Исландии. С. 11.

Томский А. Король исландский //Природа и люди. 1912. № 13. С. 608–670. № 44. С. 684–686.

Богораз В. Г. Новые задачи российской этнографии в полярных областях //Труды Северной научно-промысловой экспедиции. Вып. 9. Пг., 1921. С. 20–21.

Гуковский М. А. Итальянские войны и Высокое Возрождение XVI в. (до 1559 г.) //Очерки истории Италии /Отв. ред. М. А. Гуковский. М., 1959. С. 125–152.

Ролова А. Д. Период испанского владычества (вторая половина XVI в. — XVIII в.) // Там же. С. 153–191.

Термин «action directe» практически непереводим. Он выражает непосредственность в проявлении импульса, в данном случае — пассионарного.

Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. VI, М., 1939. С. 347.

Там же. С. 348.

Тьерри О. Избр. соч. С. 193.

Рынков Ю. Г. Антропология и генетика изолированных популяций (Древние изоляты Памира). М., 1969; Алтухов Ю. П., Рычков Ю. Г. Популяционные системы и их структурные компоненты: генетическая стабильность и изменчивость //Журнал общей биологии. 1970. Т. XXXI. № 5. С. 507–526.

Приведенные здесь положения биологии — результат бесед автора с доктором биологических наук Б. С. Кузиным, которому я приношу благодарность за советы и разъяснения проблем сугубо специальных.

Акинщикова Г. И. Соматическая и психофизиологическая организация человека. Л., 1977. С. 94.

Там же. С. 99.

Симонов П. В. Высшая нервная деятельность человека. М., 1975.
С. 31–32.

Там же.

Поэты ухитрялись писать на двух-трех языках или на каких-то гибридных, включавших их элементы.

Терминология С. А. Арутюнова и Н. Н. Чебоксарова (см.: Арутюнов С. А. Чебоксаров Н. Н. Этнические процессы и информация // Природа. 1972. № 7. С. 58–63.

Мюллер А. История ислама: В 4 т. Т. 4. СПб., 1896. С. 228.

Химера — демон с головой льва, туловищем козы и хвостом дракона. В переносном смысле — сочетание элементов, органически не соединимых.

Артамонов М. И. Болгарские культуры северного и западного Причерноморья // Доклады ВГО. Вып. 15. Л., 1970. С. 12–13.

Вебер Г. Всеобщая история. 2-е изд.: В 15 т. Т. 2. М., 1894. С. 597.

Там же. С. 657.

Там же. Т. 4. М., 1898. С. 224.

Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения, (к соответствующим параграфам этого труда даются ссылки в тексте).

Там же. С. 283.

Спиридонов М. Н. На переднем крае космической науки //Природа. 1966. № 8. С. 112.

Сеченов И. М., Павлов И. П., Введенский Н. Е. Физиология нервной системы /Под ред. акад. К. М. Быкова. М., 1952. С. 142.

Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Основы антропологии. С. 465–468.

Гумилев Л. Н. Троецарствие в Китае // Доклады ВГО. Вып. 5. Л., 1968.

Семенов Ю. И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки // Вопросы истории. 1966. № 8.

Дебец Г. С. О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида // Советская этнография. 1961. № 2.

Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М., 1971. С 121.

Всего прослежено семь пассионарных толчков после н. э. и, судя по конечным фазам этногенеза, столько же — за предшествовавшие две тысячи лет (подробнее см. рис. 5 на С. 413).

Согласно М. М. Ермолаеву, описавшему околопланетные оболочки Земли, в ночное время, когда ионосфера становится тоньше, космические излучения способны достигать поверхности Земли. Вопрос о значении таких случайных ударов из Космоса остается подлежащим решению (см.: Ермолаев М. М. О границах и структуре географического пространства // Известия ВГО. Вып. 5. 1969).

Семевский Б. Н. Взаимодействия системы «человек — природа» // Природа. 1970. № 8; Куренной В. Н. Пассионарность и ландшафт // Там же; Рычков Ю. Г. Антропология и генетика изолированных популяций (Древние изоляты Памира). М., 1969; Алтухов Ю. П., Рычков Ю. Г. Популяционные системы и их структурные компоненты: генетическая стабильность и изменчивость // Журнал общей биологии. 1970. Т XXXI. № 5. С. 507–526.

Вернадский В. И. Указ. соч. С. 272.

Трусов Ю. П. Понятие о ноосфере //Природа и общество /Отв. ред. М., 1968. С. 37–38.

Калесник С. В. 1) Проблема географической среды //Вестник ЛГУ. 1968. № 12. С. 91–96; 2) Еще несколько слов о географической среде // Известия ВГО. 1966. № 3. С. 247–250.

Ефремов Ю. К. Ландшафтная среда нашей планеты //Природа, 1966.
№ 8.

Оценку предлагаемого подхода см.: Вопросы философии. 1971. № 1. С. 158.

Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории //Соч.: В 24 т. Т. 8. М.; Л.; 1923. С. 273–306.

Калесник С. В. Общие географические закономерности Земли.

Исаченко А. Г. Детерминизм и индетерминизм в зарубежной географии //Вестн. ун-та. 1971. № 24. С. 85–96; 1972. № 6. С. 85–95.

Плеханов Г. В. О материалистическом понимании истории //Соч. Т. 8. С. 254–255.

Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории. С. 298.

Гумилев Л. Н. 1) Древние тюрки; 2) Хунну; 3) Поиски вымышленного царства.

Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории. С. 294.

Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М., 1981.

Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы /
Отв. ред. О. П. Литовка. Л., 1984.

Гумилев Л. Н. Биосфера и импульсы сознания //Природа. 1978. № 12. С. 97–105.

Иванов К. П. Механизм этногенеза — инструмент исследователя этнокультуры //Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана /Отв. ред. Р. Сулейманов. М., 1983. С. 79–80.

Данные по географии пассионарных толчков уточнялись К. П. Ивановым (см.: Гумилев Л. Н., Иванов К. П. Этносфера и космос // Космическая антропоэкология: техника и методы исследований. Материалы Второго Всесоюзного совещания по космической антропоэкологии. Л., 1984).

Там же. Автор выражает глубокую признательность К. П. Иванову за помощь в подготовке рис. 5 и 6 и описаний к ним.

Гумилев Л. Н. Гуманитарные и естественнонаучные аспекты исторической географии //Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы. С. 42–57.

Вернадский В. И. Химическое строение Земли и ее окружения. С. 135.

Здесь и ниже высказывания идеалистических философов Запада приводятся по кн.: Кон И. М. Философский идеализм и кризис буржуазной мысли. М., 1939. С. 156. — Далее отсылки к этой книге даются в тексте.

Jaspers K. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. Zurich, 1949.

По существу, К. Ясперс выделил факт, который он понял как появление особой породы людей, обретших способность к интеллектуальному развитию в отличие от прочих, которые остались на уровне полуживотных «примитивов». Он уловил сходство акматических фаз этногенеза, но пренебрег историко-географическим разнообразием разных регионов.

Дуглас У. О. Трехсотлетняя война. Хроника экологического бедствия. М., 1975. С. 153.

Там же. С. 33.

Там же. С. 153.

Цит. по: Дорст Д. До того как умрет природа. С. 45.

Гумилев Л. Н. Этногенез в аспекте географии //Вестник ЛГУ. 1970.
№ 12. С. 89.

Варанги (по-русски — «варяги») — иностранцы, нанятые на военную службу.

Подробнее см.: Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. С. 229–304.

История стран зарубежной Азии в Средние века /Под ред.
А. М. Голдобина. М., 1970. С. 207.

Васильев В. П. История древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. СПб., 1857. С. 227.

Христианскую общину рассматривали в разных аспектах: как социальное движение рабов, как секту, как образование «внутреннего пролетариата» (А. Тойнби). Мы предлагаем этнологический аспект, освещающий проблему с иной стороны.

Зелинский Ф. Ф. Соперники христианства. СПб., 1910; Николаев Ю. В поисках за божеством. СПб., 1913.

Моммзен Т. История Рима: В 4 т. Т. 5. М., 1949. С. 440.

Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969. Табл. 12.

Моммзен Т. История Рима. Т. 3. М., 1941. С. 440.

Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. М., 1947. С. 71.

История Византии: В 3 т. /Под ред. С. Д. Сказкина. Т. 1. М., 1967. С. 168.

Македоний учил, что Дух Святой не лицо Троицы, а сотворен.

Martial R. Vie et Constance des Races. Paris, 1939. P. 80.

Об этом прекрасно написал О. Тьерри в «Рассказах из времен Меровингов». Он показал, что бывает, «когда земля лежит под паром».

Дорст Ж. До того как умрет природа. С. 39.

Подробнее см.: Шевеленко А. Я. К типологии генезиса феодализма // Вопросы истории. 1971. № 1. С. 97–107.

Литература вопроса весьма обширна, но нужные сводные данные можно почерпнуть в следующих книгах: Диего де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане, 1566 г. /Пер., вводная статья и примечания Ю. В. Кнорозова. М.; Л., 1955; Инка Гарсиласо де ла Вега. История государства инков /Пер. В. А. Кузмищева; Под ред. Ю. В. Кнорозова. Л., 1974 и мн. др. Полезное, хотя и неполное, обобщение см.: Стингл М. Индейцы без томагавков. М., 1971.

Героические чанки в этом зеленом аду уцелели. Их потомки обнаружены в верховьях Амазонки после написания этих строк.

Башилов В. А. Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972.
С. 196–197.

См.: Аверкнева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974. С. 172.
— Попытка опровергнуть эту концепцию путем привлечения данных археологии не убедительна по характеру аргументации (см.: Там же. С. 174–176).

Паркс Г. История Мексики. М., 1949. С. 93.

Там же. С. 102–103.

Там же. С. 97.

Там же. С. 123.

Гумилев Л. Н. 1) Троецарствие в Китае // Доклады ВГО. Вып. 5. Л., 1967. С. 107–127; 2) Хунны в Китае. С. 235.

См.: Лозинский С. Г. Роковая книга средневековья //Монахи Я. Шпренгер и Г. Инститорис. Молот ведьм /Пер. с лат. Н. Цветкова. М., 1932. С. 8–9.

Эдикт Ротара 643 г. запрещал верить в стриг или ламий (вампиров) и не допускал «убийства женщин, обвиненных в колдовстве, безумцами» (Там же).

Первый саксонский капитулярий 787 г. (Там же).

Орлов М. А. История сношения человека с дьяволом. СПб., 1904. С. 183–184. — Эта книга, вопреки заглавию, модному для эпохи издания, представляет собой вполне серьезное исследование по средневековому фольклору.

Лозинский С. Г. Роковая книга Средневековья. С. 10.

Орлов М. А. Указ. соч. С. 132, 135.

Там же. С. 134.

Там же. С. 183.

Поскольку все этносы подвержены энтропийному процессу рассеивания энергий — пассионарности, то слово «отсталость» означает, что этнос еще достаточно богат этой энергией, подобно тому как горячий предмет еще не успел остыть.

Под силами природы здесь подразумеваются грандиозные изменения ландшафта. Например, трансгрессия моря, извержение вулкана на острове, вековая засуха, эпидемия, вызванная новорожденным или занесенным вирусом, и т. п.

Замбарт В. Буржуа. М., б.г. С. 7–9. — Дальнейшие ссылки на это издание даются в тексте.

Цит. по: Дуглас У. О. Трехсотлетняя война. С. 161.

Гумилев Л. Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в Средние века // Вестник ЛГУ. 1966.

Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. С. 12, 115–117.

Гумилев Л. Н. Хунну.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки.

Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства.

Воробьев М. В. Этнос в Средние века (на материале этногенеза чжурчжэней) // Доклады отделений и комиссий Всесоюзного Географического общества СССР. Вып. 3. 1967. С. 58–73.

Начиная с VII в. до н. э. в Вавилоне сменился даже язык — вошел в употребление арамейский, на котором говорили в Сирии. Очень велика была прослойка евреев, приведенных в Вавилон Навуходоносором; многие из них после прекращения плена не смогли доказать свое иудейское происхождение и остались в Вавилоне. Вавилон в VI в. до н. э. превратился из столицы моноэтничного Аккада в урбанистическую агломерацию (зону этнического контакта) (см.: Белявский В. А. Этнос в древнем мире // Доклады отделений и комиссий Всесоюзного Географического общества СССР. Вып 3. 1967, С. 24–27).

Белявский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М. 1971. С. 96–97, 174.

Там же. С. 298–299.

Конрад Н. И. Запад в Восток. С. 119–151.

Фирдоуси. Шах-Наме: В 2 т. /Под ред. Д. Е. Бертельса. Т. 1. М., 1963. Т. 2. М., 1962. См.: Османов М. Н. Фирдоуси. Жизнь и творчество. М., 1969.

Маньчжуры, этнос тунгусской группы, начали завоевание Китая в 1644 г., закончили в 1683 г., чем прекратили самостоятельное существование китайского национального государства. Вплоть до 1911 г. Срединная равнина, которую мы называем Китай, была провинцией Маньчжурии, а народ, там живший, — китайцы — бесправен и угнетен. Считать династию Цинь китайской, как постоянно делается, нет оснований.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 346–348; Жирмунский В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М., 1960; Малчи-Мерген: Алтайский героический эпос /Подготовил Н. У. Улагашев. 1947; Улагашев Н. Алтай-Бучай. Новосибирск, 1941; Граф А., Кучияк П. Алтайские сказки. М., 1939.

Гумилев Л. Н. Алтайская ветвь тюркок-тугю // Советская археология. 1959: № 1. С. 105–114.

Подробнее см.: Гумилев Л. Н. Этнос и категория времени // Доклады Всесоюзного Географического общества СССР. Вып. 15. 1970. С. 143–155.

Вайдя С. Острова, залитые солнцем // На суше и на море. М., 1968. С. 325–351.

Там же. С. 326.

Там же. С. 346, 350.

Вебер Г. Очерк научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории //Всеобщая история. 2-е изд.: В 15 т. Т. 9. М., 1896. С. XX.

Вернадский В. И. Химическое строение Земли и ее окружения. № 135.

Simon G. Die Achse der Weltgeschichte nach Karl Jaspers. Roma, 1965. S. 184.

Jaspers K. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. Zurich, 1949.

См.: напр, Будыко М. И. О причинах вымирания некоторых животных в конце плейстоцена //Изв. АН СССР. Сер. географическая. 1967, № 2. С. 28–36.

Вот выдержка из письма испанского капитана Себастьяна Бискайно к другу, опубликованного перехватившими его англичанами: «За последние двадцать лет (писано в начале XVII в. — Л. Г.) на (Филиппинские. — Л. Г.) острова приехало четырнадцать тысяч испанцев. Живы из них только тысяча. Остальные умерли от болезней, погибли в сражениях или по другим причинам» (цит. по: Можейко И., Седов Д., Тюрин В. С крестом и мушкетом. М., 1966. С. 160). А сколько испанцев гибло в Америке, Нидерландах и на Средиземном море от алжирских корсаров! А ведь большинство конкистадоров были добровольцы, т. е. люди описанного нами склада, потому что другие предпочитали сидеть дома и платить налоги, что весьма одобрялось испанским правительством.

Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. № 200. С. 272. Примечание.

Там же. С. 283.

Тюменев А. Евреи в древности и в Средние века. Пг., 1922. С. 135 и след.

Николаев Ю. В поисках за божеством. Очерки истории гностицизма. СПб., 1913.

См.: Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 427–428, 432.

Осокин Н. Первая инквизиция и завоевание Лангедока французами.
Казань, 1872.

Чаттерджи С., Датта Д. Введение в индийскую философию. М., 1955.
С. 130–134.

Лозинский С. Роковая книга средневековья //Монахи Я. Шпренгер и Г. Инститорис. Молот ведьм /Пер. с лат. П. Цветкова. М., 1932. С. 31.

Эдди Дж. История об исчезнувших солнечных пятнах //Успехи физических наук. 1978. Т. 125. Вып. 2. С. 315–329.